

БИБЛИОТЕКА

ТВОРЕНІЙ СВ. ОТЦЕВЪ И УЧИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ ЗАПАДНЫХЪ

издаваемая при Кіевской Духовной Академіи.

КНИГА 7.

Творенія блаженнаго Августина
Епископа Иппонійскаго.

ЧАСТЬ 1.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго (бывш. Давиденко).

1880.

ТВОРЕНІЯ

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА

Епископа Иппонійскаго.

ЧАСТЬ 1.

К І Е В Ъ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго (бывшая Давиденко).

1880.

Изъ журнала „Труды Кіевской Духовной Академіи“, за 1866, 1867
и 1868 гг.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
С О С Р
им. В. И. Ленина

7524-63

2007237096

Жизнь и творенія блаженнаго Августина, Епископа Иппонійскаго.

Аврелій Августинъ родился въ Нумидійскомъ городѣ Тагасть, въ 354 году, отъ родителей христіанъ и благородныхъ по званію. Отецъ его, Патрикій, былъ въ числѣ оглашенныхъ почти въ продолженіи цѣлой жизни своей и принялъ св. крещеніе не задолго до своей смерти. Кажется, его образъ мыслей и правила жизни не отличались истинно христіанскимъ духомъ. Но мать Августина, Моника, глубоко проникнута была евангельскою вѣрою и свято хранила евангельскія заповѣди. И такъ подъ вліяніемъ неодинаковыхъ наставленій, правилъ и примѣровъ, юный Августинъ воспитывался въ родительскомъ домѣ. Мать желала перелить въ него духъ своей вѣры и благочестія; отецъ заботился только о томъ, какъ удобнѣе и блистательнѣе устроить будущее положеніе сына своего въ обществѣ. Любовь материнская не отвергала такихъ видовъ и заботъ отцовскихъ: она желала всякаго добра сыну; но не могла не ощущать вреда тѣхъ мѣръ, какія принимались иногда для достиженія общежелаемой цѣли. Посему, что радовало отца, то нерѣдко глубоко огорчало мать. Она открывала сыну

свои чувства, но пылкое дитя, любя мать, охотнѣе однакоже пользовалось попущеніями отца и скоро ступило на путь самый опасный для юности. Моника только молилась за сына, горько плакала въ тиши, но надѣялась на Бога: ея оружіе, слезы и молитва, доставятъ ей самое счастливое торжество, но—чрезъ не малое время и послѣ тяжкихъ и трудныхъ испытаній.

Въ первыхъ лѣтахъ юности бл. Августинъ обнаруживалъ удивительную понятливость и остроту ума. И религіозное чувство было въ немъ живо и свѣтло, такъ что, заболѣвши однажды, онъ самъ просилъ крещенія, и благочестивая мать его приготовила уже все для совершенія таинства; но опасность миновала, и таинство было отложено до позднѣйшаго времени *). При рѣдкихъ дарованіяхъ, юный Августинъ не охотно однакоже принимался за ученіе и чувствовалъ какое-то отвращеніе отъ школьныхъ занятій. Самъ онъ, въ воспоминаніяхъ о своемъ дѣтствѣ, хотя приписываетъ это своей лѣности, но вмѣстѣ съ тѣмъ жалуется, съ одной стороны, на сухость уроковъ, съ другой—на суету побужденій, которыми родители и наставники старались заохотить дѣтей къ ученію **). Но хуже всего, по замѣчанію самаго же Августина, въ образѣ воспитанія юношества было то, что никто не наблюдалъ за чистотою жизни воспитанниковъ: напротивъ, сами наставники, заставляли дѣтей изу-

*) Confessionum liber 1, cap. 11.

**) Confes. Lib. 1, cap. IX, X, XIII.

чать трогательнѣйшія, по ихъ понятію, мѣста изъ поэмъ, наполняли души ихъ образами нечистыми *). Поэтому не много пользы получилъ юный Августинъ въ первой школѣ воспитанія своего и хотя вышелъ изъ нея самымъ лучшимъ ученикомъ, но ни умъ, ни сердце его не получили надлежащаго направленія.

Между тѣмъ отецъ его началъ заботиться о средствахъ отправить сына, для окончанія воспитанія, въ Карфагенъ. По ограниченности состоянія ему не легко было это сдѣлать, однакожъ онъ ни за что не хотѣлъ отказаться отъ своего намѣренія. „Кто не превозносилъ тогда отца моего“, говоритъ бл. Августинъ, „за то, что онъ ничего не щадилъ для моего образованія! Но—онъ не хотѣлъ обращать вниманія на мое нравственное состояніе, на чистоту моей жизни. Онъ одного только желалъ, чтобъ я былъ краснорѣчивъ; а между тѣмъ на 16 году моего возраста, оставаясь совершенно празднымъ, я почувствовалъ въ себѣ силу страстей и не имѣлъ руки, отъ нихъ охраняющей“. Отецъ любовался даже пылкію юноши, только мать со слезами убѣждала его хранить непорочность души и тѣла. Но совѣты матери казались ему женскою боязливостію и онъ стыдился имъ слѣдовать. Среди сверстниковъ, съ хвастовствомъ рассказывавшихъ о своихъ порокахъ, какъ о какихъ нибудь подвигахъ, и отличавшихся готовностію на всякое дурное дѣло, онъ могъ краснѣть не за пороки, а за добродѣтель,

*) Lib. 1, cap. XVI—XIX.

и потому старался даже превзойти ихъ тѣмъ^ъ постыднымъ удалствомъ, которое часто такъ много цѣнится въ кругу своевольнаго юношества. Словомъ, годъ приготовления своего къ поступленію въ Кареагенскую школу Августинъ провелъ не только безъ всякой пользы для себя, но и съ большимъ вредомъ для своей нравственности *).

Наконецъ его отправили въ Кареагенъ. Тамъ, съ успѣхами въ наукахъ, онъ еще болѣе успѣвалъ развивать свои страсти. Театръ сдѣлался любимымъ мѣстомъ его удовольствій, а обольщеніе—мнимою потребностію души и сердца. „У меня былъ“, говоритъ онъ, „внутренній гладъ пищи духовной, но я алкалъ не тѣмъ голодомъ, ибо искалъ не пищи нетлѣнной“. Онъ думалъ насытиться благами ближайшими. Впрочемъ, скоро опытомъ извѣдавъ ихъ пустоту, онъ сталъ искать мудрости. Случайно прочитавъ твореніе Цицерона: *Гортензій*, въ которомъ заключалось убѣжденіе къ любознательности, онъ почувствовалъ отвращеніе отъ прежнихъ пустыхъ занятій своихъ и съ жаромъ приступилъ къ новому предмету любознательности. Только ему прискорбно было, что онъ не могъ встрѣтить въ книгѣ своей имени Іисуса Христа, которое научился любить съ самаго ранняго дѣтства, подъ руководствомъ благочестивой матери своей. Вотъ почему онъ немедленно обратился къ чтенію св. Писанія. Но не умѣя проиикать во глубину его смысла, онъ не находилъ въ немъ удовлетворительной пищи уму своему: Ци-

*) Confes. Lib. II.

церонъ былъ такъ изященъ, краснорѣчивъ, а Писаніе говорило такъ просто, положительно и, казалось ему, даже грубо. Жажда истины, не познанной въ источникѣ ея, заставила Августина обратиться къ философамъ. Эти тщеславные люди, воспоминаетъ онъ, только распѣвали о философіи и говорили: истина, истина! а проповѣдывали одну ложь. „О истина, истина! какъ искренно стремился къ тебѣ духъ мой всякой разъ, когда они толковали о тебѣ на словахъ, или въ огромныхъ книгахъ!“ Бл. Августинъ разумѣетъ здѣсь манихеевъ, которые увлекли его тогда въ свою ересь. Случай къ обольщенію молодаго и неопытнаго ума былъ самый удобный. Въ борьбѣ со страстями Августинъ не могъ объяснить себѣ враждебнаго начала въ своей природѣ: чѣмъ больше преобладали въ немъ чувственныя пожеланія, тѣмъ рѣзче онъ противопологалъ ихъ чисто духовнымъ, и въ его понятіи все плотское сдѣлалось не только отличнымъ отъ духовнаго, но и противоположнымъ и враждебнымъ оному. Посему, читая Ветхій Завѣтъ и встрѣчая тамъ образность ученія о Богѣ и служенія Ему, онъ получилъ уже предубѣжденіе противъ св. Писанія: и древній законъ Божій человѣку казался ему слишкомъ несовершеннымъ, и жизнь св. Патриарховъ слишкомъ плотскою, и проч. Не удивительно послѣ этого, что онъ скоро предался манихеямъ, которые смѣло разрѣшили ему коренные вопросы его, указывая на два вѣчныя начала добра и зла и объявляя Ветхій Завѣтъ произведеніемъ начала послѣдняго. На первый разъ успокоивалась этимъ со-

вѣсть юноши, а разумъ его еще ожидалъ и надѣялся обильной пищи въ фантастическихъ мудрованіяхъ еретиковъ. И такъ Августинъ, ища истины, впалъ въ грубыя заблужденія и сдѣлался ревностнымъ манихеемъ *).

Все терпѣливо сносила любящая мать его (отецъ Августина скончался вскорѣ послѣ отправления его въ Карфагенъ), но ереси не могла стерпѣть въ нѣжнолюбимомъ сынѣ своемъ: она отказалась имѣть съ нимъ всякое общеніе и проводила горькіе дни въ непрестанныхъ слезахъ о гибели чада своего и въ молитвахъ о его обращеніи. Однажды, послѣ обильныхъ молитвенныхъ слезъ, она заснула и во снѣ увидѣла предъ собою свѣтлый образъ юноши, который съ участіемъ спрашивалъ ее о причинѣ горести. „Оплакиваю погибель сына моего“, отвѣчала она. Юноша, желая успокоить ее, возразилъ, что сынъ ея съ нею и приказалъ ей обратиться и посмотреть около себя. Мать обратилась и увидѣла подлѣ себя сына. Это сновидѣніе почла она добрымъ пророчествомъ и спѣшила рассказать его сыну. „Чтожь“, спокойно отвѣчалъ Августинъ, „это значить, что и ты скоро будешь тамъ, гдѣ теперь я“. Нѣтъ, нѣтъ, сынъ мой, возразила мать: не я около тебя явилась, а ты около меня; стало быть, гдѣ теперь я, тамъ будешь ты. И съ тѣхъ поръ она опять начала раздѣлять съ нимъ трапезу. Однакожь время текло, а сынъ не обращался. Все, что могла дѣлать для него мать, дѣлала съ необыкновеннымъ

*) Conf. Lib. III, cap. I—VI.

усердіемъ и постоянствомъ; но, казалось, ни въ чемъ не успѣвала. Наконецъ она рѣшилась просить епископа о вразумленіи заблудшаго; но епископъ не соглашался на это, говоря, что Августинъ, недавно приставшій къ еретикамъ, еще не способенъ теперь вразумиться истиною. Оставь его, говорилъ онъ, со временемъ онъ самъ увидитъ грубость заблужденія своего и отвергнетъ его. Въ доказательство, епископъ указывалъ на себя, какъ на примѣръ подобнаго обращенія, ибо въ молодости и онъ зараженъ былъ манихействомъ. Когда же мать, не успокоенная такимъ предвѣщаніемъ, со слезами приступила вновь къ опытному старцу и умоляла его призвать къ себѣ Августина и мудрою бесѣдою направить на путь истины; тогда епископъ, какъ бы съ нѣкоторымъ укоромъ, сказалъ ей: „ступай и живи, какъ живешь! невозможно, чтобы чадо такихъ слезъ погибло!“ Этотъ послѣдній отвѣтъ, вмѣсто огорченія, произвелъ отрадное дѣйствіе на сердце матери: ей казалось, что это былъ для ней отвѣтъ самаго неба *).

Окончивъ курсъ воспитанія своего, Августинъ возвратился въ Тагастъ и тамъ началъ учить грамматикѣ и риторикѣ. Мало по малу начали представляться случаи, пробуждавшіе его отъ усыпленія въ ереси. Между многими друзьями его былъ одинъ опытный и престарѣлый врачъ, который хорошо зналъ науки естественныя и любилъ разсуждать съ Августинѣмъ о разныхъ предметахъ. Однажды

*) Conf. Lib. III, cap. XI—XII.

коснулись они астрологии, которая такъ нравилась послѣдователю Манеса, потому что книги манихейскія наполнены были баснями о небѣ и звѣздахъ, о солнцѣ, о лунѣ и проч. Ученый врачъ сталъ отечески убѣждать молодаго друга своего оставить басни обманщиковъ и не тратить времени на такія занятія, пустоту которыхъ онъ извѣдалъ собственнымъ опытомъ. Августинъ хотя и не довѣрялъ такимъ предостереженіямъ, однакожъ невольно охладѣлъ къ фантастическому мистицизму. Далѣе, одинъ изъ друзей его, имъ же увлеченный въ манихейство, опасно заболѣлъ и былъ крещенъ въ состояніи безпамятства, но когда пришелъ въ сознаніе и услышалъ насмѣшки друга надъ такого рода крещеніемъ, то съ негодованіемъ прервалъ его шутки и съ благоговѣніемъ заговорилъ о спасительномъ таинствѣ: пораженный удивленіемъ, Августинъ оставилъ споръ до времени выздоровленія больного, но другъ его умеръ и—съ самою искреннею вѣрою въ православную Церковь. Случай этотъ заставилъ Августина размышлять о многомъ. И самъ онъ, читая философовъ, любилъ сравнивать ихъ ученіе съ своимъ (манихейскимъ), и первое казалось ему во многихъ отношеніяхъ лучше послѣдняго. Но вотъ со дня на день ожидали въ Кареагенъ епископа манихейскаго Фавста, который славился особенною ученостію и мудростію между своими единопослѣдователями. Никто такъ не желалъ видѣть его и бесѣдовать съ нимъ, какъ Августинъ: многое имѣлъ онъ предложить на рѣшеніе такому мужу, отъ котораго ожидалъ многого. Ибо какъ, выше за-

мѣчено, манихейство на первый разъ только мнимо успокоивало совѣсть его, а не умъ, пищи для котораго онъ еще ожидалъ въ новомъ ученіи, не находя ея пока по недостатку людей, какъ представлялось ему, хорошо знающихъ дѣло. Уже девять лѣтъ протекло отъ совращенія Августина въ манихейство, но желаемого случая ему не являлось. Наконецъ Фавстъ пріѣхалъ, и Августинъ поспѣшилъ къ нему. Что же?—Онъ нашелъ его ниже себя по познаніямъ: еретикъ имѣлъ только природный даръ говорить пріятно и увлекательно, но оказался почти безъ всякаго образованія, такъ что самъ долженъ былъ сознаться въ невѣжествѣ своемъ. Тогда открылось, что ученіе Манеса, облеченное въ такую таинственность, увлекало только людей легковѣрныхъ, между которыми не было ни одного здраваго мыслителя. Собесѣдники Фавста, старавшіеся поправить дѣло, выказывали еще яснѣе свое невѣжество и недѣльность признаваемого ими ученія. Съ этой поры Августинъ началъ питать сильное и сознательное недовѣріе къ манихейству: въ душѣ онъ уже не былъ манихеемъ *).

Немного спустя послѣ этого, онъ рѣшился отправиться въ Римъ, и уѣхалъ туда тайно отъ матери, не хотѣвшей разставаться съ сыномъ. Къ этому путешествію располагали Августина нѣкоторые житейскіе расчеты, а не желаніе и надежда обрѣсти истину. Въ Римѣ онъ остановился у одного манихея, но по духу не былъ ему едивовѣрнымъ.

*) Conf. Lib. IV, cap. 1—VIII, Lib. V, cap. I—VII.

Умъ Августина сталъ теряться въ недоумѣнiяхъ, безъ упованiя—найти что нибудь положительно-истинное и неизмѣнно-твердое. О Церкви православной, по сильному противъ нее предубѣжденiю, онъ не хотѣлъ и думать. Изъ всего, что онъ узналъ въ манихействѣ, одни возраженiя противъ Ветхаго Заветъа оставались для него сильными. То была пора чистаго скептицизма для Августина, и хотя онъ, по собственному признанiю, не довольно читалъ древнихъ философовъ—академиковъ, однакожь чувствовалъ, что совершенно согласенъ съ ними. Въ такомъ состоянiи духа былъ онъ въ Римѣ, когда представился ему случай отправиться въ Медиоланъ, откуда пришли тогда посланные съ прошенiемъ къ префекту римскому указать имъ хорошаго наставника въ краснорѣчiи для Медиолана. Желая избавиться отъ учениковъ римскихъ, неблагодарныхъ своему учителю, Августинъ спѣшилъ воспользоваться случаемъ и лично объявилъ свое желанiе префекту, который и устроилъ дѣло по его желанiю. Воспомявъ объ этомъ происшествiи, онъ самъ видитъ въ немъ ясныя слѣды безвозвратно—благаго Провидѣнiя, не оставлявшаго грѣшника на пагубномъ пути его. Въ Медиоланѣ должно было совершиться обращенiе Августина къ истинной вѣрѣ; но онъ отправлялся туда, нисколько не думая объ этомъ. Думала, и молилась, и плакала за него покинутая мать его, у которой надежда на обращенiе сына благодатию Божiею сдѣлалась единственною отрадою, утѣшенiемъ, жизнью *).

*) Conf. Lib. V, cap. VIII—XII.

Въ Медіоланѣ святительствовадь тогда св. Амвросій: вотъ пастырь, которому суждено было присоединить заблудшую овцу къ стаду Христову. „Ты вель меня къ нему, Боже мой“, взываетъ бл Августинъ, „безъ моего сознанія, для того, чтобъ онъ привелъ меня къ Тебѣ съ моимъ сознаніемъ“. Отечески принялъ его на первый же разъ великій Святитель и тѣмъ внушилъ ему къ себѣ любовь и довѣренность. Впрочемъ Августинъ смотрѣлъ на св. Амвросія, какъ на человѣка благопривѣтливаго, но ничего не ожидалъ отъ него, какъ отъ благовѣстителя истины. Скоро сталъ онъ слушать его поученія, но обращалъ все вниманіе на слова, а не на смыслъ проповѣди: казалось, разъ и навсегда для него рѣшено было, что истины никто сказать не можетъ, тѣмъ болѣе — епископъ православной Церкви; но опытному ритору хотѣлось послушать краснорѣчія такого мужа, о которомъ слава гремѣла повсюду и котораго дружбы искали самые цари. Между тѣмъ, со словами неволью проникала въ душу и самая истина: по крайней мѣрѣ Августинъ, не замѣчая того, сроднился съ нею, и хотя ему надлежало пройти еще долгій и болѣзненный путь обращенія, но новый періодъ духовной жизни начинался для него именно съ этого времени. Послушаемъ исповѣдь самаго обращеннаго, особенно замѣчательную въ этомъ случаѣ: „когда я такимъ образомъ“, говоритъ онъ, „старался внимать не тому, о чемъ училъ онъ, но—какъ училъ (ибо я уже рѣшительно отчаялся найти путь къ Тебѣ, Боже мой!); тогда вмѣстѣ со словами, которыя мнѣ

нравились, проникали въ душу мою и самые предметы рѣчи, о которыхъ я не заботился. Открывая сердце для краснорѣчія его, я мало по малу начиналъ ощущать и силу истины. И во первыхъ, мнѣ представилось, что вѣра каеолическая, за которую, по прежнему мнѣнію моему, ничего нельзя было сказать противъ возражающихъ манихеевъ, можетъ быть доказана и по разуму: такъ особенно сталъ сознавать я, когда образы Ветхаго Завѣта одинъ за другимъ разрѣшались (проповѣдникомъ); ибо сіи-то образы и убивали меня духовно, когда я понималъ ихъ буквально. Прослушавши изъясненіе многихъ мѣстъ изъ книгъ В. Завѣта, я началъ освобождаться отъ того отчаянія, въ которомъ былъ прежде, касательно достоинства закона и Пророковъ, т. е., я переставалъ вѣрить, что порицателямъ ихъ нельзя ничего противопоставить равносильнаго. Впрочемъ это не значить, чтобъ я рѣшался уже принять каеолическую вѣру; ибо и она (думалъ я) могла имѣть ученыхъ толкователей своихъ, которые въ состояніи говорить много и разумно противъ возраженій на нее; но по этому еще нельзя было осуждать того, чего я держался, ибо доказательства съ той и другой стороны могли быть равносильны. Такъ образомъ я не считалъ уже православной вѣры побѣжденною, но еще не признавалъ ее и побѣдительницею. За то я сталъ напрягать всѣ силы ума, чтобы найти непреложныя доказательства противъ лживости манихейской. И если бы я могъ тогда понимать духовную субстанцію (сущность), то всѣ ихъ ухищренія тотчасъ бы рушились и

навсегда изверглись изъ души моей; но я не могъ еще достигнуть этаго. Впрочемъ, что касается до міра и всякой чувственной природы, объ этомъ я находилъ много больше вѣроятнаго у философовъ, когда прилежно размышлялъ, читая и сличая ихъ ученія. Кончилось же пока тѣмъ, что сомнѣваясь во всемъ подобно академикамъ, я рѣшился только совершенно оставить манихеевъ и быть въ такомъ состояніи, въ какомъ находился у родителей въ дѣтствѣ, то есть, оглашеннымъ православной Церкви, до тѣхъ поръ, пока что нибудь не откроетъ мнѣ пути вѣрнаго и несомнѣннаго *).

Въ этому времени прибыла въ Медиоланъ мать Августина, переплывшая море и протекшая долгій путь по сушѣ для сына. Когда она услышала отъ него, что онъ уже не манихей, хотя еще и не православный; то не показала удивленія, какъ будто это для нея не было нечаянностію; впрочемъ возрадовалась и удвоила молитвы ко Господу о всецѣломъ обращеніи сына своего. Она лучше Августина видѣла, какъ Господь ведетъ его къ истинѣ, и говорила ему съ необыкновенною увѣренностію, что дотолѣ не умретъ, пока не увидитъ его сыномъ православной Церкви. На св. Амвросія она взирала, какъ на Ангела Божія, и приобрѣла взаимное уваженіе отъ него. Самъ же Августинъ болѣе всего желалъ сблизиться съ Амвросіемъ, чтобы подробнѣе побесѣдовать съ нимъ о предметахъ, занимавшихъ его душу. Но, къ сожалѣнію, у Святителя не было удобнаго для сего времени, при

*) Conf. Lib. V, cap. XIII—XIV.

множествѣ разнородныхъ его занятій. Двери дома его ни для кого не бывали затворены; но, входя къ нему свободно во всякое время, посѣтители часто удалялись, не смѣя прерывать или его занятій по управленію, или духовныхъ его упражненій въ молитвѣ, размышленіи и чтеніи Писанія, или кратковременнаго отдыха послѣ продолжительныхъ трудовъ. Такъ было и съ Августиномъ. Но, не находя случая бесѣдовать со Святителемъ, онъ тѣмъ прилежнѣе сталъ слушать его въ храмѣ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, и мудрыя бесѣды пастыря болѣе и болѣе разсѣивали несправедливыя предубѣжденія его противъ Церкви. Когда слово проповѣдника коснулось однажды сотворенія челоуѣка по образу и подобію Божию; тогда Августинъ живѣе, чѣмъ когда, созналъ главную ошибку свою въ сужденіи о каеолической Церкви. Нѣтъ, говорилъ онъ самъ съ собою, христіане мыслятъ о Богѣ, не какъ о существѣ ограниченномъ, матеріальномъ, но какъ о духовномъ. И хотя онъ не могъ представить себѣ, что такое духовная природа: но за то стыдясь радовался, что доселѣ, враждуя противъ Церкви, враждовалъ собственно не противъ каеолической вѣры, а противъ грубыхъ представлений и вымысловъ, которые клевета и зависть выдавали за ученіе христіанское. Св. Амвросій часто повторялъ въ бесѣдахъ своихъ: *писмя убиваетъ, духъ животворитъ*, и это апостольское начало изъясненія В. Завѣта, доселѣ неизвѣстное Августину, снимало покровъ заблужденія съ очей его, и только горькій опытъ прежнихъ оболъщениій за-

ставлялъ его быть крайне недовѣрчивый и не въ мѣру осторожнымъ. „Я былъ тогда, говорить самъ онъ, подобенъ такому больному, который, потерпѣвши отъ худаго врача, боится поручить себя и хорошему. Цѣлительнымъ врачевствомъ для меня должна и могла быть одна вѣра; но я боялся вѣрить, чтобы не принять лжи за истину, и потому противился врачеванію *).

Такъ какъ Августинъ хотѣлъ итти къ истинѣ путемъ разумнаго убѣжденія: то онъ безпрестанно боролся съ различными недоумѣніями. Главною причиною такого болѣзненнаго состоянія души его было то, что онъ не могъ освободиться отъ чувственныхъ понятій и представленій о самомъ Богѣ и потому не могъ по прежнему объяснить себѣ, отъ чего столько зла въ мірѣ. „Я мысленно представлялъ себѣ, говорить онъ, все твореніе, все, что можно видѣть, какъ то: землю, воздухъ, звѣзды, деревья и пр., и то, чего нельзя видѣть, наприм., твердь неба и что выше неба, Ангеловъ и вообще все духовное; но воображеніе мое распредѣляло все это, какъ тѣлесное, по мѣстамъ. Такимъ образомъ я мысленно созерцалъ одну огромную массу, въ которой все различалось только степенями тѣль, — тѣла ли то были въ собственномъ смыслѣ, или тѣ существа, которыя я воображалъ за духовныя. Эту массу я представлялъ ограниченою, ибо иначе не могъ представить, а Тебя, Господи, отсюду объемлющимъ и проникающимъ ее, но безграничнымъ. Если бы, напримѣръ, было море безъ границъ, а

*) Confession. Lib. IV, cap. I—IV.

въ немъ огромная, но опредѣленной величины, губка; то губка вся обнималась бы и проникалась водою;—вотъ такъ я представлялъ и Твое конечное твореніе, объемлемое и наполняемое Тобою—безконечнымъ. Въ такомъ именно отношеніи представлялось мнѣ твореніе къ Творцу своему. Но Творецъ благъ,... посему и твореніе Его, какъ произведеніе Благаго, должно быть все добро.. Откуда же зло? Гдѣ корень и сѣмя его? Или его совсѣмъ нѣтъ? Почему же мы боимся того, чего нѣтъ? Если же боимся напрасно; то самая эта боязнь зло. Откуда же оно?“ *)

Будучи въ такомъ состояніи, бл. Августинъ встрѣтился съ ученіемъ неоплатониковъ, и это ученіе послужило ему въ пользу. Платоническая философія открыла Августину высшій способъ представленія о Богѣ, какъ о высочайшемъ Умѣ, высочайшей Силѣ и высочайшей Любви, какъ о существѣ простѣйшемъ, которое все содержитъ своею волею, а не такъ какъ нѣкое безграничное вмѣстѣлище... Послѣ этого Августинъ началъ освобождаться отъ прежнихъ недоумѣній своихъ, и главный вопросъ его о происхожденіи зла рѣшался теперь ясно и удовлетворительно. Зла нѣтъ какъ какойнибудь сущности: это есть или относительное несовершенство твари—зло мнимое, или отпаденіе отъ Бога—зло дѣйствительное, но произвольное.— На такихъ разсужденіяхъ началъ теперь успокаиваться бл. Августинъ **).

*) Lib. VII, cap. I—VIII.

**) Lib. VII, cap. IX—XIV.

Отъ неоплатонической философіи обращаясь къ Писанію и читая особенно Евангеліе отъ Іоанна, онъ болѣе и болѣе погружался въ размышленіе или умосозерцаніе тайнъ бытія Божія. Скоро узрѣлъ и бездну различія между ученіемъ философіи и откровеннымъ ученіемъ Божиимъ. Главное, тамъ не было того великаго Слова, которое составляетъ основу правой вѣры: и *Слово плоть бысть, и все-мья въ ны, и видѣхомъ славу Его, славу яко Единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины... И отъ исполненія Его мы вси пріяхомъ благодать възблагодать* (Іоан. 1, 14. 16). Въ это время Августинъ началъ часто посѣщать Симплиціана, пресвитера и духовнаго Отца самаго Амвросія. Внимательно слушалъ онъ его простыя бесѣды, полныя благодатной силы и убѣжденія; ибо благочестивый старецъ, служа всю жизнь свою Господу Іисусу Христу, исполненъ былъ Духомъ Его. Между прочимъ, Симплиціанъ повѣствовалъ Августину о обращеніи Викторина, котораго прежде былъ также платоникомъ, потомъ же сдѣлался усерднымъ христіаниномъ, и возбуждалъ его къ подражанію такому примѣру. Душа и сердце Августина трепетали отъ желанія все оставить для Господа; но еще плоть возставала въ немъ противъ духа. „Двѣ воли мои“, исповѣдуются бл. Августинъ, „одна ветхая, другая новая, та плотская, а эта духовная, боролись между собою и раздирали душу мою. Такъ самымъ опытомъ дознавалъ я то, что читалъ, именно, какъ плоть похотствуетъ на духъ, духъ же на плоть (Гал. 5, 17). Я не могъ болѣе извиняться тѣмъ, что не знаю

истины; нѣтъ, истину я позналъ, но, привязанный къ землѣ, отказывался воинствовать для Бога и такъ боялся освободиться отъ препятствій, какъ надлежитъ бояться самыхъ препятствій *)...

Съ такою борьбою въ душѣ выходилъ Августинъ отъ Симплиціана, и не было покоя ему отъ смятенія въ немъ мыслей и чувствъ. Однажды, въ бесѣдѣ съ друзьями своими, услышалъ онъ о жизни Антонія великаго: ее рассказывалъ нѣкто Понтиціанъ, случайно зашедшій на этотъ разъ къ Августину и самъ недавно узнавшій о подвигахъ великаго отшельника. Когда сказаніе было кончено и Понтиціанъ вышелъ, — Августинъ, переполненный сердечною горестію и ревностію, измѣнился въ лицѣ и, вдругъ подошедши къ Алипію, воскликнулъ: „чего мы ждемъ? Что слышалъ ты? Возстаютъ невѣжды и похищаютъ небо, а мы съ нашими знаніями утопаемъ въ плоти и крови! Ужели постыдимся слѣдовать за ними? Но — не стыднѣ ли намъ — даже и не слѣдовать по нимъ!“ Волнуемый борьбою мыслей и чувствъ, Августинъ вышелъ въ садъ; за нимъ послѣдовалъ и Алипій: оба сѣли и оставались безмолвными. Августинъ мысленно обзрѣвалъ прежнюю жизнь свою, негодовалъ на свою чувственность, порывался духомъ и сердцемъ къ Богу, но какую-то тяжестію воспящался въ стремленіи. Слезы готовы были потокомъ излиться изъ глазъ его, и онъ всталъ, удалился отъ Алипія; ища уединенія, подошелъ къ одной смоковницѣ и, простершись подъ нею, зарыдалъ: „доколѣ, Боже,

*) Conf. Lib. VIII, cap. I—V.

доколѣ гнѣвъ твой! Не помяни прежнихъ неправдъ моихъ! Доколѣ, доколѣ, завтра и завтра? Почему не нынѣ, не теперь конецъ моего непотребства!“— Я говорилъ это, воспоминаетъ бл. Августинъ, и плакалъ горькимъ плачемъ отъ сокрушеннаго сердца моего. И вдругъ слышу изъ сосѣдняго дома голосъ дѣтскій, не разъ произносившій на распѣвъ такія слова: возми и читай, возми и читай! Мгновенно перемѣнившись въ лицѣ, я сталъ внимательно прислушиваться и размышлять, чей бы это былъ голосъ, не распѣваютъ ли такъ дѣти при играхъ своихъ; но, припоминая разные дѣтскіе припѣвы, я не находилъ между ними ни одного подобнаго. Удержавъ слезы, я всталъ и объяснилъ себѣ случай этотъ повелѣніемъ мнѣ Божиимъ—взять книгу и читать, что въ ней откроется. Ибо, вспомнилъ я, и Антоній, случившись при чтеніи евангельскихъ словъ: *иди, и продаждь имѣнне твое* и пр. принялъ ихъ за гласъ къ нему Божій. И такъ я поспѣшно возвратился на мѣсто, гдѣ сидѣлъ съ Алипіемъ, ибо тамъ осталась моя книга, Апостоль. Взявъ, открылъ и молча прочиталъ первый стихъ, на которомъ остановились глаза мои: *яко же во дни благообразно да ходимъ, не козлогласованіи и пїанствы, не любодыаніи и студодыаніи, не рвеніемъ и завистию: но облещитесь Господомъ нашимъ Исусомъ Христомъ и плоти угодія не творите въ похоти* (Римлян. 13, 13). Далѣе я не хотѣлъ и не имѣлъ нужды читать. Ибо тотчасъ съ окончаніемъ стиха необыкновенный свѣтъ спокойствія пролился въ мое сердце и розогналъ тьму сомнѣнія“.

Алипій просилъ указать мѣсто, прочитанное Августиномъ, и самъ прочиталъ его и приложилъ къ себѣ послѣдующія слова: *изнемогающаго въ вѣрѣ примлите*. Съ радостію возвратились они въ домъ и повѣдали обо всемъ благочестивой Моникѣ... Совершились, наконецъ, ея желанія, услышаны молитвы, сбылись пророческія надежды! Она торжествовала и въ избыткѣ радости славословила Бога сердцемъ и устами. Бл. Августинъ рѣшился перемѣнить образъ жизни, отрекся навсегда отъ супружества и остатокъ дней своихъ посвятилъ единому Богу *).

Чтобъ лучше приготовиться къ крещенію, Августинъ съ матерію, сыномъ (Адеодатомъ) и друзьями своими удалился въ окрестности Медіолана и тамъ проводилъ съ ними время въ постоянныхъ бесѣдахъ о предметахъ вѣры и философіи. Полночь онъ посвящалъ на размышленія, утро на молитву и на чтеніе—особенно—псалмовъ. Отказавшись отъ наставнической должности, онъ написалъ письмо къ св. Амвросію, исповѣдуя предъ нимъ прежнія заблужденія свои и прося у него крещенія. Наконецъ, въ 387 году, наканунѣ Пасхи, совершилось крещеніе Августина, а съ нимъ и сына его Адеодата и друга Алипія **).

Просвѣтившись крещеніемъ, Августинъ почувствовалъ въ себѣ блаженное обновленіе духа. „Исчезли“, исповѣдуется онъ, „прежнія смущенія. Я

*) Conf. Lib. VIII, cap. VI—XII.

**) Conf. Lib. IX, cap. I—VI.

не могъ насытиться тогда дивною сладостію размышленія о высотѣ совѣта Твоего въ дѣлѣ спасенія рода человѣческаго. Сколько слезъ пролилъ я, слушая пѣсни церковныя, такъ сильно меня трогавшія! Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ звуки и слова наполняли слухъ мой, истина проливалась въ мое сердце, а отъ истины воспламенялось чувство благоговѣйной любви, и слезы струились, и сладко мнѣ было плакать сими слезами *)“. Скоро онъ рѣшился возвратиться въ Африку и вмѣстѣ съ матерію отплылъ въ путь свой. Для отдохновенія они остановились въ Остіи, намѣреваясь немедленно продолжить плаваніе; но блаженной Моникѣ суждено было на мѣстѣ временнаго отдыха успокоиться на вѣки. Она скончалась, благодаря Господа о сынѣ своемъ и заповѣдуя сыну поминать душу ея у алтаря Христова **). По смерти матери, Августинъ отложилъ на время путешествіе свое въ Африку и поселился въ Римѣ, гдѣ и прожилъ болѣе года, написавъ тамъ двѣ книги противъ манихеевъ. Возвратившись потомъ въ Африку съ другомъ своимъ Алипіемъ, онъ остановился въ Карѳагенѣ, въ домѣ нѣкотораго благочестиваго мужа, именемъ Иннокентія, который въ его глазахъ исцѣлился отъ жестокой болѣзни силою молитвъ, совершившихся при одрѣ немощнаго. Изъ Карѳагена отправился на родину, гдѣ совершенно уединился съ нѣкоторыми изъ друзей своихъ и три года провелъ въ

*) Lib. X, cap. VI.

**) Lib. X, cap. VII—XI.

постѣ, молитвахъ, чтеніи свящ. Писанія и сочиненіи полезныхъ книгъ. Другъ его Алипій уже рукоположенъ былъ въ епископа Тагаста, а онъ всячески старался укрыться отъ почитателей своихъ, дабы избѣгнуть такого же сана. Однакожь скоро представился случай вступить и ему, хотя противъ воли, на степень пресвитерскаго служенія. Одинъ изъ друзей вызвалъ его въ сосѣдную Иппонію, искренно желая побесѣдовать съ нимъ о предметахъ вѣры; въ то же время Иппонійскій епископъ Валерій искалъ себѣ достойнаго пресвитера, и въ одинъ день, когда Августинъ былъ въ храмѣ, совѣщавался объ этомъ съ народомъ. Взоры всѣхъ какъ бы невольно тогда обратились на Августина; народъ силою привлекъ его къ епископу и требовалъ рукоположить его въ пресвитера. Валерій удовлетворилъ желанію народа и рукоположилъ избраннаго, который плакалъ, но повиновался. Это было въ 391 г. по Р. Х.

Валерій, родомъ грекъ, тѣмъ болѣе могъ цѣнить такого помощника себѣ, что самъ несвободно изъяснялся на языкѣ латинскомъ. Съ перваго же раза онъ вознамѣрился поручить Августину дѣло проповѣди къ народу, хотя на западѣ не было еще въ обыкновеніи позволять пресвитеру проповѣдывать въ присутствіи епископа. Но исполненный смиренія, Августинъ просилъ себѣ, по крайней мѣрѣ, нѣсколько времени на приготовленіе къ такому трудному служенію *).

*) Possid. cap. 4. Avg. Epist. 21.

данный ему на это срокъ, тогда онъ явился на каедрѣ проповѣднической и съ такимъ успѣхомъ поучалъ народъ, что самые еретики любили слушать его бесѣды, а епископы другихъ церквей, прежде недовольные поступкомъ Валерія, сами рѣшились поставлять при себѣ особыхъ пресвитеровъ проповѣдниковъ. Среди такихъ занятій, Августинъ не упустилъ изъ виду манихеевъ и не переставалъ писать противъ нихъ цѣлыя книги. Если гдѣ, то безъ сомнѣнія здѣсь, близъ самой его родины, гдѣ онъ не такъ давно являлся ревностнымъ манихеемъ, Августинъ долженъ былъ показать теперь и показалъ всю ревность къ православной вѣрѣ Христовой и все усердіе ко вразумленію враговъ ея. Главою иппонійскихъ манихеевъ былъ тогда нѣкто Фортунатъ пресвитеръ, къ которому еретики питали глубокое уваженіе. Жители иппонійскіе, какъ православные, такъ и самые донатисты, хорошо понимая, что манихейство держится у нихъ преимущественно этимъ хитрымъ человѣкомъ, приступили къ Августину съ прошеніемъ войти съ Фортунатомъ въ публичное преніе, и Августинъ съ радостію согласился на это: онъ довелъ еретика предъ всѣмъ народомъ до крайняго стыда и признанія собственнаго безсилія, такъ что Фортунатъ не смѣлъ болѣе оставаться въ Иппонѣ и тайно удалился изъ города *).

Какъ соучастникъ Валерія въ самомъ управленіи церковію, бл. Августинъ и въ этомъ показалъ

*) Histor. Ecclesiast. Fleurii Tom. IV.

свою ревность и опытность. Его стараніемъ уничтожены были въ африканскихъ церквахъ такъ называемыя *агапы* или общественныя трапезы въ храмахъ, древнія и благочестивыя по происхожденію, но обратившіяся съ теченіемъ времени въ неприличныя и неумѣренныя пиршества. Въ этомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ по примѣру св. Амвросія, у котораго во всѣхъ церквахъ запрещены были такія празднества.

Краснорѣчіе и благоразумная дѣятельность бл. Августина прославили его не только въ окрестныхъ областяхъ, но и за моремъ, такъ что престарѣлый Валерій началъ сильно опасаться, чтобъ не лишили его такого помощника: ибо каждая церковь готова была бы принять къ себѣ бл. Августина во епископа, если бы упразднилась гдѣ святительская кафедра. Посему Валерій упросилъ старшаго епископа нумидійскаго согласиться на рукоположеніе Августина во епископа, заранѣе, назначая его преемникомъ себѣ. Впрочемъ бл. Августинъ не долго епископствовалъ вмѣстѣ съ Валеріемъ: престарѣлый Святитель скоро скончался, и церковь иппонійская поступила въ управленіе его великаго преемника.

Въ этотъ періодъ жизни своей, отъ крещенія до принятія сана епископскаго, бл. Августинъ самъ болѣе и болѣе возрасталъ вѣрою и укрѣплялся въ томъ спасительномъ направленіи духа, какое получилъ отъ благодати Божіей, послѣ долговременныхъ сомнѣній въ истинѣ. Въ Церкви Христовой обрѣлъ онъ пристанище отъ бурь мірскаго житія, и теперь

обратный взоръ его на оставленный имъ міръ возбуждалъ въ немъ глубокое сознаніе премудрости и благодати Божіей въ устроеніи сего ковчега Христова, спасающаго избранныхъ отъ всеобщаго наводненія заблужденій и пороковъ. Посему и въ писаніяхъ и въ дѣятельности его начала развиваться одна главная мысль, что первое благо для чело-вѣка на землѣ—быть членомъ Церкви католической и, посему, первое попеченіе пастырей должно быть о благоустройствѣ Церкви и обращеніи къ ней невѣрующихъ, еретиковъ и раскольниковъ, первая же обязанность пасомыхъ—свободное подчиненіе пастырямъ и послушаніе ихъ наставленіямъ и за-прещеніямъ. Находясь въ пріязни съ кареаген-скимъ епископомъ Авреліаномъ, онъ совокупно съ нимъ употреблялъ всѣ усилія для уничтоженія различныхъ беспорядковъ, вкравшихся въ кареагенскія церкви и изыскивалъ благоразумныя мѣры для обра-щенія донатистовъ, которые въ то время были такъ многочисленны, что имѣли до 400 своихъ епископовъ и старались въ каждомъ городѣ по-ставлять свои катедры противъ православныхъ. Въ Кареагенѣ созывались соборы, душою которыхъ были сіи два знаменитые епископы, и составлялись мудрыя правила, которыя въ послѣдствіи признаны были вселенской Церковію *). Самъ бл. Августинъ то писалъ посланія, то входилъ въ устные бесѣды съ различными лицами, не отказывался и отъ пу-

*) Соборы сіи: Кареагенскій III (377 год.), Кареаг. IV (398 гвд.), Кареаг. V (400 год.) и пр.

бличныхъ состязаній съ учеными противниками, словомъ, испытывалъ всѣ возможныя средства, чтобъ прекратить несогласія, раздѣлявшія христіанъ, и обратить отступниковъ къ православной вѣрѣ. Чрезъ это онъ приобрѣлъ любовь и всеобщее уваженіе у вѣрныхъ, такъ что, при посѣщеніи имъ различныхъ городовъ, народъ вездѣ жаждалъ слышать его бесѣды, а епископы съ охотою уступали ему свои кафедръ для проповѣди. Но за то Донатисты возненавидѣли его всею ненавистію и не боялись говорить явно, что если бы кто отважился умертвить его, тотъ получилъ бы отпущеніе грѣховъ *).

Между тѣмъ Бл. Августинъ дѣйствовалъ съ истинно христіанскою кротостію, терпѣніемъ и снисхожденіемъ. Не смотря на буйства, жестокости и безпрестанныя злодѣянія еретиковъ, онъ не только самъ не прибѣгалъ никогда къ насильственнымъ противъ нихъ мѣрамъ, но даже ходатайствовалъ за нихъ предъ правительствомъ и убѣждалъ православныхъ къ терпѣнію, великодушію и кротости въ обращеніи съ этими возмутителями Церкви **).

Такую любовь къ ближнимъ воспиталъ онъ въ сердцѣ своемъ, возлюбившемъ прежде и паче всего Бога! Соединяя съ своею любовію благоразуміе и ревность по вѣрѣ, многостороннюю образованность и опытность, онъ является такимъ лицомъ въ исторіи Церкви, котораго Промыслъ Божій избираетъ и поставляетъ на чреды особенной дѣятель-

*) Hist. Eccles. Fleur. T. V. pag. 86.

***) Serm. Avgust. 357. Epist. ad Marcellin, et. ad Apring.

ности и подвиговъ для блага стада Христова. Дѣйствительно, въ эти тяжкія, но вмѣстѣ и славныя для африканской Церкви времена бл. Августинъ былъ крѣпкою ея опорою и лучшимъ украшеніемъ. Онъ одушевлялъ своимъ словомъ и дѣйствіями не только народъ, но и самыхъ пастырей его. Къ нему относились съ разныхъ сторонъ различныя лица, и онъ никого не оставлялъ безъ совѣтовъ или наставленій. Дѣятельность его изумительна: кромѣ занятій по управленію своею паствою, онъ всегда принималъ живѣйшее участіе во всѣхъ церквахъ африканскихъ; никогда не оставляя своего народа безъ поученія, онъ считалъ долгомъ отвѣчать посланіями, большею частію, пространными на вопросы и недоумѣнія тѣхъ, кои обращались къ нему письменно. И при этомъ онъ находилъ время для составленія особенныхъ трактатовъ о различныхъ предметахъ вѣры.

Съ теченіемъ времени не уменьшались, а возростали заботы и попеченія бл. Августина о Церкви: хотя расколъ Донатистовъ почти совсѣмъ былъ уничтоженъ; но явились новые и опаснѣйшіе враги правовѣрія, съ которыми предлежала борьба трудная и долговременная. Это были Пелагіане.

Около 413 года по африканскимъ и восточнымъ Церквамъ начала распространяться ересь Пелагія. Хоть она тотчасъ же, при самомъ появленіи въ Африкѣ, осуждена была на кареагенскомъ соборѣ и опровержена въ самыхъ главныхъ ея началахъ, извлеченныхъ изъ твореній Цецилія, ученика Пелагіева; однакожъ хитростію и лицемѣріемъ еретики не преставали дѣйствовать въ различныхъ

мѣстахъ съ успѣхомъ, прикрывая ересь свою двусмысленными выраженіями *). Бл. Августинъ, лично знавшій Пелагія и даже уважавшій его за строгую жизнь, скоро подалъ голосъ противъ его лжеученія, но противъ самаго лжеучителя не возставалъ, опасаясь обмануться касательно справедливости приписанныхъ ему заблужденій и ожесточить чело-вѣка, можетъ быть, неумышленно подавшаго поводъ къ ереси. Но когда зло обнаружилось, когда съ разныхъ сторонъ обращались къ Августину за рѣшеніями появившихся изъ Пелагіевой ереси возраженій противъ ученія Православной Церкви; тогда онъ началъ открыто дѣйствовать противъ Пелагія и послѣдователей его съ такою же силою и постоянствомъ, съ какими доселѣ дѣйствовалъ противъ Манихеевъ и Донатистовъ, такъ что остальные 16 лѣтъ жизни его исключительно посвящены были утвержденію и раскрытію православнаго ученія о благодати Божіей, вопреки мудрованіямъ о ней еретиковъ.

Въ этой тяжелой борьбѣ и трудныхъ подвигахъ за чистоту вѣры и святость Церкви Христовой бл. Августинъ укрѣплялся духомъ, но ослабѣвалъ тѣломъ. Предвидя приближеніе кончины своей, онъ рѣшился пересмотрѣть всѣ творенія свои и замѣтить недостатки нѣкоторыхъ: съ этою цѣлію онъ, за три года до смерти своей, написалъ критическое обзорѣніе своихъ сочиненій.

*) Такъ соборъ Діоспольскій не могъ открыть ереси въ отвѣтахъ Пелагія, а папа Зосимъ едва не оправдалъ Целестія, Fleurii. Т. V. pag. 628, 714.

Въ печальное время суждено было бл. Августину окончить жизнь свою. На востокѣ ересь Несторія возбуждала смятенія и распри; въ самой Африкѣ Вандалы производили страшныя опустошенія. Въ 430 году они осадили самый Иппонъ. Бл. старецъ собственнымъ примѣромъ возбуждалъ другихъ пастырей не оставлять паствъ своихъ въ такое тяжкое время и, если нужно, полагать за нихъ души свои. Но его силы измѣняли ему. Наконецъ онъ заболѣлъ и началъ готовиться къ смерти. Прикованный къ одру, онъ непрестанно читалъ покаянныя псалмы и проливалъ слезы молитвы предъ Господомъ. Боясь всякаго развлеченія, онъ запретилъ входить къ себѣ самымъ друзьямъ и епископамъ, кромѣ того времени, когда посѣщалъ его врачъ или приносили ему пищу. Скончался среди молящихся друзей тихо и спокойно. Почти въ то самое время пришли съ Востока послы императора просить бл. Августина на вселенскій соборъ (третій); но возвратились въ печальную вѣстію о кончинѣ великаго мужа.

1. Хронологическій указатель къ твореніямъ Блаженнаго Августина.

Всѣ творенія Блаженнаго Августина по внѣшней ихъ формѣ раздѣляются а) на книги, б) письма и в) слова.

Первыя написаны въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ.

386 г.

1. Противъ Академиковъ три книги
2. О жизни блаженной. 1 книга.
3. О порядкѣ. 2 книги.

387 г.

4. Монологи. 2 книги.
5. О безсмертіи души. 1 к.

388—389 г.

6. О количествѣ души. 1 к.
7. Объ учителѣ. 1 книга.
8. О музыкѣ. 4 книги.
9. О свободной волѣ. 3 к. (начато въ 388, ок. 395).
10. О нравахъ церкви ка-
толической и нравахъ
манихеевъ. 2 книги.
11. О твореніи противъ
минихеевъ. 2 к.

12. О 83 разныхъ вопро-
сахъ. 1 к.

390 г.

13. Объ истинной религіи.
1 книга.

391—392 г.

14. О пользѣ вѣры, къ Го-
ворату. 1 кн.
15. О двухъ думахъ про-
тихъ манихеевъ. 1 к.
16. Акты противъ Форту-
ната манихея. 1 к.

393 г.

17. О твореніи по букваль-
ному смыслу (неокон).
18. О нагорной бесѣдѣ Го-
сподней. 1 книга.
19. О вѣрѣ и символѣ. 1 к.
20. Псаломъ въ противо-
дѣйствіе Донату.

394 г.

21. Толкованіе нѣкоторыхъ мѣстъ изъ посланія Апостола къ Римлянамъ 1 к.
22. Начатое толкованіе посланія къ Римлянамъ 1 к.
23. Толкованіе посланія къ Галатамъ. 1 к.
24. Противъ Адиманта ученика манихея. 1 к.

395—396 и.

25. О лжи 1 к.
26. О ратоборствѣ христіанскомъ. 1 к.
27. О воздержаніи. 1 к.

397 г.

28. О христіанской наукѣ. (оконч. ок. 426).
29. О разныхъ вопросахъ къ Симплиціану. 2 к.
30. Противъ посланія манихея, которое называютъ основнымъ.

399 г.

31. О вѣрѣ въ невидимыя вещи. 1 к.

400 г.

32. Замѣчанія на книгу Іова. 1 к.
33. Исповѣдь. 13 кн.
34. Вопросы евангельскіе. 1 к.

35. О согласіи Евангелистовъ. 4 к.

36. Объ оглашеніи новообращенныхъ. 1 к.

37. О тѣлесномъ трудѣ монаховъ. 1 к.

38. Противъ Фавста манихея. 33 к.

39. О Троицѣ 15 к. (оконч. ок. 416 г.)

40. Противъ посланія Пармениана. 3 к.

41. О крещеніи противъ донатистовъ. 7 к.

42. Противъ сочиненій Петиліана донатиста. 3 к.

401—402 и.

43. О твореніи по буквальному смыслу. 12 к.

44. Посланіе къ православнымъ противъ донатистовъ, извѣстное вообще подъ названіемъ: о единствѣ церкви. 1 к.

45. О святомъ дѣвствѣ. 1 книга.

46. О благѣ супружескомъ.

404—406 и.

47. О публичныхъ разсужденіяхъ съ Феликсомъ манихеемъ. 1 к.

48. Противъ Секундина манихея. 1 к.

49. О природѣ добра противъ манихея. 1 к.

50. О прорицаніяхъ демоновъ. 1 к.

51. Противъ грамматика
Кресконія 4 к.
410 г.
52. О единомъ крещеніи
противъ Петиліана 1
книга.
412 г.
53. Краткое изложеніе пре-
ненія съ донагистами. 3
книги.
54. Къ донагистамъ послѣ
пренія. 1 к.
55. Къ Марцеллину. О на-
казаніяхъ за грѣхи,
объ отпушеніи грѣ-
ховъ и о крещеніи
дѣтей. 3 к.
56. О духъ и буквѣ, къ
нему же. 1 к.
413 г.
57. О вѣрѣ и дѣлахъ 1 к.
58. О градѣ Вожіемъ. 22 к.
(оконч. ок. 421 г).
59. Публичныя пренія съ
Емеритомъ донагис-
томъ. 2 к.
414—415 г.
60. О благѣ вдовства.
61. О природѣ и благодати
къ Тимазію и Іакову
противъ пелаганъ. 1 к.
62. О совершенствѣ прав-
ды челоѣческой. По-
сланіе или книга къ
епископамъ Евтропію
и Павлу.
- 416 г.
63. 124 бесѣды на Еван-
геліе Іоанна.
64. 17 вопросовъ на еван-
геліе Маттея. 1 к.
65. 10 бесѣдъ на посланіе
Іоанна къ царянамъ.
66. О публичномъ изло-
женіи мнѣній Целагі-
емъ къ Аврелію епи-
скопу. 1 к.
418 г.
67. О терпѣніи. 1 к
68. Противъ Слова ариан-
скаго. 1 к.
69. О благодати Христо-
вой и первородномъ
грѣхѣ противъ Пела-
гія и Целестія. 2 к.
70. Слово къ народу Ке-
сарійской церкви, ска-
занное въ присутствіи
Емерита
419 г.
71. Изреченій Пелагія 7
книгъ.
72. Вопросовъ на семь книгъ
7-мъ кн.
73. О прелюбодѣйныхъ су-
пружествахъ. 2 к.
74. О бракѣ и вождѣніи,
къ Валерію. 2 к.
75. О душѣ и ея проис-
хожденіи. 4 к.
420 г.
76. Противъ лжи. 1 к.

77. Противъ присциліани-
стовъ и оригенистовъ
къ Орозію.	87. О наказаніи и благо-
дати. 1 к.
78. Противъ врага закона
и пророковъ. 2 к.	88. Поправки. 13 к.
79. Противъ еписк. Гав-
денція донатиста.	89. Зерцало изъ св. Пи-
санія.
80. Противъ двухъ писемъ
пелагіанъ къ Бони-
фацію. 4 кн.	90. Пренія съ Максимомъ
аріан. епископомъ.
81. Правила для рабовъ
Божіихъ.	91. Противъ тогоже Мак-
сима. 22 к.
<i>421—422 и.</i>	<i>428—429 и.</i>
82. Руководство къ вѣрѣ,
надеждѣ и любви.	92. О ересьяхъ. 1 кн.
83. Попеченіе объ умер-
шихъ, къ Павлину. 1 к.	93. О предопредѣленіи свя-
тыхъ, къ Просперу и
Иларію.
84. Противъ Юліана пе-
лагіанина. 10 к.	94. О дарѣ постоянства въ
добрѣ. 1 к.
85. О восьми вопросахъ
Дульцицію 1 к.	95. Противъ втораго от-
вѣта Юліана (неокон).
1 к.
<i>426—427 и,</i>	96. Изложеніе псалмовъ,
составленное въ раз-
ное время.
86. О благодати и свобод-
ной волѣ къ Вален-
тину. 1 к.	96. Трактатъ противъ іу-
деевъ.

Письма Блаженнаго Августина можно раздѣлить на четыре класса по времени ихъ происхожденія. Первый классъ обнимаетъ письма, написанныя Августиномъ до возведенія его въ санъ епископа, съ 386 до 395 г., второй классъ заключаетъ въ себѣ письма отъ 395 г. до Карфагенскаго пренія Августина съ донатистами въ 410 г., третій классъ обнимаетъ письма Августина, написанныя имъ въ остальное время своей жизни, съ 411 по 430 г., къ четвертому классу можно отнести письма, время появленія которыхъ нельзя опредѣлить съ большею или меньшею точностію.

I. Переписка Августина съ 386 до 395 г.

386 г.

1. Письмо Августина къ Гермогеніану.
2. Къ Зиновію.

387 г.

3. Письмо Августина къ Небридію.
4. — къ нему же.

388 г.

7. Письмо Небридія къ Августину.

389 г.

6. Письмо Небридія къ Августину.
7. Письмо Августина къ Небридію.
8. Письмо Небридія къ Августину.
9. Письмо Августина къ Небридію.
10. — къ нему же.
11. — къ нему же.
12. — къ нему же.
13. — къ нему же.
14. — къ нему же.

Окол. 390 г.

15. Письмо Августина къ Романіану.
16. Письмо Максима грамматика Мадавренскаго къ Августину.
17. Письмо Августина къ Максиму грамматику.
18. Письмо Августина къ Целестину.
19. Письмо Августина къ Гаю.
20. Письмо къ Антонину.

391 г.

21. Письмо Августина къ еписк. Валерію.

Окол. 392 г.

22. Письмо къ нему же.
23. Письмо Августина къ

еписк. Максиму донатисту.

394 г.

24. Письмо Павлина къ еп. Алипію о книгахъ Августина.
25. Письмо Павлина къ Августину.

395 г.

26. Письмо Августина къ Лиценцію.
27. Письмо къ Павлину.
28. Письмо къ Іерониму пресвитеру.
29. Письмо къ Алипію, еп. Тагастскому.
30. Письмо Павлина къ Августину.

II. Переписка отъ 396 по 410 г.

396 г. или окол. 397 г.

31. Письмо Августина къ Павлину и Теразіи.
32. Письмо Павлина и Теразіи къ Романіану по поводу возведенія Августина въ епископа.
33. Письмо Августина къ Прокулеану донатисту.
34. — къ Евсевию.
35. — къ нему же.

36. — къ пресвитеру Казулану.

397.

37. Письмо Августина къ Симплиціану.
38. — къ Профутуру.
39. Письмо Іеронима къ Августину.
40. Письмо Августина къ Іерониму.
41. Письмо Алипія и Августина къ папѣ Аврелию.

42. Письмо Августина къ Павлину и Оеразию.
43. — къ Глорію, Елевзію и др.
44. — къ тѣмъ же.
- 398.
45. Письмо Августина къ Павлину.
46. Письмо Публиколы къ еп. Августину.
47. Письмо Августина къ Публиколѣ.
48. Къ пресвитеру Евдоксію.
49. Къ епископу Гонорату донатисту.
- 399—400.
50. Къ старѣйшинамъ колоніи Суффектаны.
51. Къ Криспину епископу донатисту.
52. Къ Северину.
53. Къ Генерозу.
54. Письмо къ Январію перв. кн.
55. Къ нему же. 2-я кн.
56. Къ Целеру.
57. Къ нему же.
- 401.
58. Письмо Августина къ Паммахію.
59. Къ Викторину.
62. Къ Аврелію.
60. Къ Θεодору.
61. Письмо Алипія, Августина и Самсуція къ Северу.
63. Письмо Августина къ Северу.
64. — къ Квинтіану.
- 402.
65. — къ Ксантину.
66. — къ Криспину.
67. — къ Іерониму.
68. Письмо Іеронима къ Августину.
69. Письмо Алипія и Августина къ Касторію.
70. — къ Навцелліану.
- 403.
71. Письмо Августина къ Іерониму.
72. — Іеронима къ Августину.
- 404.
73. Письмо Августина къ Іерониму.
74. — къ Президію.
75. Письмо Іеронима къ Августину.
76. Письма Августина къ донатистамъ.
77. — къ Феликсу и Гиларину.
78. — къ клиру, старцамъ и всему народу церкви Иппонской.
79. Письмо Августина къ нѣкому пресвитеру манихею.

405.

80. Письмо Августина къ Павлину и Теразіи.
81. Письмо Иеронима къ Августину.
82. — Августина къ Иерониму.
83. — къ Алипію.
84. — къ еп. Новату.
85. — къ Павлу.
86. — къ Цециліану.
87. — къ Емериту донатисту.

406.

88. Письмо клириковъ Иппонскихъ къ Януарию.
89. Письмо Августина къ Фесту.

408.

90. Письмо Нектарія къ Августину.
91. — Августина къ Нектарію.
92. — къ Италикѣ вдовѣ.
93. — къ Винценцію.
94. Письмо Павлина и Теразіи къ Августину.
95. — Августина къ Павлину и Теразіи.
96. — къ Олимпію.
97. — къ нему же.
98. — къ Бонифацію епископу.

99. — къ Италикѣ.
100. — къ Донату, африкан. проконсулу.
101. — къ Меморію еп.
102. — къ Деограцію пресвитеру.

409—410.

103. Письмо Нектарія къ Августину.
104. Письмо Августина къ Нектарію.
105. Письмо къ донатистамъ.
106. — къ Макробію донатисту.
107. — къ Августину Максима и Теодора.
108. — Августина къ Макробію.
109. — Севера къ Августину.
110. — Августина къ Северу еписк.
111. — Августина къ Викторіану пресвитеру.
112. — Его же къ Донату.
113. — Его же къ Кресконию.
114. — Его же къ Флорентину.
115. — къ нему же.
116. — Его же къ Генерозу.

410—411.

117. Письмо Діоскора къ Августину.

<p>118. — Августина къ
Діоскору.</p> <p>119. — Консенція къ
Августину.</p> <p>120. — Августина къ
Консенцію.</p> | <p>121. — Павлина Ноль-
скаго къ Августину.</p> <p>122. — Августина къ
клирикамъ и народу
Иппонскому.</p> <p>123. — Иеронима къ Ав-
густина.</p> |
|--|--|

III. Отъ 411—430 г.

411.

<p>124. Письмо Августина къ
Альбинѣ, Пиніану и
Мелани.</p> <p>125. — къ Алипію и
др.</p> <p>126. — къ Альбинѣ.</p> <p>127. — къ Арментарію
и Павлинѣ.</p> <p>128. Письмо Аврелія, Силь-
вана и всѣхъ право-
славныхъ епископовъ
къ трибуну и нотарію
Марцеллину.</p> <p>129. — къ нему же.</p> | <p>138. — Марцеллину.</p> <p>139. — къ нему же.</p> <p>140. Письмо Августина къ
Гонорату, или книга
о благодати Новаго
Завѣта.</p> <p>141. Письмо епископовъ
Сильвана, Валентина,
Аврелія, Иннокентія,
Максимиана, Августи-
на, Доната и др. къ
Донатистамъ.</p> <p>142. — Августина къ
пресвитерамъ Сатурни-
ну и Евфрату и кли-
рикамъ.</p> |
|--|---|

412.

<p>130. Письмо Августина ко
вдовѣ Пробѣ.</p> <p>131. — къ ней же.</p> <p>132. — къ Волузіану.</p> <p>133. — къ Марцелину
трибуну.</p> | <p>143. — къ Марцеллину.</p> <p>144. — къ братіямъ
циртенскимъ.</p> <p>145. — къ Анастасію.</p> <p>146. — къ Пелагію.</p> |
|---|---|

413

<p>134. — къ Апрингію.</p> <p>135. — Волузіана къ
Августину.</p> <p>136. — Марцеллина къ
Августину.</p> <p>137. — Августина къ
Волузіану</p> | <p>147. Письмо Августина къ
Павлинѣ.</p> <p>148. — къ Фортунату
епископу.</p> <p>149. — къ Павлину.</p> <p>150. — ко вдовамъ Про-
бѣ и Юліанѣ.</p> |
|--|--|

151. — къ Цециліану.
414.
152. Письмо Македонія къ Августину.
153. — Августина къ Македонію.
154. — Македонія къ Августину.
155. — Иларія къ Августину.
156. — Иларія къ Августину.
157. — Августина къ Иларію.
158. — Еводія Узаленскаго къ Августину.
159. — Августина къ Еводію.
160. — Еводія къ Августину.
161. — Еводія къ Августину.
162. — Августина къ Еводію.
163. — Еводія къ Августину.
164. — Августина къ Еводію.
165. — Иеронима къ Марцеллину и Анапсихіѣ.
415.
166. Письмо Августина къ Иерониму, или книга о происхожденіи души человѣческой.
167. — къ Иерониму, или книга объ изреченіи Іакова 4,10.
168. — Тимазія и Іакова къ Августину.
169. — Августина къ Еводію.
170. — Алипія и Августина къ Максиму врачу.
171. — Алипія и Августина къ еписк. Перегрину.
172. — Отрывокъ письма Августина къ Максиму.
416.
173. Письмо Иеронима къ Августину.
174. — Августина къ Донату.
175. — — къ Аврелію, епископу кареагенскому.
176. — отцовъ кареаг. собора къ Рим. епис. Иннокентію о дѣяніяхъ противъ Пелагія и Целестія.
177. Письмо Отцовъ Милевійскаго собора къ Иннокентію о Пелагіанахъ.
178. Посланіе Аврелія и другихъ епископовъ вмѣстѣ съ Августиномъ къ Иннокентію о Пелагіѣ.
179. Письма Августина къ Иларію о пелагіанск. ереси.
180. — Августина къ Іоанну, еписк. Іерусал.

181. Письмо къ Океанію.
417 г.
182. Посланіе Иннокентія къ отцамъ кареаг. собора.
183. — Иннокентія римскаго къ отцамъ Милевійскаго собора.
184. — егоже къ еп. Аврелію, Алипію, Августину, Еводию и Поссидію.
185. — а) егоже къ еп. Аврелію и Августину.
б) Августину къ Петру и Аврааму.
186. Письма Августина къ трибуну Вонифацію, или книга о наказаніи донатистовъ.
187. — Алипія и Августина къ Павлину.
188. — Августина къ Дардану, или книга о присутствіи Божіемъ.
189. — Августина и Алипія ко вдовѣ Юліанѣ—матери дѣвицы Деметриады.
418 г.
190. Письмо Августина къ Вонифацію.
191. — къ Ортату.
192. — къ Сиксту пресвитеру.
193. — къ діакону Целестину.
194. — къ Меркатору.
195. — къ Сиксту рим. пресвитеру.
196. Письмо Иеронима къ Августину.
197. — Августина къ еписк. Азеллину.
198. — Августина къ Гезихію, салам. еп.
199. — Гезихія къ Августину.
419 г.
200. — Августина къ Гезихію
201. — Августина къ Валерію.
202. — Императоровъ Гонорія и Θεодосія къ еп. Аврелію Августину.
203. — а) Иеронима къ епископамъ Алипію и Августину.
— б) Августина къ Оптату.
420 г.
204. — Августина къ Ларгу.
205. — къ трибуну и нотарію Дульцицію.
206. — къ Консенцію.
207. — къ Валерію.
208. — къ еписк. Клавдію (окол. 421 г.).
423 г.
209. — къ дѣвицѣ Фелиціѣ.
210. — къ папѣ Целестину.

211. — къ Фелицитатѣ
и Рустину.
212. — къ монахинямъ.
213. — къ епискъ Квин-
тилиану.

426—427 г.

214. Церковный актъ на-
значенія въ епископа.
215. Письмо Августина къ
Валентину и друг.
216. — къ нему-же.
217. — Валентина къ
Августину.
218. — Августина къ
Виталу кареагенск.
219. — Августина къ
Палатину.
220. — Аврелія, Авгу-
стина, Флоренція и
Секундина къ галь-
скимъ епископамъ Про-
кулу и Цилиннiю.
221. — Августина къ
Бонифацію.

IV. Письма, время написанія которыхъ точно неизвѣстно.

333. Письмо Августина къ
братіямъ Мадавскимъ.
234. — Августина къ
Лонгиніану.
235. — Лонгиніана къ
Августину.
236. — Августина къ
Лонгиніану.
237. — Августина къ
Девтерію.

427—428 г.

222. Письмо діакона Qvod-
vultdeus'a къ Августину.
223. — Августина къ ді-
акону Qvodvultdeus'у.
224. — Qvodvultdeus'a
къ Августину.
225. — Августина къ
Qvodvultdeus'у.

428—429 г.

226. — Проспера къ Ав-
густину.
227. Письмо Иларія къ Ав-
густину.
228. — Августина къ
Алипію.
229. — Августина къ Го-
норату.
230. — Августина къ Да-
рію.
231. — Дарія къ Авгу-
стину.
232. — Августина къ
Дарію.

238. Письмо Августина къ
еписк. Церетію.
239. — къ Пасцентію.
240. — къ нему же.
241. — Пасцентія къ Ав-
густину.
242. — Августина о е-
диномъ Богѣ.
243. — къ Елпидію ари-
анину.
244. — къ Лету.

245. Письмо къ Хризиму.	260. — къ Корнелію.
246. — къ Поссидію.	261. — Авдакса къ Августину.
247. — къ Лампадію.	262. — Августина къ Авдаксу.
248. — къ Ромулу.	263. — къ Евдиціи.
249. — къ Севастіану.	264. — къ двѣицѣ Сапидѣ.
250. — къ діакону Реституту.	265. — къ женщинѣ Максимѣ.
25В. — къ пресвитеру Авксилію.	266. — къ Селевціанѣ.
252. — къ Панкарію.	267. — къ Флорентинѣ.
253. — къ Феликсу.	268. — къ Фабиолѣ.
254. — къ Бененату.	269. — о братѣ Фасціѣ.
255. — къ нему же.	280. — къ Набилію.
256. — къ Рустину.	271. Анонимное письмо къ Августину.
257. — къ Христинѣ.	
258. — къ Оронтію.	
259. — къ Марціану.	

Слова Блаженнаго Августина (въ изд. Минье въ 5 т.), составленные имъ въ разное время своей жизни и по разнымъ случаямъ, не могутъ быть расположены въ хронологическомъ порядкѣ по недостатку точныхъ указаній на время ихъ происхожденія.

2. Систематическій указатель къ твореніямъ Блаженнаго Августина.

Книги Блаженнаго Августина по характеру содержания раздѣляются на

А) философскія:

- Противъ академиковъ.
- О жизни блаженной.
- О порядкѣ.
- Монологи.
- О количествѣ души.
- Объ учителѣ.
- О музыкѣ.
- О безсмертіи души.

В) догматическія вообще:

а) догматики-апологетическія противъ язычниковъ и іудеевъ:

- О градѣ Вожіемъ.
- Объ истинной религіи.
- О прорицаніяхъ демоновъ.
- Трактатъ противъ Іудеевъ.

б) догматико-полемическія.

- О ересяхъ.
- О пользѣ вѣры къ Гонорату.

О двухъ душахъ противъ манихеевъ.

Акты противъ Фортуната манихея.

Противъ Адиманта-ученика манихея.

Противъ посланія манихея, которое называютъ основнымъ.

Противъ Фавста манихея.

О публичныхъ рассужденіяхъ съ Феликсомъ манихеемъ.

О природѣ добра противъ манихеевъ.

Противъ Секундина манихея.

Противъ врага закона и пророковъ.

Противъ присцилліанистовъ и оригенистовъ.

О свободной волѣ.

О нравахъ церкви каеолической и нравахъ мани-

- хеевъ.
- О твореніи противъ маних.
- Псаломъ въ противодѣйствіе Донату.
- Противъ посланія Пармениана.
- О крещеніи противъ до-натистовъ.
- Противъ сочиненій Пети-лиана донатиста.
- Посланіе къ православ-нымъ противъ донатис-товъ, извѣстное вообще подъ названіемъ: о един-ствѣ церкви.
- Противъ Кресконія грам-матика и донатиста.
- О единомъ крещеніи про-тивъ Петиліана.
- Краткое изложеніе пренія съ донатистами.
- Къ донатистамъ послѣ пре-нія.
- Слово къ народу кесар. церкви, сказанное въ присутствіи Емерита.
- Публичныя пренія съ Еме-ритомъ донатистомъ.
- Противъ Гавденція епи-скопа донатистовъ.
- Къ Марцелину. О наказа-ніи за грѣхи, объ отпу-щеніи грѣховъ и о кре-щеніи дѣтей.
- Къ нему же. О духѣ и буквѣ.
- О природѣ и благодати къ Тимазію и Іак. противъ пелагіанъ.
- О совершенствѣ правды челоувѣческой.
- О публичномъ изложеніи мнѣній Пелагіемъ къ Ав-релію епископу.
- О благодати Христовой и первородномъ грѣхѣ про-тивъ Пелагія и Целестія.
- О бракѣ и вожделѣніи.
- О душѣ и ея происхож-деніи.
- Противъ двухъ писемъ пе-лагіанъ съ Бонифацію.
- Противъ Юліана Пелагінина.
- Противъ 2-го отвѣта Юлі-ана (неоконч.).
- О благодати и свободной волѣ къ Валентину.
- О наказаніи и благодати.
- О предопредѣленіи свя-тыхъ.
- О дарѣ постоянства въ до-брѣ.
- Противъ Слова аріанскаго.
- Преніе съ Максимомъ, ари-анскимъ епископомъ.
- Противъ тогоже Максима.
- О Троицѣ.
- В) *Экзегетическія:*
- О христіанской наукѣ.
- О твореніи по буквально-му смыслу (неок.).
- О твореніи по буквально-му смыслу. 12 к.
- Изреченій Писанія 7 к.
- Вопросовъ на семь книгъ 7 к.
- Замѣчанія на книгу Іова. 1 к.

Изложеніе псалмовъ.

О согласіи Евангелистовъ.

О нагорной бесѣдѣ Господней.

Вопросы Евангельскія.

124 бесѣды на Евангеліе Іоанна.

17 вопросовъ на евангеліе Маттея.

10 бесѣдъ на посланіе Іоанна къ пареянамъ.

Толкованіе нѣкоторыхъ мѣстъ изъ посланія апостола къ Римлянамъ.

Начатое толкованіе посланія къ Римлянамъ.

Толкованіе посланія къ Галатамъ.

Г) *Книги разныхъ вопросовъ:*

О 83 вопросахъ.

О разныхъ вопросахъ къ Симплиціану.

О восьми вопросахъ Дульциція.

Д) *Нравственныя:*

Зерцало изъ св. Писанія. О лжи.

Противъ лжи.

О терпѣннн.

О воздержаніи.

О благѣ супружескомъ.

О святомъ дѣвствѣ.

О благѣ вдовства.

О тѣлесномъ трудѣ монаховъ.

Объ оглашеніи новообращенныхъ.

О прелюбодѣйныхъ супружествахъ.

Попеченіе объ умершихъ.

О ратоборствѣ христіанскомъ.

Руководство къ вѣрѣ, надеждѣ и любви.

О вѣрѣ въ невидимыя вещи.

О вѣрѣ и символѣ.

О вѣрѣ и дѣлахъ.

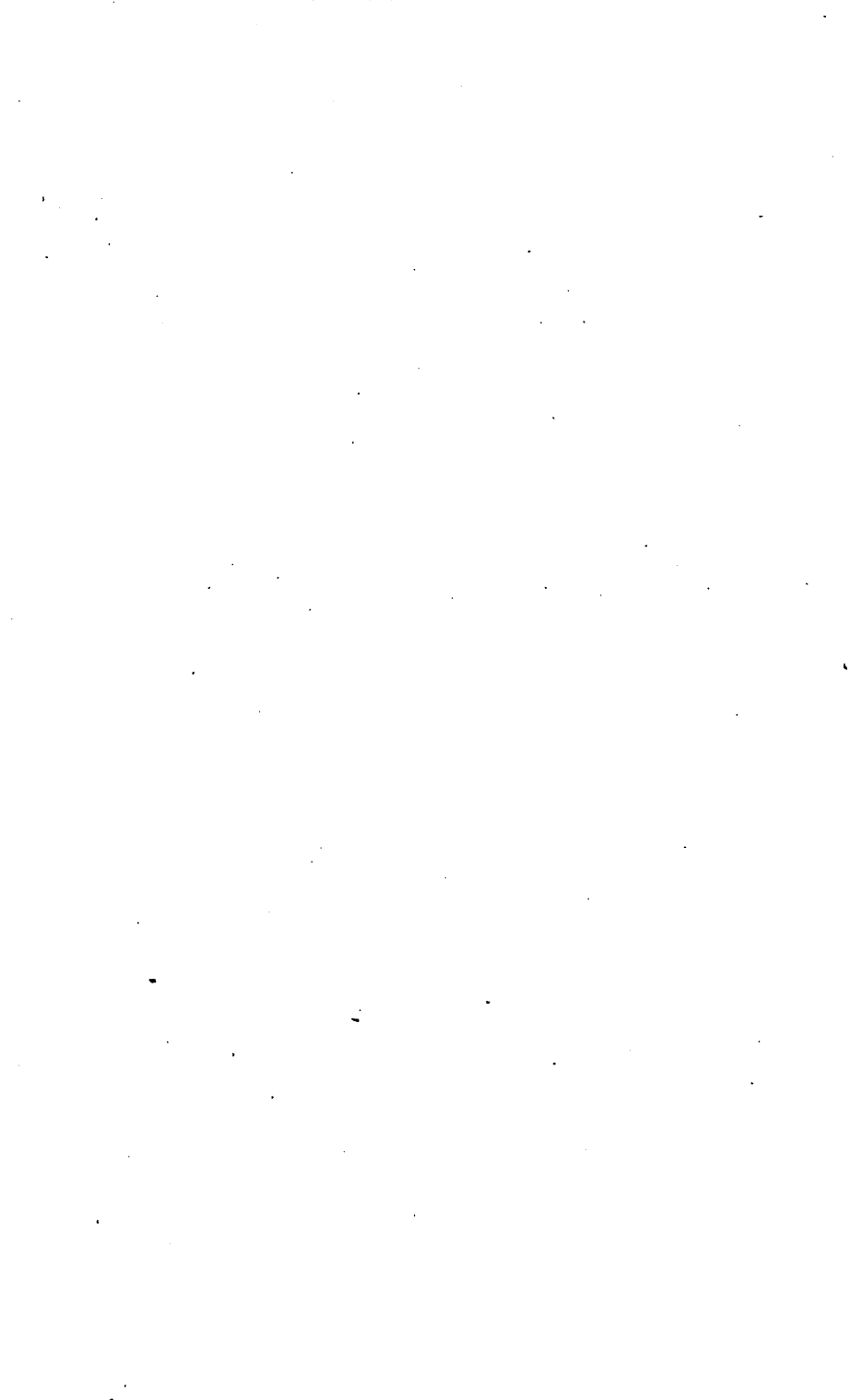
Правила для рабовъ Божиихъ.

Сочиненія „Поправки“ и „исповѣдь“, какъ могущія служить введеніемъ къ твореніямъ Августина, помѣщаются въ нѣкоторыхъ изданіяхъ твореній Иппон. епископа на первомъ планѣ.

Письма Блаж. Августина весьма разнообразнаго содержанія, но они вообще могутъ быть раздѣлены на философскія богословскія, нравственныя и увѣщательныя.

Слова Августина раздѣляются на четыре класса: а) слова на тексты Ветхаго и Новаго Завѣта; б) слова на различные церковные дни; в) слова на дни святыхъ и г) слова на разные случаи.

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА,
Е П И С К О П А И П П О Н И Й С К А Г О,

ИСПОВѢДЬ
(confessiones).

К Н И Г А П Е Р В А Я.

ГЛАВА I.

Послѣ воззванія къ Богу, блаж. Августинъ воспоминаетъ с первымъ времени жизни своей до пятнадцатилѣтняго возраста. Сознается во грѣхахъ своего младенчества и отрочества. Говоритъ, что въ эти лѣта онъ склоненъ былъ ко всякимъ дѣтскимъ играмъ и забавамъ болѣе, чѣмъ къ занятіямъ наукою.

Велій еси, Господи, и хваленъ зело, велія крепость твоя и разума твоего нѣсть числа! (Псал. СXLIV, 3. СXLV, 6.). И человекъ, эта малѣйшая часть созданія твоего, хочеть восхвалять Тебя, — человекъ, носящій въ себѣ смертность свою и повсюду заявляющій свидѣтельство грѣховности своей и твоего противленія гордымъ, и этотъ человекъ, столь маловажное звено въ твореніи твоёмъ, дерзаетъ воспѣвать Тебѣ хвалу. Но Ты самъ возбуждаешь его къ тому, чтобы онъ находилъ блаженство въ прославленіи Тебя; ибо Ты создалъ насъ для Себя, и душа наша до толѣ томится, не находя себѣ покоя, доколѣ не успокоится въ Тебѣ. Даруй же мнѣ, Господи, уразумѣть: не прежде ли долженъ я призывать Тебя, а потомъ славить Тебя: и не

прежде ли я долженъ познать Тебя, нежели призывать? Ибо кто призоветъ Тебя, не зная Тебя? Не зная Тебя, можно призывать инаго вмѣсто Тебя. Или, лучше, призывать Тебя, чтобы познать Тебя? Но какъ призывать того, въ кого не увѣровали? или какъ вѣровать безъ проповѣдующаго (Рим. X, 14)? И восхвалять Господа възсыкующіе Его. Ибо ищущіе только могутъ обрѣсти Его и обрѣтающіе мсгутъ славословить Его. Итакъ възыщу Тебя, Господи, призывая Тебя, и призову Тебя, вѣруя въ Тебя; ибо Тебя проповѣдали намъ. Призываетъ Тебя, Господи, вѣра моя, которую Ты даровалъ мнѣ, которую Ты вдохнулъ въ меня челоувѣколюбіемъ Сына твоего, служеніемъ Благовѣстника твоего.

ГЛАВА 2.

И какъ же я призову Бога моего, Бога и Господа моего? Възывая къ Нему, я, конечно, стану звать Его въ себя самого. А гдѣ же мѣсто во мнѣ, куда вселился бы въ меня Богъ мой? гдѣ Богъ вселится во мнѣ, Богъ сотворившій небо и землю? Такъ ли, Господи Боже мой, есть ли дѣйствительно что нибудь во мнѣ, что бы могло воспріять Тебя? Самое небо и земля, созданныя Тобою, вмѣстѣ съ которыми создалъ Ты и меня, вмѣщаютъ ли Тебя? Или, если все сущее не существовало бы безъ Тебя; то не слѣдуетъ ли изъ того, что Ты всему сущему долженъ быть присущъ и ничто не можетъ быть чуждо Тебя? И такъ-какъ я существую въ ряду твоихъ тварей; то зачѣмъ мнѣ и домогаться, чтобы Ты взшелъ въ храмину души моей и водворился въ ней, когда я и существовать не могъ бы, если бы Ты не былъ во мнѣ? Я еще не во адѣ, но Ты и тамъ; и если сойду во адъ, Ты—вездѣ, и тамъ, и здѣсь (Псал. СXXXVIII, 8). Да! мени не было бы, Боже мой; я вовсе не существовалъ бы, если бы Ты не былъ во мнѣ; или—точнѣе—я не существовалъ бы, если бы не былъ въ Тебѣ, изъ

котораго все, въ которомъ все. Такъ, Господи, такъ! Куда же я послѣ сего зову Тебя, когда я самъ въ Тебѣ? Или откуда Ты прійдешь ко мнѣ? И куда дѣваться мнѣ съ неба и земли, чтобы отсюда могъ снизойти ко мнѣ Богъ мой, изрекшій: *еда небо и землю не Азъ наполняю* (Иер. XXIII, 24)?

ГЛАВА 3.

Итакъ, вмѣщаютъ ли Тебя небо и земля, такъ-какъ Ты наполняешь ихъ? Или, наполняя ихъ, остаешься все-таки невмѣстимымъ, потому что не всего же Тебя вмѣщаютъ? И куда изливаешь то, что остается отъ Тебя, наполняющаго небо и землю? Или Тебѣ, содержащему все, нѣтъ нужды содержаться въ чемъ-либо, поелику Ты что наполняешь—содержа наполняешь, нисколько не будучи содержимъ тѣмъ, что наполняешь? Не сосуды, наполняемые Тобою, дѣлаютъ Тебя неизмѣннымъ и непреложнымъ; сами они хотя разбиваются и сокрушаются, но Ты Самъ въ Себѣ не терпишь отъ того ущерба, нисколько не завися отъ нихъ. А когда изливаешься на насъ свыше, Ты не истощаешься Самъ, а восполняешь насъ, не низпадаешь, а возстановляешь, не расточаешь Самого Себя, а собираешь насъ—другихъ. Но, наполняя Собою все, всёмъ ли Собою наполняешь все? Или такъ-какъ твари не могутъ вмѣщать Тебя—Творца своего всецѣло, не вмѣщаютъ ли онѣ Тебя по частямъ? и притомъ—въ одинаковой ли мѣрѣ всѣ, или въ разныхъ размѣрахъ порознь, то есть, большія—больше, а меньшія—меньше? И поэтому не слѣдуетъ ли предполагать въ Тебѣ части, и притомъ и большія и меньшія? или Ты вездѣ весь, и ничто Тебя всего—всецѣло не вмѣщаетъ?

ГЛАВА 4.

Что же Ты такое, или кто Ты, Боже мой? что или кто,

вопрошаю, какъ не Господь Богъ? Ибо кто Господь, кромѣ Господа? или кто Богъ, кромѣ Бога нашего?—Высочайшій, совершеннѣйшій, могущественнѣйшій, всемогущественнѣйшій, въ высшей степени благой и милосердый и въ высшей степени правосудный и справедливый, никому недоступный и всему присушій, красота благолѣпнѣйшая и великодушіе непреборимое и непостижимость неуловимая, самъ въ Себѣ неизмѣняемый, а все измѣняющій, ни новъ, ни старъ, никогда не обновляющійся и никогда не старѣющійся, а все обновляющій и гордыхъ въ невѣдѣніи состарѣвающій, и дѣйствующій всегда и покоющійся всегда, собирающій и ни въ чемъ не нуждающійся, все носящій и наполняющій и поддерживающій, творящій и питающій и усовершеншующій, обо всемъ заботящійся и ни въ чемъ не имѣющій недостатка. Ты любишь, но не волнуешься; ревнуешь, но сохраняешь спокойствіе; раскаиваешься, и не скорбишь; гнѣваешься, и не возмущаешься; измѣняешь дѣла, но не перемѣняешь намѣреній; воспринимаешь что обрѣтаешь, никогда ничего не теряя; ни въ чемъ не терпишь нужды и недостатка, и всякому приобрѣтенію радуешься; чуждый всякаго корыстолюбія, а требуешь роста и лихвы. Тебѣ воздается подбоающая честь и слава, чтобы Тебя ублажить и какъ бы склонить, къ щедрости; но кто же что имѣеть, чего бы не воспріялъ отъ Тебя? Воздавая—уплачиваешь долги, никому не будучи долженъ; прощая—оставляешь долги, ничего чрезъ это не теряя. Но что всѣ слова мои, о Боже мой, жизнь моя, божественная утѣха и радость моя? И горе безмолвствующимъ о Тебѣ, когда и многоглаголивые нѣмоществуютъ.

ГЛАВА 5.

Кто же подастъ мнѣ успокоеніе въ Тебѣ? Кто доставитъ мнѣ это утѣшеніе, да снидешь и увидешь въ душу мою и наполнишь Собою сердце мое, чтобы мнѣ забыть все

горе мое и Тебя—единое благо мое, воспріять и возлюбить? Чтѣ Ты для меня? Сжался надо мною, чтобы мнѣ не остаться безгласнымъ, чтобы я могъ сказать себѣ: что я самъ для Тебя, что Ты заповѣдуешь мнѣ любить Тебя, такъ-что если я не стану любить Тебя, то Ты вознегодуетъ на меня и подыметъ страшныя бѣдствія? Велики ли, или не такъ велики эти бѣдствія, если я не стану любить Тебя? Увы мнѣ! Скажи мнѣ, изъ состраданія твоего ко мнѣ, Господи Боже мой, что Ты для меня. *Скажи душѣ моей: Я твое спасеніе.* Скажи такъ, чтобы я услышалъ. Готово сердце мое и слухъ ушей моихъ предъ тобою, Господи; отвержи ихъ, и скажи душѣ моей: *Я твое спасеніе.* И побѣгу въ слѣдъ гласа сего и достигну Тебя. Не укрои отъ меня лица твоего: я умру, но да не умру, прежде даже не увижу его.

Тѣсна хранина души моей, чтобы войти Тебѣ въ нее и помѣститься въ ней: но ты расшири ее. Вся она—въ развалинахъ: но Ты возстанови и обнови ее. Знаю и сознаюсь, что въ ней есть много нечистотъ, которыя могутъ оскорбить твой взоръ; но кто очиститъ ее? или къ кому иному, кромѣ Тебя, обращусь и воззову: *и отъ тайныхъ моихъ (грѣхонаденій) очисти меня, Господи, и отъ произвольныхъ (грѣховъ) удержи раба твоего* (Псал. XVIII, 13. 14)? *Върую, тѣмъже и глаголю* (Псал. CXV, 1; 2 Кор. IV, 13), Ты знаешь, Господи. Не предъ Тобою ли исповѣдалъ я грѣхи мои, Боже мой, изблывая себя въ нихъ? и—Ты прости мнѣ неправды мои, оставилъ нечестіе сердца моего (Псал. XXXI, 5). Не вхожу въ судъ и состязаніе съ Тобою, потому что Ты—истина; и я не хочу обманывать самого себя, да не солжетъ себѣ неправда моя (Псал. XXVI, 12). Да! не стану препираться и входить въ судъ съ Тобою; *ибо ежели ни беззаконія взирать будешь, Господи, Господи, кто устоитъ* (—СXXIX, 3)?

ГЛАВА 6.

При всемъ томъ позволь мнѣ, Господи, хотя я—земля и пепель,—позволь мнѣ возвысить голосъ предъ твоимъ милосердіемъ. Позволь мнѣ это; ибо я буду говорить предъ милосердіемъ твоимъ, а не предъ человѣкомъ посмѣивающимся. Быть можетъ и Ты посмѣешься надо мною; но Ты же, сжалившись, и помилосердствуешь обо мнѣ. Ибо что я хочу сказать предъ Тобою, Господи Боже мой?—Хочу начать съ того, чего я не знаю и не постигаю, откуда пришелъ сюда—въ эту смертную жизнь или жизненную смерть, откуда говорю, пришелъ я сюда. И меня пришельца воспріяло сострадательное милосердіе твое и затѣмъ встрѣтили меня твои утѣшенія, какъ слышалъ я отъ плотскихъ родителей моихъ отца и матери, изъ которыхъ Ты образовалъ меня, въ опредѣленный періодъ времени; ибо я самъ ничего этого не помню. Такъ, вскормилъ меня, на первыхъ порахъ, сладостию и утѣхою молока человѣческаго твой промыслъ. Не мать моя, не кормилицы мои питали меня сосцами своими, но Ты чрезъ нихъ подавалъ мнѣ—младенцу пищу дѣтскую, по закону природы, Тобою ей предначертанному, и по богатству щедротъ твоихъ, которыми Ты облагодѣтельствовалъ все твари, по мѣрѣ ихъ потребностей. Ты также давалъ мнѣ чувствовать и то, чтобы я не желалъ и не требовалъ этой пищи болѣе того, сколько Ты подавалъ ее, и кормившимъ меня влагалъ стремленіе подавать мнѣ то, что Ты имъ подавалъ. И онѣ охотно, по естественному побужденію, подавали мнѣ то, что въ изобиліи получили отъ твоихъ щедротъ. Ибо благо мое было вмѣстѣ и ихъ благомъ, и хотя ими передавалось мнѣ, но происходило не отъ нихъ, а только чрезъ нихъ совершалось Тобою, такъ-какъ всякое благо отъ Тебя исходитъ, Боже, и отъ Бога моего—все спасеніе мое. И я уразумѣлъ это уже въ послѣдствіи, отъ Тебя самаго, изъ тѣхъ благодатныхъ даровъ, какіе Ты подаешь намъ.

А въ то время я ничего не умѣлъ больше, какъ только сосать грудь матери, покоиться на ея лонѣ, утѣшаться ея ласками, или же плакать при непріятныхъ ощущеніяхъ тѣлесныхъ.

Потомъ я сталъ и улыбаться, сперва во снѣ, а потомъ и наяву. Это мнѣ обо мнѣ же разсказывали, и я повѣрилъ, потому что тоже самое видѣлъ и надъ другими младенцами, хотя того о себѣ не помню. И вотъ мало-по-малу началъ я различать окружающіе меня предметы и стараюсь передавать желанія свои тѣмъ, которые могли бы удовлетворить мнѣ, но не могъ, потому что желанія мои заключались во мнѣ, а исполнителя ихъ внѣ меня, и ни однимъ чувствомъ своимъ, ни какимъ чутьемъ не могли проникнуть въ душу мою. Мнѣ оставалось пользоваться разными тѣлодвиженіями и звуками голоса, какъ нѣкоторыми знаками, соответствующими моимъ желаніямъ, и я дѣлалъ знаки, какіе только могъ; но и эти знаки были бѣдны и маловыразительны, такъ-что оказывались неудовлетворительными. И когда желаніямъ моимъ не удовлетворяли, или потому что не понимали меня, или потому что боялись повредить мнѣ чрезъ исполненіе моихъ желаній, я приходилъ въ негодованіе и досадовалъ на старшихъ себя, не подчинявшихся мнѣ, независящихъ отъ меня, не слушающихъ меня, и самъ себя наказывалъ за то плачемъ. Таковы вообще дѣти-младенцы, сколько я могъ узнать это изъ наблюденій надъ ними, и самъ я былъ таковъ же; въ этомъ тѣже неумѣющіе говорить и несознающіе себя младенцы болѣе увѣряютъ меня, нежели сколько могли увѣрить меня многорѣчивые и сознающіе себя мои воспитатели.

И вотъ младенчество мое давно уже умерло для меня, а я все еще пока живу. Ты же, Господи, всегда живешь, и ничто не умираетъ въ Тебѣ, потому что Ты всегда существуешь отъ начала вѣковъ и прежде всего, когда бы что

ни существовало, и Ты—Богъ и Владыка всего, сотвореннаго Тобою; у Тебя конечныя причины всего преходящаго, въ Тебѣ непреложныя начала всего измѣняемаго, и все, само по себѣ временное и само по себѣ неуяснимое, находить для себя въ Тебѣ и у Тебя и вѣчную жизнь, и всегдашнее успокоеніе. Скажи же мнѣ, припадающему къ стопамъ твоимъ и умоляющему Тебя, Боже мой, скажи, по милосердію своему къ недостойному рабу твоему, скажи мнѣ: предшествовалъ ли младенчеству моему какой-либо другой возрастъ жизни моей, для меня уже не существующій, или этотъ возрастъ ограничивался только тѣмъ состояніемъ, какое провель я во утробѣ матери моей? Ибо и объ этомъ состояніи, проведенномъ мною въ матерной утробѣ, сообщено мнѣ нѣкоторое понятіе, да и самъ я видѣлъ беременныхъ женщинъ. Что же предъ тѣмъ было со мною, радость моя, утѣха моя Боже мой, былъ ли я до того гдѣ-нибудь или чѣмъ-нибудь? И нѣтъ у меня никого, кто бы сазалъ мнѣ что-нибудь на это: ни отецъ, ни мать, ни опытъ надъ другими, ни память моя не могутъ дать мнѣ отвѣта. О, не посмѣвайся надо мною, когда я спрашиваю объ этомъ, Ты, заповѣдующій мнѣ Тебя Бога славить и хвалить за все то, что позналъ я, и Тебя Господа исповѣдывать.

Исповѣдую Тебя и Тебѣ исповѣдуюсь, Господи Боже мой, Владыко неба и земли, хвалу Тебѣ воздавая и за то первобытное состояніе мое, какое предшествовало младенчеству, и за самое младенчество мое, чего я не помню, но относительно чего далъ Ты возможность человѣку дѣлать догадки и заключенія изъ наблюденій надъ другими и о себѣ, и вѣрить о себѣ многому на основаніи свидѣтельствъ кормилицъ и нянекъ. Ибо я существовалъ и жилъ тогда еще, хотя знаковъ для выраженія и сообщенія другимъ чувствъ и ощущеній бытія своего и жизни своей сталъ искать уже подъ конецъ младенчества. И отсюда такое оживотворенное

существо могло произойти, какъ не отъ Тебя, Господи? Есть ли и можетъ ли быть такой художникъ, который бы самъ себя сотворилъ? или можно ли представить себѣ другую конечную причину нашего бытія и нашей жизни, кромѣ Тебя, Господи, какъ Творца и Зиждителя нашего, которому нераздѣльно присущи бытіе и жизнь, такъ какъ Ты самъ—высочайшее бытіе и высочайшая жизнь? Ты—Всевышній, неизмѣняешься. Для Тебя настоящій день никогда не проходитъ, хотя онъ и въ Тебѣ проходитъ, потому что и это все въ Тебѣ; иначе не было бы для него путей прохожденія, если бы Ты не содержалъ его въ Себѣ. И поеліку лѣта твои не *оскудѣваютъ* (Псал. СІ, 28), то эти лѣта твои—не всегдашній ли, одинъ и тотъ же, непрерывный день? И сколько уже дней нашихъ и предковъ нашихъ протекло чрезъ этотъ твой никогда и ни въ чемъ неизмѣняющійся—всегда настоящій день, и изъ него или въ немъ получили видоизмѣненій, какъ бы они ни видоизмѣнялись, а сколько и еще пройдетъ ихъ въ разныхъ видоизмѣненіяхъ, каковы бы эти измѣненія ни были, Ты всегда и неизмѣнно одинъ и тотъ же (тамъ же); и все наше прошедшее и все наше будущее у Тебя совершается въ вѣчно-настоящемъ. Что за бѣда, если кто и не пойметъ словъ моихъ? Довольно для него, если онъ скажетъ: что это значить? Пусть удовольствуется и этимъ, а вѣстѣ съ тѣмъ пусть возжелаетъ лучше не лица находить Тебя, нежели лица не находить Тебя.

ГЛАВА 7.

Услышь меня, Господи! Горе грѣхамъ человѣческимъ! И это говорить человѣкъ, и Ты милосердствуешь о немъ, потому что Ты сотворилъ его, грѣха же не сотворилъ въ немъ. Кто же изобразитъ мнѣ младенчество мое и расскажетъ о грѣхахъ его? Ибо кто чистъ отъ грѣха предъ Тобою?—Никто, ни даже младенецъ, хотя бы и одинъ день житія его

былъ на землѣ. Кто передастъ мнѣ это? Неужели какой-нибудь теперешній маленькій ребенокъ, въ которомъ я вижу то, чего не припоминаю о себѣ? Итакъ, въ чемъ же я тогда погрѣшилъ, или чѣмъ? Не грѣшилъ ли я тѣмъ, когда разѣваль ротъ и жадно ловилъ имъ сосцы матери, съ плачемъ? Ибо если бы я теперь сталъ дѣлать это, разѣвая такимъ же образомъ ротъ свой, конечно, не на сосцы, а на соответствующую возрасту моему пищу; то надо мною стали бы смѣяться, и я точно подвергнулся бы справедливымъ укоризнамъ. Слѣдовательно я дѣлалъ тогда то, что заслуживало порицаніе; но такъ-какъ я не понималъ этого и не могъ понимать, то и не было причины, да и незаконно было бы по принятымъ въ обычаѣ правиламъ ставить мнѣ это въ вину, ибо отъ подобныхъ поступковъ мы освобождаемся и отчуждаемся уже съ возрастомъ. Но я не видалъ, чтобы человѣкъ въ полномъ умѣ, очищая домъ отъ сора, вмѣстѣ съ соромъ выбрасывалъ и добрыя вещи. Неужели же, по самому времени младенчества, неукоризненны и невинны были (чтобы не сказать добры) и эти поступки, какъ наприкладъ: со слезами требовать чего-нибудь вреднаго, сердиться и досадовать на неподвластныхъ себѣ, на старшихъ себя, даже на родителей своихъ и другихъ, имѣющихъ уже смыслъ и разумъ, за то, что они не слушаются младенческихъ причудъ, царапаясь и кусаясь, стараться по мѣрѣ силъ вредить за то, что не выполняютъ вредоносныхъ требованій. Нельзя упрекать и винить младенцевъ за слабость и немощь ихъ членовъ; но ихъ душевныя свойства подлежатъ упрекамъ. Я видѣлъ самъ завистливаго ребенка: онъ еще не говорилъ, а между тѣмъ бросалъ взгляды на своего молочнаго брата съ какою-то злобною горечью, досадою и блѣдностію. Кто этого не знаетъ? Говорятъ, что матери-кормилицы замаливаютъ въ этомъ случаѣ грѣхи свои и отмаливаютъ такіе недостатки въ своихъ дѣтяхъ, не знаю только, какими средствами. Развѣ это—невинность, когда видишь, что у гру-

дей матери, при обилии и совершенномъ достаткѣ молока, одинъ ребенокъ не терпитъ при себѣ другаго, равно нуждающагося въ этой пищѣ и питающагося только ею. Конечно, на все это смотрятъ ласково и терпѣливо, не потому, чтобы это было дѣло маловажное и ничего не значило, а потому, что съ теченіемъ времени это должно пройти. И съ этимъ, пожалуй, нельзя не соглашаться; но при всемъ томъ нельзя и не слѣдуетъ смотрѣть на это равнодушно, когда въ слѣдъ затѣмъ, при дальнѣйшемъ возрастѣ ребенка всѣ подобныя недостатки замѣчаются, не одобряются, преслѣдуются.

Итакъ, Господи и Боже мой, давшій жизнь младенцу и облекшій его въ тѣло, одаренное всеми чувствами, какія только мы видимъ въ себѣ, Ты составилъ его изъ разныхъ членовъ, далъ ему прекрасный видъ и для самосохраненія его вѣдрилъ въ него всѣ стремленія, всѣ наклонности существа одушевленнаго,—Ты заповѣдуешь мнѣ славить, исповѣдывать и воспѣвать имя твое, Вышній; ибо Ты—Богъ всемогущій и всеблагій, хотя бы Ты и одно это содѣлалъ, чего никто другой не можетъ сдѣлать, кромѣ Тебя одного, какъ высочайшаго художника, который даешь и образъ, и красоту, и строй всему по своимъ законамъ. И этотъ впрочемъ возрастъ, Господи, который я прожилъ безсознательно, но о которомъ я знаю по вѣрѣ изъ разсказовъ другихъ и заключаю изъ наблюденія надъ другими младенцами, хотя всѣ подобныя свѣдѣнія имѣютъ значительную долю вѣрности и точности, и этотъ возрастъ съ грустью и неохотно причисляю къ этой жизни моей, которою я живу въ этомъ мірѣ. Ибо сколько могу судить по темнымъ и неуловимымъ воспоминаніямъ объ этомъ возрастѣ, а еще болѣе по совершенному отсутствію памятованія о немъ, я сравниваю его съ состояніемъ пребыванія моего во утробѣ матери. И если я уже *въ беззаконіи зачатъ есмь и во грѣсѣхъ роди мя*

мати моя; то все-таки дерзаю вопрошать Тебя, Боже мой, гдѣ я—рабъ твой, Господи, гдѣ или когда былъ я невиннымъ? Но въ то же время и оставляю это время, о которомъ дерзнулъ я спросить Тебя. Да и какое мнѣ отношеніе къ нему, когда нѣтъ у меня о немъ никакихъ воспоминаній, никакихъ слѣдовъ?

ГЛАВА 8.

Поступая далѣе, не изъ младенчества ли перешелъ я въ отрочество; или—вѣрнѣе, не само ли отрочество наступило для меня и заступило мѣсто младенчества? Но и младенчество не оставило меня, ибо куда ему дѣваться, и одинаково его уже не было. Я пересталъ уже быть младенцемъ, не умѣющимъ еще говорить, но сталъ уже отрокомъ, пріобрѣтшимъ и даръ слова. И я помню это, даже имѣю ясное представленіе о томъ, какимъ образомъ выучился я говорить. Меня не учили тому старшіе меня такъ, чтобы показывали слова въ какомъ-нибудь опредѣленномъ порядкѣ ученія, какъ это дѣлали въ послѣдствіи, уча меня азбукѣ и сочетанію буквъ, но я самъ умомъ своимъ, дорованнымъ мнѣ Тобою Боже мой, заучивалъ все это съ помощію памяти, потому что не имѣлъ возможности выразить чувства души моей ни плачемъ, ни крикомъ, ни разными тѣлодвиженіями, не могъ безъ помощи слова передать свои желанія другимъ, въ ожиданіи себѣ отъ нихъ удовлетворенія. Дѣло было такъ: когда одни называли какую-нибудь вещь словомъ и по этому слову другіе обращались къ той вещи, я замѣчалъ и удерживалъ въ памяти, что этимъ словомъ называли ту именно вещь, на которую указывали тѣмъ же словомъ. А что это такъ, очевиднымъ становилось для меня изъ самыхъ тѣлодвиженій ихъ при этомъ, какъ естественнаго и общаго всѣмъ народамъ языка, посредствомъ котораго выражается въ лицѣ, глазахъ, въ звукѣ голоса и всякихъ движеніяхъ тѣла состояніе души

при ея желаніи или нежеланіи чего-нибудь. Такъ, слыша часто въ разговорахъ одни и тѣже слова, при однаковой ихъ обстановкѣ, я мало-по-малу научился понимать ихъ значеніе, и посредствомъ этихъ словъ, какъ имѣющихъ опредѣленное значеніе, послушнымъ языкомъ сталъ выражать свою волю. И сими-то знаками я выражалъ уже свои мысли и мѣнялся ими съ тѣми, среди которыхъ жилъ; потомъ—далѣе—вступилъ въ бурное общесво жизни человѣческой, все еще завися отъ власти родителей и воли старшихъ

ГЛАВА 9.

Боже, Боже мой! какихъ бѣдствій и посмѣяній не испыталъ я тамъ, когда мнѣ—мальчику поставляли единственнымъ правиломъ жизни слушаться наставленій, чтобы въ этомъ мірѣ сдѣлаться славнымъ, усидѣть въ наукахъ и особенно отличиться въ искусствѣ краснорѣчія, служащемъ къ пріобрѣтенію мірскихъ почестей и богатствъ. Съ этою цѣлю и отдали меня въ школу для изученія наукъ, пользы которыхъ я, несчастный, не понималъ; а между тѣмъ, когда лѣнился за ученіемъ, меня сѣкли. Такъ это уже водится изстари, и многіе еще до насъ, жившіе такою жизнію, проложили эти скорбные пути, по которымъ и намъ досталось проходить, съ умноженіемъ труда и болѣзни у сыновъ Адамоныхъ. Встрѣтили впрочемъ мы людей, обращающихся къ Тебѣ, Господи, и научились отъ нихъ чувствовать и мыслить о Тебѣ, сколько могли, какъ о нѣкомъ Великомъ Существомъ,— именно, что Ты можешь, и не являясь чувствамъ нашимъ, выслушивать насъ и помогать намъ. И я, какъ мольчигъ еще, сталъ искать и просить у Тебя помощи, заступничества, убѣжища, призывая Тебя, я преодолевалъ всѣ трудности дѣтскаго языка моего; я просилъ, я молилъ Тебя, какъ ребенка, съ свойственнымъ ему чувствомъ уни-

ленія, чтобы меня не сѣдлѣ въ школѣ. И когда Ты не внималъ моимъ мольбамъ (что однакоже не вело меня къ безумію), старшіе и сами даже родители, которые конечно не желали мнѣ зла, смѣялись надо мною, когда меня наказывали, что меня въ тѣ минуты еще болѣе убивало и оставляло въ душѣ моей самое тяжелое и грустное чувство.

Господи! есть ли столь великія души, до того мужественныя, такую пламенную любовь къ Тебѣ привязанныя, есть ли, говорю, такіе великіе характеры, такія возвышенныя личности, которыя изъ совершенной преданности къ Тебѣ ни во что вмѣняли бы и козлы, и кохти, и всякаго рода орудія мученій, презирая самыя мученія, о избавленіи отъ которыхъ со страхомъ умоляютъ Тебя повсюду, и съ равнодушіемъ относились къ тѣмъ, которые страдаютъ таковыхъ мукъ, подобно тому, какъ родители наши бываютъ равнодушны къ мученіямъ, которымъ подвергаются дѣти ихъ отъ учителей? И мы не менѣ боялись этихъ мученій и не менѣ молили Тебя объ избавленіи насъ отъ сего; а между тѣмъ грѣшили, не прилагая того старанія по своимъ занятіямъ ни въ писаніи, ни въ чтеніи, ни въ размышленіи, какого требовали отъ насъ. У меня не было недостатка ни въ памяти, ни въ умѣ, которыми благоволилъ, Ты, Господи, надѣлать меня щедро, по моему возрасту; но я любилъ игры, и былъ за то наказываемъ тѣми, которые сами тоже дѣлали. Но забавы старшихъ называются дѣломъ, а дѣтскія игры, когда онѣ случаются, преслѣдуются ими; и бѣдныхъ дѣтей никто не жалѣетъ, будутъ ли они мальчики, или дѣвочки, или тѣ и другіе. Раздѣ кто изъ здравомыслящихъ судей одобрить, напримѣръ, хоть-бы этотъ поступокъ надо мною, когда меня наказали за то, что я игралъ въ мячъ, будучи мальчикомъ, и эта игра помѣшала мнѣ скорѣе выучить урокъ, надъ которымъ съ отвращеніемъ я посмѣялся бы только, будучи въ совершенномъ возрастѣ; или тотъ-же здравомыс-

лящій судья развѣ не скажетъ, что тотъ самый, который наказывалъ меня, не менѣе, если не болѣе, былъ виноватъ, когда въ какомъ нибудь ученомъ спорѣ, оставаясь побѣжденнымъ отъ своего соперника, болѣе мучился завистию и досадою, нежели я, оставаясь побѣжденнымъ отъ своего товарища въ искусствѣ играть въ мячъ.

ГЛАВА 10.

И однакоже я грѣшилъ, Господи Боже, Творецъ и Промыслитель всего въ мірѣ, но грѣшниковъ только Промыслитель. Господи Боже мой! грѣшилъ я, поступаая вопреки правиламъ и повелѣніямъ родителей и учителей. Ибо въ послѣдствіи я могъ получить пользу отъ всего того, чему они хотѣли выучить меня, съ какою бы цѣлю они меня ни учили. Но я, не избирая лучшаго, былъ непослушенъ и, и увлекааясь играть, любилъ вичливья побѣды въ состязаніяхъ, и раздражалъ въ себѣ слухъ вымышленными разсказами, и чѣмъ сильнѣе они возбуждали меня, тѣмъ съ большимъ любонитствомъ стремился я на зрѣлища и на игры етаршихъ себя, такъ высоко цѣнимыя въ свѣтѣ, что отличающіеся на этихъ играхъ и зрѣлищахъ, въ сознаніи собственнаго достоинства, всѣ почти желаютъ того же и дѣтямъ своимъ; а между тѣмъ охотно дозволяютъ сѣчь дѣтей, если на нихъ отвлекаются они отъ той науки, которая въ послѣдствіи дала бы имъ возможность блистать въ свѣтѣ. Видь это, Господи, возри на насъ милосердо, избавь насъ уже обратившихся къ Тебѣ и не призывающихъ Тебя; избавь и тѣхъ, которые еще не обратились къ Тебѣ и не приываютъ Тебя, да обратятся и призовуть, и—избавишь ихъ.

ГЛАВА II.

Слышала я, будучи еще отрокомъ, о жизни вѣчной обѣщанной намъ, по челоувѣколюбію Господа Бога нашего, въ уничижен-

номъ состояніи снизшедшаго въ нашей гордынѣ, и еще отъ утробы матери моей, которая много надѣялась на Тебя, я знаменовался крестомъ Его и вкушалъ соль Его ¹⁾. Ты видѣлъ, Господи, какъ я, будучи еще ребенкомъ, однажды вдругъ заболѣлъ затверденіемъ желудка, такъ-что едва не умеръ было отъ воспаления. Ты видѣлъ, Боже мой, ибо Ты и тогда былъ хрипителемъ моимъ, съ какимъ расположеніемъ души, съ какою вѣрою просилъ я у благочестивой матери моей и у общей нашей матери—святой церкви твоей крещенія во Христа твоего, Бога и Господа моего. И смущенная мать моя, по плоти, еще сильнѣе желавшая, чистымъ сердцемъ, по вѣрѣ въ Тебя, родить меня для вѣчнаго спасенія, уже спѣшила съ заботливостію приготовить все, чтобы я омылся и освятился спасительнымъ таинствомъ, исповѣдуя Тебя, Господи Иисусе, во оставленіе грѣховъ; какъ вдругъ я выздоровѣлъ. Такимъ образомъ очищеніе мое было отложено, какъ будто нужно было, чтобы я еще свернулся въ жизни; такъ—какъ очевидно, что виновность въ оскверненіи грѣхами была бы больше и опаснѣе послѣ купѣли крещенія. Итакъ я уже вѣровалъ, какъ и мать моя, и весь домъ нашъ, кромѣ одного отца, который однако не превозмогъ во мнѣ силы матерней любви и не могъ помѣшать мнѣ увѣровать во Христа, въ котораго онъ еще не вѣровалъ. И мать моя заботилась о томъ, чтобы Ты, Боже мой, былъ мнѣ Отцемъ, болѣе нежели онъ, въ чемъ Ты и помогъ ей превозмочь мужа, которому впрочемъ она усердно служила, потому что и въ этомъ она повиновалась твоему велѣнію.

Желалъ бы знать, Боже мой, молю Тебя, если только Тебѣ угодно это, съ какою цѣлію отсрочено было мое кре-

¹⁾ Древній обычай, по которому оглашеннымъ, въ день Пасхи, давалась освященная соль. 1 Кареаг. соб. прав. 5. У католиковъ этотъ обычай соблюдается донинѣ, при крещеніи.

щеніе: ко благу ли моему, мнѣ какъ бы послаблены были узы грѣха, или не послаблены? Еще и теперь часто, отъ многихъ, слышится: оставь его, пусть дѣлаетъ, что хочетъ, онъ еще не крещенъ; однакоже относительно здоровья тѣла мы не говоримъ: оставь его, пусть покрывается язвами, онъ еще не выздоровѣлъ. Не лучше ли было бы, еслибы я скорѣе исцѣлился, благодаря заботливости приближенныхъ ко мнѣ и моей собственной, чтобы воспріятое спасеніе души моей, Тобою дарованное, безопасно было подъ покровомъ твоимъ? Да, лучше! Но мать моя предвидѣла, сколько и какия волны искушеній грозилъ мнѣ, по выходѣ изъ дѣтства; и она лучше хотѣла, чтобы эти волны наводнили землю, еще грубую, и въ ней же сокрушилась, а не тотъ образъ, въ который эта персть должна была затѣмъ облечься и который и долженъ былъ потомъ воспріять.

ГЛАВА 12.

Не взирая однакоже на то, я въ дѣтствѣ своемъ, за которое не столько боялся, сколько за юношескій возрастъ, не любилъ учиться и досадовалъ, когда меня принуждали къ тому; при всемъ томъ меня все-таки заставляли учиться, и благо для меня это было, но я не хорошо поступалъ, учась только по принужденію. И всякій, кто дѣлаетъ что-либо неохотно, по одному принужденію, не хорошо дѣлаетъ, хотя бы то, что онъ дѣлаетъ, и доброе дѣло было. Да и тѣ, которые дѣлали мнѣ насиліе, не хорошо поступали; но благо въ этомъ для меня зависѣло отъ Тебя, Боже мой. Ибо они, заставляя меня учиться, ничего не имѣли въ виду, кромѣ удовлетворенія ненасытимымъ желаніямъ богатства и славы. Ты же, у кого и волосы на головѣ нашей всѣ сочтены (Мат. X, 30.), погрѣшности и заблужденія понуждавшихъ меня учиться обращалъ въ мою пользу, а мое отвращеніе отъ ученія, непокорность и ослушаніе учителямъ

вмѣнялъ мнѣ же въ наказаніе, котораго я заслуживалъ тѣмъ что не хотѣлъ учиться, и своимъ послушаніемъ, — такой маленькій мальчикъ и такой грѣшникъ! Такимъ образомъ изъ того, что другіе дѣлали въ отношеніи ко мнѣ нехорошаго, Ты извлекалъ для меня пользу; а за то, въ чемъ я самъ грѣшилъ, дѣлалъ праведное мнѣ же возмездіе. Ибо Ты заповѣдалъ и постановилъ правиломъ, и такъ оно бываетъ, чтобы всякій безпорядокъ въ жизни носилъ въ себѣ соотвѣтственное наказаніе

ГЛАВА 13.

Но отъ чего ненавидѣлъ ч греческій языкъ, которому меня учили съ малолѣтства, я и до сихъ поръ не могу себѣ объяснить надлежащимъ образомъ. Я весьма любилъ латинскій языкъ, но не то въ немъ, чему учатъ первые учителя, а то, чему учатъ такъ называемые грамматѣи (*grammatici*). Ибо и эти первые (латинскіе) начатки ученія, когда учатъ насъ читать и писать и считать, были для меня не менѣе тягостны и сопровождались наказаніями, подобно всякой греческой грамотности. Отъ чего же и это, какъ не отъ грѣха и суетности жизни, потому что я былъ плоть, былъ вѣтръ, который блуждаетъ и не возвращается? Но это первоначальное ученіе, какъ болѣе близкое, болѣе вѣрное и опредѣленное, которое и подавало мнѣ всегдашнюю пищу, такъ-что я всегда имѣю возможность съ охотою и прочитатъ, чтò нахожу въ письменности, и самъ написать, чтò захочу, конечно, лучше тѣхъ наукъ, по которымъ заставляли меня, обременяя память, заучить странствованія или похожденія (*errones*) какого-нибудь Энея, оставляя въ забвеніи собственные заблужденія (*errones*) мои, и оплакивать смерть Дидоны, убившей себя изъ любви, между тѣмъ какъ я несчастлвѣйшій, убивая себя подобными занятіями, самъ умиралъ и не чувствуя того, удалялся отъ Тебя, Боже — жизнь моя.

И что можетъ быть жалостиѣе несчастнаго, самаго себя не жалѣющаго, плачущаго надъ смертію Дидоны, умершей отъ любви къ Энею, а не оплакивающаго своей смерти, простигающей отъ недостатка любви къ Тебѣ, Боже, свѣту сердца моего, духовной пищѣ души моей, животворной силѣ ума моего и внутренней тайнѣ помышленія моего? Между тѣмъ, я не любилъ Тебя и нечестовалъ вдали отъ Тебя, и когда я нечестовалъ, то отсюду одобрительные отзывы слышались: браво, браво! Ибо пріятельская дружба міра сего есть нечестіе въ удаленіи отъ Тебя; и эти возгласы: браво, браво! произносятся съ тѣмъ, чтобы ими однихъ ободрить, а другихъ укорить. И я не плакалъ объ этомъ, а плакалъ о Дидонѣ, умершей и въ могилу сошедшей отъ меча, самъ подвергаясь неизвѣстной, сокрытой отъ меня Тобою будущности, оставивъ Тебя, и—какъ земля въ землю обращаясь; и если бы мнѣ воспретили это чтеніе, то я печалился бы, не прочитавъ того, о чемъ плакалъ. А между тѣмъ, такое безуміе считается наукою почетнѣе и плодотворнѣе той, по которой я выучился читать и писать.

Но теперь, Боже мой, истина твоя да воззоветъ въ душѣ моей и скажетъ мнѣ: не такъ, не такъ; первое изъ выше-сказанныхъ ученіе всеконечно лучше. Ибо нынѣ же я скорѣе готовъ забыть странствованія Энея и все подобное тому, нежели забыть—читать и писать. Правда, на дверяхъ школъ грамматѣвъ висятъ занавѣски, но онѣ служатъ не столько почетнымъ символомъ таинственности, сколько покровомъ заблужденія. Пусть не возстаютъ противъ меня учителя, которыхъ я уже не боюсь, когда я исповѣдуюсь Тебѣ, Боже мой, во всемъ, что сознаетъ душа моя, и успокоиваюсь въ обличеніи злыхъ путей моихъ, чтобы возлюбить благіе пути твои. Пусть не возстаютъ противъ меня продавцы и покушатели грамматикъ, они не устоятъ противъ истины; ибо если я предложу имъ вопросъ: правда ли то, что поэтъ

разсказываетъ о прибытіи когда-то Энея въ Кареагентъ?—то малоученые отвѣтятъ, что они не знаютъ, а многоученые даже отвергнутъ справедливость этого. Но если спрошу: какими буквами пишется имя Энея; то на это все учившіеся грамотѣ, въ одинъ голосъ, какъ сущую правду, отвѣтятъ мнѣ:—пишется такъ и по тѣмъ правиламъ, какъ согласились и постановили между собою люди въ изображеніи этихъ знаковъ. Притомъ, если бы я спросилъ, что для каждаго изъ насъ, что въ этой жизни было бы болѣе выгодно: забыть ли читать и писать, или забыть эти поэтическіе вымыслы; то кто затруднился бы въ отвѣтъ на это, если только, не потерявъ памяти, сознаетъ себя совершенно? Итакъ, я грѣшилъ въ дѣтскомъ возрастѣ, когда этимъ пустымъ занятіямъ давалъ предпочтеніе въ любви своей предъ тѣми предметами, которые полезнѣе,—вѣрнѣе, послѣдніе ненавидѣлъ, а первые любилъ. Самое даже повтореніе хотьбы этихъ словъ: одинъ да одинъ—два, два и два—четыре,—эта постоянная пѣсня нестерпима была для меня; а какой-нибудь деревянный конь, наполненный вооруженными воинами, осада и пожаръ Трои, самая тѣнь Креузы,—эти зрѣлища оуетности служили для меня пріятнѣйшимъ наслажденіемъ.

ГЛАВА 14.

Но отъ чего же ненавидѣлъ я самую грамотность греческую, подобныя дѣла воспѣвающую? Ибо Гомеръ, весьма искусенъ въ составленіи такихъ разсказовъ, и, не смотря на пустоту ихъ, весьма пріятенъ; а при всемъ томъ онъ мнѣ въ дѣтствѣ моемъ не правился. Думаю, что и для греческихъ отроковъ—тоже самое Виргилій, когда ихъ заставляютъ изучать его также, какъ меня заставляли изучать Гомера. Очевидно, что трудность, именно, одна трудность въ изученіи чужестраннаго языка, какъ бы желчію, отравляла для меня всю пріятность греческую въ баснословныхъ

разсказахъ. Я не понималъ тамъ ни одного слова, а меня заставляли знать то суровыми угрозами, то наказаніями. Было же время, когда я въ младенчествѣ также ничего не зналъ и латинскихъ словъ; однако же чрезъ наблюденія и замѣчанія выучился имъ и сталъ понимать безъ всякаго страха и мученія, среди ласкъ кормилицъ моихъ, шутокъ—забавлявшихъ меня и удовольствій—игравшихъ со мною, выучился тому, безъ всякихъ карательныхъ понужденій, будучи побуждаемъ къ тому собственнымъ сердцемъ. Мнѣ нужно было выражать свои чувства, а это было невозможно безъ заучиванія кое-какихъ словъ, но не отъ учителей, а изъ живыхъ разговоровъ, посредствомъ которыхъ и я передавалъ другимъ то, чтò чувствовалъ. А изъ этого само собою открывается, что для приобрѣтенія и усвоенія такихъ познаній гораздо дѣйствительнѣе свободная любознательность, нежели боязливая и запуганная принужденность. Но и этой свободы порывы сдерживаются строгою необходимостью по законамъ твоимъ, Боже, твоимъ законамъ, сильнымъ и мощнымъ, которые, начиная отъ розги учителей до мученическихъ пытокъ, всюду примѣшиваютъ спасительную горечь, возвращающую насъ къ Тебѣ отъ пагубныхъ удовольствій, удалявшихъ насъ отъ Тебя.

ГЛАВА IБ.

Услыши, Боже, молитву мою, да не изнеможетъ душа моя подъ пѣстунствомъ твоимъ; и я не престану исповѣдывать предъ Тобою и славить неизреченное твое ко мнѣ милосердіе, которое явилъ Ты мнѣ, изведши меня отъ всѣхъ прѣбеззаконныхъ путей моихъ; превыше всѣхъ тѣхъ обольщеній, которыми я увлекался; и я возлюблю Тебя всеѣмъ существомъ моимъ и предамся Тебѣ всецѣло, и Ты избавишь меня отъ всякаго искушенія на-всегда. Ибо Ты, Господи, Ты—Царь мой и Богъ мой, Тебѣ и должно служить

все, чему только выучился я полезному въ дѣтствѣ своемъ, — Тебѣ должно служить все, что и говорю, и пишу, и читаю, и считаю, такъ-какъ Ты, когда я занимался чѣмъ-нибудь суетнымъ, вразумлялъ меня и прощалъ мнѣ мое грѣшное удовольствіе при этихъ суетныхъ занятіяхъ. Много и полезнаго вынесъ я изъ отроческаго ученія, а много и такого, что относится уже къ предметамъ превыше суетныхъ: въ этомъ и состоитъ безопасность пути для отроковъ.

ГЛАВА 16.

Но—увы! кто устоитъ предъ силою нравовъ и обычаевъ человѣческихъ? Она, вѣчно властвуя, постоянно увлекаетъ дѣтей Евы въ море великое и страшное, гдѣ едва спасаются и на корабляхъ. Не этою ли силою и я увлеченный читалъ о Юпитерѣ и громовержцѣ, и прелюбодѣѣ? И какъ то и другое несовмѣстимо; то придумано оно, конечно, для того, чтобы дѣйствительному любодѣянію имѣть опору для подражанія, прикрываясь мнимымъ авторитетомъ громовержца. И чей трезвенный слухъ изъ призванныхъ учителей не оскорбится слушая человѣка—своего собрата, когда онъ во всеуслышаніе говоритъ: «все это выдумалъ Гомеръ, и свойства человѣческія приписалъ богамъ; но я лучше хотѣлъ бы, чтобы свойства божескія были приписываемы намъ»¹⁾). Но вѣрнѣе можно сказать, что это выдумалъ скорѣе онъ самъ, приписывая въ тоже время людямъ порочнымъ свойства божественныя, чтобы пороки не считались пороками, и чтобы всякій, кто ни дѣлалъ бы ихъ, казался подражающимъ не людямъ грѣшнымъ, но богамъ небожителямъ.

А между тѣмъ въ тебя, адскій водоворотъ, стремятся сыны человѣческіе и платятъ еще за твою науку; притомъ смотрятъ на это, какъ на великое дѣло, такъ-что все это

¹⁾ Цицеронъ въ Тускул. 1.

совершается публично, въ открытыхъ мѣстахъ, подъ покровительствомъ законовъ, обезпечивающихъ учителей наградами и постояннымъ содержаніемъ. Указывая на все это, съ гордостію говорятъ: здѣсь изучается искусство слова, здѣсь приобретается краснорѣчіе, столь необходимое для убѣжденія и взаимнаго объясненія. Да, дѣйствительно! мы не понимали бы этихъ словъ: золотой дождь, нѣдра, высота сводовъ небесныхъ и тому подобныя выраженія, какія начертаны тамъ, если бы Теренцій не вывелъ на сцену порочнаго юношу, который, разматривая какую-то написанную на стѣнѣ картину (изобразившую, какъ Юпитеръ низшелъ въ нѣдра Данаи какимъ то золотымъ дождемъ, какъ онъ чрезъ это соблазнилъ ее),—представлялъ при этомъ себѣ въ Юпитерѣ примѣръ разврата. И смотри же, какъ этотъ юноша разжигаетъ въ себѣ похоть, какъ бы по указанію самаго бога. «И какого бога?» — замѣчаетъ Теренцій. «Бога — потрясающаго громами своды небесныя. И мнѣ ли, человѣку пресмыкающемуся на землѣ, не дѣлать того же? Да, я это сдѣлалъ, и сдѣлалъ это тѣмъ охотнѣе» 1). Конечно, слова эти, по причинѣ своего порочнаго содержанія, не разъясняются, но они внушаютъ смѣлость къ совершенію пороковъ. Я не обвиняю слова, какъ сосуды избранныя и честныя, но обвиняю грѣховный напитокъ, которымъ напаяютъ насъ изъ нихъ безумныя учителя; и если бы мы не стали пить этого напитка, то они стали бы наказывать насъ, не слушая никакого здраваго оправданія. А между тѣмъ, Боже мой (предъ взоромъ твоимъ, мнѣ можно смѣло воспоминать объ этомъ), я несчастный охотно, даже съ удовольствіемъ изучалъ все это, и за то называли меня мальчикомъ, подающимъ добрыя надежды.

ГЛАВА 17.

Дозволь мнѣ, Боже мой, сказать вѣчто и объ умѣ мо-

1) Въ комедіи „Евнухъ“ дѣйст. III, явлен. 5.

емъ,— твою даръ, на какія тратилъ я его нелѣпости. Мнѣ часто давали дѣло, довольно тревожное для души моей, заставляя меня то общаніемъ наградъ, то угрозою наказаній произносить слова Юноны, какъ она гнѣвалась и скорбѣла, когда не могла отвратить отъ Италіи вождя Тевкровъ (Троянецъ). Я никогда не слыхалъ, чтобы Юнона говорила что-нибудь подобное, но мы должны были идти по слѣдамъ поэтическихъ вымысловъ и рассказывать свободно рѣчью то, что поэтъ говорилъ стихами. И чѣмъ кто сообразнѣе съ положеніемъ представляемаго лица выражалъ въ себѣ страсти гнѣва и скорби, словами точъ въ точъ передающими мысли, тѣмъ болѣе заслуживалъ онъ ободренія и похвалъ. Что мнѣ изъ этого, о, истинная жизнь моя, Боже мой, что мнѣ рукоплескали, когда я декламировалъ, и восхваляли меня предъ многими сверстниками и товарищами? Не все ли это дымъ и вѣтръ? Неужели ничего не было инаго, въ чемъ бы можно было мнѣ упражнять свой умъ и языкъ? Хвалы твои, Господи, хвалы твои, посредствомъ упражненія въ божественномъ Писаніи твою, могли бы составить наилучшую побѣду и торжество для души моей, и я не сдѣлался бы чрезъ суетныя занятія нелѣпостями постыдною добычею властей воздушныхъ, коимъ, какъ духамъ падшимъ, приносятся жертвы не однимъ способомъ, а многообразно.

ГЛАВА 18.

Что же удивительнаго, если я по увлеченію вдавался въ такую суету и удалился отъ Тебя, Боже мой, когда мнѣ представляли въ примѣръ такихъ людей, которыхъ порицали и осмѣивали въ то время, какъ они о дѣлахъ своихъ и не дурныхъ выражались съ примѣсью барбаризмовъ и соллецизмовъ, а напротивъ того хвалили и превозносили ихъ, когда о собственныхъ порокахъ рассказывали изящно и увлекательно, чистою и правильною рѣчью,—и представляли ихъ

конечно для того, чтобы въ первомъ случаѣ не подражать, а во второмъ подражать имъ. Ты видишь это, Господи, и хранишь молчаніе, долготерпѣливый, и многомилостивый, и истинный. Неужели и всегда будешь хранить такое молчаніе? И нынѣ Ты изводишь изъ сей ужаснѣйшей бездны душу, ищущую Тебя и жаждущую утѣшенія твоего,—душу, взывающую къ тебѣ: внемли, Господи, гласу моему; Тебя призываю, помилуй меня, и услыши меня; сердце мое говоритъ предъ тобою твое слово: «ищите лица моего»; и я ищу лица твоего, Господи (Псал. XXVI, 7. 8. Зах. XIII, 9). Ибо отъ лица твоего удаляются тѣ, которые пребываютъ во тьмѣ грѣховной, и удаленіе отъ Тебя, равно какъ и возвращеніе къ Тебѣ, измѣряется не расстояніемъ мѣстъ и не числомъ шаговъ. Такъ, развѣ (упоминаемому въ притчѣ) сыну твоему младшему нужны были кони и колесницы или корабли, развѣ улеталя онъ на крыльяхъ іѳта или самъ своими ногами совершалъ путешествіе, чтобы на далекой сторонѣ, живя распутно, расточить часть свою, которую Ты далъ ему, когда онъ удалялся, оставляя Тебя? Милъ Ты былъ ему, когда выдѣлялъ ему часть его; но стократно милѣе сталъ Ты для него, когда онъ возвратился къ Тебѣ въ нуждѣ (Лук XV, 12—32). Поэтому, удаленіе отъ лица твоего состоитъ именно въ похоти страстей, или, что тоже, во тьмѣ грѣховной

Видь, Господи Боже! видь и потерпи, что видишь, какъ тщательно сыны человѣческіе соблюдаютъ законы буквъ и слоговъ, передаваемые имъ преемственно отъ своихъ учителей, а принятые отъ Тебя развѣ навсегда неизмѣнные законы вѣчнаго спасенія оставляютъ безъ вниманія. Еслибы кто изъ преподающихъ общепринятая правила звуковъ произнесъ, вопреки грамматикѣ, безъ придыханія перваго слога слово: оно вмѣсто homo, то онъ подвергся бы за это бѣльшимъ преслѣдованіямъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда бы

онъ, вопреки твоимъ заповѣдямъ, возненавидѣлъ самаго человека, будучи человекомъ. Какъ будто каждому человеку ненавистнѣе его противникъ, чѣмъ самая ненависть, и какъ будто онъ этою ненавистію больше вредитъ своему противнику, преслѣдуя его, чѣмъ самому себѣ, питая въ сердцѣ своемъ эту ненависть. И дѣйствительно, законы слова не глубже законовъ совѣсти напечатлѣны у насъ: не дѣлать другимъ того, чего себѣ не желаемъ. О, какъ Ты неизслѣдимъ въ своихъ непостижимыхъ судьбахъ, Боже единый великій, по непреложному закону своему, помрачающій карательными ослѣпленіями противузаконныя пожеланія наши! Когда человекъ ищетъ славы въ краснорѣчьи, то, предстои предъ судьей, окруженный множествомъ народа, преслѣдуя неумолимою ненавистію своего соперника, онъ со всею осторожностію бережется, чтобы не сдѣлать какойнибудь погрѣшности въ языкѣ ¹⁾, а не старается предохранить себя и не страшится, въ сумасбродствѣ и неистовствѣ, убить собрата своего среди собратьевъ.

ГЛАВА 19.

И я, бѣдный мальчикъ, стоялъ уже надъ самой пропастью подобной нравственности, и школа дѣтскаго воспитанія моего была такова, что я боялся допускать въ рѣчи барбаризмъ, а не боялся, погрѣшая противъ правильности и чистоты рѣчи, завидовать говорившимъ правильно и хорошо. Говорю это и исповѣдуюсь Тебѣ, Боже мой, въ томъ, за что меня

¹⁾ Здѣсь текеть и игра словъ подлинника неудобопередаваема въ переводѣ: *cavet, ne per linguæ errorem dicat: inter hominibus; et ne per mentis furorem hominem auferat ex hominibus, non cavet;* гдѣ *inter hominibus* сказано нарочито противъ правилъ грамматики, вмѣсто *inter homines*, и гдѣ выражена игра въ самыхъ словахъ: *inter hominibus* и *hominem auferat ex hominibus*, послѣ предварительнаго повторенія слова *homo* въ разныхъ видахъ.

хвалили тѣ, угодить которымъ было тогда моею единственною честью. Ибо я не видѣлъ той бездны нечестія, въ которую низринуть былъ вдали отъ Тебя. Было ли что хуже меня въ этомъ отношеніи, (чѣмъ даже возбуждалъ я зависть къ себѣ), когда, изъ привязанности къ разнымъ играмъ и увеселительнымъ забавамъ, изъ пристрастія къ театрамъ и зрѣлищамъ, съ томительнымъ желаніемъ подражать имъ, я нерѣдко обманывалъ и надзирателя своего, и учителей, и самихъ родителей, употребляя на то всякую ложь? Я даже воровалъ изъ родительской кладовой или со стола, то для удовлетворенія склонности къ лакомству, то для того, чтобы подѣлиться съ другими дѣтьми, которыя за то допускали меня къ своимъ играмъ, раздѣляя ихъ со мною. И въ этихъ играхъ, побуждаемый суетнымъ желаніемъ первенства, я часто пускался на хитрости и даже обманъ для одержанія побѣды. А между тѣмъ въ другихъ ничего я такъ ненавидѣлъ, ничего такъ не преслѣдовалъ, какъ подобные поступки; если же самъ въ нихъ попадался, то всегда больше упорствовалъ нежели уступалъ. И это ли невинность дѣтская? Нѣтъ, Господи, нѣтъ; молю Тебя, Боже мой! Ибо все то, что выносится у насъ въ дѣтствѣ изъ-подъ опеки надзирателей и учителей, переходитъ потомъ къ правителямъ и царямъ, и отъ орѣховъ и мячиковъ и воробьевъ переносится къ золоту, помѣстьямъ, рабамъ; то есть, всѣ пороки дѣтства переходятъ на послѣдующіе затѣмъ возрасты—въ соотвѣтствующемъ измѣненіи, точно также, какъ и дѣтскія розги замѣняются въ послѣдствіи болѣе суровыми наказаніями. Итакъ, Царю нашъ, Ты только выраженіе смиренія одобрилъ въ возрастѣ, когда сказалъ: *таковыяъ есть царство небесное* (Матѣ. XIX,—14)

ГЛАВА 20.

При семъ томъ, приношу Тебѣ, Господи, благодареніе

Тебѣ, Всевышнему и Всеблагому Творцу и Правителю вселенной, Тебѣ, Богу нашему, хотя бы Тебѣ благоугодно было, чтобы мое существованіе продолжилое, не далѣе дѣтства. Ибо я и тогда существовалъ, жилъ и сознавалъ свое бытіе, заботясь о своемъ самосохраненіи, какъ образъ таинственнѣйшей Единицы, отъ которой я произошелъ; охранялъ по внутреннему влеченію цѣлость чувствъ моихъ и въ самыхъ малыхъ вещахъ и въ размышленіи о нихъ услаждался истиною. Я не хотѣлъ обманываться, или подвергаться обманамъ, память у меня была хороша, въ рѣчи своей я старался соблюдать изящество, въ дружбѣ находилъ удовольствіе, избѣгалъ унынія, не терпѣлъ отчужденія и невѣжества. Чему не надивиться и чему не нахвалиться въ такомъ одушевленномъ и оживотворенномъ существѣ? Но все это—дары Бога моего; ничего я не далъ самъ себѣ; и все это—добро, и все это—я. Итакъ благъ Тотъ, кто создалъ меня, Самъ Онъ—благо мое, и я въ восторгѣ предъ Нимъ отъ этихъ благъ, которыми пользовался, бывши еще мальчикомъ. Тѣмъ только грѣшилъ я, что не въ Немъ Самомъ, а въ себѣ и въ другихъ тваряхъ Его искалъ удовольствій, всего высокаго и изящнаго, всякой правды и истины; и такимъ образомъ впадалъ въ томленіе и крушеніе, въ смятеніе и замѣшательство, въ ошибки и заблужденія. Благодарю Тебя Сладосте моя, и слава моя и упованіе мое, Боже мой; еще и еще благодарю Тебя за дары твои, только сохрани ихъ мнѣ. И такимъ образомъ соблюдеши Ты меня; и дары, которые Ты мнѣ даровалъ, умножатся и усовершатся во мнѣ, и самъ я пребуду съ Тобою; ибо я все бытіе мое—отъ Тебя.

КНИГА ВТОРАЯ.

~~~~~

Въ этой книгѣ блаж. Августинъ переходитъ къ слѣдующему возрасту, и съ тяжелымъ чувствомъ воспоминаетъ о первомъ годѣ юношества, то есть о шестнадцатомъ годѣ жизни своей, проведенномъ въ родительскомъ домѣ, послѣ школьныхъ занятій, въ баловствѣ и удовлетвореніи прихотямъ. Всмѣдъ затѣмъ строго и безпощадно осуждаетъ онъ себя за такое поведеніе и особенно ту кражу, которую производилъ онъ въ то время съ своими пріятелями.

ГЛАВА 1.

Хочу теперь припомнить прошлыя мои грѣхопаденія и растлѣніе души моея, не съ тѣмъ, чтобы любоваться ими, но чтобы тѣмъ болѣе возлюбить мнѣ Тебя, Боже мой. Воспомявая о путяхъ нечестія своего и съ горькимъ чувствомъ размышляя объ этомъ времени жизни своей, я дѣлаю это именно изъ желанія тѣмъ крѣпче возлюбить Тебя, чтобы Ты сдѣлался предметомъ любви моея, любви необманчивой, неисчерпаемой и неизмѣнчивой, и чтобы Ты собралъ меня, разтерзаннаго и разбросаннаго по частямъ, во едино, послѣ того, какъ я, удалившись отъ Тебя одного, исчезалъ въ разсѣяніи. Было время въ юности моея, когда я старалъ отъ снѣдающаго меня адскаго пламени плотскихъ похотей и погрызалъ въ тинѣ тайныхъ любовныхъ похожденій; и лице мое изсохло; и весь я мерзокъ сталъ предъ Тобою, любуясь только собою и стараясь нравиться любившимъ меня.

ГЛАВА 2.

И въ чемъ же находилъ я удовольствіе, какъ не во взаимной любви—въ томъ, чтобы любить и быть любиму? Но въ этой любви не доставало между любящими душами той мѣры или сдержанности (*modus*), которую даетъ свѣт-

мый взглядъ и доброе направленіе дружблюбія; напротивъ того въ первые же годы юности мой —этого самаго кипучаго родника нечистыхъ плотскихъ вождельній—поднялась во мнѣ буря страстей и омрачила ими сердце мое до того, что я не отличалъ свѣтозарной чистоты любви отъ мрачной нечистоты похотѣнія. То и другое волновалось и перемѣшивалось во мнѣ въ безпорядкѣ, увлекаая слабый возрастъ по стремнинамъ страстей и погружая его въ бездну пороковъ. Гнѣвъ твой тяготѣлъ на мнѣ, Господи, но я не замѣчалъ и не понималъ этого. Я какъ бы оглохъ отъ звука цѣпей брѣнности моей и не хотѣлъ прислушиваться къ нимъ; это было уже наказаніе за гордость души моей; и я дальше и дальше удалялся отъ Тебя, а Ты не останавливалъ меня; даже постыдными дѣлами своими, на которыя былъ я слишкомъ падокъ, не стыдился гордиться, какъ подвигами какими-нибудь, стараясь превзойти другихъ позорнымъ удалствомъ, потому только, что имъ восхищались въ кругу своевольнаго юношества, а Ты всё молчалъ. О глупый и пошлый восторгъ! о бессмысленное удовольствіе! И Ты все это терпѣлъ тогда, какъ бы не обращая вниманія, а я удалялся отъ Тебя все дальше и дальше, повсюду посявая для себя пагубныя сѣмена болѣзней и огорченій, гордясь самымъ отверженіемъ и беспиліемъ своимъ.

И въ комъ мнѣ можно было найти тогда человѣка, который бы принялъ во мнѣ участіе и вывелъ меня изъ этого бѣдственнаго положенія, обратилъ скоропреходящія удовольствія мои во благо мнѣ и положилъ конецъ ихъ обольстительной силѣ, направивъ бурныя волны возраста моего къ берегу супружеской жизни? Здѣсь нашли бы они себѣ безопасную пристань (если безъ того не могли успокоиться), удовлетворяясь цѣлю чадорожденія, какъ предписываетъ законъ Твой, Господи, по которому самъ Ты чрезъ насъ творишь и образуешь преходящія поколѣнія смертныхъ, силенъ будучи съ кротостію и терпѣніемъ очистить насъ

отъ всякихъ безпорядковъ, не имѣющихъ мѣста въ вертоградѣ Твоемъ? Ибо всемогущество твое—недалеко отъ насъ, хотя мы и удалились отъ Тебя. О если бы я по крайней мѣрѣ внялъ глубже гласу грома Твоего небеснаго: *но такъ вые* (т. е. вступающіе въ бракъ) *будутъ имѣть скорби по плоти: а мнѣ васъ жаль, и, хорошо человеку не касаться женщины, и, неженатый заботится о Господнемъ, какъ угодить Господу; а женатый заботится о мірскомъ, какъ угодить женѣ* (1 Кор. VII, 1. 28. 32—34). О если бы я выслушалъ эти слова съ большею внимательностію и заботливостію, и, сдѣлавшись скопцемъ для царства небеснаго (Матѣ. X, 19, 12), съ большимъ счастіемъ ожидалъ бы объятій Твоихъ!

Но я, несчастный, сгаралъ огнемъ страстей въ удаленіи отъ Тебя; попралъ всѣ Твои законы, и не избѣжалъ за то праведныхъ наказаній Твоихъ; и кто изъ смертныхъ не испытываетъ этого? Ибо Ты всегда сопровождалъ меня и милосердіемъ Своимъ, и строгостію Своею, и всѣ законопреступныя удовольствія мои растворялъ самыми горькими послѣдствіями и какою-то неизъяснимою досадою, заставляя тѣмъ самимъ меня искать удовольствій безупречныхъ; и гдѣ бы я могъ найти такія удовольствія, нигдѣ не находилъ ихъ, кромѣ Тебя, Господи, кромѣ Тебя, который *созидаешь трудъ на повелѣніе* (Псал. XIII, 20), *поражаешь и исцѣляешь, мертвишь и живишь* (Втор. XXXII, 39; 1 Цар II, 6), чтобы намъ не умереть въ отчужденіи отъ Тебя. И гдѣ же я былъ, и какъ долго скитался вдали отъ истинныхъ утѣшеній дома твоего? Въ теченіе всего шестнадцатаго года жизни моей, сумазбродство и бѣшенство плотскихъ похотей, извиняемыхъ безстыдствомъ и безпутствомъ человѣческимъ, но воспрещаемыхъ закономъ Твоимъ, обладало мною, и я совершенно предавался имъ. Домашніе и ближніе мои не заботились извлечь меня изъ этой бездны, посредствомъ супружес-

ства: они заботились только о томъ, чтобы я успѣвалъ какъ можно болѣе въ наукѣ краснорѣчія и сдѣлался великимъ ораторомъ.

ГЛАВА 3.

И въ этомъ-то именно году прекратились школьныя занятія мои. По возвращеніи моемъ изъ Мадавръ—сосѣдняго города, гдѣ положено уже было начало моему путешествію для изученія словесныхъ наукъ и краснорѣчія,—дѣлались въ дому моемъ приготовленія къ дальнѣйшему путешествію въ Карфагенъ, не столько по достаткамъ и средствамъ довольно бѣднаго отца моего, гражданина города Тагаста, сколько по его сильному желанію и твердой волѣ. И кому я это рассказываю? Конечно, не Тебѣ Боже мой: но предъ Тобою говорю объ этомъ роду моему, роду человѣческому, рассказываю я о родительскихъ издержкахъ и заботахъ для моего образованія. Къ чему и для чего рассказываю? Къ тому и для того, конечно, чтобы всеѣмъ и каждому, кто бы ни прочелъ эти строки, лучше поразмыслить, о чемъ наиболѣе должны мы взывать къ Тебѣ, Боже, и чего просить у Тебя, и Ты чему болѣе внимаешь, какъ не душѣ, исповѣдующей Тебя и исповѣдующейся Тебѣ, и живущей по вѣрѣ въ Тебя? Кто не превозносилъ тогда похвалами отца моего за то, что онъ ничего не щадилъ для образованія сына, не смотря на ограниченность состоянія своего и отдаленность моего путешествія, тогда какъ многіе изъ согражданъ его гораздо болѣе достаточныхъ не заботились столько о дѣтяхъ своихъ? Между тѣмъ тотъ же отецъ мой нисколько не обращалъ вниманія на мое нравственное состояніе и чистоту моего поведенія, но заботился о томъ, чтобы я преуспѣвалъ въ духовной жизни для Тебя; онъ желалъ одного только, чтобъ я былъ краснорѣчивъ, хотя бы оставался безъ всяка-

го понятія о Тебѣ, Боже, единомъ истинномъ и благомъ Владыкѣ нивы твоей ¹⁾—души моей.

На шестнадцатомъ году, какъ уже было выше сказано, когда я находился въ родительскомъ домѣ и оставался по домашнимъ обстоятельствамъ въ совершенной праздности, оставивъ вовсе и школьныя занятія, то тернія похотей покрыли главу мою, и не было у меня руки, охраняющей отъ нихъ. Даже самъ отецъ мой, видя меня въ публичныхъ баняхъ достигшимъ возмужалости, въ порѣ къ дѣторожденію, и въ то же время замѣчая во мнѣ пылкость юношескую, любовался этимъ и какъ бы заранѣе восхищался уже будущимъ потомствомъ, о чемъ съ восторгомъ говорилъ и матери моей; это было не что иное, какъ состояніе опьяненія, въ которомъ міръ сей, забывъ Творца своего, вмѣсто Тебя возлюбилъ тварь твою, и, оставивъ духовное питіе святыхъ велѣній твоихъ, погрузился въ бездну плотскихъ похотей грѣховной воли своей. Но Ты въ сердцѣ матери положилъ уже основаніе храму своему и начало святому жилищу твоему. Я былъ еще въ числѣ оглашенныхъ, и притомъ съ недавняго времени. Поэтому мать моя объята была благоговѣйнымъ страхомъ и трепетомъ; и такъ-какъ я не былъ еще въ числѣ вѣрующихъ, то она боялась за меня, чтобы я не пошелъ по путямъ стронотнымъ, по которымъ ходятъ отвращающіеся отъ лица Твоего.

Увы мнѣ! и я дерзаю говорить, что Ты, Боже мой, безмолвствовалъ, когда я удалялся отъ Тебя болѣе и болѣе. Правда

---

¹⁾ И въ этомъ мѣстѣ у Августина можно видѣть любимую имъ игру словъ и самыхъ фразъ, неудобопередаваемую и даже вовсе непередаваемую въ переводѣ: *dammodo essem disertus* (краснорѣчивый), *vel desertus* (оставленный) *potius a cultura tua, Deus, qui es unus verus et bonus Dominus agri tui...* фраза или выраженіе *colere agrum* значитъ обрабатывать поле, воздѣлывать поле.

ли, будто Ты безмолвствовалъ въ отношеніи ко мнѣ? А чьи же это были слова, какъ не твои, слова чрезъ посредство матери моей, вѣрной рабы твоей, этотъ голосъ, который доходилъ отъ Тебя до ушей моихъ? Но и этотъ голосъ не проникалъ въ мое сердце, и я не внималъ ему. Мать моя желала и съ особенною заботливостію внушала мнѣ, наединѣ, какъ припоминаю себѣ, чтобы я не любодѣйствовалъ; въ особенности же—чтобы удалялся отъ прелюбодѣянія съ замужними женщинами. Но эти внушенія и совѣты матери казались мнѣ женскою слабостію и я стыдился слѣдовать имъ. Между тѣмъ это голосъ Твой, а я не замѣчалъ и не понималъ этого; я думалъ, что эти слова не отъ Тебя исходятъ, что она говоритъ ихъ отъ себя, тогда какъ они исходили ко мнѣ чрезъ нее именно отъ Тебя, и въ лицѣ ея—сынъ ея, сынъ рабы Твоей, рабъ Твой—уничижалъ Тебя. Но я всего этого не понималъ, и стремглавъ бросался на всякое дурное дѣло съ такимъ ослѣпленіемъ, что среди сверстниковъ съ хвастовствомъ рассказывавшихъ о своихъ дурныхъ поступкахъ, какъ о какихъ-нибудь подвигахъ, и тѣмъ болѣе гордившихся ими, чѣмъ они были постыднѣе, мнѣ становилось стыдно, если я отставалъ отъ нихъ, такъ-что въ этомъ обществѣ приходилось краснѣть не за пороки, а за добродѣтель, и потому я пускался на подобныя дѣла не только по пристрастію къ нимъ, но и по соревнованію къ удалству и отличію. Что постыднѣе порока? А я, чтобы избѣжать стыда, дѣлался порочнѣе; если же не представлялось мнѣ случая перещеголять пріятелей распутствомъ, то я выдумывалъ то, чего вовсе не бывало со мною, чтобы не показаться въ виду другихъ тѣмъ презрѣннѣе, чѣмъ на дѣлѣ былъ невиннѣе, и чтобы непорочности не сочли за пошлость.

Вотъ съ какими спутниками ходилъ я по путямъ вавилонскимъ и валялся въ грязныхъ нечистотахъ, какъ бы

въ душистыхъ травахъ и благовонныхъ мазяхъ. А въ самой срединѣ этого омота, въ которомъ погрязалъ я, попиралъ меня невидимый врагъ и увлекалъ меня, потому что я былъ склоненъ къ увлеченію. И мать моя по плоти, убѣгавшая изъ среды Вавилона и только слѣдившая по окраинамъ его, хотя и увѣщевала меня къ цѣломудрію, но съ другой стороны старалась устроить мою судьбу согласно съ желаніями своего мужа, считала вреднымъ и опаснымъ для моей будущности узами супружеской любви смирить и обуздать порывы страстей моихъ, если уже нельзя было вовсе устранить ихъ. Она боялась, чтобы надежды, подаваемые мною, не были разрушены раннимъ супружествомъ; не тѣ надежды, какія возлагала она на Тебя въ будущемъ вѣкѣ, а надежды на мое въ семь вѣкѣ образованіе, какое видѣть во мнѣ чрезмѣрно желали и отецъ и мать: отецъ, который о Тебѣ почти ничего не думалъ, а обо мнѣ ничего, кромѣ суетнаго; а мать, которая не только не считала свѣтское образованіе препятствіемъ къ познанію Тебя, но даже полагала, что оно послужитъ немалымъ къ тому пособіемъ. Такъ сужу я, припоминая, сколько могу, образъ мыслей моихъ родителей. Такимъ образомъ дозволялись мнѣ разнаго рода удовольствія безъ всякой сдержанности, разнуздывались во мнѣ различныя страсти, и на всемъ этомъ ложился мракъ, закрывавшій отъ меня, Боже мой, свѣтъ истины Твоей; тогда беззаконіе и нечестіе мое выступало наружу, подобно маслу на поверхности воды.

ГЛАВА 4.

Законъ Твой, Господи, и законъ написанный въ сердцахъ нашихъ, голосъ котораго не въ силахъ заглушить и неправда, конечно, преслѣдуетъ и наказываетъ воровство. Ибо какой воръ равнодушно терпитъ подобнаго себѣ вора? даже богачъ не терпитъ вора, доведеннаго къ тому нищетою.

А я воровалъ не отъ бѣдности, не отъ крайности, а изъ презрѣнія къ правдѣ и по пристрастію къ неправдѣ. Я пускался на воровство такихъ вещей, какихъ у меня и гораздо лучшихъ было слишкомъ много. Я воровалъ не для того, чтобы пользоваться кражею, а находилъ удовольствіе въ самомъ воровствѣ и грѣхѣ. Такъ, въ сосѣдствѣ съ нашимъ виноградникомъ было дерево—груша, вся покрытая плодами, но ни по виду своему, ни по вкусу плодовъ не привлекательная. И вотъ я съ подобными себѣ негодными мальчиками отправился туда съ тѣмъ, чтобы стряхнуть эту грушу и обобрать съ нее плоды, среди глубокой ночи, а до того времени мы по своему гибельному обычаю шлялись и тѣшились по улицамъ и площадямъ; изъ чужаго сада мы притащили огромную ношу грушъ, но не воспользовались ими для собственнаго желудка, а большею частію выбросили ихъ свиньямъ, хотя кое-что и сами поѣли: а между тѣмъ мы дѣлали это съ удовольствіемъ; и чѣмъ болѣе что воспрещалось намъ, тѣмъ болѣе къ тому именно мы и стремились. Вотъ каково сердце мое, Боже, вотъ каково сердце мое, надъ которымъ Ты сжалился и умилился, когда оно было на краю пропасти. Пусть же теперь это самое сердце исповѣдается предъ Тобою, чего оно искало въ томъ, чтобы быть мнѣ злымъ безъ всякаго основанія (*gratis*), и чтобы злобѣ моей не было иной причины, кромѣ самаго зла, иначе сказать, чтобы быть злымъ для самаго зла. Ужасно и отвратительно зло, и однакоже я его возлюбилъ, я самъ возлюбилъ свою погибель: я возлюбилъ свои недостатки, свои слабости, свое паденіе; не предметъ своихъ увлеченій, пристрастій, паденій, говорю я, нѣтъ, а самыя слабости свои, самое паденіе, самый грѣхъ во мнѣ живущій, возлюбилъ я: нечиста же душа моя и грѣховна, ниспала она съ тверди Твоей небесной въ эту ядоль изгнанія, если улаживается не столько грѣховными предметами, сколько самымъ грѣхомъ.

ГЛАВА 5.

Есть своего рода прелесть въ прекрасныхъ тѣлахъ, и въ золотѣ, и въ серебрѣ, и во всемъ тому подобномъ; для осязанія плотскаго всего пріятнѣе гармонія частей; есть и для другихъ чувствъ соотвѣтственно-пріятныя свойства тѣлъ. Есть привлекательность и во временныхъ почестяхъ и правахъ силы и власти, отъ чего и рождается властолюбіе; но ради всего этого не должно удаляться отъ Тебя, Господи, ни уклоняться отъ закона Твоего. И жизнь наша, которою мы живемъ здѣсь, имѣетъ своего рода заманчивую прелесть, по своей собственной красотѣ и возможности наслаждаться всею земною красою. Самое дружество человѣческое, какъ союзъ любви, дорого и мило по взаимному единодушію. Но ради всѣхъ этихъ прелестей земныхъ допускается грѣхъ, когда при неумѣренномъ стремленіи къ нимъ,—какъ будто бы лучше ихъ ничего не было,—забываются высшія и лучшія блага,— Ты, Господи Боже нашъ, и истина Твоя и законъ Твой. Конечно, и въ земныхъ предметахъ находятся свои удовольствія, но они не могутъ равняться съ Тобою, Боже мой, сотворившимъ все; ибо въ Тебѣ только одномъ услаждается праведникъ, и Ты одинъ составляешь отраду правыхъ сердцемъ.

Когда спрашивается, по какому побужденію совершенно преступленіе, то предполагается, что оно возможно только или изъ желанія достигнуть такъ называемыхъ земныхъ благъ, или изъ страха потерять ихъ. Конечно, и эти блага прекрасны и имѣютъ свою цѣну, но не слѣдуетъ ихъ предпочитать другимъ благамъ высшимъ и благотворнѣйшимъ. Положимъ, кто нибудь совершилъ убійство. По какимъ побужденіямъ? Или по любви къ подругѣ ближняго своего, или по желанію воспользоваться его богатствомъ, или по нищетѣ, вынуждавшей грабить, чтобы было чѣмъ жить, или изъ

опасенія отъ него какихъ либо неприятностей, или измщенія за обиду. Неужели кто-нибудь совершилъ бы убійство безъ всякой причины, находя удовольствіе въ самомъ убійствѣ? Кто этому повѣритъ? Даже и тотъ безумный и крайне жестокій человѣкъ, о которомъ говорятъ, что онъ былъ золь и жестокъ почти безъ всякихъ побудительныхъ къ тому причинъ (*gratuitò potius*), сдѣлался такимъ не безъ причины, какъ сказано о немъ же: «чтобы отъ досуга не окостѣнела рука и не оцѣпенѣла душа» ¹⁾. Отъ чего же это? почему такъ? Оттого и потому, чтобы путемъ злодѣянія завладѣть Римомъ, достигнуть высшихъ почестей, захватить въ свои руки власть, обезпечить свое состояніе и такимъ образомъ избавиться отъ преслѣдованія законовъ и выйти изъ тѣхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, въ которыя онъ поставленъ былъ и семейнымъ положеніемъ своимъ и сознаніемъ преступленій своихъ противъ общественнаго порядка. Поэтому и самъ Катилина все зло дѣлалъ, конечно, не изъ любви къ самому злу, а по другимъ побужденіямъ, которыя заставляли его дѣлать это.

ГЛАВА 6.

Что же я, окаянный, полюбилъ въ тебѣ, о постыдное воровство мое, о гнусный поступокъ мой, совершенный мною ночью на шестнадцатомъ году моей жизни? Какъ воровство, ты ничего не представляло собою привлекательнаго; не было ли въ тебѣ какой-нибудь особенной тайной прелести, заслуживающей упоминанія? Прекрасны были плоды, которые мы воровали, потому что они были твореніе Твое, Источникъ всякой красоты и Творецъ всего, Боже благій Боже—высочайшее благо, истинное благо мое: прекрасны были эти плоды; но не они были привлекательны для ока-

¹⁾ Саллюстій о войн. катил., глав. 9.

янной души моей. У меня было много своихъ гораздо лучшихъ плодовъ, а чужіе рвалъ я только для того, чтобы воровась. и нарвавши выбросилъ ихъ, наслаждаясь затѣмъ однимъ беззаконіемъ, которымъ досыта восхищался. Если же и отвѣдалъ ихъ, то самое воровство служило имъ приправой и дѣлало ихъ для меня вкуснѣе. И теперь, Господи Боже мой, я доискиваюсь того, какое удовольствіе я могъ находить въ этомъ воровствѣ; ищу и ничего не нахожу. Не говорю уже о томъ наслажденіи, какое мы находимъ въ мудрости и справедливости, тутъ не было ничего пріятнаго ни для мысли, ни для воспоминанія, ни для чувствъ, ни для физической жизни; не было тутъ ни привлекательности для взоровъ, какою очаровываетъ насъ красота свѣтилъ на тверди небесной, или земля и море со всѣми ихъ взаимно смѣняющимися другъ друга явленіями; не было тутъ и той обманчивой и пріятной прелести, какая свойственна порокамъ.

Такъ, и гордость стремится къ высотѣ, подражая Тебѣ, Боже; ибо ты одинъ—надъ всѣмъ и выше всего. И честолюбіе чего домогается, какъ не почестей и славы; такъ какъ Ты одинъ досточтимый предъ всѣмъ и препрославленный во вѣки? И суровая строгость властей требуетъ, чтобы ихъ боялись; кого же болѣе всего надлежитъ бояться, какъ не одного Бога, изъ подъ власти коего никто и ничто не можетъ быть изъято ни въ какомъ случаѣ? И ласки влюбленныхъ ждуть взаимности; но ничего нѣтъ и не можетъ быть выше Твоей любви, и съ другой стороны, ничего не можетъ быть и нѣтъ спасительнѣе, какъ любить Твою истину, всякій умъ превосходящую, и Твою благодать, ни съ чѣмъ несравнимую. И любопытство какъ будто сходно съ любознательностію и жаждетъ все постигнуть; тогда какъ предъ Твоимъ всевѣдніемъ ничто отъ Тебя не сокрыто. Даже невѣдніе и юродство являются въ видѣ простоты и невинности;

а что прямѣе и непритворнѣе Тебя, или что незлобивѣе и неповиннѣе Тебя, тогда какъ коварство и злоба, по суду Твоему, сами себѣ враждебны и сами въ себѣ носятъ наказаніе? И праздность какъ бы покоя и мира ищетъ; какой же покой и какой миръ вѣрнѣе и надежнѣе, какъ не въ Тебѣ, Господи? Роскошь любить окружать себя обиліемъ во всемъ и ни въ чемъ не видѣть недостатка; а въ тебѣ совершенная полнота и совершенное довольство. Расточительность прикрывается щедростью; но Податель всѣхъ благъ щедродаровитѣйшій — Ты. Скупость желаетъ всѣмъ завладѣть; и Ты владѣешь всѣмъ. Зависть соревнуется превосходству; а что превосходнѣе Тебя? Гнѣвъ ищетъ мщенія; чья же месть правосуднѣе Твоей? Страхъ тревожить насъ при всякой неожиданности и внезапности ударовъ, направленныхъ на то, что мы любимъ, заставляя насъ остерегаться опасностей и заботиться о безопасности; у Тебя же какая неожиданность, какая внезапность? или кто отнимаетъ у Тебя то, что Ты любишь? или гдѣ, если не у Тебя, самая вѣрная безопасность? Печаль сокрушаетъ насъ при потерѣ тѣхъ предметовъ, въ которыхъ мы привыкли находить удовольствіе; не отъ того ли это, что и намъ не хотѣлось бы испытывать никакихъ потерь, подобно тому, какъ и Ты ихъ не испытываешь?

Такъ любодѣйствуетъ душа человѣческая, отвращаясь отъ Тебя, ища внѣ Тебя того, что въ совершенной чистотѣ можетъ быть найдено только по возвращеніи къ тебѣ. Превратно подражаютъ Тебѣ всѣ уклоняющіеся отъ Тебя и возносящіеся предъ Тобою. Но подражая Тебѣ и такимъ образомъ, они тѣмъ самымъ свидѣтельствуютъ, что Ты — Творецъ всякой твари, и потому ничто не можетъ стать внѣ всякаго отношенія къ Тебѣ? И такъ, что же мнѣ нравилось въ воровствѣ? и въ чемъ я подражалъ при этомъ Господу моему, хотя погрѣшительно и превратно? Быть можетъ мнѣ хотѣ-

лось нарушать законъ по крайней мѣрѣ хитростію, если нельзя было силою, быть можетъ, подобно плѣннику я являлъ видъ ложной свободы, безнаказано совершая то, что не было позволено,—какъ бы съ какимъ-то призрачнымъ всемогуществомъ. Я былъ тотъ рабъ, который бѣжитъ отъ Господа своего и гоняется за тѣнью. О растлѣніе, о чудовищность и уродливость жизни, о глубина смерти! Возможно ли позволять себѣ то, что не дозволено, ради того только, что это не дозволено?

ГЛАВА 7.

Что воздамъ я Господу за то, что душа моя не приходитъ въ ужасъ и трепеть при всеѣхъ этихъ воспоминаніяхъ? Возлюблю Тебя, Господи, и возблагодарю, и исповѣдаюсь имени Твоему за то, что Ты простилъ мнѣ столько злыхъ и незаконныхъ дѣлъ моихъ. По благодати Своей и милосердію Своему Ты разрѣшилъ меня отъ грѣховъ моихъ, такъ что они не существуютъ уже для меня. По благодати Своей Ты сохранилъ меня и отъ многихъ другихъ прегрѣшеній, которымъ остался я непричастенъ: ибо чего я не могъ бы сдѣлать, полюбивши зло, для одного зла, безъ всякихъ даже стороннихъ побужденій? И все это, говорю я, прощено мнѣ, и то, что я согрѣшилъ по своей волѣ, и то, до чего Ты не допустилъ меня. И кто изъ насъ смертныхъ, проникнутый сознаниемъ своихъ слабостей и своего безсилія, осмѣлится приписывать своимъ силамъ свою чистоту непорочность, свою праведность, съ тѣмъ, чтобы чрезъ то имѣть менѣе побужденій любить Тебя, какъ бы менѣе необходимымъ для насъ становилось тогда милосердіе Твое, въ силу котораго прощаешь Ты грѣхи обратившимся къ Тебѣ и оправдываешь ихъ предъ Собою правдою Своею? Даже и тотъ, кто по зову Твоему, послѣдовавъ Твоему гласу, избѣжалъ всего того, что прочтеть обо мнѣ въ этой исповѣди моей,

даже и тотъ человѣкъ не можетъ не признать, что Тотъ же врачъ, который исцѣлилъ меня больного, предохранилъ и его отъ всякой болѣзни, или, вѣрнѣе, отъ многихъ болѣзней: и потому самому столько же, да еще и болѣе, возлюбилъ Тебя, видя, что Тотъ, Кто освободилъ меня отъ такихъ тяжестей грѣховныхъ, Тотъ Самый не допустилъ и его до испытанія таковыхъ тяжестей.

ГЛАВА 8.

И какую пользу принесли мнѣ, достойному сожалѣнія тѣ поступки, воспоминаніе о которыхъ заставляетъ меня краснѣть, въ особенности то воровство, въ которомъ я полюбилъ самое воровство? Именно—воровство, и ничего болѣе, такъ-какъ и само оно въ себѣ есть ничто, и потому самому достойнѣе сожалѣнія. И однако же одинъ я не совершилъ бы воровства; такъ по крайней мѣрѣ увѣряетъ меня мое воспоминаніе; да, одинъ я никогда не сдѣлалъ бы этого. Стало быть, мнѣ пріятно было въ этомъ дѣлѣ и сообщество участниковъ въ воровствѣ. Мнѣ нравилось не столько самое воровство, сколько нѣчто иное; именно—нѣчто иное, потому что воровство само въ себѣ—ничто ¹⁾. Что же въ самомъ дѣлѣ правильнѣе и вѣрнѣе? И кто вразумитъ меня, если не Тотъ, Кто озаряетъ свѣтомъ Своимъ сердце мое и разгоняетъ тьму его? и что навело меня на мысль—предаться размышленію объ этомъ, задавать себѣ вопросы и искать рѣшенія ихъ? Если бы я въ то время любилъ плоды, которыя воровалъ, и желалъ насладиться ими; то я

---

¹⁾ Нужно припомнить, что по ученію блаж. Августина зло вообще—а слѣдовательно и воровство, какъ частный видъ зла,—есть не что иное, какъ отрицаніе добра и не имѣтъ въ себѣ никакихъ положительныхъ предикатовъ. „Опредѣлить зло“, говоритъ бл. Августинъ въ другомъ мѣстѣ, „также невозможно, какъ невозможно видѣть мракъ, или слышать молчаніе.

могъ бы и одинъ совершить такое беззаконіе, для достиженія своего личнаго удовольствія, безъ участія и возбужденія сообщниковъ. Но такъ какъ я не находилъ въ этихъ плодахъ удовольствія для себя; то все удовольствие мое заключалось во взаимномъ сообществѣ и одобреніи участниковъ преступленія.

ГЛАВА 9.

Что это было за расположеніе души? Конечно, оно было въ высшей степени достойно осужденія; и горе мнѣ было, что я имѣлъ его. Но что же однако это было? Грѣхопаденія свои кто разумѣеть? (Псал, XVIII, 13)? Мы смѣялись и въ душѣ радовались тому, что обманывали тѣхъ, которые не считали насъ такими проказниками, и вовсе не желали видѣть въ насъ какихъ-либо пороковъ. Отъ чего же впрочемъ находилъ я удовольствіе въ совершеніи воровства не одному, а въ товариществѣ? Не отъ того ли, что одному не такъ удобно и не такъ охотно вдоволь посмѣяться? Правда, что одному себѣ смѣяться не приходится; бываютъ однако-жь съ нами случаи, что мы и наединѣ, когда вовсе никого съ нами не бываетъ, иногда не можемъ удержаться отъ смѣха, и это бываетъ съ нами тогда, когда что нибудь представляется или чувствамъ или душѣ чрезвычайно смѣшное. Но я все-таки не рѣшился бы одинъ на воровство и всеконечно не произвелъ бы его одинъ. Свидѣтелемъ тому предъ Тобою, Боже мой, служить живое воспоминаніе души моей. Одинъ я не совершилъ бы этого воровства, въ которомъ источникъ удовольствія былъ не предметъ, а самое дѣйствіе воровства; не сдѣлалъ бы, говорю, потому что во мнѣ вовсе не было къ тому желанія, и—я не сдѣлалъ бы одишъ. О пагубное товарищество, о необъяснимое увлеченіе ума и непонятное обольщеніе сердца—желаніе вредить и причинять уронъ другому, изъ-за однихъ шутокъ и забавъ,

безъ всякой собственной пользы и безъ всякаго побужденія къ какой-либо мести, а просто-на-просто, какъ говорится: пойдѣмъ, подебоширимъ; и—стыдно становится не быть безстыднымъ.

ГЛАВА 10.

И кто распутаетъ всѣ эти узлы, всѣ эти извилины, всѣ эти запутанности путей неправды и беззаконія, такъ трудныхъ къ разгадкѣ? Отвратительны они; и я не хочу болѣе углубляться въ нихъ, не хочу болѣе останавливать на нихъ взора своего. Къ Тебѣ стремлюсь и Тебя жажду, Правда и Святость Вѣчная, въ благолѣпнѣйшей красотѣ чистѣйшей свѣтлости и неисчерпаемаго довольства. Покой у Тебя ни чѣмъ не возмутимъ, и жизнь у Тебя безмятежна. Кто входитъ въ домъ Твой, тотъ *входитъ въ радость Господа своего* (Матѣ. XXII. 21. 23), и тогда нечего ему уже бояться, и благо ему будетъ у Благаго. Уклонился я отъ путей твоихъ и пошелъ по распутіямъ, Боже мой; отошелъ отъ Тебя въ страну далече, подобно евангельскому юношѣ блудному, и блуждалъ тамъ вдали отъ Тебя въ юности моей; оставивъ домъ отеческій. я скитался въ странѣ отчужденія и лишенія (Лук. XIV, II—32.).

Б Н И Г А Т Р Е Т Ъ Я.

Воспоминаніе о семнадцатомъ, осмнадцатомъ и девятнадцатомъ годахъ того же возраста (юношескаго), проведенныхъ въ Карфагенѣ, гдѣ, доканчивая свое образованіе, Августинъ увлекся въ дѣла лобострастія и впалъ въ ересь манихеевъ.—Ясный взглядъ Августина на погрѣшности и нецѣпности манихеевъ.—Материнскія о немъ слезы и свѣтлыя послѣдовавшій отвѣты о его обращеніи.

ГЛАВА 1.

Я прибылъ въ Карфагенъ; и стали обуревать меня пагубныя страсти преступной любви. Еще не предавался я

этой любви, но она уже гнѣздилась во мнѣ, и я не любилъ открытыхъ къ тому путей. Я искалъ предметовъ любви, потому что любилъ любить; прямой и законный путь любви былъ мнѣ противенъ. У меня былъ внутренній гладъ пищи духовной,—Тебя самага, Боже мой; но я томился не тѣмъ голодомъ, алкалъ не этой пищи нетлѣнной: не оттого, чтобы не имѣлъ въ ней нужды,— но по причинѣ своей крайней пагубной суетности. Больна была душа моя, и, покрытая струпами, она жалкимъ образомъ устремилась къ внѣшнему міру въ надеждѣ утолить жгучую боль при соприкосновеніи съ чувственными предметами. Но если бы эти предметы не имѣли души, они могли бы быть любимы. Любить и быть любиму—было для меня пріятно,—особенно если къ этому присоединялось и чувственное наслажденіе. Животворное чувство любви я осквернялъ нечистотами похоти, къ ясному блеску любви я примѣшивалъ адскій огонь сладострастія, и не смотря на такое безчестіе и позоръ, я гордился и восхищался этимъ, въ ослѣпленіи суетности представляя себя человѣкомъ изящнымъ и свѣтскимъ. Словомъ: я пустился стремглавъ въ любовныя похождения, которыхъ такъ жаждалъ, и совершенно былъ плѣненъ ими. Милосердный Боже мой! Какою горькою и вмѣстѣ спасителькою желчью растворялъ Ты для меня эти пагубныя удовольствія мои. Чего я не испыталъ? Я испыталъ и любовь и взаимность, и прелесть наслажденія, и радостное скрѣпленіе гибельной связи, а вслѣдъ затѣмъ и подозрѣніе, и страхъ, и гнѣвъ и ссору, и жгучія розги ревности....

ГЛАВА 2.

Меня увлекали еще театральныя зрѣлища, полныя картинами изъ моей бѣдственной жизни и горячими матеріалами, разжигавшими пламень страстей моихъ; и—театръ сдѣлался любимымъ мѣстомъ моихъ удовольствій, а обольщеніе—

мнимою потребностію души и сердца. Что́ это значить, что человекъ любить сочувствовать представляемымъ на театрѣ печальнымъ и трагическимъ событіямъ, тогда какъ самъ не желалъ бы терпѣть ихъ? И при всемъ томъ зритель выражаетъ свое участіе въ этой скорби, и самая скорбь доставляетъ ему удовольствіе. Не жалкое ли это сумазбродство? Конечно, всего болѣе трогается чужими скорбями тотъ, кто самъ испытывалъ подобныя скорби; и тогда какъ собственныя дѣйствія обыкновенно называются страданіемъ, сочувствіе къ чужимъ бѣдствіямъ называется состраданіемъ. Но, скажите, пожалуйста, какое же можетъ быть состраданіе по отношенію къ дѣйствіямъ вымышленнымъ — сценическимъ? Зритель нисколько не вызывается здѣсь ни помочь, а только сочувствіе, и тѣмъ лучше для актера, чѣмъ болѣе возбуждаетъ онъ соболѣзнованія въ зрителѣ; если при представленіи несчастій или неудачъ давно-минувшихъ или вымышленныхъ зритель не чувствуетъ соболѣзнованія, то уходитъ изъ театра съ ропотомъ и неудовольстіемъ; если же зритель тронутъ, то со вниманіемъ и радостію проливаетъ слезы.

Стало бытъ мы любимъ и скорби и слезы? Правда, всякій человекъ скорѣе желаетъ радоваться, нежели плавать. Но если никому не хочется страдать, то бытъ можетъ желательно бываетъ по крайней мѣрѣ сострадать? и такъ какъ состраданіе не обходится безъ скорби, то по этой-то самой причинѣ любимъ мы и скорби; отсюда-то и пронстегаетъ жизненное начало дружества. Но къ чему ведетъ, къ чему клонится такое состраданіе? Неужели оно должно исчезнуть въ этомъ кипучемъ потокѣ бурныхъ страстей, куда низвергается самопроизвольно, увлоняясь и отвращаясь отъ свѣта небесаго? Неужели же отвергнуть состраданіе? Вовсе нѣтъ. Мы можемъ и должны иногда любить скорби. Но берегись сочувствовать худому, душа моя, находящаяся подъ погро-

вомъ Бога своего, Бога отцовъ нашихъ, и пренятаго и превозносимаго во вѣки (Дан. III, 52—56.) берегись сочувствовать худому. Я и теперь сострадаю, но не такъ, какъ тогда. Тогда я въ театрахъ сочувствовалъ восторгамъ влюбленныхъ, когда они утопали въ позорныхъ наслажденіяхъ; а когда они разлучались или теряли другъ друга, то изъ состраданія къ нимъ самъ печалился и сокрушался; и въ томъ и въ другомъ случаѣ я находилъ удовольствіе, хотя все это была одна мечта и выдумка театральная. Нынѣ же я болѣе сострадаю и соболѣзную о томъ, кто полагаетъ свое наслажденіе въ порочной жизни, нежели о томъ, кто терпитъ какъ-бы удары отъ лишенія пагубныхъ удовольствій и отъ потери мнимаго и жалкаго счастья. Такое состраданіе, конечно, истиннѣе и справедливѣе; но оно не доставляетъ удовольствій, подобно состраданію, испытываемому на театральныхъ зрѣлищахъ. Хотя человѣкъ, сострадающій несчастію ближняго, конечно заслуживаетъ похвалы за свое любвеобиліе; но по глубинѣ души, по чувству истиннаго милосердія, онъ безъ сомнѣнія желалъ бы, чтобы вовсе не было предметовъ для его состраданія. Если бы существовала злобная благодать (что не мыслимо); то въ такомъ только случаѣ и можно бы представить себѣ, что существо истинно-сострадательное можетъ желать несчастныхъ существъ, какъ предметовъ для своего состраданія. Итакъ есть скорбь достойная похвалы, но нѣтъ скорби достойной любви. Только Ты, Госиоди Боже, любишь души наши и сострадаешь имъ несравненно чище, выше, святѣе, чѣмъ мы, потому что Тебя не тревожитъ никакая скорбь, никакая печаль. Но кто можетъ возвыситься до этого?

А я, несчастный, любилъ тогда печалиться и скорбѣть, искалъ предметовъ, возбуждавшихъ таковыя чувства, и при видѣ чужихъ бѣдствій, вымышленныхъ и фальшивыхъ, мнѣ всего болѣе нравились тѣ дѣйствія актеровъ, которыя

извлекали у меня слезы. И что удивительного, если я — несчастная, заблудшая овца, отбившаяся от стада Твоего и уклонившаяся от Твоего надзора, бросался куда ни пошло. При этом то постигали меня тѣ любовныя печали, которыя впрочемъ не глубоко потрясали меня; потому что я не желалъ испытывать на дѣлѣ такихъ приключеній, на какія любилъ засматриваться въ театрѣ; театральныя представленія только поверхностно — такъ сказать — чесали мой слухъ и мое воображеніе, а затѣмъ, какъ и послѣ царапанія ногтями, само собою слѣдовало воспаленіе опухолей, гніеніе и страшное разложеніе. И что это за жизнь моя была, Боже мой?

ГЛАВА 3.

Но неизмѣнное милосердіе Твое не отступало отъ меня. Великимъ беззаконіямъ предавался я, святотатственнымъ любопытствомъ оскверняя святыню Твою; оставляя Тебя, я увлекался дьявольскимъ наважденіемъ къ служенію нечистымъ силамъ, принося имъ и нечистыя жертвы отъ злыхъ дѣлъ своихъ: но Ты все-таки вразумлялъ меня своими наказаніями! Я дерзалъ даже во время торжественныхъ празднествъ въ стѣнахъ храма Твоего, осквернять себя нечистыми помыслами о плотскихъ вожденіяхъ и заниматься такими дѣлами, которыя убиваютъ и тѣло и душу, коихъ плоды — смерть: и за то Ты каралъ меня тяжкими наказаніями. Но эти наказанія Твои ничего не значатъ въ сравненіи съ преступленіями моими, о Ты — неизреченное милосердіе мое, Боже мой, убѣжище мое отъ тѣхъ страшныхъ губителей, среди которыхъ блуждалъ я, предавшись имъ всецѣло, далеко уклонившись отъ Тебя, вовлѣбивши пути свои, а не Твои, возлюбивши свободу ложную!

И самыя науки словесныя, пользовавшіяся особеннымъ почетомъ и имѣвшія свое приложеніе при тяжбахъ въ су-

дебныхъ мѣстахъ, преподавались такъ превратно, что въ нихъ лукавство предпочиталось добросовѣстности. Такъ велико было ослѣпленіе людей, хваставшихся даже своею слѣпотю. Я былъ уже юношею совершеннолѣтнимъ въ школѣ ритора; да и мнѣнія о себѣ былъ высокаго, и не чуждъ былъ напыщенный гордости: но при всемъ томъ Ты знаешь, Господи, я вель себя довольно сдержанно и вовсе не позволялъ себѣ тѣхъ извращеній, какія производили безсовѣстные извратители (Eversores) ¹⁾, среди которыхъ я жилъ; я неспособенъ былъ къ такому безстыдству. Я обращался съ ними и пользовался иногда ихъ дружбою, но дѣла ихъ, т. е. извращенія, всегда были мнѣ чужды; я гнушался словоизверженіями, которыми они съ наглýmъ безстыдствомъ преслѣдовали застѣнчивую скромность неопытныхъ, приводя ихъ въ душевное смущеніе своимъ нахальствомъ, и тѣмъ услаждали свою злохудожную душу. Такими поступками своими риторы совершенно уподоблялись демонамъ. И это названіе ихъ «извратители» (Eversores) вполнѣ соотвѣтствовало ихъ дѣламъ. Ясно, что они сами были прежде извращены злыми духами—этими лживыми и лукавыми оболъстителями, втайнѣ насмѣхавшимися надъ ними, точно также, какъ и эти сами риторы въ свою очередь съ такою же лживостію и насмѣшливостію совращаютъ другихъ людей.

¹⁾ Это названіе «Eversores—извратители», по замѣчанію Августина, въ существѣ своемъ ненавистное и діавольское, звучало какою-то учтивостію и вѣжливостію, какъ бы выражало собою какое нибудь отличіе. Нос enim помен, говорить онъ въ самомъ текстѣ, оградивъ эти слова знакомъ вмѣстительнымъ, scaevum et biabolicum velut insigne urbanitatis est. Изъ словъ Августина видно, что риторы—извратители были тоже, что и софисты (Σοφιστῆς);—лжеумудрователи, соединившіе философію съ краснорѣчіемъ и обучавшіе этому искусству другихъ за деньги. Только послѣдніе занимались болѣе теорією, а первые—практикою; въ сущности же эти риторы и софисты—одно и тоже.

ГЛАВА 4.

Среди этихъ учителей, будучи еще юнымъ и неопытнымъ, я изучалъ сочиненія о краснорѣчїи, въ которомъ желалъ отличиться съ цѣлю предосудительною и пустою, имѣя въ виду одну плѣнявшую меня суетность человѣческую. Слѣдуя заведенному уже порядку обученія, я дошелъ до одной книги Цицерона, краснорѣчивому языку котораго почти всѣ такъ много удивляются, хотя уму и сердцу—не столько. Но эта книга его содержитъ въ себѣ убѣжденіе или побужденіе къ любомудрію, и называется *Гортензій* (Hortensius). И эта-то книга измѣнила расположеніе души моей; и въ отношеніи къ Тебѣ Самому, Господи, я почувствовалъ перемѣну и въ молитвенныхъ прошеніяхъ, и въ желаніяхъ, и въ обѣтахъ. Вдругъ, если не вовсе исчезли во мнѣ, то по крайней мѣрѣ потеряли свою силу всѣ суетныя надежды, и я, опытомъ извѣдавъ ихъ пустоту и получивъ отвращеніе отъ прежнихъ пустыхъ занятій своихъ, со всею сердечною горячностію возжелалъ вѣчной мудрости; и сталъ помышлять о томъ, чтобы возстать и возвратиться къ Тебѣ. Итакъ эту книгу обратилъ я въ свою пользу, только не для усовершенствованія себя въ краснорѣчїи, чего желала мать моя и за что сама платила деньги (такъ-какъ это было на девятнадцатомъ году возраста моего, уже по смерти отца, послѣдовавшей за два года предъ тѣмъ); да и не учила меня книга эта краснорѣчію, а руководствовала къ тому, что заключала въ себѣ по своему содержанію.

Какъ возжелалъ я, Боже мой, какъ возжелалъ я тогда воспарить къ Тебѣ отъ этой земли; между тѣмъ я не зналъ, что Ты со мною сдѣлаешь! У Тебя привѣтаетъ мудрость. Любовь же къ мудрости называется по-гречески *φιλοσοφία* (любомудріе), и къ этому-то любомудрію завлекло меня такъ сильно выше-означенное сочиненіе. Есть люди, которые прель-

щаютъ философією, прикрывая этимъ величественнымъ, лестнымъ и почетнымъ именемъ свои погрѣшности; и почти всѣ такіе ложные философы замѣчаются и указываются въ этой книгѣ; и тутъ-то становится яснымъ то спасительное предостереженіе Св. Духа Твоего, которое чрезъ добраго и вѣрнаго раба Твоего преподано намъ: *смотрите, сказано, чтобы кто не увлекъ васъ философією и пустымъ оболъщеніемъ, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра сего, а не по Христу; ибо въ Немъ обитаетъ вся полнота Божества тѣлесно* (Кол. II, 8. 9). И не смотря на то, что мнѣ эти слова апостольскія не были еще тогда извѣстны, какъ Ты самъ знаешь, свѣтъ моя души —меня однакоже собственно то порадовало въ сочиненіи Цицерона, что содержаніе его зажгло во мнѣ непреодолимое желаніе полюбить не ту или другую секту, но самую мудрость, какова бы она ни была, поискать ее, обрѣсти, воспріять и крѣпко на-крѣпко держаться ея: одно только смущало и сокрушало меня въ этомъ пламенномъ желаніи моемъ; это — то, что я не нашелъ тамъ имени Іисуса Христа. А это имя по милосердію Твоему, Господи, это имя Спасителя моего, Сына Твоего, я научился любить и соблюдать въ сердцѣ своемъ съ самаго ранняго дѣтства, подъ руководствомъ благочестивой матери моей, передававшей мнѣ эту любовь вмѣстѣ съ молокомъ своимъ, которымъ кормила меня; и все, что не было запечатлѣно этимъ именемъ, какъ бы ни было само въ себѣ истинно, полно учености и справедливости, не увлекало меня всецѣло.

ГЛАВА 5.

Такимъ образомъ я рѣшился обратиться къ священному Писанію, чтобы ближе познакомиться съ нимъ. Но скоро я увидѣлъ, что оно непостижимо для гордыхъ умовъ и недоступно для юношей; оно въ одно и тоже время и просто

и возвышенно, а по мѣстамъ покрыто завѣсою таинственности: и я не могъ принаровиться къ нему. Я не думалъ такъ, какъ теперь говорю, когда приступалъ къ чтенію Писанія; на первый разъ оно показалось мнѣ незаслуживающимъ сравненія съ прекрасными сочиненіями Туллія (Цицерона). Цицеронъ былъ такъ изященъ, краснорѣчивъ; а Писаніе, говорю, такъ просто, положительно, и, казалось мнѣ, даже грубо. Не умѣя проникать въ глубину его возвышеннаго смысла, я не находилъ въ немъ для себя удовлетворительной пищи. Мнѣ не нравилась внѣшняя оболочка языка его, а внутреннее содержаніе его было непостижимо для ума моего. Между тѣмъ св. Писаніе было такого свойства, что пониманіе его и любовь къ нему могли возрастать вмѣстѣ съ возрастомъ младенцевъ (Лук. II, 40, 52); но мнѣ хотѣлось быть смиреннымъ, и, будучи напыщенъ высокоуміемъ *мудрыхъ и разумныхъ* (Матѣ. XI, 25; Мар. X, 15; Лук. X 21), я думалъ о себѣ очень много и смотрѣлъ на себя свысока.

ГЛАВА 6.

Жажда истины, непознанной въ источникѣ ея, заставила меня обратиться къ философамъ ¹⁾, и я обратился къ этимъ людямъ, тщеславившимся сумазбродствомъ, людямъ слишкомъ плотскимъ и многоглаголивымъ, въ устахъ коихъ были растянуты дѣвольскія сѣти изъ смѣшенія складовъ имени Твоего и Господа Іисуса Христа и Утѣшителя нашего Духа Святаго. Эти имена не сходили съ устъ ихъ, но оставались только на языкѣ и разносились въ однихъ звукахъ, а сердце ихъ пусто было и далеко отъ истины. Они распѣвали только о философіи и часто повторяли мнѣ: истина, истина! но этой истины не было у нихъ, а преподавали одну ложь, не о Тебѣ только—истой Истинѣ, но и объ

¹⁾ Блаж. Августинъ разумѣетъ здѣсь манихеевъ, которые увлекли его тогда въ свою ересь.

элементахъ міра сего—творенія Твоего, тогда какъ и здраво разсуждающихъ о семъ предметѣ философвъ я долженъ былъ бы пренебречь предъ любовью Твоею, Отецъ мой всеблагій, Источникъ всякой красоты и высочайшая Красота. О Истина, Истина! какъ глубоко вздыхала душа моя по Тебѣ и какъ искренно стремился къ Тебѣ духъ мой всякій разъ, когда они толковали мнѣ о Тебѣ на словахъ или въ огромныхъ книгахъ на различные лады! И все это походило на тѣ блюда, въ которыхъ мнѣ—алчущему и жаждущему—подносили, вмѣсто Тебя, солнце и луну и другія прекрасныя творенія Твои; но это были творенія Твои, а не Ты Самъ, и притомъ—не первыя творенія. Ибо этимъ матеріальнымъ твореніямъ Твоимъ, хотя свѣтозарнымъ и сіяющимъ на тверди небесной, предшествовали духовныя творенія Твои. Но я и не этихъ твореній, а Тебя самой, Тебя, Истина вѣчная, въ которой *нѣтъ измѣненія и ни тѣни перемѣны* (Іак. 1, 17), алкалъ и жаждалъ; между тѣмъ мнѣ предлагали въ этихъ блюдахъ большею частію мечты и призраки, не заключавшіе въ себѣ никакой дѣйствительности. Меня кормили баснями о небѣ и звѣздахъ, о солнцѣ, о лунѣ и т. п., вмѣсто коихъ лучше уже было любить самое солнце, самую луну, по крайней мѣрѣ для глазъ истинныя и необманчивыя, нежели эти лживыя фантастическіе призраки, обольщающіе только душу. Впрочемъ, такъ какъ я о Тебѣ помышлялъ и Тебя искалъ, то воспринималъ то, что мнѣ сообщалось; только все, воспріемлемое мною, не удовлетворяло меня, потому что составлялось не изъ тѣхъ стихій, которыя могли бы насытить душу мою Тобою: эти фантастическія мудрованія, эти пустыя вымыслы не давали мнѣ о Тебѣ никакого понятія, такъ-что я не столько питался, сколько истощался. Пища во снѣ весьма похожа на пищу въ бодрственномъ состояніи; но ею не питаются спящіе, потому что пребываютъ во снѣ. А эти фантазмы даже никакого сходства не имѣли съ Тобою, какъ я вижу теперь, познавъ Тебя; это

были призрачныя ложныя дѣла, не имѣвшія той вѣрности и несомнѣнности, какою имѣютъ истинныя дѣла, тѣ, которыя мы видимъ плотскими глазами, какъ земныя, такъ и небесныя: мы увѣряемся въ реальности ихъ наравнѣ съ животными четвероногими и летающими; и эти тѣла реальнѣе для насъ въ дѣйствительности, чѣмъ рисуемыя воображеніемъ. Но даже предметы, представляемые въ воображеніи, имѣютъ болѣе реальности, нежели составляемые фантазією, но не существующіе па дѣлѣ, великіе и безпредѣльные, призраки, которыми я тогда питался, но не насыщался. Между тѣмъ Ты, предметъ любви моей, безъ котораго я не могу быть твердымъ, не составляешь тѣлъ, видимыхъ и невидимыхъ нами на тверди небесной. Ты создалъ эти тѣла, но у Тебя есть созданія, болѣе совершенныя. Сколько же далека Ты отъ фантастическихъ призраковъ моихъ, или—правильнѣе, сколь далеки эти призраки мои отъ Тебя,—эти фантазмы о тѣлахъ, которымъ на дѣлѣ нѣтъ никакого, соотвѣтствія! Въ сравненіи съ этимъ фантастическимъ мистицизмомъ, конечно, реальнѣе какъ представленія о тѣлахъ, дѣйствительно существующихъ, такъ и самыя тѣла эти, хотя все это—не Ты, даже и не душа, сост. вляющая жизнь тѣлъ. Конечно, жизнь тѣлъ лучше и реальнѣе самыхъ тѣлъ. А Ты составляешь жизнь душъ, жизнь жизней, которая живетъ сама въ себѣ, и не измѣняешься, жизнь души моей.

Гдѣ же Ты былъ тогда и въ какой дали отъ меня, Боже мой? Долго на странѣ далекой блуждалъ я, въ отчужденіи отъ Тебя, живя распутно, и питался рожцалиотъ свиней, которыхъ пасъ (Лук. XV, 15. 16). Стобратъ лучше басенька и рассказы грамматѣевъ и стихотворцевъ, нежели эти опутывающія сѣти! Ученіе и стихотворенія (поэтовъ) и Медея летающая сноснѣе какихъ-нибудь пяти элементовъ, уродливо поддѣланныхъ подъ пять какихъ-то пещеръ темничныхъ, никогда не существовавшихъ и только убивающихъ

легковѣріе вѣряющихся этимъ сумазброднымъ вымысламъ. Въ ученіи и стихотвореніяхъ поэтовъ еще нахожу долю истины: а летающую Медею хотя и восхвалялъ, но не признавалъ ее за дѣйствительность, и если доводилось слышать, что ей воспѣвали похвалы и другіе, то я все таки не вѣрилъ ей существованію; между тѣмъ всѣмъ этимъ сумазбродствомъ, о которыхъ сейчасъ говорено было, вѣрилъ. О горе мнѣ, горе! До какой степени ниспалъ я и какими путями низринулъ въ эту бездну ада! И все это отъ того, что я, страдая и истаеая отъ незнанія истины, искалъ Тебя, Боже мой (въ чемъ исповѣдуюсь предъ тобою, сжалившимся надо мною прежде, нежели я исповѣдалъ Тебя), искалъ Тебя не по смыслу разума, коимъ Ты благоволилъ отличить меня отъ животныхъ, но по влеченію плоти. Ты же былъ глубже моей глубины и выше моей высоты. Я столбнулся съ оною *женою безумною и продерзкою*, о которой упоминается въ Причтахъ Соломоновыхъ, *судящею на сѣдалищѣ, при дверяхъ дому своего на стогнахъ, и призывающею мимоходящихъ: иже есть отъ васъ безумнѣйшій, да уклонится ко мнѣ, и лишеннымъ разума повелѣваю, глаголющю: хлѣбамъ сокровеннымъ въ сладость прикоснитесь, и воду татѣбы сладкую пійте* (Прит. IX, 13 – 17). И она-то уловила меня, блуждавшаго внѣ дома своего и предавшагося плотскимъ похотямъ, въ которыхъ я погрязалъ, будучи опутанъ сѣтями ея.

ГЛАВА 7.

Я не зналъ въ чемъ состоитъ истина; какбы стрѣлой пронзали меня глупые оболъстители, спрашивая: откуда зло? ограничивается ли Богъ тѣлесными очертаніями, и есть ли у Него волосы и ногти? можно ли считать праведниками тѣхъ, которые имѣли въ одно и тоже время много женъ, убивали людей, приносили въ жертву животныхъ? Я приходилъ въ смущеніе при такихъ вопросахъ, не зная, что отвѣчать

на нихъ; и удаляясь отъ истины, думалъ, что вступаю на путь ея. Я не зналъ тогда, что зло есть ничто иное, какъ отрицаніе добра, или — говоря правильнѣе — зла, какъ сущности какой-нибудь, вовсе нѣтъ. И откуда мнѣ было знать это, когда я созерцалъ тѣлесными очами физическія тѣла, а умомъ — фантазмы? Не зналъ и того, что Богъ есть духъ, не имѣющій членовъ, растяженныхъ въ длину и ширину, и не ограниченный пространствомъ: въ пространствѣ часть меньше цѣлаго, а если пространство безконечно, то каждая опредѣленная часть меньше всего безконечнаго, которое и не можетъ быть вездѣ всецѣло; но не таковъ духъ, не таковъ Богъ. Не зналъ я также и того, какимъ именно свойствомъ мы уподобляемся Богу, вслѣдствіе чего Писаніе правильно называетъ насъ созданными *по образу Божію* (Быт. I, 27).

Не зналъ я также и того, въ чемъ состоитъ истинная внутренняя праведность, опредѣляемая не обычаемъ, но правосуднѣйшимъ закономъ всемогущаго Бога, измѣняющая внѣшнюю форму свою въ различныхъ странахъ и въ разныя времена, сообразно съ мѣстными и временными условіями, но остающаяся въ сущности всегда и вездѣ неизмѣнною, — та внутренняя правда, въ силу которой были праведниками Авраамъ, и Исаакъ, и Іаковъ, и Моисей, и Давидъ, и всѣ прославлены Богомъ. Но есть невѣжды, которые осуждаютъ этихъ патріарховъ и многое въ жизни ихъ порицаютъ. Эти судьи судятъ по своему времени и по-своему измѣряютъ всеобщую нравственность рода человѣческаго мѣркою своей нравственности. Они подобны въ этомъ случаѣ человѣку, не знающему употребленія платья, который вздумалъ бы на голову надѣть сапоги, а на ноги — шлемъ, и сталъ бы сердиться, что выходитъ что-то не ладно; или купцу, который, при запрещеніи торговли съ утра до полудня, по случаю какого-нибудь праздника, сталъ бы досадовать, что

ему не дозволяютъ выставлять въ это время на продажу товаровъ, тогда какъ послѣ обѣда до самаго вечера не препятствуютъ этому; или человѣку, который, видя, что въ одномъ и томъ же домѣ буфетчику и официанту не позволяется дѣлать руками того, что не запрещается всякому другому рабу, и что позволяется дѣлать послѣ обѣда то, что запрещается за обѣдомъ, сталъ бы осуждать все это и утверждать, что въ одномъ и томъ же домѣ, въ одномъ и томъ же семействѣ, не должно быть никакого различія, а все для всѣхъ должно быть одинаково обязательно или не обязательно. Таковы всѣ тѣ, которые выражаютъ свое негодованіе, когда слышать и говорятъ, что то самое, что въ прежнія времена дозволялось праведникѣмъ, въ нынѣшнее время не дозволяется,—жалуются, что однимъ Богъ заповѣдуетъ одно, а другимъ—другое, смотря по обстоятельствамъ, тогда-какъ и тѣ и другіе служили и служатъ одной и той же правдѣ. А между тѣмъ тѣже порицатели видятъ, что у одного и того же хозяина, въ одно и тоже время, въ одномъ и томъ же домѣ, одно дѣло дается одному, а другое другому члену семейства; видятъ также, что иногда что-нибудь издавна введенное въ употребленіе, черезъ часъ выводится изъ употребленія; что въ одномъ углу терпится и даже признается законнымъ то, что въ другомъ совершенно справедливо изгоняется и преслѣдуется. Неужели правосудіе само въ себѣ такъ непостоянно и такъ перемѣнчиво? Конечно нѣтъ. Но времена, чрезъ которыя оно проходитъ, текутъ не одинаково; ибо это—времена, таково ихъ свойство. А люди, при кратковременности земной жизни своей, не обладаютъ способностію проникать въ духъ предшествующихъ вѣковъ и другихъ народовъ, и сопоставлять этотъ духъ съ духомъ настоящаго времени, которое переживаютъ сами. Ихъ близорукій взглядъ можетъ видѣть только то, что въ извѣстномъ обществѣ, или въ извѣстный день, или

въ известной семьѣ прилично каждому члену, или моменту, или лицу,—но не далѣе. И насколько они работѣствуютъ настоящему времени, настолько же соблазняются при созерцаніи временъ давно минувшихъ.

Тогда я не зналъ и не понималъ этого; отовсюду бросались мнѣ въ глаза примѣры, которые могли бы разъяснить дѣло, но я былъ слѣпъ. Я упражнялся въ сочиненіи стиховъ, но мнѣ нельзя было употреблять въ нихъ стопы по произволу, а приспособительно къ различнымъ размѣрамъ (метрамъ), по правиламъ самой метрики (*ars metrica*), даже въ одномъ и томъ же стихѣ—нельзя было употреблять всюду одну и ту же стопу. Между тѣмъ самое искусство стихосложенія не терпѣло дисгармоніи, но стремилось къ совершеннѣйшей гармоніи. Но я не могъ догадаться, что праведность, которой послужили мужи благочестивые и святые, несравненно превосходитъ и возвышеннѣе совмѣщаетъ въ себѣ единство и разнообразіе, будучи едина въ своей сущности, но для каждаго вѣка представляя свойственное ему гармоническое сочетаніе. И въ ослѣпленіи своемъ осуждалъ я и порицалъ благочестивыхъ протцевъ, не только проводившихъ свое настоящее сообразно повелѣнію и внушенію самаго Бога, но и по откровенію того же Бога предвозвѣстившихъ намъ будущее.

ГЛАВА 8.

Неужели когда-нибудь или гдѣ-нибудь считалось неправымъ и предосудительнымъ—любить Бога всею сердцемъ, и всею душою, и всею мыслию, и любить ближняго какъ самаго себя? И такъ преступленія противъ природы вездѣ и всегда возбуждаютъ отвращеніе и подлежатъ наказанію, каковы были преступленія жителей Содома. И если бы даже все народы совершали подобныя преступленія, то все они подлежали бы уголовной винѣ предъ божественнымъ

закономъ, потому что Богъ съ тѣмъ сотворилъ людей, чтобы имъ такъ жить. Тутъ нарушается тотъ союзъ, который долженъ существовать между нами и Богомъ, потому что распутствомъ страстей оскверняется та природа, которой Онъ—Творецъ. А преступленія противъ нравовъ человеческихъ, также должны быть избѣгаемы, смотря по различію самыхъ нравовъ, такъ-чтобы взаимный договоръ государства или народа, утвержденный обычаемъ или закономъ, не былъ нарушаемъ по прихоти какаго-либо гражданина или пришельца. Ибо не терпимъ всякій членъ общества, не соответствующій своему обществу. Когда же самъ Богъ повелѣваетъ что-либо вопреки нравамъ и договорамъ человеческимъ, то эти повелѣнія божественныя надлежитъ исполнять: и сообразно содержанию ихъ или возстановить то, что оставлено было, или ввести вновь новыя постановленія. Если и царь земной имѣетъ право въ государствѣ, имъ управляемомъ, давать такіе указы и повелѣнія, какихъ до него да и при немъ прежде не было; и если повинуюсь ему не нарушаютъ правилъ взаимнаго союза государственнаго, а напротивъ того, не повинуюсь ему, нарушаютъ эти правила; такъ какъ главное условіе взаимнаго союза во всякомъ государствѣ состоитъ въ повиновеніе царямъ и вообще высшей власти: то во сколько болѣе должны мы повиноваться во всемъ Богу, Царю небесному, господствующему надъ всею вселенною и правящему ею, какъ дѣломъ рукъ своихъ, служа Ему съ благоговѣніемъ и все повелѣнія Его исполняя безпрекословно? И какъ между властями и начальствами въ обществахъ человеческихъ низшіе повинуются высшимъ и высшіе предпочитаютъ низшимъ; такъ и Богъ превышаетъ всехъ и все должно покоряться Ему.

Обратимъ вниманіе на злодѣянія, въ которыхъ выражается стремленіе вредить, то поношеніемъ, то насиліемъ. или

по чувству мщенія (такъ врагъ вредитъ врагу), или для достиженія какихъ-либо выгодъ (такъ разбойникъ грабитъ путешественника), или для избѣжанія зла (такъ вредятъ тому, кого бояться), или изъ зависти (такъ бѣдпакъ старается разрушить благоденствіе богача, или мастеръ какого-нибудь дѣла подкапывается подъ того, въ комъ видитъ себѣ соперника), или изъ одного удовольствія потѣшиться чужою бѣдой (таковы любители гладиаторскихъ зрѣлищъ, или насмѣшники и пересмѣшники): вотъ главные пункты неправды, которые сосредоточиваются въ тройственной поти—плоти, очей и гордости житейской,—и выражаются или въ одной изъ нихъ, или въ двухъ, или во всѣхъ трехъ, и такимъ образомъ преступная жизнь высказывается противъ трехъ и семи предостереженій ¹⁾, совместно составляющихъ десятиструнную псалтирь десятословія Твоего, Боже превознесенный и сладчайшій. Но какія преступления могутъ быть противъ Тебя, когда Ты не подлежишь соблазну и развращенію? или какія могутъ быть злодѣянія противъ Тебя, когда Тебѣ ничто не можетъ вредить? Но тѣмъ не менѣе Ты преслѣдуешь и наказываешь преступления, совершаемыя въ обществахъ человѣческихъ, потому что, поступая противъ воли Твоей, люди совершаютъ неправду на душу свою, и *солга неправда ихъ себѣ* (Псал. XXVI, 12). Они или извращаютъ природу свою, которая вышла изъ рукъ Твоихъ такъ стройною, или сверхъ мѣры пользуются тѣмъ, что намъ дозволено, и тѣмъ самимъ во зло себѣ употребляютъ дары Твои, или позволяютъ себѣ и недозволенное, и пото-

---

¹⁾ Здѣсь число *семь*, надобно полагать, означаетъ перечисленные выше пункты неправды, а число *три*—тѣ категоріи, подъ которыя подведены эти пункты, совокупность чего составляетъ число *десять*, принаровленное затѣмъ къ *десятословію* и десятиструнному кимвалу.

му самому пользуются имъ не иначе, какъ противъ природы; и такимъ образомъ, упорствуя въ своихъ преступленіяхъ, заносятъ на Тебя пятаю свою и думаютъ прать противъ рожна; или, разрушая общія связи человѣческаго общества, дерзко вступаютъ въ частныя соглашенія или распри сообразно личнымъ удовольствіямъ или неудовольствіямъ. И вотъ до чего можно дойти безъ Тебя, Источнигъ жизни, единственный Творецъ и Управитель вселенной, подъ руководствомъ одной гордости нашей, не способной познать истинны. А потому и обращеніе къ Тебѣ возможно подъ условіемъ смиренія, и Ты тогда очищаешь насъ отъ злыхъ привычекъ, умиаютивляешься надъ грѣхами исповѣдующихся Тебѣ, внемлешь словамъ узниковъ и разрѣшаешь насъ отъ тѣхъ цѣпей, которыя мы сами наложили на себя, если только мы не возносимъ противъ Тебя роговъ ложной свободы, желая больше захватить и опасаясь все потерять, любя свое частное благо болѣе, чѣмъ Тебя, общее благо всѣхъ.

ГЛАВА 9.

Но между преступленіями, злодѣяніями и многими другими неправдами есть еще грѣхи у людей на пути къ усовершенію (*peccata proficientium*, — какъ бы болѣзни развитія); люди здраво разсуждающіе, съ одной стороны, во имя истиннаго совершенства, осуждаютъ такіе проступки, а съ другой—смотрятъ на нихъ снисходительно и даже одобрительно, но съ тѣмъ же чувствомъ, какъ на зеленѣющую ниву, отъ которой можно ожидать плодовъ. Бываютъ также дѣла, подобныя только по виду преступленіямъ и злодѣяніямъ, но въ сущности не грѣшныя, потому что творцы ихъ ни Тебя Господа Бога нашего не оскорбляютъ ими, ни взаимныхъ отношеній общественныхъ не нарушаютъ. Они согласны съ духомъ времени приобрѣтаютъ кое-что на житейскую

пользу, но неизвѣстно еще, по любостыжанію ли; они подвергаются даже исправительнымъ наказаніямъ отъ установленной власти, но неизвѣстно еще за злостные ли умыслы. И много есть такихъ дѣлъ, которыя по суду человѣческому не одобрялись, а на судѣ Твоемъ оправданы; и много такихъ, которыя на взглядъ человѣческой заслуживаютъ похвалу, а по свидѣтельству Твоему осуждаются: ибо иное дѣло—внѣшняя сторона факта, а иное дѣло—духъ совершителя и направленіе извѣстнаго времени. Когда же Ты неожиданно заповѣдуетъ что-либо, что въ другое время даже запрещалъ, какъ несообразное съ обстоятельствами того времени, и наоборотъ запрещалъ, что въ другое время заповѣдывалъ, сокрывая отъ насъ въ тайнѣ самую причину своего повелѣнія или запрещенія, конечно, не безъ причины; то въ сомнѣ людей, право и вѣрно служащихъ Тебѣ, усумнится ли кто въ томъ, что какъ повелѣніе, такъ и запрещеніе Твое, должно быть исполнено, хотя бы оно кому-нибудь изъ насъ и не понравилось? И блажены тѣ люди, которые сознаютъ, что эти повелѣнія и запрещенія отъ Тебя исходятъ. Такіе слуги Твои не только поучаютъ насъ, какъ должно пользоваться настоящимъ, но и предвозвѣщаютъ самъ будущее.

ГЛАВА 10.

Не зная этого, я издѣвался надъ святыми рабами и пророками Твоими. А издѣваясь надъ ними, что дѣлалъ я, какъ не самъ становился посмѣшищемъ предъ Тобою, мало по малу и незаметно дошедши до такихъ нелѣпостей, что сталъ наконецъ вѣрить, будто смоквы плачутъ, когда ихъ срываютъ съ дерева, а мать ихъ—смоковница обливается при этомъ молочными слезами? И если кто изъ святыхъ съѣдалъ эти смоквы, сорванные не имъ самимъ, конечно, но преступнымъ дѣйствіемъ другихъ, то, принявъ ихъ въ

утробу свою, отрыгалъ ангеловъ, даже частицы самаго божества, когда вздыхалъ и стоналъ на молитвѣ: каковыя частицы верховнаго и истиннаго Бога оставались бы заключенными въ этихъ смогвахъ, если бы избранные святыя не освободили ихъ своими зубами и чревомъ. И я, увы! вѣрилъ, что милосердіе болѣе надлежитъ оказывать плодамъ земнымъ, нежели людямъ, на пользу коихъ они произрастаютъ. И если алчущій, только не Манихей, просилъ пищи; то подававшій ему кусокъ хлѣба считался уголовнымъ преступникомъ, заслуживающимъ уголовное наказаніе.

ГЛАВА II.

И Ты простеръ руку Твою съ высоты и исторгнулъ душу мою изъ бездны покрывавшаго ее мрака, когда мать моя, вѣрная раба Твоя, оплакивала меня предъ Тобою болѣе, нежели сколько оплакиваютъ матери смерть дѣтей своихъ. Ибо она видѣла гибель мою; вѣра ея въ Тебя и вдовновеніе Твое давали ей разумѣть это: и Ты услышалъ ее, Господи! Услышалъ ее, и не отринулъ слезъ ея, которыя лились изъ очей по ланитамъ и орошали собою землю на всякомъ мѣстѣ молитвы ея; Ты услышалъ ее. Ибо откуда тотъ сонъ, которымъ Ты утѣшилъ ее, и она увѣрилась, что я не погибну, и мы будемъ жить въ домѣ и раздѣлять трапезу вмѣстѣ по прежнему; а то она отказалась уже было имѣть общеніе со мною, отвращаясь съ презрѣніемъ отъ богохульныхъ заблужденій моихъ? И дѣйствительно. Однажды, послѣ молитвенныхъ слезъ, она заснула и во снѣ увидѣла себя стоящею на какой-то деревянной скамейкѣ и подошедшаго къ ней въ свѣтломъ образѣ юношу, съ веселымъ и самодовольнымъ видомъ, тогда какъ она отъ печали и горести заливалась слезами; и когда юноша этотъ спросилъ ее о причинѣ скорби ея и ежедневныхъ слезъ, не

изъ любопытства, какъ это видится, а съ участіемъ—чтобы помочь ей, и она отвѣтила ему, что оплакиваетъ погибель сына своего, т. е. мою; то онъ, чтобы успокоить ее, возразилъ, что сынъ ея, т. е. я, съ нею, и гдѣ она, тамъ и я, и тутъ же сказалъ ей оборотиться и посмотрѣть около себя. Оборотившись назадъ, она увидѣла меня подлѣ себя, стоящаго на той скамейкѣ. Откуда этотъ сонъ, какъ не оттого, что Ты внялъ слезамъ и молитвамъ ея? О ты, всемогущая Благодѣтельница, равно пекущаяся о всякомъ изъ насъ, какъ бы объ одномъ и единственномъ; и столько же о всѣхъ, какъ и о каждомъ порознь!

Откуда и то, что когда мать рассказала мнѣ это видѣніе, и когда я спокойно отвѣтилъ ей: «чтожъ, это значить, что и ты скоро будешь тѣмъ же, чѣмъ я теперь»; то она тотъ—часъ же, нисколько не колебалась, возразила мнѣ: «нѣтъ, нѣтъ, сынъ мой: не я около тебя явилась, а ты около меня, и мнѣ не сказано, *идь онъ, тамъ и ты*, но сказано, *идь ты, тамъ и онъ*; стало быть, чѣмъ я теперь, тѣмъ будешь и ты». И съ тѣхъ поръ она опять начала раздѣлять со мною трапезу. Признаюсь предъ Тобою, Господи (сколько могу припомнить и о чемъ часто вспоминаю), признаюсь, что этимъ отвѣтомъ Твоимъ въ устахъ неусыпно-попечительной матери моей, нисколько не поколебавшейся въ слѣдствие лживой изворотливости моеи при изъясненіи ея сна и такъ скоро и зорко постигшей въ немъ истинный его смыслъ, котораго я рѣшительно не понималъ, пока она не объяснила мнѣ его,—признаюсь, что я тогда былъ тронутъ этимъ отвѣтомъ болѣе, нежели самымъ сномъ, который для благочестивой женщины былъ знаменательнымъ пророчествомъ и для успокоенія тогдашнихъ ея тревогъ долженъ былъ послужить утѣшительною радостію. Ибо девять почти лѣтъ протекло послѣ того, въ продолженіе которыхъ погрязалъ я въ тинѣ нравственныхъ

нечистотъ и во мракъ умственныхъ заблужденій, и если пытался иногда возставать, то только глубже падалъ: между тѣмъ какъ эта вдовица трезвенная, неукоризненная, благочестивая, какихъ Ты любишь, сколько великодушная въ своемъ упованіи, столько наклонная къ слезамъ и вздохамъ, не переставала во все время молиться обо мнѣ и въ слезахъ обращаться къ Тебѣ. Однакожь время тепло, а я не обращался, и хотя молитвы и вздохи ея восходили къ Тебѣ, но Ты все еще попускалъ мнѣ оставаться во тѣмъ невѣдѣніи и подъ гнѣтомъ страстей.

ГЛАВА 12.

Между тѣмъ Ты готовилъ другой отвѣтъ, обстоятельства котораго припоминаю теперь. О многомъ здѣсь я умалчиваю, и спѣшу къ тому, что болѣе заставляеть меня высказаться предъ Тобою, а многого и не помню. Итакъ Ты явилъ другой отвѣтъ чрезъ священнослужителя своего нѣкоего епископа, воспитаннаго въ церкви и опытнаго въ божественныхъ книгахъ Твоихъ. Когда мать моя рѣшилась просить этого епископа, чтобы онъ удостоилъ меня своей бесѣды и вразумилъ заблудшаго, опровергнувъ мои заблужденія, чтобы отъучилъ отъ зла и научилъ добру (ибо онъ дѣлалъ это, если ему случалось встрѣчать къ комъ расположеніе къ тому); то епископъ не согласился на это, съ благоразумною конечно осторожностію, сколько я узналъ впоследствии и заключаю изъ его отвѣта. Онъ отвѣтилъ матери, что я еще не способенъ вразумиться истиною, какъ недавно приставшій къ еретикамъ и нѣкоторыми спорными вопросами своими смутившій уже многихъ неопытныхъ, завлекши ихъ въ ту же ересь, о чемъ онъ узналъ отъ моей матери. «Оставь его пока, говорилъ епископъ, въ томъ же положеніи, въ какомъ онъ находится, и только молись за него Господу: современемъ онъ самъ увидитъ грубость за-

блужденія своего, которое и отвергнетъ, и пошлость нечестія своего, отъ котораго и отстанетъ». вмѣстѣ съ симъ и какъ бы въ доказательство словъ своихъ, епископъ указывалъ не себя, какъ на примѣръ подобнаго обращенія, ибо въ молодости и онъ зараженъ былъ манихействомъ; онъ рассказывалъ, какъ еще въ дѣтствѣ совращенною матерію своею отданъ былъ манихеямъ, какъ все почти книги ихъ не только перечиталъ, но и поспысывалъ, какъ наконецъ само собою стало ясно ему, безъ всякаго посторонняго спора и убѣжденія, что ничего нѣтъ гибельнѣе этой секты и что отъ нея всячески надлежитъ убѣгать; и такимъ образомъ избѣжалъ ее и обратился на путь правый. Когда же мать, не успокоившись такимъ предвѣщаніемъ, со слезами приступила вновь къ опытному старцу и не переставала умолять его, чтобы онъ призвалъ меня къ себѣ и мудрою бесѣдою направилъ на путь истины: тогда епископъ, какъ бы съ нѣкоторою досадою на такую докучливость, сказалъ ей: «ступай себѣ; живи, какъ живется: быть не можетъ, чтобы чадо такихъ слезъ погибло». Этотъ послѣдній отвѣтъ, вмѣсто огорченія, произвелъ самое отрадное дѣйствіе на сердце матери моей, какъ сама она часто вспоминала объ этомъ въ бесѣдѣ со мною: ей казалось, что этотъ отвѣтъ былъ для ней отвѣтомъ самаго неба.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Августинъ самъ сознается со скорбію и стыдомъ, что онъ въ продолженіи девяти лѣтъ преданъ былъ сектѣ манихейской, и, увлекшись самъ, увлекалъ и другихъ въ ту же ересь, а кромѣ того пристращенъ былъ вообще къ естественнымъ наукамъ и въ особенности къ астрологіи.—Вспоминаетъ о чрезмѣрномъ огор-

ченіи своемъ, по случаю внезапной смерти одного изъ ближайшихъ друзей, и по этому поводу вдается въ размышленіе объ истинномъ и ложномъ дружествѣ.—Упоминаетъ и о написанныхъ имъ на двадцать шестомъ или двадцать седьмомъ году сочиненіяхъ о прекрасномъ и приличномъ, и о томъ, какъ легко и безъ затрудненій понималъ онъ сочиненія о свободныхъ наукахъ и искусствахъ и постигалъ категоріи Аристотеля почти ни двадцатомъ году возраста своего.

ГЛАВА I.

Въ продолженіе этого времени около девяти лѣтъ, съ девятнадцатаго по двадцать осьмой годъ моей жизни, я обольщался самъ и обольщалъ другихъ, увлекался и увлекалъ другихъ удовольствіями; открыто я былъ преданъ такъ называемымъ свободнымъ наукамъ, тайно — ложной религіи ¹⁾.

---

¹⁾ Изъ предыдущаго и послѣдующаго разсказа бл. Августина видно, что эти девять лѣтъ, о которыхъ онъ говоритъ здѣсь, проведены имъ сначала въ Карфагенѣ, гдѣ онъ заканчивалъ свое воспитаніе; потомъ въ родительскомъ домѣ, по возвращеніи изъ Карфагена въ Тагастъ, куда онъ явился, будучи уже зараженъ манихействомъ, и наконецъ—вторично въ Карфагенѣ, по оставленіи родительскаго дома, послѣ внезапной смерти одного изъ ближайшихъ друзей, до замѣчательнаго свиданія съ епископомъ манихейскимъ Фавстомъ, послѣ чего Августинъ сталъ цитать сильное и сознательное недовѣріе къ манихейству и въ душѣ не былъ уже манихеемъ. Эти девять лѣтъ соответствуютъ слѣдующимъ годамъ жизни бл. Августина: съ конца 19 по конецъ 28 г. или съ начала 20 по начало 29 г.; а какъ Августинъ родился въ 354 г. по Р. Х., то этиже годы падаютъ на годы отъ Р. Х. 374—383 (сл. книг. 5, глав. 3. § 3 и глав. 6. § 10, также жизнь Августина въ 8 книгахъ въ изд. Бенедикт. книг. 1, глав. 6. § 4). Окончательное же обращеніе Августина къ православной вѣрѣ и затѣмъ крещеніе его послѣдовало спустя нѣсколько лѣтъ, именно, между 31—33 годами его жизни, т. е. 385—387 годъ, по Р. Х. (смот. книг. 5, глав. 7. §§ 12, 13. книг. 9, глав. 11, § 28 у

Въ одной сферѣ я былъ гордъ, въ другой—суевѣренъ, вездѣ суетенъ. Въ шумѣ свѣта я гонялся за людскою славою, за театральными рукоплесканіями, за побѣдными пѣснями и вѣнками и тому подобными бездѣлицами, а также за чувственными удовольствіями; въ области ложной религіи я мечталъ очищаться отъ мірскихъ нечистотъ въ обществѣ съ такъ называемыми избранными и святыми, принося съ собою разнаго рода яства для приготовленія ихъ въ кухонной мастерской ангеловъ и боговъ-избавителей: да, я слѣдовалъ этимъ нелѣпостямъ вмѣстѣ съ своими друзьями, со мною же и чрезъ меня обольщенными. Пусть смѣются надо мною много о себѣ думающіе, счастливо устоявшіе и не отпадавшіе отъ Тебя, Боже мой, а я не перестану исповѣдывать Тебѣ позоръ мой ради славы Твоей. Позволь же мнѣ, молю Тебя, и даруй мнѣ припомнить теперь все прежнія грѣхопаденія мои, и принести Тебѣ жертву хвалы. Что я самъ по себѣ безъ Тебя, какъ не путникъ идущій и вождь ведущій прямо къ погибели? А во дни своего благоденствія что я, какъ не дитя, питающееся Твоимъ молокомъ и вкушающее Твою нетлѣнную пишу? И что значитъ каждый чловѣкъ, предоставленный самому себѣ? И такъ пусть смѣются надо мною сильные и могучіе, мы же слабые и немощные будемъ исповѣдываться Тебѣ.

ГЛАВА 2.

Въ эти годы я училъ уже другихъ реторикъ, т. е. науку краснорѣчія, я продавалъ за деньги искусство побѣдоносной болтливости. Ты знаешь, Господи, что я желалъ обра-

---

Посид. жизнь Августина глав. 31 и жизнь Августина въ изд. Бенедикт. книг. 2, глав. 7). Обыкновенно 33 годъ жизни Августина или 387 г. по Р. Х. признается годомъ окончательнаго крещенія бл. Августина.

зовать въ собственномъ смыслѣ слова добрыхъ учениковъ; я безхитростно училъ ихъ словеснымъ хитростямъ; не для того, чтобы вредить невинному, а для того, чтобы иногда дать пощадѣ и виноватому, И Ты видѣлъ изъ-далека, Боже, какъ изнемогала честность и доброовѣстность моя на этомъ скользскомъ пути, и какъ, подобно вылетающимъ искрамъ чистаго огня среди подавляющаго ихъ дыма, пробивалась она во время моего мучительства среди моихъ собщниковъ, любящихъ суету и ищущихъ лжи. Въ тѣ годы былъ я въ незаконныхъ, свѣрѣпляемыхъ только пылкою и безразсудною страстію, связяхъ съ одною (женщиною); но эта женщина была у меня одна, я соблюдалъ ей вѣрность: здѣсь-то, собственнымъ опытомъ, могъ я узнать, какъ велика разница между правильнымъ и законнымъ супружествомъ, заключаемымъ ради чадородія, и союзомъ чувственной любви, гдѣ дѣти если и рождаются, то ихъ встрѣчаютъ не охотно, хотя рожденные уже по природѣ заставляють родившихъ любить себя.

Припоминаю еще вотъ что: вздумалось мнѣ выступить на сцену для состязанія въ волшебныхъ театральныхъ представленіяхъ. И вотъ явился ко мнѣ какой-то прорицатель (*hagisprexis*), обѣщаясь доставить мнѣ побѣду, за приличное вознагражденіе: но я отвергнувъ эти гнусныя чары и съ презрѣніемъ отвѣтилъ ему, что хотя бы онъ обѣщалъ мнѣ золотой вѣнокъ безсмертія, то и въ такомъ случаѣ я не позволилъ бы умертвить даже мухи ради такого побѣднаго вѣнка. Дѣло въ томъ, что этотъ прорицатель для своихъ тайнодѣйствій умерщвлялъ животныхъ, и этими жертвоприношеніями, кажется, хотѣлъ вызвать мнѣ на помощь благопріятныхъ духовъ (*daemonia*). Но и это злочестіе отвергъ я, Боже сердца моего, не по ревности къ святости Твоей; ибо я тогда еще не научился любить Тебя: я умѣлъ тогда думать только о предметахъ чувственной любви. А

преданная тлѣннымъ вещамъ душа не любодѣйствуетъ ли въ отчужденіи отъ Тебя, ввѣряясь обманамъ и гоняя вѣтры? Конечно я не могъ допустить, чтобы за меня приносили жертву демонамъ; хотя самъ приносилъ имъ жертвы своимъ суевѣріемъ. И что иное значить здѣсь *гонять вѣтры* (Осіи XII, 1), какъ не за этими падшими духами гоняться: то есть, пребывая въ заблужденіи, служить для нихъ предметомъ забавы и посмѣянія?

ГЛАВА 3.

Я не покидалъ обманчивыхъ бесѣдъ съ обманщиками—астрологами, которыхъ называютъ математиками¹⁾: конечно, при этомъ не вызывалось духовъ и не приносилось имъ жертвъ, между тѣмъ истинная христіанская религія отвергаетъ и осуждаетъ и это. Благо есть исновѣдываться Тебѣ, Господи, и взывать: *помилуй меня, исцѣли душу мою, согрѣшилъ я предъ Тобою* (Псал. XC, 5). Благо есть—не употреблять во зло милосердія Твоего для умноженія грѣхопадений, но всегда помнить слова Господни, *вотъ, ты выздоравливай; не грѣши же, чтобы не случилось съ тобою чего хуже* (Іоан. V, 14). И все это спасеніе стараются уничтожить вышеозначенные лжеучители, когда говорятъ: «по указанію самаго неба ты неизбѣжно долженъ грѣшить; и Венера такъ поступаетъ, и Сатурнъ, и Марсъ».

---

¹⁾ Illos planos, quos mathematicos vocant, consulere non desistebam: въ нѣкоторыхъ изданіяхъ вмѣсто planos стоитъ planetarios, т. е. astrologos, которые занимались въ древности предсказаніями будущаго по звѣздамъ; но большею частію удерживается въ нихъ слово planus—обманщикъ, тоже что impostor—лжеучитель. Это названіе, какъ извѣстно, прилагается было въ старину и къ математикамъ, а правильнѣе къ астрологамъ, и въ этомъ смыслѣ употребляется бл. Августиномъ и въ другихъ мѣстахъ, наприм. въ 3 книг. противъ академиковъ, глав. 15.

А это на обыкновенномъ языкѣ значить, что человекъ остается правъ —эта плоть и кровь, это тлѣніе и прахъ; а вся вина падаетъ на творца и распорядителя неба и звѣздъ. И кто же этотъ Творецъ и распорядитель, какъ не Ты, Боже нашъ, высочайшая любовь и правда, который *воздаешь каждому по дѣламъ его* (Мат. XVI, 27) и *сердца сокрушеннаго и смиреннаго не отвергаетъ* (Псал. L, 19).

Въ то время былъ одинъ опытный и знаменитый врачъ, мужъ проникательнаго ума ¹⁾, который, занимая должность консула, собственноручно возложилъ побѣдный вѣнокъ на больную мою голову, но не какъ врачъ. Болѣзнь, какою я страдалъ, могла найти врачеваніе только въ Тебѣ—Цѣлитель душъ и тѣлесъ, который противишься гордымъ, смиреннымъ же даешь благодать. Не Ты ли въ лицѣ этого старца посѣтилъ меня и соблаговолилъ исцѣлить душу мою? Такъ-какъ я сдѣлался домашнимъ его другомъ и всегдашнимъ собесѣдникомъ, (бесѣды же наши по своей простотѣ и откровенности были пріятны, а по содержанію — занимательны и важны); то онъ, узнавши изъ разговоровъ моихъ, что я преданъ былъ ученію астрологовъ и любилъ заниматься ихъ сочиненіями, сталъ съ дружескою искренностію и отеческою любовію убѣждать меня, чтобы я оставилъ эти басни обманщиковъ и не терялъ по-пусту времени на такія занятія, суетность которыхъ онъ извѣдалъ собственнымъ опытомъ, и совѣтывалъ мнѣ употреблять даръ Божій на занятія полезныя и необходимыя. Старецъ рассказывалъ мнѣ, что онъ самъ изучалъ астрологію, думая въ первые годы

---

¹⁾ По имени Виндиціанъ, какъ это видно будетъ изъ книги, 7, глав. 6, § 8, о коемъ упоминается у Августина и въ письмѣ его 138 къ Марцеллину § 3. См. Жизнь Августина въ изд. Бенедикт. книг. 1, глав. 8, §§ 1, 3, 4.

жизни принять ее за средство къ содержанію себя, и что если онъ понималъ Гиппократата, то конечно въ состояніи былъ понимать и это ученіе: однакоже въ послѣдствіи онъ оставилъ астрологію и обратился къ медицинѣ, по той причинѣ, что нашелъ ту науку ложною и обманчивую, и, какъ честный человѣкъ, не захотѣлъ жить обманомъ на счетъ другихъ. «А ты, продолжалъ старецъ, обращаясь ко мнѣ, занимаешься преподаваніемъ краснорѣчія, чѣмъ и добываешь пропитаніе; за эти же пустяки принимаешься по своей охотѣ, а не потребованію обстоятельствъ; такъ повѣрь же въ этомъ случаѣ мнѣ, такъ-какъ я нарочито изучалъ астрологію, надѣясь единственно отъ нея имѣть въ послѣдствіи средства къ жизни». Когда же я спросилъ его: «если астрологія обманчива, отчего же многія предсказанія этой науки сбываются»; то онъ отвѣчалъ мнѣ, какъ могъ, именно: что это дѣлается силою судьбы, на все въ природѣ имѣющей вліяніе. Если иногда случается, что прорицатель сходится не только въ мысляхъ, но и въ образѣ выраженія съ какимъ-нибудь поэтомъ, вовсе ему неизвѣстнымъ, такъ-что бессознательно какъ-бы повторяетъ текстъ изъ его страницъ; то не чему также удивляться, если душа человѣческая, по непонятному для ней внушенію, бессознательно и произвольно (*non arte, sed sorte*) изрекаетъ нѣчто, сходное съ обстоятельствами вопрошающаго.

И это событіе въ жизни моей, это близкое знакомство съ такимъ мужемъ, каковъ былъ опытный и престарѣлый врачъ (Виндиціанъ), конечно, было дѣломъ Твоего промышленія обо мнѣ. Ты намѣтилъ въ памяти моей тѣ убѣжденія, до которыхъ я въ послѣдствіи дошелъ самостоятельно. А тогда ни этотъ врачъ, ни любезнѣйшій мой Небридій, человѣкъ молодой, но весьма честный и благоразумный, который смѣялся надъ астрологическими прорицаніями, не могли убѣдить меня оставить эту пустую науку, потому что

на меня сильно дѣйствовалъ авторитетъ учителей, а между тѣмъ дотолѣ не находилъ я несомнѣнныхъ доказательствъ, что предсказанія астрологовъ, даже справедливыя, изрекаются ими случайно, а не по разумному наблюденію надъ звѣздами ¹⁾).

ГЛАВА 4.

Въ эти же годы, возвратившись изъ Каррагена въ Тагастъ— на свою родину и начавши преподаваніе въ этомъ городѣ ²⁾, вскорѣ пріобрѣлъ я тамъ себѣ любезнѣйшаго друга и товарища по занятіямъ и сверстника по лѣтамъ цвѣтущей юности. Вмѣстѣ мы росли, вмѣстѣ ходили въ школу и вмѣстѣ рѣзвились. Но онъ не былъ для меня, да и не могъ еще быть тогда истиннымъ другомъ, потому что истинными друзьями могутъ быть только люди прилѣпляющіеся къ Тебѣ и пребывающіе въ Тебѣ, будучи связуемы *любовію, излитую въ сердца наши Духомъ Святымъ, даннымъ намъ* (Рим. V, 5). При всемъ томъ его дружба была для меня очень дорога по причинѣ нашей взаимной горячности и по сходству въ образѣ мыслей. И этого—то юношу, еще не утвердившагося совершенно въ вѣрѣ, я отвратилъ отъ истинной вѣры къ суевѣрнымъ и погибельнымъ баснямъ, изъ за которыхъ оплакивала меня мать моя. Уже въ душѣ своей другъ мой заблуждался также, какъ

¹⁾ Впрочемъ, хотя Августинъ и не убѣждался доводами противниковъ астрологіи, однакожъ невольно сталъ охладѣвать къ фантастическому мистицизму, ожидая только какъ-бы большаго для себя вразумленія.

²⁾ In municipiis, quo natus sum, docere coeperem: municipium—муниципалитетъ, вольный городъ; такъ назывались вообще города въ провинціяхъ, приписанные къ Риму, управлявшіеся по своимъ правамъ и законамъ; училъ же Августинъ въ своемъ Тагастѣ первоначально грамматикѣ, а потомъ уже въ самомъ Каррагенѣ—реторикѣ, т. е. краснорѣчію. Смол. Посид. жизн. Август. глав. 1.

и я; и я не могъ жить безъ него. И вотъ Ты, преслѣдующій бѣгущихъ отъ Тебя, Богъ мщенія и вмѣстѣ источникъ милосердія, обращающій насъ къ Себѣ непостижимыми для насъ путями,—вотъ Ты изъемишь моего друга изъ сей жизни, послѣ нашей едва однолѣтней дружбы,—дорогой для меня болѣе всего въ тогдашней жизни.

Но кто исчислить чудныя дѣла Твои, Господи, даже въ опытахъ только своей собственной жизни? Что Ты тогда сдѣлалъ со мною, Боже мой, и сколь неизслѣдима бездна судебъ Твоихъ? Другъ мой, занемогши лихорадкою, долго лежалъ безъ чувствъ въ предсмертномъ поту: и когда стали отчаяваться въ его жизни, то крестили его въ безсознательномъ состояніи, я объ этомъ не заботился, будучи увѣренъ что душа его держится моихъ внушеній, оставаясь чужда тому, что совершалось надъ безсознательнымъ тѣломъ. Между тѣмъ случилось совсѣмъ иначе; мой другъ пришелъ въ себя, сталъ поправляться и наконецъ выздоровѣлъ. Тотчасъ, какъ только нашелъ я возможность поговорить съ нимъ (а нашелъ я эту возможность очень скоро, потому что не отходилъ отъ него, и мы были почти неразлучны), я вздумалъ было предъ нимъ посмѣяться, въ полной увѣренности, что и онъ самъ вмѣстѣ со мною станетъ смѣяться надъ тѣмъ крещеніемъ, которое совершали надъ нимъ и которое онъ принималъ въ совершенномъ безпамятствѣ и безъ всякаго самосознанія, а между тѣмъ твердили ему и самъ онъ твердилъ, что принялъ крещеніе. Но онъ, пораженный словами моими, отнесся ко мнѣ при этомъ очень враждебно и съ удивительною твердостью и настойчивостью просилъ меня прекратить этотъ разговоръ, если желаю остаться его другомъ. Пораженный въ свою очередь и смущенный такою со стороны его неожиданностію, я отложилъ всѣ свои разсужденія по этому вопросу до времени полного выздоровленія больного, думая возобновить съ нимъ этотъ разговоръ впоследствии,

когда онъ совершенно оправится послѣ своей болѣзни. Но онъ восхищенъ Тобою отъ безумія моего, чтобы у Тебя спастись въ моему утѣшенію; черезъ нѣсколько дней, въ отсутствіе мое, у него возобновились лихорадочные припадки, и онъ— умеръ ¹⁾).

Этотъ скорбный ударъ сокрушилъ мое сердце; куда ни обращалъ я взоръ свой, вездѣ представлялась мнѣ смерть. И отчизна стала для меня въ тягость, и домъ отеческій— дивнымъ несчастіемъ; всѣ предметы моего прежняго общенія съ другомъ, теперь— безъ него стали для меня предметомъ невыразимаго мученія. Вездѣ глаза мои искали друга, но не находили, ибо его не существовало уже для меня; и всѣ мѣста сдѣлались для меня скучны и ненавистны, потому что его не было тамъ, и никто не могъ уже сказать мнѣ: «вотъ, онъ прійдетъ», какъ это бывало прежде, при жизни его, во время отсутствія. Я самъ для себя обратился въ великую притчу и сталъ вопрошать душу свою. *Вскую прискорбна еси душа моя и вскую смущаеши мя?* И она не знала, что отвѣчать мнѣ. Хотя я и говорилъ ей: *уиовай на Бога* (Псал. XLII. 5); но она неохотно повиновалась: потому-что тотъ другъ, котораго она такъ любила и— потеряла былъ дѣйствительнѣе и лучше того призрачнаго понятія, уповать на которое ей повелѣвалось ²⁾). Одиѣ сле-

---

¹⁾ Кто былъ этотъ другъ Августина, объ этомъ блаж. Августинъ не говоритъ, ни въ своей *исповѣди*, ни въ другихъ твореніяхъ своихъ; и никто изъ жизнеописателей его ничего положительнаго не говоритъ объ этомъ; даже никакихъ догадокъ не имѣемъ: видно только, что это было лицо замѣчательное, особенно для Августина.

²⁾ Бл. Августинъ даетъ разумѣть, что тогда, увлеченный манихействомъ, онъ не имѣлъ правильнаго и животворнаго понятія объ истинномъ Богѣ.

зы служили теперь для меня утѣшеніемъ и мѣсто друга моего были отрадою души моей

ГЛАВА 5.

Но теперь, Господи, все это прошло, рана моя отъ времени зачечилась. Позволь приблизить слухъ сердца моего къ устамъ Твоимъ и услышать отъ Тебя, какъ сущій Истины, отъ чего это слезы такъ сладостны и такъ утѣшительны для несчастныхъ? Или Ты, хотя и вездѣсущъ, далеко устранилъ отъ Себя наши бѣдствія? Ты пребываешь Самъ въ Себѣ; а мы возвращаемся въ сферѣ испытаній. И однакоже если бы наши стenanія не раздавались предъ слухомъ Твоимъ; то мы оставались бы совершенно безнадежны. Отчего же горестъ жизни даетъ сладкіе плоды, отчего мы находимъ утѣшеніе, когда стонемъ и плачемъ, воздыхаемъ и сѣтуя скорбимъ? Быть можетъ потому, — что мы надѣемся быть услышанными отъ Тебя? Это такъ — по отношенію къ молитвамъ, потому что въ нихъ выражается желаніе быть услышанными. Но неужели тоже самое можно сказать о моемъ тогдашнемъ плачѣ объ утраченномъ другѣ? Я и надежды не питалъ, чтобы онъ ожилъ, въ слезахъ своихъ не выражалъ и желанія этого, а только скорбѣлъ и плакалъ. Меня постигло несчастіе, вмѣстѣ съ тѣмъ оставила меня и радость моя. А можетъ быть и слезы сами въ себѣ горьки, и только радуютъ насъ потому, что намъ наскучили уже предметы, сначала бывшіе источникомъ наслажденій, а потомъ брошенные нами?

ГЛАВА 6.

Къ чему же я распространяюсь объ этомъ? Не время теперь сѣтованій и жалобъ, а — исповѣди предъ Тобою. Несчастенъ былъ я, несчастна и всякая душа, окованная пристрастіемъ къ смертнымъ предметамъ: терзается она когда теряетъ ихъ, и чувствуетъ, какъ бѣдна была и тогда, когда

обладала ими. Въ такомъ состояніи находился я въ то время и плакалъ горько, горько, и въ горечи скорби этой находилъ для себя успокоеніе. Такъ несчастенъ былъ я, и все-таки печальная жизнь моя была для меня дороже моего дорогаго друга. Ибо хотя бы я и желалъ измѣнить свою жизнь, но не согласился бы потерять ее, чтобы спасти друга. Не знаю даже, согласился ли бы я, ради друга, на такую жертву, о какой повѣствуютъ про Ореста и Пилада (если только это не выдумка), которые лучше пожелали умереть вмѣстѣ, нежели жить одному безъ другаго, считая для себя жизнь въ разлугѣ хуже смерти. Но во мнѣ запало какое-то чувство, совершенно противоположное: какъ тяжела стала для меня жизнь и какъ ни скучалъ я ею, но неменѣе того страшна была для меня и смерть. Нисколько не сомнѣваюсь, что чѣмъ болѣе любилъ я своего друга, тѣмъ болѣе ненавидѣлъ смерть, похитившую его у меня, и страшился ее, какъ лютейшаго врага: мнѣ такъ и представлялось, что она готова истребить всѣхъ людей, если не пощадила этого человѣка. Такихъ былъ я мыслей, дѣйствительно, помню какъ теперь. Вотъ душа моя и сердце мое, Боже мой; вотъ глубочайшія мои расположенія, сколько помню: видъ, надежда моя, упованіе мое, чаяніе мое.—Ты, который очищаешь меня отъ нечистотъ такого настроенія, направляя взоры мои на путь нравый, къ Тебѣ ведущій, и исторгая изъ сѣтей ноги мои (Исал. XXIV, 15). Да, я удивлялся въ то время тому, какъ это прочіе смертные остались въ живыхъ, послѣ того, какъ умеръ другъ мой, котораго я любилъ такъ, какъ будто ему никогда не слѣдовало умирать; а еще болѣе дивился тому, какъ это я остался живъ, послѣ его смерти, я, который былъ его двойникомъ (*qui illi alter eam*). Прекрасно выразился одинъ изъ поэтовъ о другѣ своемъ, назвавъ его *дражайшею половиною души своею* ¹⁾. Я такъ и думалъ, что

¹⁾ Августинъ разумѣетъ здѣсь Горация, который въ одной

душа моя и душа его составляли одну душу въ двухъ тѣлахъ; потому-то и жизнь была для меня въ тягость, такъ-какъ не хотѣлось мнѣ жить половиною жизнію, и смерти страшился, въ надеждѣ, какъ-нибудь (*forte*) избѣгнуть смерти, чтобы и другъ мой столько мною любимый, не умеръ—всецѣло ¹⁾).

ГЛАВА 7.

О безуміе, не умѣющее любить людей по-людски! О глупость человѣческая, не знающая мѣры участія въ страданіяхъ человѣческихъ, какъ это испыталъ я тогда на себѣ! Я страдалъ, вздыхалъ и стоналъ, проливалъ слезы, былъ постоянно въ безпокойствѣ и тревогѣ; не было у меня ни покоя, ни благоразумія. Я носился съ измученною и истерзанною душою своею, и не зналъ, куда дѣваться съ нею; сама она нигдѣ не находила себѣ мѣста. Ни прохладныя и благоуха-

изъ одѣ, посвященной имъ своему другу—Виргилію, умоляя боговъ о сохраненіи его во время путешествія по морю цѣлымъ и невредимымъ, выразился между прочимъ такъ: *Reddat incolumen, prescor, Et servet animæ dimidium tuæ*. Книг. I. Ода 3.

¹⁾ Въ критическомъ пересмотрѣ своихъ сочиненій (*Retractationes*), сдѣланномъ подѣ конецъ своей жизни (въ 427 г. за три года до смерти), бл. Августинъ дѣлаетъ на это мѣсто слѣдующее замѣчаніе. „Въ четвертой книгѣ *исповѣди* моей, говоря о смерти друга своего, и о горестяхъ собственной жизни, гдѣ представлялъ я себѣ, что душа его и душа моя, эти двѣ души нѣкоторымъ образомъ слились какъ-бы въ одну душу сказалъ я: *et ideo mihi horrore erat vita, quia nolebam dimidius vivere, et ideo forte mori metuebam, ne totus ille moreretur, quem multum amaveram*. Эти слова представляютъ болѣе легкую, игривую и забавную декларацію и декламацію, нежели строгую и основательную исповѣдь“. Потомъ заключаетъ: „главная нелѣпость этого мѣста, какъ не умѣрай ее, состоитъ въ томъ, что здѣсь прибавлено слово *forte*—,быть можетъ, какъ-нибудь“, представляющееся здѣсь совершенно неумѣстнымъ. Книг. 2, глав. 6, § 2.

ющія рощи, ни увеселительныя зрѣлища, ни пѣніе и музыка, ни изысканныя пиршества, ни удовольствія чувственной любви, ни книги и сочиненія,—ничто не помогало душѣ моей, ни въ чемъ не находила она успокоенія. Все тревожило ее, самый даже свѣтъ; все въ немъ было неумолимо и ненавистно, кромѣ стоновъ и слезъ. Только въ нихъ однихъ находила она утѣшеніе. Все прочее, къ чему ни обращалась она, ложилось на меня тяжелымъ гнетомъ. Я зналъ, что за исцѣленіемъ и облегченіемъ надлежало обратиться къ Тебѣ, Господи; зналъ, но не обращался и не могъ обратиться, всего болѣе потому, что не имѣлъ о Тебѣ твердаго и основательнаго понятія, когда рассуждалъ о Тебѣ. Ты былъ для меня тогда не тѣмъ, чѣмъ Ты на самомъ дѣлѣ, а—призрачною мечтою, и заблужденіе мое было для меня тогда богомъ моимъ. Если я силился вывести душу свою на путь, ведущій къ Тебѣ, въ надеждѣ обрѣсти наконецъ мирное и безмятежное пристанище, то подъ гнетомъ суетныхъ мечтаній и заблужденій, изнемогала и падала она, и снова увлекала меня въ такое несчастное положеніе, въ которомъ мнѣ нельзя было ни оставаться, ни выйти изъ него. Ибо куда духъ мой уйдетъ отъ духа моего? куда уйду я самъ отъ себя? куда пойду, гдѣ бы не встрѣтиться съ собою? Однако же я бѣжалъ изъ отечества: ибо глаза мои менѣе искали друга тамъ, гдѣ не превыкли видѣть его; и я удалился изъ города Тагаста въ Кароагенъ.

ГЛАВА 8.

Но время не даромъ течетъ и не безслѣдно проходитъ для нашихъ чувствъ; оно творитъ въ душѣ чудныя дѣла. Такъ тепло и проходило оно со дня на день, а между тѣмъ напечатлѣвало во мнѣ другіе образы и другія воспоминанія, возстановляя мало-по-малу и прежніе роды увеселеній, коимъ уступало сокрушавшее меня чувство скорби; но вмѣстѣ съ

тѣмъ подступали и другія причины печалей и скорбей. Ибо отъ чего онѣ овладѣли мною съ такою силою, какъ не отъ того, что я слишкомъ приучилъ душу свою къ свѣту, пристрастился къ зрѣлищамъ, и къ вещамъ смертнымъ, какъ-бы къ безсмертнымъ? Особенно одушевляли и развлекали меня утѣхи и забавы другихъ пріятелей моихъ, вмѣстѣ съ коими любовь моя обращалась къ тѣмъ предметамъ, которые возлюбилъ я вмѣсто Тебя: это была страшная мечта и продолжительный обманъ; и душа моя обольщалась и развращалась среди пагубнаго общества пріятелей. А между тѣмъ эта мечта не умирала для меня, когда умиралъ кто-либо изъ моихъ пріятелей, но оставалась послѣ нихъ. Было въ этомъ обществѣ еще кое-что увлекавшее душу мою, наприкладъ: вмѣстѣ мы бесѣдовали и шутили при взаимныхъ услужливостяхъ; вмѣстѣ читали сладгорѣчивыя книги, вмѣстѣ пустословили, воздавали взаимно дружескія почести; допускали иногда разногласія безъ ненависти въ такомъ родѣ, какъ человѣкъ иногда разсуждаетъ самъ съ собою, съ тѣмъ — чтобы достигнуть еще большаго согласія; или: взаимно учили и учились, сожалѣли объ оставляющихъ наше общество, радовались о вновь прибывающихъ къ намъ. — Всѣ эти и симъ подобныя дѣйствія, проистекающія отъ взаимнаго расположенія, выражавшіяся и въ лицѣ, и въ словахъ, и въ глазахъ, и безчисленными самыми пріятными и обязательными движеніями, производили такое впечатлѣніе, что члены дружескаго общества, подобно воску отъ огня, таяли и сливались какъ-бы въ одно тѣло и одну душу.

ГЛАВА 9.

Такова взаимная расположенность друзей, простирающаяся до того, что каждый по совѣсти считаетъ себя неправымъ, если не отвѣчаетъ любовью на любовь, не требуя ничего съ своей стороны, кромѣ взаимнаго сочувствія. Отсюда

плачь о смерти друга, и мрачная печаль, и вмѣсто сладости сочувствія горестъ осиротѣвшаго сердца и отъ потери жизни умирающихъ смерть живущихъ. Блаженъ, кто любитъ Тебя, кто любитъ и ближняго въ Тебѣ и врага ради Тебя. Тотъ не теряетъ близкихъ своему сердцу, для кого дороги всѣ ради Того, кто никогда не перестаетъ существовать, но вѣчно пребываетъ. И кто же это, какъ не Ты, Боже нашъ, Богъ, сотворившій небо и землю и наполняющій ихъ, который тѣмъ и сотворилъ ихъ, что наполняюшь ихъ? Тебя никто не теряетъ, кромѣ того, кто самъ удаляется отъ Тебя; а кто удаляется отъ Тебя, куда стремится или куда бѣжить, какъ не отъ Твоей, кротости къ Твоему же гнѣву? Не вездѣ ли встрѣчаетъ онъ законъ Твой въ наказаніи своемъ? И законъ Твой—истина, и истина—Ты.

ГЛАВА 10.

Боже силъ! обрати насъ, и просвѣти лице твое, и спасемся (LXXIX, 8). По какимъ бы путямъ душа человѣческая ни устремилась, кромѣ пути ведущаго къ Тебѣ, всѣ другіе пути ведутъ ее къ печалямъ; и хотя предметы пристрастія человѣческаго прекрасны сами въ себѣ какъ творенія Твои, но безъ Тебя они не поведутъ душу къ Тебѣ. Всѣ они являются и исчезаютъ, рождаются и умираютъ, и появляясь на свѣтъ, какъ-бы начинаютъ свое бытіе, растутъ и усовершенствуются, усовершеншаяся состарѣваются, а состарѣваясь умираютъ и разрушаются; не всѣ состарѣваются, но всѣ умираютъ: и всѣ они ничего бы не значили сами по себѣ, если бы не заимствовали значенія своего отъ Тебя. Когда они появляются и силятся заявить свое существованіе; то чѣмъ скорѣе растутъ и усовершенствуются, тѣмъ быстрѣе спѣшать къ превращенію бытія своего: такова уже ихъ норма, таковы условія ихъ существованія. Ибо Ты настолько сообщилъ имъ даровъ своихъ, насколько они могли вмѣстить

ихъ, не оставляя собою цѣлаго, а будучи только частями цѣлаго, такъ-что всѣ они только въ совокупности своей со всею преемственностію своею представляютъ цѣлое, т. е. все или вселенную, которой они суть части. Тоже самое бываетъ и съ рѣчью нашею, выражаемою словами. Рѣчь не выходила бы у насъ полною, если бы одно слово, прозвучавъ части складовъ своихъ, не замирало послѣ того, чтобы дать мѣсто другому. Да восхвалить же Тебя душа моя за все твореніе Твое, Тебя, Боже и Творче всего сущаго; но да не останавливается она на одномъ твореніи, погружаясь въ него всецѣло, всеми чувствами своими. Ибо все въ мірѣ семъ не вѣчно, а пагубная привязанность ко всему преходящему терзаетъ душу нашу, которой врождено стремиться къ жизни и наслаждаться любимыми предметами. Здѣсь же не на чемъ ей остановиться для успокоенія своего, потому-что все непостоянно и скоротечно: и кто тѣлеснымъ чувствомъ поймаетъ скоротечное, или поймавши можетъ удержать его? Тупо и медленно для этого тѣлесное чувство по самой своей природѣ Оно пригодно для того, для чего и дано: но недостаточно для того, чтобы удержать преходящее отъ положеннаго начала до положеннаго конца. Ибо въ Словѣ Твоемъ, коимъ все сотворено, читаемъ и получаемся: *до сего дойдешь, и не преjdeши* (Іов. XXXVIII, 11. Псал. CIII, 9).

ГЛАВА II.

Перестань же, душа моя, суетиться, чтобы не заглохло въ тебѣ чутье сердца твоего отъ тревоги суетъ твоихъ. Внемли и ты: само Слово зоветъ тебя на путь обращенія, и тамъ найдешь ты мѣсто успокоенія ничѣмъ невозмутимаго, гдѣ нѣтъ насильственнаго перерыва для любви, доколѣ только существуетъ она. Вотъ твари однѣ преходятъ, другіе приходятъ, смѣняя другъ друга, и всеми

частями своими составляютъ дольній міръ сей. А куда пойду я, о томъ говорить слово Божіе. Тутъ утверди станъ сво : здѣсь остановись съ полнымъ довѣріемъ и расположись со всѣмъ достояніемъ твоимъ, душа моя, послѣ того, какъ ты уже испытала ложь и обманы другихъ путей. Вѣрь истинѣ что только есть у тебя истиннаго, и ничего не потеряешь; и всѣ ошибки твои исправятся, и болѣзни исцѣлятся, и все прошедшее твое преобразуется, и явится въ новомъ свѣтѣ, и не будетъ въ разладѣ съ тобою и все, съ чѣмъ ты разлучаешься здѣсь на время, не оставитъ тебя навсегда; не останется съ тобою, и пребудетъ у сущаго и пребывающаго во вѣки Бога.

И въ чему тебѣ слѣдовать превратнымъ внушеніямъ плоти? Пусть лучше она обратится и послѣдуетъ за тобою. Всѣ чувства плотскія прикасаются только къ частностямъ; и ты не знаешь цѣлаго, коего они суть части; и однакоже эти частности доставляютъ тебѣ удовольствіе. Но если бы чувство плоти твоей способно было постигать цѣлое, и не представляло бы для тебя наказаніемъ нормальный образъ бытія вселенной; то ты сама пожелала бы, чтобы миновалось все существующее въ настоящемъ, чтобы тѣмъ болѣе получить тебѣ удовольствіе во всецѣломъ. Нѣчто подобное мы испытываемъ по отношенію къ рѣчи нашей, воспринимаемой слухомъ посредствомъ тѣлеснаго же чувства: тебѣ конечно непріятна была бы остановка на складахъ, ты скорѣе желаешь, перелетѣвъ отъ однихъ къ другимъ, выслушать всю рѣчь. Такъ и во всемъ совокупность частей, изъ коихъ слагается цѣлое, если только ты можешь возвыситься до созерцанія всецѣлаго совершенства, несравненно пріятнѣе тѣхъ же самыхъ частей того же самаго цѣлаго, при ихъ совершенствахъ, взятыхъ порознь, а не вмѣстѣ. Но безъ всякаго сравненія выше и совершеннѣе всего этого самъ художникъ, который все сотворилъ, и этотъ-то ху-

дожникъ есть Богъ нашъ; Онъ не смѣняется уже никѣмъ и ничѣмъ такъ-какъ и преемника Ему нѣтъ.

ГЛАВА 12.

Если ты любишься тѣлами, то восхваляй за нихъ Бога—Творца ихъ, и перенесись любовію своею къ самому Художнику, чтобы тебѣ не разочароваться въ томъ, что тебѣ правится. Если тебя восхищаютъ души, то люби ихъ въ Богѣ: ибо и онѣ сами по себѣ не имѣютъ прочнаго бытія, а все постоянство ихъ въ Богѣ; иначе онѣ погибли бы безслѣдно. Люби ихъ ради Бога; влечи ихъ къ Нему вмѣстѣ съ собою кого только можешь и тверди имъ: «Его возлюбимъ, Его возлюбимъ; Онъ все сотворилъ, и близокъ къ намъ. Не думайте, чтобы Онъ создалъ твари и удалился: нѣтъ; все сотворенное Имъ пребываетъ въ Немъ. Вотъ гдѣ истина, вотъ гдѣ мудрость. Онъ присущъ сердцу нашему; но сердца наши уклонились отъ Него. Опомнитесь вѣроломные сердцемъ, и обратитесь къ создавшему васъ. Держитесь Его, и устоите; возложите упованіе ваше на Него, и обрѣтете покой. Куда стремитесь по путямъ стропотнымъ? куда стремитесь? Благо, любимое вами, отъ Него исходитъ: если оно ведетъ къ Нему; то это благо спасительно; но если незаконно будете любить это благо, оставивши виновника его; то оно по закону возмездія обратится вамъ въ пагубу. Къ чему же вамъ доселѣ еще блуждать по путямъ труднымъ и неудобопроходимымъ? Нѣтъ тамъ успокоенія, гдѣ вы стоите. Ищите его: но не тамъ, гдѣ ищете. Вы ищете блаженной жизни въ области смерти; нѣтъ ее тамъ. Да и какимъ образомъ можетъ быть блаженная жизнь тамъ, гдѣ и самой-то жизни нѣтъ? И вотъ спизошла къ намъ эта жизнь сама, и претерѣла смерть нашу, и умертвила ее преизбыткомъ жизни своей: и возгремѣла во всеуслышаніе, призывая насъ возвратиться къ Нему—Жизнодавцу, въ то лоно, откуда Онъ

явился къ намъ, въ первобытную дѣвственную утробу, гдѣ сочеталась съ Нимъ человѣческая тѣлесная и смертная природа наша, чтобы не остаться ей навсегда смертною; оттуда явился Онъ какъ женихъ, выходящій изъ чертога своего, съ восторгомъ, какъ исполинъ, вступающій на путь свой (Псал. XVШ, 6). Онъ не опоздалъ, но успѣвши въ время, вопія словомъ, дѣлами, смертію, жизнію, сошествіемъ и восшествіемъ, воія, чтобы мы всѣ возвратились къ Нему. Онъ сокрылся отъ глазъ нашихъ, чтобы мы обратились къ собственной душѣ и тамъ нашли бы Его. Ибо Онъ и удалился отъ насъ, и въ то же время пребываетъ съ нами. Не восхотѣлъ долго оставаться среди насъ, но и не оставилъ насъ. Онъ удалился туда, гдѣ и всегда былъ, такъ какъ міръ чрезъ Него произошелъ; и въ міръ семъ былъ (Іоан. 1, 10), и въ міръ сей пришелъ спасти грѣшниковъ (1 Тим. 1, 15). Да исповѣдуются Ему душа моя и да исцѣлитъ Онъ ее такъ какъ она согрѣшила предъ Нимъ (Псал. XL, 5). Сыны человѣческіе! доколѣ же пребудете тяжкосерды (Псал. IV, 3)? Неужели и послѣ сошествія къ вамъ жизни не хотите вознестись и жпть? Впрочемъ куда же вамъ вознестись, когда вы и безъ того уже съ высоты смотрите и подьмете на небеса уста свои (—LXXII, 8. 9)? Снизойдите, чтобы вознестись, и—вознестись къ Богу. Ибо вы пали, возносясь противъ Него». Скажи людямъ все это, душа моя, чтобы они плакали во юдоли плача и рыданія, и такимъ образомъ влеки ихъ вмѣстѣ съ собою къ Богу; Духомъ Божиимъ будутъ проникнуты слова твои, если ты скажешь ихъ, пылая огнемъ любви.

ГЛАВА 13.

Я ничего этого не зналъ тогда, и любилъ красоту дошняго міра, и стремился въ бездну преисподней, и говорилъ друзьямъ своимъ: не прекрасно ли все, что мы лю-

бимъ? Что же такое прекрасное? и что такое красота? Что прельщаетъ и влечетъ насъ къ тому, что мы любимъ? Если бы въ любимыхъ нами предметахъ не было красоты и изящества; то они не могли бы привлекать насъ къ себѣ. Я наблюдалъ и замѣчалъ, что въ тѣлахъ есть нѣчто прекрасное (*pulchrum*) само въ себѣ, какъ нѣчто цѣльное, и есть нѣчто пригодное (*artum*), привлекательное только потому, что соотвѣтствуетъ цѣлому и удачно приспособлено къ нему, какъ напр. члены тѣла по отношенію къ цѣлому организму, или башмакъ по отношенію къ ногѣ, и тому подобное. И это размышленіе гнѣздилося въ глубинѣ души моей, и я написалъ книги о прекрасномъ и пригодномъ (*de pulchro et arto*), кажется, двѣ или три. Тебѣ извѣстно это Боже: я же забылъ. Этихъ книгъ нѣтъ теперь у меня, гдѣ то затерялись, самъ не знаю какимъ образомъ ¹⁾.

ГЛАВА 14.

Что же побудило меня, Господи Боже мой, писать объ этомъ предметѣ именно къ Гіерію ¹⁾, нѣкоему оратору римскому, съ которымъ я лично не былъ знакомъ, но любилъ его, потому что онъ славился своею ученостію, и мнѣ приходилось слышать его изрѣченія, которыя нравились мнѣ? А болѣе я любилъ его потому, что любили его другіе: ему

---

¹⁾ Это сочиненіе блаж. Августина *de pulchro et arto*, какъ видно, не отыскалось и въ послѣдствіи; потому что не оказывается его и теперь ни въ числѣ твореній Августина у издателей его, ни въ его пересмотрѣ или обзорѣ сочиненій своихъ (*Retractationes*).

¹⁾ По нѣкоторымъ изданіямъ этотъ Гіерій значитъ Ижерій; бл. Августинъ надписалъ на книгахъ своихъ нѣчто въ родѣ посвященія ему; но отвѣчалъ ли Августину этотъ Гіерій или Ижерій—не видно ни изъ чего, а скорѣе можно заключать, судя по послѣднимъ словамъ этой главы, что вовсе не отвѣчалъ ему.

удивлялись и превозносили его похвалами въ особенности за то, что онъ, будучи сиріянинею, отлично изучилъ напередъ греческое краснорѣчіе, а потомъ выказалъ изумительные успѣхи и въ краснорѣчій римскомъ, бывъ притомъ весьма свѣдущъ въ знаніи предметовъ, относящихся къ любомудрію. Хвалятъ человѣка, и—онъ заочно дѣлается предметомъ любви. Неужели языкъ хвалящаго передаетъ эту любовь сердцу слушающаго? Нѣтъ, это не такъ: но отъ любви одного возжигается любовь въ другомъ. Хвалимый, тогда становится предметомъ любви, когда видно, что похвалы исходятъ не отъ льстиваго сердца, то есть, когда хвалящій любить хвалимаго.

Такъ любилъ я тогда людей по суду людскому; но не по суду Твоему; Боже мой, неложному. Но отъ чего любовь, какою я питалъ ко Гіэрію, была не такова, какою пользуется какой-нибудь возница или любимый народомъ фокусникъ, но гораздо серьезнѣе, такъ-что и самъ я пожелалъ бы себѣ такой любви? Но ни за что не пожелалъ бы я себѣ той славы, или той любви, какою пользуются актеры и фокусники, хвалимые и любимые мною самимъ; напротивъ того, я предпочелъ бы оставаться вовсе въ неизвестности, нежели пользоваться такою извѣстностію, и скорѣе согласился бы подвергнуться ненависти, нежели удовлетворился бы такою любовію. На чемъ же основывается такое разграниченіе различныхъ родовъ любви въ одной и тойже душѣ? Отъ чего же любишь въ другомъ то, чего не потерпѣлъ бы въ себѣ, хотя каждый изъ насъ—одинаково человѣкъ? Какъ хорошій конь служить предметомъ любви, хотя конечно никто не захотѣлъ бы превратиться въ коня, такъ тоже самое должно сказать о комедіантѣ, который одинаковъ съ нами по природѣ. Итакъ въ человѣкѣ ли я люблю то, чего не терплю въ себѣ, будучи человѣкомъ? Велика и неизмѣрима глубина—самъ человѣкъ, коего

впрочемъ и волосы сочтены у Тебя, Господи, и ни одинъ изъ нихъ не падаетъ безъ воли Твоей: но и волосы чело-вѣка удобоисчислимѣе, чѣмъ тѣ стремленія и сердечныя побужденія его, которыя такъ многообразны.

Но этотъ риторъ принадлежалъ къ числу людей, столько любимыхъ мною, что я самъ бы желалъ быть такимъ же; между тѣмъ я былъ объять гордостію, увлекался всякимъ вѣтромъ и руководство Твоего промысла было для меня сокрыто. И почему я знаю и почему съ увѣренностію исповѣдываюсь Тебѣ, что я его любилъ, побуждаемый болѣе любовію его хвалителей, нежели тѣми дѣлами, за которыя его хвалили? Потому что если бы тѣже самые, которые хвалили его, рассказывая объ немъ тоже самое, стали отзываться о немъ не съ похвалами, а съ презрѣніемъ, то не возбудили бы во мнѣ расположенія къ нему. И такимъ образомъ, въ существѣ своемъ, ни дѣла не измѣнились бы, ни челоуѣкъ не перемѣнился бы, а только слова разскащиковъ произвели бы иное дѣйствіе. Вотъ какъ непрочно положеніе души, еще не утвердившейся въ истинѣ. Она кружится то тамъ, то сямъ, подобно звуку, носящемуся въ воздухѣ, и свѣтъ для нея закрывается облакомъ, и истины не видитъ она. Примѣръ тому предъ нами. Я представлялъ себѣ сочиненіе свое чѣмъ-то необыкновеннымъ, и очень заботился о томъ, чтобы трудъ мой дошелъ до свѣдѣнія вышеупомянутаго мужа. Мнѣ весьма хотѣлось, чтобы онъ одобрилъ мой трудъ, напротивъ того, не имѣя опоры въ Тебѣ, я сокрушался отъ одной мысли, если мое сочиненіе ему не понравится. И при всемъ томъ, я восхищался сочиненіемъ своимъ *о прекрасномъ и приличномъ*, по поводу коего посалъ къ Гіерію, любовался своимъ взглядомъ на предметъ и удивлялся самъ себѣ, не получая никакого одобрительнаго отзыва.

ГЛАВА ГБ.

Но я еще провидѣлъ тогда, что основаніе и сущность этого заключается въ Твоемъ творествѣ, о Всемогущій, *творящій чудеса Единъ* (Псал LXXI, 18): моя мысль занята была только чувственными образами; и это *прекрасное* само въ себѣ, а равно и *приличное*, состоящее въ приспособленіи къ чему-нибудь я опредѣлялъ, различалъ построивалъ и проводилъ по образцамъ, заимствованнымъ изъ міра чувственнаго, Я обращался и къ природѣ духа: но ложныя понятія, какія имѣлъ я о духовныхъ предметахъ, препятствовали мнѣ видѣть истину. Сама сила истины бросалась въ глаза, но я обращался съ трепетнымъ умомъ отъ безтѣлесныхъ предметовъ къ очертаніямъ, краскамъ и громаднымъ величинамъ. Но такъ-какъ всего этого не могъ я усматривать въ духовной природѣ, то пришелъ къ тому заключенію, что и души своей не могу я видѣть. Любя въ добродѣтели миръ, а въ пороѣкѣ ненавида раздоръ, я замѣчалъ въ первомъ единство, а въ послѣднемъ—какое-то раздвоеніе. И въ этомъ единствѣ представлялась мнѣ душа разумная, обладающая истиною и высочайшимъ благомъ, а въ раздвоеніи неразумной жизни я, несчастный воображалъ, не знаю, какое-то существо (*substantiam*), съ присущимъ ему началомъ зла, которое не только имѣетъ бытіе, но и обладаетъ полною жизнью, а между тѣмъ происходитъ не отъ Тебя, Боже мой, тогда какъ Ты—Творецъ всего. И это единство назвалъ я Монадою (*Monas*—единица), какъ разумъ или духъ, у котораго нѣтъ пола; а раздвоеніе—Диадою—(*Dyas* двоица), выражающеюся враждой въ злодѣяніяхъ и похотью въ преступленіяхъ,—и самъ не понималъ словъ своихъ. Ибо я тогда не зналъ и не думалъ, что какъ зло не есть какое-нибудь живое начало или существо (*substantia*), такъ

и самая душа наша не есть высочайшее и неизмѣняемое благо ¹⁾).

И какъ злодѣянiя являются слѣдствiемъ порочнаго и бурнаго состоянiя вождельвательной силы души; а преступленiя ведутъ свое начало отъ неумѣренной наклонности души къ чувственнымъ удовольствiямъ: такъ заблужденiя и ложныя понятiя оскверняютъ жизнь, при дурномъ направленiи разумной силы души; а она такова и была у меня въ то время, когда я не зналъ еще, что ее необходимо просвѣтить инымъ свѣтомъ, чтобы она познала истину, отъ ко-

¹⁾ Надобно не забывать, что, по ученiю блаж. Августина зло вообще есть ничто иное, какъ отрицанiе добра, и не имѣеть въ себѣ никакихъ положительныхъ предикатовъ. Это замѣчено нами еще во второй книгѣ, главѣ 8-й въ примѣчанiи. „Опредѣлить зло“, по словамъ его, „также невозможно, какъ не возможно видѣть мракъ или слышать молчанiе“ и тому подобныя отрицанiя дѣйствительности. Поэтому въ творенiяхъ блаж. Августина противъ ереси манихейской главнымъ образомъ раскрывается и доказывается та мысль, что „зло, существующее въ мирѣ, не есть самостоятельное существо (substantia), искони противудѣйствующее Богу, какъ Высочайшему Добру, вѣчному Началу и Источнику всякаго добра, но—это есть или относительное (т. е. въ сравненiи съ самосовершеннѣйшимъ Бытiемъ) несовершенство твари, что въ собственномъ смыслѣ и не есть зло, или низверженiе законовъ творческихъ, какъ дѣйствительное зло, и это зло противно всякой природѣ, такъ-какъ оно есть порча природы, недостатокъ, уменьшенiе въ бытiи, стремленiе къ уничтоженiю; есть оскуднѣнiе жизни въ уклоненiи отъ источника жизни къ смерти; есть поэтому грѣхъ и наказанiе за грѣхъ: но съ уничтоженiемъ грѣха отнято будетъ и наказанiе за грѣхъ, и злуктому не будетъ (1 Кор. глав. 15)“. А душа наша, какъ и все существующее отъ Бога, всякое бытiе и жизнь, подлежитъ измѣненiю, и въ усовершенiи своемъ, поколику человекъ созданъ Богомъ по образу Божию, можетъ только приближаться болѣе или менѣе къ Высочайшему и Измѣняемому Благу, уподобляясь въ совершенствѣ своемъ Всесовершенному.

торой уклонилаь, сдѣлавшись неспособна сама собою познать ее. Ибо Ты возжигаешь свѣтильникъ мой, Господи; Ты, Боже мой, просвѣщаешь тьму мою (Псал. XVII, 29): и отъ полноты Твоей всё мы приняли и благодать на благодать (Іоан. 1, 16). И Ты—Свѣтъ истинный, Который просвѣщаешь всякаго человѣка, приходящаго въ міръ (— 9) у Котораго нѣтъ измѣненія и ни тѣни перемѣны (1 Іак 1. 17)

Но я стремился къ Тебѣ, и при всемъ стремленіи своемъ былъ отталкиваемъ отъ Тебя, отъ жизни къ смерти; ибо Ты гордымъ противишься. А что можетъ быть высокоумнѣе того безумія, съ какимъ мнѣ вздумалось воображать, что я по природѣ тоже, что и Ты? Я видѣлъ себя измѣняемымъ, и эта измѣняемость была для меня такъ ясна и несомнѣнна, что я всячески старался о приобрѣтеніи мудрости, чтобы изъ худшаго сдѣлаться лучшимъ; но въ тоже время гордость заставила меня лучше вообразить Тебя измѣняемымъ, чѣмъ оставаться при той мысли, что я—не тоже что Ты. Итакъ я самъ себя ставилъ преграды къ познанію Тебя, и Ты противился жестокойной гордынѣ моей: я строилъ образы тѣлесные, и будучи плоть—плоть и обличалъ въ себѣ, и какъ вѣтеръ который уходитъ и не возвращается, не возвращался къ Тебѣ (Псал. XXVII, 39); переходя отъ одной мысли къ другой, я заблуждался среди представлений о томъ, чего нѣтъ ни въ Тебѣ, ни во мнѣ, ни въ окружающей меня природѣ; и эти представленія не Твоею истинною создавались для меня, а измышлялись моею же суетностію изъ области міра тѣлеснаго. Тогда я говорилъ вновь обращающимся къ Тебѣ, младенчествующимъ еще христіанамъ, согражданамъ своимъ, которые чуждались меня и не признавали уже своимъ, не давая впрочемъ того замѣтить мнѣ,—говорилъ имъ, какъ болтунъ и пустомеля: отъ чего это душа, созданная Богомъ, впадаетъ въ заблужденія, удаляясь отъ

истины? Мнѣ не хотѣлось сказать прямо: отъ чего это погрѣшаетъ Божь? И я готовъ былъ скорѣе утверждать, что Твоя неизмѣняемая субстанція по необходимости погрѣшаетъ, нежели признать, что моя измѣняемая субстанція произвольно уклонилась отъ истиннаго пути, и что заблужденія ея служатъ для ней наказаніемъ.

Мнѣ было лѣтъ двадцать шесть или семь около того, когда я писалъ эти книги (о прекрасномъ и приличномъ), перебирая въ умѣ своемъ чувственные призраки, заглушавшіе слухъ сердца моего; я напрягалъ слухъ свой, чтобы, размышляя о прекрасномъ и приличномъ, внимать сокровенной Твоей гармоніи и мелодіи, возжеланная истина, чтобы, предстоя и внимая Тебѣ, радостію радоваться, слыша голосъ Жениха (Іоан. III, 29); но—тщетно голосъ: заблужденія моего увлекалъ меня отъ Тебя, въ противоположную сторону, и я всею тяжестію гордости своей падалъ все глубже и глубже. Слуху моему Ты не давалъ радости и веселія, и кости мои не могли воспрянуть, не бывъ уничижены Тобою (Псал. L, 10).

ГЛАВА 16.

Какую пользу доставили мнѣ попавшіяся мнѣ въ руки, на двадцатомъ почти году жизни, Аристотелевы такъ называемыя *десять Категорій*, о которыхъ съ такою гордостію отзывался учитель мой, риторъ карфагенскій, и другіе ученые. Съ непонятною жадностію бросился я на эти книги, какъ на что-то чрезвычайное, сверхъ-естественное, божественное: и перечиталъ и уразумѣлъ ихъ самъ собою. И когда вступилъ я въ разсужденіе объ этихъ категоріяхъ съ людьми, говорившими, что ихъ можно выразумѣть и уяснить себѣ только съ помощію ученѣйшихъ и самыхъ искусныхъ руководителей, и при томъ не на словахъ только, но и при посредствѣ разныхъ знаковъ (фигуръ), на ныли

начертываемыхъ ¹⁾: то и отъ этихъ собесѣдниковъ услышалъ то, что самъ собою узналъ изъ непосредственнаго чтенія. Мнѣ все было ясно и понятно, когда рѣчь шла о субстанціяхъ, какъ напр. о человѣкѣ; и о частнѣйшихъ опредѣленіяхъ, какова напр. фигура человѣка; каковъ ростъ, сколько ногъ; и родство, чей братъ; или гдѣ находится; или когда родился; или стоитъ ли, сидитъ ли; или обутъ ли, вооруженъ ли; въ дѣйствительномъ ли состояніи; или въ страдательномъ положеніи; и вообще всѣ безчисленныя опредѣленія, содержащіяся въ этихъ девяти, для примѣра нами приведенныхъ видахъ, или въ самомъ родѣ (десятой или правильнѣе первой изъ десяти категорій) субстанціи.

Приносили ли мнѣ какую-нибудь пользу всѣ эти категоріи? Нѣтъ. Онѣ были даже вредны. Ибо я и о Тебѣ, Боже мой, непостижимо для насъ простомъ и неизмѣняемомъ Существовѣ, также разсуждалъ, думая постигнуть все по этимъ десяти предикатамъ; я силился и Тебя обнять своимъ умомъ и подчинить ему, думая, что и Ты опредѣляешься величиною или красотою своею, которая въ Тебѣ, какъ въ субъектѣ, содержится точно также, какъ и въ какомъ нибудь тѣлѣ; тогда какъ Твое величіе и твое великолѣпіе—въ Тебѣ Самомъ или лучше Ты Самъ, а величина и красота тѣла не отъ самаго тѣла зависятъ, такъ какъ съ измѣненіемъ ихъ оно все-таки не перестаетъ быть тѣломъ. Понятія мои о Тебѣ ложны были, да и не могли быть истинными; они были вымыслы моего скудоумія, моего убожества, а не дѣйствительное отображеніе Твоего все-довольства, Твоего всеблаженства. И какъ Ты заповѣдалъ, такъ и сбылось со

1) *vix eas (categorias), magistris eruditissimis, non loquentibus tantum, sed multa in pulvere depingentibus, intellexisse. Pulvis eruditus*—пыль мелкая, употреблявшаяся въ дѣло учеными, кою геометры усыпали свои таблицы и на нихъ чертили разныя фигуры, также какъ и на пескѣ.

мною: земля возрастила мнѣ тернія и волчцы, такъ что съ усиленнымъ трудомъ могъ я добывать себѣ хлѣбъ мой (Быт. III, 17—19).

Какую пользу мнѣ доставило и то, что я около того же времени, самъ собою, безъ всякой посторонней помощи, перечиталъ всѣ сочиненія о такъ называемыхъ свободныхъ наукахъ и искусствахъ, какія только имѣлъ возможность читать, перечиталъ и не затруднялся въ пониманіи ихъ, не смотря на то, что въ то время поработенъ былъ служенію постыдныхъ страстей? Я находилъ въ этомъ чтеніи удовольствіе и наслажденіе; но не постигалъ, откуда происходила вѣрность истинъ, въ нихъ заключававшихся. Я подобенъ былъ чловѣку, стоящему спиною къ свѣту и ко всему имъ освѣщаемому: поэтому и зрѣніе мое, которымъ я созерцалъ освѣщаемое, не освѣщаясь свѣтомъ, оставалось въ тѣни и мракѣ. А все то, что я безъ особеннаго труда, даже безъ всякаго почти руководства, такъ легко и удобно понималъ и въ свободныхъ наукахъ краснорѣчія и философіи, и въ искусствахъ музыки и поэзіи, и въ измѣреніяхъ математическихкихъ,—все это и всякое знаніе исходитъ отъ Тебя, Господи Боже мой; потому что понятливость ума и проницательность взгляда есть Твой даръ: но я иначе думалъ, и приносилъ жертву не Тебѣ. Такимъ образомъ все это служило мнѣ не столько въ пользу, сколько во вредъ; потому что я представлялъ себя полнымъ обладателемъ лучшей части существа моего и бодрость души своей не для Тебя хранилъ; но отъ Тебя удалялся на страну далекую, чтобы тамъ расточать достояніе свое на распутныя прихоти и блудныя (*in meretrices cupiditates*)¹⁾ (Лук. XV, 12. 13.

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ *meretricias cupiditates*; но въ другихъ изданіяхъ и манускриптахъ *in meretrices*—на блудницъ, съ блудницамъ: это слово употреблено Августиномъ, очевидно, по евангельскому тексту, на который своею рѣчью дѣлаетъ намекъ.

30). Да могло ли принести мнѣ пользу и доброе дѣло, если я пользовался имъ не надлежащимъ образомъ? Я не думалъ, чтобы эти науки и искусства съ трудомъ доставались даже умамъ даровитымъ и усидчивымъ любителямъ ихъ, и тогда только увѣрился въ этомъ, когда вступилъ съ ними въ разсужденіе о научныхъ предметахъ, стараясь выяснитъ ихъ для себя и для своихъ собесѣдниковъ; я увидѣлъ, что лучшими изъ нихъ оказались тѣ, которые быстрѣе, удобопонятливѣе и проникательнѣе слѣдовали за моими объясненіями.

Что наконецъ пользы мнѣ изъ того, что я вообразилъ себѣ, будто Ты, истинный Господи Боже мой, состоишь изъ свѣтлаго и безпредѣльнаго тѣла, а я составляю частицу этого тѣла? Сумазбродство безмѣрное! Но такъ было со мною. И я не стыжусь, Боже мой, исповѣдаться предъ Тобою въ этомъ, вызывая къ Тебѣ о помилованіи меня, не устыдившись тогда проповѣдывать людямъ такія нелѣпости и изрыгать богохульство противъ Тебя. И такъ, какую пользу доставлялъ мнѣ тогда умъ мой, столь гибкій по отношенію къ наукамъ, безъ помощи всякаго учителя понимавшій самыя неудобопонятныя книги, но нелѣпо и съ святотатственнымъ нечестіемъ погрѣшавшій въ ученіи благочестія? И напротивъ, чѣмъ вреденъ былъ для младенцевъ Твоихъ - болѣе тупой умъ, если они далеко не уклонялись отъ Тебя, если они въ нѣдрахъ церкви Твоей въ безопасности оперялись, питались здоровою вѣрою и окрылялись любовію къ Тебѣ? О Господи, Боже нашъ, подъ кровомъ крыль Твоихъ уповаемъ обрѣсти безопасность свою (Псал. XXXV, 8; XVI, 8 Руо. II, 12); будь же намъ заступникомъ и покровителемъ и руководи насъ! Ты не оставляешь и не оставишь насъ своимъ наказаніемъ (вразумленіемъ) *отъ дѣтства даже до старости: Азъ есмь... Азъ сотворихъ, и Азъ понесу, Азъ подзиму, и Азъ спасу вы* (Исаи XLVI, 3. 4. Псал.

LXX, 17. 18); ибо крѣпость наша и утверженіе наше тогда только крѣпки и тверды, когда онѣ въ Тебѣ, а безъ Тебя онѣ у насъ слабы и непрочны. Благо наше исключительно въ Тебѣ; и все несчастіе наше именно въ удаленіи отъ Тебя. Обрати же насъ къ Себѣ. Господи, и мы обратимся въ Тебѣ, съ тѣмъ—чтобы никогда уже намъ не возвращаться отъ Тебя вспять, такъ-какъ все благо наше и счастье у Тебя или лучше Ты Самъ; и намъ нечего опасаться, что намъ некуда и не къ кому будетъ обратиться по смерти, потому что тогда домъ нашъ—вѣчность Твоя нескончаема.

К Н И Г А П Я Т А Я.

Двадцать девятый годъ жизни блаж. Августина: въ это время онъ увѣряется въ невѣжество Фавста Манихея и отнимаетъ надежду найти что-нибудь доброе въ сектѣ манихейской; вмѣстѣ съ этимъ оставляетъ и Карфагенъ и отправляется въ Римъ, идя преподавать реторику; оттуда вызывается въ Медиоманъ для преподаванія тойже науки; и здѣсь обратившись къ святителю Амвросію, при содѣйствіи его, начинаетъ отрешаться отъ своихъ заблужденій и помышлять о совершенномъ отреченіи отъ манихейства и о присоединеніи къ православію.

ГЛАВА 1.

Прійми жертву исповѣди моей отъ устъ моихъ, которыя Ты создалъ исповѣдаться имени Твоему; исцѣли всѣ кости мои, и скажутъ: Господи! кто подобенъ Тебѣ (Псал. XXXIV, 10). Исповѣдь человѣческая не открываетъ Тебѣ что-нибудь новое, потому что отъ очей Твоихъ не укроется сердце замкнутое и руки Твоя не отталкиваетъ жесткость человѣческая. Ты смягчаешь ее то милостями, то наказаніемъ, и нѣсть, иже укроется теплоты Твоя (— XVIII, 7). Да восхвалить же Тебя душа моя, чтобы возлюбить Тебя; и да исповѣсть предъ

Тобою милости Твои, чтобы восхвалить Тебя. Всѣ созданія Твои неумолкаемо воспѣваютъ Тебѣ хвалы,—люди—своими устами, обращенными къ Тебѣ, остальные твари устами созерцающихъ ихъ, такъ что пробуждается усыпленная душа наша, смотря по эти твари, Тобою созданныя, и восходя отъ нихъ къ Тебѣ, дивному ихъ Творцу и Зиждителю: и въ этомъ заключается возрожденіе и истинная крѣпость наша.

ГЛАВА 2.

Пусть бѣгутъ отъ Тебя нечестивцы: Ты видишь ихъ и различаешь эти тѣни и призраки; и въ тоже время, все у Тебя прекрасно, одни они составляютъ позоръ и безобразіе. И чѣмъ они могли бы повредить Тебѣ? или обезславить владычество Твое, отъ неба до преисподнихъ праведное и безукоризненное? Куда имъ бѣжать отъ лица Твоего? или сокрыться отъ Тебя, чтобы не видѣть Тебя, видящаго ихъ, и въ ослѣпленіи своемъ оскорблять Тебя, всему Тобою созданному присущаго. Оскорбляя Тебя неправедно, они сами получаютъ за то праведное наказаніе: уклоняясь отъ милосердія Твоего, попадая праведному суду Твоему и становясь жертвою собственнаго ожесточенія. Они не знаютъ, что Ты вездѣсущъ и не ограничиваешься какимъ-либо пространствомъ и присущъ даже тѣмъ, которые удаляются отъ Тебя. Итакъ этимъ нечестивцамъ самимъ надлежитъ обратиться и взыскать Тебя; ибо не Ты оставилъ созданіе свое, а они уклонились отъ Творца своего. Пусть они обратятся и взыщутъ Тебя; Ты же всегда готовъ на ихъ зовъ, будучи присущъ сердцу ихъ, сердцу людей исповѣдающихся Тебѣ, обращающихся къ Тебѣ и оплакивающихъ въ объятіяхъ Твоихъ пагубныя заблужденія прежнихъ путей своихъ. Ты охотно отираешь слезы ихъ, а они еще болѣе плачутъ, и плача радуются, потому что Ты, Господи, не то, что подобный намъ чѣловѣкъ—плоть и кровь; но Ты, Владыка, и Творецъ, и Спаситель, и Утѣшитель ихъ. Гдѣ же я былъ тогда, когда

искалъ Тебя? Ты былъ предо мною; а я удалился и отъ самаго себя, я не находилъ себя, тѣмъ болѣе не могъ найти Тебя.

ГЛАВА 3.

Разскажу теперь, предъ лицемъ Бога моего, о замѣчательномъ двадцать девятомъ годѣ ¹⁾ жизни моей. Въ то время прибылъ въ Карфагенъ извѣстный епископъ манихейскій, по имени Фавстъ, этотъ могучій ловець діавольскій, который многихъ уловлялъ своимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Хотя я и одобрялъ его краснорѣчіе, но старался вмѣстѣ съ тѣмъ вникать въ сущность самыхъ предметовъ, которые жаждалъ познать; я обращалъ вниманіе не столько на оболочку рѣчи его, сколько на самое содержаніе его свѣдѣній, на качество той пищи, которую предлагалъ мнѣ этотъ пресловутый мудрецъ манихейскій—Фавстъ. О немъ носилась молва и меня предупреждали, что онъ былъ весьма свѣдущъ во всѣхъ благородныхъ наукахъ и особенно въ свободныхъ образованный. Такъ какъ я много перечиталъ философскихъ сочиненій и затвердилъ ихъ основныя положенія; то кое-что изъ нихъ я сталъ сравнивать съ тѣми вымыслами манихейскими, которые предлагались мнѣ во всемъ обиліи. И что же? Мнѣ показалось болѣе заслуживающимъ вниманія и вѣроятія предъ ученіемъ манихейскимъ то, чему учили эти философы, которые *только возмозта вѣдѣти, что возмозли уразумѣти вѣкъ* (saeculum—этотъ міръ съ его преходящими твореніями), хотя самаго Творца и *Владыку сихъ не обрѣли* (Прем. XIII, 9). Ибо Ты великъ и высокъ надъ всѣмъ и всѣми, Господи, и на смиренныхъ призираешь; на горделивыхъ же издавеча смотришь (Псал. 9; ХСVI, 9; СХII, 4—6;

---

¹⁾ Съ началомъ этого года совпадаетъ конецъ тѣхъ девяти лѣтъ пребыванія Августина въ манихействѣ, о которыхъ говорено было въ предыдущей книгѣ, какъ это видно по ходу разсказа.

СXXXIV, 5; СXXXIV): Ты доступенъ только для сокрушенныхъ и смиренныхъ сердець; смиреннымъ только даешь благодать Свою, а годнымъ противишься Іак. IV, 6. Пет. СXXXVII, 5; Ты для гордыхъ непостижимъ, хотя бы они, при пытливой любознательности своей, сосчитали звѣзды и песокъ, измѣрили планетныя сферы и изслѣдовали пути свѣтилъ небесныхъ.

Все это изслѣдываютъ они природнымъ умомъ своимъ, который Ты даровалъ имъ, многія сдѣланы ими открытія. Такъ они предсказали впередъ на многіе годы затмѣнія солнца и луны и не обманулись въ вычисленіяхъ своихъ; какъ предсказано ими, такъ и сбылось: они опредѣлили намъ правила и законы, руководствуясь которыми мы знаемъ напередъ, въ какой годъ, и въ какой мѣсяць года, и въ какой день мѣсяца, и въ какой часъ дня, и какъ великъ будетъ затмѣніе луны или солнца: и сбывается по писанному. Люди, непосвященные въ эти тайны, удивляются и приходятъ въ изумленіе; а имѣющіе ясныя познанія объ этомъ и знакомые съ наукою о звѣздномъ небѣ восхищаются, приходятъ въ восторгъ и впадаютъ въ высокомерную кичливость. Но по своей преступной гордости, отступая и удаляясь отъ Твоего свѣта хотя предусматриваютъ задолго будущее затмѣніе солнца, но въ настоящемъ не видятъ собственного потемнѣнія. А все это отъ того, что не со благоговѣніемъ, не съ страхомъ Божиимъ, не съ должнымъ благочестіемъ испытуютъ, откуда они получили этотъ умъ, коимъ все познаютъ и изслѣдываютъ. И обрѣтая Тебя, какъ Творца не ввѣряютъ Твоему хранительному о тваряхъ промыслу; но, пересоздавъ себя по своему, перестаютъ жить для Тебя и подобно птицамъ небеснымъ возлетаютъ горѣ, подобно рыбамъ морскимъ, переходящимъ стези морей, пытливо изслѣдываютъ бездны, и подобно травояднымъ животнымъ наслаждаются тучными пажитями, такъ что Ты, Боже,—огнь поядающій

сокрушаешь смертныя ихъ заботы, возсозидаю ихъ къ безсмертію.

Но они не познали истиннаго пути, не познали Слова Твоего, коимъ Ты сотворилъ все—и то, что составляетъ предметъ ихъ вычисленій и ихъ самихъ, углубляющихся въ эти вычисленія, и тотъ умъ, посредствомъ котораго они выводятъ свои вычисленія, и тѣ самыя выводы или законы. Тобою же предустановленные, надъ уясненіемъ коихъ трудятся; и разуму Твоему цѣсть числа (Псал. CXLVI, 5) Самъ же Единородный (Христосъ Іисусъ) содѣлался для насъ премудростію отъ Бога, и праведностію, и освященіемъ (1 Кор. 1, 30); и будучи Богомъ, содѣлался для насъ же человекомъ (1 Тим. II, 5), называя Себя любимымъ именемъ Сына человеческого (во многихъ мѣстахъ у евангелистовъ), и заповѣдалъ давать дань Кесарю (Матѣ. XXII, 21) Не познали они сего пути, коимъ надлежало имъ нисходить отъ своей гордыни къ Его смиренію, чтобы чрезъ Него вознестись къ Нему. Не познали они сего пути, считая себя превыше звѣздъ, и думая о себѣ, что они также свѣтлы и чисты, какъ звѣзды; и вотъ ниспали на землю, и омрачилось неразумное ихъ сердце. Много они говорятъ истиннаго о твореніи, но самой Истины—Творца тварей не обрѣтаютъ, потому что не благочестно взыскуютъ Его: а если и обрѣтаютъ, то, познавъ Бога, не прославили Его, какъ Бога, и не возблагодарили, но осуетились въ умствованіяхъ своихъ и омрачили въ сердцахъ своихъ: называя себя мудрыми, обезумѣли, приписавъ себѣ то, что Тебѣ принадлежитъ, и въ совершенномъ ослѣпленіи дерзаютъ даже приписывать Тебѣ то, что собственно принадлежитъ имъ, то есть, свою ложь усвояютъ Тебѣ, сущей Истинѣ, и славу петлѣннаго Бога измѣняютъ въ образъ, подобный тлѣнному человеку, и птицамъ, и четвероногимъ, и пресмыкающимся; и такимъ об-

разомъ премѣняютъ истину Твою въ ложь, поклоняются и служатъ твари, а не Творцу (Рим. 1, 21—25).

Много однакоже истиннаго въ природѣ узналъ я отъ философовъ, и находилъ у нихъ удовлетворительныя объясненія относительно чиселъ и времянь года, и самаго положенія звѣздъ; все это сравнивалъ я съ словами сумазброднаво Манихея, который премного объ этихъ предметахъ писалъ и болталъ. Но я не находилъ у него сколько-нибудь удовлетворяющихъ объясненій ни для такъ—называемыхъ солнцестояній или солнцеповоротовъ, во время которыхъ бываютъ одинъ разъ самые большіе дни и самыя меньшія ночи, а въ другой разъ наоборотъ, самые меньшіе дни и самыя большія ночи, ни для средняго между этимъ времени, когда бываютъ дни и ночи равны между собою, т. е. такъ—называемое равноденствіе, ни для затмѣній свѣтилъ, ни вообще относительно всѣхъ подобныхъ тому вопросовъ, которые такъ удовлетворительно разрѣшаются въ сочиненіяхъ философовъ. Здѣсь я, такъ сказать, противъ воли убѣждался силою философскихъ доводовъ; а тамъ въ этихъ несвязныхъ и невѣжественныхъ вымыслахъ манихейскихъ, провѣренныхъ имѣвшимися уже у меня запасомъ познаній, я не могъ прійти ни къ какому убѣжденію, кромѣ того положительнаго заключенія, что ученіе манихейское, по своей неосторожности, далеко не похоже на ученіе мыслящихъ философовъ.

ГЛАВА 4.

Неужели же тотъ, кто обогатился подобными знаніями, тѣмъ — самымъ приятенъ и угоденъ Тебѣ, Господи Боже, истинникъ всякой истины? О, несчастенъ тотъ человѣкъ, который все это знаетъ, но Тебя не знаетъ: напротивъ того, блаженъ тотъ, кто Тебя знаетъ, хотя бы ничего этого не зналъ! А кто и Тебя и все это позналъ, тотъ еще блаженнѣе, но не въ слѣдствіе богатства своихъ знаній, а потому

только, что Тебя знаетъ, если, познавая Тебя, прославляетъ Тебя, какъ Бога, принося Тебѣ благодареніе, и не вдается въ суету своихъ помышлений. Такъ, кто сознательно владѣетъ плодовитымъ деревомъ и съ благодарностію къ Тебѣ, какъ къ Творцу, пользуется его плодами, тотъ хотя бы и не зналъ того, насколько лаптей возвышается оно надъ поверхностію земли, насколько углубляется внутри земли, безспорно блаженнѣе того, кто знаетъ его мѣру и перечислилъ всѣ вѣтви его, но не владѣетъ имъ и не позналъ Творца его, чтобы возлюбить Его. Тоже должно сказать и о вѣрующихъ сынахъ Божиихъ, коимъ предоставленъ весь міръ съ его богатствами (Прит. XVII, 6), такъ-что они ничего не имѣя, всѣмъ обладаютъ (2 Кор. VI, 10), пребывая въ Тебѣ, коему все служить. Нужды нѣтъ, если они не знаютъ даже и того, что такое полярные круги. Безразсудно сомнѣваться въ томъ, что эти сыны Божіи, несравненно блаженнѣе сыновъ человѣческихъ, которые хлопочуть объ измѣреніи неба, исчисленіи звѣздъ, взвѣшиваніи стихій, а не заботятся о познаніи Тебя, который *расположилъ все мѣрою и числомъ и вѣсомъ* (Прем. XI, 21).

ГЛАВА 5.

Но кому нуженъ какой нибудь манихей, разсуждающій о томъ, безъ познанія чего можно познать благочестіе? Ты Самъ сказалъ человѣку: *се благочестіе есть премудрость* (Іов. XXVIII, 28), которой можно и не познать при всѣхъ научныхъ познаніяхъ; а кто и въ научныхъ познаніяхъ не твердъ, и, не смотря на это, безстыдно принимаетъ на себя званіе учителя, для того эта премудрость и вовсе недоступна. Ибо проповѣданіе научныхъ познаній, хотя бы они и заключали въ себѣ истину, есть суета мірская; а благочестіе состоитъ въ исповѣданіи Тебя и поклоненіи Тебѣ. Поэтому еретики эти, уклонившіеся отъ истиннаго пути, такъ много распространяясь о постороннихъ для нихъ пред-

метахъ, въ которыхъ не имѣютъ твердыхъ познаній, бывъ уличены въ невѣжество своимъ знатоками науки, тѣмъ самымъ несомнѣнно изобличаютъ себя въ подобномъ же невѣжествѣ и по отношенію къ таинственнымъ предметамъ религіознаго знанія и подрываютъ всякое къ себѣ довѣріе. А между тѣмъ они такъ высокомѣрны и самоувѣрены, что по ихъ мнѣнію, Духъ Святой, Утѣшитель, Учитель и Руководитель всѣхъ вѣрующихъ въ Тебя, лично пребываетъ въ нихъ во всей полнотѣ. Поэтому, когда уличаютъ манихеевъ въ невѣрности и даже ложности высказываемаго ими ученія, о небѣ и звѣздахъ, о движеніи солнца и луны—не говоря уже о томъ, что все это и не относится къ религіи; то святотатственная дерзость ихъ простирается до того, что они, проповѣдуя о томъ, чего сами не понимаютъ, и притомъ проповѣдуя ложь, тѣмъ не менѣе съ сумасбродною суетностію гордости всѣ дѣйствія свои рѣшаютъ приписывать личности божественной, въ нихъ будто бы пребывающей.

Когда я слышу кого-либо изъ собратьевъ христіанъ, ошибающагося въ сужденіяхъ своихъ о научныхъ предметахъ, то я терпѣливо и снисходительно смотрю на него и не считаю даже для него вреднымъ, если онъ, положимъ, и не знаетъ чего-нибудь о свойствахъ какихъ-либо твореній, но въ тоже время о Тебѣ, Господи, Творцѣ вселенной не мыслить ничего недостойнаго и не вѣрить тому. А вредно ему будетъ то, если онъ вообразить себѣ, что научныя познанія составляютъ неотъемлемую принадлежность ученія о благочестіи, и станетъ упорно утверждать то, въ чемъ самъ нетвердъ и чего даже вовсе не понимаетъ. Подобная слабость можетъ быть терпима въ младенствующемъ возрастѣ вѣрующихъ, доколѣ они питаются еще молокомъ матернимъ, а не твердою пищею; когда же новый человекъ въ нихъ приходитъ въ мужа совершеннаго, тогда они уже во-

все не должны колебаться и увлекаться всякимъ вѣтромъ ученія (Петр. II, 2; 1 Кор. III, 2; XIV, 20. Ефес. IV, 13. 14. 24). Но кто выдаетъ себя за учителя, гоня и руководителя для тѣхъ, которые вѣряются его родительству, и съ дерзкою рѣшимостію требуютъ отъ своихъ послѣдователей, чтобы они признавали его не за обыкновеннаго человѣка, но за Духа Твоего Святаго, и въ тоже время по сносу безумію и сумасбродству допускаетъ неаппыны вымыслы съ очевидною ложью, въ которыхъ тутъ же и обличается,—такой учитель не призванный, но инудѣ прилазый, согласитесь, не заслуживаетъ ли всякаго презрѣнія, а со стороны послѣдователей своихъ совершеннаго отреченія отъ него и его лживаго ученія? Я даже не могъ представить себѣ отчетливо, какъ можно было изъ словъ манихея (Фавста) изъяснить преемство ббольшей и меньшей продолжительности дней и ночей, самую даже преемственность дня и ночи, ущербы и затмѣнія свѣтила, и другіе тому подобныя предметы, о которыхъ я читалъ въ различныхъ книгахъ; а если бы, положимъ, и можно было, то все-таки нельзя было мнѣ быть увѣреннымъ, такъ ли это въ самомъ дѣлѣ, или не такъ: между тѣмъ я долженъ былъ подчиняться его авторитету по религіозному чувству вѣры въ его святость.

ГЛАВА 6.

Въ продолженіи цѣлыхъ почти девяти лѣтъ, проведенныхъ мною среди томленій и колебаній душевныхъ подъ влияніемъ этихъ людей (манихеевъ), я ждалъ и не могъ дожидаться прибытія этого всеми превозносимаго Фавста. Ибо другіе манихея, съ которыми вступалъ я въ состязанія по предлагаемымъ мною вопросамъ о спорныхъ предметахъ, но отъ которыхъ не могъ получить надлежащаго рѣшенія, указывали мнѣ на Фавста, какъ на такого мудреца, съ прибытіемъ коего, при свиданіи и личномъ собесѣдованіи съ нимъ,

все вопросы весьма легко и самымъ удовлетворительнымъ образомъ разрѣшятся для меня, и не только предложенные мною вопросы, но я всякіе другіе; о чемъ бы ни спросилъ я,—все разъяснить Фавстъ и на все дать положительные отвѣты. И вотъ онъ явился наконецъ, и на первый разъ показался мнѣ человѣкомъ пріятнымъ и ласковымъ, съ даромъ слова увлекательнымъ, такъ-что, разсуждая и о тѣхъ предметахъ, о которыхъ другіе говорятъ рѣчью простою и обыкновенною онъ старался быть сладкорѣчивымъ до того, что вдавался въ болтливую и сусловную напыщенность. Но удовлетворилъ ли моей жадѣ любознательности этотъ, столь пріятливый и благопристойный мужъ, удовлетворилъ ли этотъ знаменитый учитель потребности моей въ познаніи самыхъ предметовъ, и притомъ предметовъ существенныхъ. Много наслушался я отъ Фавста разсказовъ объ этихъ предметахъ; но сами предметы не представлялись мнѣ лучшими и болѣе истинными вслѣдствіе увлекательныхъ и краснорѣчивыхъ разсказовъ; даже сама размышлявшая объ нихъ душа не казалась мнѣ отъ того умнѣе, что представлявшее вывѣску ея лице было благовидно и выражалось витіевато. Тѣже, которые мнѣ рекомендовали и восхваляли Фавста, были плохіе судьи и не могли давать надлежащей оцѣнки вещамъ: они считали его разумнымъ и мудрымъ потому только, что онъ увлекалъ ихъ своимъ краснорѣчіемъ. Между тѣмъ я зналъ и такихъ людей, которые не довѣряли даже истинѣ и съ подозрѣніемъ смотрѣли на нее, если она являлась въ нарядѣ слова богатомъ и роскошномъ. Но Ты, Боже мой, искусилъ уже меня дивными и непостижимыми путями; а тому, что Ты именно искусилъ и вразумилъ меня, я вѣрю потому, что истина существуетъ, и что нѣтъ инаго учителя истины, кромѣ Тебя, гдѣ бы и какъ бы она ни проявлялась. Ты внушилъ мнѣ, что какъ краснорѣчіе не можетъ служить ручательствомъ за истину; такъ и простота слова

не должна служить уликою во лжи: и наоборотъ, какъ истина не зависитъ отъ простоты рѣчи, такъ и ложь—отъ красоты рѣчи. Истина и ложь, или мудрость знанія и невѣжество заблужденія—это тоже, говоря сравнительно, что пища полезная и пища вредная; а языкъ краснорѣчивый и не краснорѣчивый—тоже, что сосуды изысканны—городскіе и простые—деревенскіе: и въ тѣхъ и въ другихъ сосудахъ равно можетъ быть предлагаема пища и того и другаго рода.

Страстное желаніе мое, доходившее до жадности, съ какимъ я въ продолженіи сколькихъ лѣтъ ожидалъ этого человѣка, конечно, услаждалось и увлекалось патетическими и восторженными разглагольствіями; я пафнялся рѣчью этого человѣка, такъ удачно умѣвшаго облекать отвлеченныя мысли въ наружныя формы слова. Я восхищался имъ вмѣстѣ съ другими, и болѣе другихъ хвалилъ и превозносилъ его. Но для меня прискорбно было то, что въ кругу слушателей я не могъ вступить съ нимъ въ разговоръ и предложить ему свои вопросы, которые томили и безпокоили меня, не могъ побесѣдовать объ нихъ откровенно и взаимно помѣняться съ нимъ сужденіями. Когда же представилась для меня къ тому возможность, и я улучилъ время войти съ нимъ въ дружескую бесѣду, такъ-что мы могли уже взаимно сообщать другъ другу свои мысли, и когда затѣмъ предложены были мною разные вопросы, которые давно уже занимали меня; то я прежде всего замѣтилъ, что этотъ человѣкъ не имѣетъ познаній въ свободныхъ наукахъ и почти незнакомъ съ ними, за исключеніемъ грамматики, и то по заведенному уже и обычному порядку. Но такъ-какъ онъ читалъ нѣкоторыя рѣчи Туллія—Цицерона и очень немногія изъ сочиненій Сенеки, да притомъ кой-какія изъ художественныхъ твореній поэтовъ и произведеній своей секты, впрочемъ такия только, которыя написаны по-латыни языкомъ красно-

рѣчивымъ, и такъ-какъ къ тому же присоединялось ежедневное упражненіе въ разглагольствованіи; то ничего тутъ не могло быть удивительнаго, если въ немъ развилась въ высшей степени способность къ краснобайству, которое становилось у него тѣмъ заманчивѣе и увлекательнѣе, что приправлялось нѣкоторыми остроуміемъ, растворялось привѣтливостію и вѣжливостію, а сверхъ того поддерживалось величавою и благовидною отъ природы осанкою. Такъ ли все это, какъ я припоминаю теперь, Господи Боже мой, Ты, предъ Которымъ открыта совѣсть моя? Отъ Тебя не утаится сердце мое и воспоминаніе мое не укроется отъ Тебя; ибо Ты Самъ руководилъ меня тогда неисповѣдимыми путями промысла Твоего и обратилъ наконецъ взоръ мой на нелѣпныя заблужденія мои, выставивъ ихъ мнѣ на лицо, съ тѣмъ — чтобы я ощутилъ и возненавидѣлъ ихъ.

ГЛАВА 7.

Да! Послѣ того, какъ этотъ представитель манихейства достаточно заявилъ предо мною свое невѣжество въ тѣхъ наукахъ, въ которыхъ воображали его по преимуществу слѣдующимъ, я сталъ уже отчаяваться въ томъ, чтобы онъ могъ мнѣ разрѣшить тѣ вопросы, которые занимали меня; между тѣмъ онъ могъ бы достигнуть истины благочестія и познать ее, не смотря на свое невѣжество въ наукахъ, если бы только не былъ манихеемъ. Ибо книги манихейскаго ученія наполнены нескончаемыми баснями о небѣ и звѣздахъ, о солнцѣ и лунѣ: я не могъ даже и подумать, чтобы Фавстъ въ состояніи былъ основательно рѣзъяснить все это; мнѣ желательно было знать, есть ли какое соотношеніе между манихейскимъ ученіемъ и тѣмъ, что я вычиталъ о томъ же предметѣ изъ другихъ книгъ, и гдѣ болѣе вѣрности, если не положительной достовѣрности. И когда я предложилъ этотъ вопросъ на обсужденіе и рѣшеніе Фавста; то онъ съ

благоразумною и непритворною скромностію отозвался, что такой вопрос не по силамъ для него, и что поэтому онъ не рѣшается входить въ разсужденіе объ этомъ предметѣ. Очевидно, что онъ чувствовалъ въ этомъ случаѣ совершенное безсиліе свое, но и не постыдился сознаться въ томъ; онъ не былъ изъ числа тѣхъ говорунцовъ, съ какими мнѣ доводилось встрѣчаться, которые готовы были учительнымъ тономъ наговорить кучу словъ о подобныхъ предметахъ, и ничего не сказать о дѣлѣ. Его нельзя было упрекнуть въ безсовѣстности: совѣсть его была, если не безукоризненна въ отношеніи къ Тебѣ, то и не заслуживала положительныхъ упрековъ въ отношеніи къ нему самому. Нельзя сказать и того, чтобы онъ былъ совершенный невѣжда; ему дѣлается честь то, что онъ не хотѣлъ безразсудно вдаваться въ споры о такихъ предметахъ, которые превышали его силы, и я за это особенно уважалъ и цѣнилъ его. По моему, сдержанная скромность и сознаніе въ своемъ незнаніи лучше кичливой заносчивости и притязаній на знаніе: такимъ и являлся мнѣ Фавстъ при всѣхъ вопросахъ, болѣе трудныхъ и утонченныхъ.

Итакъ, когда вся надежда моя на познанія отъ ученія манихейскаго рушилась, и мнѣ ничего не оставалось ожидать отъ прочихъ учителей этой секты, послѣ того какъ и самъ именитый представитель оной оказался несостоятельнымъ въ разрѣшеніи многихъ изъ вопросовъ, занимавшихъ меня; тогда я сталъ заниматься съ Фавстомъ, по его усильному желанію, тѣми науками, какия преподавалъ тогда юншеству въ Каррагенѣ въ качествѣ риторы: мы занимались съ нимъ или тѣмъ, что онъ желалъ услышать отъ меня, или тѣмъ, что самъ я находилъ болѣе пригоднымъ для него по его воспримчивости. А все предположенія мои, осуществленія которыхъ думалъ я достигнуть въ средѣ этой секты, въ конецъ разстроились послѣ того, какъ я покороче познакомился съ

этимъ человѣкомъ и узналъ его поближе. Впрочемъ я не оставлялъ еще тогда совершенно этой секты: я рѣшился довольствоваться пока тѣмъ положеніемъ, въ какое поставленъ былъ уже самими обстоятельствами, доколѣ не представится что-нибудь лучшее. Такимъ образомъ тотъ самый Фавстъ, который многихъ безвыходно увлекалъ въ сѣти своихъ заблужденій, облегчилъ мнѣ выходъ изъ этихъ сѣтей, въ которыя попался было и я, положивъ тому начало безсознательно и конечно вопреки своему желанію. Такъ десница Твоя, Боже мой, въ сокровенныхъ путяхъ промысла Твоего, не оставляла меня; а материнская любовь родительницы моей, денно и ночно проливавшей горячія слезы въ теплыхъ молитвахъ своихъ обо мнѣ, тѣмъ самымъ приносила Тебѣ за меня умилястивительную жертву; и Ты творилъ надо мною чудныя дѣла. Ты сотворилъ все это, Боже мой; потому что *отъ Господа стопы человеку исправляются, и пути его восхожденъ злыи*. (Псал. XLXVI, 23) Да и кто иной можетъ подать спасеніе, кромѣ твоей десницы, возсозидающей то, что Ты сотворилъ?

ГЛАВА 8.

Итакъ въ путяхъ промысла Твоего обо мнѣ положено было, чтобы я задумалъ отправиться въ Римъ и заняться тамъ преподаваніемъ тѣхъ же предметовъ, какіе преподавалъ въ Кароагенѣ. Оттуда родилась у меня эта мысль? не умолчу и объ этомъ повѣдать Тебѣ; ибо и тутъ я долженъ усматривать и прославлять всю глубину Твоихъ сокровенныхъ путей и всегдашнее Твое отеческое о насъ промышленіе. Отправился я въ Римъ не потому, чтобы имѣлъ тамъ въ виду большія выгоды и большія почести, какъ увѣряли меня подававшіе къ тому совѣтъ друзья мои, чѣмъ и самъ я конечно не пренебрегалъ въ то время; но главнымъ образомъ и почти исключительно побудило меня

къ перемѣнѣ мѣста то обстоятельство, что тамъ, т. е. въ Римѣ, какъ слышалъ я, воспитаніе юношества шло спокойнѣе и правильнѣе, и въ школьной дисциплинѣ больше было порядка и строгости, такъ-что никто не могъ входить въ школу, безъ вѣдома учителя, а допускались только тѣ, которые имѣли отъ него дозволеніе. Напротивъ того, въ Карѳагенѣ школьники отличались чрезмѣрнымъ своевољствомъ, доходившимъ до безобразія. Самовольно и безъ разбору вторгались они въ школы съ безстыдствомъ и наглостію, подобно горячечнымъ и неистовствующимъ нарушали порядокъ, вводимый учителемъ между учениками для лучшихъ успѣховъ въ наукахъ. Много дѣлали школьники оскорбленій самыхъ грубыхъ, за которыя надлежало бы преслѣдовать ихъ судебнымъ порядкомъ, если бы обычай не покровительствоваѣ имъ; и тѣмъ гибельнѣе для нихъ было то, что они смотрѣли на свои поступки, какъ на нѣчто позволительное, тогда какъ по Твоему вѣчному закону эти поступки никогда не могутъ быть позволительными, и считали ихъ подлежащими наказанію, тогда какъ наказывались за нихъ самымъ ослѣпленіемъ своимъ и гораздо болѣе страдали, нежели дѣйствовали. Такимъ образомъ сдѣлавшись учителемъ, я долженъ былъ смотрѣть сквозь пальцы на такое поведеніе школьникоѣ, которое мнѣ не нравилось и котораго я избѣгалъ, будучи ученикомъ ¹⁾: это-то и заставило меня перемѣнить мѣсто своего пребыванія и перейти туда, гдѣ, по свидѣтельству очевидцевъ, подобныхъ безпорядковъ не совершадось. Ты же Господи, *прибѣжище мое и доля моя на земля живыхъ* (Псал. ХС, 2. СХІ, 6), при такой перемѣнѣ мѣстопребыванія моего, имѣлъ въ виду душевное спасеніе мое: съ этою цѣлію Ты оттолкнулъ меня отъ Карѳагена и привлекалъ къ Риму,—и все это дѣлаѣ Ты чрезъ

---

¹⁾ См. книг. III, глав. 3.

людей, любившихъ только временную жизнь, но не помышлявшихъ о жизни безсмертной, вѣчной, и оттого возвращавшихся въ суетѣ суетствъ; для исправленія путей моихъ Ты воспользовался и этими людьми и моею переменчивостію въ мысляхъ и дѣйствіяхъ съ непостижимою для насъ современностію. Ибо и тѣ, которые возмущали покой мой, были помрачены страшнымъ сумазбродствомъ; и тѣ, которые манили меня къ чему-то иному, помышляли о земной только суетѣ. Что же касается до меня, то самъ я, когда тяготило меня дѣйствительное горе на одномъ мѣстѣ, проникался ненавистію къ этому мѣсту и стремился въ другое, гоняясь за призракомъ счастія.

Но существенная причина, по которой я долженъ былъ оставить одно мѣсто и идти въ другое, была извѣстна только Тебѣ, Господи; Ты не открывалъ этого ни мнѣ, ни даже матери моей, которая неутѣшно плакала при отъѣздѣ моемъ и провожала меня до самого моря. И когда она упорно удерживала меня здѣсь, такъ-что рѣшилась или возвратить меня назадъ, или слѣдовать за мною; то я обманулъ ее. Я притворился, что не могу оставить друга моего, доколѣ онъ, съ наступленіемъ попутнаго вѣтра, не отплыветъ. Рѣшившись солгать предъ матерію (и какую матерію?), я ушелъ. И это Ты допустилъ изъ милосердія Твоего ко мнѣ и матери моей, охраняя меня, преисполненнаго всякихъ нечистотъ, со дня плаванія моего по водамъ морскимъ до дня омовенія моего отъ этихъ нечистотъ водою благодати Твоей въ купели св. крещенія; тѣмъ самимъ, по совершеніи сего таинства, Ты прекратилъ и потоки матернихъ слезъ, коими она ежедневно орошала землю, при молитвахъ за меня предъ Тобою. Такъ-какъ мать моя не хотѣла безъ меня возвратиться домой и ни на минуту не рѣшилась оставлять меня; то я едва убѣдилъ ее провести наступавшую ночь въ ближайшемъ къ кораблю нашему домѣ блаженной памяти Кирпіана,

Между тѣмъ въ ту же ночь самъ тайно уѣхалъ: а она осталась въ слезахъ и молитвѣ ¹⁾ О чемъ же она молилась, чего просила у Тебя, Боже мой, съ такою скорбію оплакивая меня? не о томъ ли, чтобы Ты воспринялъ моему плаванію и не разлучалъ ее со мною? Но Ты судилъ иначе, Ты не внялъ тому, чего она просила въ то время, твори со мною то, къ чему стремились всегдашнія ея желанія. Подулъ вѣтеръ, понатужилъ наруса корабля, и—берегъ скрылся отъ взоровъ нашихъ. На слѣдующее утро, узнавъ объ отъѣздѣ моемъ, мать отъ печали пришла въ такое разстройство, что съ жалобными стонами и воплями непрестанно обращалась къ Тебѣ въ негодованіи на меня; но Ты не внималъ ей: ибо Ты и меня исторгалъ изъ смута страстей моихъ, съ тѣмъ—чтобы навсегда положить имъ конецъ, и ее вразумлялъ праведнымъ наказаніемъ скорбей за ея плотское пожеланіе. Она любила, какъ мать, видѣть меня всегда предъ собою; но любовь ея на этотъ разъ превышала мѣру: она не знала, какія радости готовишь Ты ей изъ моего отсутствія. Не знала; поэтому плакала и рыдала, и этимъ обличала и съ себѣ наследственное достояніе Евы—въ *печалаяхъ и въздыханіяхъ* имѣть то, что *раздала въ бользняхъ* (Быт. III. 16; IV, 1). Впрочемъ, принеши жалобу предъ Тобою на мой обманъ и жестокій поступокъ съ нею, она снова обратилась къ Тебѣ съ тѣмиже мольбами за меня, какъ и прежде, и возвратилась въ домъ одна, а я былъ уже на пути въ Римъ.

ГЛАВА 9.

Между тѣмъ вскорѣ постигаетъ меня тяжелая болѣзнь

¹⁾ Illa autem remansit orando et flendo; въ манускриптахъ же и въ другихъ изданіяхъ большею частію значитъ *popina sit*, что даетъ смыслъ тексту такой: но она все-таки не оставяла меня слезными молитвами своими.

Я находился уже на пути къ праотцамъ, неся съ собою все зло, какое совершилъ и противъ Тебя, и противъ себя, и противъ другихъ, множество тяжкихъ грѣховъ моихъ, кромѣ первороднаго грѣха, отъ котораго всё мы умираемъ во Адамѣ. Ибо ничего Ты мнѣ не простилъ, ни отъ чего не оправдалъ во Христѣ; не убилъ Онъ во мнѣ на крестѣ своемъ той вражды, въ которую поставили меня грѣхи мои въ отношеніи къ Тебѣ. Да и какъ могъ Онъ убить ее на крестѣ воображаемомъ только, а не дѣйствительномъ, посредствомъ вымысловъ и мечтаній, какъ я тогда думалъ и вѣрилъ? Насколько ложною и невѣроятною представлялась мнѣ смерть плоти Его, настолько истинною и несомнѣнною была смерть души моей: и какъ дѣйствительна была смерть плоти Его, такъ фантастична и призрачна была жизнь души моей, которая не вѣрила тому. И когда лихорадочные припадки мои стали усиливаться такъ—что со мною дѣлалось хуже и хуже; то я стоялъ уже на пути гибели. Куда мнѣ слѣдовало бы идти, если бы я въ то время отошелъ изъ сего міра, какъ не въ геенну на адскія мученія за свои дѣла, по непреложной истинѣ Твоихъ уставовъ? Между тѣмъ мать моя ничего этого не знала, а только молилась за меня вдали отъ меня. Ты же Вездѣсущій и ее выслушалъ и меня помиловалъ на тѣхъ различныхъ мѣстахъ, гдѣ мы находились; тѣлесныя силы мои возстановились, но окаянная душа моя все еще оставалась больна и нуждалась въ исцѣленіи. Ибо и во время столь опасной болѣзни своей я не желалъ спасительнаго брещенія Твоего; видно лучше былъ я въ дѣтствѣ, когда при подобныхъ обстоятельствахъ, настоятельно требовалъ себѣ отъ благочестивой матери св. брещенія, какъ о томъ упомянуто уже мною въ этой исповѣди ¹⁾. Но я выросъ на позоръ себѣ, въ безуміи своемъ

---

¹⁾ См. книга I, глава 11.

издѣваясь надъ средствами Твоего врачеванія; дважды могъ я умереть въ такомъ душевномъ состояніи, но Ты не допустилъ меня до этого. Если бы сердце матери моей поражено было такимъ ударомъ, то она не перенесла бы его. Какъ горячо она любила меня, насколько предпочитала духовное мое возрожденіе режденію плотскому, какъ усердно заботилась о моемъ вѣрученіи, — я не могу вполне высказать всего этого!

Не могу и представить себѣ, какъ перенесла бы она такой ударъ, если бы моя преждевременная смерть поразила любящую душу ея. Куда дѣвалось бы столько слезъ и молитвъ, частыхъ и почти непрерывныхъ? Имъ негдѣ было быть какъ только у Тебя; ибо всѣ онѣ къ Тебѣ возсылались. И неужели Ты, Боже всякаго милосердія, отринувъ бы сердце сокрушенное и смиренное вдовицы чистой и трезвенной, часто подававшей милостыни, покорно служившей святымъ Твоимъ, ни одного дня не оставлявшей жертвенника Твоего безъ приношенія, двукратно въ день, утромъ и вечеромъ посѣщавшей церковь Твою, не для старушечьихъ разсказовъ и суетной болтовни, но для того, чтобы слушать слово Твое и молиться Тебѣ? Неужели Ты, украсивши ее своими благодатными дарами, пренебрегъ бы слезы ея, коими она просила у Тебя не золота и серебра, или какого-нибудь тлѣннаго блага, а спасенія души сыну своему? О нѣтъ, нѣтъ, Господи! Ты никогда не оставлялъ ее, всегда внималъ ей и отворилъ то, чему надлежало быть по предуставленному порядку Твоего предопредѣленія. Быть не могло, чтобы она обманулась въ тѣхъ видѣніяхъ и отвѣтахъ Твоихъ, о которыхъ я разскалъ выше 1), и другихъ запечатлѣнныхъ молчаніемъ и хранимыхъ въ преданной Тебѣ душѣ ея: въ непрестанныхъ молитвахъ ея вышеупомянутая

1) См. книг. III, глав. 11 и 12.

видѣнія служили для нея какъ-бы залогомъ и рукопривладствомъ (chirographum) со стороны Твоей въ неложности ея надеждъ. По безконечному милосердію Своему, Ты благоволишь даже въ обѣщаніяхъ своихъ быть должникомъ тѣхъ, коимъ Самъ прощаешь всѣ долги.

ГЛАВА 10.

Итакъ Ты воздвигъ меня отъ этой болѣзни и сохранилъ жизнь сыну рабы Твоей, въ то время пока только тѣлесную, чтобы въ послѣдствіи даровать мнѣ жизнь лучшую, духовную, вѣчную. Между тѣмъ и въ Римѣ я завязалъ знакомство съ этими пустосвятами, обманщиками: я не только принадлежалъ къ слушателямъ, въ числѣ коихъ былъ и тотъ манихей, въ домъ котораго я остановился, проболѣлъ и наконецъ выздоровѣлъ; но имѣлъ доступъ даже и къ такъ называемымъ избраннымъ (electi). Мнѣ всё грезилось ученіе этихъ лгуновъ: что «когда мы грѣшимъ, то это не мы грѣшимъ, а грѣшитъ въ насъ, не знаю, какая-то другая природа»; моей гордости нравилось слагать вину съ себя на что-то другое; и когда я дѣлалъ какое-нибудь зло, то не признавалъ себя виновнымъ, чтобы Ты исцѣлилъ душу мою, согрѣшившую предъ Тобою, но любилъ извинять ее и обвинять, не знаю, что-то другое, что во мнѣ было и не составляло меня. На самомъ же дѣлѣ я представлялъ собою цѣлое, а нечестіе мое раздѣляло меня противъ меня: и тѣмъ хуже было для меня, что я не считалъ себя грѣшникомъ, и Ты, Всемогущій Боже, вопреки твоему всемогуществу, являлся какъ-бы побѣжденнымъ во мнѣ къ моей гибели, а не я—Тобою ко спасенію моему 1). И такъ Ты

---

1) По лжеученію манихейскому допускалось, что въ человѣкѣ боролась часть божества съ природою зла, такъ-какъ манихеи допускали два вѣчныя начала—добра и зла.

еще не *полагать*, Господи, *храненія устомъ моимъ, и двери огражденія о устнахъ моихъ, да не уклонится сердце мое въ словеса лукавствія, неощевати вины о грѣсныхъ съ челоуѣки дѣлающими беззаконіе*, и посему-то я до сихъ поръ еще входилъ въ общее со избранными ихъ (Псал. СХL, 3. 4).

Но потерявъ наконецъ всякую надежду на какой-либо успѣхъ въ ложномъ ученіи манихеевъ, я сталъ уже относиться холодно и даже съ пренебреженіемъ къ тому, чѣмъ прежде думалъ удовлетворяться за отсутствіемъ чего-нибудь лучшаго. Я сталъ думать, что едвали не умнѣе всѣхъ были тѣ философы, которые во всемъ сомнѣвались, утверждая, что челоуѣкъ не можетъ постигнуть истины. Этихъ философовъ называютъ академиками. И я соглашался съ ними, хотя цѣли ученія ихъ и не постигалъ; такъ по крайней мѣрѣ чувствовалъ я себя тогда ¹⁾. Тутъ открыто сталъ я сдерживать довѣрчивость хозяина своего къ тѣхъ вымысламъ, какими наполнялись книги манихейскія, и которымъ онъ вполне вѣрилъ. При всемъ томъ, я болѣе сближался съ манихеями, чѣмъ съ другими обитателями Рима не манихеями. И хотя я уже не защищалъ манихейской ереси съ прежнимъ жаромъ и воодушевленіемъ; однако близкое знакомство мое съ манихеями, наполнявшими Римъ, охладило во мнѣ ревность къ изысканію истины, особенно послѣ того, какъ я, предубѣжденный манихеями, уже не надѣялся найти ее въ церкви Твоей православной, Господи неба и земли, Творецъ всего видимаго и невидимаго. Тѣмъ не менѣе все-таки казалось мнѣ недостойнымъ и постыднымъ—вѣрить чтобы Ты,

---

¹⁾ Это была пора чистаго скептицизма для Августина. Умъ его сталъ теряться въ недоумѣніяхъ, безъ надежды—найти что-нибудь положительно-истинное и неизмѣнно-твердое. Въ такомъ состояніи духа находился онъ въ Римѣ до перемѣщенія своего въ Медіоланъ и знакомства съ святителемъ Амвросіемъ.

также какъ и мы, былъ челоѣкообразенъ и ограничивался тѣлесными очертаніями членовъ. Между тѣмъ главная и едвали не единственная причина заблужденія моего въ томъ именно и состояла, что я, разсуждая о Богѣ моемъ, мыслилъ о Немъ не иначе, какъ подъ условіями тѣлесности, и никакъ не могъ освободиться отъ чувственныхъ понятій и представлений, потому что ничего не могъ представить себѣ въ другомъ видѣ.

И воображаемую мною субстанцію зла представлялъ я также облеченною въ нѣкоторое вещество мрачное и безобразное, или болѣе грубую матерію, какъ земля, или болѣе тонкую, какъ воздухъ; злое существо или этотъ злой духъ (*mens maligna*) представлялось имѣющимъ вліяніе на все въ мірѣ. Но по благоговѣйному чувству я не могъ допустить, чтобы Ты, благій Боже, сотворилъ злое существо; поэтому лучшимъ казалось мнѣ допустить двѣ субстанціи, взаимно отъ вѣчности противоположныя, т. е. два вѣчныя начала добра и зла, съ тѣмъ различіемъ (кромѣ существенной противоположности), что субстанцію добрую представлялъ себѣ неограниченною и безконечною, а субстанцію злую—конечною и ограниченною. И изъ этого-то пагубнаго заблужденія проистекли всѣ другія. Такъ, когда я старался перейти въ православную вѣру, то не могъ, потому что не такова была православная вѣра по моему идеалу. На мой взглядъ казалось болѣе благочестивымъ думать о Тебѣ, Боже мой, внемлющій гласу вопля моего,—что Ты, хотя и имѣешь противъ Себя массу зла, но неограниченъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, нежели представлять Тебя всецѣло ограниченнымъ въ воплощеніи. Мнѣ казалось лучше вѣрить, что Ты не сотворилъ никакого зла,—зла, которое я представлялъ себѣ не только какою-то субстанціею, но притомъ вещественною, такъ-какъ и самую мысленую силу я считалъ не чѣмъ инымъ, какъ тончайшею матеріею, могущею проникать всю-

ду,—я хотѣлъ лучше ограничивать область Твоей творческой дѣятельности, нежели думать, что природа зла, какъ я понималъ ее тогда, отъ Тебя происходитъ. Самаго даже Спасителя нашего, Единороднаго Твоего, котораго Ты ниспослалъ намъ для спасенія нашего, представлялъ я себѣ не иначе, какъ протяженіемъ или изліяніемъ отъ массы свѣторазнѣйшаго вещества Твоего; и не могъ я подумать о Немъ иначе, руководясь только своимъ суетнымъ воображеніемъ. И такому естеству Его родиться отъ Маріи Дѣвы не иначе возможно было, полагалъ я, какъ только во плоти. Приобщиться же плоти и не оскверниться,—я не могъ себѣ этого и представить, и считалъ дѣломъ невысказаннымъ. Поэтому я опасался вѣрить рожденію Его по плоти, чтобы не быть принужденнымъ вѣрить оскверненію Его плотію. Теперь безплотныя Силы Твои кротко и съ любовію усмѣхнутся надо мною, когда прочтутъ эту исповѣдь; но я таковъ былъ на самомъ дѣлѣ.

ГЛАВА II.

Послѣ того я былъ убѣжденъ, что трудно бороться противъ манихеевъ, когда они что либо порицаютъ въ Твоихъ Писаніяхъ: но иногда у меня раздражалось желаніе провѣрить безпристрастно всѣ спорныя мѣста съ кѣмъ-либо изъ знатковъ въ Писаніяхъ, и узнать мысли объ этомъ людей болѣе меня свѣдущихъ. Такъ еще въ Кареагенѣ меня занимали публичныя бесѣды и прѣнія нѣкоего Гелпидія противъ манихеевъ; онъ высказывалъ такія сужденія о писаніяхъ, что трудно было манихеямъ устоять противъ него, и отвѣты ихъ казались мнѣ слабыми. Правда, отвѣты манихеевъ были уклончивы, и вообще они избѣгали публичныхъ споровъ, и давали отвѣты, большею частію наединѣ; при чемъ обыкновенно говорили, что Писанія новаго завѣта повреждены тѣми, которые хотѣли привить законъ іудейскій къ вѣрѣ христіанской, а между тѣмъ сами ниогда не ссылались на

неповрежденные экземпляры. Но матеріальный міръ сей и его чувственыя формы, отъ которыхъ я и въ мысляхъ своихъ никакъ не могъ отрѣшиться, до того подавилъ духъ мой, что, задыхаясь подъ ними, я не могъ уже дышать чистымъ воздухомъ животворной истины Твоей.

ГЛАВА 12.

Итакъ я рѣшился приступить къ тому дѣлу, для котораго прибылъ въ Римъ, и сталъ заниматься преподаваніемъ реторики, начавъ съ того, что на первой разъ стали собираться у меня въ домѣ нѣкоторые знакомые мнѣ слушатели; въ это самое время узнаю я, что въ Римѣ водятся другіе безпорядки, какихъ я не испытывалъ въ Африкѣ. Конечно, тѣхъ извращеній (*eversiones*)¹⁾ въ училищныхъ порядкахъ, какія допускались въ Карфагенѣ распутными юношами, въ Римѣ не было²⁾. Но за то здѣсь нерѣдко случается,—стали говорить мнѣ,—что многіе молодые слушатели, чтобы не платить учителю за право слушанія, вдругъ сговариваются между собою и переходятъ къ другому учителю; это уже своего рода измѣнники, которые для денегъ готовы жертвовать справедливостію, для которыхъ деньги дороже честности. Возненавидѣла такихъ учениговъ душа моя, хотя не совершенною ненавистію; быть можетъ еще болѣе возненавидѣлъ бы я ихъ, если бы и мнѣ пришлось потерпѣть отъ нихъ тоже, что и другимъ учителямъ. Во всякомъ случаѣ безчестны такіе люди, заблуждающіеся вдали отъ Тебя и постыдны дѣла ихъ, когда они позволяютъ себѣ такъ легкомысленно издѣваться надъ другими изъ гнуснаго корыстолюбія, которое, доставляя имъ временную выгоду, пятнаетъ ихъ навсегда; когда гоняются за скоропреходящей суетою

---

¹⁾ См. книг. III, глав. 10.

²⁾ См. глав. 8 книга V.

мірскою, а оставляють Тебя во вѣки пребывающаго, призывающаго къ Себѣ отпадшихъ и прощающаго грѣхи возвращающейся къ Тебѣ блудодѣйствующей душѣ человѣческой. И теперь я ненавижу такихъ испорченныхъ и негодныхъ людей; но въ то же время готовъ и возлюбить ихъ, если только они исправятся и поставятъ себя такъ, чтобы изучаемая ими наука цѣнилась выше вознагражденія, вручаемаго учителямъ, а превыше всякой науки воздавалась честь и слава Тебѣ, Боже, какъ вѣчному началу истины, неисчерпаемому источнику добра и подателю мира безмятежнаго: тогда же я болѣе не терпѣлъ ихъ злобы изъ любви къ себѣ, нежели изъ любви къ Тебѣ желалъ имъ исправленія.

ГЛАВА 13.

Между тѣмъ въ это время явились въ Римъ изъ Медіолана къ префекту римскому нарочитые послы съ просьбою,—указать имъ хорошаго наставника въ краснорѣчїи, снабдивъ его и открытымъ *патентомъ* (*impertita evectioe publica*) ¹⁾. Тогда я самъ началъ стараться, воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы избавиться отъ учениковъ римскихъ, неблагодарныхъ къ своимъ учителямъ; для полученія желаемого мѣста, хлопоталъ я даже чрезъ тѣхъ самыхъ манихеевъ, въ суемудрїи и лжемудрїи погрязавшихъ, отъ которыхъ мнѣ рѣшительно уже хотѣлось отстать; а того и не знали мы, ни я, ни они, что тогдашній префектъ города Симмахъ уже далъ отвѣтъ, въ которомъ именно меня рекомендовалъ къ отправленію въ Медіоланъ. Такимъ образомъ я и отправился

---

¹⁾ Evectio, а по другимъ, diploma—*патентъ* или *дипломъ*, который давалъ доступъ для публичнаго занятія подобныхъ должностей, безъ чего частному человѣку не дозволялось или по крайней мѣрѣ трудно было занимать ихъ; и на это имѣлись даже постановленія.

туда. Прибывъ въ этотъ городъ, я представился прежде всего Амвросію, епископу медиоланскому, извѣстному въ числѣ знаменитыхъ мужей цѣлому міру, тому просвѣщенному и благочестивому святителю Твоему, краснорѣчивыя уста коего подавали въ то время вдоволь алчущимъ пищу Твою духовную, жаждущимъ питіе Твое духовное, и страждущимъ елей радости. Ты велъ меня къ нему, Боже мой, безъ моего сознанія, для того, чтобъ онъ привелъ меня къ Тебѣ съ моимъ сознаніемъ. Отечески принялъ меня этотъ человѣкъ Божій, и съ пастырскою любовію отозвался о моемъ странствованіи, чѣмъ и внушилъ мнѣ къ себѣ любовь и довѣренность. На первый разъ я смотрѣлъ на него, какъ на человѣка только пріятливаго и благорасположеннаго ко мнѣ, ничего не ожидая отъ него, какъ благовѣстителя истины, такъ-какъ я не надѣялся уже найти ее въ церкви Твоей. Вскорѣ однакоже сталъ я слушать поученія его къ народу; но все вниманіе мое здѣсь ограничилось тѣмъ, что я какъ-бы испытывалъ только силу ораторскаго его таланта,—дѣйствительно ли витійство его соотвѣтствовало той славѣ, какая о немъ гремѣла, и таковъ ли онъ былъ на самомъ дѣлѣ, не ниже ли и не выше ли того, какъ о немъ говорили: мнѣ казалось какъ-бы рѣшеннымъ уже дѣломъ, что истины никто сказать не можетъ, тѣмъ болѣе—епископъ православный; и потому я, слушая его, обращалъ вниманіе не столько на сущность дѣла, сколько на оболочку его, не на содержаніе и смыслъ слушаемыхъ проповѣдей, а на слова. И я восхищался пріятностію и сладостію рѣчи въ устахъ Амвросія: въ ней конечно высказывалось болѣе образованности и учености; но не видно было той живости и увлекательности, какою отличалась рѣчь Фавста по своей внѣшности. За то не было никакого сравненія между ними въ отношеніи къ содержанію самыхъ предметовъ: Фавстъ, какъ зараженный лжеученіемъ манихейскимъ, и самъ заблуждался,

и другихъ вводилъ въ заблужденія; Амвросій же, какъ истинный христіанинъ, и самъ исповѣдывалъ здоровое и спасительное ученіе, и другихъ училъ истинному пути спасенія. И хотя грѣшники, кагимъ и я былъ тогда, далеко отстоятъ отъ спасенія; однакоже я, слушая этого великаго святителя, сталъ мало по-малу приближаться къ своему спасенію, самъ не замѣчая того: вмѣстѣ съ словами невольнo проникала въ душу и самая истина, такъ-что я становился къ ней все ближе и ближе.

ГЛАВА 14.

Когда я такимъ образомъ старался внимать не тому, чему училъ онъ (Амвросій), но—какъ училъ (ибо я уже рѣшительно отчаялся было найти путь къ Тебѣ, Боже мой! и потому бесполезнымъ считалъ заботиться о томъ); тогда вмѣстѣ съ словами, которыя мнѣ нравились, проникали въ душу мою и самые предметы рѣчи, о которыхъ я не заботился. Да иначе и быть не могло. Такимъ образомъ, открывая сердце для краснорѣчія его, я въ тоже время сталъ ощущать въ душѣ своей болѣе и болѣе и силу истины. И прежде всего мнѣ представилось, что дѣло само за себя можетъ постоять, то есть, что вѣра каѳолическая, которую прежде я считалъ беззащиною противъ возраженій манихейскихъ, можетъ бороться противъ нихъ съ честію: особенно сталъ я сознавать это въ то время, когда многія трудныя мѣста (aenigmata) ветхаго завѣта, особенно представленныя въ образахъ, одно за другимъ разрѣшались для меня проповѣдникомъ; эти-то образы и убивали меня духовно, кога я понималъ ихъ буквально. Прослушавши объясненіе многихъ такихъ мѣстъ изъ книгъ ветхаго завѣта, я сталъ уже упрекать себя за свое прежнее отчаяніе, и началъ выходить изъ того безнадежнаго положенія, въ которомъ находился доселѣ, касательно достоинства закона и пророковъ, то есть, я пересталъ уже вѣрить, что порицателямъ Писанія ничего нельзя противопоставить рав-

носильнаго. Впрочемъ это еще не значило, чтобы я рѣшился уже принять католическую вѣру; она могла имѣть ученыхъ толкователей и защитниковъ своихъ, которые въ состояніи говорить много и разумно противъ возраженій на нее, но отсюда еще не слѣдовало, чтобы нужно было осуждать то, чего я держался: ибо доказательства и съ той и съ другой стороны могли быть равносильны. Такимъ образомъ я не считалъ уже православной вѣры побѣжденною, но и не признавалъ еще ее побѣдительницею.

Съ этого-то времени я сталъ напрягать всѣ силы ума, чтобы найти непреложныя доказательства противъ лживости манихейской и утвердиться въ православномъ ученіи рѣшительно побѣдою надъ манихеями. И если бы я могъ тогда правильно понимать субстанцію духа; то всѣ ухищренія манихейскія тотчасъ разрѣшились бы въ прахъ, и я не медля выбросилъ бы изъ головы своей всѣ эти вымыслы и нелѣпости: но я не могъ еще достигнуть этого. Впрочемъ, что касается до міра чувственного и вообще чувственной природы; то объ этомъ много находилъ я болѣе вѣроятнаго у философовъ, когда прилежно размышлялъ самъ съ собою, читая и сличая ихъ ученія. И такъ дѣло кончилось пока тѣмъ, что, сомнѣваясь во всемъ подобно академикамъ, я рѣшился только оставить манихеевъ: предпочитая имъ въ періодъ своего скептицизма многихъ философовъ, я нисколько не колебался уже совершенно отстать отъ секты манихейской. Но въ то же время и философамъ, не находя у нихъ спасительнаго имени Христа, не хотѣлъ и не могъ я всецѣло ввѣрить врачеваніе болѣзненной души своей. Такимъ образомъ я рѣшился пребывать оглашеннымъ въ православной церкви, которой ввѣрили меня родители мои и которой принадлежалъ я съ самаго дѣтства ¹⁾, до тѣхъ поръ, пока что-нибудь не откроетъ мнѣ пути вѣрнаго и несомнѣннаго.

¹⁾ См. книг. I, глав. II.

Б Н И Г А Ш Е С Т А Я.

Тридцатый годъ жизни блаж. Августина. Здѣсь описываетъ онъ: какъ прибыла къ нему въ Медиоланъ мать его Моника; какъ самъ онъ, вразумленный поученіями св. Амвросія, болѣе и болѣе признавалъ истину православнаго ученія, которое манихеи представляли ему въ ложномъ видѣ; тутъ же онъ неодобрительно отзывался о поведеніи друга своего Алимпія и вмѣстѣ восхваляетъ добрыя качества его; далѣе изображаетъ, какъ онъ, стремясь къ лучшей жизни, вступалъ на разные пути, самъ не зная, на чемъ остановиться; наконецъ, какъ, объятый страхомъ смерти и суда, съ каждымъ днемъ воспламенялся желаніемъ вступить на путь правый и стоялъ, такъ сказать, наканунѣ своего обращенія.

ГЛАВА I.

Упованіе мое отъ юности моея, какъ Ты оставилъ меня и куда удалился? Не Ты ли сотворилъ меня и отличилъ отъ четвероногихъ и летающихъ по воздуху? Ты создалъ меня мудрѣе другихъ, а я ходилъ во тьмѣ по путямъ скользкимъ и опаснымъ, ища Тебѣ внѣ себя и не обрѣтая Бога сердца моего; я переплывалъ бездны моря, и все оставался безъ надежды найти гдѣ-либо истину. И вотъ въ это время прибыла ко мнѣ мать моя, непоколебимая въ благочестіи своемъ, слѣдовавшая за мною повсюду, и по сушѣ и по водамъ, и во всѣхъ опасныхъ случаяхъ возлагавшая все упованіе на Тебя. Она на морѣ въ опасное время ободряла даже кормчихъ, которые, въ такую пору, обыкновенно сами успокоиваютъ неопытныхъ плователей, она увѣряла о благополучномъ достиженіи пристани, потому-что Ты увѣрилъ ее въ томъ посредствомъ видѣнія. И что же? По прибытіи своемъ въ Медиоланъ, она застала меня въ крайней безнадежности познать истину. И когда услышала отъ меня, что я уже не мавихей, хотя еще и не православный христіанинъ; то не

показала при этомъ особеннаго удивленія, какъ будто это для ней не было неожиданностію, а только, возрадовавшись, усугубила молитвы свои ко Господу о всецѣломъ обращеніи моемъ. Она лучше меня понимала, что для меня долженъ послѣдовать выходъ изъ этого критическаго положенія, и спокойно ожидала, что будетъ дальше; она оплакивала меня предъ Тобою, какъ умершаго для настоящей жизни, но требующаго возстанія для жизни будущей, и мысленно какъ-бы выносила меня на одрѣ погребальномъ, чтобы Ты сказалъ сыну вдовицы: *юноше, тебѣ глаголю, возстани*, чтобы онъ ожилъ, сталъ говорить, и чтобы Ты отдалъ его матери его (Лук. VII, 12—15). Итакъ, когда она узнала о томъ, что я хотя и не позналъ еще истины, но за то пересталъ уже слѣдовать и манихейскимъ заблужденіямъ, то сердце ея трепетало отъ радости; она не страшилась уже за будущую судьбу мою: она вполне уже была увѣрена, что все остальное довершишь Ты надо мною, по своему неложному обѣщанію; и потому съ глубочайшимъ смиреніемъ и совершенною преданностію волю Твою,—(въ отвѣтъ на мои слова, что я уже не манихей, хотя еще и не православный христіанинъ),—одушевленная вѣрою во Христа, сказала мнѣ, что она дотолѣ не умретъ, пока не увидитъ меня вѣрнымъ сыномъ православной церкви ¹⁾). Такъ говорила она мнѣ. А предъ Тобою, источникъ всякаго милосердія, она пролива обильныя слезы и возносила усердныя

---

¹⁾ Эти порочественныя слова Моники, матери Августиновой, точь въ точь исполнились: она скончалась черезъ три года послѣ сего, на обратномъ пути съ сыномъ своимъ изъ Медиолана въ Африку, въ Остію—портовомъ римскомъ городѣ при устьѣ Тибра—въ 387 году, въ самый годъ крещенія Августина, и при томъ вскорѣ послѣ крещенія его, на 56 году жизни своей и 33 году жизни Августина, какъ это увидимъ мы въ своемъ мѣстѣ въ IX книгѣ этой исповѣди.

молитвы, чтобы Ты послѣшилъ съ своею помощію, разогнавъ тьму мою и просвѣтивъ свѣтомъ своимъ мое неразуміе. Она чаще и чаще прибѣгала къ церкви, и къ представителю ея самому Амвросію, за *источникомъ воды текущей въ жизнь вѣчную* (Іоан. IV, 14. На этого мужа она смотрѣла, какъ на ангела Божія, и отъ него она узнала, что я нахожусь хотя и въ трудномъ положеніи, но спасительномъ для меня, какъ-бы на переходѣ отъ болѣзни къ выздоровленію, въ такомъ состояніи, какое врачи называютъ *кризисомъ*; когда больные переживаютъ самыя тяжкія минуты при переломѣ болѣзни отъ упадка къ приращенію силъ. Мать моя была вполне увѣрена, что я переживаю именно такой кризисъ.

ГЛАВА 2.

По обычаю африканскихъ церквей, мать моя и здѣсь во дни поминовенія святыхъ дѣлала приношенія во храмы для общей трапезы изъ разныхъ яствъ, хлѣба и вина. Однажды, когда она явилась съ такими приношеніями, ее остановилъ привратникъ храма, и сказалъ, что епископъ запретилъ такія приношенія; тогда она такъ благоговѣйно и послушно покорилась этому распоряженію, что нельзя было не подивиться ¹⁾ ея уступчивости ²⁾. Въ ней не было при-

---

¹⁾ Ut ipse miraret; а по другимъ изданіямъ *miraretur*: въ первомъ случаѣ это удивленіе относится къ лицу самаго Августина, а въ послѣднемъ надобно относить его къ привратнику, или, пожалуй, и къ самому епископу, Амвросію, отъ котораго исходило это запрещеніе.

²⁾ Замѣчательно, что этотъ обычай поминовенія усопшихъ устроеніемъ такъ-называемыхъ *agapē* или общественныхъ трапезъ въ храмахъ, который усилился было во всей Африкѣ и проникъ въ другія христіанскія церкви, не только подвергался запрещенію со стороны св. Амвросія въ церквахъ медіоланскихъ, но въ послѣдствіи и самъ блаж. Августинъ, по примѣру Амвросія, вооружался противъ сего обычая. Благодаря стараніямъ блаж. Авгу-

страстія къ вину, которое могло бы помрачить ея душу и поселить въ ней отвращеніе къ истинѣ, какъ это червѣдко случается со многими мужчинами и женщинами, для которыхъ похвала воздержанію и трезвости также нестерпима, какъ пьяницамъ противно питье вина съ водою. Напротивъ того, когда мать моя приносила ко храму корзину съ праздничными яствами и напитками; то все почти оставляла для общей трапезы и раздачи неимущимъ, а если и оставляла что-нибудь себѣ, то развѣ самую малость, и то раздѣляла съ близкими своими трезвенно и благоговѣнно; поелигу желала не сытости плоти, но только исполненія благочестиваго долга. Когда же узнала, что знаменитый пастырь и учитель благочестія запретилъ даже людямъ трезвеннымъ устроить во храмахъ общественныя трапезы, чтобы отнять всякій поводъ къ пиршествамъ, бывшимъ предметомъ злоупотребленія для людей невоздержныхъ и напоминавшимъ собою суевѣрные обычаи язычества; то она безпрекословно покорилась волѣ святителя и вмѣсто корзины полной земными плодами стала приносить, на память мучениковъ, — сердце, полное чистѣйшими обътами, такъ что и неимущимъ, по мѣрѣ силъ, творила подаванія и вмѣстѣ достойно чтила общеніе Тѣла Господа, (*communicatio Dominici Corporis*)¹⁾, подражая стра-

---

стина уничтожены были и въ африканскихъ церквахъ эти агапы, по происхожденію древнія и благочестивыя, но съ теченіемъ времени обратившіяся въ неприличныя и неумѣстныя пиршества, на подобіе суевѣрныхъ празднествъ языческихъ. (Смотр. объ этомъ письма Августина 22 къ Аврелію карфагенскому и 29 къ Алипію).

¹⁾ *Communicatio Corporis Dominici, communio sacra, sacra synaxis, mensa divina, coeleste convivium, eplum divinum, soena Domini, hostia divina, corporis ac sanguinis Christi divina misteria, eucharistia* и другія подобныя выраженія, имѣющія въ латинскомъ языкѣ употребленіе, даютъ вообще понятіе о таинствѣ святѣйшей евхаристіи; это мѣсто имѣетъ здѣсь у блаж. Августина значеніе

даніямъ Котораго, и св. мученики быти закланы и увѣнчаны. Однако же мнѣ кажется, Господи Боже мой, и я убѣжденъ въ томъ, что мать моя не такъ легко отстала бы отъ этого неправильнаго обычая, если бы запретилъ его кто-либо другой, а не Амвросій, которому она была чрезвычайно предана за его содѣйствіе моему спасенію; а ее любилъ и уважалъ Амвросій за ея примѣрно-благочестивую жизнь, которую она проводила въ добрыхъ дѣлахъ, и въ неусыпномъ посѣщеніи церкви Божіей, съ горящимъ духомъ. Вотъ почему Амвросій, часто, при свиданіи со мною, не могъ удержаться, чтобы не привѣтствовать меня съ тѣмъ, что я имѣлъ такую мать; а того и не зналъ, что сынъ этой матери во всемъ сомнѣвался, и вовсе не думалъ, чтобы можно было найти путь жизни.

ГЛАВА 3.

Мой духъ былъ напряженъ въ изысканію истины и мучительно томился различными недоумѣніями, но я все еще не обращался къ Тебѣ за помощію съ теплою молитвою и сердцемъ сокрушеннымъ. На самаго Амвросія смотрѣлъ я, по обычаю міра сего, какъ на любимца счастья, о которомъ слава гремѣла повсюду, котораго уважали сильные земли; только безбрачіе его казалось мнѣ тяжелымъ. Но его возвышенныхъ упованій и искушеній, его внутренней борьбы и его утѣшенія въ горестяхъ, и возвышенныхъ радостей, которыми Ты, Господи, питалъ душу его, я не только не извѣдалъ еще, но и представить себѣ ясно не могъ. Равнымъ образомъ и онъ не зналъ моихъ душевныхъ потрясеній, не

нѣкотораго соотношенія къ вышеупомянутымъ трапезамъ церковнымъ или такъ-называемымъ агапамъ (агапае), которыя онъ, по примѣру св. Амвросія, старался вывести изъ обычая, желалъ вмѣсто того привлечь вѣрующихъ къ большому общенію въ божественной трапезѣ святѣйшей евхаристіи, въ чемъ и успѣлъ,

видѣлъ пропасти моей гибели. Между тѣмъ сблизиться съ нимъ надлежащимъ образомъ, при всемъ желаніи моемъ, не могъ я, потому-что онъ былъ постоянно обремененъ множествомъ разнородныхъ сношеній съ разными лицами, нуждавшимися въ его помощи. А не большой остатокъ свободного времени онъ употреблялъ для укрѣпленія тѣла отдыхомъ, или души чтеніемъ. Во время чтенія, глаза его пробѣгали по страницамъ, душа размышляла, а уста безмолвствовали. Входя къ нему свободно во всякое время (ибо двери дома его для всѣхъ были открыты и докладывать о приходѣ посѣтителей не было обычая), мы всегда заставляли его за чтеніемъ, и, просидѣвъ довольно времени въ молчаніи, удалялись, не смѣя нарушать его самоуглубленныхъ занятій. Мы догадывались, что ему послѣ хлопотъ по разнымъ дѣламъ въ остальное время, необходимое для восстановленія душевныхъ силъ, не хотѣлось уже ничѣмъ развлекаться; быть можетъ онъ опасался, что при чтеніи въ слухъ ему придется затруднить себя неизбѣжнымъ объясненіемъ для слушателей мѣсть темныхъ или вопросовъ запутанныхъ, для чего потребовалось бы не мало времени; быть можетъ онъ предпочиталъ читать про себя по причинѣ слабости голоса, который у него скоро уставалъ. Впрочемъ, по какимъ бы побужденіямъ Амвросій ни дѣлалъ это, побужденія его не могли быть дурными.

Какъ бы то ни было, но я не имѣлъ возможности бесѣдовать съ этимъ божественнымъ святителемъ Твоимъ о моихъ задушевныхъ вопросахъ; мнѣ приходилось только случайно слышать отъ него кое-что. Страстные порывы мои требовали не малаго досуга у того, предъ кѣмъ хотѣлъ я раскрыть душу свою, а этого-то досуга и не находилъ я у него. Мнѣ оставалось только слушать его во храмѣ, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, право правящаго предъ народомъ слово Твоея истины; слушая его съ особеннымъ

вниманіемъ, я болѣе и болѣе убѣждался, что всѣ узлы коварной клеветы, сплетаемые лжеучителями противъ божественныхъ книгъ, могутъ быть распутаны. А когда слово проповѣдника коснулось однажды сотворенія челоувѣка по образу и подобію Божию; тогда я увидѣлъ, что духовныя чада Твои, возрожденныя въ католической церкви благодатию Твоею, мыслятъ о Богѣ своемъ, не какъ о существѣ ограниченномъ, матеріальномъ, но какъ о духовномъ. И хотя я тогда даже приблизительнымъ образомъ не могъ еще себѣ представить, въ чемъ состоитъ существо духа (*spiritualis substantia*); но за то стыдясь радовался, что я доселѣ, враждуя столько лѣтъ противъ церкви, враждовалъ собственно не противъ католической вѣры, а противъ грубыхъ вымысловъ, выдаваемыхъ клеветою за ученіе христіанское. И я до того былъ безрасуденъ и нечестивъ, что позволялъ себѣ съ порицаніемъ отзываться о томъ, о чемъ не давалъ себѣ труда разсудить и испытать. А Ты, великій Боже, въ вышнихъ живый и на смиренныя призираай, никому недоступный и всему присуцій, безконечною Котораго устраняются стѣсняющія насъ формы пространства и времени, въ Комъ духовность не ограничивается тѣлесностію, — Ты, будучи Самъ безпредѣленъ и безтѣлесенъ, хотя сотворилъ челоувѣка ограниченнымъ, но сотворилъ его по образу своему,

ГЛАВА 4.

Не зная еще, въ чемъ состоитъ образъ Твой, сталъ я настоятельно доискиваться, чему должно вѣрить, и каждый разъ смиренно вопрошалъ себя, такъ ли должно вѣрить? но я не зналъ, на чемъ остановиться, и эта душевная заботливость моя тѣмъ болѣе снѣдала меня, чѣмъ болѣе стыдился я своихъ прежнихъ заблужденій, когда меня долго дурачили обѣщаніемъ положительныхъ истинъ, а я съ ребяческою вѣтренностію много

болталъ о разныхъ нелѣпостяхъ, принимая ихъ за истину. А что все это была сущая ложь, въ томъ я удостовѣрился въ послѣдствіи. Можно было впрочемъ видѣть и тогда, что всѣ нелѣпые вымыслы, принимаемые мною за истину, не имѣли характера истины, равно какъ и всѣ обвиненія мои противъ церкви были слѣпы и бессмысленны: ибо я, не зная положительнаго церковнаго вѣроученія, обвинялъ ее въ томъ, чему она вовсе не учила. Я стоялъ на распутии, готовясь вступить на путь правый: и я радовался, Боже мой, что церковь единая, какъ тѣло вѣрующихъ въ Единороднаго Твоего (согнус Unici Tui), въ которой я въ младенествѣ запечатлѣнъ наименованіемъ христіанина, не вдавалась въ ребяческія бредни; что ея здравое ученіе не заключало Тебя—Творца всего видимаго и невидимаго, въ предѣлы, хотя огромные, но все же отвсюду ограниченные,—въ образѣ членовъ человѣческихъ.

Я радовался и тому, что, при чтеніи писаній ветхаго завѣта, законъ и пророки не представлялись уже мнѣ такъ несовершенными и даже нелѣпными, какъ прежде, когда я хулилъ святыхъ Твоихъ, хотя образъ ихъ мыслей и жизни на самомъ дѣлѣ былъ совсѣмъ не таковъ, какъ я воображалъ. Св. Амвросій часто повторялъ въ бесѣдахъ къ народу: *письма (буква) убиваетъ, а духъ животворитъ* (2 Кор. III, 6), и съ жадностію внимая объясненію этихъ словъ, я сталъ убѣждаться, что онѣ составляютъ какъ-бы ключъ къ правильному уразумѣнію того, что служило для меня камнемъ претыканія. Это апостольское начало объясненія ветхаго завѣта снимало покровъ заблужденія съ очей моихъ, и только горькій опытъ прежнихъ оболъщений заставлялъ меня быть крайне осторожнымъ. Мнѣ хотѣлось быть также увѣреннымъ относительно предметовъ, не подлежащихъ моимъ чувствамъ, какъ я увѣренъ былъ въ томъ, что семь и три составляютъ десять. Я не такъ былъ безразсуденъ,

чтобы сомнѣваться въ подобныхъ познаніяхъ; и мнѣ хотѣлось съ такою же точностію постигнуть и другіе предметы, не только вещественные, удаленные отъ чувствъ моихъ, но и духовные, о которыхъ я мыслилъ не духовно, а чувственно. Отъ такого недуга я могъ найти врачевство только въ вѣрѣ, которая, очистивъ душу, могла направить и мысль къ истинѣ Твоей, всегда пребывающей и никогда неизмѣняющейся. Но какъ больной, потерпѣвши отъ худаго врача, боится ввѣрить себя и хорошему; такъ было тогда и со мною: болѣзненное состояніе души моей могло быть исцѣлено только вѣрою; но я боялся вѣрить, чтобы не принять ложь за истину, и противился врачеванію. Да! я противился всемогуществу Твоему, противился Тебѣ Самому, тогда—какъ Ты даровалъ противъ всѣхъ болѣзней спасительное врачевство въ вѣрѣ, сообщивъ ей въ лицѣ вѣрующихъ чудную силу.

ГЛАВА 5.

Впрочемъ, отдавая преимущество православному ученію, я сталъ уже постигать, что церковь православная, требуя вѣры тамъ, гдѣ неприложимы никакія доказательства, поступаетъ гораздо основательнѣе, нежели манихеи, которые, безразсудно обѣщаютъ во всемъ положительныя знанія, но затѣмъ, не въ состояніи будучи выполнить своего обѣщанія, сами же заставляютъ вѣрить, только во имя своего авторитета, такимъ нелѣпымъ бреднямъ, что здравый разумъ не только отказывается доказывать, а положительно отвергаетъ ихъ. Когда Ты, всеблагій и премилосердый Господи, настроилъ такъ душу мою, когда я сталъ размышлять, какъ много принималъ я на вѣру такого, чего вовсе не видалъ, опираясь только на свидѣтельство другихъ, на примѣръ: сколько многому вѣрилъ въ исторіи народовъ, мѣстъ и городовъ, сколько довѣрялъ друзьямъ, врачамъ, какъ вообще считалъ

обязанностию вѣрить людямъ, ибо безъ этой вѣры не могло бы существовать и самое человѣческое общество, какъ непоколебимо вѣрилъ въ свое происхождение отъ извѣстныхъ родителей, чего не могъ бы вечно знать, не повѣривъ по слуху, — когда такимъ образомъ размышлялъ я, то чрезъ такое размышленіе Ты убѣдилъ меня въ томъ, что подлежатъ осужденію не тѣ, которые вѣрятъ божественнымъ книгамъ, но тѣ, которые не вѣрятъ имъ, тогда какъ книги эти, по Твоему же премудрому устроенію, имѣютъ всеобщій авторитетъ. Ты внушилъ мнѣ, что не должно слушаться тѣхъ, которые стали бы говорить: откуда извѣстно, что эти книги преподаны роду человѣческому по внушенію единого истиннаго Бога и самой истины? Тѣмъ болѣе я долженъ былъ вѣрить Твоимъ божественнымъ книгамъ, что никакія разногласія философовъ не могли заставить меня отречься отъ вѣрованія въ бытіе Твое, а равно и въ Твой божественный промыслъ надъ судьбами человѣческими.

Я вѣрилъ этому иногда тверже, иногда слабѣе: но всегда вѣрилъ, и тому, что Ты существуешь, и тому, что Ты промышляешь о насъ; хотя въ то же время оставался въ невѣдѣніи какъ о сущности Твоего естества (*de substantia tua*), такъ и о ведущемъ къ Тебѣ пути. Поэтому, сознавая слабость въ достиженіи истины собственнымъ умомъ, даже свѣтлымъ и чуждымъ предразсудковъ, и чувствуя потребность въ высшемъ авторитетѣ священнаго Писанія, я сталъ положительно вѣрить, что Ты не предоставилъ бы этому Писанію столь высокаго и всеобщаго авторитета, если бы не желалъ, чтобы мы посредствомъ его вѣровали въ Тебя. Самыя несообразности, соблазнявшія меня въ Писаніи, послѣ того какъ я слышалъ правдоподобныя объясненія многихъ изъ нихъ, стали казаться мнѣ возвышенными таинствами: и по этому самому божественное Писаніе Твое являлось мнѣ

тѣмъ болѣе авторитетнымъ, что оно съ одной стороны было доступно для всѣхъ, съ а другой по глубинѣ сокровеннаго смысла сохраняло печать таинственности. Однихъ привлекало къ себѣ своею общедоступностію, а другихъ приближало къ себѣ, занимая ихъ умъ возвышенностію своего смысла; и во всякомъ случаѣ приобретало себѣ болѣе послѣдователей, чѣмъ сколько могло бы быть, безъ совмѣщенія этихъ двухъ качествъ—общедоступности и таинственности. Такъ размышлялъ я, и Ты внушалъ мнѣ подобныя мысли; возсылалъ къ Тебѣ тяжелые вздохи, и Ты выслушивалъ меня: обуреваемъ былъ волнами, и Ты былъ моимъ кормчимъ, шель по широкому пути вѣка сего, но Ты не оставлялъ меня.

ГЛАВА 6.

Я гонялся за почестями, увлекался корыстолюбіемъ, жаждалъ чувственной любви; но Ты посмѣивался надъ всѣмъ этимъ. Обурываемый страстями, я былъ въ самомъ горестномъ положеніи, но Ты являлъ ко мнѣ свою любовь и милость, не позволяя мнѣ предаваться наслажденіямъ, которыя болѣе и болѣе удаляли меня отъ Тебя. Виждь сердце мое, Господи, благоволившій, чтобы я вспомнилъ объ этомъ и исповѣдался передъ Тобою. Да прилѣпится къ тебѣ душа моя, которою Ты исторгъ изъ сѣтей смерти, опутавшихъ меня съ ногъ до головы. О, въ какомъ бѣдственномъ состояніи находилась она! А Ты еще болѣе растравлялъ раны ея, съ тою благою цѣлію, чтобы она, бросивъ наконецъ все земное, обратилась къ Тебѣ, Который выше всего и безъ Котораго все—ничто, и обрѣла въ Тебѣ спасительное для себя исцѣленіе. О, какъ я бѣденъ былъ, и какимъ неожиданнымъ случаемъ далъ Ты мнѣ почувствовать бѣдность мою! Случай этотъ былъ слѣдующій. Въ тотъ самый день, когда я готовился къ произнесенію похвальнаго слова импера-

тору ¹⁾, гдѣ—по совѣту знатоковъ краснорѣчія—много употреблено было мною лести и лжи, и когда душа моя, задыхаясь отъ заботы среди убійственныхъ думъ, металась во всѣ стороны, какъ въ лихорадкѣ,—въ это время, проходя по одной улицѣ медиоланской, увидѣлъ я бѣдняка-нищаго, который удивилъ меня своимъ довольнымъ видомъ, шутливостію и веселостію. Я вздохнулъ, и, обратившись къ друзьямъ своимъ, сказалъ: какъ мы несчастны! сколько мы переносимъ печалей, ничѣмъ не оставаясь довольными, собственно отъ своего неблагоразумія! Всѣ наши усилія,—говорилъ я, живо чувствуя гнетъ собственнаго своего положенія,—всѣ сокрушающія насъ заботы направлены къ тому, чтобы достигнуть невозмутимаго довольства; и, увы! этотъ нищій предвосхитилъ у насъ то блаженство, котораго мы, быть можетъ, никогда не достигнемъ. И этого-то блаженства, которое нищій купилъ на свои копѣечныя подаянія, я тщетно домогался и правыми, и неправыми, но всегда для меня бѣдственными, путями,—тщетно домогался, чтобы порадовало наконецъ меня хотя временное счастье. Правда,

---

¹⁾ Надобно полагать—Валентиніану Младшему. Эта догадка подтверждается какъ самою современностію, такъ и тѣмъ, что Августинъ, будучи вызванъ изъ Рима въ Медиоланъ для преподаванія реторики, по свидѣтельству Поссидія, ближайшаго ученика его, оставившаго намъ краткое, но отчетливое, описаніе его жизни, преподавая тамъ краснорѣчіе, принадлежалъ къ свитѣ этого императора, (*ubi, apud Mediolanum, tunc imperatoris Valentiniani Minoris comitatus fuerat constitutus, cum ibi rhetoricam profitebatur*). Vid. *Vitam S. Augustini a Possidio descriptam* cap. I, et XXXI; et *aliam vitam ejus, quam PP. Venebictini vulgavere prolixiorem in editionibus suis*. Lid II, cap. 4, n. 2. Самъ Августинъ lid. 3, contra *Petilian litter.* cap. 25, пишетъ, что онъ, въ томъ городѣ, по обязанности преподавателя краснорѣчія, говорилъ похвальное слово въ календы январскія консулу Баутону (*Bautoni consuli calendis januariis landem pro sua tunc rhetorica professione recitasse*).

что радость и довольство нищаго не были истинны и безупречны; но мои искательства и домогательства были тѣмъ болѣе лживы и нечисты. По крайней мѣрѣ онъ радовался своему довольству, а я страдалъ отъ недовольства; онъ наслаждался спокойствіемъ, а я не выходилъ изъ тревоги. И если бы кто захотѣлъ узнать отъ меня, въ какомъ состояніи согласился бы я лучше быть, въ радости, или въ трепетѣ; то я конечно предпочелъ бы радость; и опять, если бы спросили меня, чѣмъ лучше пожелалъ бы я быть, этимъ ли нищимъ, или тѣмъ самимъ, чѣмъ былъ я въ то время; то я предпочелъ бы остаться самъ собою, не смотря на всю тревожность своего состоянія. Но справедливъ ли и основателенъ ли былъ бы такой выборъ мой? Я не имѣлъ права предпочитать себя нищему только за то, что я былъ умнѣе и ученѣе его: мой умъ и моя ученость не давали мнѣ радости; они служили мнѣ только для того, чтобы нравиться людямъ,—не для того, чтобы учить ихъ, а для того только, чтобы угождать имъ. И вотъ почему Ты жезломъ вразумленія Твоего сокрушалъ кости мои (Исал. L, 6).

Итакъ пусть не смущаютъ души моей тѣ, которые говорятъ «все дѣло въ томъ, въ чемъ кто поставляетъ свою радость и довольство. Этотъ нищій находилъ свое веселіе и довольство въ винѣ; а ты искалъ и желалъ найти его въ славѣ». Какой славѣ, Господи?—той, которая не отъ Тебя и не въ Тебѣ! И какъ веселіе нищаго не составляло истинной радости, такъ и эта слава не могла быть истинною славою; а потому и душа моя не находила въ ней для себя удовлетворенія. Только нищій для своего пьянства ограничивался ближайшею ночью, не помышляя о томъ, что будетъ дальше; а я непрестанно утопалъ въ чувственныхъ удовольствіяхъ съ своею возлюбленною (наложницею, concubina), и ночью и днемъ, и во снѣ и на яву, и мыслию и дѣломъ, желая, чтобы эти удовольствія никогда не пре-

вращались; и долго—долго онѣ продолжались! Разница между истиннымъ довольствомъ и довольствомъ мнимымъ, полагаю, также безмѣрно-велика, какъ безмѣрно-велика разность между радостью и упованіемъ отъ вѣры и радостію надежды суетной: но при всемъ томъ между нами, то есть, между упомянутымъ нищимъ и мною самимъ, въ суетныхъ стремленіяхъ нашихъ, все-таки была и въ то время разница. Онъ былъ счастливѣе меня, не только потому, что его жизнь была весела и беззаботна, тогда какъ меня, среди постоянныхъ бзпокойствъ, ничто не радовало, но и потому еще, что онъ на выпрошенные деньги пріобрѣталъ для себя вино, которое было для него источникомъ веселія, а я лестью и ложью домогался суетной славы, питая въ себѣ гордость и честолюбіе, которыя не давали мнѣ покоя. Много говорилъ я тогда съ своими друзьями на эту тему, дѣлая большею частію примѣненія къ себѣ, и находилъ себя въ худомъ положеніи; сѣтуя и скорбя, я усугублялъ только свое горе. И если счастье улыбалось иногда мнѣ, то я не охотно ловилъ его, потому-что оно улетало отъ меня прежде, нежели приходилось воспользоваться имъ.

ГЛАВА 7.

При разговорахъ объ этомъ предметѣ съ близкими друзьями мы сочувствовали другъ-другу; съ наибольшою же откровенностію разсуждалъ я объ этомъ съ Алипіемъ и Небридіемъ. Алипій происходилъ изъ того же вольнаго города, откуда и я, отъ первостепенныхъ гражданъ того города ¹⁾; лѣтами былъ онъ моложе меня. Онъ учился у меня, сперва въ нашемъ же городѣ, гдѣ я въ первый разъ сталъ учить, а потомъ въ Карфагенѣ; весьма любилъ меня за то, что я показался ему добрымъ и свѣдущимъ, и я также любилъ его.

---

1) Т. е. Тагаста, Слич. книг. II, глав. 3; IV, 4, 7.

за его прекрасныя качества, коими щедро надѣленъ онъ былъ отъ природы, и которыя раскрывались въ немъ не по лѣтамъ. Но въ пучинѣ нравовъ и обычаевъ кареагенскихъ, гдѣ господствовали суетныя зрѣлища, онъ увлекся народными играми, пристрастившись болѣе всего къ тѣмъ изъ нихъ, которыя совершались въ циркѣ ¹⁾. И когда онъ обуреваемъ былъ этою не челоувѣческою, а звѣрскою страстію, а я занимался преподаваніемъ краснорѣчія въ публичной школѣ; въ то время ему приходилось еще слушать меня, какъ учителя, и пользоваться моими наставленіями, по нѣкоторой враждѣ, бывшей между мною и его отцомъ. Узнавши о томъ, что онъ сильно пристрастился къ зрѣлищамъ, съ опасностію для себя, я очень скорбѣлъ и беспокоился, что столько

---

¹⁾ Общественныя игры (*ludi publici*) для забавы и увеселенія, въ древности, особенно въ Римѣ, по отношенію къ содержанію своему и мѣсту, гдѣ онѣ отправлялись, раздѣлялись на три главныя категоріи: *Ludi Circenses*, которыя состояли преимущественно въ ристаніи или скачкѣ на лошадахъ и колесницахъ въ циркѣ (*Circus*—ристалище, устроившееся въ видѣ круга); *Ludi Gladiatorii* (отъ *gladius* мечъ, шпага, орудіе), состоявшія въ фехтованіи и борьбѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, и доходившія до кровопролитныхъ битвъ съ людьми и животными, въ особо устроенныхъ для того амфитеатрахъ въ видѣ продолговато-овальномъ; *Ludi Scenici*, которыя ограничивались театральными представленіями, особенно комедіями и трагедіями, въ особыхъ театрахъ, устройствомъ своимъ походившихъ на амфитеатры, съ тою разницею, что въ нихъ передняя часть строенія (внутренняя) возвышалась передъ зрителями на подмосткахъ и называлась *scena*, то есть, мѣсто, на которомъ дѣйствуютъ актеры, отъ чего и самыя игры получили названіе *Scenici*. Изъ настоящей и послѣдующей главы видно, что другъ Августина, о которомъ идетъ рѣчь, пристрастился было къ зрѣлищамъ первыхъ двухъ категорій. Замѣчательно, что и самъ Августинъ, также въ Кареагенѣ, какъ выше видѣли мы, тоже страстно любилъ зрѣлища, но зрѣлища послѣдней категоріи, т. е. театральныя игры. Смот. книг. III, глав. 2.

добрыхъ надеждъ можетъ въ немъ погибнуть, если только онъ не погибли уже безвозвратно. При всемъ томъ у меня не было возможности сдержать его ни ласками дружбы, ни властію учителя. Я думалъ, что онъ за одно съ отцомъ враждуетъ противъ меня; между тѣмъ онъ вовсе не раздѣлялъ этой домашней вражды. Не обращая вниманія на мои непріятности съ его отцомъ, онъ сталъ изрѣдка посѣщать меня и мою аудиторію.

Но мнѣ какъ-то не приходилось (а болѣе я не рѣшался) завести съ нимъ рѣчь о томъ, чтобы онъ безразсуднымъ пристрастіемъ своимъ къ суетнымъ зрѣлищамъ не погубилъ въ себѣ прекрасныхъ дарованій. Ты же, Господи, Который держишь кормило правленія надъ всѣмъ созданнымъ Тобою и печешься обо всемъ, не забылъ будущаго между чадами церкви своей первосвященника и совершителя таинствъ Твоихъ, а чтобы наглядно показать, что обращеніе его зависѣло именно отъ Тебя, Ты совершилъ его хотя и чрезъ меня, но безъ моего въ томъ сознанія. Однажды, когда я сидѣлъ, по обычаю, на своемъ мѣстѣ въ аудиторіи, окруженный учениками, вдругъ является Алипій, влается, садится и со вниманіемъ слушаетъ то, о чемъ шла рѣчь, а на этотъ разъ чтеніе шло у насъ по рукописи, и по содержанію предмета мнѣ пришлось заговорить объ играхъ цирка, при чемъ я строго и безпощадно осмѣивалъ тѣхъ, которые до безумія пристращаются къ играмъ; мое поучительное наставленіе до того поразило Алипія, что онъ видимо тронуть былъ чтеніемъ и оно воздѣйствовало надъ нимъ. Ты свидѣтель, Боже нашъ, тому, что я не имѣлъ при этомъ въ виду Алипія; Тебѣ извѣстно, что я и не думалъ даже въ то время объ исцѣленіи его отъ этой страсти. Но онъ, пришедши въ себя, былъ увѣренъ, что слова мои въ этомъ чтеніи были направлены именно противъ него. И что въ другомъ поселило бы затаенное негодованіе противъ меня, то въ честномъ юношѣ

возбудило явное негодованіе на самого себя, и утвердило въ немъ еще большую любовь ко мнѣ. Давнымъ-давно уже Ты изрекъ и заключилъ въ письма свои слова: *обличай премудра, и возлюбитъ тя* (Прит. IX, 8). Но я не обличалъ его, а Ты Самъ. употребляя во благо все, и знаніе и незнаніе, путями, Тебя одному извѣстны мы (а пути Твои праведны), изъ мыслей и словъ моихъ *собралъ ему на голову горящія уголья*, чтобы ими возжечь потухавшій въ немъ духъ благой надежды (Рим. XII, 20; Прит. XXV, 22. 23), ослѣпить и воскресить его. И кто не восхвалитъ и не прославитъ Тебя, Господи, развѣ тотъ только, кто отвратитъ взоръ свой отъ безконечныхъ щедротъ милосердія Твоего, которое я исповѣдую предъ Тобою отъ всей глубины души моей. Алипій нашъ вышелъ изъ той бездны, въ которую добровольно ввергался, ослѣпляемый бѣдственнымъ и жалкимъ ¹⁾ удовольствіемъ: обуздавъ себя мужественнымъ воздержаніемъ, онъ совершенно отказался отъ грубыхъ и дикихъ удовольствій грязнаго цирка, и съ того времени болѣе не посѣщалъ его. Затѣмъ у враждовавшаго противъ меня отца его выпросилъ дозволеніе ходить на публичныя лекціи мои: отецъ согласился и дозволилъ ему посѣщать мою аудиторію. Такимъ образомъ, начавъ слушать меня, онъ впалъ вмѣстѣ со мною въ ересь манихейства, прельстившись строгостію воздержанія, которымъ манихеи тщеславились только, на самомъ же дѣлѣ вовсе не были таковы, а между тѣмъ онъ и не подозрѣвалъ этого. Воздержаніе было у нихъ не чтò иное, какъ хитрая ловушка, которою они удвляли прекрасныя, но простыя и неопытныя души, не способныя еще вознестись до высоты истинной добродѣтели, а между

---

¹⁾Qua (foveà) libenter demergebatur et cum miserabili voluptate saecabatur; въ нѣкоторыхъ манускриптахъ: cum mira voluptate saecabatur непонятнымъ удовольствіемъ ослѣплялся.

тѣмъ способныя увлечься наружною благоведностію обманчиваго притворства.

ГЛАВА 8.

Между тѣмъ Алипій, не оставляя путешествія по чужимъ краямъ, восхваляемаго ему родителями, еще прежде меня отправился въ Римъ для изученія юриспруденціи, но тамъ же, при неимовѣрной страсти жителей къ гладиаторскимъ играмъ, и самъ увлекся ими въ неимовѣрной степени. Сперва онъ питалъ отвращеніе отъ этихъ зрѣлищъ; но слѣдующее происшествіе произвело въ немъ странный переворотъ. Однажды случилось ему встрѣтиться съ друзьями и товарищами, возвращавшимися съ обѣда, которые, не смотря на его сопротивленіе, употребивъ дружеское насиліе, потащили его въ амфитеатръ, гдѣ совершались, среди бѣлаго дня, самыя жестогія, убійственные, кровавыя представленія. «Тѣло мое, говоритъ Алипій, вы можете дотащить до амфитеатра и усадить тамъ; но неужели думаете вы, что тоже можете сдѣлать и съ душою моею и съ глазами моими, направивъ вниманіе мое и взоръ мой на это зрѣлище? Я буду тамъ тѣломъ, но душою и чувствами не буду, и такимъ образомъ одержу побѣду и надъ вами и надъ вашими зрѣлищами». Выслушавъ эти слова, товарищи все-таки притащили его съ собою, какъ-бы желая испытать, дѣйствительно ли онъ будетъ вѣренъ своимъ словамъ. Когда они вошли въ амфитеатръ, и заняли мѣста, какія пришлось; то все уже кипѣло самыми страшными и звѣрскими увеселеніями. Алипій, закрывши глаза, рѣшился въ душѣ не принимать никакого участія въ этихъ безчеловѣчныхъ забавахъ; о, если бы онъ заградилъ и самый слухъ! Вдругъ раздался ударъ и поднявшійся со всѣхъ сторонъ между зрителями крикъ достигъ и до его слуха. Увлеченный любопытствомъ, не смотря на свою рѣшимость—не принимать участія ни въ чемъ, что

бы тамъ ни происходило, Алипій открылъ глаза Въ эту минуту, увлекшись страшнымъ зрѣлищемъ, онъ былъ пораженъ въ душѣ тяжелѣе, нежели получившій рану борець, на котораго ему захотѣлось взглянуть, и въ паденіи своемъ онъ достойнѣе былъ сожалѣнія, нежели тотъ несчастный, который лежалъ предъ зрителями и возбудилъ собою неистовый крикъ, достигшій и до души Алипія чрезъ слухъ и заставившій его открыть глаза. Такъ пораженъ и низверженъ былъ Алипій, явившій въ себѣ при этомъ не столько благоразумнаго мужества, сколько безразсудной отваги, и тѣмъ болѣе выказавшій свою слабость, чѣмъ болѣе полагался на себя, тогда какъ ему надлежало всю надежду возложить на Тебя. Какъ только онъ увидалъ кровь человѣческую, то и самъ сдѣлался кровожаднымъ: онъ не отвратилъ уже взора своего отъ ужаснаго зрѣлица, но вперилъ его неподвижно; онъ бессознательно упивался этимъ бѣшенствомъ, услаждался яростію борцовъ; приходилъ въ опьяненіе отъ кровавыхъ удовольствій. Очъ сталъ непохожъ на себя, не похожъ на того, какимъ пришелъ сюда; онъ смѣшался съ толпою, въ которую попалъ, сдѣлавшись однимъ изъ множества зрителей и достойнымъ сообщникомъ тѣхъ, которые завлекли его туда. Да что говорить много? Смотрѣлъ на равнѣ съ другими зрителями, рукоплескалъ, кричалъ, выходилъ изъ себя, и—вынесъ оттуда съ собою затаенное колющее жало, которое непрестанно мучило и гнало его туда же, не только вмѣстѣ съ тѣми, которые въ первый разъ завлекли его, но даже во главѣ ихъ, увлекаая съ собою и другихъ. Не смотря на то, Ты исторгъ его и оттуда своею всесилою и всеблагою десницею, вразумивъ его, что непрочно надежда наша на самихъ себя, и что все упованіе свое мы должны возлагать на Тебя. Это послѣдовало не скоро, между тѣмъ воспоминаніе объ этомъ событіи слагалось въ его душѣ, какъ залогъ предстоявшаго уврачеванія.

ГЛАВА 9.

Такое же значеніе имѣло для него еще слѣдующее событіе. Въ то время, какъ онъ еще слушалъ меня въ Кароагенѣ, и однажды среди дня на большой площади обдумывалъ то, что подлежало ему произносить, какъ это обыкновенно дѣлаютъ школьники; то, по допущенію Твоему, его схватили, какъ вора, уличные сторожа. Думаю, что Ты, Господи Боже нашъ, допустилъ случиться этому потому, что Тебѣ угодно было заранѣе дать урокъ сему мужу, имѣвшему въ послѣдствіи зянуть въ церковной іерархіи немало-важное мѣсто ¹⁾, въ томъ, какъ трудно человѣку судить человѣка, и какъ легко при разслѣдованіи причинъ, поддаться безразсудному легковѣрію. Дѣло было такъ: Алипій нашъ прохаживался одинъ предъ трибуналомъ (судебнымъ мѣстомъ) съ своими *дощечками* и *стилемъ* ²⁾, какъ въ то самое время другой молодой человѣкъ, изъ числа школьниковъ, дѣйствительный воръ, подошелъ къ свинцовой рѣшеткѣ, выдававшейся на улицу предъ банкирскимъ домомъ, и сталъ тесать свинецъ топоромъ, который принесъ онъ съ собою подъ полой. Алипій ничего этого не замѣтилъ. Когда же

---

¹⁾ Алипій былъ въ послѣдствіи епископомъ на родинѣ Августина, т. е. въ г. Тагастѣ, и даже ранѣе Августина рукоположенъ въ этотъ санъ, самъ же Августинъ долго уклонялся отъ рукоположенія въ епископы. См. Жизнь и творенія блаженнаго Августина, Кіевъ. 1855 г. стр. 21.

²⁾ Cum tabulis ac stylo: извѣстно, что въ тогдашнія времена употреблялись для письма *tabula*—навощенные дощечки, на которыхъ писали, и *stylus*—родъ грифеля, которымъ писали; у послѣдняго нижній конецъ былъ остръ, имъ-то и писали, а верхній широковатый и плоскій, употреблялся въ томъ случаѣ, когда, при поправкѣ, нужно было затирать написанное и на томъ же мѣстѣ вновь писать.

бывшіе за рѣшеткою банкирскіе прикащики услышали стукъ топора, то засуетились и выслали нарочитыхъ на улицу, чтобы схватить вора, если имъ попадется. Но воръ, замѣтивъ это, убѣжалъ, бросивъ топоръ на мѣстѣ, изъ опасенія, чтобы съ нимъ незадержали его. Алипій же, не видя, какъ воръ зашелъ сюда, примѣтилъ только, что онъ уходитъ отсюда и притомъ съ поспѣшностію. Любопытство подстрекнуло его узнать тому причину, и онъ взошелъ на террасу передъ самую рѣшетку; но увидѣвши здѣсь топоръ, поднялъ его и сталъ размышлять, самъ недоумѣвая, чтѣ бы это значило. Въ то время подоспѣли на мѣсто и посланные. Заставъ Алипія одного съ топоромъ въ рукахъ, на стукъ котораго были вызваны, они тотчасъ схватили его и потащили. Сторожа, весь дворъ, всѣ бывшіе на площади сбѣжались и окружили его; всѣ радовались и гордились тѣмъ, что поймали вора на мѣстѣ преступленія, и—уже вели его, чтобы предать въ руки правосудія.

Но тѣмъ и кончилось его искушеніе. Ибо въ это время Ты, Господи, одинъ бывший свидѣтелемъ его невинности, поспѣшилъ къ нему на помощь. Когда вели его, чтобы отдать подъ стражу, а можетъ быть и на казнь; то встрѣтился городской архитекторъ, непосредственно наблюдавшій за публичными зданіями. Ведшіе Алипія обрадовались этой встрѣчѣ, потому, что архитекторъ естественно могъ заподозрить его въ покражѣ и тѣхъ вещей, которыя прежде пропадали съ площади, и такимъ образомъ попасть на слѣдъ воровства. Но архитекторъ часто видалъ Алипія въ домѣ одного сенатора, куда былъ вхожъ. Узнавши тотчасъ Алипія, онъ подошелъ къ нему, взялъ его за руку, и высвободивъ изъ толпы, спросилъ о причинѣ такого страннаго случая. Выслушавъ, въ чемъ дѣло, онъ обратился къ поднявшей тревогу толпѣ и велѣлъ слѣдовать за собою. Между тѣмъ они проходили около дома того молодаго человѣка,

который былъ дѣйствительнымъ воромъ. На то время стоялъ у воротъ мальчикъ, который былъ вмѣстѣ съ своимъ господиномъ на площади и былъ еще такъ малъ, что легко могъ открыть все дѣло, нисколько не опасаясь дурныхъ отъ того послѣдствій для своего господина. Алипій тотчасъ узналъ его и сообщилъ потихоньку архитектору, который, подойдя къ мальчику и показавъ ему топоръ, спросилъ его: «не знаешь ли ты, чей это топоръ»? Мальчикъ, увидавъ топоръ, нисколько не медля, отвѣтилъ: «это нашъ топоръ»! Затѣмъ при дальнѣйшихъ распрасахъ открылъ все остальное. Такимъ образомъ вина преступленія пала на этотъ домъ; вся толпа, торжествовавшая уже надъ несчастнымъ приключеніемъ Алипія, была смущена, пристыжена, посрамлена; а этотъ человекъ, будущій истолкователь благодатнаго слова Твоего и судія по многимъ дѣламъ церкви Твоей, вышелъ послѣ этого приключенія съ бѣльшимъ запасомъ мудрости и опытности.

ГЛАВА 10.

Алипія я засталъ уже въ Римѣ, гдѣ онъ привязался ко мнѣ еще съ бѣльшею любовью и отправился даже вмѣстѣ со мною въ Медиоланъ, частію не желая разставаться со мною, а частію надѣясь тамъ воспользоваться плодами отъ приобрѣтенныхъ имъ познаній въ законовѣденіи, которое онъ изучалъ въ Римѣ, слѣдуя болѣе волѣ родителей, нежели собственной наклонности. Онъ три раза уже занималъ общественныя должности, удивляя своимъ безкорыстіемъ сослуживцевъ своихъ, предпочитавшихъ золото и серебро честности, а еще болѣе самъ удивляясь возможности такого предпочтенія. Его честность подвергалась испытанію не только приманками, но и страхомъ. Въ Римѣ занималъ онъ должность товарища при главномъ казначеѣ, имѣвшемъ наблюденіе надъ сборомъ доходовъ со всей Италіи. Въ то время былъ

одинъ могущественный сенаторъ, имѣвшій страшное вліяніе на многихъ,—на однихъ благодѣянiями, а на другихъ страхомъ. По привычкѣ, чтобы все предъ нимъ преклонялось, онъ захотѣлъ дозволить себѣ одно дѣло, какое именно, не помню, только такое, которое не дозволялось по законамъ. Алипій воспротивился тому. Ему предложены были сперва подарки, но онъ отвергнулъ ихъ съ презрѣніемъ; потомъ стали дѣлать угрозы, но онъ и надъ ними посмѣялся. Всѣ дивились необыкновенному явленію столь твердой и великой души, которая не желала дружбы и не устрашилась вражды такого человѣка, который имѣлъ въ рукахъ безчисленные средства благодѣтельствовать друзьямъ и вредить врагамъ. Самъ главный казначей, у коего Алипій былъ помощникомъ, хотя и не сочувствовалъ притязаніямъ сенатора, но и не осмѣливался открыто противиться имъ, и всю вину слагалъ на Алипія, говоря, что онъ одинъ рѣшительно говорить противъ воли сенатора, хотя бы со стороны казначейства и послѣдовало согласіе. Обстоятельство это побуждало Алипія перемѣнить родъ службы и заняться составленіемъ уложенія законовъ, съ жалованьемъ за труды отъ казны. Но посовѣтовавшись съ опытными юристами, онъ разсудилъ остаться при томъ же родѣ занятій, будучи убѣжденъ, что правосудіе, которое обуздываетъ неправды, благопотребнѣе могущественной власти, которая допускаетъ ихъ. Конечно, это маловажно; но кто вѣренъ въ маломъ, тотъ и во многомъ вѣренъ, а не вѣрный въ маломъ и во многомъ не вѣренъ. И слова, вышедшія изъ устъ истины Твоей никогда не останутся тщетны: *если вы въ неправедномъ богатствѣ не были вѣрны; то кто повѣритъ вамъ истинное? и если въ чужемъ не были вѣрны; кто дастъ вамъ ваше?* (Лук. XVI, 10—12). Таковъ былъ въ то время мой Алипій, который такъ горячо любилъ меня, и также, какъ и я, былъ въ нерѣшимости, какой намъ лучше избрать образъ жизни.

Что касается до Небридія, то и онъ, оставивши свое отечество, смежное съ Карфагеномъ, и самый Карфагенъ, въ которомъ очень часто проживаль, оставивъ значительное имѣніе отцовское, состоявшее въ поляхъ и деревенскомъ хозяйствѣ, оставивши родной домъ и мать свою, которая не послѣдовала за нимъ ¹⁾, прибылъ въ Медиоланъ, по тому единственно побужденію, чтобы вмѣстѣ со мною жить и стремиться съ пламеннымъ рвеніемъ къ достиженію истины и мудрости. И онъ, ища блаженной жизни, но не находя ее, подобно мнѣ воздыхаль въ душѣ своей; и онъ же, ломая голову надъ трудными вопросами, но не удовлетворяясь рѣшеніемъ ихъ, колебался въ мысляхъ и недоумѣваль, также какъ и я. Мы были три страдальца, равно злополучные, вмѣстѣ оплакивавшіе свое горе, въ ожиданіи, что Ты, Боже нашъ, ниспослешь алчущимъ и жаждущимъ пищу и питіе во время благопріятное ²⁾. И когда мы въ этихъ горестяхъ, коими милосердіе Твое отрезвляло и вразумляло насъ среди суетныхъ крушеній мірскихъ, углублялись въ конечныя причины своихъ страданій, то насъ ничто не утѣшало, и все будущее закрывалось отъ насъ мракомъ неизвѣстности. Мы отвращались отъ этого и при вздохахъ и стenanіяхъ возвышали голосъ: доколѣ это будетъ продолжаться? И, увы! мы часто повторяли эти слова; но, повторяя ихъ, не измѣняла своего образа жизни: намъ ничего не представлялось вѣрнаго, за что бы мы могли ухватиться, оставивъ то, чѣмъ уже руководились.

---

¹⁾ Здѣсь можно видѣть намекъ Августина на безпримѣрную любовь Моники, матери его, которая повсюду слѣдовала за нимъ, не оставляя его безъ своего материнскаго руководства.

²⁾ Блаж. Августинъ разумѣеть здѣсь самого себя, Алипія и Небридія.

ГЛАВА II.

Я находился въ болѣзненномъ недоумѣніи, проходя мыслію прошедшее, съ девятнадцатаго года жизни моей, — съ той поры, когда я почувствовалъ въ себѣ горячую любовь къ мудрости, предположивъ, по достиженіи ея, отказаться отъ всѣхъ тщетныхъ надеждъ суетныхъ удовольствій и обманчивыхъ сумазбродствъ! И вотъ тридцатый уже годъ жилъ я на свѣтѣ, а все-таки оставался въ томъ же безвыходномъ положеніи, стремясь къ наслажденіямъ гибнущими предметами, которые каждый разъ убѣгали отъ меня, унося съ собою и какъ-бы разрывая по частямъ и меня самого, разрушали, а не созидали счастье мое, между тѣмъ какъ я все твердилъ себѣ: «завтра найду то благо, котораго ищу. Вотъ истина, достигаемая мудростію, откроется для меня во всей очевидности, и будетъ достояніемъ моимъ навсегда. Вотъ—вотъ явится Фавстъ, и всѣ мои сомнѣнія, всѣ недоумѣнія—прочъ; все станетъ для меня ясно». И затѣмъ: «о великіе мужи академики! неужели нельзя найти вѣрнаго руководства въ образѣ жизни? Не думаю. Поищемъ только поприлежнѣе, удаливъ отъ себя всякое уныніе и отчаяніе. Вотъ и то, что прежде казалось мнѣ нелѣпостію въ священныя книги, теперь не представляетъ уже для меня никакой несообразности; подобныя мѣста въ св. книгахъ можно понимать, не оскорбляя общаго смысла и притомъ благочестно. Итакъ останавлиюсь и твердо буду стоять на томъ пути, на которомъ родители мои утвердили мои стопы еще въ дѣтствѣ моемъ, доколѣ не отыщу и не осяжу очевидной истины. Но гдѣ мнѣ искать ее? и когда искать? У Амвросія нѣтъ досужнаго времени, чтобъ выслушивать меня; а у меня недостаетъ времени на то, чтобы заняться чтеніемъ. Да и гдѣ найти самыя книги? откуда и какъ приобрести ихъ? кто пособить намъ въ этомъ? Распорядимся же, какъ должно, временемъ, соблюдемъ нѣкоторые часы для спасенія ду-

ши. И лучъ надежды озарилъ уже насъ. Вѣра каеволическая не учитъ тому, что мы приписывали ей и въ чемъ обвиняли ее по своему сумазбродному невѣжеству; учителя ея считаютъ нечестіемъ допускать замкнутость Божества во образѣ тѣла человѣческаго: и мы колеблемся еще, медлимъ, не рѣшаемся постучаться, чтобы намъ отворили дверь, а съ тѣмъ открылось и уяснилось все прочее! *Толкуте*, сказано, и *отверзется вамъ* (Матѣ. VII, 7). Конечно, до полудня мыдолжны заниматься съ учениками: но что же дѣлаемъ мы въ остальные часы? почему не посвящаемъ ихъ на это столь важное дѣло? Достаетъ же у насъ времени для свиданія съ друзьями и пріятелями, для посѣщенія лицъ вышнихъ, въ покровительствѣ коихъ имѣемъ надобность; находимъ возможность готовить за плату разныя записки для учениковъ; не отказываемся давать себѣ отдыхъ и для возстановленія силъ и тѣлесныхъ и душевныхъ отъ усиленнаго напряженія!

О, умѣримъ же все это, ограничимъ себя въ этихъ суетныхъ требованіяхъ, если уже безъ нихъ нельзя обойтись; употребимъ сколько возможно болѣе старанія и силъ къ изысканію истины, предадимся ей всецѣло для достиженія ея. Жизнь эта бѣдственна; время смерти неизвѣстно. Что, если она постигнетъ насъ внезапно: въ какомъ состояніи отойдемъ мы отсюда? и гдѣ вознаградимъ то, что опустимъ здѣсь по нерадѣнію? не скорѣе ли подвергнемся праведному наказанію за свое нерадѣніе? Или быть можетъ смерть вмѣстѣ съ сознаніемъ пресѣчетъ и всѣ заботы? Вотъ о чемъ нужно призадуматься, но да не будетъ съ нами этого (т. е. или уничтоженія по смерти, или печальнаго посмертнаго раскаянія)! Быть не можетъ, чтобы вѣра христіанская съ такимъ авторитетомъ распространилась по всему міру, если бы она не была истинна. Быть не можетъ, чтобы столько дивныхъ дѣлъ совершалось свыше, независимо отъ насъ, но

ради насъ, если бы съ смертію тѣла прекращалась и жизнь души. Итакъ что же медлимъ оставить суетныя надежды на этотъ міръ и предаться совершенно тому, чтобы искать Бога и жизни блаженной? Но не спѣши. И блага міра сего также имѣютъ свою пріятность; онѣ тоже доставляютъ не мало наслажденій: разстаться съ ними не такъ легко; а возвращаться къ нимъ опять — и стыдно и безчестно. И вотъ много ли стѣдуетъ обождать, чтобы получить почетное и значительное мѣсто? и чего больше тогда желать? У насъ есть много вліятельныхъ и сильныхъ друзей для того, чтобы доставить намъ (и я постараюсь объ этомъ) даже и начальническое мѣсто по службѣ; а затѣмъ выберу себѣ и жену съ богатымъ приданымъ, чтобы не было затрудненія въ содержаніи нашемъ; и тѣмъ ограничатся желанія мои. Многіе великіе мужи, вполне заслуживающіе подражанія, не находили же пріятствія въ супружествѣ для ученыхъ занятій и любви къ мудрости».

Между тѣмъ какъ я размышлялъ самъ съ собою такимъ образомъ и разныя думы толпились въ душѣ моей, волнуя и бросая ее бѣдную попеременно въ разныя стороны, время незамѣтно проходило, а я все медлилъ съ своимъ обращеніемъ къ Тебѣ, Господи, и со дня на день отлагалъ жить въ Тебѣ, не переставая каждодневно умирать въ самомъ себѣ. Стремясь къ блаженной жизни, я съ робостію и нерѣшительностію подступалъ къ ея мѣстопребыванію: ища ее, я въ тоже время и убѣгалъ отъ нея. Для меня представлялось слишкомъ большимъ несчастіемъ — остаться безъ ласкъ и нѣжностей женскихъ. Я и не помышлялъ о томъ, что благодать Твоего милосердія можетъ подать врачество къ исцѣленію этой слабости. У меня не было еще подобныхъ опытовъ, и я думалъ, что воздержаніе зависитъ отъ нашихъ собственныхъ силъ, о воихъ не имѣлъ тогда надлежащаго понятія. Моя безразсудность до того простиралась, что я не

чюзналь словъ писанія: *яко не инако одержу, аще не Богъ дастъ* (Прем. VIII, 21). И Ты непременно даровалъ бы мнѣ это воздержаніе, Господи, если бы стоны и воздыханія моего сердца не переставали восходить и доходить до Твоего слуха, и если бы я во всёхъ своихъ заботахъ съ твердою вѣрою положился на Тебя.

ГЛАВА 12.

Въ это время Алипій мой употреблялъ съ своей стороны всё усилія, чтобы отклонить меня отъ вступленія въ супружескія связи, ссылаясь болѣе всего на то, что если я рѣшусь на это, то намъ никоимъ образомъ нельзя будетъ жить вмѣстѣ такъ спокойно и беззаботно, какъ мы давно уже желаемъ того, чтобы согласно съ своими мечтами всецѣло предаться любомудрію. Алипій велъ жизнь тогда самую цѣломудренную, такъ—что мы удивлялись ему, зная, что въ первые годы юности онъ началъ было предаваться чувственнымъ удовольствіямъ; но вскорѣ съ раскаяніемъ отказался отъ нихъ. Съ своей стороны я представлялъ ему примѣры великихъ мужей, которые и въ супружескомъ состояніи были ревнителями мудрости, читателями Бога и въ дружествѣ хранили вѣрность и взаимную любовь. Но я далеко былъ отъ нихъ: будучи обложенъ немощами плоти и поработенъ грѣховнымъ удовольствіямъ, я влачилъ наложенныя на меня оковы и свылся съ ними до того, что боялся уже освобожденія отъ нихъ, боялся даже послабленія ихъ; я отвергалъ благіе совѣты друга, коиими онъ какъ-бы растревлялъ раны мои; я уподоблялся тому узнику, который, привыши къ своему заключенію, отвергаетъ руку, изводящую его изъ темницы. Мало того; я даже служилъ орудіемъ древняго змія-искусителя для оболъщенія самаго Алипія;—этотъ исконный врагъ чрезъ меня и мои внушенія соплеталъ и разставлялъ ему по пути хитрыя сѣти, чтобы завлечь и его.

Тако, когда другъ мой Алипій, питая ко мнѣ не малое уваженіе за мой умъ и мои познанія, выразилъ однажды въ дружеской бесѣдѣ со иною крайнее недоумѣніе, отъ чего я такъ пристрастился къ плотскимъ удовольствіямъ, что, не смотря на все наши споры, положительно не соглашался вести жизнь безбрачную; то, видя его недоумѣніе и въ тоже время оправдывая предъ нимъ себя, я сталъ высказывать ему, какъ велико различіе между удовольствіями мимолетными и скрытными, которыя онъ испыталъ которыя имъ давнымъ-давно забыты и прошли для него безслѣдно. и наслажденіями моими, съ которыми я, такъ сказать, сдружился. Я прибавилъ, что если бы эти интимныя связи мои скрѣпились честнымъ и законнымъ именемъ брака, тогда бы онъ не имѣлъ даже права удивляться, отчего я не могъ отказаться отъ этой очаровательной жизни. Тогда и самъ Алипій началъ выражать свою расположенность къ супружеству, впрочемъ не по влеченію къ чувственнымъ удовольствіямъ, а по желанію испытать то, чего еще не испытывалъ. Онъ при этомъ говорилъ мнѣ что хочетъ узнать, въ чемъ это состоятъ тѣ наслажденія, безъ которыхъ жизнь его (а онъ доволенъ былъ своею безбрачною жизнію и высоко цѣнилъ ее) представлялась другимъ не жизнію, а наказаніемъ. Такимъ образомъ, будучи самъ свободенъ отъ порабощенія, онъ удивлялся моему рабству, а удивляясь ему, захотѣлъ провѣрить его собственнымъ опытомъ, не подозрѣвая того, что чрезъ испытаніе можетъ и самъ подвергнуться тому же, чему изумлялся во мнѣ. Это значило тоже, что *творить завѣтъ* (вступать въ договоръ) *съ адомъ, и съ смертію сложеніе* (Иса XXVIII, 15); а *любяи бѣдство* (опасность), *впадетъ въ не* (Сир. III, 25). Между тѣмъ ни Алипій, ни я,—никто изъ насъ не преслѣдовалъ надлежащимъ образомъ той прекрасной цѣли въ супружеской жизни, которая существенно состоитъ въ чадородіи, воспитаніи дѣтей и домостроительствѣ, а смотрѣли на это слегка и какъ-бы поверхностно: я,

какъ порабощенный уже, большею частію, предавался прельщеніямъ плотскихъ удовольствій, которыя только терзали мою душу, но не насыщали ее; а его увлекало въ тоже рабство непонятное удивленіе моему порабощенію: оба мы далеки были отъ истинной цѣли супружества. Въ такомъ состояніи находились мы до тѣхъ поръ, пока Ты, Великій Боже, никогда не оставляющій своего созданія, сжалился наконецъ надъ бѣдностію и подаль намъ руку помощи чудными и непостижимыми путями.

ГЛАВА 13.

Въ это время стали настоятельно хлопотать о томъ, чтобы я женился. И я сдѣлалъ уже было предложеніе невѣстѣ, и она дала мнѣ на то свое согласіе. Объ этомъ болѣе всего хлопотала мать моя, надѣясь, что супружеское состояніе скорѣе расположитъ меня къ пріятію спасительнаго крещенія, приближеніе котораго со дня на день она съ радостію предусматривала, будучи увѣрена, что желанія ея и твои обѣщанія вполнѣ оправдаются на мнѣ. Когда же она и сама по себѣ и по моему предложенію ежедневно стала обращаться къ Тебѣ съ племенною молитвою, прося, отъ всей души, чтобы Ты открылъ ей въ видѣніи что нибудь о предполагаемомъ супружествѣ моемъ; то Ты не соблагволилъ ни разу выразить ей ясною на то воли Своей. Ей представлялись только суетные образы мечтаній, къ чему располагало ее напряженное состояніе духа и мыслей объ этомъ предметѣ, и она рассказывала мнѣ о снахъ своихъ не съ такимъ довѣріемъ къ нимъ, какъ о тѣхъ видѣніяхъ, въ которыхъ Ты ясно высказывалъ ей Свою волю, но какъ о смутныхъ и беспорядочныхъ представленіяхъ, которыя не могли обратить на себя ея вниманія и на которыя она не полагалась. Она говорила, что сознаетъ по какому-то внутреннему чутью, котораго не въ состояніи объяснить, разли-

че между Твоими откровеніями и обыкновенными сновидѣніями своего воображенія. Не смотря однакожь на то, мы не переставали хлопотать о моей женитьбѣ. Но такъ-какъ невѣста моя была до того молода, что ей не доставало около чвухъ лѣтъ до законнаго времени для вступленія въ супружество, а между тѣмъ она нравилась намъ; то мы рѣшились обождать и отложили женитьбу до того времени, пока не выйдутъ ей законныя на то лѣта.

ГЛАВА 14.

Послѣ этого обстоятельства, разсуждая съ друзьями своими (коихъ у меня было довольно) о трудностяхъ и тягостяхъ человѣческой жизни, помышляя о лучшемъ образѣ ея и желая осуществить его, мы почти уже рѣшились было удалиться отъ шумныхъ и тревожныхъ условій жизни общественной и жить на досугѣ беззаботно. Для этого мы предположили составить между собою общегитіе, такъ чтобы ни у кого не было отдѣльной собственности, а все было общее словно въ одномъ домѣ и въ одной семьѣ. И намъ казалось, что для составленія такого общества достаточно десяти человѣкъ, только бы въ этомъ числѣ находились люди зажиточные, въ особенности же соотечественникъ нашъ Романіанъ¹⁾, который съ самаго дѣтства моего питалъ ко мнѣ необыкновенную любовь и благорасположенность и въ тоже время

---

¹⁾ Этотъ именитый гражданинъ города Тагаста, соотечественникъ Августина, обладавшій огромнымъ богатствомъ и прекрасными качествами души, былъ постояннымъ благодѣтелемъ его, особенно послѣ смерти отца Августинова. Романіанъ поддерживалъ Августина, какъ молодаго человѣка съ великими дарованіями, но оставшагося безъ матеріальныхъ средствъ, въ коихъ и при жизни отца, малосостоятельнаго, а тѣмъ болѣе въ сиротствѣ своемъ, онъ нуждался и требовалъ посторонней помощи. См. твореніе Августина *contra Academicos v. de Academicis. Lib. II, cap. 2.*

по своимъ важнымъ дѣламъ имѣлъ доступъ ко двору царскому наравнѣ съ придворными. Этотъ мужъ принималъ живое участіе въ нашемъ дѣлѣ и много содѣйствовалъ ему своимъ авторитетомъ и богатствомъ. Мы согласились ежегодно избирать изъ среды насъ же по два домоправителя въ родѣ экономовъ, которые бы управляли всѣми дѣлами хозяйства, такъ чтобы всѣ прочіе оставались свободны отъ этихъ заботъ, распоряжаясь спокойно своимъ временемъ по своимъ дѣламъ. Но когда дѣло дошло у насъ до того, согласны ли будутъ на это наши жены, коихъ многіе изъ насъ уже имѣли, а я готовился имѣть; то всѣ эти предположенія наши, какъ ни казались намъ прекрасными и благодѣтельными, рушились и въ конецъ отвергнуты. Тогда мы снова обратились ко вздохамъ и опять стали ходить по путямъ вѣка широкимъ и избитымъ; такъ-какъ *многи мысли въ сердцѣ мужа: совѣтъ же Господень въ вѣкъ пребываетъ* (Прит. XIX, 21; Псал. XXXII, 10. 11). И въ этомъ то совѣтѣ Твоемъ разрушались наши предначертанія, и Ты готовилъ намъ свои, *давая пищу во благовременіи отверзая руку Твою и насыщая все живущее, по желанію* (Псал. CXLI^v, 15. 16).

ГЛАВА 15.

Между тѣмъ грѣхи мои умножались. По удаленіи наложницы моей, какъ главнаго препятствія къ предстоявшему супружеству, сердцу моему, свыкшемуся уже съ нею и пристрадившемуся къ преступной любви, нанесена была самая тяжелая и чувствительная рана. Моя наложница возвратилась въ Африку, оставивъ мнѣ сына, незаконно прижитаго съ нею, и тутъ же дала мнѣ обѣтъ предъ Тобою Господи, что она другаго мужа не познаетъ. А я, несчастный, не имѣлъ воли и мужества послѣдовать примѣру даже слабой женщины. Не имѣя терпѣнія дожидаться въ про-

долженіи двухъ лѣтъ имѣвшейся уже въ виду и можно сказать помолвленной невѣсты, будущей законной жены своей, и будучи не столько чителемъ супружества, сколько рабомъ плотскаго сладострастія, я вскорѣ промыслилъ себѣ другую, конечно, не въ качествѣ жены, а въ качествѣ наложницы, по прежнему, съ тѣмъ чтобы продолжать прежній недугъ души моей. Пагубная рана моя, причиненная мнѣ разрывомъ съ прежнею подругою, не исцѣлялась, но разстраивалась; послѣ сильной и жгучей боли рана эта истлѣвала и загнивалась, по видимому казалась слабѣе, а въ существѣ своемъ была для меня опаснѣе и безнадежнѣе.

ГЛАВА 16.

Тебѣ хвала, Тебѣ слава, Господи, источникъ всякаго милосердія Чѣмъ бѣдственнѣе становилось состояніе мое, тѣмъ ближе и ближе давалъ Ты мнѣ чувствовать присутствіе Свое. Ты простиралъ каждый разъ ко мнѣ десницу Свою, чтобы извести меня изъ бездны грѣховной и омыть отъ нечистотъ ея; но я все еще не постигалъ того. Ничто не останавливало меня на широкомъ пути плотскихъ удовольствій, ведущихъ прямо во глубину золь, ничто не отклоняло меня отъ нихъ и не избавляло отъ ихъ гибельныхъ послѣдствій: только страхъ смерти и будущаго суда Твоего, только одинъ этотъ страхъ служилъ для меня нѣкоторымъ обузданіемъ; ибо страхъ этотъ, не смотря на различныя о томъ мнѣнія, никогда не оставлялъ меня. И когда я разсуждалъ съ друзьями своими Алипіемъ и Небридіемъ о конечныхъ причинахъ добра и зла; то высказывался предъ ними, что Эпикуръ, по моему мнѣнію, былъ бы правъ на этотъ разъ въ своихъ сужденіяхъ, и я не могъ бы не согласиться съ нимъ, если бы не былъ увѣренъ, что душа не умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, что она и по смерти сохраняетъ жизнь, и притомъ такъ, что въ будущемъ вѣкѣ продолжа-

еть жить сообразно съ своими заслугами въ настоящемъ, чего Эпикуръ не допускалъ. И въ самомъ дѣлѣ, говорилъ я друзьямъ, что если бы мы были здѣсь безсмертны и въ жизни своей ничего не испытывали, кромѣ чувственныхъ удовольствій, безъ всякаго опасенія лишиться ихъ когда-нибудь; неужели не были бы мы блаженны? и чего бы намъ недоставало тогда для нашего блаженства? Но я не постигалъ, что въ этомъ то и заключалось все мое несчастіе, что я, слишкомъ предавшись чувственнымъ удовольствіямъ, не способенъ уже былъ къ чистымъ и непорочнымъ наслажденіямъ и къ воспріятію той истины, правды и красоты пренебесной, которыя доступны только для созерцанія и чувства духовнаго, но не плотскаго. И я, въ своемъ безуміи и къ своему горю, не разбиралъ, откуда протекаетъ та сладость, которую доставляли мнѣ бесѣды съ друзьями о прѣметахъ самыхъ постыдныхъ; я никакъ не могъ вообразить себѣ, какъ можно быть счастливымъ безъ этихъ друзей, безъ пылкости чувственныхъ пожеланій, безъ пресыщенія плотскими удовольствіями. И я любилъ друзей своихъ безкорыстно и взаимно былъ любимъ ими, и всему этому преданъ былъ всею душою. О пагубные и гибельные пути наши! Горе той душѣ, которая дерзаетъ помышлять и ласкаетъ себя надеждою, что удалившись отъ Тебя, Боже мой, она найдетъ что-нибудь лучшее Тебя! Тщетно бросается она во все стороны, тщетно блуждаетъ по всемъ распутіямъ; нигдѣ не находитъ она желаемого, повсюду встрѣчая одни томленія и огорченія. Въ Тебѣ одномъ, Боже нашъ, все успокоеніе наше. И вотъ Ты являешься къ намъ на помощь, выводишь насъ изъ этихъ распутій, по которымъ мы блуждаемъ, наводишь насъ на Свой путь правый, утѣпаешь и ободряешь насъ, взывая къ намъ: не унывайте! впередъ! Я васъ вынесу на плечахъ!

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Блаж. Августинъ описываетъ въ этой книгѣ тридцать первый годъ своей жизни—начало своей возмужалости: по его словамъ, досель его облегла страшная тьма невѣдѣнія; заблужденія о естествѣ божественномъ и о происхожденіи зла все еще продолжались, не смотря на напряженные усилія ума его освободиться отъ нихъ; наконецъ онъ достигаетъ правильнаго понятія о Богѣ, но все еще не можетъ правильно мудрствовать о Господѣ Иисусѣ Христѣ.

ГЛАВА I.

Уже окончилась моя юность злополучная и бѣдственная, и я вступалъ въ возмужалый возрастъ (*ibam in juventutem*)¹⁾, но съ возрастомъ лѣтъ я какъ будто возрасталъ и въ суетныхъ заблужденіяхъ. Хотя не могъ я никакого существа (*substantia*) представлять себѣ иначе, какъ подъ формою чувственного воззрѣнія; но Тебя, Боже мой, я не представлялъ

---

¹⁾ Исповѣдь свою блаж. Августинъ естественно излагаетъ по возрастамъ: въ I книгѣ описываетъ младенчество и дѣтство (*infantiam et pueritiam*), и оба эти возраста ограничиваетъ первыми пятнадцатью годами жизни; во II—IV включительно рассматриваетъ юношескій возрастъ (*adolescenciam*), съ шестнадцатаго по тридцатый годъ жизни; въ слѣдующей за тѣмъ, т. е. настоящей VII книгѣ, приступаетъ къ послѣдующему за юношескимъ возрасту, называя его словомъ *juventus*, и этотъ возрастъ возмужалости, (который у другихъ писателей именуется *aetas virilis*), начинается у него съ тридцать первого года, но на какомъ году жизни блаж. Августинъ сдѣлалъ бы переходъ отъ этого возраста къ возрасту старческому (*senectus*), не можемъ ничего сказать, потому что онъ оканчиваетъ свою исповѣдь 33 годомъ жизни своей, временемъ крещенія и обращенія къ православной вѣрѣ въ VIII—X книгѣ; а въ послѣднихъ книгѣ XI—XIII заключаются размышленія его на слова бытописателя о твореніи.

въ образѣ тѣла человѣческаго. Съ тѣхъ поръ, какъ я вкусилъ начатокъ мудрости, я всегда уже избѣгалъ человѣкообразныхъ о Тебѣ представленій, и радовался, что находилъ тоже самое въ вѣрованіи духовной нашей матери католической церкви. Но я не имѣлъ еще положительнаго понятія о Тебѣ; я все-таки не видѣлъ еще, что Ты такое Самъ въ Себѣ и чѣмъ Тебя я долженъ представлять себѣ. И я употребилъ все усилія познать Тебя, какъ будто человѣкъ, и притомъ столь окаянный, какъ я, могъ постигнуть Высочайшаго, Единаго и Истиннаго Бога. Между тѣмъ я вѣрилъ, что Ты не подверженъ поврежденію или ущербу и всегда неизмѣняемъ. И въ самомъ дѣлѣ, не зная тому ни причины, ни доводовъ, я однако былъ вполне убѣжденъ, что невредимое, нетлѣнное и неизмѣняемое, безспорно совершеннѣе того, что можетъ потерѣть поврежденіе, насиліе, или измѣненіе Сердце мое сильно вопіяло противъ всѣхъ моихъ фантазмагорій, и этимъ голосомъ сердца я старался заглушить смущавшую мой умъ разногласицу нечистыхъ представленій. Но лишь только я разгонялъ этотъ хаосъ, какъ онъ снова облегалъ душу мою, закрывая отъ нея истину своимъ мракомъ. Такимъ образомъ и Твое естество нетлѣнное и неизмѣняемое, поставляемое мною выше всего подвергающагося поврежденію, насилію, или измѣненію, я принужденъ былъ представлять себѣ, если и не въ формѣ тѣла человѣческаго, то по крайней мѣрѣ чѣмъ-то тѣлеснымъ, проникающимъ все части всего міра и простирающимся въ безконечныя пространства. Дѣло въ томъ, что я ничего не могъ представить себѣ внѣ пространства; всякій предметъ, не наполняющій собою опредѣленнаго мѣста, исчезалъ въ моемъ понятіи, представляясь ничѣмъ, даже не пустотою, а совершенно ни чѣмъ; точно также не могъ я представить себѣ, что по устраненіи тѣла изъ занимаемаго имъ мѣста, остается одно мѣсто, чуждое всякаго матеріальнаго содержанія,—и земли, и воды, и воз-

духа, и тверди небесной; для моей мысли совершенно не существовало безпредметное или пустое пространство ¹⁾).

Огрубѣвши сердцемъ отъ погруженія въ чувственность, я не понималъ самъ себя. Все, что не подчинялось условіямъ пространства, — казалось мнѣ не имѣющимъ никакого бытія. Мое сердце останавливалось на образахъ того, формы чего представлялись моимъ глазамъ; и я не постигалъ даже того, что мой умъ, который творилъ образы предметовъ, по этому самому уже долженъ былъ чѣмъ-нибудь отличаться отъ нихъ и быть выше ихъ, если обладалъ такою способностію творчества. Итакъ я представлялъ Тебя, Боже мой, жизнь жизни моей, субстанцію безпредѣльною, пронизающею всю-массу міра и простирающеюся за предѣлы его повсюду, безъ границъ до безконечности, такъ-что Ты наполняешь собою и землю, и небо, и все, и все это опредѣляется и заканчивается Тобою, Ты же — ничѣмъ. Какъ воздухъ, окружающій нашу землю, не препятствуетъ солнцу проникать его своими лучами, не уничтожая его, но наполняя его собою всецѣло: точно также я представлялъ себѣ, что и Ты Своею субстанцію насквозь проходишь не только небо и воздухъ и море, но и самую землю, пронизывая всѣ части ихъ, какъ великія, такъ и малыя, и наполняешь ихъ Твоимъ присутствіемъ, управляя всѣмъ, Тобою сотвореннымъ, непостижимымъ для насъ вліяніемъ и на внѣшнее и на внутреннее состояніе управляемаго Тобою. Такъ я судилъ, потому-что думать иначе мнѣ казалось нелѣпостію. При такомъ возрѣніи, большее протяженіе массы должно заключать въ себѣ большую часть Твоей субстанціи, а меньшее

---

¹⁾ Это такъ-называемое математическое пространство существуетъ только въ идеѣ, а въ мірѣ вещественномъ какъ нѣтъ предметовъ безъ пространства, такъ нѣтъ и пространства безъ матеріи.

—меньшую; и всѣ твари будутъ тогда наполнены Тобою такъ, что въ тѣлѣ, положимъ, слона больше будетъ Тебя, нежели въ тѣлѣ воробья, насколько первый больше послѣдняго: субстанція Твоя будетъ тогда прелставляться какъ-бы раздробленною на различныя части всего міра, и Ты будешь присущъ всѣмъ имъ соразмѣрно ихъ величинѣ. А между тѣмъ Ты, Господи Боже нашъ, совсѣмъ не таковъ, какъ я представлялъ Тебя. Но Ты не озарилъ еще свѣтомъ Своимъ моею тьмою.

ГЛАВА 2.

Для меня, Господи, противъ обольщенныхъ обманщиковъ (манихеевъ),—этихъ болтуновъ, въ сущности нѣмыхъ, потому-что изъ устъ ихъ никогда не исходитъ слово Твое. довольно было того, что возражалъ противъ нихъ еще Нибридій, когда мы жили въ Карфагенѣ, и чѣмъ мы слушавшіе его были поражены. Онъ спросилъ: «какое зло могли бы причинить Тебѣ какія-нибудь существа темныя и злыя, которыхъ манихеи обыкновенно противоположали Тебѣ, подъ именемъ злаго начала, если бы Ты не соблаговолилъ вступить съ ними въ борьбу?» Если бы манихеи отвѣчали, что злыя существа могли бы причинить Тебѣ вредъ; то отсюда само собою будетъ вытекать заключеніе, что Ты подверженъ поврежденію, а слѣд. измѣненію. Если же манихеи скажутъ, что злое начало бессильно вредить Тебѣ; то незачѣмъ и бороться съ нимъ, и притомъ такъ, чтобы часть Тебя Самаго или отрасль Твоей же субстанціи, смѣшавшись съ этими темными силами, не отъ Тебя происшедшими, чрезъ это потерпѣла такое поврежденіе, что изъ состоянія блаженства перешла въ состояніе паденія, и возымѣла потребность въ Твоей помощи для возвращенія въ первобытное состояніе. А эта частица или отрасль субстанціи Твоей есть душа наша, на помощь которой, послѣ ея порабоженія, поврежденія и

оскверненія, надлежало явиться Твоему Вѣчному, свободному, чистому и непорочному Слову, и притомъ подвергшись такой же тлѣнности по причинѣ воспріятія того же естества. Итакъ, если, по признанію манихеевъ, субстанція Твоя, въ чемъ бы она ни состояла, не измѣняема; то предлагаемая ими исторія борьбы твоей со злымъ началомъ выйдетъ совершенно несообразною; если же Ты, по ихъ мнѣнію, измѣняемъ; то это само въ себѣ суцая ложь и нелѣпость. Этого достаточно было для меня, Господи, чтобы въ конецъ отвергнуть лжеученіе манихеевъ, подъ тяжелымъ гнетомъ коего такъ долго томилась душа моя, ибо изъ вышеспредложенной дилеммы они не имѣли для себя никакого исхода, не посрамивъ себя во всякомъ случаѣ святотатственнымъ нечестіемъ за то, что дерзали мыслить и проповѣдывать о Тебѣ такія нелѣпости.

ГЛАВА 3.

Но хотя я былъ твердо убѣжденъ, что Ты, Господи Боже нашъ, Единый Истинный Боже, сотворившій не только души наши, но и тѣла, и все сущее въ мірѣ, не подлежаши ни поврежденію, ни насилію, ни измѣняемости, не смотря на это, я не имѣлъ еще яснаго понятія о томъ, откуда происходитъ зло. Но откуда бы оно ни происходило, только я хорошо сознавалъ, что искать начала его надлежитъ такъ, чтобы чрезъ это не уклониться въ лукавство допущеніемъ въ Тебѣ — неизмѣняемомъ какого бы то ни было измѣненія, изъ-за того, чтобы самому не принять на себя вины зла. Итакъ я сталъ искать начала зла съ полною увѣренностію, что въ ученіи манихеевъ, съ коими я не имѣлъ уже никакого общенія, не могъ я найти и на этотъ разъ истины; ибо мнѣ звѣстно было, что они въ этомъ вопросѣ, по своей злости и коварству, скорѣе готовы допустить въ Твоей субстанціи

измѣняемость, и дать злему началу восторжествовать надъ Тобою, нежели признать за собою вину зла.

Я всемѣрно старался выразумѣть, когда мнѣ говорили, что свободная воля наша служитъ виною того зла, которое мы творимъ, а правосудіе Твое—виною тому злу, что мы терпимъ бѣдствія за совершенное нами зло; но при всемъ моемъ стараніи не могъ я выяснить себѣ этого предмета: Чѣмъ болѣе углублялся въ него я своимъ умомъ, тѣмъ болѣе впадалъ въ бездну недоумѣній; и чѣмъ усиленнѣе старался высвободиться изъ этой бездны, тѣмъ глубже и глубже погружался въ нее. Одно только уяснялось для меня, что я столько же сознавалъ въ себѣ свою волю, сколько сознавалъ свое существованіе. Итакъ, когда я чего-нибудь желалъ или не желалъ, то я совершенно былъ увѣренъ, что это желаніе или нежеланіе происходило отъ меня, а не отъ кого-либо другаго; а изъ того заключалъ, что въ этомъ и надлежало искать вины моей грѣховности. Чтоже касается до того, что я дѣлалъ не самъ собою, а по неволѣ, то въ этомъ я представлялъ себя не столько дѣйствующимъ, сколько страждущимъ, такъ-что считалъ это для себя не виною, а наказаніемъ, и сколько примысли о Твоемъ правосудіи мирился съ этимъ наказаніемъ и не считалъ его несправедливымъ. Но въ слѣдъ за тѣмъ я снова говорилъ: а кто же сотворилъ меня? Не Господь ли Богъ мой, Который не только благъ, но и самая благодать? Откуда же во мнѣ наклонность воли ко злу и уклоненіе той же воли отъ добра, коими оправдываются налагаемыя на меня правосудіемъ Твоимъ наказанія? Кто вложилъ въ меня, кто привилъ къ моему сердцу эту отрасль горькаго растенія, когда я весь—созданіе сладчайшаго Бога моего? Если виновникъ тому—дьяволъ, то откуда самъ дьяволъ? Если наконецъ и самъ онъ, по своей превратной волѣ, взъ добраго ангела содѣлался духомъ злобы; то откуда и въ немъ привзошла эта злая

воля, по которой онъ сталъ діаволомъ, когда ангелы вообще сотворены добрыми Всеблагимъ Творцемъ? Эти и подобныя имъ размышленія снова подавляли и сокрушали меня: но я не доходилъ до той бездны заблужденія, гдѣ нѣтъ памятованія о Тебѣ и гдѣ никто уже не славить Тебя (Псал. VI, 6; Иса. XXXVIII, 18), гдѣ за лучшее признаютъ видѣть вину зла въ Тебѣ, только бы не въ себѣ.

ГЛАВА 4.

Я старался разъяснить для себя всѣ недоумѣнія съ тою же отчетливостію, съ какою сознавалъ, что не подлежащее поврежденію, тлѣнію, измѣненію, лучше того, что подлежить этимъ несовершенствамъ, и потому-то я призналъ въ Тебѣ, Господи, каковъ бы Ты ни былъ въ существѣ Своемъ, эти совершенства: неповреждаемость, нетлѣніе, неизмѣняемость. Ибо умъ человѣческій никогда не могъ и не можетъ представить себѣ что-либо лучшее Тебя—высочайшаго и всесовершеннѣйшаго блага. Поелику же для меня было въ высшей степени несомнѣнно и неоспоримо, что неизмѣняемое и неповреждаемое выше измѣняемаго и причастнаго поврежденію, то представленіе о чемъ-нибудь лучшемъ Тебя, Боже мой, могло бы родиться у меня только при томъ условіи, если бы Ты не былъ неизмѣняемъ и чуждъ поврежденія. Но, утвердившись въ признаніи Твоей неизмѣняемости, я долженъ былъ изъ этого исходнаго начала перейти къ изслѣдованію и того, откуда происходитъ самое поврежденіе, которое какимъ образомъ не можетъ коснуться и измѣнить Твоей субстанции. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, поврежденіе могло бы нарушить неприкосновенность Господа нашего? Нельзя допустить этого ни со стороны хотѣнія Твоего, Боже, ни со стороны какой-нибудь необходимости, ни со стороны какой-либо случайности. Со стороны Твоего хотѣнія Божественнаго не можетъ быть этого потому, что Ты же Самъ Богъ, и

все то, чего Ты желаешь, есть благо, и Самъ Ты—благо; а потерпѣть поврежденіе—это уже не благо, а зло. И никакая необходимость не можетъ принудить Тебя, противъ воли Твоей, къ чему бы то ни было, потому что Божественная воля и Божественное всемогущество равны въ существѣ Божества, и если бы въ Богѣ одно что-либо превышало другое, тогда бы Онъ былъ и больше и меньше Самага Себя. Не можетъ наконецъ имѣть мѣста здѣсь и случайность, потому что Тебѣ все извѣстно, и ничего не можетъ случиться для Тебя неожиданнаго, и то только можетъ быть что Тебѣ извѣстно. Но къ чему и распространяться въ добазательствахъ того, что субстанція Божества должна быть неизмѣняема и недоступна никакому поврежденію или оскудѣнію, когда безъ того Богъ не былъ бы Богомъ?

ГЛАВА 5.

Я искалъ, откуда происходитъ зло; но изслѣдованія мои были неудачны. Я представлялъ себѣ всё твореніе: съ одной стороны то, что въ немъ можемъ видѣть, какъ-то: землю, воду, воздухъ, звѣзды, растенія, животныя смертныя и проч.; съ другой то, что въ немъ ускользаетъ отъ нашего взора, напримѣръ: твердь неба, ангеловъ и вообще горнія существа духовныя, хотя и эти существа воображеніе мое размѣщало по мѣстамъ, въ опредѣленномъ пространствѣ, какъ бы вещественныя. Я представлялъ себѣ одну огромную массу всего творенія Твоего, различавшуюся только разрядами тѣлъ,—включая сюда и тѣла дѣйствительныя, и субстанціи духовныя, на которыя смотрѣлъ я, какъ на вещественныя. Всю эту огромную массу, конечно, не въ тѣхъ размѣрахъ, каковы они на самомъ дѣлѣ, чего я и знать не могъ, а въ тѣхъ, въ какихъ рисовало мнѣ ее воображеніе мое, представлялъ я, не иначе, какъ со всѣхъ сторонъ ограниченной. Тебя же, Господи, я представлялъ отвсюду объемлющимъ и прони-

кающимъ эту массу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и безграничнымъ. Такъ, если бы существовало безпредѣльное море, вездѣ и повсюду одно море, а въ этомъ морѣ находилась огромная, но опредѣленной величины, губка; то эта губка, во всѣхъ частяхъ своихъ, вся непремѣнно обничалась бы и проникалась водами этого моря: — вотъ такъ я представлялъ себѣ и Твое вѣчное твореніе, которое, подобно этой губкѣ, обнимается и наполняется Тобою — безконечнымъ. Въ такомъ именно отношеніи представлялось мнѣ твореніе къ Творцу своему; и я послѣ того самъ съ собою размышлялъ такъ: вотъ Богъ, и вотъ Его творенія; и Онъ конечно благъ и безпредѣльно превосходнѣе и совершеннѣе своихъ твореній. Но такъ-какъ Онъ благъ, то и твореніе Его, какъ произведеніе Благаго, должно быть все добро; и Онъ объемлетъ и наполняетъ Собою всѣ творенія свои. Гдѣ же зло? откуда и какимъ образомъ вошло оно въ міръ? гдѣ корень и сѣмя его? Или его совсѣмъ нѣтъ? отчего же мы боимся и убѣгаемъ того, чего нѣтъ? А если боимся напрасно; то самая эта боязнь, конечно, есть уже зло, которое попусту мучить и терзаетъ сердце наше, и тѣмъ болѣе въ этомъ страхѣ зла, чѣмъ менѣе въ немъ дѣйствительности, которой однакоже боимся, какъ химеры какой-нибудь, Поэтому, или зло дѣйствительно существуетъ, котораго мы и боимся; или его во все нѣтъ, а только представляется оно въ одномъ химеричномъ страхѣ нашемъ. Впрочемъ какъ бы то ни было, только я все-таки спрашиваю: откуда это зло, когда Богъ, все сотворившій, благъ, и потому все, что ни сотворилъ Онъ, все — добро? Правда, что всякое произведеніе ниже своего художника; но это не мѣшаетъ и художнику и произведенію его быть прекрасными; художникъ стоитъ только выше своего произведенія: Творецъ, Богъ, есть высочайшее благо, и твореніе Его, тоже добро въ меньшей степени; но во всякомъ случаѣ и Творецъ и вся дѣла Его *добра злого* Быт. 1, 31; Сир. XXXIX, 21). Гдѣ же источникъ или

начало зла? Не могло ли стать такъ, что еще до творенія существовала какая-нибудь злая матерія, изъ которой Творецъ творилъ міръ; но при образованіи изъ нея міра всё-таки осталась въ ней закваска зла, не превращенная въ добро? Но для чего допущено и это? Неужели у Всемогущаго Творца не достало могущества преобразовать эту матерію всецѣло, такъ-чтобы въ ней ничего не оставалось злаго? Да и что побуждало Его, такъ сказать, пользоваться этою матеріею при своемъ твореніи? Почему бы всемогуществу Его лучше вовсе не уничтожить ее? Неужели эта матерія могла существовать противъ Его воли? Если существованіе ея вѣчно; то отчего въ продолженіи неисчетныхъ вѣковъ Онъ предоставлялъ ей оставаться въ прежнемъ состояніи, и только по истеченіи столь долгаго времени приступилъ къ творенію изъ нея? А если у Него также отъ вѣчности предпрѣдено было явить свое всемогущество въ твореніи, то почему бы силою того же всемогущества не разрушить было окончательно тогда же этой злой матеріи, и такимъ образомъ оставаться Самому независимымъ, истиннымъ, высочайшимъ и безконечнымъ Благомъ? Если же Онъ находилъ нужнымъ употребить въ дѣло и матерію при твореніи; то не лучше ли было на мѣсто злой матеріи, по уничтоженіи ея образовать матерію добрую, и творить изъ ней? Въ противномъ случаѣ, если бы Онъ не могъ обойтись при твореніи безъ той матеріи, которая существовала сама по себѣ и не была Его произведеніемъ; то нельзя было бы приписать Ему всемогущества». Такія твѣожныя мысли волновали бѣдную душу мою, когда она изнемогала отъ мучительной тоски, наводимой страхомъ смерти безъ познанія истины. Только вѣра католической церкви въ Иисуса Христа Сына Твоего и нашего Спасителя, твердо и непоколебимо пребывала въ моемъ сердцѣ. Конечно, вѣра моя во многомъ еще была несовершенна, вляясь и колеблясь внѣ православ-

наго ученія; но за то она никогда не оставляла меня и со дня на день все больше и больше увѣрплялась.

ГЛАВА 6.

Въ это время я бросилъ уже заниматься лживыми предсказаніями и нелѣпыми сумасбродствами математиковъ (т. е. астрологовъ) ¹⁾. Здѣсь вижу я новое доказательство промысла Твоего обо мнѣ и новый поводъ исповѣдать предъ Тобою, Господи Боже мой, отъ всей глубины души моей Твое милосердіе ко мнѣ. И здѣсь я признаю Твою вседѣйствующую руку, которая сокрушила мое упорство и разсѣяла мое помраченіе. Ибо кто можетъ избавить насъ отъ смертоносныхъ заблужденій, кромѣ Тебя одного, Господи, въ Комъ жизнь никогда не умираетъ, чья мудрость просвѣщаетъ другихъ, сама не нуждаясь въ просвѣщеніи отъ кого-либо, Кто всѣмъ управляетъ въ мірѣ до дрожащаго на деревьяхъ листвія? Да, я долго упорствовалъ въ ослѣпленіи своемъ. Помню, какъ я противился еще прежде всѣмъ убѣжденіямъ мудраго старца Виндиціана и юнаго Небридія, который, не смотря на свою молодость, обладалъ удивительнымъ умомъ. Первый изъ нихъ со старческою опытностію увѣрялъ меня, а послѣдній, хотя и не съ такою увѣренностію, но зато часто повторялъ мнѣ,—оба твердили они, что нѣтъ никакого искусства и науки для предсказанія будущаго, а если гаданія людскія иногда сбываются, то это дѣлается силою судьбы, на все въ природѣ имѣющей вліяніе, и нечему тутъ удивляться; если изъ многихъ что либо и сбывается,

---

¹⁾ Названіе астрологовъ прилагается было въ старину къ математикамъ и наоборотъ, и въ этомъ смыслѣ употребляется блаж. Августиномъ во многихъ мѣстахъ его твореній. Слич. *Исповѣди* книг. IV, глав. 3.

потому-что подобныя вещи совершаются безъ всякаго сознанія самыхъ прорицателей, которые только случайно наталкиваются на нихъ въ своихъ прорицаніяхъ ¹⁾ И вотъ Ты свелъ меня съ однимъ человѣкомъ, въ послѣдствіи другомъ моимъ, имѣвшимъ притязаніе на званіе математика (астролога), которые хотя и не имѣлъ ни особенныхъ дарованій, ни познаній въ этомъ отношеніи, но былъ, какъ я замѣтилъ, страстнымъ любителемъ астрологическихъ бредней. Онъ и и зналъ кое-что по этой части, какъ самъ говорилъ, по преемству отъ отца, но не обращалъ вниманія на то, что могло бы послужить ему къ опроверженію подобныхъ суеверныхъ и сумасбродныхъ знаній. Этотъ человѣкъ, по имени Фирминъ, получилъ благородное воспитаніе и имѣлъ отличный даръ слова. Однажды, когда онъ совѣтовался со мною, какъ съ ближайшимъ другомъ, о нѣкоторыхъ дѣлахъ своихъ, на которыя онъ возлагалъ большія надежды въ мірѣ семъ, и съ гордостію спросилъ меня, какого я мнѣнія о предсказаніяхъ астрологовъ вообще и въ частности о его гороскопѣ.); то я сказалъ ему, что не отвергаю тѣхъ догадокъ и предположеній, которыя ему представлялись. Но въ то же время, начиная уже соглашаться съ мнѣніемъ Небридія ²⁾.

---

¹⁾ При этомъ надобно вспомнить прежній рассказъ Августина о пристрастіи его къ астрологіи и объ увѣщаніяхъ Виндиціана и Небридія, коими они въ дружескихъ бесѣдахъ съ Августиномъ старались отклонить его отъ этого пристрастія. См. книг. IV, глав. 3.

²⁾ *Nogoscopus* или *genethliologia*, гороскопъ, т. е. предсказаніе по небеснымъ свѣтиламъ или созвѣздіямъ (*constellationes*) при рожденіи о судьбѣ новорожденнаго.

³⁾ Небридій, какъ человѣкъ молодой, убѣждая Августина отстать отъ астрологическихъ бредней и бросить эту пустую науку, отличался въ своихъ убѣжденіяхъ отъ Виндиціана, какъ мужа престарѣлаго и опытнаго, а потому и въ доводахъ своихъ болѣе

объ астрологическихъ предсказаніяхъ, присовокупилъ, что я почти убѣжденъ въ томъ, что эти предсказанія суетны и смѣшны. Тогда Фирминъ сталъ рассказывать мнѣ, какой отецъ его былъ великій знатокъ въ астрологіи и необыкновенный любитель астрологическихъ книгъ, что онъ имѣлъ одного друга, который не менѣе его былъ преданъ астрологіи, и что оба они до того простерли свои изслѣдованія, что дѣлали наблюденія даже надъ бессловесными животными, въ домѣ у нихъ раждавшимися, замѣчая самыя минуты ихъ рожденія и соответствующее тому времени положеніе неба, и такимъ образомъ собирали опыты для своей науки, чтобы чрезъ повтореніе оныхъ обогатить эту науку большими и большими познаніями. И при этомъ рассказалъ слѣдующій случай, слышанный имъ отъ самаго отца. Въ то время, когда мать Фирмина была имъ беременна, одна изъ невольницъ друга его отца тоже была беременна, что не могло укрыться отъ взоровъ ея господина, который въ тоже время со всею пытливостію дѣлалъ наблюденія и надъ своими собаками, когда суки щенились. Съ приближеніемъ времени рожденія оба они наблюдали. одинъ надъ своею женою, а другой надъ своею невольницею, стараясь со всею точностію опредѣлить и замѣтить не только дни и часы, но и самыя минуты разрѣшенія ихъ отъ бремени; случилось такъ, что обѣ родильницы родили въ одно и тоже время. Такимъ образомъ оба наблюдатели должны были замѣтить однѣ и тѣ же созвѣздія, какъ соответствовавшія одному и тому же времени, обоимъ новорожденнымъ, одинъ сыну своему, а другой рабу своему. Притомъ, когда наступило время родовъ, наблюдатели согласились между собою имѣть взаим-

---

положительнаго, тѣмъ, что просто-на-просто осмѣивалъ всѣ про-
ричанія астрологовъ, какъ совершенныя неглѣпости. См. также
кн. IV, гл. 3.

ное сношеніе, увѣдомля другъ друга о томъ, что въ домѣ каждаго будетъ происходить; для сего держали они нарочитыхъ рабовъ, черезъ которыхъ могли бы тотчасъ же извѣстить одинъ другаго о новорожденіи, коль скоро родильницы разрѣшатся отъ бремени; все это не составляло для нихъ большаго затрудненія, потому-что они жили совершенно согласна между собою и ни въ чемъ не терпѣли недостатка. И такъ-какъ, по замѣчанію Фирмина, посланные съ обѣихъ сторонъ гонцы, по разрѣшеніи родильницъ, встрѣтились между собою на равныхъ отъ домовъ разстояніяхъ, т. е. на половинѣ своего пути, и явились такимъ же образомъ на мѣстахъ посылки со всею точностью въ одно и тоже время; то наблюдавшимъ за положеніемъ въ то время неба и соответствующими тому времени созвѣздіями не было возможности погрѣшить въ этомъ случаѣ, то есть, допустить какую-либо разность, ни во времени этихъ двухъ рожденій, ни въ соответствующихъ тому времени созвѣздіяхъ. Между тѣмъ Фирминъ, родившись между своими согражданами въ знаменитомъ семейномъ домѣ, былъ счастливецомъ міра сего, утопая въ богатствѣ и пользуясь почестями; а этотъ рабъ, напротивъ того, по свидѣтельству самаго Фирмина, знавшаго его коротко, безвыходно находился въ рабствѣ у своихъ господъ, не видя своей участи никакого облегченія.

Когда я выслушалъ со вниманіемъ эти рассказы, которыми не могъ не вѣрить, такъ-какъ это рассказывалъ человекъ, которому отказывать въ довѣрїи своемъ не имѣлъ я никакихъ причинъ; то продолжавшаяся еще во мнѣ борьба съ предубѣжденіями къ астрологии, отъ которыхъ не легко мнѣ было освободиться, окончательно порѣшилась, и я съ этого времени положительно сталъ отвергать всякое ученіе астрологовъ. И первѣе всего старался я отвлечь отъ суетнаго пристрастія къ астрологии самаго Фирмина. Отвѣчая на вышепредложенный имъ вопросъ, я представлялъ ему, что

для того, чтобы предсказанія о его судьбѣ, по его гороскопу, были вѣрны, прорицателю непременно надобно знать, что онъ родился отъ знатныхъ родителей и отъ богатой фамили, надобно предвидѣть и то, что онъ получить хорошее воспитаніе. Равнымъ образомъ, если бы и этотъ рабъ, рожденный подъ однимъ и тѣмъ же созвѣздіемъ, попросилъ отъ меня отзыва о своемъ гороскопѣ, то я и ему отвѣтилъ бы тоже, что для вѣрности предсказанія и въ семь случаевъ непременно нужно знать при этомъ его низкое происхожденіе, рабское состояніе, прозрѣвать и всѣ другія обстоятельства судьбы его, совершенно не сходной съ обстоятельствами судьбы самаго Фирмина. Такимъ образомъ, наблюдая одни и тѣ же знаки небесные и въ томъ и въ другомъ случаѣ, чтобы сказать по нимъ истину, какъ для одного гороскопа, такъ и другаго, я долженъ говорить о нихъ вещи совершенно различныя, вопреки наблюденіямъ; а если скажу одно и тоже (какъ и слѣдовало бы по тождеству знаковъ), то въ словахъ моихъ будетъ заключаться ложь. Поэтому со всею несомнѣнностію надлежитъ заключить, продолжалъ я, что если предсказанія астрологовъ, положимъ, и сбываются, то они сбываются не потому, что ихъ предсказала наука, а по судьбѣ самыхъ событій: а если эти предсказанія не оправдываются; то не оправдываются они опять не въ слѣдствіе заблужденія науки, а по распоряженію той же судьбы.

Затѣмъ, разсуждая самъ съ собою объ этомъ предметѣ, и желая окончательно опровергнуть всякія возраженія со стороны тѣхъ безумцевъ, которые, занимаясь астрологіею, какъ промысломъ, могутъ на рассказъ Фирмина замѣтить мнѣ, что онъ могъ обмануть меня, или самъ быть обманутъ отцомъ своимъ, я перешелъ вниманіемъ своимъ къ наблюденіямъ надъ близницами, коихъ рожденіе бѣльшею частію непосредственно слѣдуетъ одно за другимъ, такъ-что малый промежуткоъ времени между ихъ рожденіями, каковую бы си-

лу ему ни приписывали, почти неуловимъ для наблюдений и не можетъ быть отмѣченъ особыми знаками небесными, которые наблюдающій небо астрологъ долженъ бы замѣтить для большей точности своихъ предсказаній. И въ этомъ случаѣ предсказанія астролога не будутъ вѣрны. Видя одни и тѣже знаки, отмѣченные имъ при наблюденіи, онъ долженъ въ предсказаніяхъ своихъ говорить одно и то же и о судьбѣ Исава, и о судьбѣ Іакова, между тѣмъ какъ судьбы не одинаковы. Итакъ, скажетъ ли онъ одно и то же, скажетъ тутъ и ложь; а чтобы сказать правду, онъ долженъ говорить разныя вещи, не смотря на то, что при наблюденіи видитъ одни и тѣже знаки. Слѣдовательно истина предсказаній зависитъ не отъ суетной астрологической науки, а отъ непреложной судьбы. И Ты, Господи, высочайшій и правосуднѣйшій Правитель вселенныя, дѣйствуешь непостижимыми для насъ путями, безъ вѣдома и вопрошающихъ, и отвѣтствующихъ, такъ-что если кто вопрошаетъ о своей судьбѣ, то сообразно съ своими внутренними заслугами получаетъ такой, а не иной отвѣтъ, изъ глубины праведнаго суда Твоего, которому человѣкъ не можетъ возразить: что это? или: къ чему это? Да, не можетъ, не можетъ; потому-что онъ человѣкъ.

ГЛАВА 7.

Итакъ Ты, Господи, при Своемъ всесильномъ содѣйствіи, разрѣшилъ меня отъ этихъ узъ; но я снова сталъ доискиваться причины, откуда зло, и не находилъ выхода изъ этого лабиринта. Однакоже, не смотря на всю бурю мыслей, волновавшихъ мою душу. Ты не допустилъ ее поколебаться въ той вѣрѣ, которая никогда не оставляла меня и относительно бытія Твоего, и относительно неизмѣняемости субстанции Твоей, и относительно Твоего промысла о мірѣ и суда надъ нимъ, и относительно того, что во Христѣ-И-

сусѣ Сынѣ Твоемъ и Господѣ нашемъ и во Святомъ Писаніи (за которое ручается намъ авторитетъ Твоей католической Церкви), ведущемъ насъ къ Нему, Ты открылъ намъ путь ко спасенію и дверь въ жизнь вѣчную, которая послѣдуетъ за смертію нашею. Утвердившись въ этихъ спасительныхъ истинахъ, въ которыхъ ничто уже не могло поколебать меня, я еще съ большимъ безпокойствомъ погружался въ размышленіе о происхожденіи зла. О, какія мученія терзали душу мою, при раждавшихся въ ней различныхъ о томъ мысляхъ! сколько воздыханій исторгалось изъ ней при этомъ, Боже мой! И все это восходило до слуха Твоего, всему Ты внималъ; но я не постигалъ этого. Наконецъ, когда въ глубочайшемъ уединеніи я сосредоточилъ всѣ усилія къ разрѣшенію неразрѣшимаго для меня вопроса; то таившіеся въ душѣ моей терзанія какъ-бы проторглись изъ нея въ столь громкихъ рыданіяхъ, что они вознеслись къ престолу милосердія Твоего; тогда только понялъ я, что Тебѣ одному извѣстны были всѣ страданія мои, кои ихъ не могъ знать вполнѣ никто изъ окружавшихъ меня. Да и много ли могли знать, даже самые приближенные друзья мои, изъ однихъ разговоровъ со мною? Какъ могли они постигнуть ту бурю, которая потрясла мою душу, когда для уясненія этого состоянія неостало бы времени, и самыя слова мои оказались бы безсильными? А до Тебя, Господи, доходили всѣ *рыканія отъ терзанія сердца моего, и всѣ желанія мои были предъ Тобою; но свѣта очей моихъ не было со мною* (Псал. XXXV^П, 9—11). Этотъ свѣтъ скрывался внутри меня, а я метался внѣ себя: онъ не заключался въ пространство, а я устремлялся только къ тому, что заключалось въ пространство; и потому-то я не находилъ мѣста для успокоенія, и ничто не могло удовлетворить меня до того, чтобы я могъ наконецъ сказать: «вотъ я вполнѣ доволенъ!» Вся же причина моего душевнаго томленія

заключается въ томъ, что я былъ выше того, около чего вращался, и ниже Тебя, отъ Котораго отвращался, тогда какъ все благо мое зависѣло отъ подчиненія моего Тебѣ, подобно тому какъ Ты подчинилъ мнѣ все созданное Тобою и низшее меня. И въ этомъ состояла золотая середина, опредѣлявшая прямой путь ко спасенію моему; я долженъ былъ сохранять дарованный Тобою мнѣ при твореніи образъ Твой, такъ чтобы служа Тебѣ, какъ Творцу своему, господствовать надъ прочею тварью, подчиненною мнѣ. Но когда я съ гордостью *вознесъ руки свои на Тебя, предъ Господомъ Вседержителемъ своимъ ожесточилъ въю, пошелъ противъ Него укоризною въ толщи хребта щита своего* (Иов, XV, 25, 26); то всѣ твари, бывшія ниже меня, стали выше меня и, вмѣсто подчиненія моему господству, сами поработили меня, не давая мнѣ никакого послабленія. Отвсюду однѣ за другими онѣ толпились въ моихъ глазахъ, и когда я хотѣлъ отвлечься отъ нихъ и углубиться въ самага себя, то неотвязно представлялись мыслямъ моимъ въ образахъ своихъ, которые казались, такъ и твердили мнѣ: «куда ты это уходишь отъ насъ, жалкій и негодный». Вотъ до чего дошли послѣдствія язвы моей, послѣ того какъ Ты *смирилъ яко язвена гордаго* (Псал. LXXXVIII, 11); и гордость моя держала меня, какъ узника, вдали отъ Тебя, Боже мой, подобно тому, какъ сильная опухоль лица держала иногда какъ бы въ осадѣ глаза мои, не давая мнѣ возможности взглянуть на свѣтъ Божій.

ГЛАВА 8.

Но Ты, Господи, пребывая во вѣки, не вѣчно гнѣваешься на насъ; Ты умилосердился надъ прахомъ и пепломъ ничтожества моего, соблагволивъ обновить меня отступившаго отъ образа Твоего. Ты сокровенными побужденіями дѣйствовалъ на меня, при всемъ нетерпѣннн, до тѣхъ поръ,

пока наконецъ внутренній свѣтъ Твой не озарилъ меня вѣрнымъ познаіемъ Тебя. И при этомъ непостижимомъ врачевствѣ Твоемъ, путями спасительныхъ для меня скорбей, гордыня духа моего все болѣе смирялась; а взглядъ ума моего, дотолѣ помраченный, со дня на день становился свѣтлѣе и разумнѣе

ГЛАВА 9.

И прежде всего, желая показать мнѣ, какъ Ты противишься гордымъ, а смиреннымъ даешь благодать (1 Петр. V, 5), и сколь велико милосердіе Твое въ указаніи человѣку пути смиренія, когда Слово Твое содѣлалось плотію и обитало среди человѣковъ (Іоан. 1. 14),—Ты позаботился, Господи, черезъ одного человѣка, необычайно гордаго Платоника, познакомить меня съ нѣкоторыми книгами неоплатонической школы, переведенными съ греческаго языка на латинскій. Въ этихъ книгахъ я вычиталъ многія истины (св. Писанія), хотя выраженные не тѣми словами, но заключающія въ себѣ въ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ тотъ самый смыслъ. Такъ на примѣръ: «что въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и это Слово было Богъ; что Оно было въ началѣ у Бога; что все произошло чрезъ Него, и безъ Него ничто не произошло, что произошло; что все, что ни произошло, имѣетъ жизнь въ Немъ, и жизнь эта есть свѣтъ человѣковъ; что свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, но тьма не объяла его¹⁾. И хотя душа человѣческая свидѣтельствуеетъ о свѣтѣ, но сама она не есть свѣтъ, а что Слово Божіе, Самъ Богъ, есть истинный свѣтъ, который просвѣщаетъ всякаго человѣка, приходящаго въ міръ сей; что это самое Слово-Богъ и было въ мірѣ, что міръ чрезъ Него

---

¹⁾ Это мѣсто слѣдуетъ снести съ первыми словами евангелиста Іоана 1, 1—5 и также поступать дальше.

произошелъ, и что этотъ міръ не позналъ Его» ¹⁾. Но слѣдующихъ словъ: «что это Слово-Богъ пришелъ къ своимъ, и свои Его не приняли, а тѣмъ, которые приняли Его, вѣрующимъ во имя Его, далъ власть быть чадами Божиими» ²⁾. —этихъ словъ не находилъ я тамъ.

Равнымъ образомъ читалъ я въ этихъ книгахъ: «что Слово-Богъ не отъ крови, ни отъ хотѣнія плоти, ни отъ хотѣнія мужа, но отъ Бога родился» ³⁾. Но «что Слово это стало плотію и обитало съ нами» ⁴⁾, этого не читалъ я тамъ. Находилъ я также во многихъ мѣстахъ этихъ книгъ въ разныхъ видоизмѣненіяхъ: что «Сынъ, будучи образомъ Отца, не почиталъ хищеніемъ быть равнымъ Богу» ⁵⁾; потому-что это естественно. Но тщетно искалъ я слѣдующихъ затѣмъ словъ: «что Онъ уничижилъ Себя Самаго, принявъ образъ раба, сдѣлавшись подобнымъ человѣкамъ, и по виду ставъ какъ человѣкъ; что Онъ смирилъ Себя, бывъ послушнымъ даже до смерти, и смерти крестной; что за то и Богъ превознесъ Его (воскресивъ изъ мертвыхъ) и далъ Ему имя выше всякаго имени, дабы предъ именемъ Иисуса приклонилось всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ, и всякъ языкъ исповѣдалъ, что Господь Иисусъ Христосъ въ славу Бога Отца» ⁶⁾. И то находилъ я тамъ, что «Единородный Сынъ Твой, Боже нашъ, прежде всѣхъ временъ и превыше всѣхъ временъ неизмѣнно пребываетъ Тебѣ совѣченъ, и что отъ полноты Его всѣ мы приняли и благодать на благодать ⁷⁾, чтобы достигнуть намъ

¹⁾ Снес. Іоан. 1, 9, 10.

²⁾ Это относится къ дальнѣйшимъ словамъ евангелиста Іоана 1, 11. 12; блаж. Августинъ и далѣе приводитъ подобныя мѣста.

³⁾ Снес. Іоан. 1, 13. ⁴⁾ См. тамже—14.

⁵⁾ Снес. Филип. II, 6. ⁶⁾ См. тамже II, 7—11. ⁷⁾ Снес. Іоан. 1, 16.

блаженства, и что чрезъ сообщеніе намъ пребывающей въ Немъ вѣчной мудрости и мы обновляемся и становимся мудрыми». А что «Онъ въ опредѣленное время умеръ за нечестивыхъ» ¹⁾, и что, «Ты Сына Своего (Единороднаго) не пощадилъ, но предалъ Его за всѣхъ насъ» ²⁾, того не находилъ. Все это утаилъ Ты отъ мудрыхъ и разумныхъ и открылъ то младенцамъ (Мат. XI, 25; Псал. VIII, 3; 1 Кор. 1, 21), чтобы обратились къ Нему всѣ труждающіеся и обремененные и обрѣли въ Немъ покой; ибо Онъ кротокъ и смиренъ сердцемъ (Мат. XI, 28. 29), наставляетъ смиренныхъ на истину и научаеъ кроткихъ путямъ Своимъ, видя смиреніе наше и трудъ нашъ, и прощаетъ всѣ грѣхи наши (Псал. XXIV, 9. 18) А тѣ, которые, гордясь высокою мудростію ума своего, не внимають Его словамъ: *научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ; и обрящете покой душамъ вашимъ* (Мат. XI, 29), тѣ и *разумьюще Бога, не яко Бога славятъ или благодарятъ, но ходятъ въ суетъ ума своего, помрачени смысломъ, въ окамененіи сердець своихъ: глаголющися быти мудры, объуродываютъ* (Рим. 1, 21. 22; Ефес. IV, 17. 18).

Читалъ я еще тамъ, какъ у этихъ мудрецовъ величіе Твое, Боже нашъ, посрамлено и обезчещено различными кумирами, какъ они *славу нетлѣннаго Бога измѣнили въ образъ подобный тлѣнному человеку, и птицамъ, и четвероногимъ, и пресмыкающимъ* (Рим. 1, 23). Я видѣлъ тамъ снѣдь египетскую ³⁾ за которую *Исавъ отдалъ*

¹⁾ См. Рим. V, 6. ²⁾ Тамже VIII, 32.

³⁾ Videlicet Aegyptium cibum. Для лучшаго уясненія этого мѣста можетъ служить другое мѣсто изъ Августина же въ изъясненіи на псал. 46, гдѣ онъ между прочимъ говоритъ такъ: «у-сматриваемъ же, что чечевица (сочинко по слав. библіи, Быт. 25, 30),

Иакову первенство свое (Быт XXV, 33), то есть, какъ народъ Твой — первенецъ Твой, вспоминая о мясахъ египетскихъ и возвращаясь мыслями своими въ Египеть, сталъ поклоняться, вмѣсто Тебя, Творца и Благодѣтеля своего, твари четвероногаго животнаго, уничтоживъ и себя и образъ Твой въ лицѣ своемъ предъ изображеніемъ тельца ядущаго траву (Исх. XXXII, 1—6; Псал. CV, 19. 20). Вотъ что вычиталъ я въ этихъ книгахъ; но не прельстился гибельными яствами. Тебѣ угодно было, Господи, снять поношеніе уничтоженія съ Иакова, да послужилъ большій меньшему (Рим. IX, 13); и Ты призвалъ язычниковъ къ наслѣдію своему. И я обратился къ Тебѣ изъ язычниковъ, и при этомъ обращеніи я позаботился взять то злато и серебро, которое Ты заповѣдалъ народу Своему обобратъ у Египтянъ и преукрасить имъ себя (Исх. III, 22; XII, 35. 36). такъ-какъ это злато и серебро—символь вѣчной мудрости—принадлежитъ Тебѣ, гдѣ бы оно ни находилось. Поэтому-то Ты и сказалъ египтянамъ, чрезъ апостола Своего, что Тобою живемъ, и движемся, и существуемъ, какъ-бы повторяя слова ихъ же мудрецовъ (Дѣян. XVII, 28). И вотъ откуда—все, что есть лучшаго въ ихъ книгахъ! Такимъ образомъ, дѣлая изъ нихъ выборъ, я воспользовался тѣмъ, что находилъ драгоценнымъ для себя, оставивъ идоловъ египтянамъ, которые имъ служили, принося въ жертву и злато мудрости Твоей, такъ-что замѣнили истину Божию ложью,

Lenticula есть любимая пища египтянъ, и она у нихъ съ избыткомъ водится въ Египтѣ; по этому она и славится подъ именемъ александрійской и доставляется даже въ наши страны, такъ какъ бы у насъ чечевицы вовсе не водилось. Поэтому Исавъ, съѣдаемый вѣждельніемъ, съѣди египетской, отдалъ свое первенство. Такъ и народъ іудейскій, о которомъ сказано: *обратились всѣмъ сердцемъ своимъ къ Египту*, возжелалъ нѣкоторымъ образомъ чечевицы (сочинка) и потерялъ первенство.

стали поклоняться твари, вмѣсто Творца, и боготворить ее (Рим. 1, 25).

ГЛАВА ІО.

Прочитавъ эти книги, я убѣдился, что надобно отрѣшиться отъ чувственности окружающихъ меня предметовъ, и войти во внутреннюю храмину души своей; и я вошелъ въ нее при Твоемъ содѣйствіи. Я вошелъ, и узрѣлъ тамъ внутреннимъ окомъ души своей, хотя близорукимъ, тотъ вѣчный и неизмѣняемый свѣтъ, который превышаетъ ея взора, превышаетъ ея самой; не тотъ обыкновенный свѣтъ, который поражаетъ наши тѣлесныя очи, ни всякій другой ему подобный, какъ бы онъ ни былъ чуденъ, блистателенъ, необъятенъ, но свѣтъ совершенно иной природы. Онъ представлялся мнѣ выше моей души не въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорится, что масло, выше воды или небо выше земли; нѣтъ; онъ былъ для меня превышаетъ души моей потому, что онъ-то и сотворилъ меня, а я ниже его потому, что я сотворенъ имъ. И кто позналъ истину, тотъ позналъ и свѣтъ этотъ; а кто позналъ этотъ свѣтъ, тотъ позналъ и вѣчность. Любовь же одна только можетъ постигнуть все это. О истина вѣчная! о любовь истинная! о драгоценная и достолюбезная вѣчность! Это—Ты, Боже мой, къ которому я воздыхаю денно и ношно. И какъ только сталъ я познавать Тебя, Ты просвѣтилъ меня настолько, что я могъ уже видѣть, что созерцаемый мною духовный свѣтъ, существовалъ и прежде меня, сотвореннаго имъ для того, чтобы созерцать его. Но Ты поразилъ слабый взоръ мой величіемъ свѣта своего и лучезарнымъ сіяніемъ его, такъ-что я затрепеталъ разомъ и отъ любви, и отъ страха; я увидѣлъ, какъ далеко отстою отъ Тебя, и мнѣ казалось, будто слышу голосъ Твой, съ высоты вѣщающій ко мнѣ: «Я есмь хлѣбъ для созрѣвшихъ возрастомъ; возрастай, и съѣси меня; но

не ты меня обратишь въ себя, какъ пищу въ плоть свою, а ты въ меня обратишься». Тутъ уразумѣлъ я, что Ты во *обличеніихъ о беззаконіи наказалъ еси человека и, истаялъ еси яко научину душу мою* (Псал. XXXVШ, 12), и подумалъ самъ въ себѣ: неужели же истина есть то же, что ничто, или, что то же, нѣтъ истины, когда я не вижу ее осязательно ни въ какомъ пространствѣ, ни въ опредѣленномъ, ни въ неопредѣленномъ? Но Ты воззвалъ издали: *напротивъ; Азъ есмь Сый* (Исх. Ш, 14), и, *Азъ есмь путь и истина и животъ* (Іоан. XIV, 6). И я слышалъ Твой голосъ, во глубинѣ души, такъ-что не было уже мѣста во мнѣ ни малѣйшему сомнѣнію; и я скорѣе могъ усумниться въ своемъ бытіи, нежели въ бытіи этой истины, которая *отъ созданія міра творенми помышляема видима есть, и присносушная сила Твоя и Божество* (Рим. 1, 20; Псал. XVШ, 1).

ГЛАВА II.

Я мысленно обратилъ взоръ свой и на другіе предметы, которые ниже Тебя, и увидѣлъ, что объ нихъ нельзя сказать ни того, что они существуютъ, ни того, что они не существуютъ: они существуютъ потому, что получили свое бытіе отъ Тебя; не существуютъ потому, что они—не то, что Ты. Ибо то только дѣйствительно существуетъ, что пребываетъ неизмѣнно. И *мнѣ прильпляетися Богу благо есть* (Псал. LXXII, 28); потому-что если я не пребуду въ Немъ; то не буду имѣть возможности существовать и въ самомъ себѣ. Онъ же *пребывающи въ Себѣ вся обновляетъ* (Прем. VI, 27). Такъ, Господи! Ты мой Богъ, *яко благихъ моихъ не требуещи, и нѣтъ мнѣ блага кромѣ Тебя* (Псал. XV, 2).

ГЛАВА 12.

Уяснилось для меня и то, что всё существа, подверженные порчѣ, не могутъ быть ни совершенно благими, ни совершенно злыми. Если бы они были совершенно благими, то не подлежали бы порчѣ; если бы были совершенно злыми, то нечему въ нихъ было бы портиться. Порча вредна, а вредъ состоитъ въ уменьшеніи добра. Итакъ, одно изъ двухъ: или порча не вредна, что немислимо; или, что несомнѣнно и очевидно, существа подвергающіяся поврежденію лишаются чрезъ это нѣкотораго добра. Если же они лишатся всего добра, то вовсе перестанутъ существовать: ибо дальнѣйшее ихъ существованіе, соединенное съ невозможностію большаго поврежденія, будетъ уже нѣкоторымъ улучшеніемъ, потому что они не подлежатъ уже порчѣ. И можно ли представить себѣ что-либо уродливѣе того предположенія, что съ потерю всего добраго можно сдѣлаться чрезъ это совершеннѣе? Итакъ, коль скоро существа лишились бы всего добраго, то вмѣстѣ съ тѣмъ перестали бы и существовать: если же они существуютъ и доколѣ существуютъ, то они добры; итакъ все, что ни существуетъ, есть—добро. А зло, начала коего я доискивался, не есть какая-либо сущность (substantia); иначе это зло, будучи субстанціею, было бы добро. Эта субстанція или вовсе не подлежала бы поврежденію, и въ такомъ случаѣ было бы абсолютное добро; или подлежала бы порчѣ, чего также не могло бы быть, если бы въ ней не было чего-нибудь добраго. Такимъ образомъ я уже ясно видѣлъ, что всё творенія Твои добры, и что нѣтъ субстанцій, которыя не были бы сотворены Тобою. Все создалъ Ты, хотя не въ одинаковой степени совершенства; но каждое изъ твореній Твоихъ само въ себѣ добро: а всё вмѣстѣ—въ высшей степени добры; ибо *вся дѣла* Твоя, Господи Боже нашъ, *вся, велика со-*

творилъ еси, ея добра зъло (Быт. 1, 31; Сир. XXXIX, 21. 40).

ГЛАВА 13.

Зла нѣтъ ни въ Тебѣ, ни во всемъ твореніи Твоемъ; потому-что нѣтъ какой либо чуждой субстанціи, которая могла бы поколебать и нарушить установленный Тобою порядокъ. Зломъ намъ представляется иногда относительное несовершенство тварей, находящихся между собою въ дисгармоніи; но тѣже самыя творенія, будучи поставлены въ другое соотношеніе, образуютъ собою гармонію, и потому уже они добры, и независимо отъ сего, они добры сами въ себѣ. Все то, что кажется намъ какъ-бы въ разладѣ между собою, очень хорошо приспособлено къ низшей части вселенной, къ нашей землѣ, надъ которой небо, соотвѣтствуя ей, бываетъ облачно и даже бурно. Тѣмъ не менѣе я не долженъ говорить: «да не будетъ такъ; пусть будетъ иначе!» Ибо хотя бы я ничего не видѣлъ, кромѣ этихъ кажущихся несогласій, и конечно пожелалъ бы лучшаго; но при всемъ томъ я обязанъ былъ бы за все славить и величать Тебя: и драконы (змѣи крылатые) и всѣ бездны, огонь и градъ, снѣгъ и туманъ и духъ бурень, творящіи слово Твое; горы и всѣ холмы, деревья плодоносныя и всѣ редры; звѣри и всѣ скоты, гады пресмыкающіеся и пернатые птицы; цари земли и всѣ народы, князи и всѣ судии земные; юноши и дѣвы, старцы и отроки, — все въ одинъ голосъ славить и величаетъ имя Твое. А когда помышляю, что и на небѣ славятъ и величаютъ Тебя, Боже нашъ, всѣ ангелы Твои и всѣ воинства Твои; солнце и луна, всѣ звѣзды и всѣ свѣтила; небеса небесъ и воды превыше небесъ, — все и тамъ единогласно славословить имя Твое (Псал. CXLVIII, 1—14): то не желалъ уже болѣе ничего лучшаго, потому-что обнималъ взоромъ своимъ все пространство творенія

Твоего; и здравымъ смысломъ судилъ такъ, что творенія высшія лучше низшихъ, а всё вмѣстѣ взятыя, еще лучше и самыхъ лучшихъ, разсматриваемыхъ въ отдѣльности.

ГЛАВА 14.

О какъ безумны тѣ, которые, не удовлетворяясь твореніями Твоими, Боже мой, дерзаютъ хулить что-либо въ нихъ! Увы! Таковъ былъ и я, когда порицалъ многое въ твореніяхъ Твоихъ! Но такъ-какъ душа моя не простирала своей дерзости до того, чтобы хулить Тебя Самаго; то и не рѣшалась признавать Тебя Творцомъ того, что ей не нравилось. И отсюда впала она въ заблужденіе дуализма, допустивъ двѣ субстанціи, какъ два другъ другу противоположныя начала. Но и на томъ не могла успокоиться, погружаясь въ суетныя и нелѣпыя мечты. Поступая далѣе, она создала себѣ бога, наполняющаго собою всё мѣста въ безпредѣльномъ пространствѣ, вообразила, что таковъ именно—Ты. И помѣстила этотъ призракъ въ сердцѣ своемъ, и содѣлалась храмомъ идола своего, мерзостнымъ для Тебя. Но когда Ты пригрѣлъ главу невѣжды, и отвратилъ очи мои отъ мучительной суеты нелѣпыхъ мудрованій; тогда я почувствовалъ нѣкоторое успокоеніе, и безуміе мое какъ-бы заснуло. Я пробудился въ Тебѣ, Господи, и увидѣлъ, что Ты дѣйствительно безпредѣленъ; но эта безпредѣльность Твоя совсѣмъ не такова, какою я представлялъ ее себѣ доселѣ: и это вѣдѣніе проистекало уже не отъ плоти и не отъ рови.

ГЛАВА 15.

Затѣмъ обратилъ я взоръ и на прочіе предметы и увидѣлъ, что все обязано своимъ существованіемъ Тебѣ и все ограничивается Тобою, но не по отношенію къ простран-

ству, а потому именно, что Ты все содержишь десницею Своею и истинною Своею; и все истинно, поколику существуетъ, и только то ложно, что имѣетъ мечтательное бытіе. Уразумѣль и то, что все сотворенное соотвѣтствуетъ не только своему мѣсту, но и времени пребыванія, что Ты, будучи Одинъ вѣчень, не по истеченіи безчисленныхъ вѣковъ сталъ творить, а творишь и отъ вѣчности, и что всѣ времена и протекшія и грядущія не могли бы имѣть ни начала ни конца своего, если бы Твое вѣчное всемогущество не выразилось въ своемъ творествѣ.

ГЛАВА 16

Я позналъ на опытѣ, что ночему удивляться, если пища, которая для здоровыхъ составляетъ удовольствіе, для больныхъ, у которыхъ вкусъ испорченъ, кажется горькою и непріятною; и одинъ и тотъ же свѣтъ, который для здоровыхъ глазъ служитъ наслажденіемъ, для глазъ больныхъ бываетъ нестерпимъ. Такимъ же образомъ и правда Твоя, Господи, не нравится грѣшникамъ (*iniquis*). Тѣмъ болѣе не понравится имъ какая нибудь ехидна (змѣя) или червякъ, тогда какъ и эти твари Твои добры, потому-что и онѣ, по своему достоинству, помѣщены Тобою въ низшихъ разрядахъ твореній, гдѣ мѣсто и нечестивымъ, которые обезобразили въ себѣ образъ Твой; между тѣмъ какъ люди благочестивые чѣмъ болѣе стараются уподобляться Тебѣ, тѣмъ на высшія и высшія восходятъ ступени въ приближенія къ Тебѣ. И тутъ-то я задалъ себѣ вопросъ: что же такое грѣховность (*iniquitas*)? въ чемъ она состоитъ? И рѣшилъ, что это не есть какая-либо субстанція; а есть уклоненіе развращенной воли существъ отъ Тебя, Господи, Существа высочайшаго и совершеннѣйшаго, и ниспаденіе ихъ съ высоты первобытнаго совершенства своего, Тобою имъ дарованнаго, въ бездну своего несовершенства, гдѣ внѣ Тебя и независи-

мо отъ Тебя мечтають они утвердить свою гордыню и *въ животъ* своемъ *извергаютъ утробу* свою (Сир. X, 10) ¹⁾.

ГЛАВА 17.

Я отъ радости удивлялся самъ себя, что сталъ уже любить Тебя, а не пустой призракъ вмѣсто Тебя. Но я еще

---

¹⁾ Такимъ образомъ изъ этихъ главъ (9—16) видно, что ученіе неоплатониковъ, съ которымъ встрѣтился блаж. Августинъ послужило ему въ пользу. Платоническая философія открыла Августину высшій способъ представленія о Богѣ, какъ высочайшемъ Умѣ, высочайшей Силѣ и высочайшей Любви, какъ о Существовѣ простѣйшемъ и безтѣлесномъ, Существовѣ чисто духовномъ, которое все еодержитъ своею волею, а не такъ, какъ нѣкое безгранично вмѣстилище. Послѣ сего Августинъ началъ освобождаться отъ епрежнихъ недоумѣній своихъ, и главный вопросъ его о происхожденіи зла рѣшался теперь ясно и удовлетворительно. Зла нѣтъ, какъ особаго какого нибудь жизненнаго начала (*substantia*). Это есть только или относительное несовершенство твари—зло мнимое или отпаденіе отъ Бога—зло дѣйствительное, но произвольное, а потому самому могущее быть и не быть. На такихъ разсужденіяхъ сталъ теперь успокоиваться блаж. Августинъ. Но, возвысившись умосозерцаніемъ своимъ въ понятіи о Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ, онъ далеко еще былъ отъ истиннаго понятія о личности Іисуса Христа, какъ Бога Искупителя, въ чемъ не могло помочь ему ученіе неоплагонической школы: главное, онъ не находилъ тамъ того великаго слова, которое составляетъ основу правой вѣры,—и *Слово плоть бысть, и вселися въ ны*; о состояніи величія Его еще говорилось тамъ, но о состояніи уничтоженія и затѣмъ прославленія Его—ни слова. См. предыдущую 9 главу. Окончательное вразумленіе и просвѣщеніе его свыше вѣрою во Христа Іисуса, Спасителя нашего, Богочеловѣка, какъ *единого Посредника между Богомъ и челоуѣками* (1 Тим. II, 3—5), совпадаетъ съ совершеннымъ обращеніемъ къ православной вѣрѣ и крещеніемъ его, вскорѣ за тѣмъ послѣдовавшемъ.

не могъ неуклонно пребывать въ любви къ Богу моему: я то возносился къ Тебѣ въ созерцаніи Твоей божественной красоты, то внезапно низвергался отъ Тебя долу и съ болѣзненнымъ стономъ погружался въ прежнее состояніе свое, подавляемый тяжестію порабоцавшихъ меня чувственныхъ привычекъ плоти и крови. Не смотря на то, у меня сохранялось воспоминаніе о Тебѣ (ибо Ты всегда былъ присутствіемъ), и я нисколько не сомнѣвался уже, что есть Существо, съ которымъ я долженъ войти въ самое тѣсное общеніе, но къ прискорбію моему я не въ состояніи еще былъ такъ тѣсно соединиться съ Нимъ: *тѣло бо тѣлнное отягощаетъ душу, и земнов жилище обременяетъ умъ многопопечителенъ* (Прем. IX, 15). Я вполне былъ увѣренъ, что *невидимая Твоя отъ созданія міра творенми помышляема видима суть, и присносушная сила Твоя и Божество* (Рим. 1, 20). И дѣйствительно, когда я доискивался, на чемъ основываются одобрительныя отзывы мои о красотѣ тѣлъ, небесныхъ или земныхъ, и что вообще руководить меня давать рѣшительныя приговоры о подлежащихъ измѣненіямъ предметахъ, напримѣръ: это должно быть такъ, а то не такъ, — когда я старался разяснить себѣ самое основаніе, почему такъ сужу; то дошелъ до того, что надъ своимъ умомъ, тоже подверженнымъ измѣненію, находилъ неизмѣнную и вѣчную истину. И доходилъ я до того постепенно: я восходилъ отъ тѣлъ къ душѣ чувственной, которая посредствомъ тѣлесныхъ чувствъ ощущаетъ внѣшній чувственный міръ, а отсюда къ ея внутренней силѣ, которой внѣшнія ощущенія приносятъ вѣсть о внѣшнемъ мірѣ, насколько можетъ вмѣстить это душа животныхъ; затѣмъ еще выше и выше возносился къ мыслящей и разумной силѣ, которая уже судитъ о полученныхъ ею впечатлѣніяхъ. Наконецъ мой разумъ, также измѣняющійся, сознавая, что все неизмѣнное лучше измѣняющагося, отрѣшался въ мышленіи своемъ отъ при-

вычныхъ образовъ и призраковъ, и стремился найти истинный свѣтъ, чтобы съ помощію его познать самое бытіе неизмѣняющееся ;иначе, если бы онъ не въ состояніи былъ сколько нибудь познать его, то нѣвоимъ образомъ не могъ бы съ полною увѣренностію предпочитать его всему измѣняющемуся. Такъ я разумною силою души своей достигалъ и достигъ этого бытія верховнаго въ минуты трепетнаго воззрѣнія (in ictu trepidantis aspectûs). И тогда-то я уразумѣлъ, какъ Твое невидимое Существо становится видимымъ въ твореніи Твоемъ. Но слабый взоръ мой все еще не могъ выдерживать величія Твоего свѣта, такъ-что я, ниспадая съ этой высоты въ обычное состояніе свое, ничего не выносилъ съ собою, кромѣ пріятнаго воспоминанія, при которомъ какъ-бы желалъ насладиться хотя запахомъ той пищи, которой не могъ вкушать.

ГЛАВА 18.

Посему я искалъ пути болѣе надежнаго къ общенію съ Тобою; но нигдѣ не находилъ, пока не обратился съ вѣрою и любовію къ *единому посреднику (ходатаю) между Богомъ и людьми, человеку Христу-Иисусу* (1 Тим. II, 5), *сущему надъ всѣмъ Богоу, благословенному во вѣки* (Рим. IX, 5),—Тому, Который взываетъ и глаголетъ: *Азъ есмь путь и истина и животъ* (Іоан. XIV, 6), Который соединилъ съ плотію ту пищу, къ воспріятію которой я былъ неспособенъ; ибо *Слово Твое стало плотію* (Іоан. 1, 14), чтобы вѣчная мудрость Твоя, которою Ты все создалъ, содѣлалась для насъ, какъ дѣтей, также доступною, какъ доступна молочная пища для младенцевъ. Да, я искалъ этого пути, но не вдругъ нашелъ его, даже въ лицѣ Іисуса Христа; потому-что, будучи самъ смиренъ (уничижень), я никакъ не могъ понять въ Немъ, какъ Го-

сподѣ моемъ, Его глубочайшаго смиренія¹⁾, не постигалъ и того, чему могло поучать насъ таковое Его уничтоженіе. Ибо Слово Твое, Твоя вѣчная истина, возвышаясь въ горнемъ мірѣ надъ всѣми твореніями Твоими, возводитъ къ Себѣ преклоняющихся предъ Нимъ; а въ мірѣ дольнемъ, создавъ Себѣ смиренную хramину изъ нашей брeнной персти, низводитъ долу оставившихъ Тебя гордыхъ людей, чтобы воссоединить ихъ съ Собою, исцѣляя ихъ жестокосердіе и питая въ нихъ любовь, чтобы они, отложивъ свое самообольщеніе, при непосредственномъ созерцаніи нисшедшаго до нашей слабости Божества, облекшагося въ одежду нашей плоти, сами почувствовали всю тяжесть своей слабости и въ изнеможеніи своемъ поверглись предъ Симъ Богочеловѣкомъ, Который, возставая Самъ, возстановитъ вмѣстѣ съ Собою и насъ.

ГЛАВА 19.

Да! я иныхъ былъ мыслей о лицѣ Христа, Господа моего; я думалъ о Немъ, какъ о человѣкѣ, одаренномъ только особенною мудростію, съ Которымъ никто не можетъ сравниться, и тѣмъ болѣе потому, что Онъ, чудесно родившись отъ Дѣвы, божественною заботливостію Св. ею о насъ,

---

¹⁾ Non tenebam Dominum meum Iesum humilis humilem, по смыслу тоже что, miserabilis miserabilem: будучи самъ жалкимъ, я не могъ понять въ лицѣ Иисуса, Господа моего, такового же, *жалкаго* состоянія. А можно еще допустить, по теченію рѣчи и контексту ея, такое чтеніе: non dum humilis (superbus) humilem; и въ такомъ случаѣ смыслъ выйдетъ такой: будучи самъ гордъ, я не могъ понять въ лицѣ Иисуса, Господа моего, Его столь глубокаго смиренія. Такъ поступилъ одинъ изъ французскихъ переводчиковъ (Les confessions de saint Augustin par l'abbé Gabriel A. 1862); но это будетъ уже отступленіе отъ подлинника.

казалось, заслуживалъ полное довѣріе къ Себѣ и Своему учению, и могъ Своимъ примѣромъ внушить намъ презрѣніе къ временнымъ благамъ для достиженія вѣчно-блаженнаго безсмертія. Но что за тайна заключалась въ словахъ: *Слово плоть бысть*; того я и предполагать даже не могъ. Читая въ писаніяхъ, какъ Онъ ѣлъ и пилъ, радовался и печалился, какъ разговаривалъ и обращался съ людьми; я думалъ, что Слово Твое, принявъ плоть, соединилось вмѣстѣ съ тѣмъ съ человѣческой душою и человѣческимъ духомъ (*sunt anima et mente humana*). Тагъ долженъ думать всякій, кто знаетъ неизмѣняемость Слова Твоего, относительно которой я уже нисколько не сомнѣвался. Ибо имѣть по произволу тѣлесное движеніе или тѣлесный покой; или въ одно время находиться въ одномъ состояніи душевномъ, а въ другое — въ другомъ; или же высказывать посредствомъ какихъ бы то ни было знаковъ душевныя ощущенія и мысли разумныя, иногда же по обстоятельствамъ промолчать объ нихъ: — все это показываетъ измѣняемость души и духа (*animae et mentis*). Если бы это разсказывалось о Христѣ ложно, тогда была бы опасность признать ложью все, что ни говорится о Немъ, и въ св. Писаніяхъ не оставалось бы никакой опоры роду человѣческому для спасительной вѣры. Но тагъ-какъ несомнѣнно, что все повѣствуемое въ св. Писаніи истинно; то я призналъ во Христѣ не только тѣло человѣка, или съ тѣломъ одну душу безъ духа (*aut cum corpore sine mente animam*), но всего цѣлостно человѣка, какъ онъ есть; и я думалъ, что этотъ человѣкъ выше всѣхъ насъ, не по личности Истины воплощенной (*non personā Veritatis*), но по нѣкоторому особенному превосходству человѣческой природы и по чрезвычайному обилію мудрости. Аліпій же разумѣлъ, напротивъ, что по ученію католической церкви воплощеніе Бога надобно понимать тагъ, что во Христѣ кромѣ Божества и плоти нѣтъ ни души человѣческой, ни духа человѣческа-

го (ut praeter Deum et carnem non esset in Christo nec anima nec mens humana); но такъ-какъ онъ былъ въ тоже время убѣжденъ, что многія дѣйствія, повѣствуемая о Немъ въ Писаніи, не могутъ быть приложимы къ Нему, не допустивъ въ Немъ вполнѣ и души животной, общей намъ съ низшими тварями міравещественнаго, и духа разумнаго, общаго намъ съ твореніями высшими міра духовнаго (sine vitali et rationali creaturâ), то есть, не допустивъ въ Немъ и человѣческой души и человѣческаго духа (sine anima et mente humana) ¹⁾: то это обстоятельство и удерживало его отъ принятія христіанской вѣры. Впрочемъ онъ вскорѣ убѣдился, что это заблужденіе принадлежитъ не католической христіанской церкви, а еретикамъ аполинаристамъ; и потому тотчасъ съ радостію присоединился къ православной вѣрѣ. Что же касается до меня, но я, признаюсь, нѣсколько позже Алипія уразумѣлъ, нѣсколько истинное ученіе католической церкви разнится отъ лжеученія Фотина въ пониманіи этихъ словъ: *и Слово плоть бысть* (Іоан. 1, 14). И

---

¹⁾ Встрѣчаемая здѣсь въ нѣсколькихъ мѣстахъ слова: anima humana et mens humana, переведенныя словами: душа человѣческая и духъ человѣческій, имѣютъ во всѣхъ этихъ мѣстахъ такое значеніе, что подъ a n i m a—душа разумѣется жизненное начало или жизненная сила существъ міра матеріальнаго или вещественнаго; а подъ m e n s—духъ разумѣется жизненная сила существъ безплотныхъ міра духовнаго. Въ такомъ же смыслѣ употреблено здѣсь же въ одномъ мѣстѣ и выраженіе: sine vitali et rationali creaturâ, такъ-что слову v i t a l i s—животный соответствуетъ слово anima, а слову r a t i o n a l i s—разумный—слово mens. А въ человѣкѣ, какъ существѣ духовно-тѣлесномъ, блаж. Августинъ относитъ animam humanam или creaturam vitalem къ тѣлесной его природѣ, а mentem humanam или creaturam rationalem къ духовной его природѣ. Такимъ образомъ человѣкъ представляется у него, въ ряду твореній Божіихъ, какъ связь двухъ міровъ: вещественнаго и духовнаго или видимаго и невидимаго.

тогда я увидѣлъ, что лжемудрованія лжеучителей служатъ только къ большему уясненію положительнаго пониманія церковію догматовъ вѣры и къ возвышенію достоинства здраваго ея ученія. *Подобаетъ бо и ересемъ въ васъ быти, да искусніи явлени бывають въ васъ* (1 Кор. XI, 19).

ГЛАВА 20.

Чтеніе сочиненій Платониковъ наведено меня на мысль—искать истины превыше міра чувственнаго, и я устремилъ взоръ свой въ міръ сверхъ-чувственный, постигая, что *невидимая твоя, творенми помышляема, видима суть* (Рим. 1, 20.); но будучи пораженъ величіемъ Твоего свѣта, я отшатнулся назадъ, и почувствовалъ, что истина Твоя все еще недоступна для меня. Я увѣренъ былъ, что Ты существуешь и что Существо Твое безконечно и все содержитъ въ своей волѣ, а не въ пространствѣ, какъ нѣкое ограниченное или даже безграничное вмѣстилище; что Ты одинъ въ истинномъ смыслѣ существуешь, потому-что Ты только одинъ существуешь всегда и неизмѣнно; что все прочее отъ Тебя происходитъ и не имѣетъ инаго основанія своему существованію:—во всемъ этомъ я твердо былъ увѣренъ, но еще не могъ возвыситься до того, чтобы достигнуть блаженнаго общенія съ Тобою; я любилъ обо всемъ этомъ разглагольствовать, гордясь своими познаніями, какъ знатокъ дѣла, а между тѣмъ всѣ эти познанія мои, если бы не нашелъ я во Христѣ Спасителѣ нашемъ пути, ведущаго насъ къ Тебѣ, привели бы меня только къ гибели 1). Уже хотѣлъ я

---

1) Последнія слова въ подлинникѣ замѣчательны своею игрою: *Garriebam plane quasi peritus. et nisi in Christo Salvatore nostro viam tuamquæ crearem, non peritus, sed periturus essem.* Эта игра заключается въ словахъ: *peritus* и *periturus*, которыя звучатъ почти одинаково, но въ значеніи своемъ совершенно расходятся.

слыть мудрецомъ, нося въ самомъ себѣ наказаніе за свой гордость, и, изнемогая подъ тяжестью бѣдствій, я не оплакивалъ ихъ, а напыщался своимъ горделивымъ мудрованіемъ. И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ была та любовь, которая созидаетъ на основаніи смиренія, то есть, на самомъ Христѣ Исусѣ? И какимъ образомъ могли научить меня этой любви подобныя сочиненія (Платониковъ)? Думаю, что Ты, Господи, для того именно и достигъ меня познакомиться съ этими сочиненіями прежде, чѣмъ сталъ я углубляться въ Твои Писанія, чтобы дать мнѣ возможность замѣтить, какое впечатлѣніе произведутъ они на меня, и чтобы затѣмъ, когда чтеніе Твоихъ Писаній содѣлаетъ меня изъ надменнаго и гордаго кроткимъ и смиреннымъ и когда заботливая десница Твоя коснется меня и исцѣлитъ раны мои, могъ я опытно познать то различіе, какое существуетъ между высокоумѣнною дерзостью философа, надбющагося на свои собственные силы, и смиренномудріемъ вѣрующаго, исповѣдающаго свою нищету,—между тѣми, которые видятъ предметъ, къ которому должно стремиться, но не видятъ къ нему пути, и тѣми, которые знаютъ и цѣль своихъ стремленій и путь, приводящій ихъ въ блаженное отечество, не для того только, чтобы издали смотрѣть на него, но чтобы поселиться въ немъ навсегда. Ибо, если бы я сперва наставленъ былъ на путь истины чтеніемъ Твоего св. Писанія, изъ котораго позналъ бы и возлюбилъ бы Тебя, а потомъ уже познакомился съ этими сочиненіями (Платониковъ); то можетъ быть они поколебали бы меня въ основаніи вѣры и благочестія. или, если бы даже я, положимъ, и устоялъ на спасительномъ основаніи Божественнаго Слова Твоего, при всемъ томъ могла бы еще родиться у меня мысль, что и безъ Твоихъ Божественныхъ книгъ можно достигнуть тогоже самаго при помощи книгъ подобныхъ Платоникамъ любомудровъ.

ГЛАВА 21.

Итакъ, послѣ того, я весь предался чтенію Божествен-

ныхъ Писаній Твоихъ, по внушенію самаго Духа Твоего намъ преподаанныхъ, и съ благоговѣніемъ углублялся въ нихъ, особенно въ писанія апостола Павла; и тогда всѣ тѣ затрудненія, и кажущіяся противорѣчія въ писаніяхъ сами собою разрѣшались. Все мнѣ представлялось въ нихъ теперь въ видѣ благочестномъ, и я любилъ радоваться этому съ трепетомъ. Я увидѣлъ, что все то, что я тамъ (у философовъ) находилъ истиннаго, содержится и здѣсь, въ священныхъ книгахъ, но съ тою разностію, что здѣсь все высказывается, какъ даръ Твоей благодати, дабы тотъ, кто видитъ Твою истину, не хвалился самъ собою, какъ будто отъ Тебя не получалъ, не только того, что видитъ, но и самой возможности и способности видѣть; ибо что онъ имѣетъ, чего бы не получилъ? (1 Кор. IV, 7), и чтобы онъ признавалъ, что даръ боговѣдѣнія не только исходитъ именно отъ Тебя, Который всегда *тойжде еси* (Псал. CI, 28), но и есть врачующая сила, которой человѣкъ долженъ держаться, чтобы не отпасть отъ Тебя навсегда, и чтобы тотъ, кто не можетъ еще видѣть Тебѣ издали, не переставалъ идти этимъ путемъ, которымъ непременно дойдетъ туда, гдѣ узрѣть Тебя и достигнуть блаженнаго общенія съ Тобою. Ибо хотя человѣкъ и *соулаживаетъ закону Божию по внутреннему челоуьку*; но что сдѣлаетъ онъ съ *инымъ закономъ во удѣхъ его, противувоюющимъ закону ума его и плнпяющимъ его закону грѣховному, сущему во удѣхъ его* (Рим. VII, 22. 23)? Только Ты, Господи, *праведенъ еси*, мы же *согрѣшихомъ и беззаконновахомъ, отступивше отъ Тебе*, и рука Твоя отяготѣла надъ нами, и мы *праведнымъ судомъ Твоимъ преданы въ руки врага* (Дан. III, 27 — 32), древняго грѣшника — внязя смерти, который, самъ не устоявъ въ истинѣ (Юан. VIII, 44), и нашу волю подчинилъ волѣ своей, содѣлавъ и ее такою же отступни-

цею отъ истины Твоей. Чтò дѣлать этому *окаянному* (несчастному), *человѣку? Кто избавитъ его отъ тѣла смерти сего*, если не Твоя *благодать Иисусомъ Христомъ Господомъ нашимъ* (Рим. VI, 24. 25). Котораго Ты родилъ прежде вѣкъ и создалъ (стяжалъ) въ началѣ путей Своихъ (Прит. VIII, 22—25), въ Которомъ князь міра сего ничего не нашелъ достойнаго смерти (Іоан: XIV, 30), но умертвилъ Его, чѣмъ встреблено рукописаніе, которое было противъ насъ, и пригвождено Имъ ко кресту (Кол. II, 14)? А сего-то мы и не находимъ въ книгахъ философовъ. На страницахъ этихъ горделивыхъ любомудровъ не встрѣчаемъ мы никакихъ слѣдовъ вѣры и благочестія: нѣтъ здѣсь слезъ покаяннаго исповѣданія, нѣтъ Жертвы Твоей—Духа сокрушеннаго и Сердца смиреннаго (Псал. L, 19); не слышится отсюда голосъ чудодѣйственнаго домостроительства Твоего о спасеніи народа Твоего, о новомъ Градѣ Твоемъ, приготовленномъ какъ Невѣста Жениху своему (Апок. XXI, 1—3), о залогѣ Святаго Духа Твоего (2 Кор. V, 5), о таинственной Чашѣ нашего искупленія (Лук XXII, 20, 1 Кор XI, 23—26) ¹⁾. Никто изъ философовъ не произноситъ словъ псалмопѣвца: *не Богу ли повинется душа моя? не отъ Него ли спасеніе мое? Такъ! Онъ Богъ мой и Спасъ мой, твердыня моя и защита моя; не поколеблюсь болѣе* (Псал. LXI, 2. 3). Никто тамъ не внимаетъ гласу Призывающаго: *прійдите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные* (Мат. XI, 28). Эти гордые мудрецы пренебрегаютъ поучаться отъ Того, Кто *кротокъ и смиренъ сердцемъ* (—29). Ты же, Господи, *утаилъ сіе отъ мудрыхъ и разумныхъ, и открылъ то младенцамъ* (—25). И какое различіе между тѣми, которые съ пустынной вер-

¹⁾ Всѣ эти прописныя буквы удержаны по изданію бенедиктинскому

шины горы взирають на мирное отечество, но не имѣють возможности найти къ нему дороги, напрасно изнуря себя по окольнымъ извилинамъ, гдѣ вокругъ бѣглецы и перемѣтчиби, подѣ начальствомъ своего князя—льва и драгона подстерегаютъ и преслѣдуютъ ихъ, и—тѣми, которые идутъ туда прямымъ путемъ, подѣ защитою служебныхъ силъ (curgia) ¹⁾ Царя Небеснаго,—путемъ царскимъ, гдѣ не смѣють показываться эти враги, какъ измѣнники, оставившіе небесное воинство, боясь и убѣгая его, какъ смертной казни. Въ такія размышленія погружался я, когда читалъ *меньшаго изъ апостоловъ Твоихъ* (какъ самъ онъ называетъ себя (1 Кор. XV, 9; Ефес. III, 8); и чѣмъ болѣе углублялся я въ дивныя пути и чудныя дѣла Твоего промысла, тѣмъ болѣе обнималъ меня благоговѣйный трепетъ удивленія.

К Н И Г А О С Ъ М А Я.

—

Въ этой книгѣ блаж. Августинъ изображаетъ одинъ изъ лучшихъ періодовъ своей жизни, именно, тридцать второй годъ, за которымъ непосредственно слѣдуетъ годъ его обращенія и крещенія. Бесѣда съ нимъ Симплиціана и особенно Симплиціановъ разсказъ о замѣчательномъ обращеніи Викторена и разсказъ

¹⁾ Во всѣхъ почти изданіяхъ мѣсто это читается такъ: сурга caelestis Imperatoris—подѣ охраненіемъ или обезпеченіемъ вождя небеснаго. Въ одномъ только новѣйшемъ изданіи Минье „Patrologiæ cursus completus“, по одному манускрипту „in MS. Benigniano“, чтеніе этого мѣста исправлено такъ: сурга caelestis Imperatoris, гдѣ слово сурга значить *дворъ царскій, дворъ государевъ, свита*. И это чтеніе, по замѣчанію издателя, гораздо ближе къ тексту; оно удержано и въ нашемъ переводѣ.

Покитціана предъ нимъ и другомъ его Алініемъ о жизни Антонія египетскаго и обращеніи двухъ царедворцевъ поднимаютъ въ Августинъ чрезвычайную борьбу между плотію и духомъ. А по внушенію свыше и какъ-бы божественному мановенію чтеніе апостола Павла производитъ въ немъ внезапную перемѣну, такъ-что съ нимъ послѣдовало совершенное обращеніе къ Богу.

ГЛАВА I.

Господи, Боже мой! въ состоянціи ли я воскресить въ памяти своей всѣ милости Твои, излитыя на меня, возблагодарить Тебя за нихъ! О, да проникнутся кости мои до мозговъ любовію къ Тебѣ, и да рекутъ онѣ: *Господи! кто подобенъ Тебѣ* (Псал. XXXIV, 10)? Ты разрѣшилъ меня отъ оковъ моихъ, Тебѣ пожру жертву хвалы (Псал. CXV, 7. 8; Евр. XIII, 15). Возвѣщу о томъ, какъ Ты расторгъ мои узы; и всѣ поклоняющіеся Тебѣ, узнавъ объ этомъ, воскликнутъ: *благословенъ еси, Господи Боже нашъ, пренятый и превозносимый во вѣки, и на небѣ и на землѣ; и благословено имя Твое, веліе и чудное, пренятное и превозносимое во вѣки* (Дан. III, 52)! Слова Твои напечатлѣвались во глубинѣ души моей, и Ты спасалъ меня, ограждая и охраняя отъсюду. Я исполнѣ былъ увѣренъ, въ Твоей вѣчной жизни, хотя прозрѣвалъ въ нее *якоже зеркаломъ въ гаданіи* (1 Кор. XIII, 12); еще болѣе убѣжденъ былъ я въ самостоятельной неизмѣняемости существа Твоего, отъ котораго зависятъ всѣ другія существа: мнѣ оставалось желать только болѣе и болѣе укрѣпиться въ познаніи Тебя. Между тѣмъ непостоянство міра сего отражалось и на моей жизни; и я являлся влающимъ и колеблющимся; мнѣ надлежало очистить себя отъ *ветхала кваса*, чтобы быть *новымъ смѣшеніемъ, не въ квасъ злобы и лукавства, но въ безквасныхъ чистоты и истины* (1 Кор. V, 6—8). Я съ радостію желалъ вступитъ на тотъ спасительный путь, который есть самъ Спаситель Іисусъ-

Христось; но я все еще отступалъ отъ этого пути, страшась его трудностей. Тогда Ты внушилъ мнѣ мысль обратиться къ Симплициану, на котораго я смотрѣлъ, какъ на одного изъ вѣрныхъ рабовъ Твоихъ, и въ которомъ видимо сіяла благодать Твоя. Я слышалъ, что онъ отъ юности всецѣло посвятилъ себя на служеніе Тебѣ. Въ то время онъ достигалъ уже глубокой старости, и я представлялъ его себѣ, отъ долголѣтняго послѣдованія пути Твоему, въ высшей степени многоопытнымъ, какъ оно было и на самомъ дѣлѣ. Я имѣлъ въ виду раскрыть предъ нимъ всего себя, и въ особенности настоящее тревожное состояніе свое, чтобы онъ указалъ мнѣ путь неуклонно ведущій къ Тебѣ

Я видѣлъ, что въ церкви Твоей, состоящей изъ множества членовъ, одни шли тѣмъ путемъ, а другіе другимъ. Мнѣ наскучилъ уже мой образъ жизни по вкусу міра сего, даже сильно тяготилъ меня, когда утихавшія страсти честолюбія и корыстолюбія переставали поддерживать меня въ перенесеніи этого тягостнаго и несноснаго ига. Да, всѣ почти временныя удовольствія не восхищали уже меня въ той степени, какъ блаженство Твое и благолѣпіе дома Твоего, который я возлюбилъ (Псал. XXV, 8). Только наслажденія плотской любви, упорно приговывали меня къ себѣ, (*adhuc tenaciter colligabar ex femina*). Надобно сказать, что апостоль не запрещалъ мнѣ вступать въ супружество, хотя въ то же время давалъ совѣтъ вѣрнымъ избирать состояніе болѣе совершенное, желая, чтобы всѣ люди были, какъ и онъ (1 Кор. VII). Но я такъ былъ немощенъ, что избиралъ то, что болѣе потворствовало моей слабости; а поэтому и дѣйствія мои были слабы и нерѣшительны. Я сознавалъ, что брачныя связи влекутъ за собою безчисленное множество бѣдствій, которыхъ мнѣ хотѣлось избѣгнуть, а между тѣмъ неукротимая страстность неотразимо увлекала меня къ этимъ связямъ. Узналъ я отъ самой Истины, что есть скопцы, оско-

пившіе сами себя ради царствія небеснаго; но та же Истина тутъ же прибавляетъ: *могій вмѣстити, да вмѣстятъ* (Матѳ. XIX, 12). *Суетни убо вси челоувѣцы, въ нихже обрѣтается невѣдѣніе о Бозѣ, и отъ видимыхъ благъ не возмогша уразумѣти Сущаго* (Прем. XIII, 1). Но я уже освободился отъ такого суетнаго помраченія; я перешелъ уже ту бездну, которая отдѣляла меня отъ Тебя, Боже мой! Опираясь на свидѣтельство творенія Твоего (какъ пути естественнаго богопознанія) и писаній Твоихъ (какъ пути откровеннаго богопознанія), я обрѣлъ Тебя—Творца и Зиждителя нашего, и Слово Твое, Которымъ Ты все сотворилъ (и падшихъ насъ искупилъ), и Святаго Духа Твоего (Кѳимъ Ты все освятилъ и оживотворилъ),—Тебя Единаго Бога (во святой Троицѣ). Есть нечестивцы, которые хотя и познали Бога, но не прославили Его какъ Бога, и не возблагодарили, а осуетились въ умствованіяхъ своихъ, и омрачилось несмысленное ихъ сердце (Рим. 1, 21). Въ этотъ разрядъ людей и я попалъ; но десница Твоя воспріяла меня (Псал. XVII, 36), и, исторгнувъ изъ этой бездны, Ты направилъ меня на путь спасенія, повѣдавъ челоувѣку: *се благочестіе есть премудрость* (Іов. XXVIII 28), и, *не буди мудръ о себѣ* (Прит. III, 7; Рим. XII, 6), *глаголющеся бо быти мудры, обзюродѣша* (Рим. 1, 22.) И я нашелъ уже ту драгоцѣнную жемчужину, которую долженъ былъ купить, по Твоему слову, цѣною всѣхъ благъ моихъ, не щадя ничего, что имѣлъ (Матѳ. XIII, 46); но я еще колебался.

ГЛАВА 2.

Итакъ я обратился къ Симплиціану, духовному отцу самаго святителя Амвросія, который любилъ его именно

какъ отца ¹⁾. Я раскрылъ предъ нимъ всю душу свою. И когда разсказалъ ему, что я читалъ нѣкоторыя сочиненія платониковъ, въ латинскомъ переводѣ Вигторина, бывшаго учителя краснорѣчія въ Римѣ и потомъ христіанина; то этотъ старецъ Божій съ живымъ участіемъ привѣтствовалъ меня, радуясь, что мнѣ попались въ руки не сочиненія другихъ философовъ, исполненныя лжи и обмана по стихіямъ міра сего (Кол. II, 8), а сочиненія платониковъ, которыя во всякомъ случаѣ знакомятъ съ Богомъ и Его Словомъ. После того, чтобы возбудить во мнѣ смиреніе Христово, это сокровище, утаенное отъ мудрыхъ и разумныхъ и открытое младенцамъ (Матѣ. XI, 25), онъ повелѣ рѣчь о вышеупомянутомъ Вигторинѣ, съ которымъ весьма близко знакомъ былъ, когда жилъ въ Римѣ. И я не могу, Господи, умолчать объ этомъ разсказѣ: ибо изъ него открываются чудныя дѣла Твоей благодати, за которыя люди непрестанно должны благословлять Тебя. Симплиціанъ разсказывалъ мнѣ, какъ Вигторинъ, этотъ ученѣйшій мужъ, который перечиталъ, разобралъ, оцѣнилъ столько произведеній философскихъ, образовалъ столько знаменитыхъ сенаторовъ и за свои блистательныя успѣхи въ дѣлѣ общественнаго воспитанія удостоился отъ согражданъ на форумѣ римскомъ статуи (высшая почесть по мнѣнію сыновъ вѣка сего), тотъ, который до глубокой старости поклонялся идоламъ и самъ участвовалъ въ нечестивыхъ и богомерскихъ обрядахъ языческаго богослуженія (нуж-

---

¹⁾ Симплиціанъ, духовный отецъ Амвросія, былъ въ то время пресвитеромъ меіюланской церкви; потомъ достойнымъ его преемникомъ; самъ Августинъ писалъ къ нему, какъ епископу уже, будучи и самъ въ санѣ епископа, двѣ книги о разныхъ вопросахъ, подъ названіемъ: *de diversis quaestionibus*. Съ настоящимъ разсказомъ Августина слич. его обозрѣніе или пересмотръ своихъ сочиненій (*Retractationes*) Lib. 11, cap. 1.

но замѣтить, что въ то время все почти высшее общество римское предавалось язычеству съ такимъ изступленіемъ, что увлекало за собою и весь народъ преклоняться предъ чудовищнымъ какимъ-нибудь истуканомъ Анубиса лающего (Anubem latratorem, т. е. предъ Анубисомъ съ собачьею головою) и всякаго рода подобными ему чудовищами, которые будто бы вели когда-то борьбу съ Нептуномъ, Венерою и Минервою ¹⁾, и были побѣждены; весь Римъ торжествовалъ надъ ними побѣду и въ тоже время приносилъ имъ благодарственные моленія и жертвы),—какимъ образомъ, говорю этотъ старецъ Викторинъ, столько лѣтъ защищавшій съ такою силою краснорѣчія мерзостное богослуженіе языческое и состарѣвшійся въ этомъ культѣ, не устыдился послѣ того содѣлаться рабомъ Христа Твоего и погрузиться подобно младенцу въ купель св. крещенія Твоего, подчинивъ выю свою игу смиренія и укротивъ гордыню свою позоромъ креста.

Боже Великій! Ты, Который преклонилъ небеса Твои, чтобы снiti къ намъ; прикасался горамъ, и онѣ дымились (Псал. СХLIII, 5): повѣдай намъ, какимъ путемъ вошелъ Ты въ сердце этого человѣка? Викторинъ, по разсказу Симплиціана, сталъ читать священное Писаніе и всѣ христіанскія сочиненія, какія только могъ достать, размышляя о нихъ самымъ тщательнымъ образомъ, и затѣмъ, обратившись къ Симплиціану, сказалъ ему, на единѣ, какъ другу: «знаешь

¹⁾ Смотр. Virgil. Aeneid. Lib. VIII. vv. 698—700.

Omnigenūmq̄ deū monstrā, et latrator Anubis,
Contra Neptunum et Venerem, contraque Minervam
Tela tenent. . . . .

Разнаго рода чудовищныя божества; и Анубисъ лаятель (съ собачьею головою),

Противъ Нептуна, Венеры и Минервы.

Сражаются. . . . .

ли, что я сталъ уже христіаниномъ». «Не повѣрю я этому», отвѣчалъ ему Симплиціанъ, „и дотолѣ не признаю тебя христіаниномъ, доколѣ не увижу тебя въ церкви Христовой“. Викторинъ, шутя, сказалъ „не ужъ-то стѣна дѣлаеть христіаниномъ?“ и не переставалъ повторять свои слова: что онъ уже христіанинъ; и какъ Симплиціанъ все тоже отвѣчалъ ему, такъ Викторинъ не перемѣнялъ своей шутливой остроты. Симплиціанъ опасался оскорблять своихъ знакомыхъ-вельможъ, гордыхъ идолопоклонниковъ, которые, вознесшись на высоту величія въ этомъ Вавилонѣ, подобно кедрамъ ливанскимъ, коимъ Господь Богъ попускалъ еще высится и не сокрушалъ ихъ (Псал., XXVIII 5. XXXVI, 35), могли съ этой высоты мстить ему за то, и потому онъ всемѣрно старался, чтобы не навлечь на себя ихъ немилости. Но Викторинъ, утвердившись въ чтеніи божественнаго Писанія и въ размышленіи о немъ, убоился, чтобы Христосъ не отречея его самаго предъ Отцемъ Своимъ небеснымъ и святыми ангелами, если онъ убоится исповѣдать Его предъ людьми и отречется отъ Него (Матѣ. X, 31—33; Лук. IX, 26; XII, 8. 9). Онъ представлялъ себя тяжкимъ преступникомъ, если постыдится достопоклоняемой тайны смиренія Слова Твоего, тогда какъ не стыдился доселѣ святотатственныхъ мистерій демонскихъ, являясь гордымъ ревнителемъ ихъ. Устыдившись собственной слабости и пылая ревностію за истину, Викторинъ тотчасъ же, нисколько не колеблясь, поспѣшилъ къ Симплиціану и вдругъ говорить ему: „пойдемъ въ церковь; я рѣшился быть христіаниномъ“. Симплиціанъ, пораженный такою внезапностію, немедленно отправился съ нимъ. Какъ только наставили его въ главныхъ правилахъ вѣры, тотчасъ и нарекли ему имя для возрожденія св. крещеніемъ. Трудно описать то удивленіе, коимъ пораженъ былъ Римъ. и ту радость, съ какою торжествовала церковь. Гордые язычники смотрѣ-

ли и досадовали, скрежетали зубами своими и истаевали (Псал. СХІ, 10); рабъ же Твой, Господи, возлагалъ всю надежду свою на Тебя, и не обращался болѣе къ лживымъ и безумнымъ суетностямъ — (XXXIX, 5).

Затѣмъ наступилъ часъ исповѣданія вѣры, которое, по заведенному въ Римѣ обычаю, приносилось приступавшими къ благодати св. крещенія наизусть въ словахъ точныхъ и опредѣленныхъ, по установленной формѣ, притомъ громко во всеуслышаніе, съ мѣста возвышеннаго, въ присутствіи вѣрующихъ. Викторину пресвитеры предложили совершить обрядъ этого таинства скромнѣе, безъ особенной торжественности (что дозволялось желающимъ), въ тѣхъ видахъ, чтобы избѣжать смятенія, могущаго произойти при большомъ стеченіи народа; но онъ лучше захотѣлъ торжественно исповѣдать предъ собраніемъ всего вѣрующаго народа спасительное ученіе, нежели какъ бы прятаться съ своими убѣжденіями. Онъ хорошо сознавалъ, что въ ученіи, преподававшемся въ его школѣ краснорѣчія, не было спасенія; однако же онъ преподавалъ его открыто. Отчего же было ему бояться предъ мирнымъ стадомъ вѣрующихъ въ Тебя исповѣдать ученіе Слова Твоего, — тому, кто не боялся проповѣдывать ученіе свое толпѣ людей буйныхъ? Лишь только взошелъ онъ на амвонъ для прочтенія исповѣданія вѣры, какъ всѣ знавшіе его (а кто его не зналъ?) воскликнули отъ радости, повторяя между собою имя его наперерывъ: Викторинъ! Викторинъ! такъ-что возгласы всѣхъ слились въ одинъ общій гулъ. И какъ неожиданное появленіе его произвело въ присутствовавшихъ внезапный восторгъ, такъ и голосъ его раздавшійся при чтеніи исповѣданія вѣры, мгновенно заставилъ всѣхъ утихнуть и хранить глубочайшую тишину, чтобы выслушать его исповѣданіе. Онъ произнесъ исповѣданіе свое, какъ должно, съ полнымъ убѣжденіемъ и чистосердечною совѣстію. Въ эти минуты всѣ

желали восхитить и увлечь его съ собою, давъ ему мѣсто въ собственномъ сердцѣ; и на самомъ дѣлѣ всѣ манили его туда разными движеніями и знаками любви и радости. Таковы были чувства и выраженія ихъ къ Викторину въ присутствовавшихъ при крещеніи его.

ГЛАВА 3.

Всеблагій Боже! Отчего это человекъ при спасеніи души погибавшей и отчаянной, или вышедшей изъ опасности, болѣе радуется, нежели при меньшей опасности, когда надежда на спасеніе не измѣняется? И самъ Ты, Отецъ милосердія, не больше ли радуешься объ одномъ кающемся грѣшникѣ, нежели о девяностидесяти девяти праведникахъ, не имѣющихъ нужды въ покаяніи? Точно также и мы съ особеннымъ удовольствіемъ слушаемъ, когда намъ рассказываютъ о радости ангеловъ при видѣ добраго пастыря, обрѣтшаго заблудшую овцу и несущаго ее домой на своихъ раменахъ; или о радости нѣкоей жены, вмѣстѣ съ сосѣдками и подругами ея, нашедшей потерянную ею драхму, и внесшей ее въ Твою сокровищницу; и когда читаемъ въ Писаніи Твоемъ о меньшемъ въ дому Твоемъ сынѣ: *яко мертвъ бѣ, и оживе; изгнбѣ бѣ, и обрѣтеся*, то обливаемся слезами умиленія отъ радости и веселія въ дому Твоемъ (Лук. XV). И Тебя всегда радуешь святая любовь Твоя къ намъ и святымъ ангеламъ Твоимъ: ибо Ты всегда одинъ и тотъ же, и всѣ перемѣны наши не имѣютъ мѣста въ Тебѣ, такъ какъ все наше прошедшее и все наше будущее въ вѣдѣніи Твоемъ всегда настоящее и всегда одинаково.

Отчего же это душа наша болѣе испытываетъ радости, когда вновь находитъ потерянные любимые ею предметы, нежели при постоянномъ ими обладаніи? А это такая истина, которую подтверждаетъ и собственный опытъ каждаго, и примѣры другихъ. Такъ, полководецъ-побѣдитель торже-

ствуешь свою побѣду: но одержалъ ли бы онъ ее, еслибы не вступалъ въ бой? а чѣмъ болѣе подвергается онъ опасности въ сраженіи, тѣмъ болѣе, конечно, и радости въ триумфѣ. Мореходцевъ застигаетъ буря на морѣ и угрожаетъ имъ кораблекрушеніемъ; всѣ блѣднѣютъ и приходятъ въ ужасъ отъ страха: но небо проясняется и волны утихаютъ; какая радость должна послѣдовать затѣмъ, и конечно тѣмъ большая, чѣмъ болѣе было опасности. Близкій и дорогой для насъ человѣкъ заболѣваетъ, пульсъ его предвѣщаетъ скорую кончину; всѣ, желающіе ему выздоровленія, скорбятъ: между тѣмъ ему становится лучше, и хотя нашъ больной далеко еще не пришелъ въ прежніе состояніе здоровья, но мы радуемся о немъ столько, сколько не радовались прежде, когда онъ былъ совершенно здоровъ. Мало того: мы сами даже ищемъ подобныхъ удовольствій, и охотно приобрѣтаемъ ихъ цѣною предварительныхъ лишеній. Такъ, хорошо поѣсть и хорошо попить, это—ежедневное наслажденіе наше; но мы достигаемъ его только путемъ воздержанія, если предварительно возбудимъ въ себѣ голодь и жажду. И пьяницы любятъ соленое и кислое, возбуждающее жажду, отъ утоленія которой питіемъ получаютъ удовольствіе. Не отъ того ли вошло въ обычай и то, что и помолвленныхъ невѣстъ не вдругъ послѣ помолвки отдаютъ женихамъ, чтобы мужья болѣе цѣнили своихъ женъ, за которыми долго ухаживали и воздыхали, будучи женихами?

Такъ бываетъ и въ удовольствіяхъ низкихъ и постыдныхъ, и въ утѣшеніяхъ невинныхъ и законныхъ, и въ любви самой чистой и непорочной; тоже самое и въ указанной нами евангельской притчѣ о блудномъ сынѣ, который былъ мертвъ и ожилъ, пропадалъ и нашелся, такъ-что въ домѣ Отца его небеснаго, послѣ сего, стали веселиться о немъ болѣе, нежели о старшемъ братѣ его, пребывавшемъ въ дому отцовскомъ безотлучно: такъ бываетъ повсюду и во

всемъ; тѣмъ большія испытываемъ радости, чѣмъ большія предшествуютъ имъ печали, безъ печалей мы не знали бы цѣны и радостямъ. Откуда же происходитъ это, Господи Боже мой? и между тѣмъ какъ Ты самъ по себѣ служишь для Себя источникомъ вѣчной радости, между тѣмъ какъ многія изъ твореній Твоихъ наслаждаются отъ Тебя и близъ Тебя долею неизмѣнной радости, сколько вмѣстить могутъ, отчего человѣкъ, Твоихъ же рукъ твореніе, съ окружающею его средою, находится въ постоянной борьбѣ между счастьемъ и несчастіемъ и скорбями? Видно, такова ужъ воля Твоя, и таковы Твои законы, чтобы здѣсь—на землѣ все отъ высотъ неба до преисподнихъ земли, отъ начала вѣковъ до скончанія ихъ, отъ ангела до червяка, отъ перваго момента жизни, общеннаго нашей природѣ, до послѣдняго,— чтобы всѣ здѣсь творенія Твои и всѣ роды благъ ихъ были распределены по своимъ мѣстамъ и временамъ, сообразно свойствамъ самихъ твореній. О, какъ Ты высокъ и недосыгаемъ въ высотѣ Своего творчества, и какъ непостижимъ по глубинѣ Своего творческаго могущества! и однакоже Ты нигуда не удаляешься отъ насъ: а мы съ трудомъ послѣдуемъ за Тобою.

ГЛАВА 4.

О Господи спаси же насъ! о Господи, поспѣши же къ намъ на помощь! (Псал. СХVII, 25); воззови и оживотвори насъ; яви Свое могущество и преклони насъ; возгги въ насъ любовь къ Себѣ, чтобы мы ощутили сладость Твою, и мы возлюбимъ Тебя, и полетимъ къ Тебѣ на крыльяхъ. Сколько обратилось къ Тебѣ такихъ, которые болѣе Викторина ослѣплены своими заблужденіями, но, просвѣтившись свѣтомъ истины Твоей, увѣровали въ Тебя, и Ты далъ имъ власть быть чадами Божиими (Іоан. 1, 9. 12)! Но чѣмъ менѣе ихъ обращеніе бываетъ извѣстно міру, тѣмъ менѣе и

радуются о нихъ даже тѣ, которые знаютъ ихъ. Напротивъ, чѣмъ болѣе распространяется слава о нихъ, тѣмъ болѣе бываетъ при взаимномъ торжествѣ радости у всѣхъ и каждаго; тѣмъ болѣе и другіе побуждаются ко спасенію, смотря на эти примѣры, какъ на передовыхъ путешественниковъ своихъ, которые при этомъ и сами тѣмъ болѣе радуются, и за себя и за другихъ. Но да не подумаетъ кто либо, что въ свиніи Твоей богатые и знатные предпочитаютъ бѣднымъ и униженнымъ: ибо Ты Самъ, Боже нашъ, избралъ немощное міра, чтобы посрамить сильное; и незнатное міра сего и униженное и ничего незначущее избралъ, чтобы упразднить значущее (1 Кор. 1, 27. 28). И однакоже тотъ самый изъ апостоловъ Твоихъ, слова котораго только что привели мы, самъ назвавшій себя меньшимъ изъ нихъ (—XV, 9), послѣ того, какъ проконсулъ Павелъ смирилъ свою гордость, увѣровалъ ученію Господню въ устахъ Савла, и превлонился подъ благое иго Христа Твоего, сдѣлавшись послѣдователемъ Вышняго Царя вселенныя (Дѣян. XIII, 7—12), самъ перемѣнилъ прежнее свое имя Савла на имя Павла въ память блистательной побѣды ¹⁾, въ лицѣ

---

¹⁾ Это—одно изъ мнѣній о томъ, когда и почему апостоль Павелъ вмѣсто іудейскаго имени своего «Савлъ» сталъ называться римскимъ именемъ „Павелъ“. Св. Писаніе не даетъ намъ на этотъ разъ положительныхъ свѣдѣній. Естественноѣ всего думать, казалось бы, что апостоль названъ Павломъ вмѣсто Савла тотчасъ по обращеніи своемъ и крещеніи; но въ Писаніи нѣтъ на то никакихъ данныхъ, да притомъ онъ и послѣ того долго еще назывался тѣмъ же именемъ Савла, и въ церкви христіанской введенъ уже въ послѣдствіи обычай давать или перемѣнять имена при крещеніи. Блаженный Августинъ вмѣстѣ съ Іеронимомъ думаютъ, что это имя апостоля заимствовалъ себѣ у обращеннаго имъ въ христіанство проконсула кипрскаго Павла (Дѣян. Апост. XIII, 7—12). Правда, что писатель книги Дѣяній Апостольскихъ (обстоятель-

этого вельможи-язычника, надъ исконнымъ врагомъ нашего спасенія. Ибо побѣда надъ врагомъ бываетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ лучшія отнимаются у него средства для борьбы, а такія средства находить этотъ врагъ наиболѣе въ гордости знатныхъ и сильныхъ. Итакъ, чѣмъ тяжелѣе воспоминаніе о томъ, что душа Викторина была для діавола, какъ неприступная крѣпость, и языкъ Викториновъ, какъ мечъ обоюду острый, поражавшій столь многихъ несчастныхъ; тѣмъ болѣе мы, вѣрные сыны Твои, должны радоваться, когда

ство дѣйствительно замѣчательное), послѣ повѣствованія объ обращеніи этого проконсула, называетъ апостола исключительно именемъ Павла, между тѣмъ какъ до того времени постоянно называлъ его Савломъ, и притомъ во время самаго обращенія, какъ бы на переходѣ отъ одного къ другому, однажды только именуемъ его обоими именами: *Савлъ, иже и Павелъ* (— IX). Но не легко вѣрится, чтобы обратившій, слѣдовательно, духовный отецъ, принявъ имя обращеннаго имъ, т. е. имя своего духовнаго сына; совсѣмъ наоборотъ должно бы быть. Вѣроятноѣе поэтому то мнѣніе, по которому апостолъ, будучи по происхожденію *римскимъ гражданиномъ* (— XXII 27—29), получилъ это имя еще при рожденіи своемъ вмѣстѣ съ своимъ іудейскимъ именемъ. И до тѣхъ поръ, пока онъ жилъ между іудеями, и до обращенія своего и пообращеніи на дѣлѣ проповѣди, носилъ свое іудейское имя Савла; — но когда онъ вступилъ въ сношеніе съ язычниками, сдѣлавшись апостоломъ языковъ (— XIII 46. XV III, 6. XXII, 21; 1 Тим. II, 7; 2 Тим. 11), то съ тѣхъ поръ сталъ называться своимъ римскимъ именемъ Павла, и начало этого какъ разъ совпало съ обращеніемъ проконсула язычника Павла. Съ этого времени имя Павла сдѣлалось собственнымъ его *апостольскимъ* именемъ, которымъ и самъ онъ обозначаетъ всегда свои апостольскія посланія. Подобное видимъ мы и въ евангелистѣ Маркѣ. Еврейское имя этого евангелиста было первоначальное *Іоаннъ*: такъ онъ и называется еще въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ XII, 25; XIII 5. 13; XV 37. Но съ XV, 39 Дѣяній Апостольскихъ онъ носилъ уже одно, только римское имя *Марка*. Сморг. Труды Киевской Духовной Академіи 1864 г. Том. III. Очеркъ жизни святаго апостола Павла, какъ введеніе въ его посланія.

Царь и Господь нашъ связалъ сильнаго и отнялъ у него его сосуды (Матѣ. XII, 29), потомъ, очистивъ и освятивъ, содѣлалъ ихъ сосудами въ честь Твою, потребными Владыкѣ на всякое дѣло благое (2 Тим. II, 21).

ГЛАВА 5.

Выслушавъ отъ старца Твоего Симплиціана рассказъ объ обращеніи Викторина, я возгорѣлъ желаніемъ послѣдовать его примѣру. Съ этою именно цѣлю святой мужъ и предложилъ мнѣ свой рассказъ. Но когда онъ присовокупилъ, что вскорѣ затѣмъ Викторинъ, въ слѣдствіе указа императора Юліана, коимъ воспрещалось христіанамъ преподаваніе наукъ и въ томъ числѣ краснорѣчія, рѣшился лучше сложить съ себя званіе учителя, нежели измѣнить Твоему Слову. Боже мой, коимъ *творить Ты и языки младенцевъ краснорѣчивыми* (Прем. X, 21; то этотъ человекъ покаялся мнѣ на сей разъ болѣе счастливымъ, нежели смѣлымъ, потому что ему представился удобный случай отрѣшиться отъ подавляющихъ его мірскихъ занятій и посвятить себя на служеніе Тебѣ одному. О, какъ желалъ и я достигнуть этого счастія, только не по стороннимъ побужденіямъ, а по собственной волѣ. А воля моя, къ несчастію, была въ то время не столько во власти моей, сколько во власти врага моего, въ рукахъ у котораго я находился, какъ плѣнникъ въ цѣпяхъ у тирана. Ибо развращеніе воли моей породило страсти; страсти же, когда имъ потакають, обращаются въ навывъ; а навывъ когда ему не противодействуютъ, становится необходимостію и какъ-бы второю природою. Вотъ изъ какихъ звеневъ состояли тѣ узы (поэтому я и называлъ ихъ цѣпями), коими связалъ меня врагъ мой. Между тѣмъ во мнѣ родилась новая воля—служить Тебѣ безкорыстно и наслаждаться Тобою, Боже мой, какъ единственнымъ источникомъ истинныхъ наслажденій. Но это воля была еще такъ слаба, что не могла побѣдить той воли, которая уже господ-

ствовала во мнѣ и утвердилась отъ долговременнаго навыка. Такимъ образомъ двѣ воли боролись во мнѣ, ветхая, и новая, плотская, и духовная, и въ этой борьбѣ раздиралась душа моя.

Собственнымъ опытомъ дозналъ я то, какъ *плоть похотствуетъ на духъ, духъ же на плоть* (Гал. V, 17). Между тѣмъ я, служившій поприщемъ борьбы, былъ одинъ и тотъ же; но всё же меня больше было на сторонѣ того, что я одобрялъ, нежели на сторонѣ того, что я осуждалъ; въ первомъ случаѣ я дѣйствовалъ вполнѣ свободно, а въ последнемъ дѣйствовалъ хотя тотъ же я но уже по принужденію, являясь болѣе страждущимъ, нежели дѣйствующимъ. Впрочемъ, и грѣховный навыкъ зависѣлъ отъ меня же; по своей же волѣ, дошелъ я до того, что дѣлалъ то, чего не хотѣлось мнѣ дѣлать. И можетъ ли кто, да и въ правѣ ли жаловаться, когда за преступленіями грѣшника слѣдуютъ и праведныя наказанія? У меня не было никакихъ извиненій. Я не могъ сказать, что потому именно доселѣ не отрѣшился отъ міра и не нослѣдовалъ Тебѣ, что не знаю истины; нѣтъ, истину я позналъ, но, привязанный къ землѣ, отказывался воинствовать для Тебя, и столько же боялся освободиться отъ всѣхъ препятствій къ тому, сколько надлежитъ бояться самыхъ препятствій.

Да! находясь подъ гнетущимъ бременемъ міра сего, я находилъ въ этомъ даже нѣкоторое наслажденіе, подобно тому, какъ нѣчто подобное бываетъ съ нами во снѣ; самыя мысли мои, коими пытался я возноситься къ Тебѣ, были подобны усиліямъ тѣхъ, которые желаютъ проснуться, но, одолеваемые снѣжкой, снова погружаются въ сонъ. И какъ никто изъ насъ не пожелалъ бы вѣчно спать, и по общему сужденію бодрствованіе лучше сна, не смотря на то, мы часто—особенно послѣ усталости—желаемъ продолжить пріятный для насъ покой, и охотно предаемся ему, хотя насту-

пило уже урочное время для бодрствования, и намъ самимъ не хотѣлось бы проводить его въ праздности и нѣтѣ: точно также я увѣренъ былъ и въ томъ, что несравненно лучше для меня предаться влеченію Твоей любви, нежели поддаваться обольщенію своихъ страстей; но я одобрялъ одно, а слѣдовалъ другому, позволяя врагу своему налагать на меня оковы и плѣняясь ими. Я ничего не могъ сказать въ оправданіе свое, слыша Твои слова, сказанныя апостоломъ Твоимъ: *возстани спяи и воскресни отъ мертвыхъ и сѣтитъ тя Христосъ* (Ефес. V, 14.) Убѣжденный Твоею истиною, которою Ты отсюду просвѣщалъ меня, и проникнутый ея очевидностію, я дѣйствительно ничего не могъ сказать Тебѣ въ отвѣтъ, кромѣ вялыхъ и безсвязныхъ словъ, подобныхъ тѣмъ, какія нерѣдко произносимъ сквозь сонъ: «сейчасъ: погоди маленько!» Но это «сейчасъ» отлагалось на долгій часъ; и этому минутному «маленько» не видно было конца ¹⁾. Тщетно я услаждался закономъ Твоимъ по внутреннему челоуѣгу, когда иной законъ въ членахъ моихъ (въ плоти моей) противоборствовалъ закону ума моего и дѣлалъ меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находившагося въ членахъ моихъ (во мнѣ самомъ). Ибо законъ грѣха не есть ли насиліе сроднившейся съ нами привычки, которая увлекаетъ и поработщаетъ въ насъ и умъ нашъ? И хотя это поработченіе тягостно и ненавистно для насъ (внутренняго челоуѣка нашего); но не есть ли это праведное возмездіе правосудія Твоего за то, что мы по всей доброй волѣ поддаемся этому рабству? О, бѣдный я челоуѣкъ! кто

¹⁾ Verba lenta et somnolenta: „modo, esse modo; sine paululum“. Sed „modo et modo“ non habebant modum; et „sine paululum“ in longum ibat. Это мѣсто изъ числа тѣхъ, коихъ переводъ съ одного языка на другой, по игривости своей, рѣдко удается. Въ русскомъ переводѣ оно приходится подъ ладъ подлиннику.

избавить меня отъ тѣла смерти сея, если не благодать Твоя, Боже мой, Исусомъ Христомъ Господомъ нашимъ (Рим. VII, 22—25)?

ГЛАВА 6.

Повѣдаю же предъ Тобою во славу имени Твоего, Боже мой, прибѣжище мое, Избавитель мой, какъ Ты спасъ меня расторгнувъ узы плѣвившихъ меня плотскихъ вожделѣній и мірскихъ суетъ. Я не переставалъ предаваться гибельнымъ дѣламъ, убивавшимъ душу мою, и каждый разъ обращался къ Тебѣ со вздохами; въ тоже время посѣщалъ я и церковь Твою, сколько позволяли мнѣ обременявшія насъ мірскія дѣла мои. Въ это время находился при мнѣ Алипій, не занимаемая общественной должности, которую онъ три раза уже проходилъ, въ качествѣ опытнаго юриста, получившаго образование въ Римѣ ¹⁾, но оставаясь въ ожиданіи поступить опять на такую же должность, если представится случай; нѣчто подобное бывало и со мною по отношенію къ занимаемой мною кведръ краснорѣчія. Что касается до Небридія, то онъ согласился, по нашему дружескому предложенію, быть у душевнаго друга нашего, Верекунда, гражданина медиоланскаго, учителя грамматики (обучавшаго правильно и разумно читать и писать), въ качествѣ помощника, такъ какъ Верекундъ крайне нуждался въ помощникѣ и по праву дружбы настоятельно требовалъ его изъ среды насъ. Небридій въ этомъ случаѣ не искалъ собственныхъ выгодъ, потому-что при своихъ педагогическихъ способностяхъ онъ всюду могъ бы устроиться съ большею для себя выгодною; но уступилъ общимъ просьбамъ, какъ другъ любезнѣйшій и благороднѣйшій. Притомъ въ этомъ случаѣ онъ избѣгалъ

¹⁾ Сл. Книг. VI, глав. 10.

сношеній съ людьми великими въ глазахъ міра сего, гдѣ могъ встрѣчать всякое стѣсненіе для своей свободы; а между тѣмъ онъ всегда дорожилъ ею и желалъ имѣть сколько можно болѣе досуга для чтенія и размышленія о всемъ, что относится къ мудрости.

Въ одинъ день, когда Небридій нашъ по какому-то дѣлу находился въ отсутствіи, а оставались мы съ Алипиемъ дома только вдвоемъ, вдругъ является къ намъ Понтиціанъ, одинъ изъ нашихъ африканскихъ земляковъ, занимавшій при царскомъ дворѣ весьма почетное мѣсто. Мы не знали, зачѣмъ онъ пришелъ. Какъ-бы то ни было, только мы усѣлись и стали разговаривать. Между тѣмъ Понтиціанъ случайно увидалъ на игорномъ столѣ, стоявшемъ предъ нами, лежавшую на немъ книгу; онъ беретъ ее, раскрываетъ, и сверхъ всякаго ожиданія видитъ въ рукахъ своихъ книгу апостола Павла. Это его чрезвычайно поразило; онъ ожидалъ, что въ его рукахъ какая-нибудь изъ тѣхъ книгъ, которыя относятся къ моему суетному ремеслу ораторскому. Тогда онъ, взглянувъ на меня съ пріятною улыбкою и выразивъ свое удивленіе, привѣтствовалъ меня съ сочувствіемъ радости, что такъ неожиданно нашелъ у меня эту, и эту именно настольную книгу. Это былъ человекъ-христіанинъ, глубоко вѣрующій и всецѣло преданный своей вѣрѣ; какъ онъ часто предъ Тобою, Боже нашъ, повергался во святыхъ храмахъ Твоихъ и возносилъ къ Тебѣ свои молитвы много-продолжительныя и много-содержательныя. Когда я объявилъ ему, что я занимаюсь св. Писаніемъ серьезно и со всѣмъ усердіемъ; то онъ завелъ съ нами рѣчь объ Антоніѣ, объ египетскомъ отшельникѣ, чьего имя славилось между вѣрными поклонниками Твоими, а мы доселѣ ничего не знали о немъ. Когда же Понтиціанъ узналъ о такомъ невѣжествѣ нашемъ; то онъ остановился на этомъ рассказѣ, стараясь познакомить насъ

невѣждѣ съ этимъ великимъ челоуѣкомъ и внушить къ нему уваженіе, и удивляясь, что мы до сихъ поръ ничего не слышали о немъ. Мы изумлялись, слушая рассказы Понтиціана о чудесахъ Твоей благодати, завѣренныхъ самими положительными свидѣтельствами и совершившихся такъ недавно, только-что не на глазахъ нашихъ, въ нѣдрахъ истинной вѣры и православной католической церкви. Всѣ удивлялись—и мы, слыша рассказы о такихъ великихъ дѣлахъ, и самъ Понтиціанъ, узнавъ, что мы услышали обо всемъ этомъ въ первый только разъ.

Затѣмъ, послѣ разказа о жизни Великаго Антонія, перешель Понтиціанъ въ своей бесѣдѣ къ общежитіямъ монастырскимъ, оплодотворившимъ бесплодныя пустыни, и къ уединенной ихъ жизни, своимъ благоуханіемъ возносившейся къ Тебѣ; о чемъ мы тоже ничего не знали. Мы не знали даже, что въ самомъ Медиоланѣ, гдѣ жили мы, существовалъ за городомъ монастырь, коего обитатели-отшельники, подъ руководствомъ Амвросія, жили вмѣстѣ многочисленную братію, какъ одна святая земля. Понтиціанъ продолжалъ свои рассказы и не прерывалъ своей задушевной бесѣды, а мы съ своей стороны со всѣмъ вниманіемъ слушали его. Тогда онъ, въ заключеніе, разказалъ намъ объ одномъ событіи, котораго самъ былъ очевидцемъ и участникомъ. Разказъ этотъ слѣдующаго содержанія. Однажды, находясь при свитѣ придворной, онъ, т. е. Понтиціанъ, и трое его товарищей, изъ той же свиты, послѣ объѣда, когда императоръ находился на зрѣлищѣ увеселительныхъ игръ въ циркѣ, отправились гулять въ загородную рощу. Это было въ Трирѣ (arud Treviros); но когда именно, не помню. Тамъ, раздѣлившись попарно, какъ случилось, они стали прохаживаться: Понтиціанъ съ однимъ изъ трехъ товарищей своихъ особо, а остальные два тоже особо. Случилось, что другіе два вовсе потеряли ихъ изъ виду; а

заблудившись зашли въ одну хижину, гдѣ жило нѣсколько отшельниковъ, *нищихъ духомъ, каковыхъ есть царство небесное* (Матѣ. V, 3), и тамъ нашли они книгу, въ которой описана была жизнь Антонія. Одинъ изъ нихъ сталъ читать эту книгу, читая, началъ удивляться тому, что содержалось въ ней, а затѣмъ воспламенялся желаніемъ къ подражанію такой жизни, и тутъ же рѣшился оставить служеніе міру и посвятить себя на служеніе Тебѣ. Оба они были изъ числа тѣхъ, коихъ называютъ повѣренными по дѣламъ (*agentes in rebus*). Тогда, объятый святою любовію и почувствовавъ пробужденіе совѣсти, вознегодовалъ онъ самъ на себя, вдругъ устремилъ глаза на товарища своего, и сказалъ ему: «скажи мнѣ, прошу тебя, къ чему мы стремимся среди всѣхъ этихъ заботъ, которыя снѣдаютъ насъ? чего стараемся достигнуть? ради чего мы ратуемъ? Можемъ ли мы, живя во дворцѣ, надѣяться чего-нибудь большаго, кромѣ того, что можемъ сдѣлаться приближенными (*amici*) къ владыкѣ дворца и насъ самихъ? И на что тамъ можно положиться, что бы не подвергалось перемѣнчивости и опасностямъ? И чрезъ какой рядъ опасностей достигается это счастье, которое подвержено бываетъ еще большей опасности? И скоро ли и на долго ли оно достигается? А сдѣлаться другомъ Божиимъ (*amicus Dei*)—какъ мало стоитъ мнѣ труда! Стоитъ только пожелать, и въ тоже время дѣлаюсь имъ навсегда». Онъ говорилъ эти слова товарищу своему, будучи весь взволнованъ мыслями о перерожденіи себя въ новую жизнь, и, окончивъ ихъ, опять обратилъ взоръ свой на тѣ страницы, на которыхъ остановился, и продолжалъ чтеніе. Въ это время, когда онъ читалъ жизнь Антонія, Ты Самъ, Господи, перераждалъ его внутренно, разрѣшая отъ всего, что привязывало къ этому міру, и содѣлалъ его тѣмъ, чѣмъ онъ неожиданно явился; Ты Одинъ только могъ произвести въ немъ такую внезапную перемѣну и направить его

на путь правый. Ибо во время этого кратковременнаго чтенія, когда онъ размышлялъ и колебался въ нерѣшимости, что ему предпринять, вдругъ ощутилъ въ себѣ эту перемѣну, которая вела его къ лучшему. Выборъ одного изъ двухъ путей рѣшенъ мгновенно, и, увидѣвъ себя Твоимъ послѣдователемъ, тутъ же обратился къ своему товарищу и сказалъ ему: «дѣло покончено; я оставлю всѣ мірскія надежды наши и посвящаю себя на служеніе Богу, и съ этой поры, съ этого мѣста, начинаю служить Ему: тебѣ же если не угодно послѣдовать моему примѣру,—не противорѣчь мнѣ». Но тотъ отвѣчалъ, что не отстанетъ отъ своего товарища въ столь славной побѣдѣ и очевидномъ триумфѣ. И съ этихъ поръ оба они, всецѣло предавшись Тебѣ, Боже мой, вмѣстѣ стали созидать ту таинственную башню (tugium) спасенія своего, о которой говорится въ евангельскомъ словѣ Твоемъ съ достаточными средствами для того, чтобы отрѣшиться отъ всего мірскаго и послѣдовать за Тобою, и такимъ образомъ довершить то, что начали (Лук. XIV, 26—25). Между тѣмъ Понтиціанъ съ товарищемъ своимъ (третьимъ изъ нихъ), прохаживавшіеся по роцѣ отдѣльно отъ нихъ, ища ихъ повсюду, подошли и къ этой хижинѣ, и, нашедши ихъ тамъ, напомнили имъ, что пора уже возвращаться домой, потому-что день склонялся къ вечеру. Но они, рассказавъ имъ о случившемся съ ними обстоятельстве, задержавшемъ ихъ, и о происшедшей съ ними окончательной перемѣнѣ въ образѣ мыслей, просили не смущать и не тревожить ихъ своими прекословіями, если самимъ не угодно присоединиться къ нимъ. У тѣхъ же не достало еще въ то время рѣшимости послѣдовать ихъ примѣру и оставить прежній образъ жизни; они, какъ говорилъ самъ Понтиціанъ, оплакивали только себя, съ благоговѣніемъ поздравляли ихъ и сорадовались имъ, поручали себя ихъ молитвамъ; сами же, бывъ еще привязаны къ землѣ, возвратились во дворецъ,

оставивъ ихъ въ той же хижинѣ иноческой, гдѣ обратившіеся къ Тебѣ, Господи, возносились уже и умомъ и сердцемъ отъ земли на небо. И оба они имѣли невѣсты, думая вести жизнь супружескую; и обѣ молодыя невѣсты, услышавъ о такой рѣшимости жениховъ своихъ, сами, подражая, ихъ примѣру, посвятили себя дѣвственной жизни.

ГЛАВА 7.

Вотъ что рассказывалъ намъ Понтиціанъ; между тѣмъ Ты, Господи Боже мой, направлялъ въ тоже время взоры мои на самага меня, и, когда я старался отворотить ихъ отъ себя, Ты противъ воли моей заставлялъ меня тѣмъ болѣе всматриваться въ себя. Ты ставилъ меня лицомъ къ лицу предъ самимъ собою, чтобы мнѣ видѣть, какъ я былъ безобразенъ, уродливъ, гнусенъ, мерзокъ, отвратителенъ. И я увидѣлъ это, и ужаснулся; и самъ не зналъ, куда бѣжать отъ себя. Я пытался всячески отвлечь отъ себя взоръ свой куда-нибудь во время этихъ рассказовъ; но Ты не переставалъ наталкивать его на меня самага, представляя глазамъ моимъ ярче и ярче образъ грѣховности моей, съ тѣмъ-чтобы я позналъ и возненавидѣлъ его. И я позналъ всю грѣховность свою, но, какъ лицемѣръ, притворялся; и обольщалъ себя, и забывался.

Въ то время болѣе возбуждали во мнѣ любовь къ себѣ тѣ счастливыя, о коихъ я слышалъ, что они всецѣло предавались Твоей цѣлительной силѣ; тѣмъ отвратительнѣе самъ я казался въ собственныхъ глазахъ, сравнивая себя съ ними. Меня тяготила мысль, что почти уже около двѣнадцати лѣтъ ушло вмѣстѣ со мною, съ тѣхъ поръ, какъ на девятнадцатомъ году жизни, чтеніе «Гортензія» Цицеронова въ первый разъ возбудило во мнѣ любовь къ мудрости ¹⁾;

¹⁾ Смотр. Книг. III, глав. 4.

а я все не рѣшался отказаться отъ земныхъ удовольствій, откладывая рѣшимость свою со дня на день, и не заботился объ обрѣтеніи той мудрости Твоей небесной, которой не только обрѣтеніе, но и самое исканіе дороже всѣхъ сокровищъ и царствъ земныхъ и тлѣнныхъ удовольствій міра сего. О, какъ окаяненъ я былъ, окаяннѣе всѣхъ смертныхъ, а еще въ юности моей просилъ Тебя даровать мнѣ цѣломудренную чистоту, взывая къ Тебѣ: «даруй мнѣ чистоту сердца и непорочность воздержанія; но не спѣши». Я какъ-бы боялся, чтобы Ты не внялъ тотчасъ же моей просьбѣ и не исцѣлилъ меня слишкомъ скоро отъ недуга моихъ похотей, воими хотѣлъ я прежде пресытиться, а потомъ уже разстаться съ ними. И я шель по превратнымъ путямъ святотатственнаго заблужденія, по какому-то странному предубѣжденію, предпочитая ихъ пути вѣрному, на который не рѣшался благоговѣнно вступить, а напротивъ того относился къ нему какъ то враждебно въ упорномъ ослѣпленіи.

И отлагая со дня на день отреченіе свое отъ міра, чтобы послѣдовать Тебѣ одному, я искалъ оправданія для себя въ томъ, что будтобы доселѣ не находилъ пути вѣрнаго ¹⁾, на которомъ бы могъ утвердить стопы свои. Наконецъ настала пора, когда долженъ былъ я увидѣть себя во всей наготѣ своей, и—встрепенулась совѣсть моя съ своими упреками: «гдѣ же теперь», заговорила она во мнѣ, „гдѣ теперь оправданія твои? Не ты ли твердилъ постоянно, что только незнаніе истины не позволяетъ тебѣ сложить съ себя бремя суеты? Вотъ теперь ты позналъ истину, а между тѣмъ этой ноши, которая приговываетъ тебя къ землѣ, доселѣ не сбрасываешь, тогда какъ другіе, не сокрушав-

¹⁾ Слич. Книг. V, глав. 14.

шіе себя, подобно тебѣ, разными изслѣдованіями и не проводившіе, такъ какъ ты, въ спорахъ и умствованіяхъ болѣе десяти лѣтъ, свободнѣе, рѣшительнѣе и мужественнѣе парять на доблестныхъ крыльяхъ своихъ къ небу». Такія мысли терзали душу мою и приводили мою совѣсть въ ужасное смятеніе во время разсказовъ Понтиціановыхъ. Наконецъ онъ, окончивъ свою бесѣду съ нами, или лучше свои сказанія, и сдѣлавъ дѣло, за которымъ приходилъ, удалился отъ насъ. Тогда я, уединившись, какой не подымалъ бури противъ самаго себя? Какихъ доводовъ, какихъ убѣжденій не предлагалъ я душѣ своей, чтобы она рѣшилась слѣдовать за Тобою? Чѣмъ я не истязывалъ ее? чѣмъ не бичевалъ? ни въ чемъ не давалъ ей поблажки! Но она еще сопротивлялась; отказывалась, только уже не оправдывалась болѣе. Всѣ мои доказательства и убѣжденія истощились и остались безуспѣшны: оставалось только безмолвное трепетанье; я боялся, какъ смерти, всякаго ограниченія своихъ пагубныхъ привычекъ, отъ которыхъ въ тоже время иставалъ и умиралъ.

ГЛАВА 8.

Тогда въ страшной борьбѣ съ самимъ собою, во внутренней хранилѣ души моей, измѣнившись въ лицѣ и встревоженный духомъ, я вдругъ подхожу къ Алипію съ тревожными словами: „что это мы дѣлаемъ“? взываю я къ нему, «чего ждемъ? что слышалъ ты? Возстаютъ невѣжды и предвосхищаютъ небо; а мы съ тобою со всѣми холодными и безжизненными знаніями своими погрязаемъ въ плоти и крови! Неужели постыдимся послѣдовать ихъ примѣру, изъ-за того, что они предварили насъ? Но—не постыднѣе ли для насъ вовсе не слѣдовать хотя бы то и по слѣдамъ ихъ»? Я сказалъ ему еще нѣсколько подобныхъ словъ, какихъ—самъ не помню; потомъ, волнуемый борьбою мы-

слей и чувствъ, оставилъ его; пораженный удивленіемъ, онъ только смотрѣлъ на меня и молчалъ. И дѣйствительно, я былъ тогда въ необыкновенномъ волненіи, и рѣчь моя не походила на обыкновенный разговоръ. Состояніе духа моего выражали болѣе члены моего тѣла—лобъ, щеки, глаза, также—цвѣтъ лица, измѣненіе голоса, нежели самыя слова, произносимыя мною въ то время. При вашей квартирѣ былъ небольшой садъ; имъ мы пользовались, также какъ и цѣлымъ домомъ; потому-что хозяинъ нашъ—самъ не жилъ въ домѣ, и все отдалъ въ наше распоряженіе. Въ этотъ садъ и удалился среди душевнаго смятенія своего, какъ въ такое мѣсто, гдѣ никто не могъ помѣшать мнѣ, пока не пройдетъ моя борьба, исходъ которой, конечно, видѣнъ былъ Тебѣ, Боже мой, но я его не видѣлъ. Между тѣмъ изступленіе мое было для меня спасительно, и смертельная тоска дѣйствовала на меня животворно: я сознавалъ свое бѣдственное положеніе, но не могъ видѣть, что оно служило для меня переходомъ къ лучшему. Итакъ, я пошелъ въ садъ; Алипій слѣдовалъ за мною шагъ за шагомъ, не скрываясь отъ меня; да и можно ли было ему оставить меня въ такомъ состояніи? Мы успѣли сколько можно подалеже отъ дома. Я смущался духомъ, выходилъ изъ себя, горячился, негодуя на свою чувственность, что, по причинѣ ея, доселѣ не вошелъ въ общеніе съ Тобою, Боже мой, тогда какъ всѣ кости мои возвѣщали о томъ, что мнѣ должно войти въ союзъ съ Тобою, и превозносили до небесъ блаженство такого общенія. И для достиженія этого общенія съ Тобою не было и нѣтъ нужды ни въ корабляхъ, ни въ колесницахъ, ни даже въ нѣсколькихъ шагахъ, которые нужно было сдѣлать намъ, чтобы пройти небольшое разстояніе, отдѣлявшее домъ нашъ отъ мѣста, гдѣ мы сидѣли. Достиженіе же Тебя все зависитъ исключительно отъ одной воли, но воли твердой, а не слабой, положительной и

неизмѣнной, а не двуличной и шаткой, которая готова преклоняться то на ту, то на другую сторону, смотря по тому, гдѣ перевѣсъ въ борьбѣ.

Во время смятеній своей нерѣшимости, я дѣлалъ много такихъ движеній, какія дѣлаетъ человѣкъ, стремящійся къ чему-нибудь, но не находящій въ себѣ достаточныхъ силъ, какъбы его члены были или отсѣчены, или связаны, или поражены болѣзнію. Я рвалъ на себѣ волосы, билъ себя по лицу, сжавъ руки по между пальцевъ, охватывалъ свои колѣни, и—все это *дѣлалъ* я, потому что было у меня на то *хотѣніе*. Конечно, могъ бы я хотѣть, и, при всемъ хотѣніи своемъ, не могъ бы я сдѣлать этого, если бы члены мои не повиновались мнѣ. Дѣлалъ я много такого въ такихъ случаяхъ, гдѣ *хотѣть* и *дѣйствовать* были для меня вещи различныя. Съ другой стороны, не дѣлалъ много такого, чего желалъ несравненно болѣе, и гдѣ *хотѣніе* и *дѣйствование* были для меня безразличны, такъ-какъ желаніе мое было равносильно исполненію, тѣмъ болѣе, что въ самомъ хотѣніи заключалось и побужденіе къ приведенію его въ дѣйствіе. Въ настоящемъ случаѣ *дѣйствіе* было для меня тоже, что и *хотѣніе*, и *хотѣніе*—тоже, что *дѣйствіе*; и при всемъ томъ столь страшное происходило во мнѣ разногласіе между желаніями и поступками. Тѣло мое охотнѣе покорялось низшей волѣ души моей, по мановенію которой двигались члены его, — тѣло охотнѣе покорялось душѣ, нежели душа сама себѣ въ исполненіи высшей вѣды своей, въ одной и той же субстанции моей, тогда какъ казалось достаточно было бы одного хотѣнія для того, чтобы воля привела его въ дѣйствіе.

ГЛАВА 9.

И что это за странное явленіе? откуда оно, зачѣмъ и какая тому причина? Да освѣтитъ милосердіе Твое; быть

можетъ, на эти вопросы найду отвѣты въ сокровенной тайнѣ бѣдствій человѣческихъ, какъ горестныхъ наказаній сыновъ Адама. Откуда же это явленіе? и зачѣмъ оно? Духъ управляетъ тѣломъ, и оно безпрекословно повинуется ему; духъ управляетъ самимъ собою, и самъ сопротивляется своимъ же распоряженіямъ. Духъ требуетъ, чтобы рука двигалась, и она покоряется .ему, какъ раба: и духъ есть духъ— субстанція духовная, а рука есть тѣло— субстанція матеріальная. Духъ рѣшается на какое-нибудь желаніе, требуя исполненія, и распоряженіе его касается его же самаго, а не другаго кого-нибудь; и тотъ же самый духъ не исполняетъ своего приказанія. Еще разъ спрашиваю, откуда это происходитъ, и гдѣ скрывается причина столь страннаго противорѣчія? Духъ требуетъ исполненія своихъ желаній отъ самаго себя, онъ не требовалъ бы того, если бы не желалъ; и требованія его остаются безъ исполненія. Но это значитъ то, что онъ неполнѣ желаетъ; а оттого и самыя предложенія его являются неполнѣ обязательными. Онѣ настолько дѣйствительны, насколько дѣйствительны самыя желанія, и несостоятельность-первыхъ зависитъ отъ несостоятельности послѣднихъ: ибо здѣсь воля управляется сама собою, безъ всякаго посторонняго вліянія. И какъ она неполнѣ собою управляетъ (*non plena imperat*), а какъ-бы раздвояется; то и въ разпоряженіяхъ своихъ неполнѣ оказывается состоятельною. И въ самомъ дѣлѣ, еслибы она была вполнѣ сосредоточена (*si plena esset*), а не раздвоялась; то не было бы нужды и въ управленіи ея дѣйствіями, потому-что онѣ имѣли бы уже опредѣленное направленіе. Поэтому нѣтъ никакой странности въ желаніи нашемъ съ одной стороны и въ нежеланіи нашемъ же съ другой стороны: это болѣзнь души и всего существа нашего, состоящая въ томъ, что мы по своей поврежденности и грѣховности какъ-бы раздвояемся, *прилежа* одною стороною къ до-

бру, а другою стороною ко *злу* (Рим. VII, 14—25). Такимъ образомъ выходитъ у насъ двѣ воли, изъ коихъ ни та, ни другая, въ отдѣльности, не составляютъ всей, т. е. полной и совершенной воли нашей, такъ-что чего недостаетъ въ одной, то есть въ другой, и что есть въ одной, того нѣтъ въ другой; въ этой-то видимой борьбѣ между добромъ и зломъ и состоитъ воля наша.

ГЛАВА 10.

Но да исчезнуть отъ лица Твоего, Боже, какъ исчезаетъ всякое суетное лжеучителей, тѣ, которые, видя двѣ воли въ борьбѣ духа нашего, утверждаютъ, что въ немъ существуютъ два духовныя начала противоположнаго естества, одно доброе а другое злое ¹⁾. Питая такія нечестивыя мысли, они сами признаютъ себя злыми; между тѣмъ могли бы быть добрыми, если бы отказались отъ этихъ мыслей и покорились истинѣ, какъ говоритъ имъ о томъ апостолъ Твой: *будьте иногда тма, нынѣ же свѣтъ о Господь: якоже чада свѣта ходите* (Ефес. V, 8). Ибо они, возжелавъ быть *свѣтомъ*, но не *о Господь*, а сами въ себѣ, и вообразивъ себѣ, что природа нашей души есть одно и то же что Богъ, стали *тмою*, и тьмою тѣмъ болѣе мрачною, чѣмъ болѣе удаляла ихъ наглая гордость, отъ Тебя, *свѣта истиннаго, который просвѣщаетъ всякаго человека, приходящаго въ міръ* (Іоан. 1, 9). Размыслите, что вы говорите, и устыдитесь; *приступите къ Нему*, этому свѣту, *и просвѣтитесь и лица ваша не постыдятся* (Псал. XXXIII, 6). Когда я размышлялъ самъ съ собою о томъ, чтобы рѣшить-

---

¹⁾ Здѣсь Августинъ говоритъ противъ манихеевъ, которые, указывая на борьбу нашего духа, допускали въ человѣкѣ и вообще въ природѣ два противоположныя начала добра и зла, о чемъ много было говорено въ предыдущихъ книгахъ.

ся наконецъ посвятить себя на служеніе Господу Богу моему, и когда я долго боролся самъ съ собою; то это былъ я тотъ же самый, въ которомъ проявлялось хотѣніе, и я тотъ же самый, въ которомъ проявлялось нехотѣніе: это былъ, конечно, одинъ и тотъ же человѣкъ, я, я, а не кто-либо другой во мнѣ. Только воля моя боролась между хотѣніемъ и нехотѣніемъ, не преклоняясь въ дѣйствованіи своемъ вполнѣ ни на ту, ни на другую сторону. Въ этомъ выражалась борьба моя съ самимъ собою, и я какъ-бы раздвоился въ самомъ себѣ. И это раздвоеніе происходило во мнѣ противъ моей воли, но нисколько не выражало во мнѣ чуждаго мнѣ какого-нибудь начала (*natura mentis alienae*), а только въ этомъ видно было мнѣ то наказаніе, которому я подвергался. И потому не я уже дѣлалъ то, но живущій во мнѣ грѣхъ (Рим. VII, 17. 20); а это и есть наказаніе за произвольно содѣянный грѣхъ, котораго я сдѣлался участникомъ, какъ потомокъ Адама.

Итакъ, чтоже? Если допустить въ насъ столько противоположныхъ началъ (*tot contrariae naturae*), сколько бываетъ въ насъ противоборствующихъ волей (т. е. хотѣній и нехотѣній), то окажется ихъ не два, а больше. Такъ, если бы кто изъ манихеевъ, колеблясь въ нерѣшимости, куда ему итти, на зрѣлище ли, или въ собраніе ихъ, спросилъ ихъ же, куда ему лучше итти; то они конечно не преминули бы замѣтить ему: «вотъ тебѣ два начала; одно злое, которое влечетъ въ худую сторону, а другое доброе, которое ведетъ въ хорошую. Иначе, чѣмъ объяснить это колебаніе взаимно себѣ противодѣйствующихъ волей?» А я скажу, что оба эти начала злы, какъ то, которое влечетъ на зрѣлище, такъ и то, которое ведетъ въ манихейское сборище, а равно злы и обѣ воды, послѣдующія этимъ началамъ. Они же увѣрены, что то только начало и та воля добры, которыя ведутъ къ нимъ. Пусть

будеть и такъ. Спрошу же и я ихъ въ свою очередь: что, если бы кто изъ насъ, находясь въ подобныхъ обстоятельствахъ, сталъ недоумѣвать, при двухъ различныхъ побужденіяхъ, куда ему пойти, въ церковь ли нашу, или въ театръ, — что они отвѣтили бы на это? не затруднились ли бы въ своемъ отвѣтѣ? Ибо они или должны согласиться, на что конечно не согласятся, что идти въ церковь нашу побуждаетъ человѣка добрая воля, по убѣжденію всѣхъ, исповѣдующихъ свою вѣру и державшихся ея ученія; или должны признать въ одной и той же субстанціи человѣка два злыя начала и вмѣстѣ двѣ злыя воли, находящіяся въ борьбѣ. Такимъ образомъ они должны отказаться отъ своего ученія о существованіи въ природѣ двухъ прѣтиво оложныхъ началъ, одного добраго, а другаго злаго, и признать его ложнымъ; а обратиться къ той безпрекословной истинѣ, что въ человѣкѣ, при опредѣленіи себя къ чему-нибудь, дѣйствуетъ одна душа, движимая разными пожеланіями (*diversis voluntatibus*).

Пусть же они, замѣчая въ человѣкѣ внутреннюю борьбу двухъ волей, перестанутъ твердить намъ, что это есть борьба двухъ различныхъ субстанцій, отъ двухъ противоположныхъ началъ, одной доброй, а другой злой. Ты, Боже Истинный, посрамляешь ихъ; истина Твоя обличаетъ и опровергаетъ ихъ суетныя мудрованія, показывая, какое множество худыхъ пожеланій (не то-что двѣ злыя воли) можетъ волновать душу нашу. И въ самомъ дѣлѣ, не такъ ли бываетъ, когда человѣкъ совѣщается самъ съ собою, какъ погубить ему врага своего, оружіемъ ли, или посредствомъ яда; ограбить чужое добро у того ли, или у другаго, если нельзя напасть вдругъ на обоихъ; промотать ли имѣніе свое на удовольствія, предавшись роскоши, или сдѣлаться скупцомъ и копить деньги, чтобы удовлетворить своему корыстолюбію; въ циркъ ли пойти, или въ театръ, если представленія въ нихъ бываютъ въ одно и

тоже время; къ этимъ предположеніямъ, взятымъ по два, присовокупляю и третье, не рѣшится ли на воровство въ чужомъ домѣ, если представляется къ тому случай; прибавлю и четвертое, не учинить ли прелюбодѣйство, если и это подходит, — и всѣ эти замыслы толпятся въ одно и тоже время и обуреваютъ душу человѣка, хотя всего вмѣстѣ нельзя привести въ исполненіе, и душа его разрывается въ борьбѣ между этимъ четвернымъ числомъ побужденій, да и мало ли можетъ быть ихъ среди неисчислимаго множества предметовъ, возбуждающихъ нечистыя пожеланія? И однако же манихеи не допускаютъ такого множества различныхъ началъ, какъ субстанцій. Также должно сказать и о добрыхъ пожеланіяхъ. Такъ, если я спрошу ихъ (манихеевъ же): доброе ли дѣло — наслаждаться чтеніемъ апостола (Павла), доброе ли дѣло — находить удовольствіе въ трезвенно-умномъ и благоговѣйномъ пѣніи псалмовъ, доброе ли дѣло — заниматься изъясненіемъ евангелія; то они отвѣтятъ, что все это конечно дѣло доброе. А что, если бы все это совмѣстно подѣйствовало на душу нашу такъ, что мы возжелали бы въ одно и тоже время насладиться всѣми этими благами? Ясно, что въ насъ проявились бы различныя пожеланія, въ родѣ соревнованія, пока не опредѣлился бы выборъ между ними. И всѣ эти пожеланія — пожеланія добрыя; однако же душа наша должна на этотъ разъ подвергнуться такой же борьбѣ между этими пожеланіями, пока не послѣдуетъ выборъ, на которомъ воля, доселѣ раздѣлявшаяся, такъ сказать, вся не сосредоточится. Такъ точно бываетъ съ нами и тогда, когда любовь къ благамъ вѣчнымъ возвышаетъ насъ къ небу, а удовольствія благъ временныхъ привязываютъ насъ къ землѣ: тутъ душа наша, одна и та же, въ желаніяхъ своихъ какъ-бы раздѣляясь на двое, ни того, ни другаго вполне не желаетъ всею волею своею. И оттого-то она такъ тяжело мучится, и не находитъ себѣ покоя, когда по убѣжденію въ одномъ предпочитаетъ одно другому, а по привязанности

къ другому не находить въ себѣ силъ пожертвовать послѣднимъ для перваго.

ГЛАВА II.

Вотъ отчего я теперь томился болѣе, нежели отъ тѣхъ узъ, которыми связанъ былъ и которыя старался всѣми силами расторгнуть, доколѣ онѣ значительно не ослабѣли, такъ-что я видимо сталъ избавляться отъ нихъ, хотя все еще не совершенно избавился. И Ты, Господи, не переставалъ преслѣдовать меня Своею строгостію, которая была для меня милосердіемъ Твоимъ; Ты усугублялъ во мнѣ чувства страха и стыда, пробуждалъ во мнѣ совѣсть мою и тревожилъ ее, какъ-бы изъ опасенія, чтобы я не прекратилъ своей борьбы, приближавшейся уже къ совершенной побѣдѣ, и чтобы узы мои не превратились въ оковы, изъ которыхъ не было бы уже для меня выхода. Я говорилъ самъ къ себѣ во глубинѣ души моей: »вотъ конецъ, вотъ-вотъ предѣлъ моимъ страданіямъ; и я долженъ наконецъ совершенно обратиться къ Тебѣ, Боже мой!« И съ этими словами я былъ уже на пути къ Тебѣ. Я видѣлъ себя почти у пристани къ своей цѣли; и хотя не достигалъ еще ее, но и не возвращался уже вспять, а съ новыми силами стремился впередъ; еще немного и я—тамъ. Но, увы! я еще остановился на самомъ, такъ сказать, порогѣ къ истинной жизни, не рѣшаясь умертвить въ себѣ все то, что составляетъ истинную смерть. Старыя привычки мои ко злу еще отозвались во мнѣ въ послѣдній разъ, отталкивая меня отъ добра, съ которымъ я еще не свыкъся: и та минута, въ которую я долженъ былъ весь измѣниться, чѣмъ ближе подступала, тѣмъ въ болѣе повергла меня трепеть и смятеніе. Но я нисколько уже не поддавался назадъ и не отступалъ ни на шагъ; я только медлилъ въ нерѣшимости.

Меня останавливали крайнее сумасбродство и крайняя суетность—эти старинныя подруги мои; онѣ не переставали

дѣйствовать болѣе всего на брѣнную и немощную плоть мою и нашептывать мнѣ подобныя слѣдующимъ любезности: «и ты насъ покидаешь! и съ этой минуты мы должны разстаться съ тобою навѣки! и съ этой поры тебѣ нельзя уже будетъ болѣе наслаждаться такими-то и такими-то благами, и — навсегда!» И что онѣ рисовали моему воображенію подѣ этими словами: «такими-то и такими-то благами»? какіе предметы и въ какихъ образахъ пробуждали онѣ въ моей душѣ, Боже мой? О, да изгладить воспоминанія о нихъ милосердіе Твое изъ души раба Твоего и да избавить меня отъ нихъ! Какъ онѣ мерзки! какъ отвратительны! Я не внималъ уже имъ и наполовину того, какъ я слушался ихъ прежде; онѣ потеряли уже надо мною силу свою. Не смѣя явно выступать противъ меня, онѣ только перешептывались позади меня и какъ-бы изъ-за угла негодовали на меня, и, видя меня отвергающаго ихъ, онѣ какъ бы уградкой издѣвались надо мною, чтобы заставить меня хоть оглянуться на нихъ. Такъ онѣ задерживали меня на пути моемъ. И когда я медлилъ избавиться отъ нихъ и раздѣлаться съ ними окончательно, чтобы мнѣ безпрепятственно идти туда, куда я видѣлъ уже призваніе свое; то мнѣ еще послышался голосъ со стороны застарѣвшей привязанности моей къ этимъ подругамъ, — голосъ, который, обращаясь ко мнѣ, какъ-бы вторилъ имъ: «и ты воображаешь себѣ, что можешь обойтись безъ нихъ»?

Но и этотъ голосъ не имѣлъ уже никакого вліянія на меня. Оттуда, куда теперь устремлены были взоры мои, но на что я такъ долго не рѣшался, предо мною открывалась во всемъ величій своемъ чистая и непорочная добродѣтель воздержанія, съ свѣтлою, но скромною и спокойною, улыбкою. Она предстала предо мною съ самыми нѣжными и чистыми убѣжденіями и ободреніями, чтобы я рѣшался на дѣло своего призванія, нимало не колебался и нисколько не отлагая его; она являлась съ распростертыми руками, всегда готовыми воспріять

и успокоить меня. Она представляла глазамъ моимъ цѣлыя сонмы дивныхъ примѣромъ для подражанія. Я видѣлъ тамъ, вокругъ нея, множество мужей и женъ всякаго возраста, и отроковъ и отроковицъ, и пожилыхъ вдовъ и юныхъ дѣвственницъ, достигавшихъ въ дѣвствѣ своемъ глубокой старости; и во всѣхъ этихъ святыхъ душахъ цѣломудренное воздержаніе не оставалось бесплодно, но въ соединеніи съ Тобю, Господи, оно служило неизсякаемымъ источникомъ всякихъ радостей небесныхъ. И эта высокая добродѣтель, съ святою улыбкою, ободравшая меня, обратилась ко мнѣ и какъ-бы такъ вѣщала: «ну, что! неужели ты не могъ подражать имъ? Да развѣ всѣ они (*isti et istae*), думаешь ты, сами собою достигали этого, а не о Господѣ Богѣ своемъ? Господь Богъ ихъ даровалъ имъ эту силу во мнѣ. Чего же ты ждешь и ни на что не рѣшаешься? Повернись въ Его объятія; не бойся, Онъ не допустить тебя пасть; предайся Ему всецѣло, съ полною увѣренностію, не опасаясь ничего, и Онъ тебя восприметъ, исцѣлитъ, и—спасетъ». Это такъ подѣйствовало на меня, что я устыдился внимать болѣе жужжанію сумазбродствъ и суетностей, которыя только задерживали меня въ нерѣшимости. Тогда добродѣтель воздержанія, казалось, снова воодушевляла меня, и какъ-бы говорила: «не слушай болѣе нечистаго голоса своей грѣховной плоти, преданной землѣ; этимъ ты и убьешь ее. Она *навѣдаетъ* тебѣ *глумленія* (*delectationes*, удовольствія), но не яко законъ Господа Бога Твоего» (Псал. СХVIII, 85). Вотъ что происходило тогда во глубинѣ души моей: это была рѣшительная борьба меня самаго съ самимъ собою. Алипій все это время находился при мнѣ и никуда не отходилъ отъ меня; онъ все молчалъ, выжидая, чѣмъ разрѣшится необыкновенное потрясеніе мое.

ГЛАВА 12.

Когда такимъ образомъ глубокое размышленіе о таин-

шихся во глубинѣ души бѣдствіяхъ моихъ подвело ихъ подъ общій итогъ и представило взору моему всю тяжесть ихъ и все несчастіе мое, тогда поднялась во мнѣ страшная буря, готовая разразиться обильнымъ потокомъ слезъ. Чтобы дать свободу вполне излиться слезамъ и неразлучнымъ спутникамъ ихъ—вздохамъ и стонамъ, я рѣзала и отошла отъ Алипія. Я счелъ нужнымъ уединиться, чтобы вдоволь наплакаться, и потому удалиться отъ него на разстояніе, достаточное для того, чтобы присутствіе его не стѣсняло меня. Таково было положеніе мое, и онъ понималъ его. Ибо когда я приподнялся и произнесъ нѣсколько словъ (какія это слова были, не помню, помню только то, что эти слова сказаны были мною сквозь слезы), и затѣмъ оставилъ его; то онъ въ крайнемъ изумленіи и смѣстѣ не двинулся и остался тамъ, гдѣ мы сидѣли вмѣстѣ. А я, ища уединенія, подошелъ къ одной смоковницѣ, и, повергшись подъ нею на землю, самъ не знаю какимъ образомъ, далъ полную волю слезамъ моимъ и залился ими. Это была жертва, пріятная Тебѣ, Боже мой! И, обратившись къ Тебѣ, я изливалъ предъ Тобою душу свою, если не въ этихъ словахъ, то въ этомъ смыслѣ: *«и Ты, Господи, доколь? доколь, Господи, прогнѣвавшися до конца? не помяни беззаконій нашихъ прежнихъ!»* (Псал VI, 4; LXXVIII, 5. 8). Да, я весь былъ проникнутъ такими мыслями и чувствованіями, и плачевнымъ голосомъ взывалъ: «до коихъ поръ, до коихъ поръ, все завтра и завтра? почему же не сейчасъ? почему не нынѣ, не теперь конецъ моимъ неправдамъ, моему непотребству?»

Въ то время, когда я произносилъ подобныя слова, выражая ими свои мысли и чувства, и плакалъ горькимъ плачемъ отъ сокрушеннаго сердца моего, вдругъ послышался мнѣ изъ сосѣдняго дома голосъ, похожій на голосъ дѣтскій, мальчика или дѣвочки, произносившій на распѣвъ и повто-

рившій такия слова: „*возьми и читай, возьми и читай!*“ (tolle, lege; t'lle, lege!). Мгновенно измѣнившись въ лицѣ, я сталъ внимательно прислушиваться и размышлять, чей бы это былъ голосъ, не распѣваютъ ли такъ дѣти при играхъ своихъ; но, припоминая разные дѣтскіе прищѣвы, я не находилъ между ними ничего подобнаго. Удержавшись отъ слезъ, я всталъ въ той увѣренности, что этому нѣтъ инаго объясненія, вромѣ того, что мнѣ свыше повелѣвается — взять священное писаніе (codicem) и читать, что въ немъ откроется. Я вспомнилъ при этомъ, что тоже слышалъ и объ Антоніѣ, какъ и онъ, пришедши однажды въ церковь на чтеніе евангельскихъ словъ: *иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ; и имѣти имаша сокровище на небеси; и гряди въ слѣдъ Мене* (Матѣ. XIX, 21), — принималъ ихъ за гласъ къ нему Божій, и тотчасъ обратился къ Тебѣ. Итакъ, я поспѣшно возвратился на то мѣсто, гдѣ сидѣлъ Алипій; ибо тамъ оставилъ я свою книгу (codicem) апостола (Павла), когда удалился оттуда. Схватилъ эту книгу, раскрылъ ее тутъ же, и молча прочиталъ то мѣсто, на которомъ прежде всего остановились глаза мои; вотъ оно: *якоже во дни благообразно да ходимъ, не козлогласованіи и пѣяствы, не любодѣянніи и студодѣянніи, не рвеніемъ и завистію; но облечытеся Господемъ нашимъ Исусомъ Христомъ, и плоти угодія не творите въ похоти* (Рим. XIII, 13. 14). Далѣе я не хотѣлъ и не имѣлъ нужды читать. Ибо какъ только прочелъ я это мѣсто и смыслъ этихъ словъ въ бонецъ потрясъ мою душу; то необыкновенный свѣтъ озарилъ меня, внушилъ мнѣ миръ и спокойствіе духа и разогналъ всю тѣму облежавшихъ меня доселѣ сомнѣній.

Тогда, заложивши на прочитанномъ мною мѣстѣ палецъ или палецъ, я замѣтивши это мѣсто другимъ какимъ знакомъ, и закрылъ книгу, и, съ видомъ совершеннаго спокойствія, воз-

вѣстилъ другу своему Алипію о томъ, что со мною произошло. Что въ душѣ его въ то время происходило, — не зналъ я; но онъ не замедлилъ открыться предо мною. Онъ пожелалъ видѣть то мѣсто, которое я читалъ; я ему указалъ. Прочитавъ его самъ, онъ прочелъ и слѣдующій затѣмъ стихъ, котораго я не читалъ, и не зналъ, что далѣе за проантанымъ мною слѣдуетъ; а слѣдовало вотъ что: *изнемогающаго же въ вѣру, приимайте, не въ сомнѣніи помысленій* (тамже XIV, 1). Эти послѣднія слова онъ приложилъ къ себѣ, о чемъ откровенно и объявилъ мнѣ, и такую выразилъ въ себѣ твердость и рѣшимость, что тотчасъ же, безъ всякаго колебанія, присоединился ко мнѣ въ богобоязненномъ и благочестивомъ предпріятіи, которое совершенно соответствовало и его доброму нравственному настроенію, которымъ онъ издавна много превосходилъ меня. Возвратившись оттуда домой, мы повѣдали обо всемъ благочестивой и сестрѣ моей — Моникѣ. Она — въ восторгѣ. Когда рассказали ей, какъ все это совершилось; то она торжествовала на въ восхищеніи отъ радости и счастья благословляла Тебя, Боже нашъ, и сердцемъ и устами, — Тебя, который действующею въ насъ силою можешь творить несравненно больше, того, чего мы просимъ или о чемъ помышляемъ (Евеем. XIII, 20), — о, какъ она благословляла Тебя, видя, что исполняются, наконецъ, надо мною ея желанія, услышаны молитвы, сбылись пророческія надежды ея, осуществленіемъ, оvoidмъ, съ избыткомъ вознаградившія всѣ ея слезы и стоны. Ибо съ этого времени послѣдовало со мною совершенное обращеніе къ Тебѣ, такъ-что я, рѣшительно перебросивъ образъ жизни, отказался навсегда и отъ супружества и отъ всѣхъ надеждъ земныхъ, ставъ твердою ногою на той почвѣ вѣры, на которой она видѣла меня за столько дѣлъ, предъ симъ по Твоему откровенію ¹⁾. И ты

обратилъ плачь ея въ радость (Псал. XXIX, 12), которая превзошла все ея чаянія и самыя желанія, — радость, которая была для ней возжелѣннѣе и чище той, какой она искала и ожидала отъ меня въ потомствѣ по плоти 1).

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Намѣреніе блаж. Августина оставить вовсе занятія публичнаго преподавателя реторики, но не прежде, какъ по наступленіи приближавшихся дней собиранія винограда (tempus feriarum vindemialium).—Уединеніе его на это время—на дачу (villa) друга своего Верекунда, и затѣмъ крещеніе.—Добродѣтели и смерть матери его Моники, скончавшейся вскорѣ послѣ его крещенія, въ тотъ же самый годъ, то есть, на тридцать третьемъ году жизни Августина (въ 387 г. по Р. Х.)

ГЛАВА І.

Господи! азъ рабъ Твой, и сынъ рабыни Твоея: растерзалъ еси узы моя; Тебѣ пожру хвалы, и (во) имя Господне призову (Псал. CXV, 7. 8). Да прославить Тебя сердце мое и уста мои, и вся кости моя да рекутъ: Господи! кто подобенъ Тебѣ (Псал. XXXIV, 10)? Такъ да взываютъ онѣ; а Ты отвѣщай мѣ и рцы дуть моей: спасеніе твое есмь Азъ (тамже 3). Но кто я и что я? Есть ли зло, котораго бы я не сдѣлалъ, или не сказалъ, или по крайней мѣрѣ не пожелалъ? Ты же, Господи, благъ и милосердъ; Ты зрѣлъ всю глубину моего паденія и могущественною десницею своею извелъ меня изъ бездны, въ которую я низринулъ было, какъ въ могилу. Я пересталъ желать того, чего желалъ прежде, а сталъ желать удобнаго Тебѣ. Гдѣ же была до сего времени и откуда—

1) Смотри. Книг. VI, глав., 13.

изъ какой непостижимой глубины явилась моя свободная воля, посредствомъ которой я преклонилъ выю свою подъ Твое *благое иго* и рамена свои подъ Твое *легкое бремя* (Матѳ. XI, 30), Иисусе Христе, Спасителю и Искупителю мой? О сколь сладостно для меня вдругъ стало отрѣшиться отъ суетныхъ удовольствій, которымъ я доселѣ предавался! И какъ прежде одна мысль отказаться отъ нихъ наводила на меня страхъ, такъ теперь рѣшимость оставить ихъ на самомъ дѣлѣ переполнила меня радостію. Ибо Ты Самъ, истинная и высочайшая сладость, Ты Самъ изгналъ ихъ отъ меня и заступилъ ихъ мѣсто, Ты сладчайшій паче всякихъ сладостей, но не для плоти и крови; свѣтлѣйшій паче всякаго свѣта, но сокровеннѣйшій болѣе всякой тайны; высочайшій превыше всякаго величія, и недоступный для высокомѣрныхъ. Душа моя была уже свободна отъ мучительныхъ злобъ честолюбія и корыстолюбія и отъ проказы грубыхъ и нечистыхъ похотей; я блаженствовалъ, погружаясь въ тѣснѣйшее общеніе съ Тобою, слава моя, сокровище мое, спасеніе мое, Господи Боже мой!

ГЛАВА 2.

Тогда я счелъ за лучшее, предъ лицомъ Твоимъ, безъ шума оставить служеніе свое на торжищѣ суетной болтливости, чтобы ученики мои, помышляя не о законѣ и не о мирѣ Твоемъ, но о безумной лжи и сутяжничествахъ (*bella forensia*), не покупали изъ устъ моихъ оружія для своей неистовой страсти. И такъ-какъ до дней собиранія винограда (т. е. до вакаціи), къ счастью, осталось уже очень немного дней; то я рѣшился не оставлять своихъ занятій до вакаціи, а затѣмъ уже, по закрытіи ученія, оставить учительство краснорѣчія навсегда, чтобы, получивъ искупленіе отъ Тебя, не сдѣлаться снова продажнымъ рабомъ. Таково было намѣреніе мое, предпринятое предъ лицомъ Твоимъ, но лю-

дямъ неизвѣстное, кромѣ нѣкоторыхъ довѣренныхъ лицъ. Между нами было условлено никому не сообщать этого, хотя Ты далъ намъ, изведеннымъ изъ *юдоли плачевной* (Псал. LXXXIII, 6. 7) и воспѣвшимъ пѣснь степеней, *стрѣлы изощренны и угліе огненное* противъ *языка льстива* (Псал. CXIX, 2—4; Прит. XXV, 23), который подъ видомъ совѣта благаго строить зло и свѣдаетъ ближнихъ, какъ любимую пищу.

Ты узавилъ насъ любовію Своею и слова Твои вѣдрили въ сердцахъ нашихъ; а примѣры служителей Твоихъ, которыхъ Ты извелъ изъ тьмы въ свѣтъ, изъ смерти въ жизнь, озаривъ и воодушивъ насъ, расторгли въ насъ оцѣпененіе, приковывавшее насъ къ землѣ, и увлекали насъ такъ сильно, что всякій противорѣчивый духъ языкакъ стиваго только воспламенялъ, но не охлаждалъ насъ. Но такъ-какъ ради имени Твоего, которое Ты святишь на землѣ, наше предпріятіе, конечно, встрѣтило бы немало похвалъ; то, не дождавшись близкой вакаціи, въ виду всѣхъ отказаться отъ публичной должности, казалось мнѣ дѣломъ заносчивымъ и не чуждымъ тщеславія. Такая поспѣшность возбудила бы много разнообразныхъ толковъ на мой счетъ. И что пользы было бы для меня если бы доброе намѣреніе мое подверглось пересудамъ?

Въ продолженіи этого лѣта отъ чрезмѣрныхъ учебныхъ занятій заболѣла у меня грудь, такъ-что я тяжело сталъ дышать; видно было, что у меня поражены легкія, самый голосъ мой потерялъ свою звучность и силу; сначала я безпокоился, видя, что мнѣ приходится по необходимости или вовсе отказаться отъ учительской должности, или по крайней мѣрѣ оставить ее на время до поправленія здоровья. Но когда во мнѣ явилось рѣшительное желаніе оставить учительство, чтобы посвятить себя вѣчно Тебѣ, Господи; то я даже порадовался, какъ Тебѣ извѣстно, Боже мой, своей

болѣзни, находя въ ней для себя достаточное извиненіе предъ родителями, которые ради блага своихъ дѣтей никогда не согласились бы отпустить меня ¹⁾. Радуюсь этому, я провелъ остальное время до вакаціи терпѣливо; не помню, сколько именно оставалось дней, но кажется дней около двадцати, только мнѣ тяжело было пережить ихъ: у меня не было уже тѣхъ побужденій, какія прежде помогали мнѣ переносить трудъ учительства; и если бы мѣста ихъ не заступило терпѣніе, то я былъ бы подавленъ этою тяжестью. Можетъ быть, кто-нибудь изъ рабовъ Твоихъ, моихъ братьевъ, обвинить меня за то, что, рѣшившись вполне служить Тебѣ, я позволилъ себѣ еще хоть нѣсколько часовъ сидѣть на каедрѣ лжи. Не стану защищаться. Но Ты, премилосердый Господи, не простилъ ли мнѣ и этого грѣха, вмѣстѣ съ другими страшными и смертными грѣхами, и не омылъ ли всѣхъ ихъ въ священной купели возрожденія.

ГЛАВА 3.

Верегундъ ²⁾ сильно скорбѣлъ, что не могъ участвовать въ нашемъ счастьи. Супружескія узы не позволяли ему присоединиться къ намъ. Онъ еще не былъ христіаниномъ, хотя жену имѣлъ христіанку; но она-то главнымъ образомъ и удерживала его отъ того пути, который мы пред-

---

¹⁾ Въ подлинникѣ: *qui propter liberos suos me liberum esse nunquam volebant*. Мѣсто это, по игрѣ словъ, звучащихъ одинаково, но разныхъ значеніемъ, не имѣетъ въ переводѣ той прелести и силы, какъ въ подлинникѣ. Здѣсь слово *liberi* означаетъ *дѣти*, а слово *liber* означаетъ *свободный*. Удачный переводъ подобныхъ мѣстъ рѣдко приходится.

²⁾ Задушевный другъ Августина и его друзей, гражданинъ медиоланскій, занимавшійся первоначальнымъ обученіемъ юношества. См. Книг. VIII, глав. 6.

приняли; а между тѣмъ онъ говорилъ, что желаетъ быть христіаниномъ не иначе, какъ подѣ тѣмъ условіемъ, котораго въ тоже время не могъ исполнить. Впрочемъ онъ съ особеннымъ дружелюбіемъ предложилъ намъ помѣщеніе въ своей дачѣ, на все время нашего тамъ (т. е. въ Миланѣ) пребыванія. Ты, Господи, воздаждь ему за это въ воскресеніе праведныхъ, и Ты воздалъ уже ему часть его. Послѣ нашего отъѣзда, когда мы были уже въ Римѣ, заболѣвъ, онъ сдѣлался христіаниномъ, и отошелъ изъ жизни сей вѣрующимъ въ Тебя. Ты умилосердился не только надъ нимъ, но и надъ нами, чтобы мы не страдали отъ невыносимой скорби, вспоминая о рѣдкой приверженности къ намъ друга и не имѣя возможности считать его въ числѣ членовъ Твоей церкви. Благодареніе Тебѣ, Боже нашъ, мы—Твои: въ этомъ увѣряютъ насъ Твои убѣжденія и утѣшенія: вѣрный Своимъ обѣщаніямъ, Ты воздашь Верекунду за оказанное намъ гостепріимство въ домѣ его кассиціавумскомъ, гдѣ мы упокоились въ Тебѣ отъ тревоженій міра сего, воздаждь ему радостями и наслажденіями вѣчно-цвѣтущаго рая Твоего,—прости въ ему грѣхи его еще на землѣ, поселишь и утвердишь его на *горѣ* своей святой, гдѣ стоятъ вѣчныя скіини, *горѣ тучной, горѣ Божіей, юже благоволитъ Богъ жити въ ней* (Пс. LXVII. 16. 17).

Да, въ то время Верекундъ скорбѣлъ; Небридій же сорадовался намъ. Ибо хотя и онъ не былъ еще христіаниномъ и впалъ было даже въ опаснѣйшее заблужденіе, считая плоть вѣчною Истины — Сына Твоего призракомъ или мечтою; однако же, освободившись отъ этого заблужденія, хотя еще не былъ посвященъ въ таинства церкви, но былъ самымъ ревностнымъ изслѣдователемъ истины. Вскорѣ послѣ нашего обращенія и возрожденія Твоимъ крещеніемъ, онъ сдѣлался вѣрующимъ членомъ церкви Твоей, и по возвращеніи въ Африку, послужилъ Тебѣ въ безукоризненной чистотѣ и воздержаніи, обративши въ хри-

стѣанство и весь домъ свой; тогда Ты разрѣшилъ и его отъ узы тѣла, и онъ живетъ теперь въ *лоно Авраамовомъ* (Лук. XVI, 22). Что бы ни разумѣлось подъ этимъ словомъ: *лоно* ¹⁾, онъ тамъ живетъ—мой Небридій, мой нѣжный другъ, Тобою, Господи, искупленный, и изъ раба ставшій Твоимъ сыномъ; тамъ живетъ онъ Ибо какое другое мѣсто могло быть назначено для его прекрасной души? Тамъ живетъ онъ, въ томъ мѣстѣ, о которомъ онъ много разъ спрашивалъ меня, задавая такіе вопросы, на которые я по своей неопытности не могъ отвѣчать ему. Онъ уже не склоняетъ больше своего слуха къ устами моимъ, но, прищавъ устами своего духа къ Твоему источнику, и, утоляя жажду свою, пьетъ мудрость, пребывая въ безконечномъ блаженствѣ. И я не думаю, чтобы онъ, упивансь ею, могъ забыть меня; ибо и Ты, Господи, Ты, Который составляешь его питіе, памятуешь о насъ. Такъ жили мы въ невозмущаемой дружбѣ: и Верекунда утѣшала, убѣждая его послѣдовать намъ, оставаясь вѣрнымъ своимъ супружескимъ обѣтамъ; и отъ Небридія ожидали, что онъ вотъ-вотъ послѣдуетъ за нами, такъ-какъ онъ уже стоялъ на пути къ обращенію. Наконецъ насталъ день, котораго я ждалъ съ нетерпѣніемъ, день освобожденія отъ тяготившихъ меня служебныхъ занятій, и я могъ воспѣть отъ полноты души: *Глебъ ре-*

---

1) Что разумѣлъ Августинъ подъ *лономъ Авраамовымъ*,—это можно видѣть у него же изъ сочиненія его „de anima et ejus origine, о душѣ и происхожденіи ея“, книг. IV, глав. 16. § 24, гдѣ онъ говоритъ такъ: „подъ лономъ Авраама разумѣй отдаленное и уединенное мѣсто покоя, гдѣ почиваетъ Авраамъ; а называется оно лономъ Авраама не потому, чтобы оно принадлежало ему только одному, но потому, что онъ есть отецъ всѣхъ вѣрующихъ, коимъ поставленъ въ образецъ для подражанія, по своей великой вѣрѣ“

че сердце мое: Господа възышу, възыска Тебе лице мое, лица Твоего, Господи, възышу (Псал. XXVI, 8).

ГЛАВА 4.

Насталъ день, когда я долженъ былъ на самомъ дѣлѣ освободиться отъ должности учителя краснорѣчія, отъ которой еще прежде отрѣшился въ мысляхъ своихъ. Такъ и сдѣбалось. Ты избавилъ языкъ мой отъ того, отъ чего освободилъ уже сердце мое; и я, въ радостномъ восторгѣ прославляя Тебя, отправился со всеѣми своими ¹⁾ на дачу Верегунда, о которомъ только-что говорили мы. Въ чемъ состояли тамъ литературныя занятія мои, которыя конечно посвящены были на служеніе Тебѣ, но въ которыхъ еще отзывалось надутостію школы,—объ этомъ свидѣтельствуютъ сочиненія ²⁾, содержащія въ себѣ бесѣды съ находившимися на лицо друзьями моими и съ самимъ собою предъ То-

---

¹⁾ т. е. съ матерію своею Моникою, сыномъ Адеодатомъ, роднымъ братомъ Навигіемъ, двоюродными братьями Ластидіаномъ и Рустикомъ, также другомъ своимъ Алипіемъ и соотечественниками и учениками своими Тригетіемъ и Лицентіемъ (изъ коихъ послѣдній былъ сынъ Романіана, всегдашняго благодѣтеля Августинова). Объ этомъ Августинъ ясно говоритъ въ сочиненіи своемъ *de vita beata* (о блаженной жизни) сар. 1, п. 6. См. также Жизнь Августана, изданную Бенедиктинцами въ 8-ми книгахъ, книг. 2, глав. 6. § 2, глав. 8. § 2.

²⁾ Сочиненія, о которыхъ здѣсь упоминаетъ Августинъ, написанныя имъ до крещенія въ Кассиціакумъ—загороднемъ домѣ Верегунда, гдѣ онъ готовился къ крещенію, исчислены въ первой книгѣ его собственнаго обзорѣнія сочиненій своихъ (*Retractaciones*) глав. 1—4. Вотъ онѣ: 1) *contra Academicos vel de Academicis* (протівъ Академиковъ или объ Академикахъ), три книги; 2) *de vita beata* (о блаженной жизни), одна книга; 3) *de ordine* (о порядкѣ), двѣ книги; 4) *soliloquia* (самособесѣдованіе съ самимъ собою), двѣ книги. Всѣ эти сочиненія написаны въ фор-

бою, и переписка съ отсутствующимъ Небридіемъ. У меня не достало бы времени, если бы я сталъ перечислять всѣ Твои благодѣянія, дарованныя намъ въ то время, и я спѣшу къ болѣе выдающимся изъ нихъ. Воспоминанія мои приводятъ меня ко мнѣ самому, и мнѣ сладостно, Господи, исповѣдать предъ Тобою, какими недовѣдомыми путями сокрушалъ Ты гордыню мою, уничижалъ горы и холмы моихъ заносчивыхъ мыслей, выравнивалъ тѣ, что во мнѣ было жѣстко; какъ Ты Алипія, близкаго друга моему сердцу, покорилъ имени Единороднаго Твоего, Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа,—тому имени, которому онъ прежде не хотѣлъ даже давать мѣста при нашихъ литературныхъ занятіяхъ, ибо ему (Алипію) больше нравился запахъ пышныхъ кедровъ гимназическихъ, Господомъ сокрушенныхъ, чѣмъ смиренныхъ злаговъ церковныхъ, спасительныхъ противъ яда змѣй.

Какую хвалу благодаренія возносплъ я къ Тебѣ, Боже мой, когда читалъ псалмы Давида, эти исполненные вѣры и благочестія сладко звучающія пѣсни, изгоняющія всякую гордость духа! Я читалъ ихъ на досугѣ, въ уединеніи, не искусившись еще въ истинной любви къ Тебѣ, будучи только оглашеннымъ (catechumenus), вмѣстѣ съ Алипіемъ, бывшимъ тоже въ числѣ оглашенныхъ, тогда какъ мать моя, находившаяся тутъ же съ нами, укрѣпляла насъ своею женственною ласкою, мужески твердою вѣрою, старческою опытностію, материнскою любовію и христіанскимъ благочестіемъ. Какъ я прославлялъ Тебя въ этихъ хвалебныхъ пѣсняхъ, какъ онѣ восторгали меня къ Тебѣ, и какъ я горѣлъ желаніемъ возвѣстить ихъ, если бы только могъ, всему міру, чтобы смирить гордость и высокомеріе человѣческаго

мѣ разговоръ; перья три—съ друзьями своими, а послѣднее—съ своимъ разумомъ. (Монологи).

рода! Впрочемъ онѣ и такъ поются по всей землѣ и никто не можетъ укрыться отъ Твоего свѣта. Я сильно негодовалъ противъ манихеевъ и глубоко сожалѣлъ о томъ, что они не знали этой тайны, этого спасительнаго средства, и въ ослѣпленіи своемъ упорно отвергали это врачевство, которое могло бы исцѣлить ихъ. Я желалъ бы только, чтобы они были на то время, безъ моего вѣдома, вблизи меня, и чтобы они взглянули на лице мое и слышали голосъ мой, когда я въ тихій уединенный часъ читалъ четвертый псаломъ. *Внегда призвати ми, взывалъ я, услыша мя Богъ правды моея; въ скорби распространилъ мя еси; ущедри мя, Господи, и услыши молитву мою* (Псал. IV, 2). Я желалъ, чтобы манихеи услышали меня, бывъ и сами увѣрены въ томъ, что я не предполагаю ихъ присутствія, чтобы не подумали, что сказанное мною въ этихъ словахъ сказано ради ихъ. Я конечно не говорилъ бы этихъ словъ, и притомъ съ такимъ выраженіемъ, если бы зналъ, что манихеи меня видятъ и слышатъ; да и они сами, услышавъ отъ меня такія слова, и подозрѣвая, что я знаю объ ихъ присутствіи, не повѣрили бы, что я произносилъ слова псалма съ самимъ собою предъ Тобою въ уединенной молитвѣ и откровенномъ изліяніи души моей.

Я трепеталъ, объятый священнымъ страхомъ, и вмѣстѣ горѣлъ надеждою блаженной радости на Твое милосердіе, Отецъ всякихъ щедротъ. И все это живо выражалось въ чертахъ лица моего и въ словахъ устъ моихъ, когда Твой благой Духъ обращался къ намъ, съ нѣжностію вѣщая: *сынове чловѣчестіи, доколь тяжкосердїи? вскую любите суету, и ищите лжи?* (Псал. IV, 3). А я предпочилъ суету и искалъ лжи. И Ты, Господи, уже возвеличилъ святаго Твоего (—4.), *воскресивъ Его изъ мертвыхъ* (Гал. 1, 1) и посадивъ *одесную Себя* (Мар. XVI, 19),

чтобы *послать* намъ съ высоты Своей обѣщаннаго *Утѣшителя Духа истины* (Іоан. XIV, 16. 17. 26. XV, 26. XVI, 5. 7. 13), и Онъ уже послалъ Его (Дѣян. II, 1—4), но я еще не зналъ. Онъ послалъ Его, потому-что былъ уже прославленъ воскресеніемъ изъ мертвыхъ и вознесеніемъ на небо. Дотогѣ же Духъ Святой не былъ дарованъ, потому-что Іисусъ не былъ еще прославленъ (Іоан. VII, 39). И поэтому-то взывалъ пророкъ: *доколь тяжкосердиі? вскую любите суету, и ищите лжи? и увѣдите, яко удиви* (возвеличилъ уже) *Господь Преподобнаго Своего* (Святаго Своего) (Псал. IV, 3. 4). Онъ взываетъ: *доколь?* взываетъ: *увѣдите*, познайте! А я столь долго, въ невѣдѣніи своемъ, любилъ суету и гонялся за ложью; поэтому съ трепетомъ внялъ я этимъ словамъ псалма, зная, что они обращены именно къ такимъ, каковъ былъ и я. Ибо въ тѣхъ вымыслахъ, которые я считалъ за истину, была одна только ложь и суета. Живая и глубокая скорбь моихъ воспоминаній исторгала изъ глубины души моей и изъ устъ моихъ горестные и поразительные вопли. О, если бы услышали ихъ тѣ, которые и доселѣ *любятъ суету и ищутъ лжи!* Быть можетъ, они смутились бы и отстали бы отъ суеты и лжи: и воззвали бы къ Тебѣ, и Ты услышалъ бы ихъ; ибо Тотъ умеръ за насъ дѣйствительною смертію плоти, Кто ходатайствуетъ за насъ предъ Тобою.

Далѣе, въ томъ же псалмѣ, читалъ я еще, *гнѣвайтесь, и не согрѣшайте* (Псал. IV, 5). И какъ я былъ тронутъ этимъ, Боже мой,—я, который уже научился гнѣваться на себя за свое прошедшее, чтобы впредь не грѣшить,—гнѣваться праведно, потому-что не иная какая-либо темная природа грѣшила во мнѣ, какъ говорятъ тѣ (манихеи), которые не гнѣваются на себя и *собираютъ себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Твоего* (Рим. II, 5). Блага мои не принадлежали уже къ

чувственному міру, и я не искалъ ихъ уже плотскіими очами подѣ этимъ солнцемъ. Ибо тѣ, которые ищутъ своихъ радостей во внѣшнихъ предметахъ, легко становятся суетными и разсѣваются въ видимомъ и временномъ, образы котораго только манятъ алчную ихъ душу, но не насыщаютъ ее. О, если бы истощенные голодомъ они воскликнули: *кто явитъ намъ истинныя блага* (Псал. ІV, 7)? И мы воспѣли бы, а они выслушали бы слова псалма: *знаменася на насъ свѣтъ лица Твоего, Господи* (тамже). Мы сами не составляемъ свѣта, просвѣщающаго всякаго человѣка, приходящаго въ міръ (Іоан. 1, 9); но освѣщаемся Тобою, чтобы, вышедши изъ тьмы, въ которую погрузились, содѣлаться намъ свѣтомъ о Тебѣ (Ефес. V, 8). О, если бы заблуждающіеся люди видѣли внутренней вѣчный свѣтъ, въ который я уже прозрѣвалъ и досадовалъ, что не могъ показать имъ его! О, если бы они, удалившись отъ Тебя, обратились ко мнѣ и сказали: *кто явитъ намъ истинныя блага?* Ибо только тогда, когда началъ я гнѣваться на себя во внутренней влѣтѣ души своей, когда началъ я сокрушаться о себѣ и приносить въ жертву ветхаго человѣка своего, возлагая на Тебя всю надежду возрожденія своего,—только тогда сталъ я упоеваться сладостію Твоею, и Ты далъ мнѣ *веселіе Твое въ сердцѣ моемъ* (Псал. ІV, 8). И потому-то я пришелъ въ восторгъ, читая слова псалма, звучація внѣ меня, и слыша отголосокъ ихъ во глубинѣ души своей; я не желалъ уже богатиться земными благами, поглощая временное и самъ поглощаясь имъ, такъ-какъ я обрѣлъ въ Твоей вѣчной простотѣ иную *пшеницу*, иное *вино*, иной *елей* (тамже),—блага, несравненно совершеннѣйшія земныхъ.

При чтеніи слѣдующаго стиха я воззвалъ громкимъ голосомъ отъ глубины души: *о, въ миръ! о, въ Тебѣ самомъ!* чтоже такое? *усну и почию!* (Псал. ІV, 9). Ибо кто ста-

нетъ противъ насъ, когда сбудется слово написанное: *по-жертѣ бысть смерть побѣдою* (1 Кор. XV, 54; Иса. XXV, 8)? И Ты тотъ самый, Сый, который никогда не измѣнишься, и въ Тебѣ покой и отдохновеніе отъ всѣхъ трудовъ и заботъ, потому-что нѣтъ инаго подобнаго Тебѣ, и ни къ чему не послужить приобрѣтеніе всего того, что—не Ты; *Яко Ты Господи Единъ* (singulariter) *на упованіи вселилъ мя еси* (Псал. IV, 9). Я читалъ Давидовы псалмы, и горѣлъ духомъ, и не зналъ, чѣмъ подѣйствовать на глухихъ и мертвыхъ людей, къ числу коихъ принадлежалъ нѣкогда и я, слѣпой и ожесточенный хулитель Твоихъ писаній, освѣщенныхъ Твоимъ свѣтомъ и сладкихъ, какъ нектаръ небесный.

Припоминать ли мнѣ обо всемъ, что происходило въ продолженіи этихъ дней моего уединеннаго отдохновенія? Да и въ состояніи ли я вспомнить все? Но я не забылъ и не умолчу какъ о чувствительномъ для меня наказаніи гнѣва Твоего, такъ и о дивной и быстрой помощи милосердія Твоего. Въ это время Ты посѣтилъ меня зубною болью; и когда эта болѣзнь до того усилилась, что я не могъ говорить, мнѣ пришло на мысль попросить приближенныхъ моихъ общюю молитвою помолиться за меня предъ Тобою, Боже всякаго спасенія. Я написалъ содержаніе своей просительной молитвы на дощечкѣ навощенной и вручилъ имъ для прочтенія, потому-что самъ не могъ читать. Какъ только преклонили мы колѣни на молитву, болѣзнь тотчасъ прошла. Ахъ, да какая болѣзнь! и какъ внезапно исчезла она! Признаюсь, Господи мой, Боже мой, я ужаснулся; ибо ничего подобнаго не испытывалъ я отъ юности моей. И я призналъ въ этомъ случаѣ чудодѣйственное мавновеніе воли Твоей и, проникнутый живою вѣрою, въ радости благословлялъ имя Твое, но тѣмъ сильнѣе беспокоился о грѣхахъ моего прошедшаго, прощеніе которыхъ не было еще запечатлѣно крещеніемъ Твоимъ.

ГЛАВА 5.

По окончаніи вакаціи, я отказался отъ учительской должности, предоставляя медіоланцамъ позаботиться о присканіи для своихъ дѣтей другаго торгаша словами частію потому, что я уже рѣшился совершенно посвятить себя на служеніе Тебѣ, а частію потому, что въ слѣдствіе слабости дыханія и боли въ груди я не могъ далѣе продолжать школьныхъ занятій. вмѣстѣ съ тѣмъ я написалъ къ достоуважаемому епископу Твоему, мужу святому Амвросію, письмо, въ которомъ изобразилъ ему какъ прежнія заблужденія свои, такъ и настоящее расположеніе души своей, и просилъ у него совѣта и указанія, что преимущественно долженъ я читать изъ книгъ св. Писанія, для лучшаго приготовленія къ достойному принятію столь великой благодати Твоей. Онъ посоветовалъ мнѣ читать пророка Исаію, и я думаю, на томъ основаніи, что этотъ пророкъ съ особенною ясностію предсказалъ о призваніи язычниковъ. Но я при самомъ началѣ чтенія не понималъ пророка, и, считая всю эту книгу пока трудною для себя, отложилъ чтеніе ея до того времени, когда поближе познакомлюсь съ божественнымъ Писаніемъ и приобрѣту въ немъ болѣе навыка и опытности.

ГЛАВА 6.

Когда наступило время мнѣ вступить въ церковь вѣрующихъ, тогда мы оставили жизнь на дачѣ и возвратились въ Медіоланъ (Миланъ). Алипій также захотѣлъ вмѣстѣ со мною возродиться въ Тебѣ; и онъ исполненъ былъ глубокаго смиренія, безъ котораго принятіе таинствъ Твоихъ недоступно; онъ съ такою строгостію усмиралъ плоть свою, что босой ходилъ по горамъ Италіи. Мы присоединили къ себѣ и малолѣтнаго Адеодата, плотскаго сына грѣховъ моихъ. Ты, Господи, надѣлилъ его прекрасными качествами

Ему было около пятнадцати лѣтъ, а умомъ своимъ онъ превосходилъ старыхъ и ученыхъ мужей. Исповѣдую предъ Тобою дары Твои, Господи Боже мой, Творецъ всемогущій, украшающій то, что обезображено нами: ибо кромѣ грѣха этого юноша ни чѣмъ не былъ обязанъ мнѣ; а если мы и старались воспитывать его въ законѣ Твоемъ, то это Ты внушилъ намъ, а не кто другой: исповѣдую предъ Тобою дары Твои. Есть одно въ числѣ моихъ твореній, которое озаглавляется такъ: «объ Учителѣ» (de Magistro) ¹⁾: въ этомъ сочиненіи мой сынъ бесѣдуетъ со мною. Ты знаешь что гдѣ мысли, которыя тамъ влагаю я въ уста собесѣднику своему, принадлежать ему, хотя ему былъ тогда шестнадцатый только годъ. Много и другаго, еще болѣе достойнаго удивленія, находилъ я въ немъ. Въ какой-то священный трепетъ приводилъ меня необыкновенный умъ его; а отъ кого, если не отъ Тебя, исходили эти чудныя дарованія? Рано восхитилъ Ты его отъ міра сего; но я вспоминаю о немъ съ совершеннымъ спокойствіемъ, не страшась ни за его дѣтство, ни за его юность, ни за всю жизнь его. Мы присоединили его къ себѣ, какъ сотоварища своего въ Твоей благодати, чтобы воспитать его въ Твоемъ законѣ; вмѣстѣ мы крестились, и наша прошедшая жизнь болѣе не тревожила насъ. Въ эти дни я не могъ насытиться дивною сладостію размышленія о неизслѣдимой глубинѣ совѣта Твоего относительно спасенія рода человѣческаго. О, сколько я пролилъ слезъ умиленія, когда слушалъ гимны и пѣсни, вос-

---

¹⁾ Оно написано около 389 г., слѣд. послѣ крещенія; состоитъ же изъ разговоровъ блаж. Августина съ сыномъ своимъ Адеодатомъ о томъ, какъ приобрѣтаются человѣкомъ познанія и кто его учитъ: *не чрезъ слова, доказываетъ онъ, внѣ насъ звучащія, а чрезъ истину, внутри насъ учащую, приобрѣтаемъ мы познанія объ истинѣ; почему одинъ есть Учитель нашъ Исусъ Христосъ, вѣчная Истина.*

пѣваемые во славу Твою, какъ глубоко потрясали меня голоса Твоей сладкозвучной церкви! Въ то время, когда эти сладкозвучные голоса плѣняли мой слухъ, истина чистою струею проникала въ мое сердце, огонь благочестія восплалялъ мою душу! слезы лились обильно, и мнѣ сладко было отъ нихъ.

ГЛАВА 7.

Недавно, при необыкновенномъ единодушномъ усердіи вѣрующихъ, введено въ употребленіе медіоланскою церковію пѣніе этихъ утѣшительныхъ и назидательныхъ гимновъ. Именно, годъ или не много больше протекло, какъ Іустина, мать малолѣтняго императора Валентиніана, обольщенная ересью арианъ, преслѣдовала служителя Твоего Амвросія Благочестивый народъ проводилъ ночи въ церкви, готовый умереть съ епископомъ своимъ, вѣрнымъ слугою Твоимъ. Тамъ была и мать моя, раба Твоя, одна изъ первыхъ, принимавшая участіе въ заботахъ, неусыпномъ бдѣніи и молитвѣ. Мы, хотя еще не согрѣтые въ то время теплотою Духа Твоего, не оставались однако равнодушными зрителями тревогъ жителей города. Въ это-то время введено было пѣніе гимновъ и псалмовъ, по примѣру восточныхъ церквей, и въ медіоланской церкви, чтобы народъ не падалъ духомъ среди скорбей и тягостныхъ испытаній: и съ того времени доселѣ сохраняется этотъ обычай, и почти всѣ церкви Твои на земномъ шарѣ послѣдовали этому примѣру.

Тогда Ты открылъ первосвященнику Твоему (Амвросію) въ видѣніи мѣсто, гдѣ покоились тѣла двухъ мучениковъ Твоихъ, Протасія и Гервасія, которыя Ты въ продолженіи столькихъ лѣтъ хранилъ нетлѣнными въ мѣстѣ сокровенномъ, чтобы извлечь ихъ во время благопотребное для обузданія ярости женщины, сидѣвшей на престолѣ Когда мощи, бывъ найдены и открыты, съ подобающимъ торжествомъ перене-

сены были въ базилику Амвросія; то не только многіе, мучимые нечистыми духами, исцѣлялись, такъ-что самыя души злыя, оставляя ихъ, исповѣдывали дивное во святыхъ могущество Твое, но и одинъ изъ жителей Милана, всѣмъ извѣстный въ городѣ, бывшій въ продолженіи многихъ лѣтъ слѣпымъ, чудесно прозрѣлъ. Слыша молву о необыкновенной радости народа, онъ спросилъ о причинѣ этой радости, и, узнавъ о томъ, тотчасъ вскочилъ и просилъ своего вожатаго привести его ко гробу, гдѣ положены тѣла угодниковъ Божіихъ. Будучи приведенъ туда, онъ испросилъ позволеніе прикоснуться платкомъ своимъ къ ракъ святыхъ Твоихъ, смерть коихъ такъ дорога предъ Тобою (Псал. СХV, 6), и, послѣ того, боль скоро приложилъ этотъ платокъ къ глазамъ своимъ, они тотчасъ у него отверзлись. Слухъ объ этомъ распространился далеко, слава Твоя прогремѣла повсюду, и душа неистой гонительницы хотя чрезъ это сама не исцѣлилась вѣрою, однако прекратила гоненіе на другихъ. Благодарю Тебя, Боже мой, что Ты привелъ мнѣ на память исповѣдать событіе, которое, не смотря на его величіе, я опустилъ было изъ виду. Между тѣмъ и тогда, какъ *воля мѣра Твоего* благоухала *паче всѣхъ ароматовъ* (Пѣсн. пѣсн. 1, 2), мы не спѣшили къ Тебѣ; и потому-то я такъ горько плакалъ при пѣніи Твоихъ хвалебныхъ пѣсней, я, тотъ самый, который столько воздыхалъ по Тебѣ, воспріявъ въ себя божественнаго Духа Твоего, сколько можетъ вмѣстить его человѣческая хранина.

ГЛАВА 8.

О ТЫ, *вселяющій единомысленныхъ въ домъ* (Псал. LXXII, 7), Ты присоединилъ къ намъ и Эводія, человѣка молодаго изъ отечественнаго нашего города. Бывъ повѣреннымъ по дѣламъ (*agens in rebus*) при царскомъ дворѣ, онъ пріялъ крещеніе прежде, чѣмъ мы обратились къ Тебѣ, и

послѣ крещенія оставилъ царскую службу, чтобы всецѣло предаться служенію Тебѣ¹⁾). Мы находились вмѣстѣ, и хотѣли жить вмѣстѣ въ священномъ союзѣ. Мы искали мѣста, гдѣ бы могли служить Тебѣ съ бѣльшею пользою, и предприняли обратное путешествіе въ Африку. Но когда прибыли мы въ Остію на Тибрѣ, мать моя скончалась тутъ ¹⁾). О многомъ я умалчиваю, потому-что многое спѣшу сократить. Пріими мою исповѣдь и мою благодарность, Боже мой, за неисчетныя благодѣянія Твои, хотя я и умалчиваю о многихъ изъ нихъ. Но не умолчу о томъ, чѣмъ переполнена душа моя,—не умолчу о той рабѣ Твоей, представившей Тебѣ столько залоговъ своей вѣрности, которой я обязанъ вдвойнѣ жизнію, потому-что она раждала меня и плоти для временной жизни, и духовно для жизни вѣчной. Говоря впрочемъ о ея благодѣянїяхъ, я прославляю Твои въ ней дары; ибо она не сама создала и не сама воспитала себя. Ты создалъ ее, и ни отецъ ни мать не знали, что выйдетъ изъ нея. И воспитаніе получила она въ страхъ Твоемъ, чрезъ обученіе и наставленіе Христа (помазаннаго) Твоего, подъ руководствомъ единороднаго Сына Твоего, въ вѣрующемъ домѣ, принадлежавшемъ Твоей церкви. Что кабається до ея воспитанія, она приписывала его не столько заботливости матери своей, сколько старушкѣ какой-то—служанкѣ, которая нянчила еще отца ея, нося его на своей спинѣ (dorso), какъ обыкновенно носятъ маленькихъ дѣтей взрослые дѣвушки. Въ слѣдствіе этого, и кромѣ того ради своей старо-

---

¹⁾ Можетъ быть, и очень вѣроятно, что этотъ Эводій былъ изъ числа тѣхъ царедворцевъ, обратившихся въ христіанство, о которыхъ Понтиціанъ, товарищъ ихъ, рассказалъ Августину въ предыдущей книгѣ VIII, главѣ 6.

¹⁾ Остія—это портовой римскій городокъ при устьѣ Тибра. Замѣчательно, что пророчество Моники точь въ точь исполнилось. Слич. книг. VI, глав. 1.

сти и за неукоризненность своихъ нравовъ, она пользовалась въ христіанскомъ домѣ большимъ уваженіемъ отъ господъ своихъ. Ей ввѣрили они надзоръ и за дочерьми своими, за которыми она смотрѣла съ большимъ вниманіемъ и особенною заботливостію, употребляя, гдѣ нужно, при обузданіи ихъ святую строгость, а при обученіи благоразумную разборчивость. Такъ на примѣръ: кромѣ опредѣленныхъ часовъ, когда имъ за столомъ съ родителями предлагалась очень умѣренная пища, она не позволяла имъ пить ничего, даже воды, хотя бы онѣ чувствовали жажду, чтобы этимъ предохранить ихъ отъ худой привычки, и говорила при этомъ слѣдующія мудрыя слова: «теперь вы пьете воду, потому что не имѣете еще въ своемъ распоряженіи вина; но когда выйдете замужъ и сдѣлаетесь хозяйками кладовыхъ и погребовъ, тогда вода не такъ уже будетъ вамъ нравиться, а привычка пить ее между тѣмъ у васъ останется». Этою предупредительностію наставленія и силою своего вліянія она обуздывала невоздержаніе въ юности, и чрезъ перенесеніе жажды пріучала дѣвочекъ къ нравственной сдержанности, такъ-что онѣ и не желали того, что было неприлично.

И однакоже мать моя, эта раба Твоя, какъ сама она рассказывала мнѣ, сыну своему, допустила въ себѣ слабость, мало-по-малу и незамѣтно пристрастившись къ вину. Дѣло было такъ. Когда родители ея, по обычаю, посылали ее, какъ дѣвушку скромную и трезвую, въ погребъ за виномъ; то она, наливъ его изъ бочки въ сосудъ, прежде чѣмъ выливала изъ сосуда въ бутылку, сама отвѣдывала этого напитка по немножку, не имѣя къ нему отъ природы расположенности. Она дѣлала это не по пристрастію къ пьянству, а по увлеченію молодости, которая въ свою пору вообще бываетъ болѣе или менѣе разгульна и требуетъ въ этомъ возрастѣ отъ старшихъ сдержки и обузданія. Но такъ какъ къ этому немногому ежедневно подбавлялось по

немногу, и такъ-какъ тотъ, кто пренебрегаетъ малымъ, мало-по-малу впадаетъ въ большее (Сир. XIX, 1); то мать моя нажила наконецъ такую привычку, что стала выпивать вина по цѣлымъ стаканамъ. Гдѣ же была тогда эта прозорливая старуха и куда дѣвались всѣ ея предостереженія и запрещенія? И что могло помочь этой тайной болѣзни грѣха, если бы не подоспѣла Твоя, Господи, бодрствующая надъ нами и врачующая насъ сила? Отецъ и мать и воспитатели моей матери не знали ея проступковъ, какъ будто-бы находились вдали; но Ты былъ всегда присущъ ей,—Ты, создавшій ее, Ты, который призываешь всѣхъ насъ къ Себѣ и творишь благое ко спасенію душъ даже посредствомъ людей испорченныхъ, превратныхъ (*per homines perversos*¹⁾). Что же сдѣлалъ Ты, Боже мой, для ней? какъ Ты уврачевалъ ее? Не Ты ли извлекъ изъ устъ другаго лица укорительное слово, какъ нѣкій острый, но спасительный ножъ, и однимъ ударомъ разсѣлъ этотъ гнойный нарывъ, задевши и самую рану? Такъ! Когда служанка, ходившая съ нею обыкновенно въ погребъ, вступила съ своею молодою госпожею въ споръ, какъ это случается на единѣ; то, упрекнувъ ее въ этомъ порогѣ, она съ наглою язвительностію назвала свою госпожу пьяницею (*meribibula*). Затронутая этимъ горькимъ оскорбленіемъ, мать моя признала свой порокъ, почувствовала къ нему отвращеніе, и, осудивъ этотъ грѣхъ сама въ себѣ, тотчасъ отверга его. Такъ друзья ласкательствами своими часто вредятъ намъ, напротивъ того враги злобнымъ коварствомъ своимъ иногда бы-

¹⁾ Въ имѣющихся у насъ подъ руками изданіяхъ это мѣсто читается такъ: *per homines perversos*—посредствомъ людей начальствующихъ. Но съ этимъ чтеніемъ никакъ нельзя примириться. Вѣрнѣе и съ контекстомъ совершенно согласно принятое нами чтеніе, по замѣчанію Антонія Арнольда, который говоритъ, что надобно читать: *per homines perversos* или *praeposteros*.

ваютъ для насъ спасительны. Но ты воздаешь людямъ не по тому, что Ты чрезъ нихъ дѣлаешь, а по тому, чего они домогались. И эта служанка во гнѣвѣ имѣла въ виду только уязвить молодую госпожу свою, а не исправить ее, и притомъ наединѣ, или потому, что нашлось удобное къ тому мѣсто и время, или потому, что сама опасалась за себя, что такъ долго не обнаруживала этой тайны. Но Ты, Господи, управляющій всѣмъ и на небѣ и на землѣ, Своєю мудростію заставляя служить Твоимъ цѣлямъ и стремленія неправды, извлекая порядокъ изъ безпорядка, Ты болѣзнію одной души исцѣлилъ болѣзнь другой, давая вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтить, что никто не долженъ приписывать своей силѣ, если словомъ его исправляется другой, хотя бы и дѣйствительно имѣлъ въ виду исправить его.

ГЛАВА 9.

Воспитанная въ цѣломудріи и воздержаніи, болѣе Тобою подчиненная родителямъ, чѣмъ родителями Тебѣ, по достиженіи зрѣлаго возраста, бывъ выдана замужъ, она служила мужу своему, какъ господину, и старалась приобрѣсть его Тебѣ, проповѣдуя ему Тебя своими добрыми нравами, которыми Ты украсилъ ее и тѣмъ внушилъ ему къ ней любовь и уваженіе. Невѣрность супруга она переносила съ такимъ великодушіемъ, что никогда не заводила съ нимъ и рѣчи о томъ, чтобы не возбудить взаимной вражды. Она надѣялась, что Твое милосердіе подастъ ему и вѣру и цѣломудріе. Между тѣмъ онъ, не смотря на свою къ ней расположенность, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ вспыльчивъ и раздражителенъ. Зная это, она умѣла не противорѣчить гнѣвному мужу, ни дѣломъ, ни словомъ. Но когда онъ приходилъ въ себя и успокоиваясь, тогда она, находя удобное время, представляла ему неосновательность его дѣйствій, если онъ дѣйствительно безъ причины выходилъ изъ себя, давая ему тутъ же сознать и чувствовать это. Случалось, что когда

многія женщины, мужа которыхъ были даже болѣе мягкаго характера, не могли скрыть на обезображенномъ лицѣ слѣдовъ дурнаго обращенія съ ними своихъ мужей и въ дружеской бесѣдѣ съ подругами порицали супруговъ своихъ; то мать моя болѣе обвиняла ихъ языкъ, и въ штуку, но серьезно, напоминала имъ, что онѣ съ того времени, какъ выслушали прочитанный имъ договоръ, называемый брачнымъ контрактомъ (*tabulæ matrimoniales*), должны смотрѣть на него, какъ на актъ закрѣпленія своего, а на себя, какъ на рабынь; поэтому не должны забывать своего положенія и подчиняться своимъ владыкамъ, а не выходить изъ повиновенія имъ. Когда же эти женщины, зная, какъ вспыльчивъ и раздражителенъ былъ ея мужъ, много удивлялись тому, что никогда не видали и не слышали, чтобы Патрицій ¹⁾ билъ свою жену, или же чтобы между ними происходилъ домашній раздоръ, и откровенно спрашивали ее о причинѣ такого необыкновеннаго явленія, то она сообщила имъ свои правила и свой образъ дѣйствія, какъ о томъ я только что разсказывалъ, и совѣтовала имъ слѣдовать ея примѣру. Тѣ, которыя слѣдовали ея совѣту, благодарили ее потомъ, испытавъ благодѣтельные послѣдствія онаго; а тѣ, которыя не слушались, подвергались тому же, чему и прежде.

Свекровь ея, которая сначала возбуждена была противъ нея ложными наговорами негодныхъ служанокъ, также полюбила ее за ее кротость и предупредительность. всегдашнюю покорность и ласковость, такъ-что она сама открывала наединѣ своему сыну злоязычныя нашептыванья служанокъ, коими нарушался домашній миръ между ею и невесткою, и требовала для нихъ справедливаго наказанія. И когда Патрицій, исполняя волю матери, для водворенія по-

---

¹⁾ Мужъ Моники. См. глав. 13 въ этой же книгѣ подъ конецъ.

рядка и благочинія (disciplina) между слугами и для утверждения внутренняго между членами дома мира, по настоянію своей матери наказывалъ виновныхъ; то она тутъ же приговаривала, что такъ будетъ поступлено со всякимъ, кто вздумаетъ наушничать ей что нибудь противъ ея невѣстки. Съ тѣхъ поръ никто не осмѣливался на подобныя дерзости злоязычныхъ навѣтовъ; и онъ (свекровь и невѣстка) жили между собою въ примѣрномъ согласіи и дружелюбіи.

Боже мой, неистощимый въ милосердіи Своемъ! Ты даровалъ еще этой вѣрной рабѣ Твоей, въ утробѣ которой благоволилъ образовать меня, и такой великій даръ, что она при всякомъ раздорѣ старалась, гдѣ только могла, устроить миръ; такъ что если одна изъ враждующихъ сторонъ, въ отсутствіи другой, съ горечью и желчью высказывалась предъ ней объ отсутствующемъ враждебномъ лицѣ; то мать моя никогда при этомъ не позволяла себѣ говорить объ отсутствующей сторонѣ ничего другаго, кромѣ того, что могло служить къ примиренію. Это могло бы показаться мало важнымъ, еслибы я, къ прискорбію, не видѣлъ множества лицъ, которыя вслѣдствіе какой-то страшной заразы грѣховной, поражающей родъ человѣческій, находятъ удовольствіе въ томъ, когда имъ приходится не только передавать врагамъ то, что говорятъ одни про другихъ, но и къ тому, что дѣйствительно сказано, прибавлять еще, чего вовсе не было сказано; между тѣмъ какъ, напротивъ, для благороднаго человѣка мало должно быть того, чтобы только не возбуждать злыми рѣчами вражды между людьми и не увеличивать ее, а для него гораздо важнѣе должно быть то, чтобы и умиротворять всякую вражду благими рѣчами между ближними. Мать моя такова и была, наученная Тобою—внутреннимъ учителемъ въ школѣ сердца.

Наконецъ она приобрѣла Тебѣ и мужа своего подъ конецъ его временной жизни, и съ того времени, какъ онъ

сдѣлался христіаниномъ, она уже не оплакивала въ немъ его прежнихъ проступковъ. Она также служила Твоимъ служителямъ. Всякій изъ нихъ, кто зналъ ее, много прославлялъ, много чтилъ, много любилъ Тебя въ ней; потому-что въ сердцѣ ея признавалъ Твое присутствіе, — тамъ, гдѣ духовные плоды были свидѣтелями священнаго общенія ея съ Богомъ. Она была *единому мужу жена* (1 Тим. III, 2; V, 9); родителямъ своимъ взаимно воздавала за ихъ любовь такую же любовь, съ дѣтскою за все ихъ благодѣянія признательностію (Матѣ. XV, 4. Исх. XX, 12. Втор. V, 16. 1 Тим. V, 1—5); домою своимъ управляла благочестно (1 Тим. III, 4. 5); свидѣтельство въ добрыхъ дѣлахъ повсюду слѣдовало за нею (1 Тим. III, 4. 5; IV, 10) и каждый разъ снова *въ болѣзняхъ рождала* ихъ, когда видѣла удаляющимися отъ Тебя (Гал. IV, 19). И въ заключеніе о всѣхъ насъ, Господи, рабахъ ¹⁾ Твоихъ (этимъ дорогимъ именемъ Ты почтилъ насъ, дозволивъ намъ такъ именоваться по дару милосердія Твоего), когда мы, предъ ея кончиною, послѣ благодатнаго крещенія Твоего, соединенные вѣрою и любовью въ Тебѣ, все жили вмѣстѣ, — она заботилась, съ материнскою нѣжностію, и служила намъ съ дочернею любовью.

ГЛАВА 10.

Когда приближался день ея разлученія съ сею жизнью, — день, извѣстный Тебѣ, но не намъ, — случилось, конечно, не безъ Твоего современнаго промысла, что мы съ нею одни находились въ комнатѣ, наклонившись къ окну и устремивъ взоръ на видѣвшійся въ дворѣ занимаемаго нами дома садъ. Это было въ Остіи на Тибрѣ, гдѣ мы остановились, и, отдохнувъ отъ утомительнаго и долгаго путешествія, го-

¹⁾ Здѣсь, судя по контексту, лучше замѣнить слово: *рабахъ* словомъ *сынахъ*. Рим. VIII, 14—17; Гал. IV, 4—7.

товились къ дальнѣйшему плаванію. Тамъ, вдали отъ шума мірскаго, съ невыразимою сладостію вступили мы между собою въ бесѣду, нигѣмъ и ничѣмъ не возмущаемую. *Забывая задняя и простираясь въ предняя* (Филип. 3, 13), предъ лицемъ истины, олицетворяющейся въ Тебѣ, мы старались постигнуть то блаженство святыхъ Твоихъ, которое уготовано имъ Тобою въ будущей жизни вѣчной,—чего ни око не видало, ни ухо не слыхало, ни на сердце чловѣку не приходило (1 Кор. II, 9). Съ жадностію припадали мы устами сердца своего къ небеснымъ водамъ источника Твоего, *яко у Тебе источникъ живота* (Псал. XXXV, 10), дабы, утоливъ между по мѣрѣ нашей приемлемости, хотя какъ-нибудь и сколько-нибудь представить себѣ эту столь же великую тайну.

Когда въ бесѣдѣ своей дошли мы до того, что никакая чувственная радость, какъ бы она ни была увлекательна, не только не можетъ сравниться, но даже не идетъ въ сравненіе съ блаженствомъ той жизни; тогда мы, возгорѣвъ еще бѣльшимъ желаніемъ постигнуть ея блаженство, перебирали одинъ за другимъ всѣ чувственные предметы. Мы представляли себѣ небо, отгуда солнце, луна и звѣзды разливаютъ свѣтъ свой на землю, и удивлялись дѣламъ рукъ Твоихъ; потомъ перешли къ душамъ своимъ, а отъ нихъ устремились далѣе, возносясь выше и выше, чтобы коснуться той области неизсякаемой полноты блаженства, гдѣ Ты пасешь (питаешь) Израиля Своего вѣчною пищею истины и гдѣ обитаетъ сама мудрость, которою все существуетъ, и прошедшее и будущее, между тѣмъ какъ существованіе ея ни отъ кого и ни отъ чего не зависитъ, а существуетъ она такъ, какъ существовала и будетъ существовать всегда, гдѣ для ней, лучше сказать, нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго, а существуетъ безусловное бытіе, потому-что она вѣчна, а все то, что называется прошедшимъ и будущимъ—не вѣчно. И между тѣмъ,

разсуждая такимъ образомъ объ этой мудрости и усиленно стремясь постигнуть ее и насладиться ею, мы, при всемъ напряженіи силъ нашихъ, слегка только касались ея; мы возносились *духомъ*, но всѣ попытки наши были не болѣе, какъ слабыми *начатками* восхищенія, такъ-что *сами въ себя* *воздыхали*, *всыновленія чающе* (Рим. VIII, 23), и возвращались къ звукамъ устъ своихъ, въ которыхъ слово наше имѣетъ и начало и конецъ. И какое же сравненіе слова нашего съ Словомъ Твоимъ, Господомъ нашимъ, *пребывающимъ въ Себѣ*, никогда не старѣясь, *и вся обновляющимъ* (Прем. VII, 27)?

Поэтому мы продолжали бесѣду свою такъ: «если бы умогло смятеніе плоти и крови, если бы прошли образы земли и водъ и воздуха, замолкли и небеса, и самая душа достигла внутренняго безмолвія, возвышаясь надъ собою и превыше себя, если бы исчезли эти сновидѣнія и грезы, замолкъ всякъ языкъ, прекратились всякіе символы, устранилось все преходящее, если бы человѣкъ отрѣшился отъ всего этого (ибо все это, къ чему бы человѣкъ ни обратился, проповѣдуетъ и твeditъ ему: *не мы* сами сотворили себя, *а Той сотвори насъ*, кто пребываетъ *во вѣки*, Псал. XCIX, 3. 5); если бы все это замолкло, и мы стали бы внимать только Тому, Кто сотворилъ все, и Онъ одинъ заговорилъ, не посредствомъ голоса твореній, а непосредственно Самъ отъ Себя, такъ-чтобы мы могли услышать Его собственное слово. не въ языкѣ плоти, не въ голосѣ ангела, не въ громѣ облаковъ, не въ притчахъ и гаданіяхъ, но Его самаго, котораго мы во всемъ этомъ любимъ,—могли слышать Его самаго, безъ всякаго посредничества, подобно тому, какъ мы теперь возносимся духомъ и въ минуты трепетнаго воззрѣнія соприкасаемся вѣчной мудрости надъ всеѣмъ почивающей; и если бы это вниманіе божественному гласу не переставало продолжаться, безъ всякой примѣси чуждыхъ представленій, и одно чистое вдохно-

веніе увлекало созерцателя, погружая его во внутреннѣйшую радость блаженства этой жизни, которую мы *видимъ нынѣ якоже зеркаломъ въ гаданіи и разумываемъ отчасти, начатокъ* только *духа имуще*, и сами въ себѣ *воздыхаемъ, всыновленія чающе* (1 Иоан. III, 2; Рим. VIII, 23; 1 Кор. XIII, 12): то не осуществились ли бы тогда, говорили мы, слова Господа нашего: *вниди въ радость Господа Твоего* (Мат. XXV, 21)? И когда же это настанетъ? Не тогда ли, когда всѣ мы воскреснемъ, но, увы! не всѣ измѣнимся для блаженства той жизни» (1 Кор. XV, 51—53)?

Такую бесѣду вели мы между собою, хотя не въ такой формѣ и не въ такихъ словахъ; и Тебѣ извѣстно, Господи, что въ тотъ же самый день, когда мы такимъ образомъ бесѣдовали и среди этихъ бесѣдъ міръ сей со всѣми его удовольствіями терялъ для насъ всю свою предестъ, тогда мать моя обратилась ко мнѣ и сказала: «сынъ мой! что касается до меня, то въ этой жизни нѣтъ болѣе наслажденій для меня. Я не вижу, что мнѣ еще дѣлать здѣсь и для чего оставаться здѣсь, когда все уже кончилось для меня въ мірѣ семъ? Одно только оставалось, что удерживало меня нѣсколько въ этой жизни: это постоянное желаніе мое—увидѣть тебя православнымъ христіаниномъ, прежде своей смерти. Щедро наградилъ меня Господь мой и Богъ мой этимъ благомъ, даровавъ мнѣ, по Своей благодати, видѣть тебя отрѣшившимся отъ порабощенія міру сему и посвятившимъ себя всецѣло на служеніе Ему. Что же мнѣ болѣе дѣлать здѣсь и для чего долѣе оставаться здѣсь?»

ГЛАВА II.

Что я отвѣчалъ матери на эти слова ея,—не помню хорошо. Между тѣмъ, не успѣло пройти и пяти дней, или около того, послѣ этой бесѣды, какъ вдругъ она заболѣла лихорадкой. Во время этой болѣзни, въ одинъ день, она осла-

бѣла и стала забываться. Мы поспѣшили къ ней и окружили ее, и она вскорѣ пришла въ себя; но увидѣвъ насъ, вокругъ себя, взглянувъ на меня и на брата моего ¹⁾, она спросила насъ испытующимъ голосомъ: «гдѣ я была»? Потомъ, замѣтивъ глубокую скорбь нашу и смущеніе, прибавила: «вотъ гдѣ погребете вы мать свою». Я молчалъ и старался только удержаться отъ слезъ; но братъ мой кое-что сталъ при этомъ говорить, какъ бы высказываясь, что лучше было бы умирать на родной землѣ, а не въ чужой сторонѣ. Она приняла эти слова съ замѣтнымъ неудовольствіемъ, посмотрѣвъ на него съ укорительнымъ видомъ, и, обратившись потомъ ко мнѣ, сказала: «слышишь, что онъ говоритъ»! и велѣвъ за тѣмъ продолжала къ обоимъ намъ: «похороните мое тѣло гдѣ-нибудь, не заботьтесь о немъ много: я объ одномъ только прошу васъ: поминайте меня у алтаря Господня, гдѣ бы вы ни были». Высказавши волю свою въ этихъ словахъ, она замолкла, и видимо боролась съ усилившеюся болѣзнію,

Я же, размышляя о дарахъ Твоихъ, незримый Боже, *живый во свѣтъ непреступнымъ, Еюже никтоже видѣлъ есть отъ чловѣкъ, ниже видѣти можетъ* (Іоан. 1, 18; 1 Тим. VI, 16; Исх. XXXIII, 20), которые Ты испосылаешь въ сердца вѣрующихъ и которые производятъ дивные плоды, утѣшался и благодарилъ Тебя за Твои благодѣянія. Я припоминалъ при этомъ, съ какою заботливостію мать моя всегда помышляла о своемъ погребеніи, какъ желала она, чтобы ея могила была подлѣ могилы супруга, и какія дѣлала относящіяся къ тому приготовленія. Такъ-какъ они жили между собою очень дружно, то ей хотѣлось (таково ужъ сердце чловѣческое, пока оно не проникнется вполне любовію божественною) не разлучаться и по смерти,

¹⁾ Этотъ братъ его назывался *Навій*, и здѣсь находился вмѣстѣ съ ними. См. глав. 4 этой же книги примѣч. 1.

чтобы о ней говорили, какъ она счастлива, что и отдаленныя заморскія путешествія не воспрепятствовали браннымъ остаткамъ ея покоиться подлѣ мужа, такъ-что прахъ обоихъ супруговъ покрывается одною и тою же родною землею. Но съ какого времени это суетное желаніе, благодаря обилію благодати Твоей, перестало занимать ея сердце,—этого я не зналъ; я только удивлялся и радовался, услышавъ отъ нея объ этомъ, хотя уже изъ разговора нашего у окна, когда она сказала: «что же мнѣ болѣе дѣлать здѣсь»? ясно видно было, что для ней все равно было тогда умирать, гдѣ бы ни пришлось, въ отечествѣ ли, или на чужбинѣ. Я слышалъ впрочемъ и послѣ того, какъ она однажды съ нѣкоторыми друзьями моими, во время пребыванія нашего въ Остіи, въ отсутствіе мое, съ материнскою откровенностію и съ глубокимъ убѣжденіемъ бесѣдовала о суетности сей жизни и о благихъ задаткахъ смерти,—и когда они, удивляясь необыкновенному мужеству этой простодушной женщины, какимъ Ты надѣлилъ ее, спрашивали, не страшно ли ей оставить свое тѣло такъ далеко отъ отечества; то она отвѣчала: «отъ Бога ничто не далеко; и нечего намъ бояться, чтобы въ концѣ вѣковъ, въ общее воскресеніе, трудно было Ему собрать наши кости». Такимъ образомъ эта благочестивая и праведная душа разрѣшилась отъ тѣла, въ девятый день своей болѣзни, на пятьдесятъ шестомъ году ея жизни и тридцать третьемъ году жизни моей ¹⁾).

ГЛАВА 12.

Я закрылъ ей глаза; невыразимая печаль переполнила душу мою до того, что она готова была излить свою скорбь

---

¹⁾ Минье въ своемъ изданіи замѣчаетъ, что этотъ счетъ годовъ безъ всякаго измѣненія значитса во всѣхъ кодексахъ, какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ, а это ручается за цѣлость и не-

въ потокахъ слезъ; но я внималъ голосу разсудка, и глаза мои какъ-бы поглощали слезы; отъ такой борьбы я сильно страдалъ. Лишь только испустила она послѣдній вздохъ, какъ Адеодатъ мой страшно зарыдалъ, словно-ребёнокъ, такъ-что всѣ мы едва могли успокоить его. Тутъ и самъ я, при видѣ дѣтскихъ слезъ юноши, подобно ребенку, готовъ былъ зарыдать; только сила воли и разсудка, подкрѣпленныхъ благодатною вѣрою, удержала меня, чтобы навзрывъ не зарыдать. Ибо мы считали неприличнымъ сопровождать эти похороны неумѣстными воплями и стонами, какими оплакиваютъ умирающихъ, види ихъ бѣдственное положеніе, а можетъ быть и вѣчную смерть. А ея смерть не была для ней несчастіемъ; нѣтъ, она и не умирала, а только переходила отъ жизни временной къ жизни вѣчной. Въ этомъ увѣряли насъ вся жизнь ея прошедшая, живая вѣра въ жизнь будущую и весь образъ ея поведенія.

Откуда же происходила внутренняя скорбь, подавлявшая мое сердце, какъ не отъ внезапной разлуки съ матерью, и прекращеніе дорогаго и милаго общенія ея съ нами? Я находилъ только утѣшеніе, вспоминая, какъ во время послѣдней болѣзни, тронутая моими заботами, она называла меня своимъ добрымъ и почтительнымъ сыномъ, и съ материнскою любовію повторяла, что она никогда не слышала отъ меня ни одного грубаго и непріятнаго слова. Но что значило мое сыновнее почтеніе къ ней въ сравненіи съ ея материнскими заботами обо мнѣ, Боже мой и Творче нашъ? И такъ-какъ я со смертію ея лишился всего этого, то душа моя сильно поражена была этимъ ударомъ, и жизнь моя,

---

поврежденность этого имѣющаго свое значеніе мѣста, въ чемъ сомнѣвался Ц. Бароній, заподозривая это мѣсто поврежденнымъ, въ исторіи своей подъ год. 388 § 71.

которая сливалась въ одно съ ея жизнію, представлялась мнѣ какъ-бы раздвоенною пополамъ.

Послѣ того, когда успокоили мы Адеодата моего, Эводій взялъ псалтырь и началъ пѣть псаломъ, а мы все вторили ему: *милость и судъ воспою Тебѣ, Господи* (Псал. С, 1). Услышавъ это, многіе благочестивые мужи и жены, особенно вдовицы, собрались къ намъ; и между тѣмъ какъ одни, обязанные, по обычаю, заботиться о похоронахъ, дѣлали свое дѣло, я занималъ бесѣдою, какъ требовало приличіе, другихъ, которые тоже считали неприличнымъ оставлять меня одного въ такомъ горѣ. Эта бесѣда о предметахъ, соотвѣтствующихъ моему положенію, какъ цѣлительный бальзамъ Твоей истины, успокоивала мою растерзанную душу, горестъ которой извѣстна была только Тебѣ, а не тѣмъ, которые внимательно слушали меня, а сами въ себѣ думали, что я не чувствую никакой скорби. Но будучи одинъ предъ Тобою, когда никто не могъ быть свидѣтелемъ тяжелой моей скорби, я упрегалъ себя за неумѣстную слабость своей чувствительности и силился преодолѣть приливъ горести. Она на минуту уступала моимъ усиленіямъ, а потомъ снова вторгалась съ такою же силою, хотя безъ слезъ и измѣненія въ лицѣ; но я вполне чувствовалъ, что происходило въ душѣ моей. Я сильно негодовалъ на себя за свою чувствительность, хотя это—въ порядкѣ вещей и согласно съ требованіями природы, и потому къ одной скорби прилагалъ другую скорбь, и такимъ образомъ вдвойнѣ страдалъ.

Тѣло было вынесено; мы проводили его и воротились назадъ безъ слезъ. Даже во время молитвъ, которыя мы возсылали къ Тебѣ, когда приносили за нее умиловительную жертву искупленія нашего, у самаго гроба, предъ опущеніемъ тѣла ея въ могилу, по благочестивому обычаю,—даже и въ то время я воздерживался отъ слезъ. Между тѣмъ въ продолженіи цѣлаго дня глубокая печаль не переставала

тяготить мою душу; и я въ смущеніи душевномъ просилъ Тебя, сколько могъ; чтобы Ты облегчилъ мнѣ эту скорбь. Но на то не было Твоей воли; Тебѣ угодно было, какъ я полагаю, этимъ тяжелымъ опытомъ напомнить мнѣ, какъ сильны узы житейскихъ привычекъ даже и для духа, который уже питается не лживымъ словомъ. Мнѣ пришло тогда на мысль (какъ дѣло полезное) пойти въ баню; ибо я слышалъ, что баня (balneæ balnea, balnearia) получила отъ грековъ свое названіе (balneum) βαλανεῖον отъ того, что она имѣетъ свойство прогнать печаль души ¹⁾. И въ этомъ признаюсь предъ Твоимъ милосердіемъ, Отецъ сиротъ, что я пошелъ въ баню помыться; но и оттуда вышелъ такимъ же, какимъ и вошелъ туда: и баня не облегчила грусти моего сердца. Послѣ того я уснулъ, и, проснувшись, нашелъ себя гораздо въ лучшемъ состояніи: скорбь моя значительно утихла. Тогда я, лежа на постели своей одинъ, припомнилъ поразительно вѣрные стихи святителя Твоего Амвросія изъ воспѣтаго имъ Тебѣ гимна:

О Ты—Творецъ вселенной,
 Зиждитель неба и земли,
 Кто силой сокровенной
 Дню чудный свѣтъ даришь, внемли!
 И ночи сонъ глубокой:
 Чтобъ чрезъ покой все оживить
 На новый трудъ высокій,
 И мысли свѣтъ и грусти тишь пролить ²⁾.

1) Βαλανεῖον отъ βαλειν, αποβαλειν τὰς ἀνεῖας бросать, отбрасывать, разсѣвать—грусть, скорбь, печаль.

2) Вотъ подлинный текстъ этихъ стиховъ:

Deus, creator omnium,
 Polique rector, vestiens
 Diem decoro lumine,
 Noctem soporâ gratiâ:
 Artus solutos ut quies

Но потомъ предъ душею моею снова предсталъ образъ смиренной рабы Твоей, тагъ внезапно оставившей насъ; мнѣ опять живо воображалось ея благочестивое хожденіе предъ Тобою, ея боголюбезное, любвеобильное, самое нѣжное и кроткое обхожденіе съ нами; и мнѣ сладко было—плакать предъ очами Твоими о ней и за нее, о себѣ самомъ и за себя самага. И я далъ полную волю слезамъ, которыя доселѣ сдерживалъ, чтобы онѣ лились, сколько угодно, только бы успокоить ими свою встревоженную душу, и онѣ дѣйствительно послужили для ней облегченіемъ, потому-что ихъ видѣлъ Ты, а не кто-либо изъ людей, могущихъ различно перетолковывать ихъ. И нынѣ, Господи, исповѣдаю это предъ Тобою, и занову эту исповѣдь мою въ писмена. Пусть читаютъ, кто хочетъ, и пусть толкуютъ, кто какъ хочетъ. Если же кто-либо сочтетъ непростительнымъ для меня, что я нѣсколько часовъ поплакалъ надъ матерію своею, которую своими очами видѣлъ уже умершею, матерію, которая обо мнѣ столько лѣтъ плакала, чтобы увидѣть меня живущимъ предъ Твоими очами: о! пусть не насмѣхается надо мною; пусть лучше самъ, если сердце его полно любви, восплачетъ о грѣхахъ моихъ предъ Тобою, Господи Боже нашъ, Отцемъ всеѣхъ братьевъ о Христѣ Твоемъ.

ГЛАВА 13.

Исцѣлившись отъ раны, которая нанесена была сердцу моему плотію и кровію, я изливаю теперь предъ Тобою, Боже нашъ, за эту же рабу Твою иныя слезы,—слезы, исторгающіяся изъ моего потрясеннаго духа, при размышленіи объ опасностяхъ всякой души, *умирающей во Адамѣ*

Reddat laboris usui,
Mentesque fessas allevet,
Luctusque solvat auxios.

(1 Кор. XV, 22). Хотя она *ожила во Христь* (тамже), и, не будучи еще разрѣшена отъ узъ плоти, жила такъ, что имя Твое прославлялось и вѣрую и жизнью ея; однако я не рѣшаюсь утверждать, чтобы, послѣ того, какъ Ты возродилъ ее крещеніемъ, не выходило изъ устъ ея ни одного слова противнаго заповѣдямъ Твоимъ. А Словомъ Твоимъ—вѣчною Истиною сказано: кто скажетъ брату своему, *уродъ* (безумный), повиненъ есть гееннѣ огненной (Мат. V, 23). И горе человѣку, самому безукоризненному въ жизни своей, если Ты станешь судить его безъ милосердія. Только то, что Ты сколько строго на судѣ Своемъ, столько же и благъ въ милостяхъ Своихъ, подастъ намъ надежду съ вѣрою, что Ты милостивъ будешь къ немощамъ нашимъ. А кто можетъ выставить предъ Тобою свои заслуги, хотя бы и дѣйствительныя, и что такое будутъ эти заслуги, какъ не дары Твои? О если бы люди познали себя какъ людей, и хвальнойся хвалился о Господѣ! (1 Кор., I, 31; 2 Кор. X, 17).

Итакъ, оставляя на этотъ разъ добрыя дѣла матери моей, за которыя съ утѣшеніемъ приношу Тебѣ благодареніе, теперь о прощеніи ея грѣховъ молю Тебя; услышь меня, Боже сердца моего, хвала Ты моя, жизнь Ты моя, услышь Ты меня ради Того, Кто умеръ за насъ на крестѣ (паче же и воскресъ), чтобы исцѣлить насъ отъ язвъ нашихъ¹⁾, и, сидя одесную Тебя, непрестанно ходатайствуетъ за насъ (Рим. VIII, 34). Я знаю, что она исполняла дѣла милосердія и что отъ сердца прощала долги должникамъ своимъ;

---

¹⁾ Замѣчательно здѣсь своеобразное выраженіе блаж. Августина, какими онъ нерѣдко затрудняетъ читателя, а еще болѣе переводчика: *exaudi me per Medicinam vulnerum nostrorum, quae rependit in ligno, et, sedens ad dextram tuam, te interpellat pro nobis.*

прости ей и Ты долги ея (Матѣ. VШ, 12), если она допустила ихъ въ продолженіи многихъ лѣтъ послѣ благодати крещенія. Прости, Господи, прости, умоляю Тебя, *и не види въ судѣ съ рабою Твоею* (Псал. СХLП, 2). Да *восхва-лится* (восторжествуетъ) *милость ни судъ* (Іак. II, 13); ибо слова Твои истины, и Ты обѣщалъ милостивымъ помилованіе и прощающимъ прощеніе (Матѣ. V, 7; VI, 14), и все это Твои дары, Боже, Который *милуешь, егоже аще помилуешь, и щедришь, егоже аще ущедритъ* (Исх. XXXШ, 19; Рим. IX, 15).

И я вѣрую, что Ты уже исполнилъ тѣ, о чемъ я прошу Тебя; но да будетъ Тебѣ, Господи, пріятна и добровольная жертва устъ моихъ (Псал. СХVШ, 108). Ибо съ приближеніемъ дня ея смерти, она не помышляла ни о томъ, чтобы тѣло ея было погребено съ пышностію, ни о томъ, чтобы оно набальзамировано было благовонными ароматами (мазями); не домогалась и блестящаго памятника, и о томъ не заботилась, чтобы бранные останки ея были перенесены на землю отечественную—въ гробницу фамильную; ничего такого и тому подобнаго не поручила намъ и не требовала отъ насъ: одного только желала и просила она отъ нашей любви чтобы мы поминали ее предъ жертвенниковъ Твоимъ, котораго она никогда не оставляла, но каждадневно совершала у него Тебѣ службу. Она вѣдала, что намъ—на этомъ жертвенникѣ приносится и вѣрующимъ усвоится божественная Жертва, которою *истреблено рукописаніе, еже бѣ сопротивно намъ* (Кол. II, 14), и побѣжденъ врагъ, который неусыпно ведетъ счетъ всѣмъ грѣхамъ нашимъ, иша только того, въ чемъ бы обвинить насъ предъ судомъ Твоимъ, но не обрѣтаетъ ничего въ томъ (Іоан. XIV, 30), въ Комъ дарована намъ побѣда (1 Кор. XV, 57). Кто же можетъ воздать Ему, и чѣмъ, за пролитую Имъ неповинную кровь? Кто въ состояніи возратить Ему ту цѣну, которою Онъ

искупилъ насъ, и исхитить насъ изъ рукъ Его? Съ этою неисповѣдимою тайною нашего искупленія душа рабы Твоей связана была узами непоколебимой вѣры. Никто не могъ бы исхитить ее изъ-подъ Твоей защиты. Ни рыкающій левъ своею силою, ни незримый драконъ своею хитростію не въ состояніи были разлучить ее отъ Тебя. Она не стала бы говорить, что и не чувствуетъ за собою никакой вины, чтобы не быть озобличенною хитрымъ обвинителемъ; но отвѣтили бы, что всѣ ея долги отпущены ей Тѣмъ, Кому никто не въ силахъ воздать той жертвы, какую Онъ неповинно, по одной любви Своей, не будучи самъ должникомъ, принесъ за насъ,

Да покоится же она въ мирѣ съ супругомъ своимъ, до котораго и послѣ котораго она никого другаго не знала, кому она служила въ совершенномъ послушаніи, *принося плодъ* и Тебѣ *въ терпѣніи* (Лук. VIII, 15), чтобы и его приобрести Тебѣ. Внуши, Господи Боже мой, внуши и рабамъ Твоимъ—моимъ собратамъ, и сынамъ Твоимъ—которые выше меня настолько, насколько господинъ выше раба, коимъ служу я душою, и словомъ, и дѣломъ, и своими посѣменными трудами,—внуши имъ всѣмъ и каждому, чтобы они каждый разъ, когда будутъ читать эти строки мои, поминали у алтаря Твоего рабу Твою Моннику ¹⁾ неразлуч-

---

¹⁾ Доселѣ мы писали, какъ обыкновенно пишется въ изданіяхъ сочиненій блаж. Августина, имя матери его: *Моника*, чрезъ одно *н*; а въ этомъ мѣстѣ пишемъ чрезъ два *нн*, слѣдуя тѣмъ же изданіямъ, подъ руками у насъ имѣющимся. Въ этихъ же изданіяхъ, въ этомъ самомъ мѣстѣ, сдѣлано слѣдующее замѣчаніе: «по всему видно, что такое измѣненіе есть подраженіе древнимъ кодексамъ, которые чтеніе слова *Монника* съ двойнымъ *нн* предпочитаютъ чтенію онаго съ однимъ *н*. На этомъ основаніи такое чтеніе сохранено и въ рукописномъ молитвенномъ прошеніи, которое

но съ бывшимъ ея супругомъ Патриціемъ, чрезъ посредство плоти коихъ, какъ *персти земной* (Быт. II, 7; 1 Кор. XV, 45—47), даровалъ Ты мнѣ бытіе и жизнь непостижимымъ для меня образомъ. О, пусть понимаютъ читатели мои благочестно родныхъ моихъ въ преходящемъ вѣгѣ семъ, и братьевъ моихъ, которые стали чадами Твоими, въ нѣдрахъ матери—св. церкви Твоей каеолической, и согражданъ моихъ въ вѣчномъ (небесномъ) Іерусалимѣ, куда устремлено странствованіе народа Твоего отъ исхода до возврата его. Такимъ образомъ при посредствѣ моей исповѣди, послѣдняя воля родильницы моей будетъ исполнена болѣе въ молитвахъ многихъ лицъ, чѣмъ въ однѣхъ молитвахъ моихъ.

Б Н И Г А Д Е С Я Т А Я .

Въ этой книгѣ блаженный Августинъ наконецъ измѣдуетъ и открыто признается, не каковъ онъ былъ прежде, но каковъ въ настоящее время. Онъ старается показать Бога, Котораго любитъ, и проходя чрезъ различные роды вещей, домо остана-

аббать Виллельмъ, исполняя благочестивое желаніе Августина, составилъ въ такихъ словахъ: *memento, Domine, animæ famuli tui Patricii, et famulæ tuæ Monnicæ; et si quid pro anima filii ipsorum, domini mei Augustini, dilectissimi Confessoris tui, mihi misero peccatori licet vel intimo cordis assectu desiderare, et c. Помяни, Господи, душу раба Твоего Патриція, и рабы Твоея Монники; и если я недостойный грѣшникъ смѣю пожелать отъ всего сердца чего-либо для души сына ихъ, владыки моего Августина, боголюбезнаго исповѣдника Твоего, и проч. Это прошеніе въ полномъ его составѣ можно находить въ древнихъ собраніяхъ сочиненій блаж. Августина».*

вливается на изумительной поистинѣ способности памяти и радуется, что въ своей памяти находятъ Бога. Вникаетъ въ свои дѣла, чувствованія и стремленія съ точки зрѣнія тройной похоти — плоти, очесъ и гордости житнейской. Признаетъ Господа Христа единымъ посредникомъ Бога и человекъ, и вѣруетъ въ исцѣленіе всѣхъ недуговъ своей души Его силою.

ГЛАВА 1.

Да познаю Тебя, Господи, Сердцевѣдче мой; да познаю *якоже и познанъ есмь* (1 Кор. XIII, 12). Сила души моей, вселись въ нее и уподобь ее Тебѣ, чтобы она стала чиста и непорочна предъ Тобою (Ефес. V, 27). Вотъ надежда моя; этою надеждою дышетъ слово мое; въ ней нахожу я истинную радость свою. А все прочее въ этой жизни тѣмъ менѣе достойно сожалѣнія, чѣмъ болѣе служить предметомъ жалости, и наоборотъ тѣмъ сильнѣе должно вызывать слезы, чѣмъ менѣе даетъ намъ поводовъ сокрушаться. *Ты же возлюбилъ еси правду*, ибо дѣлающій ее грядетъ къ свѣту (Псал. 1, 6. Іоан. III, 21). Я хочу совершить дѣло правды, сердцемъ моимъ исповѣдуясь предъ Тобою и писаніемъ моимъ заявляя то же предъ многими свидѣтелями.

ГЛАВА 2.

Было ли бы что нибудь во мнѣ тайною для Тебя, если бы даже я не хотѣлъ исповѣдаться Тебѣ, Господи, когда очамъ Твоимъ открыты глубины помышленийъ человѣческихъ? Я могъ бы скрыть Тебя отъ себя, а не самъ отъ Тебя скрыться. А теперь, когда вопль мой служить свидѣтелемъ моего недовольства собою, Ты склоняешься ко мнѣ и становишься предметомъ моей самой искренней и пламенной любви, чтобы я устыдился и отвергся себя и избралъ Тебя, и въ Тебѣ одномъ нашелъ источникъ примиренія и съ собою и съ Тобою. Итакъ, Господи, Тебѣ извѣстно каковъ я; и я сказалъ, зачѣмъ я исповѣдаюсь Тебѣ. Я исповѣдаюсь не сло-

вами и звуками чувственными, но и словами душевными, и воплем помышлений, которому внемлетъ ухо Твое. Если я худъ, то исповѣдываться Тебѣ значитъ разочаровываться въ себѣ; если же я благочестивъ, то исповѣдываться Тебѣ значитъ не приписывать своихъ добродѣтелей самому себѣ, ибо Ты, Господи, благословляешь праведнаго (Псал. V, 13), но Ты же напередъ оправдываешь его отъ нечестія его (Рим. IV, 5). Такъ исповѣданіе мое предъ лицемъ Твоимъ и безмолвно, и громозвучно. Оно безмолвно, ибо совершается безъ шума; оно громозвучно, ибо гремитъ любовью. Я говорю людямъ только ту истину, которую Ты напередъ уже слышалъ отъ меня; а Ты слышалъ отъ меня только то, что Самъ напередъ внушилъ мнѣ.

ГЛАВА 3.

Что мнѣ въ томъ, если люди услышатъ мои признанія? Развѣ они могутъ исцѣлить всѣ недуги мои? Они любятъ узнавать чужую жизнь, но не хотятъ исправлять свою собственную. Зачѣмъ хотятъ слышать отъ меня—каковъ я—тѣ, которые не желаютъ выслушать отъ Тебя, каковы они? Слыша признанія мои, откуда узнаютъ они, правду ли я говорю, ибо никто изъ людей не знаетъ, что дѣлается въ челоуѣкѣ, кромѣ духа челоуѣческаго, живущаго въ немъ (1 Кор. II, 11)? Если же они слышатъ отъ Тебя о себѣ, то не могутъ сказать: *»Господь глаголетъ неправду«*. Ибо слышать отъ Тебя о себѣ не все ли равно, что внимать голосу собственного сознанія? Но кто, внимая голосу собственного сознанія, говоритъ: *»неправда«*, не обманываетъ ли въ этомъ случаѣ самъ себя? Но такъ какъ любовь *всему въру емлетъ* (1 Кор. XIII, 7), особенно по отношенію къ тѣмъ, которыхъ она соединяетъ во едино, то я, Господи, исповѣдаюсь Тебѣ въ слухъ людей, которымъ не могу до-

казать правдивость моихъ признаній; но слушающіе меня съ любовію вѣрятъ мнѣ.

Но Ты, мой сердечный Врачъ, скажи мнѣ, съ какою пользою я буду дѣлать свои признанія. Пусть исповѣдь моихъ прежнихъ беззаконій, которыя Ты прикрывъ и простилъ мнѣ, чтобы надѣлать меня блаженствомъ въ Тебѣ (Псал. XXXI, 1. 2), возродивъ душу мою вѣрою и таинствомъ Твоимъ, пусть эта исповѣдь побудитъ сердце читающихъ и слушающихъ не предаваться отчаянію въ сознаніи собственнаго безсилія, но бодрствовать въ любви къ милосердію Твоему и въ радости отъ благодати Твоей, подтверждающей всякаго немощнаго, который при посредствѣ ея сознаетъ свою немощь. И добродѣтельнымъ людямъ пріятно слышать о своихъ прошедшихъ беззаконіяхъ, не потому пріятно, что это были беззаконія, но потому, что они были, а теперь ихъ нѣтъ. Но отчего, Господи мой, Коему ежедневно исповѣдуются сочѣсть моя, успокоивающаяся болѣе надеждою на Твое милосердіе, чѣмъ на свою непорочность, отчего, скажи мнѣ, предъ людьми посредствомъ письменъ я исповѣдаюсь Тебѣ, не каковъ я былъ, но каковъ я теперь? Пользу тѣхъ признаній я видѣлъ и созналъ. Но каковъ теперь, вотъ въ самое время исповѣди моей, объ этомъ хотятъ знать многие лично знакомые со мною или по крайней мѣрѣ слышавшіе что нибудь обо мнѣ, но ихъ слуху недоступно сердце мое—каково бы оно ни было. Они хотятъ слышать исповѣдь о моей внутренней жизни, которая недоступна ни глазу, ни уху, ни уму ихъ, но очевидно они хотятъ все-таки вѣрить моей исповѣди, хотя не могутъ знать: правду ли я говорю? Любовь, дѣлающая ихъ добрыми, подсказываетъ имъ, что я не лгу въ признаніяхъ своихъ: *сама любовь ихъ вѣру смлетъ мнѣ.*

ГЛАВА 4.

Но для чего желаютъ они знать обо мнѣ? Можетъ быть они хотять сорадоваться мнѣ, слыша, какъ я, по благодати Твоей, приближаюсь къ Тебѣ, или молиться о мнѣ, слыша, какъ много препятствуетъ мнѣ въ этомъ грѣховность моя: для такихъ людей я готовъ дѣлать свои признанія. Ибо не мало пользы, Господи Боже мой, если многіе возблагодарятъ Тебя за меня и будутъ молиться предъ Тобою обо мнѣ. А душа брата моего любить во мнѣ то, что, по ученію Твоему, достойно любви, и оплакиваетъ то, что достойно плача по слову Твоему. Только духъ братній поступаетъ такъ, а не духъ сыновъ чуждыхъ, коихъ уста *изголютъ суету и десница ихъ десница неправды* (Пс. СХІІІ, 8). Но духъ братній, одобряя меня, радуется обо мнѣ, осуждая меня, сокрушается о мнѣ, потому что въ томъ и другомъ случаѣ любить меня. Для такихъ людей дѣлаю свои признанія; пусть они порадуются о томъ, что во мнѣ есть добро; вздохнуть о моихъ злодѣяніяхъ. Добро во мнѣ—Твой даръ, отъ Тебя исходящій; зло во мнѣ—мое преступленіе, Тобою осуждаемое. Пусть братья мои порадуются обо мнѣ и вздохнуть обо мнѣ: и гимнь, и плачь изъ сердець. братьевъ пусть восходятъ предъ лице Твое, какъ кадило благоуханное (Апок. VІІІ, 3). Ты же, Господи, приемли ѳиміамъ святаго храма Твоего, призри на меня по великому милосердію Твоему, ради имени Твоего, и, продолжая благое промышленіе Твое обо мнѣ, истребляй несовершенства мои.

Такова польза исповѣди не о моемъ прошедшемъ, но о моемъ настоящемъ, которую я приношу не передъ Тобою только, въ таинственномъ восторгѣ съ трепетомъ, и въ тайномъ сокрушеніи съ надеждою, но и передъ сынами человеческими, вѣрующими, сообщниками въ радости моей и соучастниками въ моей смертности, предъ согражданами и

сопутниками моими въ жизни моей. Они слуги Твои, братья мои, которыхъ Ты благоволилъ усыновить Себѣ и повелѣлъ мнѣ служить имъ, какъ господамъ, если хочу благодатию Твоею жить съ Тобою. И Слово Твое было бы не достаточно для меня, если бы только предписало заповѣди, но не предшествовало своимъ примѣромъ. И я исполняю повелѣніе Твое и словомъ и дѣломъ подъ кровомъ крыль Твоихъ, конечно съ великою опасностію, успокоиваясь только тѣмъ, что душа моя сокрыта подъ крылами Твоими и моя немощь Тебѣ извѣстна. Я малъ и ничтоженъ, но вѣчно живъ Отецъ мой и можетъ сохранить меня. Кто произвелъ меня, Тотъ и сохраняетъ меня. Ты Самъ—все мое сокровище, Ты, всемогущій, всегда со мною пребываешь, и прежде даже, когда меня еще не было. Итакъ возвѣщу же тѣмъ, кому Ты велишь мнѣ служить, не каковъ я былъ, а каковъ я теперь. Но прежде времени не буду судить о себѣ самъ (1 Кор. IV, 3): пусть послушаютъ меня.

ГЛАВА 5.

Ты же, Господи, судишь меня, ибо никто изъ людей не знаетъ, что есть въ человѣкѣ, кромѣ духа человѣческаго, живущаго въ немъ (1 Кор. II, 11), но есть нѣчто въ человѣкѣ, чего не знаетъ и самъ духъ человѣческій, живущій въ немъ, а ты, Господи, создавшій человѣка, знаешь все. И я, хотя уничижаю себя предъ лицомъ Твоимъ и почитаю себя землею и пепломъ, однако знаю о Тебѣ нѣчто такое, чего не знаю о себѣ. Конечно, теперь мы видимъ Тебя, якоже зеркаломъ въ гаданіи и еще не лицомъ къ лицу (1 Кор. XIII, 12), и притомъ пока я удаляюсь отъ Тебя, я бываю ближе къ себѣ, чѣмъ къ Тебѣ,—все-таки я знаю о Тебѣ, что Ты не можешь согрѣшати, а о себѣ не знаю, какимъ искушеніямъ могу противиться и какимъ не могу. Такъ какъ Ты вѣренъ Своимъ обѣщаніямъ, то есть

надежда, что Ты не будешь искушать насъ выше силъ нашихъ, но вмѣстѣ съ искушеніемъ дашь и ослабу, чтобы мы могли снести его. Итакъ я исповѣдаюсь Тебѣ и въ томъ, что о себѣ знаю, и въ томъ, чего не знаю. Ибо и то, что я знаю о себѣ, знаю только при помощи Твоего свѣта, и чего не знаю о себѣ, дотолѣ не знаю, пока не возсіяетъ во тмѣ свѣтъ твой, и тма моя будетъ яко полудне предъ взоромъ Твоимъ (Ис. LVIII, 10).

ГЛАВА 6.

Не съ сомнѣніемъ, но по твердому убѣжденію люблю Тебя Господи! Ты коснулся словомъ Твоимъ сердца моего и оно возлюбило Тебя. Вотъ и небо, что есть въ нихъ, отовсюду внушаютъ мнѣ любить Тебя, и непрестанно убѣждаютъ къ тому всѣхъ людей, *во еже быти имъ безответнымъ* (Рим. I, 20). Но ты тѣмъ болѣе помилуешь, *егоже аще помилуешь, и ущедришь, егоже аще ущедришь* (Исх. XXXIII, 19. Рим. IX, 15.), хотя небо и земля глухимъ возвѣщаютъ хвалы твои. Что же именно люблю я въ Тебѣ? Не тѣлесную красоту, не временную славу, не блескъ свѣта, которымъ Ты услаждаешь глазъ мой, не нѣжныя мелодіи всевозможныхъ напѣвовъ, не пріятный запахъ цвѣтовъ и ароматовъ, не манну и медъ, и не тѣла, доступныя плотскимъ объятіямъ. Не это люблю я, любя Бога моего, и все-таки люблю какой-то свѣтъ, и какой-то голосъ, и какой-то запахъ, и какую-то пищу, и какой-то предметъ объятій, когда люблю Бога моего, свѣтъ, голосъ, пищу, благоуханіе, и предметъ объятій для внутренняго челоуѣка моего. Въ Богѣ сіяетъ для душъ людей что то не пространственное, и звучитъ что-то не измѣряемое временемъ, благоухаетъ что-то не разносящееся въ воздухѣ, и насыщаетъ нѣчто такое, чѣмъ нельзя пресытиться и объемлется необъятное. Вотъ что люблю я, любя Бога моего.

Но чтоже такое Богъ мой? Я спросилъ землю, и она сказала: «это не я»; и все находящееся на землѣ повторило тоже самое. Я спросилъ море и бездну и всѣ живыя существа, обитающія тамъ, и они отвѣтили: «не мы Богъ твой; ищи выше насъ!» Я спросилъ вѣтры воздушныя, и воздухъ со всѣми обитателями своими сказалъ мнѣ: «заблуждается Анаксименъ: не я Богъ». Я спросилъ небо, солнце, луну и звѣзды,—и они отвѣтили: «не мы Богъ, Котораго ты ищешь». И я сказалъ всему, что подлежить тѣлеснымъ чувствамъ моимъ: «вы сказали мнѣ о Богѣ моемъ! Чего вы не боги, скажите же мнѣ о Немъ что нибудь!» И воскликнули громкимъ гласомъ:—*Той сотвори насъ, а не мы* (Псал. XLIX, 3.). Моимъ вопросомъ было мое пытливое око; ихъ отвѣтомъ служилъ ихъ видъ. И я обратился самъ къ себѣ съ вопросомъ: «кто ты»? и отвѣтилъ: *человѣкъ!* Вотъ я состою изъ тѣла и души: одно наружи, другая внутри. Въ чемъ же изъ нихъ, въ тѣлѣ или въ душѣ, я долженъ искать Бога моего, котораго я искалъ уже внѣшними чувствами отъ земли до неба, куда только могъ послать своихъ гонцовъ—взоры глазъ моихъ? Конечно внутренняя часть существа моего лучше внѣшней. Духу, какъ предсѣдателю и судѣ, тѣлесныя чувства возвѣстили всѣ отвѣты неба и земли и всего того, что находится въ нихъ,—отвѣты такого содержанія: «не мы Богъ, но Онъ сотворилъ насъ»; внутренній человѣкъ созналъ это при помощи внѣшняго человѣка,—я внутренній человѣкъ позналъ это, я духъ—при посредствѣ чувства тѣлеснаго. Я спросилъ вселенную о Богѣ и она отвѣтила мнѣ: «не я Богъ твой, но Онъ сотворилъ меня».

Не для всѣхъ ли существъ съ здоровыми чувственными органами представляется та же картина вселенной? Почему же не всѣмъ говорить она то же самое? И большія и малыя животныя видятъ вселенную, но не могутъ вопро-

шать ее, потому что у нихъ нѣтъ разума, обсуждающаго то, что возвѣщаютъ чувства,—не могутъ вопрошать природу, такъ чтобы невидимыя свойства Божіи, открывающіяся въ созданіяхъ, стали видимыми (Рим. I, 20.). Что же касается до людей, то хотя они одарены на то такимъ судьей—разумомъ, но по чрезмѣрному увлеченію и пристрастію къ тварямъ не могутъ судить о нихъ надлежащимъ образомъ. Твари возвѣщаютъ о свойствахъ Божіихъ не вопрошающимъ только, но вмѣстѣ и обсуживающимъ; онѣ не перемѣняютъ своего голоса, т. е. своего вида, съ тѣмъ чтобы одному казаться такъ, а другому иначе; но являясь всѣмъ въ одномъ и томъ же видѣ, природа ихъ для одного нѣма, а для другаго краснорѣчива: можно даже сказать, что она краснорѣчива для всѣхъ, но понимаютъ ее только тѣ, которые слышатъ ея отвнѣ слышимый голосъ съ вѣщаніемъ истины, внутри обитающей. А истина говоритъ мнѣ: «нѣсть Богъ твой ни небо, ни земля, ни что либо тѣлесное. Объ этомъ говоритъ сама природа сихъ вещей—видящему ихъ. Это масса, въ которой часть менѣе цѣлаго. Конечно, ты, душа, гораздо лучше, потому что ты образуешь массу тѣла твоего, вдохновляя его жизнью, которую не въ состояніи доставить тѣлу ничто матеріальное. А Богъ твой для тебя есть жизнь жизни твоей».

ГЛАВА 7.

Итакъ что же люблю я, когда люблю Бога моего? Кто Онъ, превосходящій самыя возвышенныя силы души моей? Посредствомъ самой души своей буду восходить къ Нему. Я оставляю безъ вниманія жизненную силу души моей, посредствомъ которой я связанъ съ тѣломъ и наполняю его жизнью. Не этою силою я найду Бога моего, ибо въ такомъ случаѣ нашли бы Его и конь и моська, имже нѣсть разума (Псал. 31, 9), ибо этою же силою оживляются также

и ихъ тѣла. Есть другая сила, не только оживляющая, но и дающая способность ощущать тѣлу моему, которое мнѣ создалъ Господь,—это сила повелѣваетъ глазу не слышать и уху не видѣть, но каждому органу дѣлать свое дѣло, такъ что чрезъ ихъ разнообразную дѣятельность дѣйствую одинъ я—духъ. Оставляю безъ вниманія и эту силу, потому что и ее также имѣютъ и конь и лошагъ, также обладающіе тѣлесными чувствами.

ГЛАВА 8.

Пропускаю и эту силу моей природы, восходя постепенно къ создавшему меня. Вхожу въ поля и обширныя владѣнія памяти—сокровищницы безчисленныхъ представленій о всякаго рода вещахъ постигаемыхъ чувствами. Тамъ сокрыто также и все, что мы думаемъ, расширяя, или сокращая, или видоизмѣняя воспроизводимое чувствами; тамъ находится и все, вѣренное памяти, чего еще не поглотило и не похоронило забвеніе. Когда я обращаюсь къ памяти и вызываю представленія, какихъ мнѣ хочется, то нѣкоторые представленія являются тотчасъ; другія отыскиваются болѣе долгое время и какъ будто вынимаются изъ какихъ-то дальнихъ ящиковъ, вырываются не въ чередъ, когда ищешь чего-либо другаго, и выскакиваютъ впередъ, какъ бы говоря: *не мы ли это?*—и я отстраняю ихъ рукою сердца моего изъ моего воспоминанія до тѣхъ поръ, пока не найдется то, что нужно мнѣ. Иныя представленія по мѣрѣ вызова выдвигаются легко и въ непрерывномъ порядкѣ; предыдущее отступаетъ на задній планъ по мѣрѣ появленія послѣдующаго, и отступая скрывается, чтобы снова появиться, когда пожелаю. Такъ бываетъ, когда рассказываю что нибудь по памяти.

Въ памяти сохраняются раздѣльно и по родамъ всѣ впечатлѣнія, которыя проникли туда каждое своимъ путемъ, напр.

свѣтъ и всѣ цвѣта и формы тѣлъ чрезъ глаза; всѣ роды звуковъ—чрезъ уши; запахъ чрезъ ноздри; всевозможныя ощущенія вкуса—чрезъ ротъ,—и чрезъ общее тѣлесное чувство все жесткое или мягкое, теплое или холодное, гладкое или шероховатое, тяжелое или легкое, снаружи или внутри тѣла. Все это принимаетъ для храненія, и въ случаѣ нужды для обратной выдачи, обширная кладовая памяти съ ея таинственными и необъяснимыми каморами; всѣ впечатлѣнія вносятся въ нее каждое своимъ входомъ и складываются въ ней. Не самыя вещи входятъ въ область памяти, а только образы вещей представляются разсудку при воспоминаніи о нихъ. Но кто скажетъ, какъ возникаютъ эти образы того, что было воспринято чувствами и сокрыто во глубинѣ души? Ибо, даже находясь въ темнотѣ и среди безмолвія, я, если хочу, воспроизвожу въ памяти цвѣта; различаю цвѣта бѣлый и черный и другіе, какіе угодно. Не слышатся звуки и не мѣшаютъ мнѣ, когда я припоминаю что либо видѣнное глазами,—хотя и звуки въ то же время находятся въ памяти, но пребываютъ особо, какъ будто сложенные гдѣ нибудь въ отдѣльномъ мѣстѣ. Но если мнѣ угодно, я воспроизвожу и звуки, и они тотчасъ же возникаютъ въ моемъ представленіи. Не шевеля языкомъ, не напрягая горла, я пою, что хочу, и представленія о цвѣтахъ, въ то же время существующія въ памяти, не смѣшиваются и не путаются, когда открывается другая сокровищница впечатлѣній слуха. Такимъ образомъ я вспоминаю, если угодно, и все прочее, что приносится и складывается въ памяти и чрезъ другія чувства. Запахъ лилій я отличаю отъ благоуханія віолей, не обоняя его; медъ отличаю отъ винограднаго варенья; мягкое—отъ грубаго, ни до чего не дотрогиваясь и ничего не пробуя;—по одному воспоминанію я предпочитаю то или другое. Вотъ что совершаю я, погружившись самъ въ себя, въ безграничныя вла-

дѣнія моей памяти. Тамъ представляются мнѣ и небо, и земля, и море со всѣмъ, что я могу ощутить въ нихъ, исключая того, что я забылъ. Тамъ я вижу себя самаго и воспоминаю, что, гдѣ и когда я дѣлалъ и какое при этомъ имѣлъ настроеніе духа. Тамъ все, что я или самъ испыталъ, или принялъ на вѣру отъ другихъ. Съ помощію этого-то богатства образовъ вещей, или испытанныхъ или принятыхъ на вѣру, на основаніи собственного опыта, я самъ присочиняю къ даннымъ уже образамъ все новыя и новыя образы, и на основаніи этихъ образовъ я представляю будущія дѣйствія, и приключенія, и надежды, и думаю о всѣмъ этомъ, какъ о настоящемъ. «Я сдѣлаю то или другое (говорю я самъ къ себѣ въ безграничной области духа моего полной столь многими и равнообразными образами вещей), отсюда будетъ слѣдовать то или иное. О если бы случилось то или то! Да отвратить Богъ то или это!» Я говорю это самъ съ собою, и когда говорю, возникаютъ образы того, о чемъ я говорю, изъ этой же сокровищницы памяти; и я конечно не говорилъ бы ничего подобнаго, если бы не возникало въ памяти соответственныхъ представленій.

Велика сила памяти, Боже мой, велика чрезмѣрно, глубина безмѣрная и бездонная!—Кто достигъ до дна ея? И эта сила находится въ душѣ моей, принадлежитъ къ природѣ моей. Я самъ не знаю вполнѣ, что я. Итакъ, мой духъ недостаточенъ, чтобы постигнуть себя самаго. Гдѣ же онъ, если не постигаетъ самъ себя? Неужели внѣ себя, а не въ самомъ себѣ? Какъ же онъ не постигаетъ себя? При этомъ меня поражаетъ величайшее удивленіе, и изумленіе объемлетъ меня. Люди идутъ удивляться высотѣ горъ, и огромнымъ волнамъ моря, и величайшимъ водонадамъ, и безбрежности океана, и теченію звѣздъ, а не обращаютъ вниманія на себя самихъ; не удивляются, что, говоря о

всемъ этомъ я не имѣлъ предъ глазами ни горъ, ни морей и проч.; но не сказалъ бы ни о горахъ, ни о волнахъ, ни о рѣкахъ, ни о звѣздахъ, которыя я видалъ, ни объ океанѣ, о которомъ слыхалъ, если бы въ своей памяти не представлялъ всѣ эти предметы въ столь же огромныхъ размѣрахъ, каковы они въ дѣйствительности. Но не самые предметы ея поглотилъ я своими взорами; не сами они остались во мнѣ, а только образы ихъ. И я зналъ, какое впечатлѣніе и какимъ тѣлеснымъ чувствомъ сообщено мнѣ.

ГЛАВА 9.

Но не только предметы природы содержать въ себѣ неизмѣримая сила моей памяти;—здѣсь находится все то, что еще не забыто изъ свободныхъ наукъ, какъ бы въ самомъ глубочайшемъ мѣстѣ, которое даже не можетъ быть названо мѣстомъ; я владѣю не только образами, но и самими предметами наукъ. Ибо понятіе о литературѣ и объ искусствѣ словопрѣнія и о различныхъ изслѣдованіяхъ и другія познанія хранятся въ моей памяти не какъ образы только предметовъ, оставшихся внѣ меня, которые произвели на меня впечатлѣніе и исчезли, подобно звуку, который, прозвучавъ въ ухѣ, оставилъ въ памяти представленіе о томъ, какъ онъ звучалъ, когда уже не звучитъ, или подобно запаху, который, разливаясь въ воздухъ, производитъ благоуханіе и даетъ памяти представленіе о себѣ производимое воспоминаніемъ, или подобно пищѣ, которая, находясь въ желудкѣ, конечно уже не услаждаетъ нашего вкуса, и однако въ памяти представляется имѣющею вкусъ, или подобно чему либо другому, что ощущается при тѣлесномъ прикосновеніи и оставляетъ по себѣ воспоминаніе послѣ своего удаленія. Очевидно, что не самыя вещи проникають въ память, но одни образы ихъ воспринимаются съ чудною

быстротою, складываются какъ бы въ чудныхъ владовыхъ, и чуднымъ образомъ воспроизводятся при воспоминаніи.

ГЛАВА 10.

Когда же я слышу, что есть три рода вопросовъ: существуетъ ли? что существуетъ? и въ какомъ видѣ существуетъ? я удерживаю образы тѣхъ звуковъ, изъ которыхъ составлены эти слова, и знаю, что они раздались въ ухахъ и уже исчезли. Но самихъ вещей, которыя означаются этими звуками, я не воспринялъ какимъ либо тѣлеснымъ чувствомъ и не видалъ нигдѣ внѣ моего духа, и въ памяти я сохранилъ не ихъ образцы, но ихъ самихъ; а откуда онѣ явились ко мнѣ, пусть скажутъ, если могутъ. Пересматриваю все пути чувственного воспріятія и не нахожу, какимъ изъ нихъ вошли выше указанныя представленія. Глаза говорятъ: »если эти представленія имѣютъ цвѣтъ, то мы возвѣстили о нихъ«. Уши объявляютъ: »если они звучатъ, то мы дали знать о нихъ«. Ноздри говорятъ: »если они имѣли запахъ, то прошли черезъ насъ«. Чувство вкуса также говоритъ: »если они не имѣли вкуса, то не спрашивай о нихъ у меня«. Осязаніе объявляетъ: »если они не матеріальны, то не подлежатъ моему прикосновенію, а слѣдовательно и ощущенію«. Откуда же и какъ эти представленія вошли въ память мою? Не знаю, какимъ образомъ, потому что, изучая ихъ, я не вѣрилъ чужому сознанію, но самъ сознавалъ ихъ, и утверждалъ ихъ истинность, и ввѣрилъ памяти, чтобы вызвать ихъ, когда заблагоразсудится. Эти представленія были присутщи мнѣ и прежде изученія, только не приходили на память. Иначе гдѣ же они были, или почему, услышавъ объ нихъ, тотчасъ же я узналъ ихъ и сказалъ: *да, правда*, если не потому, что они уже были въ памяти, только такъ далеко и сокровенно, какъ бы въ самыхъ глубокихъ пеще-

рахъ, что если бы учитель не извлекъ ихъ на первый планъ. то я можетъ быть и не додумался бы до нихъ?

ГЛАВА II.

Поэтому-то мы и признаемъ, что изучать то, что дано намъ не въ образахъ чувственнаго воспріятія, но созерцается безъ образовъ какъ бы само въ себѣ внутри насъ, значить не болѣе, какъ размышленіемъ какъ бы разбирать то, что и прежде содержалось въ памяти разбросанно и безъ порядка, такъ, чтобы представленія, заброшенные въ глуши, являлись какъ бы на ладони и легко попадались на взглядъ. И какъ много содержится въ памяти предствленій, которыя мы уже нашли въ ней и, какъ я сказалъ, выложили какъ бы на ладони,—а мы говоримъ, что это мы изучили и узнали. Если я не забочусь по временамъ воспроизводить эти представленія, то они снова погружаются въ глубь и какъ бы проваливаются въ какія-то отдаленныя пещеры, откуда опять (ибо для нихъ нѣтъ иной области) мы должны извлекать ихъ какъ бы вновь, и принуждать ихъ снова дойти до нашего сознанія (*cogenda rursus, ut sciri possint*), и снова собирать какъ бы изъ какого нибудь расцѣпленія; отчего и происходитъ слово—*cogitare*—размышлять. Ибо слова *cogo* и *cogito* находятся въ такомъ же отношеніи, какъ и слова—*ago* и *agito*, *facio* и *factito*. Но духъ присвоилъ себѣ это слово такъ, что *cogitare*—собственно говорится не о чемъ нибудь, что собирается въ иномъ мѣстѣ, но о томъ, что принуждается (*cogitur*) дойти до сознанія въ нашемъ духѣ.

ГЛАВА 12.

Такимъ же образомъ память содержитъ безчисленные законы и комбинаціи чиселъ и измѣреній, которыя не воспринимаются какимъ либо тѣлеснымъ чувствомъ; потому что они не имѣютъ ни цвѣта, ни звука, ни запаха, ни

звука и не подлежатъ осязанію. Я слышалъ звуки словъ, которыми условно обозначаются числа и измѣренія; но эти звуки не одно и тоже, что числа и измѣренія. По-гречески названія чиселъ и измѣреній такія; по латыни — другія; но самыя числа и измѣренія не принадлежать ни латинскому, ни греческому, ни какому бы то ни было другому языку. Я видѣлъ геометрическія изящныя линіи, тончайшія, какъ нити паутины, но онѣ не суть образы тѣхъ нитей, о которыхъ даетъ мнѣ знать тѣлесное зрѣніе. Ихъ знаетъ каждый безъ всякаго чувственнаго ощущенія единственно по внутреннему представленію. Я конечно ощущалъ числа всѣми чувственными органами, посредствомъ которыхъ совершалъ исчисленіе; но числа отличны отъ исчисляемыхъ предметовъ, не суть только отобразы ихъ, и поѣтому-то существовать по преимуществу (т. е. самостоятельно). Пусть смѣется надъ словами моими, кто не сознаетъ ихъ правды; а я пожалѣю о томъ, кто смѣется надо мною.

ГЛАВА 13.

Всѣ вышеупомянутыя представленія я удерживаю въ своей памяти, помню даже и то, какъ я изучилъ ихъ. Я слышалъ также многія противныя имъ совершенно ложныя сужденія, и помню ихъ, и хотя они ложны, но что я помню ихъ, это правда — и я помню также и то, что я дѣлалъ различіе между истинными и ложными сужденіями. Я вижу, что теперь я иначе полагаю различіе между истиннымъ и ложнымъ, чѣмъ прежде, во время моихъ частыхъ размышленій. Слѣдовательно, я помню и свои прежнія размышленія; также если и въ настоящее время что-нибудь различаю и понимаю, то сохраняю это въ памяти, чтобы вспомнить послѣ, что я понялъ теперь. Слѣдовательно, я помню, запоминалъ ли я что нибудь; равно и въ послѣд-

сти, если буду вспоминать о томъ, о чемъ я могъ вспомнить теперь, то и этимъ я обязанъ буду силѣ памяти.

ГЛАВА 14.

Даже мои душевныя волненія хранить та же память, но не какъ существуютъ они въ самомъ духѣ во время дѣйствія страсти, а совершенно другимъ образомъ, соотвѣтственно свойству памяти. Ибо, не будучи радостенъ, я воспоминаю о своихъ прежнихъ радостяхъ; не будучи печаленъ—о прежнихъ печаляхъ; безъ страха помню, что я нѣкогда испытывалъ ужасъ; безстрастно воспоминаю о своихъ прежнихъ страстныхъ увлеченіяхъ. Наоборотъ иногда, —полный веселія, я припоминаю о моихъ печаляхъ, и во время грусти—о радостяхъ. Еще не удивительно, если мы воспоминаемъ о тѣлесныхъ ощущеніяхъ, потому что духъ имѣетъ совершенно иную природу, чѣмъ тѣло. Не удивительно, когда я съ удовольствіемъ воспоминаю о прошедшей тѣлесной болѣзни. Но если сама память принадлежитъ къ области духа, если мы, приказывая кому нибудь твердо помнить о чемъ-либо, говорить: *смотри, держи у себя на умѣ*, если, забывая о чемъ нибудь, говоримъ: *не пришло на умѣ*, или: *вышло изъ ума*,—если мы отождествляемъ при этомъ самую память съ умомъ или духомъ (*animus*),—если это такъ, то отчего же я съ радостію воспоминаю о прошедшей печали; духъ ощущаетъ радость, а въ памяти содержится печальное, отчего духъ радуется, когда въ немъ есть радость, а память не печальна, когда въ ней есть печаль? Можетъ быть память не принадлежитъ къ области духа? Но кто можетъ сказать это? Слѣдовательно память есть какъ бы желудокъ души, а огорченія и радости подобны горькимъ и сладкимъ яствамъ. Переходя въ область памяти, какъ бы въ желудокъ, впечатлѣнія сохраняются тамъ, но уже не даютъ ощущенія сладости или горечи. Смѣшно сравненіе памяти съ желудкомъ, но оно не совсѣмъ несообразно.

Но вотъ, когда я говорю, что существуютъ четыре рода душевныхъ волненій— пожеланіе, радость, страхъ и печаль, и излагаю ихъ дальнѣйшія опредѣленія и подраздѣленія по родамъ и видамъ, я нахожу все это въ своей памяти и изношу оттуда. Однако, вспоминая объ этихъ волненіяхъ душевныхъ, я не испытываю ни одного изъ нихъ: и прежде нежели я вспоминалъ о нихъ, они были въ памяти; поэтому я и могъ извлечь ихъ оттуда чрезъ воспоминаніе. Слѣдовательно, какъ изъ желудка возвращается пища посредствомъ жвачки, такъ изъ памяти различныя представленія—чрезъ воспоминаніе. Почему же во ртѣ размышленія, рассуждающій, то есть припоминающій не ощущаетъ сладости радости или горечи печали? Можетъ быть, только въ этомъ случаѣ наше сравненіе памяти съ желудкомъ оказывается несостоятельнымъ? Ибо кто сталъ бы охотно вести разговоръ о тяжелыхъ ощущеніяхъ, еслибы всякій разъ, при упоминаніи о печали или страхѣ, мы должны были бояться или печалиться? Однако мы не говорили бы о душевныхъ волненіяхъ, еслибы въ своей памяти не находили не только звуки именъ, соотвѣтственные образамъ воспринятыхъ ощущеній, но и самыя понятія о такихъ явленіяхъ, которыя не переданы намъ никакимъ чувственнымъ опытомъ. Самъ духъ, переживъ и почувствовавъ свои страсти, передалъ ихъ памяти, или—лучше сказать—она сама сохранила и удержала понятіе о нихъ.

ГЛАВА 15.

Но кто скажетъ, съ помощью образовъ, или нѣтъ, память хранить понятіе о душевныхъ волненіяхъ? Я говорю о камнѣ, говорю о солнцѣ, когда самые предметы не присуши моимъ чувствамъ; но образы ихъ существуютъ въ моей памяти. Я говорю о тѣлесной боли, когда у меня ничего не болитъ; но еслибы въ моей памяти не было образа боли, то

я не зналъ бы, что говорю, и не различалъ бы боли отъ удовольствія. Я говорю о тѣлесномъ здоровьѣ, когда я здоровъ. само здоровье присуще мнѣ; но еслибы въ моей памяти не было образа здоровья, то я не вспомнилъ бы, что значить звукъ этого слова. Больные при упоминаніи о здоровьѣ не знали бы, о чемъ идетъ рѣчь, еслибы силою памяти не удерживался образъ того, чего уже нѣтъ въ тѣлѣ. Я говорю о числахъ, и въ памяти моей являются не образы ихъ, но они сами. Я говорю объ образѣ солнца, и оно является въ памяти моей; я припоминаю не образъ образа, а само солнце; оно само присуще моему воспоминанію. Я говорю о памяти, и сознаю, о чемъ говорю. А гдѣ это сознание, какъ не въ самой памяти? Неужели же память присуща себѣ чрезъ свой образъ, а не сама собою?

ГЛАВА 16.

Даже, когда я говорю о забвеніи, и сознаю, о чемъ говорю,—какъ бы я сознавалъ, еслибы не помнилъ? Я говорю не о звукѣ имени, но о самомъ обозначаемомъ явленіи; и еслибы я забылъ о немъ, то я не могъ бы знать, что значить звукъ. Итакъ, когда я помню о памяти, то предо мною является память сама въ себѣ; когда же я помню о забвеніи, но предо мною являются сразу и память, и забвеніе; память, посредствомъ которой я помню, забвеніе, о которомъ помню. Но что такое забвеніе, какъ не отсутствіе памяти? Какимъ же образомъ я могу помнить то, что исключаетъ собою память? Мы удерживаемъ въ памяти то, что помнимъ; еслибы мы не помнили забвенія, то услыхавъ это слово, не знали бы, что оно значить; слѣдовательно памятью удерживается забвеніе. Такимъ образомъ есть въ памяти то, что своимъ присутствіемъ исключаетъ собою память. Не ясно ли отсюда, что забвеніе присуще памяти не само въ себѣ, но посредствомъ своего образа? Еслибы оно было присуще само въ

себѣ, то мы не воспоминали бы, а забывали бы. И кто разъяснить это? кто пойметъ, какъ это бываетъ?

Я, Господи, тружусь разъяснить это, тружусь самъ въ себѣ; я самъ для себя сдѣлался почвою неудобною, воздѣлываемою въ потѣ лица. Не пространства небесныя изслѣдую я теперь, не разстоянія звѣздныя измѣряю; не основаній земли ищу;—я самъ помню, я духъ. Не такъ удивительно, если отъ меня далеко то, что не я. Но что ближе ко мнѣ меня самаго? Но вотъ сила памяти моей не постигается мною, тогда какъ я самъ себя не могу назвать безъ нея. Что я скажу въ объясненіе того, что я помню забвеніе? Скажу ли, что въ моей памяти нѣтъ того, о чемъ я помню? или скажу, что для того и присуще моей памяти забвеніе, чтобы я не забывалъ? Но и то и другое въ высшей степени нелѣпо. Что же—третье? Подъ какимъ условіемъ я могу сказать, что въ моей памяти содержится только образъ воспоминаемаго забвенія, а не само забвеніе? Какъ я скажу это, когда всякій образъ, напечатлѣваемый въ памяти, предварительно требуетъ для себя подлинника, съ котораго снять образъ? Такъ я помню о Кароагенѣ и о всѣхъ мѣстахъ, гдѣ бывалъ, такъ запоминаю лица видѣнныхъ мною людей, данныя прочихъ чувствъ, а также здоровье или болѣзнь всего тѣла. Когда самые предметы стоятъ предо мною, память заимствуетъ отъ нихъ образы, такъ что я могу сообразить и припомнить ихъ, когда самихъ предметовъ уже нѣтъ предо мною. Такимъ образомъ, если содержится въ памяти не само забвеніе, а только образъ его, оно во всякомъ случаѣ должно быть присуще памяти, чтобы было съ чего снять образъ. А если сомнѣніе было присуще памяти, то какимъ образомъ оно могло напечатлѣваться въ памяти свой образъ, когда, по самому понятію своему, оно разрушаетъ и то, что напечатлѣно? И однако, какъ бы то ни было, существуетъ это явленіе непонятное

и неизъяснимое, и я самъ убѣжденъ, что помню забвеніе, которымъ разрушается запоминаемое мною.

ГЛАВА 17.

Велика сила памяти, о Боже мой, приводитъ въ какой-то ужасъ ея глубокое и неизъяснимое многообразіе; и это духъ мой, и это я самъ. Что же такое я, Боже мой? Какова моя природа? Разнообразная, многосложная, и въ высшей степени неизмѣримая жизнь. Вотъ безчисленные поля, и пещеры, и ущелья моей памяти, неисчетно полныя безчисленными родами вещей, образы ли то вещей, каковы по отношенію къ памяти всѣ тѣла; или самыя вещи, каковы—предметы наукъ; или какія-то понятія или наблюденія, каковы—душевные волненія, которыя удерживаются въ памяти и тогда, когда духъ не терпитъ ихъ, хотя все содержимое въ памяти есть и въ духѣ. По этимъ областямъ памяти я протекаю и пролетаю; сюда я провигаю, сколько могу, и конца нѣтъ никогда; такова сила памяти, такова сила жизни въ чловѣкѣ, живущемъ смертною жизнію! Чтò же я буду дѣлать съ моей истинной жизнію, о Боже мой? Пройду мимо и эту сторону моей жизни, которая называется памятью, чтобы стремиться къ Тебѣ, сладкій Свѣте! Чтò скажешь мнѣ? Вотъ я, восходящій путемъ духа моего къ Тебѣ, пребывающему выше меня. Пройду и ту силу мою, которая называется памятью, желая коснуться Тебя, гдѣ это возможно, и прилѣпиться къ Тебѣ, отколѣ это возможно. Имѣютъ память и скоты, и птицы, иначе они не искали бы своихъ логовищъ и гнѣздъ и многого другаго, къ чему привыкають, да и привыкать они не могли бы безъ помощи памяти. Пройду мимо и память, чтобы достигнуть Того, Кто отличилъ меня отъ четвероногихъ, и сдѣлалъ мудрѣе птицъ небесныхъ. Пройду мимо и память; и гдѣ найду Тебя, истинно благая и безмятежная сладость, и гдѣ Тебя найду? Если найду

Тебя внѣ моей памяти, то не буду помнить о Тебѣ. А какъ же найду Тебя, если не буду помнить о Тебѣ?

ГЛАВА 18.

Потеряла женщина драхму и искала ее со свѣтильникомъ (Лук. XV, 8), и если бы не помнила о ней, то не искала бы ея. А когда нашла драхму, то узнала ли бы, она ли это самая, если бы не помнила о ней? Я помню, что многое потерянное я искалъ и находилъ. Я знаю, что когда я спрашивалъ о потерянной вещи и мнѣ говорили: *можетъ быть это?* или: *не это ли?* то я до тѣхъ поръ говорилъ: *не то*, пока мнѣ не подавали то, чего я искалъ. И если бы я не помнилъ, что потерялъ, то и когда мнѣ подали бы потерянную вещь, я не нашелъ бы ея, потому что не узналъ бы. И всегда такъ бываетъ, когда мы ищемъ и находимъ что-нибудь потерянное. Когда пропадаетъ что-нибудь съ глазъ, а не изъ памяти, напр. какой-нибудь видимый предметъ, то внутри остается образъ его и предметъ отыскивается, пока снова не попадется на взглядъ. И когда найдется, то узнается по сличенію съ своимъ внутреннимъ образомъ. Мы не говоримъ, что находимъ потерянное, если не узнали его; и не можемъ узнать, если не помнимъ; но предметъ пропалъ только съ глазъ, а остался въ памяти.

ГЛАВА 19.

Что же если сама память потеряетъ что-нибудь, какъ бываетъ, когда мы забываемъ что-нибудь и ищемъ припомнить? Гдѣ мы можемъ искать, какъ не въ самой памяти? И тамъ если одно представленіе попадется вмѣсто другаго, мы отвергаемъ его, пока не попадется то, чего мы ищемъ, и когда попадется, мы говоримъ: *вотъ это самое*, чего мы не сказали бы, если бы не узнали, а не узнали бы, если

бы не вспомнили. Но вѣдь мы забыли. Или не все ускользнуло изъ памяти, но одна часть оставалась, а другая отыскивалась, потому что память чувствовала, что не все въ ней соединено, что она привыкла сочетавать вмѣстѣ, и какъ бы потерявъ привычный членъ и хромая требовала возвращенія недостающаго? Такъ, если попадется на глаза или на мысль знакомый человѣкъ и мы припоминаемъ его забытое имя, то всякое другое припоминаемое имя не вяжется, потому что намъ непривычно мыслить его въ сочетаніи съ этимъ человѣкомъ, и долготѣ отвергается, пока не представится настоящее имя, при появленіи котораго мы тотчасъ замѣчаемъ привычную связь представленій и успокоиваемся. А откуда представится настоящее имя, какъ не изъ памяти? Когда и другой кто напомнить намъ это имя, все таки оно оттуда же. Мы принимаемъ то имя не на вѣру, какъ что нибудь новое, но припоминая удостоверяемся въ его подлинности. Если бы оно совершенно изгладилось изъ духа, то не вспомнили бы его и при словахъ другаго. Мы не совсѣмъ еще забыли то, о забвеніи чего помнимъ. Мы не могли бы искать, какъ потерянное, то, о чемъ совершенно забыли.

ГЛАВА 20.

Какъ же я ищущу Тебя, Господи? Когда ищущу Бога моего, то ищущу блаженной жизни. Взыщущу Тебя, да жива будетъ душа моя. Ибо тѣло мое оживляется душою моею, а душа моя—Тобою. Какъ же я ищущу блаженной жизни? Если я не имѣю ея, пока не скажу: *довольно* (*satis est*), то тогда только могу сказать это, какъ я ищущу ее. Черезъ воспоминаніе ли, какъ будто я ее забылъ, или чрезъ безотчетную жажду знанія, какъ будто я такъ забылъ ее, что не осталось и слѣдовъ? Не всѣ ли желаютъ блаженной жизни, и нѣтъ ни одного не желающаго ея? Откуда же они узнали ее, что такъ же-

лаютъ ея? гдѣ они видѣли ее, что такъ полюбили ее! Конечно, мы имѣемъ ее какимъ бы то ни было образомъ. Иное дѣло, когда блаженъ обладающій блаженною жизнію; а есть и такіе, которые блаженны надеждою. Конечно, эти послѣдніе не въ такой степени обладаютъ блаженною жизнію, какъ первые, которые блаженствуютъ самымъ дѣломъ, но все таки и они лучше тѣхъ, которые не блаженствуютъ ни дѣломъ, ни надеждою. Но если бы и эти люди были совершенно чужды блаженной жизни, то и они не желали бы ея такъ, что ихъ желаніе стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Не знаю, какъ они узнали и какое понятіе имѣютъ о ней, и существуютъ ли слѣды ея въ памяти: если существуютъ, то мы нѣкогда были блаженны; каждый ли въ отдѣльности, или въ лицѣ того человѣка, который первый согрѣшилъ, въ которомъ всѣ мы умерли и благодаря которому мы всѣ рождаемся съ болѣзнію,—объ этомъ я теперь не поднимаю вопроса; я спрашиваю только: есть ли въ памяти блаженная жизнь? Ибо мы не любили бы ея, если бы не знали. Мы слышимъ слово: *блаженная жизнь* и всѣ признаемся, что желаемъ ея достигнуть; но вѣдь не звукъ же плѣняетъ насъ. Ибо когда грекъ слышитъ ея латинское названіе, онъ не испытываетъ никакого удовольствія, потому что не знаетъ, что было сказано; а въ насъ возбуждается радость также какъ и въ немъ, если бы онъ слышалъ греческое названіе, потому что самая вещь, къ обладанію коей стремятся и греки и римляне, не заключается ни въ греческихъ, ни въ латинскихъ, ни въ какихъ бы то ни было другихъ рѣченіяхъ человѣческихъ. Такимъ образомъ всѣ знаютъ ее, и если бы можно было вдругъ всѣмъ предложить вопросъ: »хотятъ ли они быть счастливыми?« безъ всякаго сомнѣнія всѣ отвѣчали бы: *хотимъ*. А этого не могло бы быть, если бы самая вещь, которая носитъ названіе блаженной жизни, не существовала въ воспоминаніи.

ГЛАВА 21.

Такъ ли удерживаемъ въ памяти представленія блаженной жизни, какъ сохраняетъ воспоминаніе о Кареагенѣ тотъ, кто его видѣлъ? Нѣтъ. Потому что блаженная жизнь не можетъ быть созерцаема глазами, такъ какъ она не есть что либо матеріальное. Можетъ быть она хранится въ памяти подобно числамъ? Нѣтъ. Потому что, кто имѣетъ понятіе о численныхъ величинахъ, тотъ не стремится при этомъ къ обладанію ими; но если мы имѣемъ понятіе о жизни блаженной, то вмѣстѣ съ тѣмъ мы любимъ ее и стремимся обладать ею, чтобы быть счастливыми. Можетъ быть мы также сохраняемъ воспоминаніе о жизни блаженной, какъ о краснорѣчій? Нѣтъ. Потому что, хотя, услышавъ это слово, вспомнить о его значеніи и не краснорѣчивые, и многіе пожелаютъ приобрести краснорѣчіе, откуда очевидно, что понятіе о немъ находится въ ихъ сознаніи; однако они внимаютъ витійству другихъ и наслаждаются имъ только при посредствѣ тѣлесныхъ чувствъ и сами желаютъ быть краснорѣчивыми (конечно безъ внѣшняго опыта они не плѣнялись бы краснорѣчіемъ, а слѣдовательно и сами не желали бы быть краснорѣчивыми). Но блаженную жизнь мы испытываемъ не посредствомъ наблюденія надъ другими съ помощію какаго бы то ни было тѣлеснаго чувства. Можетъ быть мы также воспоминаемъ о жизни блаженной, какъ о радости? Можетъ быть такъ. Ибо свою радость я припоминаю, когда бываю печалень, точно также о жизни блаженной я помышляю—будучи несчастнымъ. Радостное волненіе свое я никакимъ тѣлеснымъ чувствомъ ни видѣлъ, ни слышалъ, ни обонялъ, ни вкушалъ, ни осязалъ; но я испыталъ его въ глубинѣ души своей во время радости, и представленіе о ней стало присуще моему воспоминанію, такъ что я воспоминаю о ней то съ отвра-

щеніемъ, то съ желаніемъ, что зависитъ отъ различія тѣхъ предметовъ, которые, по моему воспоминанію, доставляли мнѣ удовольствіе. Было время, что во мнѣ возбуждали радость и постыдныя вещи, о чемъ я теперь воспоминаю съ отвращеніемъ и омерзѣніемъ. Иногда же моя радость вызывалась добрыми и честными возбужденіями; о которыхъ я воспоминаю съ желаніемъ и снова увлечься ими, но такъ какъ ихъ нѣтъ, поэтому прежнюю радость я вспоминаю съ печалію. Гдѣ же и когда я наслаждался блаженною жизнію,—что воспоминаю о ней, и люблю ее, и стремлюсь къ ней? Не только я одинъ или немногіе, подобные мнѣ, но всѣ вообще мы, люди, жаждемъ быть счастливыми. Если бы мы не имѣли яснаго сознанія о блаженствѣ, мы не стремились бы къ нему съ такимъ непреодолимымъ желаніемъ. Но что такое значить, что если мы обратимся къ двумъ лицамъ съ вопросомъ—желаютъ ли они служить въ военной службѣ—то можетъ случиться, что одинъ изъ нихъ изъявитъ желаніе, а другой скажетъ: *не хочу*; если же мы у нихъ же спросимъ: «хотятъ ли они быть счастливыми», то и тотъ и другой тотчасъ же безъ всякаго колебанія отвѣтятъ, что они стремятся къ этому, и не по другому какому побужденію одинъ соглашается идти на войну, а другой нѣтъ, а единственно изъ желанія наслаждаться счастьемъ? Можетъ быть одинъ находитъ удовольствіе въ томъ, а другой въ другомъ, но всѣ согласно утверждаютъ, что они стремятся быть счастливыми, точно также какъ единогласно утвердительно отвѣчали бы на вопросъ: желаютъ ли они радоваться; и самую радость называютъ блаженною жизнію. Если одинъ находитъ удовольствіе въ томъ, другой въ другомъ, то все-таки всѣ стремятся къ одному—къ радости. Это есть душевное состояніе; которое всякій непремѣнно испытывалъ, поэтому представленіе о немъ возникаетъ въ памяти, когда слышится слово—блаженная жизнь.

ГЛАВА 22.

Да не будетъ, Господи, да не будетъ въ сердцѣ раба Твоего, исповѣдающагося Тебѣ, да не будетъ, чтобы я считалъ себя блаженнымъ, радуясь какою бы то ни было радостію. Ибо *нѣсть радоватися нечестивымъ* (Исх. XLVIII, 22), но только тѣмъ, которые безкорыстно чтутъ Тебя. которыхъ радость—Ты Самъ и сама блаженная жизнь въ томъ и состоитъ. чтобы радоваться Тобою, о Тебѣ, ради Тебя; это подлинно блаженная жизнь, и другой—нѣтъ. Кто думаетъ, что есть иная блаженная жизнь, тѣ ищутъ иной, а не единой истинной радости. Но все-таки ихъ воля не можетъ отказаться отъ какой бы то ни было радости.

ГЛАВА 23.

Слѣдовательно несправедливо, что всѣ желаютъ быть блаженными, поелику не *хотящіе* радоваться о Тебѣ, единая блаженная жизнь, не желаютъ блаженной жизни. А не всѣ ли стремятся къ блаженству? Но такъ какъ *плоть похотствуетъ на духъ, а духъ на плоть* (Гал. V, 17), да не *еже хотятъ, сіе творятъ*, то люди впадаютъ въ тѣ, что могутъ, и довольны тѣмъ, поелику чего не могутъ, того не такъ сильно желаютъ, чтобы превозмочь. Я спрашиваю у всѣхъ, объ истинѣ или о лжи они лучше желаютъ радоваться; разумѣется всѣ отвѣчаютъ, что желаютъ радоваться объ истинѣ, точно также такъ безъ всякаго раздумья говорятъ, что желаютъ быть блаженными. Блаженная жизнь есть радость объ истинѣ. Это радость о Тебѣ, ибо Ты Истина (Іоан. XIV, 6), Богъ просвѣщеніе мое; спасеніе лица моего (Псал. XXVI, 1) Богъ мой. Всѣ хотятъ этой блаженной жизни, всѣ хотятъ радоваться объ истинѣ. Я знаю многихъ, которые хотѣли бы обмануть, но никто не хочетъ быть обманутымъ. Итакъ, гдѣ люди узнали блаженную жизнь, какъ не тамъ, гдѣ узнали

истину? Они любятъ и истину, ибо не хотятъ быть обманутыми. И если они любятъ блаженную жизнь, которая есть не что иное, какъ радость объ истинѣ, то они любятъ и истину, которую не любили бы, если бы въ ихъ памяти не было нѣкотораго представленія о ней. Почему же они не радуются объ истинѣ? Почему они не блаженны? Потому что увлекаются другими дѣлами, которыя болѣе могутъ сдѣлать ихъ несчастными, чѣмъ сколько можетъ осчастливить ихъ слабое воспоминаніе объ истинѣ. *Еще мало свѣтъ есть въ чело-вѣцѣхъ; пусть они ходятъ, пусть ходятъ, да тьма ихъ не обхвѣтаетъ* (Іоан. XII, 35).

Если же люди любятъ блаженную жизнь, которая есть не что иное, какъ радость объ истинѣ, то почему же истина возбуждаетъ противъ себя ненависть, и челоуѣкъ Твой, проповѣдующій истину, дѣлается врагомъ людей? Не потому ли, что они сначала избираютъ для себя любимый предметъ, а потомъ желаютъ, чтобы ихъ любимый предметъ былъ истинною: и такъ какъ не хотятъ обманываться, то не хотятъ повѣрить, что они обманулись? Они ненавидятъ истину изъ-за того предмета, который любятъ вмѣсто истины. Они любятъ свѣтлую истину; но не терпятъ ея рѣзкихъ обличеній. Не желая обманываться и желая обмануть, они любятъ истину, которая открывается сама въ себѣ, и ненавидятъ ее, когда она раскрываетъ имъ ихъ самихъ. За то истина и накажетъ тѣхъ, которые не желаютъ откровенно стать предъ судомъ ея; она откроетъ ихъ противъ ихъ желанія, а сама не откроется имъ. Такъ духъ челоуѣческій, слѣпой и безсильный, постыдный и презрѣнный, хочетъ скрыться, а самъ не желаетъ, чтобы отъ него было что-нибудь сокрыто. Въ наказаніе за это онъ самъ не можетъ скрыться отъ истины, а истина открывается отъ него. Однако, будучи столь обаяненъ, духъ челоуѣческій желаетъ лучше радоваться объ истинномъ, чѣмъ о лож-

номъ. Блаженъ онъ будетъ, если, отбросивъ всякій грузъ мірской суеты, будетъ радоваться о единой истинѣ, ради которой все истинно.

ГЛАВА 24.

Вотъ сколько я прошелъ въ своей памяти, ища Тебя, Господи, и не нашель Тебя внѣ ея. Если я нашель въ своей памяти нѣчто о Тебѣ, то я помню вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ Кого научился сему. Я не забылъ Тебя, отъ Кого научился. Гдѣ я нашель истину, тамъ нашель и Бога моего, саму истину, и не забылъ, отъ Кого научился ей. Ты, давшій мнѣ познать Тебя, пребываешь въ памяти моей; тамъ я нахожу Тебя, когда воспоминаю о Тебѣ и услаждаюсь Тобою. Вотъ святая утѣха моя, которую Ты, по милосердію своему, даровалъ мнѣ, при зрѣвъ на мое окаянство.

ГЛАВА 25.

Но гдѣ Ты пребываешь въ памяти моей, Господи, гдѣ Ты пребываешь тамъ? Гдѣ тамъ мѣсто покоя Твоего? Какое святилище создалъ Ты Себѣ? Ты удостоилъ память мою тѣмъ, что пребываешь въ ней, но я желаю знать, въ какой части ея Ты пребываешь. Воспомявая о Тебѣ, я прослѣдилъ части памяти, общія у меня со звѣрями, но тамъ среди образовъ вещей тѣлесныхъ не нашель Тебя; я перешель къ тѣмъ частямъ памяти, гдѣ сохраняются волненія души моей, но и тамъ не нашель Тебя. Я вступилъ въ самое обиталище души моей, находящееся въ памяти, ибо духъ помнить о себѣ, но и тамъ не было Тебя. Ибо Ты не образъ тѣлесный, и не волненіе существа живущаго, каковы; радость, печаль, желаніе, страхъ, память, забвеніе и тому подобное; Ты и не самъ духъ, ибо Ты Господь Богъ духа, и всѣ движенія душевныя измѣняются, а Ты неизмѣнно пребываешь выше всего, и Ты благоволилъ обитать въ памяти

моей, даруя мнѣ знать о Тебѣ. Зачѣмъ же я спрашиваю, въ какомъ мѣстѣ ея Ты обитаешь, какъ будто тамъ и въ самомъ дѣлѣ есть мѣста? Всеконечно Ты обитаешь тамъ, если я помню о Тебѣ, даровавшемъ мнѣ знать Тебя, и нахожу Тебя въ памяти, вспоминая о Тебѣ.

ГЛАВА 26.

Итакъ, гдѣ же я нашелъ Тебя, чтобы познать Тебя? Ибо Ты не былъ въ памяти моей, прежде чѣмъ я позналъ Тебя. Гдѣ же я могъ познать Тебя, какъ не въ Тебѣ Самомъ выше меня? Нельзя сказать *гдѣ*; нѣтъ пространства, мы отступаемъ и приближаемся и нѣтъ пространства: Всюду, о Истина, Ты присушь всемъ мудрствующимъ о Тебѣ, и вмѣстѣ даешь отвѣтъ всемъ мудрствующимъ не право. Ты ясно отвѣчаешь, но не все ясно слышать. Все мудрствуютъ сообразно съ своими желаніями, но выслушиваютъ не всегда сообразное съ своими желаніями. Лучшій служитель Твой тотъ, кто старается не о томъ, чтобы услышать отъ Тебя сообразное съ своими желаніями, но самъ стремится сообразовать волю свою съ тѣмъ, что услышитъ отъ Тебя.

ГЛАВА 27.

Поздно я возлюбилъ Тебя, красота столь древняя и столь новая! Поздно я возлюбилъ Тебя! Вотъ, Ты былъ внутри, а я внѣ; и тамъ искалъ Тебя, и безобразно врывался въ Твои прекрасныя творенія. Ты былъ со мною, а я не былъ съ Тобою. Далеко меня держали отъ Тебя тѣ предметы, которые безъ Тебя вовсе не могли бы существовать. Ты воззвалъ и возопилъ, и расторгъ мою глухоту. Ты озарилъ, и возсіялъ, и прогналъ мою слѣпоту. Ты дунулъ, и воспріялъ духъ, и дышу Тебѣ. Чувство вкуса пробудилось во мнѣ; и я алчу и жажду. Ты коснулся меня, и я возгорѣлся желаніемъ твоего мира.

ГЛАВА 28.

Когда прилѣплюсь къ Тебѣ, отрѣшившись всецѣло отъ себя самаго, то чужды мнѣ будутъ трудъ и печаль, и жива будетъ душа моя, вся полная Тобою. Ибо и нынѣ кого Ты наполняешь, Того облегчаешь; и такъ какъ я не полонъ Тобою, то служу бременемъ для себя самаго. Мои достойныя плача утѣхи ведутъ борьбу съ радостотворными скорбями, и на чьей сторонѣ будетъ побѣда, не знаю. Увы мнѣ! Господи, помилуй меня! Увы мнѣ! Вотъ, я не скрываю ранъ моихъ. Ты врачъ, а я больной: Ты милосеръ, а я требую милосердія. *Не искушеніе ли житіе чловѣка на земли* (Іов. VII, 1)? Кому пріятны горести и безпокойства? Ты повелѣваешь терпѣть ихъ, но не любить. Никто не любитъ того, отъ чего терпитъ, хотя и любить терпѣть. Если даже и радуется своему терпѣнію, все-таки желаетъ, чтобы лучше не было предмета, вызывающаго на терпѣніе. Среди бѣдствій я желаю счастья; среди счастья—боюсь бѣдствій. Гдѣ же золотая середина, на которой жизнь чловѣческая не была бы искушеніемъ? Горе въ счастіи вѣка сего, сугубое горе, отъ боязни превратностей и отъ развращающихъ душу утѣхъ. Горе въ бѣдствіяхъ вѣка сего, сугубое и многократное горе по причинѣ жажды счастья. И такъ-какъ несчастье само въ себѣ горестно и сокрушаетъ терпѣніе, то не искушеніе ли жизнь чловѣка на землѣ безъ всякаго промежутка?

ГЛАВА 29.

Вся надежда моя въ безпредѣльномъ милосердіи Твоемъ. Дай силу исполнить то, что повелѣваешь, и повелѣвай, что хочешь. Ты намъ предписываешь воздержаніе. *Познавъ же, сказалъ нѣкто, яко не инако одержу, аще не Богъ дастъ; и сіе же бѣ разума, еже видѣти; чїя есть благо-*

дать (Прем. VIII, 21). Воздержаніемъ мы соединяемся и собираемся во едино, отъ чего мы разошлись врозь. Ибо Тебя менѣ любить тотъ, кто любитъ что-нибудь вмѣстѣ съ Тобою, но не ради Тебя. О любовь, которая всегда горишь, и никогда не погасеешь! Любовь, Боже мой, возжи меня. Ты предписываешь воздержаніе; дай силы выполнить, что предписываешь, и предписывай, что хочешь.

ГЛАВА 30

Ты предписываешь воздерживаться отъ похоти *плотской, похоти очесъ и гордости житейской* (1 Іоан. II, 16). Ты запрещаешь развратъ, и хотя допускаешь супружество, но призываетъ къ безбрачію, какъ къ лучшему состоянію. И по Твоей благодати я достигъ безбрачія еще прежде, нежели сдѣлался строителемъ тайнъ Твоихъ. Но еще живутъ въ памяти моей, о которой я такъ много говорилъ, образы привычныхъ предметовъ, бессильные во время бодрствованія, но во время сна увлекающіе меня не только къ чувственному услажденію, но даже къ сочувствію и какъ бы къ самому дѣлу. И такъ сильна иллюзія образа въ душѣ моей и въ тѣлѣ моемъ, что призрачныя явленія во время сна увлекаютъ меня къ тому, къ чему не могли бы увлечь дѣйствительныя явленія во время бодрствованія. Неужели, Господи Боже мой, тогда я бываю не-я? Но какъ велика разница между мною и мною, между тѣмъ моментомъ, когда во время сна я увлекаюсь чувственными образами, и тѣмъ временемъ бодрствованія, когда я отвращаюсь отъ нихъ. Гдѣ же бываетъ тогда разумъ, который такъ убѣдительно говоритъ во время бодрствованія? Вѣдь дѣйствительныя предметы не возбуждаютъ моей чувственности. Неужели вмѣстѣ съ глазами смыкается и разумъ? Неужели и онъ засыпаетъ вмѣстѣ съ тѣлесными чувствами? И отчего часто даже во снѣ мы противимся увлеченіямъ, и, помня свою

рѣшимость и оставаясь ей вѣрными, не поддаемся никакимъ приманкамъ? И однако такова разница между сномъ и бодрствованіемъ, что даже поддавшись обольщеніямъ во снѣ, мы, пробуждаясь, снова приобретаемъ спокойствіе совѣсти, и изъ самой разницы въ самосознаніи убѣждаемся, что мы не сдѣлали того, совершеніе чего заставило бы насъ раскаиваться.

Неужели, Боже всемогущій, Твоя рука не можетъ исцѣлить всѣхъ недуговъ души и преизобилующею благодатію Твоею изгладить похотливыя движенія моихъ сновидѣній? Ты умножишь, Господи, болѣе и болѣе во мнѣ дары Твои, такъ что душа моя, избавившись отъ сѣти пожеланій, будетъ слѣдовать за мною къ Тебѣ, не будетъ враждебна себѣ, и даже въ сновидѣніяхъ не только не будетъ увлекаться плотскими образами до изліянія сѣмени, но ниже сколько нибудь сочувствовать имъ. Ибо погасить совершенно стремленія страстей, насколько они зависятъ отъ нашего произвола даже при цѣломудренномъ настроеніи спящаго, не только въ сей жизни, но и въ настоящемъ моемъ возрастѣ не трудно для Тебя, Всесильный, *могущаго вся творити по преизбыточествію, ихже просимъ или разумлемъ* (Ефес. III, 20). А каковъ я теперь доселѣ въ этой области моихъ грѣхопаденій, это я высказалъ Тебѣ, Всеблагій мой Господи, *радуясь съ трепетомъ* (Псал. II 11) о Твоихъ дарахъ, какіе Ты излилъ на меня, и оплакивая свои несовершенства, въ надеждѣ, что Ты доверишишь на мнѣ милости Твои до полного примиренія съ Тобою внутренняго и внѣшняго существа моего, когда *пожертва* будетъ *смертью побдою* (1 Кор. XV, 54).

ГЛАВА 31.

Есть еще злоба дня, и—о если бы она довлѣла ему! Мы возобновляемъ ежедневно разрушающееся тѣло наше пицкою и питьею, доколь Ты не упразднишь чрево и бран-

на, насытишь меня чуднымъ насыщеніемъ, и тлѣное сіе облечешь вѣчнымъ нетлѣніемъ (1 Кор. XV, 53). Но теперь мнѣ пріятна необходимость питаться, и противъ этого удовольствія я веду борьбу, чтобы не увлечься имъ; я ежедневно подвизаюсь въ постахъ, довольно часто порабощая тѣло мое (1 Кор. IX, 27), и мои болѣзни уступаютъ мѣсто удовольствію. Ибо голодъ и жажда суть въ нѣкоторомъ родѣ болѣзни; они жгутъ и какъ лихорадка умерщвляютъ, если не придетъ на помощь врачевство пищи. Но такъ какъ пища готова, то въ слѣдствіе насыщенія дарами Твоими, въ которыхъ и земля, и вода, и небо служатъ нашей немощи,—бѣдствіе превращается въ удовольствіе.

Ты научилъ меня, чтобы какъ къ лекарствамъ, такъ и къ пищѣ я приступалъ съ умѣренностію. Но когда я перехожу отъ тягостнаго голода къ пріятному насыщенію, то при этомъ переходѣ меня подстерегаетъ зловредное сладострастіе. Ибо самый переходъ составляетъ удовольствіе, и таковъ неизбѣжно переходъ къ тому, къ чему влечетъ необходимость. И хотя здоровье служитъ побудительною причиною питанія и питья, но тутъ же какъ бы по пятамъ присоединяется опасное удовольствіе, и даже часто старается забѣжать впередъ, чтобы изъ-за удовольствія совершалось то, чего я желаю и что считаю полезнымъ ради здоровья. Но у здоровья, и у удовольствія не одна мѣра; что достаточно для здоровья, того мало для удовольствія. Часто не разберешь, необходимая ли забота о тѣлѣ требуетъ еще поддержки, или хочеть себѣ жертвъ ложная жажда удовольствій. Этою-то неопредѣленностію пользуется несчастная душа, и здѣсь приготовляетъ себѣ основаніе для извиненія, радуясь, что не совсѣмъ ясно, чего довольно для поддержки здоровья, дабы подъ предлогомъ сохраненія здоровья совершить мрачное служеніе похоти. Я ежедневно стараюсь противиться этимъ искушеніямъ и призываю десницу Твою

для спасенія моего и обращаюсь къ Тебѣ съ пламенною мольбою, ибо самъ не могу въ этомъ случаѣ имѣть вѣрнаго сужденія.

Я слышу гласъ Бога моего, заповѣдующаго: *да не отягчаются сердца ваша объяденіемъ и пьянствомъ* (Лук. XXI, 34). Пьянство далеко отъ меня; по милости Твоей да не приблизится ко мнѣ. Объяденіе же еще иногда подкрадывается къ рабу Твоему; по милости Твоей да удалится отъ меня. Никто не можетъ быть воздержнымъ, если Ты не даруешь этого. Многое Ты даешь намъ по нашимъ молитвамъ; и если мы получаемъ что-либо доброе прежде молитвы получаемъ отъ Тебя, и получаемъ для того, чтобы сознать это впоследствии Я никогда не былъ пьяницею, но я зналъ пьяницъ, которыхъ Ты сдѣлалъ трезвыми. Итакъ, по милости Твоей и чуждые порока не были ему причастны, и предавшись ему отстали отъ него, и наконецъ и тѣ, и другіе сознали въ Тебѣ правителя своей жизни. Я слышалъ еще другой гласъ Твой: *въ слѣдъ похотей твоихъ не ходи и отъ похотѣній твоихъ возбранийся* (Сир. XVІІІ, 30). Я слышалъ и этотъ много любимый мною гласъ изъ сокровищницы Твоей: *ниже аще ямы, избыточествуемъ; ниже аще не ямы, лишаемся* (1 Кор. VI 8), т. е. ни первое меня не осчастливитъ, ни послѣднее не сдѣлаетъ несчастнымъ. Слышалъ и иной гласъ: *азъ навыхохъ, въ нихже есмь, доволенъ быти; въмъ... и избыточествовати, и лишатися. Вся могу о укрѣпляющемъ мя* (Филип. IV, 11—13). Вотъ воинъ небесныхъ воинствъ, а не прахъ, какъ мы. Но помяни, Господи, яко персть есмь, и изъ персти создалъ еси человекъ (Псал. СІІ, 14; Быт. III, 19), и онъ погибъ, и обрѣтется (Лук. XV, 32). И говорившій вышеприведенныя слова (св. ап. Павелъ) не самъ по себѣ возмогъ, и онъ былъ прахъ, и по Твоему вдохновенію произнесъ слѣдующія любимыя мои слова:

вся могу о укрѣпляющемъ мя. Укрѣпи меня, да возмогу. Дай, что Ты предписываешь, и предписывай, что хочешь. А Павелъ исповѣдуетъ, что принялъ отъ Тебя, и хвалясь о Господѣ хвалится (1 Кор. I. 30, 31). Я слышалъ и другаго просящаго о томъ, что желаетъ получить. *Отврати отъ мене,* говоритъ онъ, *чрева похоть* (Сир. XXIII, 6). Отсюда видно, святой мой Боже, что если исполняются Твои повелѣнія, то не иначе, какъ по Твоему содѣйствію.

Ты научилъ меня, благій Отче, что *вся чиста чистымъ; но зло чловѣку претыканіемъ ядущему* (Рим. XIV, 20), и что всякое созданіе Твое добро и ничтоже отменно, со благодареніемъ приемлемо (1 Тим. IV, 4), и что *брашно насъ не поставляетъ предъ Богомъ* (1 Кор. VIII, 8), и что *никтоже насъ да осуждаетъ о яденіи или о питіи* (Кор. II, 16), и что *ядый неядущаго да не укоряетъ, и неядый ядущаго да не осуждаетъ* (Рим. XIV, 3). Я усвоилъ эти; благодарю Тебя, восхваляю Тебя, Боже мой, учитель мой, гремящій въ уши мои, просвѣщающій сердце мое, избавь меня отъ всякаго искушенія. Не боюсь я нечистоты....., но нечистоты похоти. Я знаю, что Ною позволено вкушать всякій родъ мяса, который годится въ пищу (Быт. IX, 2—3); что Илія питался пищею ворона (3 Цар. XVII, 6); что Іоаннъ, одаренный чуднымъ воздержаніемъ, не былъ оскверненъ акридами, т. е. животными, употребляемыми въ пищу (Матѣ. III, 4). Съ другой стороны, я знаю, что Исавъ былъ прельщенъ желаніемъ чечевицы (Быт. XXV, 34), что Давидъ за жажду воды порицалъ самъ себя (2 Цар. XXIII, 15—17) и что Царь нашъ былъ искушаемъ не мясомъ, но хлѣбомъ (Матѣ. IV, 3). И народъ въ пустынѣ заслужилъ гнѣвъ Божій, не за то, что желалъ мяса, но за то, что, желая пищи, возропталъ на Бога (Числ. XI.).

Посреди этихъ искушений, я ежедневно борюсь противъ страсти къ объяденію и многопитію; здѣсь я не могу разъ навсегда рѣшиться на окончательное воздержаніе, какъ это возможно было для меня относительно сожитія съ женщинами. Поэтому въ дѣлѣ насыщенія бразды обузданія нужно держать съ умѣреннымъ послабленіемъ и сдерживаніемъ. Кто тотъ человѣкъ, Господи, который бы въ этомъ случаѣ не выступилъ сколько-нибудь за предѣлы необходимости? Кто бы онъ ни былъ, онъ великъ: да возвеличитъ имя Твое. Но я не таковъ; я человѣкъ — грѣшникъ; но и я величаю имя Твое, и да ходатайствуетъ предъ Тобою о моихъ прегрѣшеніяхъ (Рим. VII, 34) Тотъ, Кто побѣдилъ міръ (Іоан. XVI, 33), считающій меня въ числѣ немощныхъ членовъ тѣла своего, ибо и *несодѣланное мною видѣсть очи Твои и въ книзѣ Твоей вси напишутся* (Исаи СXXXVIII, 16.)

ГЛАВА 32.

Приманки благоуханій я не слишкомъ боюсь. Когда ихъ нѣтъ, я не ищю; когда есть, не отвергаю; всегда готовъ обойтись безъ нихъ. Такъ мнѣ кажется; можетъ быть я ошибаюсь. Ибо это глубокая тьма, въ которой скрывается присущая мнѣ моя способность; такъ что духъ мой, вопрошая самъ себя о своихъ силахъ, не легко считаетъ себя въ правѣ давать самъ себѣ вѣру; потому что и присущее въ немъ по большей части сокрыто, пока не обнаружится опытомъ. И никто въ сей жизни, которая вся называется искушеніемъ (Іов. VII, 1), не можетъ не опасаться, какъ бы ему, успѣвши сдѣлаться изъ худшаго лучшимъ — не сдѣлаться опять изъ лучшаго худшимъ. Одна надежда, одно завѣреніе, одно твердое обезпеченіе — это Твое милосердіе.

ГЛАВА 33.

Наслажденія слуха довольно крѣпко меня связали и

порабощали; но Ты разрѣшилъ и освободилъ меня. Теперь при звукахъ, одушевляемыхъ Твоими словами, когда они поются пріятнымъ и искуснымъ голосомъ, признаю, я нѣсколько услаждаюсь; но не такъ, чтобы я не могъ оторваться отъ нихъ, если хочу. Но достигая ко мнѣ вмѣстѣ съ священными изреченіями, ихъ оживляющими, звуки духовныхъ пѣсней ищутъ въ сердцѣ моемъ извѣстнаго мѣста, и едва ли я даю имъ надлежащее. Иногда, мнѣ кажется, я чту эти звуки болѣе надлежащаго, замѣчая, что при однихъ и тѣхъ же священныхъ словахъ сердца наши болѣе возжигаются огнемъ благочестія, когда эти слова поются такъ, чѣмъ если бы они пѣлись иначе; и всѣ наши душевныя движенія по своему различію имѣютъ соотвѣтственныя выраженія въ голосѣ и пѣніи, возбуждая по какой-то таинственной симпатіи тѣже ощущенія въ душѣ слушателя. Но чувственное удовольствіе, которому не слѣдуетъ давать преобладанія надъ умомъ, часто обманываетъ меня, когда не слѣдуетъ терпѣливо за усвоеніемъ смысла пѣснопѣній, но старается ворваться напередъ, и какъ бы вести за собою то, ради чего только и могло быть допущено. Въ этомъ случаѣ я грѣшу безсознательно, но сознаю свой грѣхъ въ-послѣдствіи.

А иногда, чрезмѣрно остерегаясь увлеченій музыкальностью, я грѣшу въ этомъ отношеніи излишнею суровостію, такъ что очень нерѣдко я готовъ удалить отъ ушей своихъ всякую мелодію пріятныхъ пѣснопѣній, наполняющихъ псалтырь Давидову, и даже церковныхъ; мнѣ кажется гораздо безопаснѣе образъ дѣйствій александрійскаго епископа Аѳанасія, о которомъ, помнится, часто мнѣ рассказывали, что онъ приказывалъ произносить псалмы съ такимъ умѣреннымъ колебаніемъ въ голосѣ, что оно болѣе походило на чтеніе, чѣмъ на пѣніе. Но когда я припоминаю слезы, которыя я проливалъ при пѣснопѣніяхъ церкви Твоей въ началѣ моего обращенія къ вѣрѣ, когда замѣчаю, что и теперь я трога-

юсъ не самымъ пѣніемъ, но предметами пѣснопѣній, когда они поются чистымъ голосомъ и съ приличнѣйшею модуляціею, то снова сознаю всю пользу этого учрежденія. Такимъ образомъ я колеблюсь между опасеніемъ удовольствія и опытомъ пользы; и болѣе склоняюсь, не выдавая впрочемъ своего сужденія за непогрѣшительное, къ тому, чтобы одобрить въ церкви обычай пѣнія, дабы чрезъ наслажденія слуха немощный духъ восторгался къ чувству благочестія. Однако, когда мнѣ случается болѣе увлечься пѣніемъ, чѣмъ предметомъ пѣснопѣнія, то я со скорбію сознаю свой грѣхъ, и тогда желалъ бы лучше не слышать пѣвца. Вотъ въ какомъ я положеніи; плачьте за меня вы, которые дѣлаете нѣчто доброе внутри себя, откуда исходятъ дѣла. А вы, которые не дѣлаете добраго, васъ не тронуть мои признанія. Ты же, Господи Боже мой, услыши, призри и виждь, и помилуй, и исцѣли меня, Ты, видящій, что я самъ для себя сталъ загадкою и въ этомъ состоятъ моя слабость.

ГЛАВА 34.

О похоти очей моихъ тѣлесныхъ остается мнѣ сказать въ этихъ признаніяхъ, которыя пусть будутъ выслушаны ушами храма Твоего, ушами братскими и благочестивыми; —и затѣмъ мы закончимъ разсужденіе объ искушеніяхъ похоти плоти, которыя и доселѣ тревожатъ меня *воздыхающаго* и въ *жилище* свое *небесное облещися желающаго* (2 Кор. V, 2). Прекрасныя и разнообразныя формы, блестящія и пріятныя цвѣта—вотъ что любятъ глаза. Да не содержатъ душу мою подъ своею властію впечатлѣнія зрѣнія; да содержитъ ее Богъ, сотворившій все видимое, *добро зъло*; ибо Онъ есть благо мое, а не видимыя вещи. Впечатлѣнія зрѣнія объемлютъ меня во всѣ дни бодрствующаго, и нѣтъ мнѣ отъ нихъ покоя, какъ бываетъ покой отъ звуковъ пѣнія, иногда отъ всѣхъ во время молчанія. Ибо и сама царица

цвѣтовъ—свѣтъ, проникающій все, созерцаемое нами,—гдѣ бы я ни былъ днемъ, многообразными преломленіями лучей ласкаетъ мой взоръ, даже когда я занятъ чѣмъ нибудь другимъ, не обращая на это вниманія. Тѣмъ не менѣе вліяніе свѣта такъ сильно, что если внезапно свѣтъ исчезаетъ, мы ищемъ его съ усердіемъ и сокрушаемся при долгомъ его отсутствіи.

О свѣтъ, видѣнный Товіею, когда онъ съ замкнутыми глазами училъ сына своего пути жизни и непреткновенною ногою предшествовалъ ему по стези любви (Тов. гл. IV и VII)! О свѣтъ, видѣнный отягченными и закрытыми отъ старости очами Исаака, когда онъ сподобился, не узнавши сыновей, благословить ихъ, а узнать ихъ, благословивъ (Быт. гл. XXVII.)! О свѣтъ, видѣнный Іаковомъ, когда онъ, при глубокой старости своей, восхищенный взорами далеко въ будущее, свѣтоноснымъ сердцемъ озарялъ въ сыновьяхъ своихъ имѣющія быть племена грядущаго народа, и на внуговъ своихъ отъ Іосифа налагалъ таинственно переверщенные руки, не какъ отецъ предполагалъ, но какъ самъ онъ предполагалъ (Быт. XLVIII и XLIX)! Это свѣтъ самъ въ себѣ, свѣтъ единый, и едино суть всѣ, которые видятъ и любятъ его. А этотъ тѣлесный свѣтъ, о которомъ я говорилъ, приманчивый и опасный своею сладостію, услаждаетъ временную жизнь слѣпымъ любителямъ ея. А тѣ, которые умѣютъ хвалить Тебя, Боже Творче всего, и за самый свѣтъ, тѣ возносятъ его въ гимнѣ Твоемъ, но не уносятся имъ во снѣ своемъ: такимъ желаю быть и я. Я противлюсь оболъщеніямъ очей, да не совертятся стопы мои, шествующія по пути Твоему; и возвожу къ Тебѣ невидимыя очи, да изведешь изъ пропасти нозѣ мои (Псал. XXIV, 15). Ты исторгнешь ихъ оттуда, иначе онѣ втянутся трясиную. Ты не перестаешь исторгать ихъ, тогда какъ я продолжаю часто по-

грязать въ разсѣянныхъ всюду трясинахъ; ибо *не воздрем-
лешь, ниже уснешь, храняй Израиля* (Псал. СХХ, 4).

Какъ безконечно много придумали люди для приманки очей съ помощію различныхъ искусствъ и художествъ, въ одеждахъ, обуви, сосудахъ и тому подобныхъ издѣліяхъ, также въ живописи и различныхъ изваяніяхъ, въ вещахъ, далеко выходящихъ за предѣлы умѣреннаго и необходимаго употребленія и благочестиваго знаменованія; въѣ себя они слѣдили за предметами своего творчества, внутри себя оставляли своего Творца, и забывали, на что сотворены. А я, Боже мой, красота моя, и при созерцаніи прекрасныхъ дѣлъ ружь челоувѣческихъ, пою Тебѣ гимнь и посвящаю хвалу освятителю моему; ибо красота, устрояемая по предначертаніямъ души художественными ружами, происходитъ отъ той красоты, которая превыше всего и къ которой воздыхаетъ душа моя день и ночь. Но творцы и любители наружной красоты находятъ здѣсь поводъ къ похвалѣ, но не поводъ къ назиданію. Онъ тутъ же, но люди не видятъ его, да не идутъ далѣе и *державу* свою къ Тебѣ *сохранять* (Псал. LVIII, 10), не растрчивая ея въ разсѣянныхъ удовольствіяхъ. И я, говорящій и разсуждающій такъ, тоже погрязая среди этихъ прекрасныхъ предметовъ; но Ты исторгашь меня, Господи, исторгашь меня, *яко милость Твоя предъ очима моими есть* (Псал. XXV, 3). Ибо и я увлекаюсь жалостнымъ образомъ, и Ты исторгашь меня милосердо, иногда такъ, что я и не чувствую этого, если не зашелъ еще въ глубину пристрастія, иногда съ болію, если я погрязъ глубоко.

ГЛАВА 35.

Есть еще видъ искушенія, несравненно болѣе опасный. Кромѣ похоти плоти, которая состоитъ въ полномъ удовольствіи всѣхъ чувствъ и страстей и предаваясь которой

погибаютъ всё удаляющіеся отъ Тебя, Господи, есть еще въ нашей душѣ, отъ тѣлесныхъ чувствъ, какое-то пустое желаніе не только получать пріятныя ощущенія тѣломъ, но и испытать все чрезъ тѣло,—какая-то суетная страсть любопытства, украшающаяся именемъ знанія и мудрости. Такъ какъ эта страсть состоитъ въ стремленіи къ знанію, а глаза преимущественно предъ всеѣми другими чувствами служатъ орудіями познанаія, то она въ словѣ Божіемъ названа *похотію очесъ* (Іоан. II, 16). *Видѣть*—собственно дѣло глазъ.—Но мы пользуемся этимъ словомъ и для остальныхъ чувствъ, если рѣчь идетъ о познанаіи. Мы не говоримъ: *послушай, что это темнѣетъ*, или: *понухай, какъ блескитъ*, или: *отвѣдай, какъ искрится*, или: *дотронься, какъ это сіяетъ*. Но о всемъ этомъ мы дозволяемъ себѣ употреблять слово *позляди*. Мы не только говоримъ: *позляди, какъ свѣтло*, о чемъ могутъ дать знать только глаза; но и говоримъ также: *смотри, какъ звучитъ*, *гляди, какъ пахнетъ*, *гляди, какъ вкусно*, *смотри, какъ твердо*. Потому всё наблюденія чувствъ называются, какъ сказано, *похотію очесъ*, такъ какъ дѣло созерцаія, которое преимущественно принадлежитъ глазамъ, усвояютъ себѣ по аналогіи и прочія чувства, когда наблюдаютъ что-либо для знанія.

Изъ этого становится очевиднѣе различіе между обнаруженіями во внѣшнихъ чувствахъ—похоти плотской и похоти очесъ. Похоть плоти гоняется за красивымъ, благозвучнымъ, сладкимъ, вкуснымъ, мягкимъ. Похоть же очесъ стремится испытать даже противоположныя ощущенія, не для того, чтобы подвергнуть себя неудовольствію, но по любопытству и страсти къ знанію. Какъ наприм. можетъ побудить похоть плоти къ разсматриванію истерзаннаго трупа, котораго боишься,—и все-таки, туда гдѣ лежитъ трупъ, сбѣгаются толпы народа, чтобы возбудить въ себѣ ужасъ и сожалѣніе.

Даже бояться, что увидятъ этотъ трупъ во снѣ, какъ будто кто принуждалъ ихъ смотрѣть наяву, или привлекалъ какой нибудь слухъ о его красотѣ. Тоже самое и относительно другихъ чувствъ, что прослѣдить—было бы долго. Въ слѣдствіе такой болѣзни—любопытства и на зрѣлищахъ представляются разныя чудеса. Отсюда является стремленіе къ познанію тайнъ природы (которая внѣ насъ); это знаніе не приноситъ никакой пользы, да люди ничего и не ищутъ въ немъ кромѣ знанія. Изъ того же стремленія къ извращенному знанію получили свое начало искуства магиговъ. Даже въ религіи самой, потому же побужденію, испытываютъ Бога, когдъ трѣбуютъ знаменій и чудесъ не для спасенія кого нибудь, но единственно изъ любопытства.

Въ этомъ безграничномъ лѣсу, полномъ засадъ и опасностей, я уже минулъ многое и сдѣлался ко многому равнодушенъ, благодаря Твоей благодатной помощи, Боже спасенія моего; но все-таки, когда ежедневную жизнь нашу окружаетъ столь много предметовъ возбуждающихъ любопытство, какъ осмѣлюсь я сказать, что ни одинъ изъ нихъ не возбудитъ во мнѣ вниманія и увлеченія пустымъ любопытствомъ. Конечно, меня уже не увлекутъ театральныя зрѣлища, я не стараюсь узнать теченія звѣздъ, мой духъ не вопрошаетъ тѣни умершихъ, для меня отвратительны всѣ святотатственныя тайны. Какими хитрыми способами ни внушаетъ мнѣ врагъ просить какого нибудь знаменія отъ Тебя, Господи Боже мой, Коему я обязанъ служить въ простотѣ и смиреніи; но клянусь Тебѣ именемъ нашего Царя и Иерусалимомъ небеснымъ, отечествомъ простоты и святости, что какъ въ настоящее время далека отъ меня эта мысль, такъ далека она и еще далѣе отъ меня пребудетъ и на всегда. Если же я прошу Тебя о спасеніи кого либо, то къ этой просьбѣ я имѣю совершенно иное побужденіе, и Ты, содѣлывающій по желанію своему, охотно даруешь и

будешь внушать мнѣ желаніе слѣдовать Тебѣ, что бы Ты ни творилъ.

Но кто исчислитъ какое огромное число презрѣнныхъ, ничтожныхъ предметовъ искушаютъ ежедневно наше любопытство и какъ часто мы падаемъ? Не всегда ли мы, какъ-бы не желая оскорблять слабыхъ, сначала равнодушно обращаемъ вниманіе на бессмысленные разговоры, а потомъ мало по малу съ охотою прислушиваемся къ нимъ? Я уже не хожу въ циркъ смотрѣть на погоню собаки за зайцемъ, но если на полѣ случайно встрѣчаю такое зрѣлище,—оно неодолимо отвлекаетъ меня отъ самыхъ глубокихъ думъ и увлекаетъ собою; я не побѣгу въ сторону—за бѣгущимъ животнымъ, но все таки слѣжу за нимъ съ сердечнымъ любопытствомъ. И если Ты, обнаживъ предо мною мою немощь, не внушишь мнѣ скоро—или отъ видимаго зрѣлища обратиться съ какою либо мыслию къ Тебѣ, или совершенно презрѣть и оставить его безъ вниманія, то я смотрю на него бессмысленно и тупо. Точно также, когда я сижу дома, развѣ не отвлекаетъ часто мое вниманіе ящерица, ловящая мухъ, или паукъ, затягивающій попадающихъ мухъ въ свою пряжу? И въ этихъ малыхъ насѣкомыхъ не проявляется ли дѣйствіе той же самой творческой силы? И такъ буду хвалить Тебя, чудный творецъ и устроитель всѣхъ вещей, но не буду чрезмѣрно устремлять на нихъ свое вниманіе.—Иное дѣло встать скоро; иное—вовсе не падать. А такими паденіями полна моя жизнь, и единственная надежда моя—неизчерпаемое богатство милосердія Твоего. Ибо когда наше сердце полно такого рода предметами, и заключаетъ въ себѣ безчисленное множество суетнаго,—то и молитвы наши отъ этого часто прерываются и смущаются. И когда мы предъ лицомъ Твоимъ взываемъ воплемъ сердца къ слуху Твоему,—столь святое дѣло нарушается

неизвѣстно откуда привходящими совершенно пустыми помыслами.

ГЛАВА 36.

Неужели мы, видя, что Ты благоволилъ измѣнить насъ, будемъ оставлять это безъ вниманія, или полагать надежду свою въ чемъ либо иномъ, кромѣ милосердія Твоего? Ты знаешь, въ какой мѣрѣ Ты измѣнилъ меня,—Ты, Который первоначально исцѣляешь меня отъ господствующей надо мною страсти, чтобы потомъ очистить всѣ остальные беззаконія мои, исцѣлить всѣ недуги мои, избавить отъ истлѣнія животъ мой, вѣнчать меня милостію и щедротами, исполнить во благихъ желаніе мое (Псал. СII, 3—5.); такъ-какъ Ты подавилъ мою гордость *страхомъ Твоимъ* и подклонилъ выю мою подъ иго Твое. Нынѣ несу его, и легко оно для меня, потому что Ты такъ общалъ и сдѣлалъ (Матѣ XI, 30). Дѣйствительно, это было такъ, и я не сознавалъ этого, когда боялся подчиниться игу Твоему. Но повѣдай мнѣ, Господи,—Ты, Который одинъ господствуешь, не воздымаясь, потому что одинъ Ты истинный господинъ, не имѣющій надъ собою владыки,—повѣдай мнѣ, удалились ли отъ меня искушенія третьяго рода, и могутъ ли они оставить меня когда либо въ эту жизнь? Желать пользоваться любовію и уваженіемъ отъ людей—единственно потому, что приэтомъ является какая-то радость, которая впрочемъ не можетъ быть названа радостію,—это пустая жизнь и гнусное тщеславіе. Отсюда по большей части происходитъ то, что къ Тебѣ не питаютъ любви и не боятся Тебя, чистосердечно. Поэтому Ты *гордымъ противишься, смиреннымъ же даешь благодать* (1 Петр. V, 5); гремятъ громы Твои надъ гордынею вѣба сего и колеблются основанія горъ. И такъ какъ нѣкоторые званія въ человѣческомъ обществѣ необходимо пользуются любовію и почтеніемъ; то врагъ истиннаго спасенія нашего,

повсюду разставляя сѣти, побуждаетъ насъ: *скорѣй, скорѣй*, чтобы мы, жадно собирая почести, не замѣтнымъ образомъ дѣлались его плѣнниками, и, удаляясь отъ истины Твоей—спасенія нашего, предавались человѣческимъ обольщеніямъ, и находили большее удовольствіе—въ людской любви и почительности, не ради Тебя, но вмѣсто Тебя. Такимъ образомъ дѣлаешь насъ своими сообщниками, не по общенію любви, но по участию въ наказаніи тотъ, кто рѣшился *поставить престолъ свой на сѣверь* (Ис. XIV, 13—15), чтобы люди во мракѣ и хладѣ служили ему, превратно и дерзко посягавшему на Твое величіе. Мы же, Господи, *малое стадо* Твое (Лук. XII, 32), —Ты обладай нами. Распрости крылѣ, и укроемся подъ ними. Ты наша слава, да будемъ любимы ради Тебя и въ насъ да будетъ чтимо Слово Твое. Кто желаетъ похвалъ отъ людей, когда Ты его оуждаешь, не найдетъ ни защиты у людей, на судѣ Твоемъ, ни спасенія, при осужденіи отъ Тебя. Но если *грѣшникъ порицается въ похотяхъ души своей, а праведникъ восхваляется за тотъ даръ, который Ты далъ ему* (Псал. X, 23), между тѣмъ болѣе радъ бываетъ тому, что его хвалятъ, чѣмъ тому, что онъ обладаетъ даромъ, который пріобрѣтаетъ ему похвалу, даже и тогда, когда Ты порицаешь его, онъ старается пріобрѣтать похвалу, то конечно лучше уже тотъ, кто похвалилъ, чѣмъ тотъ, кто получилъ похвалу; потому что тому пріятенъ даръ Божій, а этому гораздо болѣе пріятенъ даръ человѣческій, чѣмъ Божій.

ГЛАВА 37.

Ежедневно мы подвергаемся искушеніямъ, Господи, каждую минуту подлежимъ испытанію. Мнѣніе людей—наше ежедневное горнило. Ты заповѣдуешь намъ воздержность и въ этомъ: даруй же, что предписываешь, и предписывай,

что хочешь. Тебѣ извѣстны воздыханія сердца моего объ этомъ и слезы очей моихъ къ Тебѣ. Ибо я съ трудомъ *разумно*, становлюсь ли я чище отъ этой язвы, и весьма опасаясь *тайныхъ* грѣхопадений (Псал. XVIII, 13), которые извѣстны очамъ Твоимъ, но не моимъ. При какихъ-нибудь другихъ искушеніяхъ я имѣю возможность сознавать себя, но при искушеніяхъ тщеславія—почти никакой. Ибо я сознаю, насколько я приобрѣлъ силу для обузданія моего духа отъ похоти плоти и отъ стремленія къ ненужнымъ знаніямъ (отъ похоти очей), когда лишаю самъ себя предметовъ этихъ страстей или когда ихъ нѣтъ; потому что тогда я дѣлаю себѣ вопросъ,—насколько тяжело мнѣ обходиться безъ нихъ. Предметы, служащіе для удовлетворенія какой-нибудь изъ этихъ трехъ страстей, или двухъ изъ нихъ, или всѣхъ, если духъ не можетъ дать себѣ отчета, точно ли равнодушенъ къ нимъ, могутъ быть отдалены для самосознательной провѣрки себя. Но чтобы лишиться похвалы и испытать, насколько мы можемъ снести это лишеніе,—неужели мы должны вести худую жизнь, столь развратную и безчеловѣчную чтобы всякій, кто насъ знаетъ, насъ презиралъ? Что нелѣпѣе можно выдумать или сказать? А если похвала обыкновенно сопровождаетъ и должна сопровождать добрую жизнь и добрыя дѣла, то развѣ не должно столько же желать спутницы, сколько самой доброй жизни? Но пока я не лишился извѣстнаго предмета, я не могу почувствовать, съ тягостію или равнодушно перенесу его лишеніе.

Въ чемъ же, Господи, признаюсь Тебѣ, говоря объ этомъ предметѣ искушеній? Въ чемъ, если не въ томъ, что похвалы мнѣ доставляютъ удовольствіе, но не столько похвалы, сколько сама добродѣтель? Ибо, если бы мнѣ предложили—или будучи злымъ и заблуждающимся во всемъ, получать похвалы отъ всѣхъ, или будучи постояннымъ и твердымъ въ добродѣтели быть всѣми оуждаемымъ,—очевидно, что бы я

избралъ. Даже не пожелалъ бы похвалы изъ чужихъ устъ, умножая свою радость о сдѣланномъ добромъ дѣлѣ. Но я сознаю, что не только такая похвала увеличиваетъ мою радость, но и поношеніе уменьшаетъ ее. И когда меня возмущаетъ моя слабость, то вмѣстѣ съ тѣмъ представляется и оправданіе ей; какого рода это оправданіе—Ты знаешь, Боже мой;—но меня оно дѣлаетъ не рѣшительнымъ. Такъ какъ Ты предписалъ намъ не только воздержаніе, т. е. къ чему мы не должны пристращаться, но вмѣстѣ и справедливость, т. е. куда мы должны обращать любовь, и Тебѣ благоугодно чтобы мы любили не только Тебя, но вмѣстѣ и ближняго нашего: то мнѣ часто кажется, что я радуюсь о преуспѣяніи ближняго въ добрѣ, когда радуюсь, что онъ одобряетъ признанное добрымъ,—и наоборотъ мнѣ кажется, что я сожалею о несовершенствѣ ближняго, когда слышу, что онъ порицаетъ то, что неизвѣстно ему или то, что хорошо. Поэтому-то я недоволенъ иногда, когда меня хвалятъ, если хвалятъ во мнѣ то, что мнѣ самому не нравится, или мои ничтожныя и малозначащія добродѣтели цѣнятъ гораздо выше, чѣмъ они того заслуживаютъ. Но съ другой стороны, почему я знаю, не проистекаетъ ли мое неудовольствіе отъ того, что мнѣ горестно видѣть своего хвалителя смотрящимъ на меня съ другой точки зрѣнія, чѣмъ я самъ; а въ этомъ случаѣ мною движетъ не забота о пользѣ ближняго, но то обстоятельство, что добродѣтели мои, которыя нравятся мнѣ, еще болѣе дѣлаются пріятными, когда нравятся и другимъ. Я нѣкоторымъ образомъ не сознаю похвалъ, если самъ не одобряю своего поведенія, когда напр. хвалятъ то, что мнѣ не нравится, или слишкомъ прославляютъ то, что мнѣ не такъ нравится. Неужели изъ этого слѣдуетъ, что я не знаю самъ себя?

Изъ Твоего примѣра, о Истина (правый Боже), я вижу что я долженъ обращать вниманіе на похвалы не ради себя, но ради пользы ближняго. Такъ ли я поступаю—не знаю.

Въ этомъ я извѣстенъ себѣ менѣе, чѣмъ Тебѣ. Умоляю Тебя, Боже мой, открой мнѣ меня самого, чтобы я исповѣдался своимъ братьямъ, которые будутъ возсылать молитвы о мнѣ, какія язвы я увижу въ себѣ. Послѣ этого я еще тщательнѣе изучалъ бы себя.

Если я, слушая похвалы себѣ, имѣю въ виду пользу ближняго, то почему я менѣе возмущаюсь, когда несправедливо поносятъ кого-нибудь другаго, чѣмъ когда поносятъ меня? Почему я болѣе уязвляюсь оскорбленіями, направленными противъ меня, чѣмъ оскорбленіями, которыя въ моемъ присутствіи также несправедливо наносятся кому-либо другому? Или и этого я не знаю? Неужели остается сказать, что я обманываю самъ себя и не дѣлаю предъ Тобою правды ни сердцемъ, ни языкомъ своимъ? Болѣзнь эту, Господи, далеко сотвори отъ меня, да не будутъ уста мои для меня *елеемъ грѣшника, намащающимъ главу мою* (Псал. СХL, 5).

ГЛАВА 38.

Я бѣденъ и ничтоженъ — и гораздо лучше, если я съ сердечнымъ сожалѣніемъ разочаровываюсь въ себѣ и ищу милосердія Твоего, доколѣ мои немощи не будутъ исцѣлены и пока я не достигну мира, котораго не знаетъ око гордыхъ. Слова, нами произносимыя, и дѣла наши, извѣстныя другимъ подпадаютъ вслѣдствіе любви къ славѣ опаснѣйшему искушенію. Наша любовь къ славѣ для собственнаго превозношенія собираетъ случайно высказанныя объ насъ мнѣнія, и, когда я самъ себя обвиняю, находитъ поводъ гордиться даже моимъ самоукореніемъ; часто человѣкъ тщеславится собственнымъ презрѣніемъ къ тщеславію; такимъ образомъ онъ недостойнъ похвалы за свое презрѣніе къ славѣ, потому что не презираетъ ее, когда въ душѣ хвалитъ самъ себя.

ГЛАВА 39.

Точно также въ душѣ нашей есть еще иное зло, принадлежащее къ тому же роду искушеній; въ немъ погрязаютъ тѣ, которые о себѣ много думаютъ и любятъ собою; хотя другіе не одобряютъ или даже порицаютъ ихъ, но они и не заботятся заслуживать одобренія у другихъ. Но таковые люди, довольствуясь только собою, тѣмъ болѣе не могутъ быть угодны Тебѣ, не только потому, что не имѣя добродѣтелей хвалятся какъ бы имѣющіе ихъ, но еще и потому, что Твоими дарами хвалятся, какъ своими собственными, или какъ пріобрѣтенными лично заслугою, или признавая эти дары ниспосланными по благодати, не сорадуются общему благу, а только завидуютъ въ томъ другимъ. Ты видишь смятеніе сердца моего во всѣхъ этихъ и подобныхъ затрудненіяхъ и опасностяхъ, и раны мои отъ этого все болѣе и болѣе исцѣляются Тобою, и я чувствую, что онъ становятся все легче и легче.

ГЛАВА 40.

Гдѣ Ты не сопутствовала мнѣ, о Истина, научая, чего остерегаться и чего желать. Когда я предствлялъ на судъ Твой то, что могъ созерцать? Я разъяснилъ внѣшній міръ чувствами, какимъ онъ доступенъ, я подвергъ наблюденію жизнь собственнаго тѣла и самыя чувства свои. Отселѣ я перешелъ въ сокровища своей памяти, обширныя пространства, полныя чудными и безчисленными богатствами, и созерцалъ ихъ, и убоился, и не могъ ничего разсмотрѣть безъ Тебя, но все это было — не Ты. И не самъ я выдумалъ все, что есть въ памяти, пересмотрѣвши все и постаравшись разобрать и оцѣнить все по достоинству: иное воспринялъ я отъ внѣшнихъ чувствъ, иное, соединенное съ собою, подвергъ наблюденію внутренняго чувства, самыя чувства я подвергъ разсмотрѣнію и анализу, и уже въ об-

ширныхъ владѣнiяхъ памяти иное пропускалъ мимо, иное сохранялъ, иное выбрасывалъ. Но ни самъ я при этомъ дѣйствiи, ни способность моя, съ помощiю которой я совершалъ это, не были Ты; ибо Ты свѣтъ пребывающiй, предъ которыми я разсматривалъ все, существуетъ ли, что существуетъ, какой цѣны достойно, и слышалъ Твои вразумленiя и повелѣнiя. Я часто это дѣлаю; я нахожу въ этомъ удовольствiе, къ которому возвращаюсь всякiй разъ, когда могу освободиться отъ необходимыхъ занятiй. И ни въ чемъ этомъ, что я пересматриваю при свѣтѣ Твоихъ вразумленiй, я не нахожу безопаснаго мѣста для души своей, кромѣ Тебя, въ которомъ собираются мои разсѣянные помыслы, чтобы ничто, находящееся во мнѣ, не удалялось отъ Тебя. Иногда Ты ввергаешь меня въ великое и необычное и неизреченно сладкое внутреннее сотрясенiе, и если бы оно утвердилось во мнѣ, я не знаю, что это за блаженная жизнь была бы. Но я опять ниспадаю во внѣшнiй мiръ, оттягиваемый къ нему тягостнымъ балластомъ, и поглощаюсь обычными впечатлѣнiями и удерживаюсь въ нихъ, и много плачу, но много удерживаюсь. Такова тягостная сила привычки! Въ одной сферѣ я могу быть, но не хочу; въ другой хочу, но не могу; несчастенъ я отвсюду.

ГЛАВА 41

Вотъ я разсмотрѣлъ немощи грѣховъ моихъ въ тройной похоти, и призналъ десницу Твою для спасенiя моего. Я узрѣлъ свѣтъ Твой уязвленнымъ сердцемъ и будучи пораженъ имъ возопилъ: кто возможетъ здѣсь? *Отвержень есмь отъ лица очю Твоею* (Псал. XXX, 23). Ты—Истина, надъ всѣмъ царствующая; а я по жадности своей хотѣлъ не лишиться Тебя, но вмѣстѣ съ Тобою обладать и ложью; такъ-какъ никто не захотѣлъ бы до того быть ложнымъ, чтобы и самому не знать, въ чемъ состоитъ истина. И та-

кимъ образомъ я потерялъ Тебя, поелику Ты не благоволишь обитать вмѣстѣ съ ложью.

ГЛАВА 42.

Къ кому же обращаюсь я для примиренія съ Тобою? Быть можетъ къ ангеламъ? Съ какою молитвою? Съ какими таинствами? Многіе, какъ я слышу, стараюсь возвратиться къ Тебѣ и не имѣя къ тому возможности собственными силами, покушались обратиться къ ангеламъ, прониклись желаніемъ любопытныхъ видѣній и оказались достойными иллюзій. Возгордившись, они искали Тебя въ надутомъ ученіи, болѣе выставляя грудь, чѣмъ бія въ перси своя, и соотвѣственно настроенію сердца своего привлекли къ себѣ сообщниковъ и участниковъ въ своей гордости силы воздушныя (Еф. II, 2), которыми прельщены были чрезъ магію, ища посредника для своего очищенія; но его не было. Ибо то былъ діаволь, *преобразующійся во ангела свѣтла* (2 Кор. XI, 14). Онъ много поблажалъ гордой плоти, потому что самъ не обладалъ плотскимъ тѣломъ. Эти люди были грѣшники и смертные, а Ты—Господь, съ Которымъ они хотѣли гордо примириться, безсмертенъ и безъ грѣха. Посредникъ же между Богомъ и людьми (1 Тим. II, 5) долженъ былъ имѣть нѣчто, подобное Богу, нѣчто, подобное людямъ; иначе, будучи во всемъ подобенъ людямъ, былъ бы далекъ отъ Бога, и наоборотъ, будучи во всемъ подобенъ Богу, былъ бы далекъ отъ людей, и такимъ образомъ не былъ бы посредникомъ. А лживый тотъ посредникъ, въ обманахъ котораго гордость его, по тайнымъ судьбамъ твоимъ принимаетъ праведное наказаніе, имѣетъ одно общее съ людьми, то есть грѣхъ; хочетъ казаться имѣющимъ нѣчто общее и съ Богомъ, такъ-какъ облеченный смертнымъ тѣломъ выдаетъ себя за безсмертнаго. Но поелику *оброцы грѣха—смерть* (Рим. VI, 22); то и въ этомъ случаѣ онъ имѣетъ то общее съ людьми, что вмѣстѣ осудится на смерть.

ГЛАВА 43.

Истинный посредникъ, Котораго Твое сокровенное милосердіе предназначило для людей смиренныхъ и Котораго Ты послалъ, чтобы изъ Его примѣра мы научились самому смиренію, этотъ посредникъ Бога и человѣковъ—человѣкъ Христось Іисусъ явился между подлежащими смерти грѣшниками и безсмертною Правдою. Смертенъ какъ люди, праведенъ какъ Богъ. Такъ-какъ награда праведности есть жизнь и миръ, то Онъ праведностію своею, свойственною Ему, какъ Богу, упразднилъ для грѣшниковъ стремящихся къ праведности смерть,—смерть, которой Онъ самъ благоволилъ пріобщиться вмѣстѣ съ ними. Онъ былъ извѣстенъ древнимъ святымъ, такъ-что они спаслись вѣрою въ Его будущія страданія, подобно тому какъ мы спасаемся вѣрою въ Его прошедшія страданія. Онъ былъ посредникомъ, только какъ человѣкъ; какъ Слово, Онъ не занималъ середины, такъ-какъ Онъ былъ равенъ Богу, былъ Богъ, у Бога, и вмѣстѣ съ Духомъ Святымъ былъ единый Богъ. Отче благій! Какъ вѣрно Ты полюбилъ насъ, Ты *не пощадилъ Сына Твоего Единороднаго, но за всѣхъ насъ* нечестивыхъ *предалъ Его* (Рим. VIII, 32). Какъ вѣрно возлюбилъ насъ! За насъ Онъ, не считавшій *хищеніемъ быть равнымъ Тебѣ, послушливъ былъ даже до смерти, смерти же крестныя* (Фил. II, 6—8). Онъ одинъ *свободный среди мертвыхъ* (Псал. LXXXVII, 6), *имѣющій власть положить душу свою и власть паки пріяти ю* (Іоан. X, 18). Онъ за насъ предсталъ Тебѣ побѣдителемъ и жертвою—побѣдителемъ, потому что былъ жертвою за насъ; Онъ предсталъ предъ Тобою первосвященникомъ и жертвою, первосвященникомъ, потому что былъ жертвою. Онъ изъ рабовъ сдѣлалъ насъ Твоими дѣтьми, и будучи рожденъ Тобою, послужилъ намъ. Поистинѣ въ Немъ получаетъ силу мое упо-

ваніе. потому-что Ты исцѣляешь всѣ недуги мои чрезъ Тебя, Кто *возстаетъ одесную Тебя и ходатайствуетъ о насъ* (Рим. VIII, 34); иначе я впалъ бы въ отчаяніе. Ибо многочисленны и велики недуги мои, но еще безграничнѣе цѣлебная сила Твоя. Мы могли бы думать, что Слово Твое далеко отъ общенія съ нами, что Оно не заботится о насъ, если бы Оно не было плотію и не обитало въ насъ.

Будучи устрашенъ моими прегрѣшеніями, и крайнимъ безсиліемъ моимъ, я пришелъ въ такое смущеніе, что сталъ думать о бѣгствѣ въ пустыню; но Ты запретилъ мнѣ это и подкрѣпилъ меня, говоря: *Христосъ за всѣхъ умре, да живущіи не кому себѣ живутъ, но умершему за нихъ* (2 Кор. V, 15). Вотъ, Господи, я ввѣрю себя попеченію Твоему, пусть я буду жить и *уразумѣю чудеса отъ закона Твоего* (Псал. CXVIII, 18). Ты знаешь неопытность мою и безсиліе мое: научи меня и исцѣли меня. Единородный Сынъ Твой, *въ немже суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (Колос. II, 3.), искупилъ меня кровію своею. Пусть не смѣются надо мною гордые; я знаю цѣну мою, и вкушаю и пью и причащаюсь ея, и окаянный желаю насытиться ею, среди тѣхъ, которые *ядутъ и насыщаются и восхваляютъ Господа взыскающіи Его* (Псал. XXI, 27).

КНИГА ОДИНАДЦАТАЯ.

Въ заключеніе, блаж. Августинъ, послѣ исповѣди своей, доведенной имъ до своего обращенія и крещенія, имѣя въ виду постоянно славу Божию, какъ бы въ засвидѣтельствованіе какъ собственнаго безилія, такъ свыше дарованнаго ему просвѣщенія въ познаніи священнаго Писанія, или той любви, съ какою онъ преданъ былъ этому Писанію, по дару божественному и священному долгу своему, пытается въ послѣднихъ трехъ книгахъ

(XI—XIII) изяснить начальныя слова бытописателя о міро-твореніи: въ началѣ сотвори Богъ небо и землю..... до словъ: и почи въ день седмый стѣ всѣхъ дѣлъ своихъ. И въ этой книгѣ прежде всего объясняетъ слова: въ началѣ сотвори Богъ небо и землю. Здѣсь встрѣчается онъ съ богохульствующими противниками, которые возражаютъ: что же дѣлалъ Богъ прежде нежели сотворилъ небо и землю? и откуда пришло Ему на мысль творить то, чего не творилъ прежде? Занимаясь опроверженіемъ ихъ возраженій, блаж. Августинъ самъ вдается въ пространное и утонченное разсужденіе о времени ¹⁾.

ГЛАВА I.

Неужели Ты, Господи, обладая вѣчностію, Тебѣ одному свойственную, не имѣющею ни начала ни конца, но всег-

---

¹⁾ Исповѣдь свою блаж. Августинъ довелъ до времени своего обращенія и крещенія, и закончилъ ее предыдущею (X) книгою. Ясно, что онъ имѣлъ въ виду исповѣдать предъ Богомъ и людьми съ одной стороны о своихъ человѣческихъ слабостяхъ и милосердіи Божіемъ и оставить навсегда въ этой исповѣди памятникъ души кающейся и благодарной, а съ другой заявить на себѣ поразительный примѣръ неизмѣнной правды и благости Божіей. „И добродѣтельные люди (говоритъ самъ Августинъ въ 3 главѣ предыдущей X книги), которые проводили прежде жизнь порочную, а потомъ покаялись и обратились на путь правый, не безъ радости вспоминаютъ о прошедшей жизни; но радость ихъ происходитъ не отъ того, что они жили когда-то порочно, а отъ того, что они изъ порочныхъ сдѣлались добродѣтельны. Вотъ въ чемъ состоитъ плодъ исповѣди моей (продолжаетъ онъ далѣе въ слѣдующей главѣ той же книги): не въ томъ, каковъ я былъ прежде, но въ томъ, каковъ я теперь—исповѣдать это не только предъ Тобою въ тайнѣ... но и открыто предъ вѣрующими сынами человѣческими, соучастниками въ радости моей и сообщниками въ смертности моей, согражданами и спутниками моими въ жизни сей, и прежде меня бывшими и послѣ меня имѣющими быть... рабами Твоими и братіями моими, которыхъ Ты благоволилъ усыновить Себѣ, на служеніе коимъ поставилъ Ты меня..... возвѣщу же имъ, тѣмъ, коимъ Ты заповѣдалъ мнѣ

да сущюю, не вѣдаешь того, что я Тебѣ сказываю, или на время только видишь то, что совершается во времени? Для чего же я рассказываю Тебѣ о столь многихъ предметахъ? Конечно не для того, чтобы Ты чрезъ меня узналъ ихъ; но для возбужденія любви къ Тебѣ въ себѣ, а равно и въ тѣхъ,

---

служить, возвѣщу имъ не о томъ, каковъ я былъ въ прошедшемъ моемъ, но—каковъ я есмь въ настоящемъ моемъ, и чего ожидаю въ будущемъ, имѣя въ виду не себя только, но и собратій своихъ; не буду впрочемъ судить о себѣ самъ: итакъ пусть послушаютъ меня“. А въ 236 письмѣ своемъ къ Дарію Комиту, просившему Августина прислать ему книги своей Исповѣди, онъ такъ между прочимъ выразился. „Прими книги Исповѣди моей, о которой ты просилъ меня. По нимъ суди обо мнѣ; не восписывая мнѣ похвалъ выше надлежащаго; мнѣ въ нихъ вѣрь, а не другимъ обо мнѣ; разсмотри въ нихъ внимательно меня, и присмотришь, что я былъ въ себѣ самъ по себѣ. Если же что поправится тебѣ во мнѣ, при чтеніи ихъ, то прославь вмѣстѣ со мною Того, Кого я желалъ прославить, но отнюдь не восхваляй меня: яко *Господь Той есть Богъ нашъ, Той сотвори насъ, а не мы сами себя* (Псал. 99, 3); мы же только паденіемъ своимъ погубили себя. Но—Кто сотворилъ насъ, Тотъ и падшихъ насъ возстановилъ. И если ты найдешь меня въ числѣ возставшихъ; то молись за меня, чтобы мнѣ никогда уже не отпадать, а болѣе и болѣе возвышаться и усовершенаться“. Другой половины жизни своей, и при томъ значительно многоплоднѣйшей, онъ вовсе не касается, да и не имѣлъ этого въ виду. Исповѣдь прилична грѣшнику, а не праведнику. Итакъ, окончивъ свою исповѣдь, которую писалъ около 400 г. по Р. Х., слѣд. по истеченіи болѣе 12 лѣтъ послѣ своего обращенія и крещенія, въ началѣ своего епископства, за 30 лѣтъ до своей кончины, Августинъ, какъ бы въ заключеніе ея, приступивъ въ выполненію пастырской обязанности своей, состоящей главнымъ образомъ въ проповѣди и изъясненія слова Божія, присовокупилъ къ этой Исповѣди, въ послѣднихъ трехъ книгахъ (XI—XIII), опытъ изъясненія первоначальныхъ словъ Библіи, изъ книги Бытія о міротвореніи, выдерживая и здѣсь тотъ же характеръ Исповѣди.

которые будутъ читать эти строки,—чтобы всѣмъ намъ звать: *велий Господь и хвалень зпло, и величїю Его нльсть конца* (Псал. СXLIV, 3)! Я сказалъ уже и еще скажу: изъ любви къ любви Твоей я дѣлаю это. И въ самомъ дѣлѣ! Мы не перестаемъ же молиться, хотя сама Истина ясно говорить намъ: *знаеть Отецъ, въ чемъ вы имьете нужду, прежде вашего прошенїя у Него* (Матѣ. VI, 8). Слѣдовательно, исповѣдуя предъ Тобою всю глубину бѣдствїй нашихъ и всю высоту милосердія Твоего къ намъ, мы заявляемъ этимъ любовь нашу къ Тебѣ, чтобы Ты довершилъ начатое Тобою дѣло избавленїя нашего, такъ-чтобы выйти наконецъ изъ несчастнаго положенїя своего и содѣлаться блаженными въ Тебѣ; ибо Ты призвалъ насъ быть *нищими духомъ, и кроткими, и плачущими, и алчущими и жаждущими правды, и милостивыми, и чистыми сердцемъ, и миротворцами* (Матѣ. V, 3—9). Вотъ какъ много наговорилъ я Тебѣ, что могъ и чего пожелалъ; потому-что Ты прежде благоизволилъ, чтобы мы *исповѣдались Тебѣ Господу* Богу нашему, *яко блазъ Ты, яко въ вькъ милость Твоя* (Псал. СXVІІ, 1).

ГЛАВА 2.

Но достанетъ ли у меня силъ и времени *языкомъ* подобнымъ *трости книжника скорописца* (Псал. XLIV, 2) возвѣстить всѣ совѣты Твои, и всѣ угрозы Твои, и утѣшенїя, и тѣ пути, которыми Ты привелъ меня на столь великое дѣло—проповѣдать слово Твое и благовѣстить тайны домостроительства Твоего людямъ увѣровавшимъ въ Тебя? И если я въ состоянїи буду исполнить возложенный на меня долгъ, по званїю своему; то тѣ драгоценныя минуты, которыя употреблю я на это дѣло, будутъ служить наилучшимъ выраженїемъ любви моей къ Тебѣ. И я издавна горю

желаніемъ размышлять о законѣ Твоемъ ¹⁾ и поучаться въ немъ, исповѣдая предъ Тобою свое въ немъ вѣдѣніе и невѣдѣніе и не скрывая отъ другихъ начатковъ Твоего просвѣщенія и остатковъ моего помраченія, доколѣ мой мракъ не освѣтится свѣтомъ Твоимъ и слабость моя не утвердится Твоею крѣпостію; тѣмъ болѣе теперь не стану употреблять на что-нибудь другое часовъ, остающихся у меня досужными отъ необходимыхъ заботъ о поддержаніи силъ тѣла и духа, отъ исполненія общественныхъ обязанностей, лежащихъ на каждомъ изъ насъ, и взаимныхъ услугъ, хотя не обязательныхъ, но обычныхъ въ обществѣ.

Господи Боже мой! умилосердись надо мною, *услыши молитву мою, возьми гласу моленія моего* (Псал. II, 2. V, 3): ибо желаніе сердца моего я не однимъ собою ограничиваю, но по той же любви хочу быть полезнымъ и для братій моихъ; и Ты видишь, что это дѣйствительно такъ. Пожру же Тебѣ жертву служенія и умомъ и словомъ своимъ, и Ты даруй мнѣ принести Тебѣ эту жертву, *яко нищъ и убогъ есмь азъ* (Псал. LXXXV, 1), Ты же *богатыи во всѣхъ призывающихъ Тебя* (Рим. X, 12), промышленяющій о созданіи своемъ безъ возмущенія собственнаго покоя. Огради отъ всякаго заблужденія и всякой лжи и умъ мой и языкъ мой. Да будутъ цѣломудренны, чисты и непорочны любимыя занятія мои писаніями Твоими; да не погрѣшу въ нихъ и самъ я, и другихъ да не введу въ заблужденіе своими ошибками. Внемли душѣ моей и услышь изъ глубины ея вопль мой къ Тебѣ, Господи Боже мой, свѣте, отверзающій очи слѣпымъ, и крѣпосте, воздвигающая немощныхъ,

---

¹⁾ Здѣсь и въ послѣдующихъ за тѣмъ мѣстахъ подъ словами: законъ Твой (*lex tua*), писанія Твои (*scripturæ tuæ*), словеса Твои (*sermões tuī, vox tua*), книги Твои (*libri tui*), блаж. Августинъ, конечно, разумѣеть вообще священное Писаніе.

чтобы вслѣдъ за тѣмъ содѣлаться для нихъ свѣтомъ видящихъ и вѣрностію сильныхъ. Ибо если Ты и въ этомъ состояніи нашемъ отвориши отъ насъ слухъ свой, то къ кому воззовемъ о помощи? *Твой есть день, и Твоя есть ночь* (Псал. LXXIII, 16): *времена и лета—во власти Твоей* (Дѣян. I, 7). Удѣли же мнѣ благопотребнаго времени столько, сколько необходимо его на размышленіе о сокровенныхъ путяхъ закона Твоего, и не затвори вратъ предъ толгущими любителями истины. Не напрасно же благоугодно было Тебѣ допустить въ законъ Твоемъ столько таинственныхъ мѣстъ, которыя можно уподобить дремучимъ дубравамъ; и эти дубравы не имѣютъ ли своихъ ланей, укрывающихся въ нихъ и тутъ же испытующихъ, гуляющихъ и пасущихся на этихъ пажитяхъ, отдыхающихъ и перешивающихъ принятую ими пищу? О Господи, проводи же меня по этимъ сокровеннымъ мѣстамъ, и даруй мнѣ уразумѣть ихъ: ибо слово Твое есть радованіе сердца моего; оно для меня превышаетъ всѣхъ удовольствій. Не откажи мнѣ въ томъ, что я такъ люблю; ибо я люблю, и любовь эта есть Твой даръ. Не оставь своихъ даровъ безплодными, и не отринь алчущаго и жаждущаго у Тебя злака Твоего и росы Твоей. Я же исповѣмъ предъ Тобою все, что обрѣту въ книгахъ Твоихъ, *еже услышати ми гласъ хвалы Твоея*, погружаясь въ неисчерпаемое познаніе Тебя, и *повѣда ти чудеса Твоя* (Псал. XXV, 7) въ законъ Твоемъ, отъ начала, когда Ты сотворилъ небо и землю, до преддверія нескончаемаго царствія съ Тобою во святомъ градѣ Твоемъ.

Владыко и Господи, сжался надо мною и внемли гласу желаній моихъ. Тебѣ извѣстно, и я увѣренъ въ томъ, что желанія мои истекаютъ не отъ земныхъ побужденій: ни злато, ни серебро, ни камни драгоценные, ни пышность одеждъ, ни почести и властолюбіе, ни удовольствія плоти, ни безчисленность нуждъ, о которыхъ вопіетъ тѣло наше,

во все продолженіе земнаго странствованія нашего,—и ничто подобное не составляет предмета желаній моихъ; ибо *все это прилагается намъ*, ежели только мы *ищемъ царствія Божія и правды* (Матѣ. VI, 33). Видѣжь же, Господи, Боже мой, откуда истекають желанія мои. *Повѣдаша мнѣ законопреступницы глумленія* (delectationes удовольствія), *но не яко законъ Твой, Господи* (Псал. СХVІІІ, 85). Вотъ откуда истекають желанія мои. Призри и видѣжь, Отецъ мой небесный, и одобри ихъ; и Ты соблаговолишь, по своему милосердію, даровать мнѣ благодать свою, и я обрящу ее у Тебя, чтобы врата святилища словесъ Твоихъ, содержащихся во святыхъ письменахъ Твоихъ, отверзались для меня, толкующаго въ нихъ. Умоляю Тебя о семъ именемъ Господа нашего Иисуса Христа Сына Твоего, *Мужа десницы Твоей* (Псал. LXX, 18), Сына человѣческаго, этого *Посредника между Богомъ и людьми* (1 Тим. II, 5), чрезъ Котораго Ты обрѣлъ насъ, не искавшихъ Тебя, обрѣлъ, чтобы мы затѣмъ обрѣли Тебя; умоляю именемъ Слова Твоего, Имже Ты сотворилъ все (Іоан. I, 3), а въ заключеніе и насъ; именемъ единороднаго Твоего, чрезъ Котораго Ты усыновилъ Себѣ вѣрующихъ въ Тебя (Рим. VІІІ, 14—16), а въ томъ числѣ и меня,—умоляю Тебя именемъ Того, Который *возсѣдаетъ одесную Тебя* (Мар. XVI, 19; Псал. СІХ, 1) и ходатайствуетъ за насъ предъ Тобою, *въ Немже сокрыты всѣ сокровища премудрости и разуму* (Кол. II, 3). Его то я ищу въ книгахъ Твоихъ. Моисей и пророки писали о Немъ. Объ этомъ Онъ Самъ говорить: *о Мнѣ бо той* (Моисей) *писа*, и предъ тѣмъ: *изслѣдуйте писаніе... а онъ свидѣтельствуютъ о Мнѣ* (Іоан. V, 39. 46); и Его слова суть слова самой Истины.

ГЛАВА 3.

Итакъ, даруй мнѣ слухъ и смыслъ, Господи мой и Боже мой, чтобы я могъ уразумѣть, какимъ образомъ *въ на-*

чашь сотворилъ Ты небо и землю (Быт. 1, 1). Моусей оставилъ намъ описаніе этого міротворенія; но послѣ того отошелъ отъ насъ и переселился отсель отъ Тебя къ Тебѣ же ¹⁾, и его нѣтъ болѣе съ нами. О! если бы онъ былъ здѣсь со мною, то я обратился бы къ нему, просилъ бы его, умолялъ бы его именемъ Твоимъ, чтобы онъ раскрылъ и разъяснилъ мнѣ эту тайну; я весь обратился бы въ слухъ и съ жадностію внималъ бы исходящимъ изъ устъ его словамъ. И однакоже если бы онъ заговорилъ ко мнѣ по еврейски, то напрасно затрогивалъ бы мой слухъ и нисколько этимъ не возбудилъ бы моего мышленія: а если бы сталъ говорить по латинѣ, то я понималъ бы его и зналъ бы содержаніе рѣчи. Но почему зналъ бы я, дѣйствительно ли въ словахъ его заключается истина? А если и это узналъ бы, то отъ него ли узналъ бы? Конечно, нѣтъ! Самая истина, во глубинѣ души сокровенная, не нуждающаяся ни въ органѣ языка, ни въ самомъ языкѣ, ни еврейскомъ, ни греческомъ, ни латинскомъ, ни въ какомъ-либо иномъ варварскомъ, самая истина, въ мышленіи моемъ живущая (*in domicilio cogitationis*), безъ звука голоса, увѣрила бы меня, что онъ говорить истину; и я, нисколько не колеблясь, повѣрилъ бы словамъ этого человѣка, *движимаго Духомъ Твоимъ* (2 Пет. 1, 21), говоря самъ себѣ: *правду онъ говоритъ*. Но такъ-какъ я не могу спросить у Моусея уясненія тайны міро-

---

¹⁾ *Transiit hinc a te*. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ нѣтъ словъ *a te отъ Тебя*, и, казалось бы, это вѣрнѣе. Но во всѣхъ почти рукописяхъ, по замѣчанію Бенедиктинцевъ и самаго Минье (у котораго было подъ руками болѣе манускриптовъ), эти слова имѣются, и не напрасно. Быть можетъ, у Августина была здѣсь мысль выразить этимъ вездѣсущіе Божіе, какъ бы говоря, что Моусей переселился отъ Бога, съ этой земли, къ Богу же, на небо, которое мы своеобразно (по человѣчески) представляемъ *жищемъ* Божіимъ (Псал. XXXII, 13—15) по преимуществу.

творенія, исторію котораго оставилъ онъ намъ; то обращаюсь къ Тебѣ, высочайшая Истина, къ Тебѣ Господу Богу моему, *просвѣтившему* Моисея и вразумившему его передать намъ въ писаніи эти *слова*, коихъ мы не въ состояніи разрѣшить сами собою, такъ-какъ *всяко пророчество книжное по своему сказанію не бываетъ* (тамже 1, 20),—къ Тебѣ обращаюсь и Тебя умоляю, пощади меня грѣшника: Моисею, вѣрному рабу Твоему; даровалъ Ты благодать—описать міротвореніе, а мнѣ окажи милость—уразумѣть это бытописаніе.

ГЛАВА 4.

Мы видимъ, что небо и земля существуютъ: онѣ сами за себя громко проповѣдуютъ, что сотворены; потому-что подлежатъ переменамъ. А то, что существуетъ, не будучи сотворено, не заключаетъ въ себѣ ничего, кромѣ постояннаго и неизмѣннаго, потому-что въ области не сотвореннаго ничто не можетъ ни прибавиться, ни убавиться, ни измѣниться. Онѣ свидѣлствуютъ также, что и сами себя не сотворили и не могли сотворить. «Мы *существуемъ*, сказываютъ онѣ намъ, потому-что *сотворены*. Насъ *не было* до нашего *бытія*. Какъ же мы могли сами себя сотворить?» И голосъ ихъ есть очевидная истина. Итакъ Ты, Господи, *сотворилъ* ихъ и далъ имъ *бытіе*. Онѣ прекрасны, потому-что Ты Самъ красота; онѣ *добры злы* (Быт. 1, 31), потому-что Ты Самъ *благодать* (Матѣ. XIX, 17); онѣ *существуютъ*, потому-что Ты—*Свѣтъ* (Исх. III, 14; Апок. 1, 8). Но въ нихъ нѣтъ ни красоты, ни доброты, ни бытія въ такой полнотѣ, въ какой все это обрѣтается въ Тебѣ Творцѣ ихъ, такъ-что въ сравненіи съ Тобою онѣ суть только отблескъ или отраженіе Твоихъ совершенствъ. Мы постигаемъ это и благодаримъ Тебя за это. И при всемъ томъ знаніе наше въ сравненіи съ Твоимъ знаніемъ есть невѣдѣніе.

ГЛАВА 5.

Въ началъ сотвори Богъ небо и землю (Быт. 1, 1). Какъ же Ты сотворилъ ихъ? и какія средства, какія приготовленія, какой механизмъ употребилъ Ты для этого громаднаго дѣла? Конечно, Ты дѣйствовалъ не какъ человѣкъ-художникъ, который образуетъ какую-нибудь вещь изъ вещи же (тѣло изъ тѣла), по своему разумѣнiю, имѣя возможность дать ей такую форму, какую указываютъ ему соображенія его ума. Откуда же душа этого художника могла получить такую способность, какъ не отъ Тебя, сотворившаго ее? Притомъ, онъ даетъ форму матерiи уже существующей, чтобы произвести изъ ней другую вещь, по своему усмотрѣнiю; для сего онъ употребляетъ то землю, то камень, то дерево, то золото и другіе тому подобные предметы. Откуда же и эти предметы получили бы свое бытіе, если бы Ты не сотворилъ ихъ? Этотъ художникъ-человѣкъ всѣмъ обязанъ Тебѣ: Ты устроилъ его тѣло такъ, что оно посредствомъ разныхъ членовъ совершаетъ разныя дѣйствія, а чтобы эти члены были способны къ дѣятельности, Ты *вдунулъ* въ тѣлесный составъ его *душу живу* (Быт II, 7), которая движетъ и управляетъ ими; Ты доставилъ ему и матеріалъ для художественныхъ работъ; Ты даровалъ ему и способность ума, чтобы постигать тайны искусства и напередъ обнимать мыслію то, что предполагаетъ онъ произвести; Ты же надѣлилъ его и тѣлесными чувствами, которые служатъ ему проводникомъ между тѣлесною и духовною его природою, такъ-что міръ тѣлесный и міръ духовный находятся у него при посредствѣ этихъ чувствъ въ общеніи:—душа въ своихъ дѣйствіяхъ сносится съ тѣломъ для выполненія ихъ, а тѣло въ своихъ дѣйствіяхъ сносится съ душою для повѣрки и оцѣнки присущею ей истиною, хорошо ли послѣдовало выполненіе. Все это свидѣтельствуетъ, что Ты

Творецъ всего: Но какъ Ты творишь все это? какъ сотворилъ Ты, всемогущій Боже, небо и землю? Конечно не на небѣ и не на землѣ творилъ Ты небо и землю; ни въ воздушныхъ странахъ, ни во глубинахъ морскихъ, потому-что и воздухъ и вода принадлежать къ небу и землѣ; не могло это совершиться нигдѣ и въ цѣломъ мірѣ, чтобы міръ творился въ мірѣ, потому-что міра не было до сотворенія его, и онъ никакъ не могъ быть поприцемъ своего творенія (*quia pop erat ubi fieret antequam fieret*). Не было ли у Тебя подъ руками какой-нибудь матеріи, изъ которой могъ Ты сотворить небо и землю? Но откуда взялась бы эта матерія, не созданная Тобою, а между тѣмъ послужившая матеріаломъ для Твоего творчества? Допущеніемъ такой матеріи неизбѣжно ограничивалось бы Твое всемогущество ¹⁾. А если Ты Самъ предварительно сотворилъ для этого матерію; то мы должны допустить одно изъ двухъ: или, что эта матерія произведена Тобою изъ чего-нибудь прежде даннаго, что также не согласно съ всемогуществомъ Твоимъ; или, что Ты сотворилъ эту матерію, или же просто безъ нея—небо и земля, изъ ничего, по одному всемогуществу своему. Что же выходитъ изъ этого, какъ не то, что до творенія Твоего ничего не было, кромѣ Тебя, и что все *существующее* зависитъ отъ Твоего бытія? Итакъ *сло. омъ Господнимъ и небо и земля утвердишася, и духомъ устъ Его вся сила ихъ: яко Той рече, и быта; Той повель, создашася* (Псал. XXXII, 6. 9; Быт. I, 1. 3. 6. 9. 11. 14. 15. 20. 26. 27. 30; II, 1.),—и Ты Словомъ Своимъ всё сотворилъ (Іоан. 1, 3).

ГЛАВА 6.

Но въ чемъ состояло это Слово Твое, коимъ Ты творилъ міръ, въ чемъ оно выражалось? Неужели оно походило

1) Слич. книга VII, глава 5-

на голосъ, слышанный нѣкогда съ неба: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ Которомъ Мое благоволеніе* (Матѣ. III, 17; XVII, 5)? Не думаю! Этотъ голосъ похожъ былъ на голосъ обыкновенной рѣчи нашей, — голосъ преходящій, имѣющій начало и конецъ. Звуки складовъ Его также преемственно появлялись и исчезали, одинъ за другимъ, второй за первымъ, третій за вторымъ, и такъ далѣе до послѣдняго, смѣннаго молчаніемъ и тишиною. Ясно, что этотъ голосъ былъ временнымъ дѣйствіемъ твари, служившей для выполненія вѣчной воли Твоей. И эти на время раздавшіяся слова Твои передавались посредствомъ слуха внѣшняго (тѣлеснаго) душѣ разумной, которой слухъ внутренній (духовный) воспринималъ ихъ, относя къ вѣчному Слову Твоему. Сравнивая эти слова, временно звучавшія, съ вѣчнымъ въ безмолвной тишинѣ Словомъ Твоимъ (*cum aeterno in silentio verbo tuo*), душа такъ рассуждала: «нѣтъ, эти слова и Слово Твое — не одно и то же; между ними безконечное различіе. Тѣ слова далеко ниже меня; ихъ даже нельзя назвать существующими, потому-что онѣ такъ мимолетны, что тутъ же исчезаютъ (*fugiunt et pereunt*): Слово же Господа моего безпредѣльно выше меня, и пребываетъ во вѣки». Итакъ, если актъ міротворенія совершался чрезъ посредство слова членораздѣльнаго, требующаго и голоса для произношенія и времени для послѣдовательной передачи звуковъ, и такимъ образомъ творилъ Ты небо и землю; то значитъ еще до появленія неба и земли должно было уже существовать какое нибудь подобное твореніе, посредствомъ котораго могло быть выражаемо такое слово. Но до сотворенія неба и земли не было никакой твари; а если бы и было что-нибудь подобное, то конечно не при помощи мимолетнаго слова Ты создалъ бы мимолетное слово, чрезъ посредство котораго повелѣвалъ бы быть небу и землѣ; и это ни отъ кого не могло произойти, какъ только отъ Тебя. Что же это было за слово Твое, — онять

выступаю невольно съ тѣмъ же вопросомъ,—что это было за слово, долженствовавшее служить органомъ высочайшей воли Твоей, когда творилъ Ты эту тварь?

ГЛАВА 7.

Словами бытописателя о міротвореніи и размышленіемъ о нихъ Ты призываешь насъ къ уразумѣнію Того неизреченнаго Слова Твоего, Которое искони обитаетъ въ Тебѣ Богъ и само есть Богъ (Іоан. 1, 1), Тобою отъ вѣчности изрекаемое, Имже и все отъ вѣчности изрекается (тамже 3), въ Которомъ нѣтъ никакой преемственности, нѣтъ ни начала ни конца, а все вмѣстѣ и всегда; иначе въ Божествѣ допустимъ время и перемѣну, на мѣсто присущей Ему вѣчности и неизмѣняемости. Я постигаю это, Боже мой, постигаю и благодарю Тебя; и всякъ, кто не закрываетъ очей своихъ отъ свѣта непреложной истины, уразумѣетъ и возблагодаритъ Тебя. Видимъ, Господи, видимъ и вѣдаемъ, что всякій переходъ отъ бытія къ не-бытію есть исчезновеніе (смерть) того, что было, и переходъ отъ не-бытія къ бытію есть появленіе (рожденіе) того, чего не было. Но въ Твоемъ Словѣ нѣтъ подобнаго переходу, нѣтъ ни исчезновенія (смерти), ни появленія (рожденія); потому-что Оно безсмертно и вѣчно. И потому посредствомъ Слова Своего, которое Тебѣ совѣчно, все, что Ты ни изрекаешь, изрекаешь въ одинъ и вѣчный моментъ (*simul et sempiternè*), и все пріемлетъ бытіе, что вызываешь Ты этимъ Словомъ изъ не-бытія въ бытіе, такъ-что одно Слово Твое достаточно для міротворенія, хотя всѣ творенія Твои, создаваемые такимъ образомъ, являются не вдругъ, а постепенно, и не отъ вѣчности, а во времени.

ГЛАВА 8.

Какъ же это такъ, скажи мнѣ, умоляю Тебя, Господи Боже мой? Кажется и ясно; но выразить это не нахожу

словъ. Одно только могу сказать: что все, что начинается и перестаетъ существовать, тогда начинается и перестаетъ существовать, когда это нужно по опредѣленіямъ Ума вѣчнаго, которому нѣтъ ни начала ни конца. Этотъ-то Умъ и есть Слово Твое ¹⁾; Оно-то и *Начатокъ* всего, *яко и глагола намъ* (Іоан. VIII, 25). Слово это воплотившись благовѣствуетъ намъ въ евангеліи; Его ученіе было доступно и для вѣшнихъ чувствъ человѣка; Имъ всеъ призывались увѣровать въ Него, взыскать Его внутри самихъ себя, и обрѣсти Его въ лицѣ вѣчной Истины, которой Единъ Онъ благій Учитель учить всехъ учениговъ своихъ. Въ этомъ Словѣ слышу я гласъ Твой, Господи, вѣщающій мнѣ, что «того только слова относятся къ намъ, кто назидаетъ насъ; а кто не назидаетъ насъ, того слова къ намъ не относятся, сколько бы ни говорилъ». Кто же болѣе можетъ насъ назидать, какъ не Истина непреложная? И если мы отъ твореній міра видимаго восходимъ къ не видимому и отъ подлежащаго измѣненіямъ—къ истинѣ непреложной; то *стой*, такъ сказать, предъ Истиною воплощенною и *внимая* ей, мы учимся у самаго источника истины, и *радостію радуемся, слыша голосъ Жениха*; какъ *други* Его (Іоан. III, 29), возвращаясь къ вѣчному началу, откуда мы и произошли. И это вѣчное, неизмѣнное и непреложное *Начало* и есть Слово Твое, безъ котораго мы, какъ безъ путеводной звѣзды, заблудившись, не могли бы возвратиться къ своему началу. Возвращаемся же отъ заблужденій мы не иначе, какъ чрезъ познаніе истины; а чтобы намъ познать эту истину не-

---

¹⁾ Ipsum est Verbum tuum, quod et Principium (начало, основаніе) est. Здѣсь слово ipse соглашено съ словомъ verbum, по свойству латинскаго языка; между тѣмъ оно относится по тексту къ предыдущему слову ratio умъ, и смыслъ имѣетъ такой же, какой греки придаютъ своему λόγος.

предложную, этотъ Учитель учить насъ ей, какъ Начало истины и Слово истины.

ГЛАВА 9.

На семь-то *Началъ* сотворилъ Ты, Боже, небо и землю, дивнымъ образомъ говоря и дѣйствуя: и это *Начало* есть Слово Твое, Сынъ Твой, Твоя крѣпость, Твоя премудрость, Твоя истина. О! кто въ состоянїи постигнуть высоту этого творенїя? и чей языкъ можетъ высказать его? Что же это за сила-поражаетъ мой умъ и потрясаетъ мое сердце, безъ боли, такъ-что я прихожу въ трепеть и стремлюсь къ ней неудержимо? Прихожу въ трепеть, сознавая, какъ я далекъ отъ нея; стремлюсь неудержимо, видя въ себѣ отблескъ и образъ этой силы, поражающей и потрясающей меня? Это премудрость, да, это сама Премудрость озаряетъ меня, разгоняя тьму, каждый разъ облегающую меня, когда я удаляюсь отъ этого свѣта; въ этомъ состоянїи *нищеты крѣпость моя до того изнемогаетъ* (Псал. XXX, II.), что я не въ силахъ соблюсти собственного блага, доколѣ Ты, Господи, многомилостивый ко всѣмъ неправдамъ моимъ, Самъ не исцѣлишь немощей моихъ. И Ты *избавишь отъ истлѣнїя животъ мой, увѣчишь меня милостію и щедротами, исполнишь во благихъ желанїе мое*; тогда обновится юность моя, яко юность орла (Псал. CII, 3—5): *упованїемъ бо спасохомся, и, надѣясь на обѣтованїя Твои, въ терпѣнїи ожидаемъ исполненїя ихъ* (Рим. 24. 25). Имѣяй уши слышати, да слышитъ Твой гласъ внутри насъ вопїущїй; я же, *внимая Твоему пророческому слову* (2 Пет. 1, 19), его же словами воззову: *какъ величественны дѣла Твоя, Господи; вся премудростію сотворилъ еси* (Псал. CIII, 24)! И эта *Премудрость* есть *Начало*, и на этомъ—*Началъ* сотворилъ Ты небо и землю.

ГЛАВА Ю.

Итакъ, не слишкомъ ли уже заняты древностію своего происхожденія тѣ, которые говорятъ намъ: «что же дѣлалъ Богъ до сотворенія Имъ неба и земли? Если Онъ оставался въ праздности и совершенномъ покоѣ; то почему не остался въ такомъ же состояніи и навсегда? Если же въ Богѣ произошло новое какое-либо движеніе и новое произволеніе создать то, чего прежде не творилъ; то какъ согласить съ непреложною Его вѣчностію появленіе этой воли, которой до того времени въ Немъ не было? Воля Божія присуща Богу и предваряетъ всякое твореніе; никакого творенія не могло бы быть, еслибы не предшествовала воля Творца. Воля Божія принадлежитъ къ самой сущности (*substantia*) божественной. А допустивъ въ субстанціи Божіей что-нибудь случайно-привходящее, чего прежде не было, нельзя назвать ее въ истинномъ смыслѣ вѣчной субстанціею. Если же наконецъ была отъ вѣчности воля Божія сотворить небо и землю; то отчего же твореніе Его не вѣчно?»

ГЛАВА II.

Какъ же далеки они еще отъ истины! Говорящіе такъ не постигаютъ Тебя, Премудрости Божественной, озаряющей свѣтомъ своимъ сотворенные ею умы; они не понимаютъ, какъ дѣла Твои совершаются въ Тебѣ и чрезъ Тебя, а между тѣмъ силятся постигнуть непостижимое, мудрствуя о вѣчномъ. Но ихъ душа, вляясь среди измѣняющейся преемственности вещей между прошедшимъ и будущимъ, теряетъ въ суетности своихъ помысловъ. И кто можетъ поставить себя хотя на минуту въ такое состояніе, чтобы проникнуться всеобъемлющею свѣтлостію этой неизмѣняющейся вѣчности (*semper stantis aeternitatis*) и сравнить ее съ временами, не имѣющими никакого постоянства (*cum temporibus*

nunquam stantibus), коихъ отблескъ есть не что иное, какъ перемежающееся и непрестанно измѣняющееся мерцаніе, а затѣмъ видѣть, какое безконечное различіе между временемъ и вѣчностію? Продолжительность времени не иначе составляется, какъ изъ преемственной послѣдовательности различныхъ мгновеній, которыя не могутъ проходить совместно: въ вѣчности же напротивъ нѣтъ подобнаго прѣхожденія, а все сосредоточивается въ настоящемъ какъ бы на лицо; тогда какъ ни какое время въ цѣломъ его составѣ нельзя назвать настоящимъ. Все прошедшее наше слагается изъ будущаго и все будущее наше зависитъ отъ прошедшаго; все же прошедшее и все будущее творится изъ настоящаго, всегда сущаго, для котораго нѣтъ ни прошедшаго ни будущаго, что мы называемъ вѣчностію. И кто въ состояніи уразумѣть и истолковать, какъ вѣчность (aeternitas), неизмѣнно пребывающая въ настоящемъ (stans), для которой нѣтъ ни будущаго ни прошедшаго (nec futura nec praeterita), творитъ между тѣмъ времена и будущія и прошедшія? Неужели мое перо или мой языкъ въ силахъ слабымъ словомъ разрѣшить эту великую задачу?

ГЛАВА 12.

Какой же мнѣ дать отвѣтъ вопрошающимъ меня: «что дѣлалъ Богъ прежде сотворенія Имъ неба и земли»? Не стану отвѣчать имъ такъ, какъ отвѣчалъ нѣкогда, сказываютъ, одинъ хитрецъ, отдѣлавшись шуткою отъ трудности непосильнаго вопроса. «Богъ угрожалъ», гласилъ отвѣтъ, «вѣчными мучающими тѣмъ, которые дерзаютъ испытывать глубины непостижимыхъ тайнъ». Иное дѣло разсуждать, а иное издѣваться: нѣтъ, я не хочу такъ отвѣчать. Я скорѣе сознался бы, что не знаю, чего не знаю, чѣмъ сталъ бы прибѣгать къ ѣдкимъ остроумамъ, чтобы надмѣнно посмѣяться

надъ предлагающимъ трудные вопросы, и отдѣлаться уклончивымъ отвѣтомъ. И такъ я утвердительно говорю, что Ты, Господи Боже нашъ, одинъ Творецъ вселенныя; и если подъ именемъ неба и земли разумѣются всѣ твари, Тобою созданныя, то я смѣло утверждаю, что до сотворенія неба и земли Богъ не производилъ ничего; иначе, — въ чемъ бы состояли Его дѣла, какъ не въ твореніи? О если бы я зналъ все, что нужно мнѣ знать, такъ же ясно, какъ то, что прежде сотворенія міра не было міра!

ГЛАВА ІЗ.

Но если кто, увлекаясь летучимъ воображеніемъ, блуждаетъ мыслию по безпредѣльнымъ пространствамъ времени, какъ бы предшествовавшихъ творенію, и удивляется, какъ это Богъ всемогущій, Вседержитель, Творецъ всего, высочайшій Архитекторъ неба и земли, въ продолженіи безчисленныхъ вѣковъ вѣчности, оставался въ бездѣйствіи, прежде нежели приступилъ къ этому громадному и величественному творенію; то пусть обуздаетъ свое воображеніе, пусть отрезвить свой умъ, и разсудить здраво, сколь не основательно и суетно его удивленіе. И въ самомъ дѣлѣ! какъ могли протекать безчисленные вѣка до творенія, если Ты еще не сотворилъ ихъ, будучи Творецъ и Зиждитель всѣхъ вѣковъ? или, какія времена могли быть, которыхъ Ты не творилъ? или, какъ они могли проходить, когда ихъ вовсе не было? Такъ-какъ Ты Творецъ и времени, то какъ говорятъ тѣ, которые допускаютъ какое-то время до сотворенія неба и земли, что Ты въ это время, прежде творенія, ничего не дѣлалъ? Кто же могъ сотворить время, если не Ты? и какъ могло оно существовать и совершать свои прохожденія прежде сотворенія своего? А какъ прежде сотворенія неба и земли не было и времени; то у мѣста ли вопросъ: что Ты дѣлалъ тогда? Безъ времени не мыслимо и тогда.

Да и не предворяешь Ты времени временемъ, иначе не всё времена предварялъ бы. Но Ты предшествуешь всёмъ временамъ прошедшимъ безначальною вѣчностію своею, всегда присущею Тебѣ, и ею же переживаешь всё времена будущія, которыя лишь только наступаютъ, тотчасъ же обращаются въ прошедшія, между тѣмъ какъ Ты *тойжде еси, и лѣта твоя не оскудѣваютъ* (Псал. CI, 28). Лѣта твои не приходятъ и не переходятъ, подобно нашимъ, которыя смѣняются одни другими, до тѣхъ поръ, пока всё не пройдутъ. Лѣта твои неизмѣнны (*stant*), потому-что всё они совмѣстны и современны (*quoniam simul stant*); и такъ какъ нѣтъ у нихъ ни прошедшаго ни будущаго, кромѣ одного настоящаго, то они и не смѣняются одни другими: наши же лѣта тогда только получаютъ свою полноту, когда всё истощается, т. е. когда ихъ не будетъ уже (*nostri autem omnes erunt, cum omnes non erunt*). *Лѣта твои, Господи, яко день единъ* (2 Пет. 3, 8; Псал. LXXXIX, 5); и день твой не слагается изъ разныхъ дней (*dies tuus non quotidie*), потому-что онъ не заступаетъ мѣста вчерашняго дня и не уступаетъ его дню завтрашнему, но всегда есть нынѣшній, теперешній; настоящій (*sed hodie*); и этотъ вѣчно-настоящій день твой или всегдашнее твое *нынѣ* (*dies tuus hodiegnus*) и есть твоя вѣчность. По этому-то Ты и сказалъ Тому, Кого родилъ совѣчнаго Себѣ: *Сынъ мой еси Ты, Азъ днесъ (нынѣ) родихъ Тя* (Псал. II, 7; Евр. 1, 5). Всё времена Ты сотворилъ, и Ты превыше всёхъ временъ; и до сотворенія ихъ, конечно, не было никакого времени.

ГЛАВА 14.

Итакъ не было такого времени (это только обманчивое представленіе), не было того времени, когда бы Ты оставался въ бездѣйствіи, потому-что и самое время есть твое же произведеніе. И нѣтъ времени Тебѣ совѣчнаго, потому-что

Ты пребываешь всегда одинъ и тотъ же неизмѣнно; а время перестало бы быть временемъ, если бы не измѣнялось. Что же такое время? Кто не затруднится изъяснить это и притомъ въ немногихъ и ясныхъ словахъ? А между тѣмъ что обыкновеннѣе бываетъ у насъ предметомъ разговора, какъ не время? И мы конечно понимаемъ, когда говоримъ о немъ, или слышимъ отъ другихъ. Что же такое, еще разъ повторяю, что такое время? Пока никто меня о томъ не спрашиваетъ, я понимаю нисколько не затрудняясь; но коль скоро хочу дать отвѣтъ объ этомъ, я становлюсь совершенно въ тупикъ. Между тѣмъ вполне сознаю, что если бы ничего не проходило, то не было бы *прошедшаго*, и еслибы ничего не приходило, то не было бы *будущаго*, и еслибы ничего не было дѣйствительно-существующаго, то не было бы и *настоящаго* времени. Но въ чемъ состоитъ сущность первыхъ двухъ временъ, т. е. прошедшаго и будущаго, когда и прошедшаго уже нѣтъ, и будущаго еще нѣтъ? Что же касается до настоящаго, то еслибы оно всегда оставалось настоящимъ и никогда не переходило изъ будущаго въ прошедшее, тогда оно не было бы временемъ, а вѣчностію. А если настоящее остается дѣйствительнымъ временемъ при томъ только условіи, что чрезъ него переходитъ будущее въ прошедшее; то какъ мы можемъ приписать ему дѣйствительную сущность, основывая ее на томъ, чего нѣтъ? Развѣ въ томъ только отношеніи, что оно постоянно стремится къ не-бытію, каждое мгновеніе переставая существовать ¹⁾.

---

1) Представляемъ послѣднихъ пунктовъ подлинный текстъ, для образчика своеобразности языка Августинова, при трудности самаго содержанія, съ трудомъ передаваемого въ переводѣ: Praesens autem, si semper esset praesens, nec in praeteritum transiret, jam non esset tempus, sed aeternitas. Si ergo praesens, ut tempus

ГЛАВА 15.

Между тѣмъ мы говоримъ: это *долгое время*, это *короткое время*; и выражаемся такъ только о прошедшемъ и будущемъ. Такъ наприм. *прошедшее время* за сто лѣтъ назадъ (*ante* прежде) называемъ *долгимъ*; такимъ же образомъ и *будущее* за сто лѣтъ впередъ (*post* послѣ) считаемъ *долгимъ* же; а *короткимъ* какъ *прошедшее* такъ и *будущее*, положимъ, за десять дней назадъ, или впередъ. Но какъ же выходить у насъ *долгимъ* или *короткимъ* то, чего не существуетъ? Ибо какъ прошедшаго нѣтъ уже, такъ и будущаго нѣтъ еще. Значитъ, мы не точно выражаемся, когда говоримъ о *прошедшемъ* и *будущемъ*, что оно *долго-временно* или *кратковременно*, а должны бы выражаться о прошедшемъ: оно *было* таково, о будущемъ же: оно *будетъ* таково. О Господи мой и Боже мой, Свѣтоподатель Ты мой! Не посмѣется ли и здѣсь истина твоя надъ чловѣкомъ? И въ самомъ дѣлѣ. Отъ чего, положимъ, зависѣла продолжительность прошедшаго времени? неужели отъ него самаго, не существующаго уже? не скорѣе ли отъ его настоящаго, существовавшаго когда-то? Ибо тогда оно могло быть продолжительнымъ, когда существовалъ предметъ, его наполнявшій; когда же не стало предмета, тогда не стало и самаго времени, и прошедшее, какъ не существовавшее уже, само по себѣ не могло быть ни *долгимъ* ни *короткимъ*. И такъ не вѣрно выраженіе наше о времени *прошедшемъ* и то: оно было продолжительно, потому-что предметъ наполнявшій время и дававшій ему свойство продолжительности прошелъ уже, и затѣмъ оно представляется какъ бы безсодержательнымъ. Надлежало бы, кажется, вы-

---

sit, ideo fit quia in praeteritum transit, quomodo et hoc esse dicimus, cui causa, ut sit, illa est, quia non erit? Ut scilicet non vere dicamus tempus esse, nisi quia tendit (ad) non esse.

разиться такъ: *прошедшее время было* продолжительно, когда *было настоящимъ*; такъ-какъ оно (прошедшее) могло быть такимъ только въ своемъ настоящемъ. Ибо это настоящее до обращенія въ прошедшее дѣйствительно существовало въ связи съ существовавшимъ предметомъ его, и потому могло продолжаться болѣе или менѣе; когда же прекратилось существованіе предмета, тогда и оно не могло уже имѣть никакого продолженія, а должно было отойти на задній планъ, перейдя въ прошедшее, гдѣ нѣтъ для него никакого предмета бытія.

Теперь посмотримъ, душе моя, можетъ ли и настоящее время имѣть какую-либо продолжительность; ибо тебѣ дана способность измѣрять его продолженіе (*moras*). Что ты мнѣ на это скажешь? Сто лѣтъ текущаго вѣка составляютъ ли продолжительность настоящаго времени? Но обрати вниманіе на то, можно ли эти сто лѣтъ назвать настоящимъ. Въ то время, когда первый годъ вѣка совершаетъ свой оборотъ (*agitur*), онъ одинъ на самомъ дѣлѣ есть настоящій; а всѣ остальные девяносто девять впереди, принадлежатъ будущему, и потому не существуютъ еще; если же идетъ второй, то первый становится уже прошедшимъ, другой за нимъ дѣлается настоящимъ, а всѣ прочіе остаются будущими; и и такъ далѣе, каждый изъ среднихъ годовъ этого сотеннаго числа лѣтъ, дѣлаясь настоящимъ, будетъ имѣть одни за собою прошедшими, а другіе предъ собою будущими, доколѣ послѣдній изъ нихъ не станетъ настоящимъ, а всѣ остальные обратятся въ прошедшіе. И потому *сто лѣтъ* не могутъ быть настоящими всѣ вмѣстѣ. Затѣмъ обрати вниманіе и на то, можно ли даже эти годы, порознь взятые, можно ли даже каждый текущій годъ назвать настоящимъ во всей цѣлости его. И въ году также текущій мѣсяць есть настоящій, а всѣ другіе по отношенію къ нему—или прошедшіе или будущіе. А потому и *годъ* въ своемъ теченіи

не весь настоящій; ибо слагается изъ двѣнадцати мѣсяцовъ, изъ коихъ только текущій, поочередно, бываетъ настоящимъ. Да и самый текущій *мѣсяцъ* нельзя назвать настоящимъ во всемъ его продолженіи, ибо и онъ состоитъ изъ нѣкотораго числа *дней*, слѣдующихъ одинъ за другимъ: эти дни, казалось бы, составляютъ въ природѣ настоящую продолжительность времени; ибо только смѣняють другъ друга преемственно, сохраняя свою самостоятельность.

Анализируя такимъ образомъ понятіе о настоящемъ времени, и переходя отъ столѣтія къ годамъ, отъ годовъ къ мѣсяцамъ, отъ мѣсяцовъ къ днямъ, мы едва могли остановиться на продолжительности одного дня. Но рассмотримъ повнимательнѣе и самый *день* (такъ называемые *сутки* отъ восхожденія до захожденія и отъ захожденія до восхожденія солнца). Можно ли продолженіе и этихъ сутокъ называть настоящимъ временемъ? Все это продолженіе времени дѣлимъ мы на *двадцать четыре часа*, изъ коихъ одни принадлежатъ собственно дню, а другіе ночи; въ отношеніи къ каждому часу всѣ прочіе суть или будущіе или прошедшіе. Что же скажемъ мы теперь о самомъ днѣ? Да и часы, на которые мы дѣлимъ его, еще подраздѣляются на малѣйшія частицы и частички, которыя такъ быстро пролетаютъ, что трудно и замѣтить ихъ; и все, что уже улетучилось изъ нихъ, принадлежитъ къ прошедшему, а что еще остается—къ будущему. Итакъ если можно представить себѣ самое кратчайше время, которое не могло бы уже дѣлиться ни на какія само-малѣйшія части; то эти только неуловимыя, такъ сказать, *мгновенія* (momenta) можно бы назвать временемъ *настоящимъ*. Но эти мгновенія перелѣтають изъ будущаго въ прошедшее съ такою быстротою, что мы не имѣемъ ни малѣйшей возможности уловить въ нихъ какое-либо продолженіе (*ut nulla morula*¹⁾ *extendatur*);

¹⁾ Morula отъ того продолженіе или проводочка въ уменьшительномъ значеніи.

ибо если бы они имѣли какую-либо продолжимость, то подлежали бы дѣленію на прошедшее и будущее. Такимъ образомъ и въ настоящемъ тоже нѣтъ никакой продолжимости (spatium протяженія). Гдѣ же искать намъ времени, которое могли бы мы назвать самостоятельно-продолжительнымъ? Не въ будущемъ ли? Но мы и не говоримъ о немъ, что оно продолжается, потому что его нѣтъ еще, а говоримъ, что оно *будетъ* продолжаться. Когда же это будетъ? По крайней мѣрѣ, доколѣ оно будетъ оставаться въ своемъ будущемъ, доколѣ въ немъ не можетъ быть продолжительности, потому-что, не имѣя еще бытія не можетъ имѣть и продолженія. Да и тогда, когда оно изъ будущаго своего, не имѣющаго еще бытія, перейдетъ въ настоящее, получивъ въ немъ бытіе, а слѣдовательно и возможность продолжимости,—и тогда бы надобно забывать того, что сказано выше о времени настоящемъ, которое само за себя громко вопіетъ, что и оно не можетъ имѣть никакой продолжимости.

ГЛАВА 16.

При всемъ томъ мы видимъ и чувствуемъ, Господи, протяженность временъ и сравниваемъ ихъ между собою. Мы говоримъ, что одни изъ нихъ болѣе, а другія менѣе продолжительны. Измѣряемъ даже и судимъ, во сколько разъ одно время долѣе или кратче другаго, и говоримъ: это вдвое или втрое длиннѣе, а это въ два или три раза короче, или продолжительность одного равна продолжительности другаго. Но мы измѣряемъ такъ времена только текуція (praeterientia tempora), которыя такъ сказать испытываемъ и ощущаемъ при измѣреніи ихъ; прошедшее же, котораго нѣтъ уже, или будущее, котораго нѣтъ еще въ дѣйствительности, что можетъ измѣрять? Развѣ кто для смѣха или въ шутку скажетъ, что можно измѣрять то, чего нѣтъ. Итакъ можно измѣрять время только текущее (cum praeterit), а прошед-

шее, равно какъ и будущее, которыхъ нѣтъ въ дѣйствительности, не можетъ подлежать нашему наблюденію и измѣренію.

ГЛАВА 17.

Говоря все это о времени, я ничего не утверждаю, а только доискиваю истины и пытаюсь узнать ее. Руководи же мною, Отецъ мой, Господи мой и Боже мой, и будь путеводною звѣздою рабу Твоему. По крайней мѣрѣ я не могу остановиться на этихъ выводахъ своихъ. И дѣйствительно. Найдется ли ктонибудь, кто бы сталъ увѣрять меня, что нѣтъ на самомъ дѣлѣ трехъ временъ, какъ учили насъ тому въ дѣтствѣ и какъ мы сами твердили тоже другимъ дѣтямъ,—прошедшаго, настоящаго, будущаго, а только настоящее, какъ имѣющее свою дѣйствительность, существуетъ, прошедшее же и будущее, какъ не имѣющія дѣйствительности, не существуютъ? Не скажутъ ли мнѣ, что и эти времена, прошедшее и будущее, также существуютъ; только одно изъ нихъ (будущее), переходя въ настоящее, приходитъ непостижимо для насъ откуда-то (*ex aliquo procedit occulto*), а другое (прошедшее), переходя изъ настоящаго въ свое прошедшее, отходитъ непостижимо для насъ куда-то (*in aliquid recedit occultum*),—подобно морскимъ приливамъ и отливамъ? И въ самомъ дѣлѣ. Какъ могли, на примѣръ, пророки, которые предсказывали будущее, видѣть это будущее, если бы оно не существовало? ибо того, что не существуетъ, и видѣть нельзя. И опять, тѣ, которые рассказываютъ намъ о прошедшемъ, не могли рассказывать о немъ, какъ о дѣйствительно существовавшемъ, если бы оно въ душѣ ихъ не представлялось таковымъ; какъ же оно могло бы представляться имъ, еслибы вовсе не существовало? И такъ надѣбно полагать, что и прошедшее и будущее вре-

мя также существуют, хотя непостижимымъ для насъ образомъ.

ГЛАВА 18.

Позволь же мнѣ, Господи, продолжить свое, полное недоумѣній размышленіе; только, надежда Ты моя, непусти мнѣ при этомъ напряженіи мысли удалиться отъ истины или впасть въ заблужденіе. Если будущее и прошедшее дѣйствительно существуютъ; то я желалъ бы знать, гдѣ они существуютъ. Если это для меня непостижимо, то я по крайней мѣрѣ постигаю то, что гдѣ бы они не существовали, тамъ они уже составляютъ не будущее и не прошедшее, а настоящее. Ибо если бы они и тамъ составляли будущее и прошедшее, то одного изъ нихъ еще не было бы, а другого уже не было бы тамъ. Итакъ гдѣ бы ни существовало то, что существуетъ, не иначе можетъ оно существовать, какъ только въ настоящемъ. Такъ, когда мы рассказываемъ или слушаемъ о какихъ—нибудь достовѣрныхъ и дѣйствительныхъ предметахъ минувшихъ; то представляются памятию не самые предметы, которыхъ нѣтъ уже, но ихъ образы, выражаемые въ словахъ,—образы, остающіеся въ душѣ нашей, какъ слѣды чувственного воспріятія. Дѣтство мое, напримѣръ, которое давно уже прошло для меня, принадлежитъ къ прошедшему времени, потому что его нѣтъ уже, но образъ его, когда объ немъ воспоминаю и рассказываю, созерцаю въ настоящее время, потому что онъ доселѣ существуетъ въ моей памяти и моемъ воображеніи. Такъ ли бываетъ и при прорицаніи будущаго, что въ душѣ прорицателей предчувствуются образы тѣхъ самыхъ предметовъ, о которыхъ они предсказываютъ, но которыхъ нѣтъ еще,—образы, какъ присутствіе ихъ мысли предметы; тутъ я исповѣдуюсь предъ Тобою, Господи, въ совершенномъ невѣдѣніи своемъ. Знаю

только то, что и мы часто предразмышляемъ о будущихъ дѣйствіяхъ своихъ (т. е. обдумываемъ ихъ), и что это предразмышленіе есть въ тоже время дѣйствіе настоящее, самое же дѣло, о которомъ размышляемъ, впереди, его нѣтъ еще, потому-что оно принадлежитъ къ будущему. И не прежде это дѣло осуществится у насъ, пока не начнемъ приводить въ исполненіе своихъ предположеній; тогда только оно получитъ свое бытіе, такъ какъ съ того только времени, переставая быть будущимъ, дѣлается оно настоящимъ.

Какъ бы впрочемъ ни совершалось это таинственное предчувствованіе будущаго, только несомнѣнно то, что ничего нельзя предвидѣть, чего не существуетъ. А что существуетъ, то не есть будущее, а есть настоящее. Итакъ, когда говорятъ о прозорливцахъ, что они предвидятъ, предусматриваютъ, напередъ видятъ будущее; то здѣсь въ ихъ видѣніи точнѣе разумѣется не столько самый предметъ предсказываемаго будущаго, котораго еще нѣтъ, сколько признаки или причины, существующія уже на лицо и дающія знать о будущемъ: и потому эти признаки или причины составляютъ для нихъ не будущее, а настоящее, но коему и предсказывается будущее чрезъ умозаключеніе. Да и самыя понятія о будущемъ, полученные такимъ образомъ, уже созерцаются пророками при ихъ предсказаніяхъ какъ настоящія. Приведемъ примѣръ изъ безчисленнаго множества предметовъ, могущихъ служить тому поясненіемъ. Я вижу зарю, и предвѣщаю приближающійся восходъ солнца. То, что я вижу, есть настоящее; а что предвѣщаю, то принадлежитъ будущему: я разумѣю не солнце, которое не перестаетъ существовать, а появленіе его на горизонтѣ, гдѣ его не видно еще. И самаго восхожденія солнца я не могъ бы предсказать, если бы образъ его не былъ присущъ моей мысли, какъ онъ присущъ мнѣ и теперь, когда я говорю объ этомъ. Но ни заря, предвѣстница солнца, которую я вижу на не-

бѣ, не составляетъ самаго восхожденія солнца, ни тѣмъ болѣе тотъ образъ, который начертывается о немъ въ душѣ моей: и то, и другое своею присущею мнѣ дѣйствительностію приводятъ только меня къ предсказанію приближающагося явленія. И такъ будущее существуетъ только въ возможности; а если въ возможности только, то его нѣтъ на самомъ дѣлѣ, а если нѣтъ на самомъ дѣлѣ, то и предвидѣть его невозможно: но предсказывать будущее возможно изъ настоящаго, потому что настоящее существуетъ уже, и потому подлежитъ наблюденію.

ГЛАВА 19.

Какимъ же образомъ, Творецъ Ты мой, Творецъ вся твари, какимъ образомъ открываешь Ты уму человѣческому то, чего еще нѣтъ и чего онъ видѣть не можетъ, но что имѣетъ быть, какимъ образомъ открываешь Ты человѣку будущее? ибо *пророки* Твои, Тобою наученные (1 Пет. 1, 10; 2. Пет. 1, 21) *пророчествовали* о будущемъ. Какимъ образомъ, еще разъ повторяю, открываешь Ты человѣку будущее, Ты, для Котораго нѣтъ будущаго; или, лучше сказать, открываешь ему это будущее въ настоящемъ (черезъ настоящее), когда онъ все-таки не можетъ видѣть того, чего нѣтъ? Чудно для меня вѣдѣніе Твое; высоко, не постигаю его (Псалм. СХХХУІІІ, 6)! Только при Твоемъ сверхъ-естественномъ свѣтѣ возможно это для меня, если Ты озаришь имъ бѣдную душу мою, Звѣтодавче нашъ!

ГЛАВА 20.

Теперь ясно становится моя днѣя, что ни будущаго, ни прошедшаго не существуетъ, и что не точно выражаются о трехъ временахъ, когда говорятъ: прошедшее, настоящее и будущее; а было бы точнѣе, кажется, выражаться такъ: настоящее прошедшаго, настоящее будущаго Только

въ душѣ нашей есть соотвѣтствующія тому три формы воспріятія, а не гдѣ-нибудь индѣ (т. е. не въ предметной дѣйствительности). Такъ, для настоящаго прошедшихъ предметовъ есть у насъ память или воспоминаніе (*memoria*); для настоящаго настоящихъ предметовъ есть у насъ взглядъ, воззрѣніе, созерцаніе (*intuitus*); а для настоящаго будущихъ предметовъ есть у насъ чаяніе, упованіе надежда (*expectatio*). Говоря такимъ образомъ, я не затрудняюсь въ пониманіи тройственности времени, оно становится тогда для меня яснымъ, и я признаю его тройственность. Пусть даже говорятъ, по принятому уже, хотя не точному, употребленію, что три времени: прошедшее, настоящее и будущее; пусть употребляютъ эти выраженія, какъ техническія; я ничуть не стану противорѣчить, а тѣмъ болѣе—упрекать кого-либо въ томъ; пусть только при разговорахъ вѣрно понимаютъ, что будущаго не слѣдуетъ принимать за существующее уже (*jam esse*), а равно и прошедшаго не слѣдуетъ признавать доселѣ существующимъ (*adhuc esse*). И мы вообще о не многихъ предметахъ говоримъ съ надлежащею точностію (*proprie*), а большею частію, особенно тамъ, гдѣ слово наше оказывается безсильнымъ, выражаемся не только не точно, но даже не правильно (*improprie*); при всемъ томъ это не мѣшаетъ намъ понимать другъ друга.

ГЛАВА 21.

Немного выше ¹⁾ сказалъ я, что мы измѣряемъ времена проходящія (*praetereuntia tempora*), такъ-что можемъ говорить о нихъ: это вдвое длиннѣе, а это въ два раза короче, или продолжительность одного равна продолжительности другого, и обозначать тому подобныя отношенія между различ-

¹⁾ Смотри. гл. 16.

ными частями продолжающагося времени. И тамъ же сказано нами, что только текущія времена можно такимъ образомъ измѣрять; но не прошедшее или будущее. И если бы кто-либо спросилъ меня: откуда ты это знаешь? то я отвѣтилъ бы ему: знаю, потому-что мы ихъ измѣряемъ, а того, что не существуетъ, не можемъ измѣрять, прошедшее же и будущее не существуютъ. Но какимъ же образомъ измѣряемъ мы текущее или проходящее время, когда оно не имѣетъ для насъ продолжительности (*spatium* протяженія) ¹⁾? Оно подлежитъ нашему наблюденію и измѣренію только въ тѣхъ неувловимыхъ для насъ своихъ мгновеніяхъ (*momenta*), въ которыхъ совершается его прохождение ²⁾; когда же улетитъ, тогда не можемъ уже его измѣрять, потому-что нечего измѣрять. И когда измѣряемъ мы это время; то откуда оно приходитъ къ намъ? какимъ путемъ проходить? и куда отходить отъ насъ? Откуда приходитъ, если не изъ будущаго? какимъ путемъ проходить, какъ не чрезъ настоящее? куда отходить, если не въ прошедшее? Такимъ образомъ оно исходитъ изъ того, что не имѣетъ еще бытія; переходитъ чрезъ то, что само не имѣетъ протяженія; уходитъ туда, гдѣ нѣтъ уже бытія. Между тѣмъ мы измѣряемъ время въ его теченіи (*in spatio* въ протяженіи). И когда говоримъ: продолжительность одного равна продолжительности другаго, или же выражаемъ тому подобныя отношенія времени; то этимъ означаемъ не что иное, какъ различныя протяженія измѣряемыхъ нами временъ (*spatia temporum*). Въ какомъ же протяженіи измѣряемъ мы проходящее время? Въ будущемъ ли, откуда оно приходитъ къ намъ? но того, чего нѣтъ еще, мы не можемъ измѣрять. Въ настоящемъ

¹⁾ Смотр. послѣд. куплетъ подъ конецъ главы 15.

²⁾ Смотр. тамже, глав. 15.

ли, чрезъ которое переходить? но какъ измѣрять то, что само не имѣетъ протяженія и для насъ неуволимо? Въ прошедшемъ ли куда оно отходить отъ насъ? но и того, чего нѣтъ уже, мы тоже не можемъ измѣрять.

ГЛАВА 22.

Душа моя горитъ желаніемъ проникнуть эту необъяснимую для ней тайну и разрѣшить себѣ эти загадочныя вопросы. О Господи мой и Боже мой, преблагій и помило-сердный Отецъ, утоли жажду раба твоего. Именемъ Иисуса Христа умоляю Тебя, не отринь мольбы моей и даруй мнѣ уяснить себѣ эти явленія, съ одной стороны самыя обыкновенныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ не только непонятныя для насъ, а и въ существѣ своемъ непостижимыя; даруй мнѣ, по своему милосердію, разъяснить себѣ эти недоумѣнія при свѣтѣ твоемъ; озаряющемъ умъ мой, хотя и слабый, но во *образѣ и подобіи Твоемъ* (Быт. 1, 26. 27), Господи! И къ кому мнѣ обратиться съ этими вопросами, предъ кѣмъ исповѣдать благонадежнѣе свое невѣдѣніе, какъ не предъ Тобою, Кому не можетъ наскучить пламенное желаніе мое, влекущее меня съ такою силою къ уразумѣнію Твоихъ Писаній? Даруй же мнѣ то, что я люблю; ибо я люблю, и эту самую любовь Ты даровалъ мнѣ. Даруй, Отецъ мой, Ты, Который поистинѣ *вѣдаешь даянія блага даяти чадомъ своимъ* (Мат. VII, 11); даруй мнѣ то, о чемъ я сталъ *размышлять съ жаждою познания*, и я не престану *трудиться* мыслію (Псал. CXXII, 16.) надъ этимъ дотолѣ, доколѣ Ты не *соблаговолишь* открыть мнѣ. Христомъ, именемъ сего Святаго святыхъ, умоляю Тебя; никто не станетъ, думаю, осуждать меня за то. И я *вѣровахъ, тѣмъ же* (въ силу этой вѣры) и *возмлаглахъ* (Псал. CXV, 1; 2 Кор. IV, 13). Это надежда моя, которою я живу, чтобы насладиться созерцаніемъ Господа моего. *Се пяди* (veteres ветхіе, старческіе,

самые долговременные) *положилъ еси дни моя, въ нижше седьдесятъ лѣтъ, аще же въ силахъ, осмьдесятъ лѣтъ, а много лѣтъ сто число дней человеку, такъ мало лѣтъ въ день вѣка* (Псал XXXVIII, 6. LXXXIX, 10; Сир. XVIII, 8), — *се пяди положилъ еси дни моя*, и всѣ они проходятъ; но какъ проходятъ — того я не постигаю. У насъ потоянно на языкѣ слова: *время и время* (tempus et tempus), *времена и времена* (tempora et tempora). Такъ мы спрашиваемъ иногда: *сколько времени продолжалъ онъ говорить? сколько времени употребилъ онъ на это дѣло?* А иногда съ удивленіемъ восклицаемъ: *сколько времени прошло, какъ я съ нимъ не видѣлся!* Или замѣчаемъ: что *долгий слогъ требуетъ для произношенія своего вдвое больше времени сравнительно съ слогомъ короткимъ, на который требуется для этого половина только, или вдвое меньше времени* ¹⁾. Такъ

---

¹⁾ Это свойство принадлежитъ собственно древнимъ классическимъ языкамъ, и даетъ имъ преимущество предъ другими языками. Для нагляднаго уясненія этого свойства, примѣрно, возьмемъ вышеприведенныя слова: *tēmpŭs* и *tēmpŏrā* коими, выражается понятіе самаго времени. Первое изъ нихъ состоитъ изъ двухъ слоговъ, а послѣднее изъ трехъ. По правиламъ просодіи (Prosodia) и такъ-называемой Метрики (Ars Metrica), слогъ первый въ обоихъ словахъ есть *долгий* (выражаемый на письмѣ знакомъ —), а прочіе въ нихъ суть *короткіе* (выражаемые на письмѣ знакомъ ~); и при этомъ измѣреніи слоговъ протяженіе голоса при выговорѣ краткаго слога принимается за *мѣру* или *единицу времени*, которая и называется *темпомъ* (tempus), такъ-что *долгий слогъ* равняется двумъ короткимъ и содержитъ слѣд. въ себѣ два темпа (duo tempora), или, какъ говорятъ еще, двѣ моры (duas moras) два протяженія. Поэтому, когда произносимъ слово *tēmpŭs*, то и на первый слогъ употребляемъ два *темпа* или двѣ *моры*, а на послѣдній половину того; когда произносимъ слово: *tēmpŏrā*, то и на первый слогъ и на послѣдніе два вмѣстѣ употребляемъ времени по ровну, такъ что протяженіе голоса при

мы говоримъ другимъ и тоже слышимъ отъ другихъ, и понимаемъ другъ друга. Кажется, ничего нѣтъ яснѣе и обыкновеннѣе; а между тѣмъ, въ сущности, нѣтъ ничего непонятнѣе и сокровеннѣе и болѣе вызывающаго на размышленія.

ГЛАВА 23.

Я слышалъ отъ одного ученаго, что наши времена суть не что иное какъ движенія планетъ, солнца, луны и звѣздъ, а не годовые обороты наши (*et nil anni*). Но если такъ, то отчего не принять за времена и движеніе тѣль? Не ужъ-то, если бы вдругъ прекратилось движеніе тѣль небесныхъ, а кружилось колесо горшечника, не ужъ-то не было бы никакого времени, коимъ могли бы мы измѣрять обороты этого колеса, говоря, что такіе-то равномерно совершаются въ одинаковое время, а такіе-то въ болѣе или менѣе продол-

---

выговорѣ одного долгаго слога и двухъ короткихъ, по времени, уравнивается между собою. И это составляетъ между прочимъ огромное преимущество древнихъ языковъ предъ новѣйшими, особенно въ метрической поэзіи. Такимъ образомъ слово *tēprūs* составляетъ дву-слоговую стопу хорическую; а слово *tēprōgā* даетъ трехсловую стопу дактилическую. Эти стопы и многія другія имъ подобныя существуютъ въ поэзіи и другихъ языковъ; но основаніемъ для нихъ въ классическихъ языкахъ служитъ такъ-называемое *количество* или правильнѣе количественная мѣра времени *слововъ* (*quantitas syllabarum*), а въ другихъ языкахъ—слогодареніе (*accentus*), съ которымъ соединяется одно только повышеніе голоса на опредѣленномъ слогѣ слова при выговорѣ его, называемое иначе *тономъ* (*tonus*) безъ всякаго отношенія къ долготѣ и краткости слоговъ. Въ слѣдствіе сего и самая поэзія древнихъ языковъ называется *количественною* (*метрическою*), а послѣдняя—*тоническою*. Отъ этого-то въ древней поэзіи, какъ болѣе способной къ тому, любили употреблять пѣніе и музыку, въ звукахъ коихъ главную роль играетъ тотъ же размѣръ времени, принаровленный къ мысли и чувству.

жительное время, смотря, по различной скорости или медленности движенья колеса? Или, говоря такимъ образомъ, не подчинялись ли бы и мы сами въ рѣчи своей условіямъ времени, и въ нашихъ словахъ не было ли бы однихъ словъ долгихъ, и другихъ короткихъ, изъ которыхъ первые потребовали бы отъ насъ болѣе, а другіе менѣе времени, для своего произношенія? Боже нашъ! даруй человѣку чрезъ сравненіе малыхъ предметовъ съ великими переходить и въ пониманіи отъ малаго къ великому. Я знаю, какъ и въ Писаніи о міротвореніи сказано, что *звѣзды и свѣтила на тверди небеснѣй сотворены освѣщать землю и рлзлучати между днемъ и между ночью и поставлены въ знаменія и во времена, и во дни, и во лета* (Быт. 1, 14—16). Да, я знаю это и поэтому не сказалъ, что круговой оборотъ колеса горшечникова составляетъ то, что называется днемъ; равно какъ и вышеупомянутый мудрецъ не отрицалъ соотношенія между движеньемъ тѣлъ небесныхъ и временемъ, а напротивъ утверждалъ это, когда говорилъ, что время есть не что иное, какъ движенье этихъ тѣлъ.

Что касается до меня, то я желаю познать сущность времени, какъ способа къ измѣренію движенья тѣлъ, въ слѣдствіе чего и мы говоримъ, напримѣръ, что одно движенье вдвое продолжительнѣе или короче другаго. И я доискиваюсь этого. *Днемъ* называемъ мы не одно только продолженіе пребыванія солнца надъ горизонтомъ, отдѣляющее день отъ ночи, но все время кругообращенія солнца отъ его восхожденія до восхожденія. Мы говоримъ: *столько-то дней прошло*, не отдѣляя отъ дней и слѣдовавшихъ за ними ночей. Поелику же полный составъ дня (*сутки*) опредѣляется движеньемъ солнца, и притомъ полнымъ круговымъ оборотомъ его; то я хочу знать, что именно составляетъ день: самое ли движенье солнца, или продолжительность этого движенья, или и то и другое вмѣстѣ. Но если бы день нашъ зависѣлъ отъ одного движенья солнца, тогда

онъ могъ бы продолжаться и не болѣе часа, если бы солнце совершало суточный оборотъ въ столь короткое время. А если бы день нашъ зависѣлъ отъ одной продолжительности солнечнаго движенія, то, при ускоренномъ движеніи солнечныхъ оборотовъ, для полноты сутокъ надлежало бы солнцу совершить двадцать четыре оборота. Если же допустить и то и другое вмѣстѣ; то ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ не выйдетъ того, что мы называемъ днемъ:—будетъ ли солнце совершать свой оборотъ въ одинъ часъ, а затѣмъ въ теченіи остальнаго времени, отъ разсвѣта до разсвѣта, оставаться въ покоѣ. или же будетъ продолжать свое движеніе ускоренными оборотами. Итакъ, я буду лучше спрашивать не о томъ, что такое самъ въ себѣ такъ называемый день, а о томъ, что такое въ существѣ своемъ время, съ помощію коего измѣряя теченіе солнца, могли бы мы сказать, что оно пробѣгло бы свой суточный оборотъ вдвое скорѣе обыкновеннаго, если бы совершало его въ продолженіи двѣнадцати часовъ. И сравнивая между собою эти различныя времена, мы могли бы утверждать, что одно изъ нихъ вдвое долѣе другаго, и наоборотъ—заключать, что скорость движенія солнца находится въ обратномъ отношеніи ко времени. Такимъ образомъ пусть не говорятъ мнѣ, что время есть не что иное, какъ движеніе тѣлъ небесныхъ. Ибо когда и Иисусъ Навинъ остановилъ солнце, при помощи Божіей, чтобы довершить побѣду надъ врагами; то солнце прекратило свое движеніе, время же не прекращало своего теченія, потому-что эта брань была довершена именно въ продолженіи того времени, котораго не доставало въ этотъ день, но которое необходимо было для окончанія битвы (Ис. Нав. X, 12—14). Теперь я вижу, что время есть дѣйствительное какое-то протяженіе (*certa quaedam distentio*). Но вижу ли я это на самомъ дѣлѣ? не есть ли это одно представле-

ніе въ умѣ моемъ? Ты одинъ уяснишь мнѣ это, и Свѣтъ и Истина.

ГЛАВА 24.

Итакъ повелѣваешь ли мнѣ, Боже мой, согласиться съ тѣми, которые утверждаютъ, что время есть не что иное, какъ движеніе тѣлъ? Нѣтъ, Ты отъ меня не требуешь этого: согласно Твоему внушенію, я понимаю хорошо, что всѣ тѣла движутся во времени; но чтобы движеніе тѣлъ составляло самое время, этого ни я не понимаю, ни Ты мнѣ не внушаешь. И въ самомъ дѣлѣ. Когда тѣло движется, то я измѣряю движеніе его, отъ начала до конца, не иначе какъ при посредствѣ времени. И если я не вижу ни начала ни конца этому движенію, а только его продолженіе, то я и не могу измѣрять его во всей цѣлости, могу только измѣрять часть его, именно то движеніе, которое совершается на моихъ глазахъ и имѣетъ по отношенію ко мнѣ свое начало и свой конецъ. А если что вижу давнымъ-давно, то объ этомъ большею частію говорю неопредѣленно, что оно уже долгое время существуетъ, но не говорю, сколько именно; если же иногда и говорю сколько, то говорю сравнительно, сопоставляя съ другимъ предметомъ: *это столько же, сколько и то*, или *вдвое того*, и т. под. Но когда намъ извѣстно пространство, откуда начинается и гдѣ кончается движеніе движущагося тѣла,—если напр. это тѣло движется въ находящемся у насъ подъ руками токарномъ станкѣ; тогда мы имѣемъ возможность опредѣлить, во сколько совершилось или имѣетъ совершиться все это движеніе отъ начала до конца, или же отъ одного мѣста до другаго. И такъ-какъ измѣряемое движеніе и то, чѣмъ оно измѣряется, суть вещи различныя; то кто не пойметъ, чему приличнѣе названіе времени ¹⁾? Даже въ томъ случаѣ, если тѣла иногда

¹⁾ Т. е. движенію ли тѣлъ, или субъективной мѣрѣ этого движенія.

движутся то скорѣе то медленнѣе, а иногда остаются въ покоѣ, — и тогда время служить намъ для измѣренія продолжительности не только движенія ихъ, но и покоя, и мы говоримъ: *это тѣло столько же времени оставалось въ покоѣ, сколько находилось и въ движеніи*, или *вдвое-втрое долѣе въ покоѣ, чѣмъ въ движеніи*, и т. под. Итакъ движеніе тѣлъ не есть время.

ГЛАВА 25.

И еще исповѣмся Тебѣ, Господи, что я не знаю доселѣ, чтó такое время; и, не смотря на то, я сознаю, что когда говорю о времени, то говорю во времени, и что давно уже говорю объ этомъ времени, и что это самое *давно* есть не чтó иное, какъ продолженіе (тогда) того же времени. Какимъ же образомъ я знаю это, когда не знаю, чтó такое время? Быть можетъ, я не умѣю только выразить то, чтó знаю? О какъ я бѣденъ, что не въ состояніи даже различить, чтó знаю и чего не знаю? (*qui nescio saltem quid nesciam*)! Боже мой! Ты зришь, что я не лгу предъ Тобою; уста мои изрекають то, чтó чувствуетъ душа. *Ты просвѣтиши свѣтильникъ мой, Господи Боже мой, Ты просвѣтиши тѣму мою* (Псал. XVII, 29).

ГЛАВА 26.

Не будетъ ли въ устахъ моихъ истины, которую душа моя исповѣдуетъ предъ Тобою, если скажу утвердительно, что я измѣряю и самое время? Но такъ ли я измѣряю его, Боже мой, и чтó въ немъ я измѣряю? — самъ не знаю Движеніе тѣлъ я измѣряю временемъ; какъ же послѣ того могу сказать, что я не измѣряю самага времени? Да и могъ ли бы я измѣрять движеніе тѣлъ, если бы не измѣрять самага времени, въ которомъ совершается это движеніе? Какъ же мы измѣряемъ это время? Не такъ ли, какъ

измѣряемъ протяженность пространства, то есть, меньшею мѣрою времени большую продолжительность его, подобно тому, какъ длиною локтя опредѣляемъ длину какого нибудь бревна и тому подобныхъ предметовъ? Кажется, такъ же протяженіемъ краткаго слога мы измѣряемъ протяженіе слога долгаго, и говоримъ, что долгій слогъ вдвое дольше короткаго. Также опредѣляемъ мѣру (spatium) какого-нибудь стихотворенія мѣрою стиховъ; мѣру стиховъ—мѣрою стопъ, мѣру стопъ—мѣрою слоговъ, и протяженіе долгихъ слоговъ—протяженіемъ слоговъ короткихъ. Но при этомъ мы имѣемъ въ виду не пространство страницъ, на которыхъ все это помѣщается (ибо это значило бы измѣрять мѣсто, а не время), а прохожденіе чрезъ живой голосъ произносимыхъ словъ. Мы говоримъ: это стихотвореніе длинно, потому-что состоитъ изъ многихъ стиховъ; эти стихи длинны, потому-что слагаются изъ многихъ стопъ; эти стопы длинны, потому-что въ нихъ много слоговъ; наконецъ этотъ слогъ длиненъ, потому-что для произношенія его нужно вдвое больше времени, чѣмъ для слога короткаго. Между тѣмъ-и это не даетъ еще намъ вѣрнаго понятія объ измѣреніи времени; ибо и на короткій стихъ можно употребить болѣе времени, когда станемъ произносить его медленнѣе, нежели на стихъ длинный, когда произносимъ его скорѣе. Тоже самое можетъ быть и съ цѣлымъ стихотвореніемъ, и съ стопами, и съ слогами. Поэтому-то я и рѣшился утверждать, что время есть дѣйствительное какое-то протяженіе. Но въ чемъ заключается это протяженіе? и гдѣ оно находится?—не постигаю, если только оно не есть неотъемлемое представленіе ума нашего ¹⁾. И въ самомъ дѣлѣ; что я измѣряю, Боже мой, когда говорю или неопредѣленно: «это

¹⁾ Слич. глав. 23 въ концѣ.

время продолжительнѣе того», или даже опредѣленно: «это время вдвое продолжительнѣе того»? Я не сомнѣваюсь въ томъ, что измѣряю время: но это время, которое я измѣряю, не есть ни будущее, потому-что его нѣтъ еще; ни настоящее, потому-что оно не имѣетъ для насъ протяженія; ни прошедшее, потому-что его нѣтъ уже. Что же такое я измѣряю? Не времена ли проходящія (*praetereuntia tempora*), только не прошедшія (*praeterita*)? Такъ я утверждалъ и выше¹⁾.

ГЛАВА 27.

Употреби, душе моя, все свое усиліе: Самъ Богъ будетъ намъ Помощникомъ; *яко Той сотворилъ насъ, а не мы сами себя* (Псал. XCIX, 3). Слѣди, откуда исходитъ истина. Предположи, что раздается голосъ отъ какого-нибудь тѣла: онъ начинаетъ звучать, звучить и звучить, потомъ затихаетъ и наступаетъ тишина; и голосъ этотъ прошелъ, и нѣтъ его болѣе. До того времени, пока онъ не раздался, звукъ его принадлежитъ времени будущему, и не могъ быть измѣряемъ, потому что его не было еще; и теперь нельзя его измѣрять, потому-что его нѣтъ уже, такъ-какъ онъ принадлежитъ времени прошедшему. Этотъ звукъ тогда только и можно было измѣрять, когда онъ звучалъ, потому-что въ то время онъ существовалъ, какъ предметъ, который могъ быть измѣряемъ. Но и тогда въ немъ ничего не было постоянно-пребывающаго; онъ то появлялся, то исчезалъ (*ibat et praeteribat*). Не по этому ли самому и можно было измѣрять его, такъ-какъ этимъ перемежающимся появленіемъ и исчезновеніемъ его обозначалось нѣкое протяженіе времени, подлежащее измѣренію, тогда какъ настоящее, по неловимости своихъ мгновений, не имѣетъ для насъ никакого про-

¹⁾ Смотр. глав. 16.

тяженія? Если же такъ, то предположимъ, что вотъ раздался другой голосъ, что онъ звучитъ и звучитъ, не переставая. Измѣримъ же его, пока звучитъ; потому-что когда перестанетъ звучать, то его не будетъ уже, и намъ нельзя будетъ измѣрять его; измѣримъ его съ точностію и опредѣлимъ его продолжительность. Но онъ всё продолжаетъ звучать, и мы не можемъ измѣрять его, не имѣя въ виду начала и конца. Ибо мы измѣряемъ продолженіе времени, также какъ и протяженіе пространства, имѣя въ виду промежутокъ между началомъ и концомъ. Поэтому и голосъ, звукъ котораго еще не достигъ своего конца, нельзя измѣрить, и сказать, что онъ протяженіемъ своимъ равенъ другому, или въ половину его, или вдвое его, и т. п. Но съ другой стороны, когда онъ прекратится, тогда его уже не будетъ, и намъ нечего будетъ измѣрять. Какимъ же образомъ возможно измѣреніе его? А между тѣмъ мы измѣряемъ времена; но не тѣ, которыхъ нѣтъ еще, ни тѣ, которыхъ нѣтъ уже, ни тѣ, которыя не имѣютъ для насъ никакого протяженія, ни тѣ, которыя не имѣютъ своихъ предѣловъ по началу и концу, словомъ: и не будущія, и не прошедшія, и не настоящія, ни даже тѣ, которыя въ мгновеніяхъ своихъ проходятъ (*praetereuntia*); и при всемъ томъ мы сознательно измѣряемъ времена.

Возьмемъ на примѣръ хоть бы этотъ стихогъ: *Dēus creatōr omnīum*, изъ воспѣтаго Тебѣ святителемъ Твоимъ Амвросіемъ гимна, отрывокъ котораго приведенъ нами въ 12 главѣ книги IX нашей Исповѣди. Этотъ стихъ состоитъ изъ восьми слоговъ, которые попеременно чередуются то краткими то долгими. Четыре предыдущіе слога нечетные суть короткіе, именно: первый, третій, пятый и седьмой; а четыре послѣдующіе четные — долги, именно: второй, четвертый, шестой и осьмой. Первые т. е. короткіе по отношенію къ долгимъ суть однократные (*simples*), а послѣдніе или дол-

гіе по отношенію къ короткимъ суть двукратныя (duplae), по мѣрѣ времени произношенія тѣхъ и другихъ, такъ-что на произношеніе долгаго слога употребляется вдвое времени, чѣмъ на произношеніе слога короткаго ¹⁾. Такимъ образомъ я и произношу эти слоги, и увѣряюсь въ томъ свидѣтельствомъ собственнаго слуха, и для меня становится несомнѣннымъ, что я измѣряю долгій слогъ короткимъ, и что первый звучитъ въ устахъ моихъ вдвое протяжнѣ послѣдняго. Но такъ-какъ они произносятся одинъ послѣ другаго, сначала короткій, а за нимъ долгій; то какимъ образомъ могу опредѣлить отношеніе короткаго слога къ долгому, когда долгій не прежде начинаетъ звучать въ устахъ моихъ, какъ по пре Kraщеніи короткаго? Да и самый долгій слогъ подлежитъ измѣренію не во время произношенія, а послѣ него, потому-что доволѣ звуку нѣтъ конца, до тѣхъ поръ нельзя составить опредѣленнаго понятія и о продолжимости его. А коль скоро звукъ прекращается, то и нѣтъ его уже болѣе (finitio est praeteritio). Чтó же послѣ этого могу я измѣрять? гдѣ краткій слогъ, который долженъ служить мѣрою? гдѣ и долгій, который подлежитъ измѣренію? Оба они прозвучали, и затѣмъ улетѣли: они прошли, и нѣтъ ихъ уже. Между тѣмъ я измѣряю ихъ, и на основаніи свидѣтельства собственныхъ чувствъ съ увѣренностію утверждаю, что по протяженію т. е. по времени произношенія этихъ слоговъ одни изъ нихъ на половину короче, а другіе вдвое длиннѣе. И я не могъ бы этого сказать объ нихъ, если бы они не закончили своего теченія. Чтó же отсюда слѣдуетъ? Тó, что я измѣряю не самыя слоги въ ихъ произношеніи, а оставшійся о томъ образъ въ душѣ моей, сохраняющійся въ памяти 2).

¹⁾ Слич. глав. 22 съ примѣчаніемъ и глав. 26 тоже съ примѣчаніемъ.

²⁾ Т. е. той изумительной способности души нашей, о которой блаж. Августинъ такъ много рассуждалъ въ предыдущей (X) книгѣ.

Итакъ, въ тебѣ, душе моя, измѣряю я времена; и ты не круши меня требованіемъ уяснить эту тайну, и не томи себя различными недоумѣніями и предположеніями. Да, еще разъ повторяю, въ тебѣ измѣряю я времена; и когда измѣряю ихъ, то измѣряю не самые предметы, которые проходили и прошли уже безвозвратно, а тѣ впечатлѣнія, которыя они произвели на тебя: когда сами предметы прошли и не стало ихъ, впечатлѣнія остались въ тебѣ, и ихъ-то я измѣряю, какъ присущіе мнѣ образы, измѣряя времена. Если же не такъ, если и это невѣрно; то или времена имѣютъ само-бытное существованіе, или я не времена измѣряю. Но что же это значить, что мы измѣряемъ самое молчаніе, безмолвіе, тишину, и выражаемся хоть бы такъ: «они больше молчали, нежели говорили; безмолвіе одного столько же продолжалось, сколько болтливость другаго; продолжительная тишина смѣнилась внезапнымъ шумомъ»? Не обращаемся ли мы тогда мысленно къ представленію о какомъ-нибудь звукѣ, чтобы сравнительно съ нимъ сказать что-нибудь и о промежуткахъ молчанія, подвергая и ихъ измѣренію времени? Иногда не отрывая рта мы читаемъ про себя стихи какого-нибудь поэта, обращаемъ вниманіе на размѣръ ихъ и наблюдаемъ при этомъ мѣру времени, какъ бы мы читали ихъ въ слухъ. Положимъ, что ктонибудь захотѣлъ бы испытать, сколь долго можетъ онъ выдержать непрерывное протяженіе голоса, — въ такомъ случаѣ онъ могъ бы опредѣлить это время для себя молча, предварительнымъ въ мысли своей выдержаннымъ опытомъ, а потомъ уже, ввѣривъ свой выводъ памяти, приняться за выполненіе своего намѣренія: онъ возвысилъ бы свой голосъ, который, начавъ звучать, звучалъ бы непрерывно до опредѣленнаго заранее срока. Итакъ голосъ звучитъ (*sonat*) отъ начала до конца своего, или, точнѣе сказать, звучалъ и еще будетъ звучать (*sonuit et sonabit*): ибо звуку безспорно принадлежитъ только прошедшее и будущее, потому-

что тѣхъ звуковъ, которые прозвучали, нѣтъ уже, а тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ звучать, нѣтъ еще. Такимъ-то образомъ совершается нами измѣреніе времени: постоянное напряженіе души нашей переводитъ свое будущее въ свое прошедшее, доколѣ будущее не истощится совершенно и не обратится всецѣло въ прошедшее.

ГЛАВА 28.

Но какимъ образомъ будущее, которое не осуществилось еще, можетъ сокращаться и истощаться? или какимъ образомъ прошедшее, которое не существуетъ уже, можетъ расти и увеличиваться? Развѣ благодаря тому, что въ душѣ нашей замѣчаются три акта дѣйствования: *ожиданіе* (*expectatio*, то же что—чаяніе, упованіе, надежда), *вниманіе* (*attentio*, то же что—взглядъ, воззрѣніе, созерцаніе, *intuitus*) и *память* или *воспоминаніе* (*memoria*)¹⁾, такъ-что предметъ нашего ожиданія, дѣлаясь предметомъ нашего вниманія, переходитъ въ предметъ нашей памяти. Нѣтъ сомнѣнія, что будущее еще не существуетъ; однакоже въ душѣ нашей есть ожиданіе будущаго. Никто не станетъ отбѣргать и того, что прошедшее уже не существуетъ; однакоже въ душѣ нашей есть воспоминаніе прошедшаго. Наконецъ нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что настоящее не имѣетъ протяженія (*spatium*), потому-что оно проходитъ для насъ неуловимо (*in puncto praeterit*), какъ недѣлимое; но вниманіе души нашей останавливается на немъ, посредствомъ чего будущее переходитъ въ прошедшее. Поэтому не время будущее длинно, котораго нѣтъ еще, но длинно будущее въ ожиданіи его; равнымъ образомъ не время прошедшее длинно, котораго нѣтъ уже, но длинно прошедшее по воспоминанію о немъ.

¹⁾ Слич. глав. 20.

Такъ, я намѣреваюсь, положимъ, пропѣть извѣстный мнѣ гимнъ, который знаю наизусть. Прежде нежели начну его, я весь обращаюсь при этомъ въ *ожиданіе*. Но когда начну, тогда пропѣтое мною, переходя въ прошедшее, принадлежитъ уже моей *памяти*, такъ-что жизнь моя при этомъ дѣйствии разлагается на *память* по отношенію къ тому, что пропѣто, и *ожиданіе* по отношенію къ тому, что остается пѣть, а *вниманіе* всегда присуще мнѣ, служа къ переходу будущаго въ прошедшее. И чѣмъ далѣе продолжается дѣйствіе мое, тѣмъ болѣе *ожиданіе* сокращается, а *воспоминаніе* возрастаетъ, доколѣ первое не истощится совершенно и не обратится всецѣло въ послѣднее. И что говорится о цѣломъ гимнѣ, то можно приложить и ко всѣмъ его частямъ и даже къ каждому изъ слоговъ. Тоже самое можно примѣнить и къ дѣйствіямъ, болѣе продолжительнымъ, по отношенію къ коимъ этотъ гимнъ служить только краткою частичкою; и къ цѣлой жизни человѣка, коего всѣ дѣйствія суть части ея; наконецъ и къ цѣлымъ вѣкамъ сыновъ человѣческихъ, коихъ разныя поколѣнія и единичныя жизни составляютъ части одного цѣлаго.

ГЛАВА 29.

И самая жизнь моя что такое была доселѣ, какъ не постоянное разсѣяніе (*distentio*)? Но такъ-какъ *милосердіе Твое*, Боже мой, *лучше* всякой жизни; то *десница Твоя воспріяла меня* (Цсал. LXII, 4. 9), въ лицѣ Спасителя моего, Иисуса Христа, Сына человѣческаго, Котораго Ты поставилъ Посредникомъ между Собою *однимъ* и нами *человѣками многими*, изъ коихъ каждый растрогается еще въ самомъ себѣ множествомъ предметовъ порабающихъ насъ. Ты воспріялъ меня, Господи, чтобы мнѣ познать и *постигнуть Тебя* чрезъ Того, *Имже и познанъ есмь*; чтобы оставивъ пути прежнихъ дней Тебѣ слѣдовать одному, и,

задняя, (praeterita прошедшее) забывая, въ предняя же (quæ ante sunt, что впереди насъ) простираяся (не съ разсѣянными мечтами о томъ будущемъ, которое здѣсь еще пройдетъ въ свое время, но съ сосредоточеннымъ вниманіемъ къ той будущности, которой тамъ не будетъ уже конца), *стремиться къ почести вышняго званія* (Филип. III, 12—14; 1 Кор. XIII, 12), *еже услышати ми гласъ хвалы Твоя и зрѣти ми безначальную и нескончаемую красоту Твою*, ни приходящую ни преходящую (Псал. XXV, 7. XXVI, 4). А здѣсь *животъ мой въ болѣзни и лѣта моя въ воздыханіихъ* (—XXX, 11); единственное утѣшеніе мое — въ Тебѣ одномъ, Отецъ мой. Ты вѣченъ, Господи Боже мой, а я подлежу преемственности временъ, коихъ сущность и распорядокъ непостижимы для меня. Мысли мои—эта такъ сказать утроба души моей болѣзненно раздирается тревожною перемѣнчивостію этихъ временъ, и я въ этомъ смятеніи не успокоюсь дотолѣ, доколѣ жизнь моя, огнемъ любви Твоей, какъ въ горнилѣ, искушаемая и очищаемая, не погрузится всецѣло въ объятія Твои, и я соединюсь съ Тобою.

ГЛАВА 30.

Тогда я пребуду въ Тебѣ и не поколеблюсь въ истинѣ Твоей, непреложной и неизмѣнной, въ томъ образѣ своемъ, по которому Ты создалъ меня (Быт. 1, 26. V, 1). Тогда не станутъ болѣе смущать меня суетные вопросы людей, болѣе любопытныхъ, нежели здравомыслящихъ, которые, за свое дерзновеніе праведно испытывая недугъ ума, вопрошаютъ: «Что же дѣлалъ Богъ до сотворенія Имъ неба и земли? и откуда пришло Ему на мысль приступить къ творенію, тогда какъ прежде ничего не творилъ?» Творче и Вседержителю! вразуми ихъ и даруй имъ здраво мыслить о томъ, о чемъ говорятъ; даруй имъ познать, что слово

«прежде» неприложимо тамъ, гдѣ нѣтъ времени, и самыя слова ихъ, что «Ты прежде ничего не творилъ», не имѣютъ инаго значенія, кромѣ того, что твореніе Твое *не во времени*. Да уразумѣютъ они, что никакого времени не могло быть прежде творенія, а съ твореніемъ явились и самыя времена. Пусть же перестанутъ пустословить, а лучше размышляютъ о томъ, чтобы, *простираясь въ предняя* (quæ ante sunt), *познать и постигнуть Тебя* (Филип. III, 10. 12—14), Который, будучи предвѣчнымъ Творцомъ всѣхъ временъ и всего существующаго, предваряешь всѣ времена и превыше всего, такъ-что ничто Тебѣ не совѣчно, ни времена, ни твари, хотя бы даже предположить какія-нибудь изъ нихъ и превыше временъ).

¹⁾ Вся эта борьба мыслей Августина о времени, представленная имъ въ настоящей (XI) книгѣ, похожа на борьбу мыслей его о пространствѣ, изображенную имъ во многихъ мѣстахъ книги VII. Было время, по словамъ Августина, когда онъ и естество божественное представлялъ себѣ въ пространствѣ, хотя и безконечномъ, но все же въ пространствѣ. »Я ничего не могъ—говорить онъ—представить себѣ внѣ пространства; всякій предметъ, не наполняющій собою опредѣленнаго мѣста, исчезалъ въ понятіи моемъ, представляясь ничѣмъ, даже не пустотою, а совершенно ничѣмъ; точно также не могъ я представить себѣ, что по устраненіи тѣла изъ занимаемаго имъ мѣста остается одно мѣсто, чуждое всякаго матеріальнаго содержанія; для моей мысли совершенно не существовало безпредметное или пустое пространство. Такимъ образомъ и Твое (божественное) естество, нетлѣнное и неизмѣняемое, поставленное мною выше всего, подлежащаго поврежденію и измѣненію, я принужденъ былъ представлять себѣ, если и не въ формѣ тѣла человѣческаго, то по крайней мѣрѣ чѣмъ-то тѣлеснымъ, отъ всюду объемлющимъ и проникающимъ всѣ части всего міра и простирающимся въ безконечныя пространства» (Книг. VII, глав. 1). Но безпредметное или пустое пространство, иначе такъ-называемое математическое пространство, опредѣленное въ ограничивающихъ его формахъ или безпредѣльное по своему протяженію, существуетъ

ГЛАВА 31.

О глубина богатства и премудрости и разума Твоего, Господи Боже мой! какъ непостижимы судьбы Твои, и не изслѣдимы пути Твои (Рим. XI, 33)! и какъ еще болѣе удалили меня отъ Тебя послѣдствія гибельныхъ грѣхопаденій моихъ! О, умоляю Тебя, исцѣли слѣпотствующія очи души моей, и я возрадуюсь свѣту Твоему! Если бы

только въ идеѣ; а въ мірѣ вещественномъ какъ нѣтъ предметовъ безъ пространства, такъ нѣтъ и пространства безъ матеріи. Не то же ли должно сказать и о времени въ параллель пространству? »Не есть ли и это одно представленіе только въ умѣ нашемъ«, какъ выразился въ концѣ 23 главы и самъ Августинъ: *sed video an videre mihi videor?* И время безъ предметовъ, подобно пространству, какъ конечное, такъ и безконечное, не въ идеѣ ли только существуетъ; въ мірѣ же дѣйствительномъ какъ нѣтъ предметовъ безъ времени, такъ нѣтъ и времени безъ предметовъ? Выходитъ и по Августинову образу мышленія, что *пространство и время суть условныя формы* ума нашего, безъ которыхъ мы не можемъ мыслить о мірѣ вещественномъ, какъ твердить намъ о томъ и Философія; въ приложеніи же своемъ къ міру духовному они должны видоизмѣняться, а къ Творцу этихъ міровъ и всего сущаго не должны имѣть и не имѣютъ никакого приложенія, такъ-что въ Творцѣ наше *пространство* выражается *безпредѣльностью*, *время* же наше—*вѣчностью*. Но эта безпредѣльность все-таки состоитъ не въ пространствѣ, и эта вѣчность—не во времени. Было время, говоритъ Августинъ, когда »душа моя, погружаясь въ суетныя и нелѣпыя мечты, создавала себѣ Бога, наполняющаго собою всѣ мѣста въ безпредѣльномъ пространствѣ, и воображала, что таковъ именно—Ты. И помѣстила этотъ призракъ въ сердце своемъ, и содѣлалась храмомъ идола своего, мерзостнымъ для Тебя. Но когда Ты пригрѣлъ главу невѣжды и отвратилъ очи мои отъ мучительной суеты нелѣпныхъ мудрованій; тогда я почувствовалъ нѣкоторое успокоеніе, и безуміе мое какъ-бы заснуло. Я пробудился въ Тебѣ, Господи, и увидѣлъ, что Ты дѣйствительно безпредѣленъ; но эта безпредѣльность Твоя совсѣмъ не такова, какою я представлялъ ее себѣ доселѣ: и это вѣдѣніе проистекало уже не отъ плоти и

нашелся умъ, обладающій столь огромными свѣдѣніями и прозорливостію, что все прошедшее и будущее было бы ему такъ же извѣстно, какъ мнѣ извѣстенъ составъ одного гимна, который я знаю на память отъ слова до слова; то таковой умъ крайне поразилъ бы насъ своею чрезвычайностію, такъ-какъ всѣ вѣка и протекшіе и грядущіе, со всѣми событіями въ нихъ совершавшимися и имѣющими совершиться, были бы раскрыты предъ нимъ и какъ бы присущи его мысли, точно такъ же, какъ для меня, когда я пою этотъ гимнъ, все ясно до такой степени, что въ каждый моментъ вижу, что и сколько пропѣто мною изъ него отъ начала и что и сколько остается пѣть до конца. Но и такое знаніе всего будущаго и прошедшаго недостойно Тебя и не свойственно Тебѣ, какъ Творцу вселенныя высочайшему, Творцу душъ и тѣлесъ. Образъ Твоего вѣдѣнія безконечно разнится отъ нашего, и для насъ дивенъ и непостижимъ. И въ самомъ дѣлѣ. Всѣ дѣйствія души нашей ограничиваются временемъ

не отъ крови. Я увидѣлъ, что все обязано своимъ существованіемъ Тебѣ и все ограничивается Тобою, но не по отношенію къ пространству; что Существо Твое все объемлетъ своимъ высочайшимъ Умомъ и все содержитъ своею высочайшею Волею, а не пространствомъ, какъ нѣкое ограниченное и даже безграничное вмѣстилище; что Ты одинъ въ истинномъ смыслѣ существуешь, потому-что Ты только одинъ существуешь вѣчно и неизмѣнно, а все прочее существующее отъ Тебя происходитъ и не имѣетъ инаго основанія своему существованію. Уразумѣлъ и то, что все сотворенное Тобою соотвѣтствуетъ не только мѣсту своему, но и времени пребыванія своего, что Ты, будучи одинъ вѣченъ, безначально и безконечно, не по истеченіи безчисленныхъ вѣковъ сталъ творить, а творишь отъ вѣчности, и что всѣ времена и протекшія и грядущія не могли бы имѣть ни начала ни конца своего, если бы Твое вѣчное всемогущество не выразилось въ своемъ творествѣ» (Книг. VII, примѣч. къ глав. 1; глав. 14, 15; примѣч. къ глав. 16; глава 20).

настоящаго, прошедшаго и будущаго, такъ-что если изъ насъ, положимъ, одинъ поетъ или читаетъ, а другіе слушаютъ, то вниманіе (attentio) наше при этомъ (будемъ ли пѣть, или читать, или слушать), сосредоточиваясь на настоящемъ, въ тоже время развлекается и какъ бы раздвояется еще между ожиданіемъ (expectatio) будущаго и воспоминаніемъ (memoria) о прошедшемъ ¹⁾. Но въ Тебѣ, Творче разумовъ, ничего подобнаго не можетъ быть; потому-что Ты, будучи истинно вѣченъ, вѣчно пребываешь неизмѣняемый. Какъ Ты въ началѣ зналъ небо и землю безъ всякаго измѣненія вѣдѣнія своего; точно также и сотворилъ въ началѣ небо и землю безъ всякаго ограниченія дѣйствованія своего. Кто постигаетъ это, да исповѣтся Тебѣ и прославить Тебя; и кто не въ силахъ уразумѣть этого, тоже да исповѣтся Тебѣ и воздастъ Тебѣ славу. О, какъ Ты величественъ! и кто можетъ подняться до высоты Твоего величія? А между тѣмъ Ты благоволишь обитать въ сердцахъ сокрушенныхъ и смиренныхъ! ибо Ты возводишь низверженныя (erigis elisos, возстановляешь согбенныхъ Псал. CXLV, 8), и ничто не можешь уничтожить ихъ, потому что величіе ихъ въ Тебѣ.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Въ этой книгѣ блаж. Августинъ продолжаетъ изъясненіе того же стиха, что и въ предыдущей: въ началѣ сотвори Богъ небо и землю, и слѣдующихъ за нимъ, имѣющихъ ближайшее къ нему отношеніе. Здѣсь онъ высказываетъ свое мнѣніе, что

---

¹⁾ Слич. глав. 20 и 28.

подъ словомъ „небо“ надобно разумѣть вообще міръ существъ духовныхъ (міръ горній), непрестанно созерцающихъ и славящихъ Бога, а подъ словомъ “землю” понимать первоначальную матерію, не имѣвшую ни вида ни образа, изъ которой затѣмъ получили свое образованіе существа міра вещественнаго (міръ дольній), являясь не вдругъ, а постепенно, и не отъ вѣчности, а во времени. Впрочемъ тутъ же разъясняетъ, что не слѣдуетъ отвергать и другихъ мнѣній, а напротивъ того въ св. Писаніи, при глубинѣ смысла, могутъ быть допускаемы многообразныя толкованія

ГЛАВА 1.

Духъ мой, возбуждаемый словами святаго Писанія Твоего, Господи, изнемогаетъ отъ борьбы мыслей, волнующихъ его среди этой бѣдственной жизни моей: поэтому большею частію и происходитъ то, что у человѣка бываетъ меньше мыслей, чѣмъ словъ; онъ истощается въ словахъ, чтобы отыскать истину; но онъ болѣе ищетъ, чѣмъ обрѣтаетъ ее, и рука толкущаго болѣе изнемогаетъ, нежели воспринимаетъ. Но мы имѣемъ обѣтованія Твои, Господи; и кто можетъ отнять ихъ у насъ? Если Богъ за насъ, кто противъ насъ (Рим. VIII, 31)? *Просите, сказалъ Онъ намъ, и дастся вамъ; ищите, и обрящете; толцуйте, и отверзется вамъ. Всякъ бо просій приѣмлетъ, и ищай обрѣтаетъ, и толкущему отверзется* (Мат. VII, 7. 8). Вотъ Твои обѣтованія, Господи; и кто можетъ опасаться обмана, когда общается сама Истина?

ГЛАВА 2.

Смирненное слово мое исповѣдуетъ предъ величіемъ Твоимъ, что Ты сотворилъ небо и землю; что это небо, которое я вижу надъ собою, и эта земля, которую я попираю своими ногами [отъ которой взята и та персть, въ которую Ты одѣлъ мою душу (Быт. 2, 7.)], Тобою сотворены. Но

гдѣ же то *небо небесе*, Господи, о которомъ говорится у псалмопѣвца и пророковъ: *небо небесе Господеви, землю же даде сыновомъ чловѣческимъ* (Псал. СХІІІ, 24; Втор. X, 14; 3 Цар. VІІІ, 27)? Гдѣ то *небо*, котораго мы не видимъ, передъ которымъ и для котораго все, что мы видимъ, есть *земля*, какъ *подножіе ногъ Его* (Иса. LXVI, 1; Дѣян. VІІ, 49)? Ибо все видимое нами небо, для котораго земля наша служить какъ бы подножіемъ, какъ ни прекрасно, съ неисчетнымъ множествомъ содержащихся въ немъ тѣлъ небесныхъ; но и это небо земли нашей по отношенію къ тому невидимому небу небесе есть тоже, что земля въ отношеніи къ небу своему. И мы не погрѣшимъ, если скажемъ, что оба эти великія творенія, видимыя нами, можно назвать землею по отношенію къ тому невидимому для насъ небу, которое служитъ престоломъ Господу, а не сынамъ чловѣческимъ.

ГЛАВА 3.

И эта то *земля была невидима и неустроена* (Быт. 1, 2). И не знаю, что это за глубина бездны, покрытой тьмою, гдѣ не было никакого свѣта. Точно, это былъ какой-то хаосъ, въ которомъ ничего нельзя различать, потому что земля эта не имѣла еще никакого вида и устройства. Вотъ почему и сказано, что *тма была верху бездны* (тамъ-же); а эта тма что такое могла выражать, какъ не отсутствіе свѣта? И гдѣ онъ могъ бы проявить свое присутствіе, если бы существовалъ, какъ не на поверхности ея, облекая и освѣщая ее своими лучами? А какъ свѣта еще не было; то присутствіе тьмы и выражало собою отсутствіе свѣта. Такимъ образомъ тма была вверху бездны, потому что свѣта не было тамъ; подобно тому, какъ царствуютъ тишина и безмолвіе тамъ, гдѣ не слышно никакого звука и никакого шума... И что означаютъ тутъ это безмолвіе и эта

тишина, какъ не отсутствіе всякаго звука и шума? Не Ты ли это, Господи, внушилъ такія мысли душѣ моей, которыя она исповѣдуетъ предъ Тобою? Не Ты ли, Господи, Самъ вразумляешь меня въ томъ, что ничего не было, ни цвѣта (color), ни вида (figura), ни тѣла, ни духа, дотолѣ, пока Ты не устроилъ и не привелъ въ порядокъ эту безъобразную матерію (informem materiam), не имѣющую ни вида ни образа, изъ которой Ты въ послѣдствіи образовалъ всѣ творенія міра вещественнаго? Однако же это не было вовсе ничто, а было что-то безъобразное (quaedam informitas), безъ всякаго вида и образа.

ГЛАВА 4.

Какъ же надлежало назвать эту первобытную матерію, чтобы она могла быть понятна сколько-нибудь и для простаго смысла, какъ не общеупотребительнымъ какимъ-нибудь наименованіемъ? И что можно найти во всемъ мірѣ лучшаго для приблизительнаго выраженія того, въ чемъ нѣтъ никакого *вида и образа*, какъ не *землю и бездну*? Ибо онѣ по низшему положенію своему въ ряду твореній менѣе всего отличаются этимъ, и много уступаютъ въ семъ отношеніи всѣмъ прочимъ высшимъ твореніямъ, болѣе и болѣе свѣтлымъ и прекраснымъ. Какъ же поэтому не согласиться, что для выраженія этой безъобразности матеріи (informitas materiae), каковою Ты создалъ ее первоначально (не имѣвшею ни вида ни образа), но изъ которой Ты образовалъ затѣмъ столь чудный и дивный по красотѣ своей міръ, а вмѣстѣ и для сообщенія людямъ понятія о таковой матеріи нельзя лучше прибрать словъ, какъ сказать: *земля же бѣ невидима и неустроена* (Быт. 1, 2)?

ГЛАВА 5.

Но при этомъ мысль наша пытается узнать, что та-

кое эта матерія для чувствъ нашихъ, и мысль сама себѣ даетъ на то такой отвѣтъ: «эта матерія не есть предметъ умственный, какъ жизнь или правда, потому что она составляетъ вещество тѣлъ, подлежащихъ чувствамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она не есть и предметъ подлежащій чувствамъ, потому-что въ ней, какъ невидимой и неустроенной (безъ вида и образа), нѣтъ ничего, что бы могло дѣйствовать на чувства и быть ими воспринимаемо». Въ такомъ случаѣ не значить ли, что разумъ человѣческій, при подобномъ разсужденіи о первобытной матеріи, становится въ такое положеніе, что знаніе его обращается въ незнаніе, и незнаніе становится знаніемъ, или, что тоже знаніе его равняется незнанію (*vel posse ignotando, vel ignorare noscendo*)?

ГЛАВА 6.

Да, Господи Боже мой! - Если уже исповѣдывать мнѣ предъ Тобою и устно и письменю все, чему Ты научилъ меня объ этой (первобытной) матеріи, названіе которой слышалъ я и прежде, но которой не понималъ, какъ и тѣ (манихеи), которые говорили мнѣ о ней; то я сознаюсь, что я представлялъ ее себѣ въ безконечно различныхъ образахъ, и потому представлялъ не ее. Духъ мой на этотъ разъ превращалъ порядокъ вещей и строилъ себѣ отвратительные и ужасные образы но все же—образы. И это-то называлъ я безъобразнымъ (*informe*), не потому впрочемъ, чтобы оно не имѣло образа, а потому, что представлялось мнѣ въ такомъ образѣ, въ какомъ оно, если бы видимо явилось, оттолкнуло бы мои чувства и поразило бы ужасомъ всякаго челоуѣка, какъ нѣчто чудовищное и химерическое. То, что я представлялъ себѣ, было не столько безъобразно, сколько безобразно, не по отсутствію всякаго образа, а по сравненію съ образами благовидными; и разумъ мой, не успокоиваясь на этомъ, требовалъ отъ меня, чтобы я отвлекся мыслію отъ

всякой образности и совершенно отрѣшился отъ ней, если хочу представить себѣ вполнѣ безъобразность этой матеріи: но я не могъ достигнуть того. Для моего понятія доступнѣе было полагать, что безъ всякой формы ничего не существуетъ, чѣмъ представлять себѣ что-то среднее между облеченнымъ въ форму и ничтожествомъ, а слѣдовательно ни то ни другое, а что-то и не имѣющее формы (безформенное) и имѣющее бытіе (не ничтожество). Наконецъ духъ мой пересталъ пытаться о томъ свое воображеніе, которое ничего не представляло мнѣ, кромѣ образовъ тѣлъ, облеченныхъ въ дѣйствительныя формы, и которое мѣняло и разнообразило ихъ по своему произволу; я обратилъ взоръ свой на самыя тѣла и сталъ вникать поглубже въ ихъ *измѣняемость*, по которой они перестаютъ быть тѣмъ, чѣмъ были, и начинаютъ быть тѣмъ, чѣмъ не были. Я догадывался, что этотъ переходъ изъ формы въ форму совершается при посредствѣ совершеннаго ничтожества (*per informe quiddam, non per omnino nihil*). Но я желалъ знать, а не догадываться только. И если бы я сталъ исповѣдываться предъ Тобою и устно и письменно во всемъ, что относится къ этой задачѣ, какими путями шелъ я къ разрѣшенію ея и какъ Ты вразумлялъ и просвѣщалъ меня при уясненіи оной; то у кого достало бы терпѣнія слушать или читать меня? При всемъ томъ душа моя не перестанетъ ублажать Тебя, воздавая Тебѣ честь и славу, и за то, что исповѣдалъ, и за то, чего не исповѣдалъ,—за всѣ благодѣянія Твои не смотря на то, что я о многомъ умалчиваю. И дѣйствительно, я сталъ познавать, что измѣняемость вещей измѣняемыхъ сама по себѣ дѣлаетъ ихъ способными къ воспріятію всякихъ формъ, въ которыхъ онѣ видоизмѣняются. Но что же такое эта измѣняемость? Духъ ли? тѣло ли? или сочетаніе того и другаго вмѣстѣ? Если бы можно было сказать, что *«ничто есть что-то, а что есть, то вмѣстѣ и не есть»*, что воз-

можно смѣшеніе бытія и не бытія; то я сказалъ бы тоже и объ этой измѣняемости. Впрочемъ какъ бы то ни было, только надобно же допустить, что въ первобытной матеріи, не имѣвшей ни вида ни образа, было что-то, что дѣлало ее способною къ воспріятію этихъ образовъ видимыхъ и благоустроенныхъ, въ которые блечены творенія міра нами видимаго.

ГЛАВА 7.

И откуда эта матерія могла произойти, въ чемъ бы ни заключалась сущность ея, какъ не отъ Тебя, Боже мой, отъ Котораго и все существующее получило свое бытіе? Но между этою матеріею и Тобою нѣтъ никакого сравненія; она настолько отстоитъ отъ Тебя, насколько не походить на Тебя, и разность отдаленности этой не можетъ быть измѣряема никакимъ разстояніемъ мѣстъ. Итакъ Ты, Господи, Который не измѣняешься никакъ и никогда, но всегда пребываешь одинъ и тотъ же, одинъ и тотъ-же, одинъ и тотъ же, *святъ, святъ, святъ Господь Богъ Вседержитель* (Псал. СІ, 26—28; Иса. VI, 3; Апок. IV, 8),—Ты сотворилъ эту матерію и все существующее изъ ничего, сотворилъ на непреложномъ Началѣ ¹⁾ своемъ, которое въ Тебѣ, на вѣчной Премудрости ²⁾ Твоей, которую Ты родилъ изъ Себя. Да, Ты сотворилъ небо и землю изъ ничего, а не изъ себя—изъ своего существа (*de substantia tua*); иначе твореніе Твое равнялось бы Единородному (Сыну) Твоему, а чрезъ то и Тебѣ Самому, а ни какимъ образомъ не могло быть, чтобы то, что не изъ Твоей сущности произошло, равно было Тебѣ. Да, бромъ Тебя, ничего и не было, изъ

¹⁾ Смот. книг. предыд. XI глав. 8.

²⁾ Смот. тамъ же глав. 9.

чего бы Ты могъ творить ихъ, Боже, Единый въ своей троичности и Троичный въ своемъ единствѣ. Такъ, Ты сотворилъ изъ ничего это небо и эту землю; нѣчто великое и нѣчто малое: ибо Ты, по своему безпредѣльному могуществу и по своей безпредѣльной благодати, вызвалъ изъ ничтожества въ бытіе творенія всякаго рода и вида, и *дѣла Твоя вся добра злы* (Быт. 1, 31; Сир. 39, 21), отъ созданій этого величественнаго неба до созданій этой маленькой земли. Ты одинъ существовалъ, и кромѣ Тебя ничего не было, когда Ты творилъ небо и землю, эти два созданія: одно, ближе подходящее къ Тебѣ, а другое, ближе подходящее къ ничтожеству (*unum prope te, alterum prope nihil*) ¹⁾, такъ-что первое ничего не имѣло выше себя, кромѣ Тебя, а послѣднее—ничего ниже себя, кромѣ ничтожества (*unum, quo superior tu esses, alterum, quo inferius nihil es et*).

ГЛАВА 8.

Но это небо небесе Ты предназначилъ Себѣ, Господи, а эта земля, которую Ты предоставилъ сынамъ человѣческимъ (Псал. СХШ, 24), въ обладаніе ихъ, не была тогда такою, какою мы теперь видимъ ее и обладаемъ. Она была еще *невидима и неустроена, и тма была верху этой бездны* (Быт. 1. 2), потому что надъ нею не было свѣта, то, есть, эта тма болѣе облежала поверхность бездны.

---

¹⁾ Очевидно, что здѣсь разумѣется земля не столько въ томъ видѣ, въ какомъ она явилась изъ рукъ Творца, по окончаніи творенія, и въ какомъ мы видимъ ее теперь, сколько въ видѣ первоначальномъ, какъ первобытная матерія или масса, не имѣвшая еще никакого образа, изъ которой затѣмъ уже получилъ свое образованіе міръ нашъ; то есть, разумѣется здѣсь земля *невидимая и неустроенная*, о которой въ этихъ главахъ идетъ рѣчь, какъ о томъ въ началѣ слѣдующей за сими главы и высказывается яснѣе мысль.

нежели проникала въ самую бездну. Ибо эта бездна водъ, зримыхъ и во глубинахъ своей, по самому составу стихій, имѣеть нѣкоторый видъ свѣта, которымъ дозвольствуются по крайней мѣрѣ рыбы и другія пресмыкающіяся животныя, обитающіяся въ этихъ подземныхъ пучинахъ и пропастяхъ; а все прочее близко подходило къ ничтожеству, потому-что не имѣло еще никакого образа, хотя имѣло въ себѣ задатки, дѣлавшіе эту безобразность способною къ воспріятію образовъ. И Ты, Господи, образовалъ міръ сей изъ этой безобразной матеріи, которую сотворилъ Ты изъ ничего и которая близка была къ ничтожеству, такъ что изъ этой ничтожной матеріи образовались столь чудныя и дивныя творенія, которыя величіемъ своимъ не перестаютъ изумлять насъ—сыновъ человѣческихъ. Да, что можетъ быть поразительнѣе этой *тверди небесной*, которую Ты основалъ во второй день, послѣ сотворенія *свѣта* (Быт. 1, 3—5), для раздѣленія *водъ* однихъ отъ другихъ, *между водою, яже бѣ надъ твердою, и между водою, яже бѣ подъ твердою*, сказавъ: *да будетъ,—и бысть тако?* И эту *твердь* назвалъ Ты *небомъ*, но *небомъ* этой *земли (суши)* и этихъ *мррей* (собранія *водъ* подъ небесамъ), которыя Ты образовалъ въ третій день (Быт. 1, 6—10. 13), сообщивъ видимый образъ не имѣвшей вида безобразной матеріи, сотворенной Тобою прежде всякихъ дней. Конечно, Ты сотворилъ и небо прежде всякихъ дней; но это—небо небесе, небо земнаго неба, о которомъ и сказано, что Ты въ началѣ сотворилъ *небо и землю*. Что же касается до самой земли, которую Ты сотворилъ: то это и была только безобразная матерія, такъ-какъ земля эта была *невидима и неустроена*, и *тма* была *верху* этой *бездны*: изъ этой-то земли невидимой и неустроенной, изъ этой безобразной и почти ничтожной матеріи Ты восхотѣлъ произвести и произвелъ безчисленное множество твореній, составляющихъ міръ сей. Творенія эти находятся въ постоянной видоизмѣняемости,

такъ-что измѣняемость эта даетъ себя чувствовать въ мирѣ измѣненіемъ временъ, которыя мы наблюдаемъ и исчисляемъ; ибо отъ этой видоизмѣняемости, которой подлежатъ все сотворенное, происходятъ самыя времена, когда вещи въ своихъ видахъ и образахъ постоянно измѣняются и разнообразятся; и это съ тѣхъ поръ, какъ получили онѣ свое образованіе изъ первобытной (земли), не имѣвшей ни вида ни образа.

ГЛАВА 9.

Вотъ почему Духъ—учитель раба твоего (Моисея), открывая, какъ Ты *въ началѣ* сотворилъ небо и землю, ничего не говоритъ о временахъ, умалчиваетъ о дняхъ. Именно: небо небесе, которое Ты сотворилъ въ началѣ, есть миръ существъ духовныхъ; а они хотя и не совѣчны Тебѣ, въ Твоей троичности, но, будучи сопричастны Твоей вѣчности при всегдашнемъ наслажденіи блаженствомъ отъ созерцанія лица Твоего, становятся чуждыми свойственной творенію измѣняемости; пребывая въ Тебѣ безъ всякаго колебанія отъ самаго сотворенія своего, они стоятъ выше всякихъ перемѣнъ; а безъ перемѣнъ нѣтъ и преемства временъ. И самая земля, какъ невидимая и неустроенная, эта безобразная матерія тоже почислена не въ ряду дней: потому что и тамъ, гдѣ нѣтъ никакого устройства и никакого распорядка, гдѣ нѣтъ ни прихожденія, ни прехожденія, гдѣ ничего подобнаго не бываетъ,—тамъ тоже не можетъ быть никакихъ дней и никакихъ перемѣнъ временныхъ, продолженіямъ боихъ можно было бы вести счетъ.

ГЛАВА 10.

О Истина, свѣтъ души моей! Не попусти, чтобы мракъ невѣдѣнія моего внушалъ мнѣ что-либо. Эти временные и скоропреходящіе предметы увлекли меня своимъ потокомъ,

и я омрачился. Но это-то самое, это и заставило меня обратиться къ тебѣ и возлюбить Тебя. Я впалъ въ заблужденія, уклонившись отъ истиннаго пути; но я вспомнилъ о Тебѣ. Я слышалъ гласъ Твой, доходившій до меня издали,—гласъ, который звалъ меня на путь обращенія; и я едва внялъ этому гласу, будучи заглушаемъ и обуреваемъ тревожнымъ шумомъ толпы людей немиролюбивыхъ (*per tumultus irascatorum*) ¹⁾. И вотъ я наконецъ возвращаюсь къ Тебѣ; отъ жажды, которая палитъ и сожигаетъ меня, обращаюсь къ Тебѣ — *источнику воды живыя* (Іоан. IV, 10.—14). Пусть никто не останавливаетъ меня; я буду пить изъ сего источника, и рода его оживить меня. Не стану болѣе жить своею жизнію; худо я жилъ самъ собою; я не жилъ, а постоянно умиралъ, нося въ себѣ смерть: Ты только можешь оживотворить меня, и я въ Тебѣ только могу обрѣсти жизнь. Самъ Ты вѣдай мнѣ, Господи, и будь путеводителемъ моимъ. Я вѣрю и ввѣрился твоимъ священнымъ книгамъ; но въ нихъ много таинственнаго и неудобопостижимаго.

ГЛАВА II.

Наконецъ Ты открылъ мнѣ, Господи, могущественнымъ словомъ своимъ внутреннему слуху моему, что Ты *влеченъ* (Рим. XIV, 25), *единъ истинный безсмертіе* (I Тим. V, 16); ибо Ты не измѣняешься ни въ образахъ ни въ движеніи, и

---

¹⁾ По замѣчанію Мпнне и другихъ, въ нѣкоторыхъ изданіяхъ значится: *per tumultus irascatorum* — *грѣшниковъ*; а въ нѣкоторыхъ: *irascatorum* — *не умиротворимыхъ*; во всѣхъ же манускриптахъ, ни одного почти не исключая, сохраняется текстъ послѣдній, который и признается болѣе вѣрнымъ и съ обстоятельствомъ предшествовавшей жизни Августина согласнымъ, такъ какъ подъ этимъ словомъ могъ онъ разумѣть здѣсь именно *манихеевъ*, коими увлеченъ былъ въ манихейскую ересь, какъ *непримиримыхъ* враговъ священнаго Писанія.

воля Твоя не подчиняется переменчивости времени; а та воля, которая видоизмѣняется одинъ разъ такъ, другой разъ иначе, переставая быть тѣмъ, чѣмъ была, чтобы сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ не была, не есть воля вѣчная. Это становится для меня яснымъ при свѣтѣ Твоемъ; но да уяснится еще болѣе и болѣе, молю Тебя, чтобы мнѣ при этомъ откровеніи пребыть твердымъ въ здравомысліи подъ кровомъ крылъ Твоихъ. Равнымъ образомъ открылъ Ты мнѣ, Господи, тѣмъ же мощнымъ словомъ своимъ сокровенному слуху моему, что всѣ твари и всѣ существа, которыя конечно не то, что Ты, и однакоже имѣютъ свое бытіе, Тобою сотворены, и только то не отъ Тебя, что не существуетъ (ничтожество); да еще не отъ Тебя уклоненіе отъ Тебя воли существъ Тобою сотворенныхъ,—отъ Тебя, какъ отъ своего Творца и Существа Высочайшаго; а это хуже самаго ничтожества, потому что это уклоненіе есть преступленіе или грѣхъ. Но никакой грѣхъ чьей бы то ни было воли ни Тебѣ не вредить, ни порядка не нарушаетъ въ царствѣ владычества Твоего, ни по отношенію къ высшимъ, ни по отношенію къ низшимъ твореніямъ Твоимъ. Это ясно для меня при Твоемъ свѣтѣ Молю же Тебя, осѣнай меня этимъ свѣтомъ болѣе и болѣе, чтобы при Твоемъ откровеніи пребыть мнѣ непоколебимымъ въ трезвомъ здравомысліи подъ кровомъ крылъ Твоихъ.

Ты открылъ мнѣ, тѣмъ же словомъ своимъ тому же слуху моему, еще и то, что и тѣ небожители—существа міра духовнаго, коихъ воля сосредоточена вся въ Тебѣ самомъ (*cujus i. e. creaturae voluntas tu solus es*), не совѣчны

---

1) Въ нѣкоторыхъ манускриптахъ вмѣсто *voluntas* стоитъ *voluptas*—довольство.

Тебѣ, хотя существа эти, наслаждаясь въ Тѣбѣ чистѣйшею и неизмѣнною жизнію, превыше всякой измѣняемости. Имѣя Тебя всегда присутимъ себѣ, потому что соединяются съ Тобою всею любовію своею, и не нуждаясь ни въ будущихъ ожиданіяхъ, ни въ прошедшихъ воспоминаніяхъ они не испытываютъ никакихъ превратностей и не подчиняются преемственности временъ. О, какъ они блаженны, кто бы ни были они, пребывая и соучаствуя въ Твоемъ блаженствѣ безъ перерыва,—какъ они блаженны, имѣя Тебя всегдашнимъ сожителемъ и просвѣтителемъ своимъ! И я не нахожу, чѣмъ бы лучше можно назвать это *небо небесе*, которое служить *престоломъ Господу* (Псал. СХІІІ, 24. Иса. LХVІ, 1), какъ не *домомъ* Твоимъ; въ немъ домочадцы Твои наслаждаются лицезрѣніемъ Твоимъ неотлучно, безъ всякаго поползновенія отлучиться на страну чуждую, будучи связаны неразрывными узами мира и единенія со святыми Твоими небожителями, гражданами града Твоего на небесахъ, превыше нашей тверди небесной.

Да уразумѣетъ же это всякая душа, которая въ странствованіи своемъ удалилась на страну чуждую, да пойметъ, если она томится *жаждою* тѣхъ благъ, если уже *слезы* ея сдѣлались для ней *хлѣбомъ*, когда каждый день говорятъ ей: *гдѣ Богъ твой?* если *одного* проситъ она у Господа и *того* только ищетъ у Него, чтобы *жить ей въ дому Его* *вся дни живота своего* (Псал. XLІ, 3. 4. 11. XXVІ, 4). И что такое жизнь ея, если это не Ты? и что такое дни твои, какъ не вѣчность Твоя, дни, которые подобно *лѣтамъ Твоимъ* не оскудѣваютъ, потому что Ты вѣчно *тойже еси* (Псал. LСІ, 28)—О, да уразумѣетъ послѣ сего эта душа, по мѣрѣ силъ своихъ, насколько вѣчность Твоя превыше всякихъ временъ, если и домочадцы дома Твоего, эти блаженные существа, никогда не удаляющіяся отъ Тебя на страну чуждую, не смотря на то, что не совѣчны

Тебѣ, но между тѣмъ пребывая въ Тебѣ постоянно и неизмѣнно; не испытываютъ никакихъ перемѣнъ времени. И это ясно для меня при свѣтѣ Твоемъ; да усугубится же этотъ свѣтъ во мнѣ, умоляю Тебя, чтобы мнѣ въ этомъ откровеніи сохранить трезвость ума подъ кровомъ крыль Твоихъ.

Все это понятно для меня и все это знаю я; одного только здѣсь не понимаю и не знаю, вотъ чего; что это за безъобразность первобытной матеріи, и какъ эта безъобразность относится къ тѣмъ перемѣнамъ, коимъ подверглись и которыя испытали творенія при образованіи ихъ изъ этой матеріи (земли невидимой и неустроенной)? И кто станетъ утверждать, кромѣ водящагося суетными помышленіями сердца своего и мечтами воображенія своего, кто за исключеніемъ такового сталъ бы утверждать, что эта безъобразность, при отсутствіи въ ней всякаго образа предметнаго, такъ-чтобы въ ней ничего не было, а была бы только одна масса безъобразная, служащая матеріею предмету для перехода отъ образа къ образу въ видоизмѣненіяхъ его,—что эта безъобразность могла бы сама собою проявить перемѣны времени? Это совершенно невозможно: ибо безъ разнообразія движеній нѣтъ и времени; и гдѣ нѣтъ никакихъ образовъ, тамъ не можетъ быть и разнообразія.

ГЛАВА 12.

Послѣ этого размышленія, внушеннаго мнѣ Тобою, Боже мой, насколько Ты самъ пробуждалъ умъ мой и насколько удовлетворялъ его пытливости, изъ того, что благоволилъ Ты открыть мнѣ, я усматриваю, что между твореніями Твоими есть два такіа, которыя не подчиняются временамъ, хотя ни то, ни другое не совѣчны Тебѣ: одно, которое такъ устроено, что хотя ему, какъ творенію, и свойственна измѣняемость, однако оно пребываетъ неизмѣнно, потому что нас-

лаждается въ лицедрѣніи Твоемъ Твоею вѣчностію и неизмѣняемостію безъ всякаго перерыва и безъ всякой перемѣны; а другое, которое не имѣло въ себѣ никакого устройства, что давало бы ему возможность видоизмѣняться въ движеніи или въ неподвижности и подчиняться перемѣнамъ времени. Но это послѣднее Ты не оставилъ въ такомъ неустройствѣ; ибо Ты сотворилъ прежде всѣхъ дней, въ началѣ, небо и землю, эти два творенія, о которыхъ я уже говорилъ. *Земля же бѣ невидима и неустроена, и тма верху бездны* (Быт. 1, 2). Этими словами Ты хотѣлъ только выразить понятіе о безобразности и неустроенности первобытной матеріи, чтобы исподоволь вразумить тѣхъ, которые, не въ состояніи будучи отрѣшиться отъ всякой образности, не могутъ представить себѣ что нибудь безъ всякаго вида и образа, и вообще показать, что это есть та самая матерія, изъ которой Ты образовалъ видимое нами другое небо, и эту землю видимую, и устроенную, и эти воды чистыя и прозрачныя, и все то, что въ послѣдствіи упоминается въ частности объ устройствѣ міра сего, и что все это произведено уже не безъ времени (non sine diebus), а въ продолженіи опредѣленнаго числа дней, потому что эти творенія такого свойства, что всѣ они, испытывая опредѣленныя измѣненія въ движеніяхъ и формахъ своихъ, тѣмъ самымъ подчиняются и перемѣнамъ времени.

ГЛАВА 13.

И вотъ какихъ я мыслей, когда внимаю словамъ Писанія Твоего, Боже мой, которое говоритъ мнѣ: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю; земля же бѣ невидима и неустроена, и тма верху бездны* (Быт. 1. 2), а между тѣмъ ничего не упоминаетъ, въ какой день сотворилъ Ты ихъ. Я думаю такъ, что здѣсь подъ *небомъ* разумѣется то небо небесе, небо духовное, или міръ существъ.

духовныхъ, гдѣ свойственно этимъ существамъ *видѣніе и знаніе* не *отъ части* и не по частямъ, не *якоже зеркаломъ въ гаданіи* и не перемѣнчивое, одинъ разъ такъ, а другой разъ иначе, но цѣлостное и всеобъемлющее, въ яснѣмъ явленіи *лицемъ къ лицу*, всегда одинаковое, полное и *совершенное*, безъ всякой измѣняемости временъ (1 Кор. 13, 9. 10. 12); а подъ *землею* разумѣется та земля, не имѣвшая ни вида ни образа, которая служила первоначальною матеріею для образованія существъ міра вещественнаго; и въ этомъ первобытномъ состояніи своемъ она тоже не могла испытывать перемѣнъ временъ, потому что тамъ не можетъ быть никакого измѣненія, гдѣ нѣтъ никакого образа. И по отношенію къ этимъ двумъ твореніямъ, полагаю я, Писаніе Твое ничего не упоминаетъ о дняхъ, когда говорить: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*. Одно изъ нихъ съ перваго, такъ сказать, разу получило всю полноту и совершенство своего устройства, а другое на первый разъ явилось безъ всякаго почти устройства, какъ безъобразная матерія, которая подлежала еще образованію; первое—это небо, но *небо небесе*, а послѣднее—это земля, но *земля невидимая и не устроенная*. Ибо непосредственно слѣдующія затѣмъ слова: *земли же бы чизиди и неустроена*, ясно показываютъ, что здѣсь разумѣется подъ землею; а когда во второй затѣмъ день говорится о сотвореніи тверди, которая названа тутъ же небомъ, то этимъ не менѣе ясно указывается на то, что это—не то небо, о которомъ сказано выше, при сотвореніи котораго ничего не упомянуто о дняхъ.

ГЛАВА IV.

Дивная глубина словесъ Твоихъ! Мы останавливаемся на поверхности ихъ, какъ младенцы; но глубина ихъ, Боже мой, глубина дивная! Нельзя безъ страха и трепета погру-

жаться въ нее взорамъ нашимъ; но этотъ страхъ проистекаетъ отъ благоговѣнія, и трепеть—отъ любви. Нестерпимы для меня тѣ, которые враждебно относятся къ этому слову Твоему и я съ болѣзненнымъ, но праведнымъ негодованіемъ смотрю на нихъ. О если бы Ты поразилъ ихъ тѣмъ же *словомъ* своимъ, какъ *мечемъ обоюду острымъ* (Евр. IV, 12), чтобы они не враждовали противъ него! Да, я желаю имъ, чтобы они перестали жить для себя, а жили бы для Тебя. Есть между ними и такіе, которые хотя не отрицаютъ этой книги Творенія (Бытія) и съ уваженіемъ относятся къ ней; но между тѣмъ говорятъ мнѣ: «Духъ Божій, который рабу своему Моисею внушалъ написать эти слова, имѣлъ въ виду дать имъ не такое значеніе, какое придаешь имъ ты; онъ не то разумѣлъ, что ты говоришь, а то, что мы говоримъ»¹⁾. Поэтому я отвѣчаю имъ предъ Тобою, Боже нашъ, всеблагій Творецъ всего и всѣхъ; и Ты будь между нами посредникомъ и судіею.

ГЛАВА 15.

«Неужели вы скажете, что все это ложно, что внушаетъ мнѣ Истина, внушаетъ могущественнымъ словомъ своимъ внутреннему слуху моему, о непреложной вѣчности Творца, открывая, что существо Его отнюдь не подвержено переменамъ временъ и что воля Его такова же, какъ и существо? что въ слѣдствіе этого всѣ Его желанія неизмѣнны, совмѣстны, непреложны (*velle semel et simul et semper*), такъ что они ни повторяются, ни перемѣняются, ни входятъ въ борьбу съ нежеланіями: иначе такая воля будетъ измѣняема, а все то, что подлежитъ измѣненію, не вѣчно:

¹⁾ Здѣсь Августинъ разумѣетъ вообще манихеевъ, какъ замѣчено уже нами въ главѣ 10-й.

Богъ же нашъ вѣченъ? Что скажете и о томъ, что наше ожиданіе будущаго есть созерцаніе того, что имѣеть еще совершиться, наша память или наше воспоминаніе о прошедшемъ есть созерцаніе того, что уже совершилось, наше вниманіе къ настоящему есть созерцаніе присущаго намъ, посредствомъ котораго совершается переходъ будущаго въ прошедшее. когда предметъ нашего ожиданія, дѣлаясь предметомъ нашего вниманія, переходитъ въ предметъ нашей памяти¹⁾—и все это подвержено перемѣнамъ, постоянно измѣняясь; а что перемѣнчиво и непостоянно, то не вѣчно: Богъ же нашъ вѣченъ? Сравнивая и соображая это, я нахожу, что Богъ мой, какъ Богъ вѣчный, произвелъ твореніе свое не какъ бы неожиданно и вновь проявившеюся волею, а волею отъ вѣчности въ Немъ пребывающую неизмѣнною, и что вѣдѣніе Его не подвержено никакимъ измѣненіямъ.

«Что же скажете вы мнѣ на это, возражатели мои? Станете ли утверждать, что это не вѣрно?»—«Нѣтъ»—отвѣчаютъ они. «Что же далѣе? Несправедливо ли и то, что всякое существо, получившее свое образованіе изъ матеріи, равно какъ и самая матерія, не имѣвшая образа, но способная къ воспріятію его, получили свое бытіе отъ Одного Того, Кто есть высочайшая Благость, потому-что Онъ есть Высочайшее Существо?»—«И это мы не отвергаемъ»—говорятъ они. «Что же затѣмъ? Не отвергаете ли вы того, что есть существа возвышенныя, много превышающія насъ, которыя соединены столь чистою и возвышенною любовію съ Богомъ истиннымъ и истинно вѣчнымъ, что они никогда не отдѣляются и не уклоняются отъ Него, но пребываютъ въ Немъ неизмѣнно, наслаждаясь созерцаніемъ Его совершенствъ, и, хотя они и не совѣчны Ему, не испытываютъ никакихъ перемѣнъ свойственныхъ временному?» Ибо Ты Госпо-

¹⁾ Слич. книг. XI глав. 20 и 28.

ди, любящему Тебя всею крѣпостію любви, какъ Ты заповѣдуешь, открываешь Себя настолькоъ, что составляешь его довольство и блаженство вполне, такъ-что онъ не подвергается никакимъ уклоненіямъ отъ Тебя, но всегда пребываетъ въ Тебѣ. Изъ таковыхъ то существъ состоитъ этотъ домъ Божій: онъ не похожъ ни на нашу землю, ни на наше небо; это есть *небо небесе* (Псал. СХШ, 24.)—міръ существъ духовныхъ, сопричастныхъ Твоей вѣчности; ибо онъ пребываетъ во вѣки безъ всякихъ измѣненій. Ты утвердилъ его навсегда, *на вѣки и во вѣкъ вѣки* далъ ему уставъ, отъ котораго онъ ни въ чемъ не отступить (тамже СХLVIII, 6). При всемъ томъ, повторяю, онъ не совѣченъ Тебѣ, Боже, потому-что онъ не безъ начала, будучи твореніемъ Твоимъ.

Правда, что міръ этихъ существъ духовныхъ превыше времени, потому-что *прежде всегохъ создася премудрость* (Сир. 1, 4.); только эта премудрость не есть та Премудрость, которая Тебѣ, Боже нашъ, Отцу своему вполне совѣчна и соприносущна, чрезъ которую все сотворено Тобою и на которой, какъ непреложномъ Началѣ, утвердилъ Ты небо и землю ¹⁾, а конечно это—та премудрость, которая сотворена, то есть міръ духовный, коего существа разумныя чрезъ созерцаніе твоего свѣта сами становятся свѣтомъ: ибо и эти существа называются премудростію, хотя и сотворенною. Но какъ велико различіе между свѣтомъ освѣщающимъ и свѣтомъ освѣщаемымъ, такъ велика разница между мудростію творящей и мудростію сотворенною: точно также какъ между правдою оправдывающею и правдою, сдѣлавшеюся таковою чрезъ оправданіе. Такъ и мы называемся правдою Твоею у одного изъ богодуховенныхъ писателей Твоихъ: *не видѣвшіа бо грѣха*, сказано у него,

¹⁾ Слич. книг. XI. глав. 9.

по насъ грѣхъ сотвори, да мы будемъ правда Божія о Немъ (2 Кор. V, 21). Эта-то премудрость сотворенная прежде всего, и составляетъ міръ существъ духовныхъ, гражданъ святаго града Твоего, *вышняго Иерусалима*, иже есть *мати всѣмъ намъ, града свободнаго и вѣчнаго* (Гал. IV, 26; Евр. XII, 22) на небесахъ; и на *какихъ небесахъ, какъ не тѣхъ небесахъ небесъ*, которыя *хвалятъ Тебя*, и на томъ *небѣ небесе*, которое служитъ *престоломъ* Тебѣ (Псал. CIII, 24. CXLVIII, 4; Иса. LXVI, 1)? И хотя этотъ міръ духовный превыше времени, потому-что, будучи сотворенъ прежде всего, предваряетъ и сотвореніе самаго времени; не смотря однакожъ на то, превыше его господствуетъ вѣчность самаго Творца, отъ Котораго и онъ чрезъ сотвореніе получилъ свое начало, если не по времени, котораго не было еще, то по условію бытія своего.

Итакъ творенія этого міра отъ Тебя, Боже нашъ; но и они совсѣмъ не то, что Ты, и существо ихъ совершенно отлично отъ существа Твоего. Ибо хотя мы и не усматриваемъ никакого времени, ни прежде ихъ, ни въ нихъ самихъ, потому что они всегда наслаждаются *лицезрѣніемъ* Твоимъ и никогда не уклоняются отъ Тебя, такъ-что они не подвергаются никакому измѣненію: однакоже въ самой природѣ ихъ, какъ твари, лежатъ задатки возможности къ измѣняемости, въ слѣдствіе которой они могли бы и *омрачаться въ познаніи Тебя и охладѣвать въ любви къ Тебѣ*, если бы они не освѣщались свѣтомъ Твоимъ, никогда не померкающимъ,—не согрѣвались любовію Твоею, никогда не оскудѣвающею, и не пребывали, *яко всегдашнее полудне* (Псал. XXXVI, 6). *О домъ свѣтозарый и любвеобильный! Какъ я возлюбилъ благослѣпіе твое, и мѣсто селенія славы Господа моего* (Псал. XXV, 8), который устроилъ тебя и обитаетъ въ тебѣ! Къ тебѣ направленъ и къ тебѣ ведетъ путь всего странствованія моего: и я зываю къ Тому, Кто создалъ тебя, чтобы и меня

принялъ въ число Своихъ домочадцевъ, такъ-какъ и я, подобно тебѣ, Его же твореніе. *Заблудихъ, яко овца погибшее* (Псал. СХVІІІ, 176): но я уповаю, что на *раменахъ* Пастыря моего (Лук. XV, 4—6), Того Великаго Пастыреначальника, Который *Единъ* есть *Посредникъ и Ходатай* между нами и Тобою (1 Тим. II, 5), принесенъ буду къ Тебѣ въ домъ Твой.

»Что же скажете вы мнѣ, возражатели мой, съ которыми я велъ бесѣду,—вы, которые признаете и Моисея за вѣрнаго слугу Божьяго и книги его за богодухновенныя писанія? Не есть ли это домъ Божій, конечно не совѣчный Богу, но по своему естеству сопричастный вѣчности Его на небесахъ, гдѣ напрасно ищете переменъ времени, потому-что вы не найдете ихъ тамъ? Тамъ нѣтъ ни пространства, ни времени, ни свойственной имъ измѣняемости; а все благо небожителей этого дома состоитъ въ томъ, чтобы быть имъ всегда близъ Бога, какъ говоритъ Псалмопѣвецъ: *мнѣ же прильпятся Богови благо есть* (LXXII, 28). „Да!“—говорятъ они мнѣ—«мы согласны, что это есть *домъ Божій*».—„Что же изъ всего того, что я исповѣдалъ передъ Богомъ, воздавая Ему хвалу отъ глубины души,—что наконецъ не признаете вы за истину? Быть можетъ то, что я говорилъ о первобытной матеріи; именно, что при ея безобразности не могло быть въ ней никакого устройства и никакого порядка, а гдѣ не было еще строенія и распорядка, тамъ не могло быть и преемственности времени? При всемъ томъ и эта матерія (она—почти ничто, насколько не было вовсе ничто),—въ чемъ бы сущность ея ни состояла, сотворена Тѣмъ же Самимъ, Кѣмъ сотворено и все существующее, въ какомъ бы видѣ ни существовало. «И этого», говорятъ они, «мы не отрицаемъ».

ГЛАВА 16.

Говоря это предъ Тобою, Боже мой, я имѣю въ виду тѣхъ, которые принимаютъ (по крайней мѣрѣ не противорѣчать) за истину все то, о чемъ истина твоя не умолчала предо мною, но открыла внутреннему чувству моему. А съ тѣми, которые упорно отвергаютъ все это, не хочу имѣть дѣла. Пусть шумятъ, сколько имъ угодно, и заглушаютъ себя. Я желалъ бы только убѣдить ихъ, чтобы они унялись и замолчали, чтобы открыли доступъ къ себѣ слову Твоему, ежели не захотѣли слушать словъ моихъ и оттолкнули меня отъ себя. Ты же, Господи Боже мой, умоляю Тебя, *да не премолчиши отъ мене* (Псал. XXVII, 1). Возвѣщай душѣ моей истину, которую я могу узнать отъ Тебя Одного. Что касается до этихъ упорствующихъ безумцевъ, то я ихъ лучше предоставлю самимъ себѣ, пусть возметають пыль къ собственному помраченію. А я уединюсь въ кѣлѣтъ свою и буду тамъ воспѣвать Тебѣ пѣсни любви Твоей среди *неизглаголанннхъ* *воздыханій* (Рим. VIII, 26) странствованія своего, устремлю всѣ взоры мысли своей и всѣ желанія сердца своего къ горнему Иерусалиму, тому Иерусалиму, который есть и отечество мое и мать моя, и къ Тебѣ, Боже мой, Который царствуешь надъ нимъ и управляешь имъ, къ Тебѣ, Отцу его, Защитнику и Покровителю его, Жениху его, Источнику чистыхъ и нескончаемыхъ утѣхъ его, святой и совершенной радости его, — къ Тебѣ, Который составляешь Собою всѣ блага его, такъ-какъ Ты Одинъ—истинное и высочайшее благо. И я не перестану воздыхать и устремлять мысли и желанія свои къ Тебѣ и къ *небесному Иерусалиму* Твоему, *ко граду живаго Бога* (Евр. XII, 22), пока Ты не возьмешь всего меня всецѣло изъ этого разсѣянія и нестроенія, пока не водворишь меня въ этой миротворной и любвеобильной обители дома Твоего въ *мѣстѣ селенія славы Твоея* (Псал.

XXV, 8), гдѣ уже начинаетъ витать духъ мой и отгуда свѣтъ всякой истины истекаетъ для меня,—пока Ты щедротами милосердія Твоего не претворишь и не утвердишь меня такъ, чтобы мнѣ вѣчно пребывать въ Тебѣ, Боже мой! А тѣмъ, которые хотя и не отвергаютъ исповѣданныхъ мною истинъ, принимаютъ и высоко цѣнятъ вмѣстѣ съ нами священныя книги Твои, написанныя Моисеемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не во всемъ соглашаются со мною,—тѣмъ вотъ что я могу сказать: будь Ты, Боже нашъ, посредникомъ и судіею между моею исповѣдью и ихъ возраженіями.

ГЛАВА 17.

Эти возражатели мои вотъ что говорятъ мнѣ: «Хотя все то, что ты говоришь, вѣрно и неоспоримо; но Моисей, писавшій по вдохновенію Духа Святаго, въ этихъ словахъ: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю* (Быт. 1, 1), не такъ разумѣлъ *небо* и *землю*, эти два творенія, какъ ты ихъ понимаешь. Подъ именемъ *неба* онъ не имѣлъ въ виду міра существъ духовныхъ, безплотныхъ, постоянно созерцающихъ лице Божіе; и подъ именемъ *земли* не разумѣлъ какой-либо безобразной матеріи». — «Что же такое разумѣлъ онъ подъ этими словами?» — «То, что мы разумѣемъ, то самое и Моисей разумѣлъ, и такое же значеніе давалъ этимъ словамъ, какое и мы придаемъ имъ». — «Что же именно?» — «Подъ именемъ *неба и земли*» — говорятъ они — «онъ хотѣлъ напередъ обозначить вообще и кратко весь этотъ видимый, чувственный міръ, чтобы за тѣмъ описать подробно и провести по днямъ все, относившееся къ этому творенію, о чемъ Духу Святому угодно было сообщить. Ибо народъ, съ которымъ онъ имѣлъ дѣло, были люди грубые и плотянные, такъ-что съ ними можно было говорить только о дѣлахъ и твореніяхъ Божіихъ видимыхъ, подлежащихъ чувствамъ нашимъ». Впрочемъ, что касается дальнѣйшихъ

словъ: *земля же бѣ невидима и неустроена, и тма верху бездны* (Быт. 1, 2), изъ которой послѣдовательно въ продолженіи извѣстнаго числа дней раскрывается образованіе и устроеніе всего видимаго и открытаго предъ нами; то они соглашались, что здѣсь можно допустить, согласно съ моимъ мнѣніемъ, понятіе и о безъобразной матеріи.

А что, если другой кто скажетъ, что «подъ именемъ *неба и земли* разумѣется здѣсь та первобытная матерія, не имѣвшая ни вида ни образа, или первобытный хаосъ, изъ котораго образованъ и устроенъ этотъ видимый міръ, со всѣми его твореніями; а міръ въ совокупности обыкновенно и называется небомъ и землею»? Что, если и еще кто скажетъ, что «по этимъ двумъ словамъ *небо и земля* весьма можно заключить о двухъ мірахъ, невидимомъ и видимомъ, которымъ какъ нельзя лучше приличны эти названія неба и земли, и такимъ образомъ представлять себѣ здѣсь всю вселенную, которую сотворилъ Богъ, какъ Творецъ Всемогуцій, Премудростію Своею, въ которой лежитъ Начало всему»? 1) Притомъ, все сотворено не изъ самаго Существа Божественнаго, а изъ ничего, потому-что существо сотвореннаго совсѣмъ не то, что Существо Божіе, которое совершенно отъ него отлично, и всѣ твари подвержены большей или меньшей измѣняемости, пребываютъ ли онѣ на дѣлѣ неизмѣнны, какъ этотъ вѣчный домъ Божій (о которомъ говорено было выше), или претерпѣваютъ перемѣны по своему состоянію, какъ душа и тѣло человѣка. Поэтому въ слѣдующихъ затѣмъ словахъ: *земля же бѣ невидима и неустроена, и тма верху бездны*, почему не допустить мысли, что здѣсь означается общая первобытная матерія всего видимаго, матерія еще безъ всякаго образа, но конечно способная къ воспріятію его, изъ которой долженъ

1) Слич. книг. XI, глав. 9.

ствоваши произойти небо и земля, эти оба творенія, невидимое и видимое, каждое въ свойственномъ ему видѣ и образѣ? Только, допуская это, нужно различать, что подъ *землею невидимую и неустроенную* значитъ первобытная матерія вещественная, та, какою она было до воспріятія своего образа, съ свойственною этому образу измѣняемостію, а подъ *тмою вверху бездны* значитъ первобытная матерія духовная, та, какою была она до воспріятія образа своего, до освѣщенія ея Твоею Премудростію и до начертанія предѣловъ или ограниченія возможной и для этого образа измѣняемости.

Можетъ наконецъ и еще кто-нибудь сказать, если ему будетъ угодно, что «при чтеніи этихъ словъ: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю, подъ небомъ и землею* надобно разумѣть не вполне уже устроенныя Творцемъ и совершенно заключенныя природы этихъ двухъ міровъ, невидимаго и видимаго, а первоначальное только приготовленіе для нихъ матеріи, не имѣвшей еще ни вида ни образа, но способной къ воспріятію претворенія и образованія, такъ-какъ въ ней заключались въ смѣси, безъ различія качества и формъ, задатки всего того, что въ послѣдствіи такъ чудно и такъ прекрасно устроено, и что мы называемъ небомъ и землею, разумѣя подъ *небомъ* міръ существъ духовныхъ, а подъ *землею* творенія міра вещественнаго».

ГЛАВА 18.

О всѣхъ этихъ и тому-подобныхъ толкованіяхъ и объясненіяхъ не хочу я вступать въ словопренія; потому-что такія словопренія ни мало не служатъ къ пользѣ, а къ разстройству служащихъ (2 Тим. II, 14). Мы же знаемъ, что для назиданія и созиданія *законовъ добрыхъ*, если кто *законо творитъ его*; ибо цѣль закона есть *любы отъ чиста сердца и совѣсти. благія и въры немлицемѣрныя* (1 Тим.

1, 5. 8). И Божественный Учитель нашъ хорошо вѣдалъ, на какихъ двухъ заповѣдяхъ *весь Законъ и Пророки* утверждаются (Мат. XXII, 40). Такъ-какъ слова Моисея могутъ быть понимаемы и объясняемы различно, безъ всякаго противорѣчія общимъ законамъ истины; то какая бѣда для меня, когда я съ вѣрою и любовію исповѣдую свои мысли о нихъ предъ Тобою, Боже мой, Свѣте мой, просвѣщающій вмутреннія очи сердца моего? Какая бѣда для меня самаго, повторяю, или какой вредъ для другаго, кого бы то ни было, отъ того, если я не такъ думаю, какъ думаетъ другой, о томъ, что думалъ или разумѣлъ подъ этими словами самъ Бытописатель? Всѣ мы, безспорно, читая эти слова, стараемся проникнуть и постигнуть тотъ смыслъ оныхъ, какой имѣлъ въ виду самъ писатель; и такъ-какъ мы почитаемъ его правдолюбивымъ и любящимъ истину, съ полнымъ къ нему довѣріемъ, то мы не можемъ и не дерзаемъ допустить той мысли, чтобы онъ имѣлъ въ виду ввести насъ словами своими въ заблужденіе. И такъ, когда каждый изъ насъ старается узнать въ Священномъ Писаніи тотъ смыслъ, какой имѣлъ въ виду самъ писатель; то что тутъ худаго, если мы усматриваемъ въ немъ то, что Ты Самъ открываешь намъ за истину, будучи Источникомъ свѣта истины для всѣхъ, ищущихъ ея съ вѣрою и любовію, хотя бы у Священнаго Писателя, котораго мы стараемся понять, была и другая мысль, никакъ не противорѣчающая истинѣ, но и не совпадающая съ нашею мыслию?

ГЛАВА 19.

Такъ, это истина, Господи, что Ты *сотворилъ небо и землю* (Быт. 1, 1); и то истина, что *Пемудрость Твоя есть Начало*, на которомъ Ты сотворилъ (Псал. СШ, 24; Иоан. 1, 3). Далѣе, истинно и то, что видимый міръ сей

состоитъ изъ двухъ великихъ частей, *неба и земли*, подъ именемъ которыхъ разумѣются въ совокупности всѣ содержащіяся въ нихъ творенія, обязанности Тебѣ бытіемъ своимъ; и то не противорѣчитъ истинѣ, что все въ немъ измѣняемое ведетъ насъ къ предположенію о сотвореніи *первобытной матеріи*, не имѣвшей ни вида ни образа, но способной къ воспріятію ихъ, изъ которой и образованъ подверженный измѣненію міръ сей со всѣми существами своими. Вѣрно то, что время не имѣетъ власти надъ тѣми сотворенными существами, которыя такъ тѣсно соединены съ вѣчностью и неизмѣняемостію Творца своего, что не испытываютъ никакихъ перемѣлъ, хотя по природѣ своей подвержены имъ; вѣрно также, что и въ первоначальной матеріи, которая безъобразностію своею близко подходила къ ничтожеству, но не была вполнѣ ничтожествомъ, до воспріятія ею образованія, не могло проявиться никакой измѣняемости, а слѣдовательно и преемственности временъ. Правда, что источникъ, изъ котораго происходитъ все, можетъ, по нѣкоторому сходству въ названіяхъ вещей, принимать и названіе той самой вещи, которая оттуда произошла; поэтому и *первоначальная матерія*, изъ которой послѣдовало образованіе неба и земли, могла быть названа также *небомъ и землею*; правда и то, что изъ всѣхъ сотворенныхъ образовъ ниже всего стоитъ, по степени совершенства образованія, *земля и бездна* ¹⁾; потому-то первобытная матерія безъобразная и названа *землею невидимую и неустроенною, и тмою верху бездны* (Быт. 1, 2). Неоспоримо наконецъ, что не только все сотворенное изъ ничего и образованное изъ матеріи, но и все то, что могло быть сотворено и образовано, получило бытіе отъ Тебя, отъ Котораго все зависитъ; неспоримо и

---

¹⁾ Слѣч. глав. 4.

то. что все получившее видъ и образъ изъ того, что не имѣло его, само было прежде безъ вида и образа, пока не получило его.

ГЛАВА 20.

Изъ всѣхъ этихъ истинъ, въ которыхъ никто не сомнѣвается, кому даровалъ Ты постигать ихъ внутреннимъ окомъ, и кто непоколебимо вѣрить, что вѣрный слуга Твой Моисей Духомъ истины глаголаше,—изъ всѣхъ этихъ истинъ одинъ останавливается на одной, когда читаетъ слова: *въ началъ сотвори Богъ небо и землю*, именно, останавливается въ томъ, что „Богъ Словомъ Своимъ, которое Ему совѣчно, сотворилъ два міра существъ, міръ духовный и міръ тѣлесный, или невидимый и видимый». Другой останавливается на другой, когда произноситъ тѣже самыя слова: *въ началъ сотвори Богъ небо и землю*, именно, что «Богъ Словомъ Своимъ, которое Ему совѣчно, сотворилъ одинъ только этотъ громадный міръ вещественный, со всѣми видимыми и извѣстными намъ существами». А иной прочитавъ эти слова: *въ началъ сотвори Богъ небо и землю*, усвоетъ имъ такой смыслъ, что «Богъ Словомъ Своимъ, Ему совѣчнымъ, сотворилъ первобытную матерію, не имѣвшую ни вида ни образа, изъ которой послѣдовало затѣмъ образованіе существъ міра тѣлеснаго». Иной же, прочитавъ тѣже слова: *въ началъ сотвори Богъ небо и землю*, даетъ имъ еще иной смыслъ, что «Богъ Словомъ Своимъ, Ему совѣчнымъ, сотворилъ первоначальную матерію для образованія изъ нея только міра вещественнаго, видимаго нами,—матерію, въ которой задатки неба и земли были еще въ смѣси, безъ всякаго порядка и устройства, и затѣмъ уже явились изъ нея видимое небо и видимая земля этого міра, во всей его стройности и гармоніи. Найдутся и такіе, которые разумѣютъ здѣсь вообще, что «подъ

словами: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*, надо разумѣть то: въ самомъ началѣ творенія не только все сотворенное изъ ничего и образованное изъ матеріи, но и все тѣ, что могло быть сотворено и образовано, получило бытіе отъ Всемогущаго Творца, и все это разумѣется подъ небомъ и землею».

ГЛАВА 21.

Равнымъ образомъ, что касается до смысла слѣдующихъ словъ; то изъ всего вѣроятнаго и правдоподобнаго одинъ подъ этими словами: *земля же бѣ невидима и не устроена, и тма верху бездны*, разумѣеть, что «эта вещественность, которую Богъ сотворилъ, была только безъобразная матерія, безъ устройства и безъ свѣта, и предназначалась для предметовъ вещественныхъ». Другой въ этихъ же словахъ: *земля же бѣ невидима и не устроена, и тма верху бездны*, видитъ, что «все тѣ, что названо *небомъ и землею*, составляло еще безъобразную и темную матерію, которая долженствовала служить въ образованію изъ нея и *неба вещественнаго и земли вещественной*, со всѣмъ тѣмъ, что въ нихъ подлежитъ нашимъ чувствамъ тѣлеснымъ». А иной эти слова: *земля же бѣ невидима и не устроена, и тма верху бездны*, понимаетъ такъ, что „подъ именемъ *неба и земли* разумѣется безъобразная и мрачная масса, какъ матерія, изъ которой все получило свое образованіе, и *небо духовное*, которое иначе называется *небомъ небесе*, и *земля*, т. е. вся природа вещественная, куда относится и самое *небо вещественное*, словомъ, откуда произошли всѣ творенія и *видимыя и невидимыя*». Есть и такіе, которые, перечитывая эти слова: *земля же бѣ невидима и не устроена, и тма верху бездны*, скажутъ, что «Писаніе подъ именемъ *неба и земли* говоритъ не о творимой еще матеріи, на что эта матерія была уже готова пред-

варительно; ее и называсть Писаніе землею невидимою и неустроенною и тьмою надъ бездною, и изъ ней, какъ выше сказано, Богъ произвелъ *небо и землю*, то есть, творенія безтѣлесныя и тѣлесныя». Иные же на тѣже слова: *земля же бѣ невидима и неустроена, и тма верху бездны*, могутъ въ свою очередь сказать, что хотя эта матерія, не имѣвшая ни вида ни образа, и существовала уже, потому что изъ ней, какъ сказано выше въ Писаніи, сотворилъ Богъ *небо и землю*, но изъ этой матеріи создано только цѣлое зданіе міра вещественнаго, раздѣляющагося на двѣ великія части, горнюю (небо или твердь небесную) и дольную (землю, т. е. сушу и воды), со всѣми твореніями, въ нихъ находящимися и чувствуемъ нашимъ подлежащими.

ГЛАВА 22.

Положимъ, что на эти два послѣднія толкованія вздумалъ бы кто-либо сдѣлать такое возраженіе: «если вы не хотите допустить подъ именемъ *неба и земли* первоначальной матеріи, не имѣвшей ни вида ни образа; то вы должны допустить, что было уже что-то въ готовности, чего не творилъ Богъ, но что послужило Ему матеріею къ образованію изъ ней *неба и земли*. Да и само Писаніе ничего не говоритъ намъ о томъ, чтобы Богъ творилъ какую-нибудь матерію, а только можемъ заключать, что она разумѣется подъ общимъ наименованіемъ *неба и земли* или подъ именемъ одной *земли*, когда говорится: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*, и въ слѣдъ затѣмъ: *земля же бѣ невидима и неустроена*. И хотя эту матерію вамъ угодно было назвать безобразною; не смотря на то, мы все-таки признаемъ, что ее сотворилъ Богъ, и признаемъ на основаніи тѣхъ же выше приведенныхъ словъ: *Богъ сотвори небо и землю*». На это возраженіе защитники тѣхъ двухъ мнѣній, которыя мы привели подъ ко-

нецъ, могутъ въ отвѣтъ сказать: «вы ошибаетесь. Мы нисколько не отвергаемъ, что эта первобытная матерія, хоть и безъ вида и образа, сотворена Богомъ, отъ Котораго *вся, елика сотвори, добра злы* (Быт. 1, 31); и какъ твореніе, получившее видъ и образъ, мы признаемъ болѣе совершеннымъ, такъ и твореніе, не получившее вида и образа, а только способность къ воспріятію ихъ, хотя и считаемъ менѣе совершеннымъ, но все-таки какъ о твореніи Божіемъ, говоримъ о немъ что оно *добро*. А что въ описаніи Мисеевомъ дѣла творенія не сказано ясно, чтобы эта *первобытная матерія*, которую мы называемъ *безъобразною*, т. е. не имѣющею вида и образа, была сотворена Богомъ,—въ объясненіе этого можно представить много и другихъ примѣровъ подобнаго опущенія въ Писаніи, какъ напримѣръ умалчивается о созданіи *херувимовъ* и *серафимовъ* (Исх. VI, 2. XXXVI, 16), о которыхъ однако говорится у пророка, или о *созданіи престоловъ, господствъ, началъ, влостей* (Кол. 1, 16), которыхъ нарочито перечисляетъ апостоль; а всѣ эти существа, и притомъ какъ творенія совершеннѣйшія изъ міра духовнаго, безспорно, созданы Богомъ. И еще: если словами: *сотвори небо и землю*, по вашему же разумѣнію, обнимается все твореніе, то что скажемъ о *водахъ*, надъ которыми *посылся Духъ Божій* (Быт. 1, 2)? Ибо если подъ наименованіемъ *земли* разумѣются тутъ же вмѣстѣ и воды; то какъ тогда приложить къ землѣ понятіе о безъобразности матеріи, то есть, какимъ образомъ понять, что земля не имѣла тогда ни вида ни образа, когда она заключала уже въ себѣ эти воды, въ которыхъ открывается для нашего взора столько прозрачности, блеска, чистоты и свѣтлости, близкой къ самому свѣту)? Или, если уже такъ; то отъ чего сказано, что Богъ сотво-

1) Слѣд. глав. 8.

рилъ *твердь*, конечно, изъ этой же матеріи, и назвалъ ее *небомъ* (Быт. 1, 6—8), а не сказано, чтобы Имъ сотворены были воды? Между тѣмъ эти воды не представляютъ намъ такихъ недостатковъ вида и образа, какъ матерія, а напротивъ того удивляютъ насъ своимъ стройнымъ и величественнымъ теченіемъ, своею чистотою и прозрачностію. Или, если онѣ получили такое образованіе послѣ того, какъ Богъ сказалъ: *да соберется вода, яже подъ небесемъ* (твердію), *въ собраніе едино... и собраться вода, яже подъ небесемъ, въ собранія своя... и собранія водъ нарече моря* (Быт. 1, 9, 10), такъ-что это собраніе и составляетъ самое образованіе ихъ; что сказать о тѣхъ *водахъ*, которыя *надъ твердію* (тамъ же 7), выше звѣзднаго неба? Не получивъ соответственнаго образованія, онѣ не могли бы занять и столь почетнаго мѣста; а между тѣмъ ничего не сказано, какимъ образомъ получили онѣ образованіе. И такъ, бытописаніе можетъ умалчивать о твореніи чего-нибудь Богомъ; но что сотворено Имъ, въ томъ нисколько не сомнѣвается ни здравая вѣра, ни здравый смыслъ. Такъ, никакой здравомыслящій человекъ не станетъ утверждать, чтобы тѣ воды были совѣчны Богу, опираясь только на томъ, что хотя въ книгѣ Бытія объ нихъ упоминается, но не говорится, когда онѣ сотворены. Поэтому какое имѣемъ мы основаніе не видѣть и не понять, при свѣтѣ истины, что и та матерія первобытная, которая въ томъ же Писаніи называется землею невидимою и неустроенною и мрачною бездною, сотворена Богомъ изъ ничего, и потому Ему не совѣчна, хотя въ повѣствованіи бытописателя и не сказано, когда она сотворена*?

ГЛАВА 23.

Выслушавъ и пересмотрѣвъ эти толкованія и объясненія, по мѣрѣ слабого разумѣнія своего (въ чемъ исповѣдуюсь

предъ всевѣдѣніемъ Твоимъ, Боже мой), я вижу здѣсь возможность разногласія съ двухъ сторонъ, когда благовѣстники истины Твоей возвѣщаютъ намъ ее подъ покровомъ словъ: это разногласіе съ одной стороны можетъ касаться истины самыхъ предметовъ разясняемыхъ (истина объективная), а съ другой стороны можетъ относиться къ подлинности смысла или мысли самаго писателя объ этихъ предметахъ (истина субъективная). Ибо иное дѣло доискиваться истины въ разсказѣ Моисея о самомъ твореніи, а иное дѣло узнавать, что этотъ вѣрный рабъ Твой самъ разумѣлъ и хотѣлъ въ своемъ повѣствованіи передать намъ—читателямъ или слушателямъ. Что касается до перваго рода разногласія, то я не хочу имѣть никакого общенія съ тѣми, которые, считая себя постигающими истину, выдаютъ за истину одну ложь—мечты своего воображенія; равнымъ образомъ и въ отношеніи къ послѣднему роду разногласія чуждаюсь тѣхъ, которые въ словахъ Моисея хотятъ видѣть тѣ же мечты и ту же ложь, какія сами проповѣдуютъ ¹⁾. Даруй же мнѣ, Господи, пребыть въ единеніи и радованіи о Тебѣ вмѣстѣ съ тѣми, которые питаются Твоею истиною на широкой пажити любви; и мы совместно послѣдуемъ за словами Твоего бытописанія и поищемъ въ нихъ, въ чемъ заключается воля Твоя, переданная Тобою намъ чрезъ служителя Твоего, потому что онъ сообщилъ намъ ее въ этихъ словахъ по внушенію Твоему.

ГЛАВА 24.

Но если такъ много объясненій представляется ищущимъ съ разныхъ сторонъ истины Твоей въ словахъ тѣхъ,—объясненій, которыя хоть и не противорѣчатъ одно другому, однакоже и не сходны между собою; то кто изъ насъ можетъ быть увѣренъ, что онъ положительно обрѣтаетъ истину,

¹⁾ Здѣсь Августинъ преимущественно имѣетъ въ виду манихеевъ.

такъ чтобы могъ съ такою же увѣренностію сказать, что эту самую истину имѣлъ въ виду Моисей и ее то именно хотѣлъ онъ передать намъ въ своемъ повѣствованіи, съ какою увѣренностію онъ утверждаетъ, что толкованіе его не противорѣчитъ истинѣ, не смотря на то, такъ ли думалъ и Моисей, или нѣтъ? Вотъ и я, Боже мой, я—рабъ Твой, который далъ обѣтъ принести Тебѣ жертву исповѣди моей въ этихъ запискахъ (in his litteris) и умоляю Твое милосердіе, даруй мнѣ совершенно исполнить предъ Тобою обѣтъ мой, —вотъ и я съ какою увѣренностію говорю, что Ты все видимое и невидимое сотворилъ своимъ предвѣчнымъ Словомъ; но могу ли я съ такою же увѣренностію утверждать, что Моисей не имѣлъ другой мысли, кромѣ тойже, когда писалъ эти слова: *въ началъ сотвори Богъ небо и землю?* Будучи озаренъ твоимъ свѣтомъ, я вижу истину словъ своихъ въ твоей истинѣ; но, чтобы видѣть, то ли самое и онъ (Моисей) мыслилъ, когда писалъ это, я не могу прозрѣть въ духъ его. Ибо подъ словомъ: *въ началъ* (in principio) могъ онъ разумѣть самое начинаніе творенія (primum faciendi exordium), а подъ словами: *небо и землю*,—не вполнѣ устроенную и законченную уже природу твореній міра духовнаго (невидимаго) и міра тѣлеснаго (видимаго), а только подготовку для нихъ первоначальной матеріи, не имѣвшей еще ни вида ни образа, но способной къ воспринятію ихъ. Вижу я и то, что на каждомъ изъ тѣхъ воззрѣній, какое бы ни было предъявлено, можно остановиться безъ оскорбленія истины: но какое изъ нихъ соединялъ онъ (Моисей) съ тѣми словами, не вижу я, и ничего не могу сказать на этотъ разъ утвердительно: хотя въ то же время нисколько не сомнѣваюсь и вполнѣ увѣренъ, что этотъ великій мужъ, какое бы ни соединялъ онъ съ своими словами воззрѣніе на предметъ, изъ тѣхъ ли, какія высказаны нами, или даже изъ тѣхъ, о которыхъ мы и не говорили, во всякомъ случаѣ прозрѣвалъ

передаваемую намъ Тобою истину чрезъ него и выразиль ее приспособительно къ нашимъ понятіямъ общаго смысла.

ГЛАВА 25.

Пусть же никто не досаждаеть мнѣ своими докучливыми словами, повторяя одно и то же: «Моисей не то разумѣлъ, что ты говоришь; а разумѣлъ то, что мы говоримъ». Если бы они, положимъ, сказали мнѣ: «откуда ты знаешь, что Моисей такой же смыслъ усвоялъ своимъ словамъ, какой и ты находишь въ нихъ»? тогда я спокойно и равнодушно перенесъ бы ихъ замѣчаніе, и отвѣтилъ бы имъ, быть можетъ, тоже, что и выше высказалъ ²⁾); а можетъ быть и болѣе распространенъ бы, смотря по ихъ настойчивости. Но когда они говорятъ мнѣ упорно: «Моисей не то говоритъ, что ты говоришь, а то, что мы говоримъ»; и при своемъ мнѣніи не отрицаютъ и моего, признавая непогрѣшительнымъ и то и другое, что каждый изъ насъ говоритъ: тогда... о Боже мой, Ты, который даешь всему жизнь и дыханіе и все, *Тобою бо живемъ и движимся и существуемъ* (Дѣян. XVII, 25, 28), у котораго нѣтъ никакихъ разногласій и несогласій,—тогда пролей въ сердце мое кротость и снисходительность, чтобы мнѣ терпѣливо перенести наглость и безстыдство этихъ людей; они твердятъ мнѣ это, не потому, чтобы имѣли вдохновеніе свыше и проникали мысли раба твоего Моисея, а потому, что заражены гордостію; по своему самолюбію, они пониманіе истины усвояютъ не столько Моисею, сколько самимъ себѣ, и это не потому, чтобы они любили истину, а потому, что свое возрѣніе ставятъ на первый планъ, выше возрѣній другихъ. Иначе они одинаково уважали бы мнѣнія и другихъ, если

1) Смот. предыд. гл. 14—24.

эти мнѣнія не противорѣчаютъ истинѣ, точно также, какъ и я уважаю, что они говорятъ, когда говорятъ истину, не потому, что это они говорятъ, а потому, что говорятъ истину; истина же, потому что истина, не составляетъ уже исключительной ихъ собственности. Если же они любятъ истину ради истины; тогда она равно принадлежитъ и имъ и мнѣ, какъ общее достояніе всѣхъ любящихъ истину. Но если мнѣ прямо и утвердительно говорятъ, что Моисей всеѣмъ не то разумѣлъ, что я говорю, а собственно то, что они говорятъ; тогда это возмущаетъ меня и возбуждаетъ во мнѣ негодованіе: ибо, хотя бы у нихъ на этотъ разъ и было какое-либо основаніе такъ думать о себѣ и о другихъ, и тогда высказываться такъ опрометчиво и такъ безразсудно значить заявлять въ себѣ не знаніе, а притязаніе на знаніе и дерзость, поражаемая не вѣдѣніемъ, а гордостію. Поэтому мы должны страшиться праведнаго суда Твоего, Господи; ибо истина Твоя никому изъ насъ не принадлежитъ исключительно, ни мнѣ, ни имъ, никому бы то ни было, а всеѣмъ намъ вообще, такъ какъ Ты всеѣхъ насъ призываетъ къ общему участию въ наслѣдованіи ея, и предостерегаешь при этомъ, чтобы мы не дерзали усвоить ее себѣ только и, такъ сказать, закрѣплять ее за собою только, каждый отдѣльно; иначе мы будемъ въ опасности утратить истину все, и такимъ образомъ остаться въ совершенномъ заблужденіи. И въ самомъ дѣлѣ: всякій, кто себѣ только присвоиваетъ то, что предназначено Тобою для всѣхъ, и смотритъ какъ на свою только собственность на то, что принадлежитъ всеѣмъ, не отдѣляется ли онъ тѣмъ самымъ отъ общаго достоянія и не ограничиваетъ ли самъ себя свойственною ему нищетою? Да, онъ самъ выдѣляетъ себя изъ области истины и стремглавъ повергается въ область лжи и заблужденій; ибо *егда глаголетъ лжу, отъ своихъ глаголетъ* (Юан. VIII, 44).

Внемли же, праведный Судія, Боже, въ Которомъ вся истина, внемли, что я стану отвѣчать своему сопернику, внемли, ибо я хочу говорить предъ лицомъ твоимъ и предъ своими братьями, которые *законно творятъ законъ*, имѣя всегда въ виду *цѣль* его—*любовь* (1 Тим. 1, 5, 8),—внемли и виждь, если тебѣ благоугодно, что я ему скажу. Отвѣтъ же мой заключается въ слѣдующихъ братскихъ и миролюбивыхъ словахъ: «если мы оба видимъ истину въ твоихъ словахъ и оба видимъ истину въ словахъ моихъ; то скажи мнѣ, прошу тебя, гдѣ и какъ мы видимъ это? Конечно, ни я въ тебѣ, ни ты во мнѣ, не видимъ мы этого; а оба, и ты и я, видимъ мы это въ одной высочайшей и неизмѣняемой истинѣ, которая превышаетъ всѣхъ воззрѣній нашего духа. Если же мы и не думаемъ спорить о самомъ свѣтѣ Господа Бога нашего, который просвѣщаетъ насъ; то зачѣмъ намъ спорить о мысляхъ ближняго нашего, которыя для насъ болѣе сокрыты и менѣе доступны, чѣмъ самая неизмѣнная истина? Такъ, если бы самъ Моисей явился и сказалъ намъ: *вотъ что я думалъ*; то мы его мысль не столько видѣли бы своимъ умомъ, сколько вѣрили бы въ нее своимъ сердцемъ. Итакъ никто не мудруй сверхъ того, что написано и не превозносись одинъ предъ другимъ (1 Кор. IV, 6). *Возлюбимъ же Господа Бога нашего всѣмъ сердцемъ нашимъ, и всею душою нашею, и всею мыслию нашею, и—ближняго своего, какъ самихъ себя* (Втор VI, 5; 18; Мат. XXII, 37, 39). И мы не можемъ не вѣрить, что Моисей во всемъ, что ни писалъ въ своихъ книгахъ и какія мысли ни проводилъ въ нихъ, во всемъ имѣлъ въ виду эти двѣ заповѣди Господни о любви; иначе мы сдѣдаемъ самаго Господа лживымъ, если допустимъ въ духѣ вѣрнаго сослужителя (conservi) Его идею, не согласную съ тѣмъ, чему самъ Онъ училъ. Смотри же теперь, какъ не благоразумно, при такомъ множествѣ православныхъ и

нисколько не противорѣчащихъ истинѣ возрѣній, какія могутъ быть выводимы изъ рассматриваемыхъ нами словъ бытописателя, какъ безразсудно съ упорствомъ настаивать на какомъ-либо изъ нихъ и утверждать, что такъ именно думалъ и Моисей. Этими пагубными словопреніями мы оскорбляемъ самую любовь, ради которой священный писатель и сообщилъ намъ это сказаніе о міротвореніи, коего слова и смыслъ мы пытаемся изъяснить».

ГЛАВА 26.

И однакоже, Боже мой, высота моя въ моемъ смиреніи и покой мой среди моей усталости, Ты, Который выслушиваешь мою исповѣдь и прощаешь мои грѣхопаденія, такъ-какъ Ты заповѣдалъ мнѣ любить ближняго моего, какъ самаго себя; то могу ли я и помыслить о столь приближенномъ и довѣренномъ слугѣ Твоемъ, Моисеѣ, что онъ менѣ получилъ отъ Тебя даровъ, нежели сколько я пожелалъ бы ихъ отъ Тебя, если бы я родился въ то время, въ которое онъ жилъ, и если бы Тебѣ благоугодно было поставить меня на его мѣстѣ, чтобы при посредствѣ моего ума и моего слова—Твоихъ же даровъ--начертать эти досточтимыя письма, которымъ суждено въ продолженіи столѣтійхъ вѣговъ служить во благо и спасеніе всѣмъ народамъ, и во всемъ мірѣ своимъ божественнымъ авторитетомъ разсѣвать и испровергать всякія ложныя и *на разумъ Божій* воздымающіяся ученія (2 Кор. X, 5)? А и желалъ бы, если бы въ то время былъ Моисеемъ [вѣдь всѣ мы сотворены изъ одной и тойже персти; да и *что есть человекъ*, если ты не помнишь его (Псал. VIII, 5)?] да, я желалъ бы, если бы тогда былъ на мѣстѣ Моисея, и если бы мнѣ поручено было Тобою написать книгу Бытія, пожелалъ бы отъ Тебя такого дара слова для выраженія мыслей, при которомъ какъ не способные еще понимать тайну міротворенія не могли бы противиться моимъ словамъ, по содержа-

нію своему превышающимъ силу ихъ разумѣнія, такъ и тѣ, которые въ состояніи уже понимать это, на какомъ бы правомъ толкованіи ни останавливались они, при здоровомъ воззрѣніи своемъ, могли бы усматривать его и въ словахъ служителя твоего, согласуясь съ его образомъ воззрѣнія; а если бы еще было такъ, что одни одно, а другіе другое видѣли во свѣтъ истины, согласнымъ съ ней, то и это заключалось бы въ тѣхъ же словахъ и не чуждо было ихъ смыслу.

ГЛАВА 27.

И необширный источникъ, если изъ него вытекаетъ много ручьевъ, которыми орошаются обширныя поля, обильнѣе каждаго изъ этихъ потоковъ, выходящихъ изъ него и его же водами напаяющихъ тѣ мѣста, по коимъ они протекаютъ: такъ точно и повѣствованіе бытописателя Твоего, которое должно служить основнымъ началомъ для истолкователей міротворенія Твоего, въ этихъ простыхъ и не многихъ словахъ, подобно неизсяжаемому источнику, бьетъ ключемъ чистой истины, который, разливаясь на разные протоки, напаяетъ ими души жаждущихъ истины, такъ-что каждый изъ насъ можетъ почерпать ее изъ того протока, который доступнѣе для него, по мѣрѣ разумѣнія его. Такъ одни читая или слушая тѣ слова бытописанія о твореніи, разсуждаютъ такимъ образомъ, что Богъ, обладая безпредѣльнымъ могуществомъ, какъ только проявилось въ немъ желаніе, рѣшился, точно такъ, какъ поступаетъ человѣкъ или другое какое тѣлесное существо, — рѣшился сотворить внѣ себя и какъ бы въ отдаленномъ отъ себя пространствѣ *небо и землю*, эти два великія тѣла, одно вверху, а другое внизу, подъ которыми разумѣются всѣ творенія. А когда слушаютъ: *рече Богъ да будетъ то: и бысть то*; тогда они представляютъ себѣ, что эти слова въ дѣйствительности на-

чинались и обанчивались; во времени звучали и проходили, и по произнесении ихъ тотчасъ осуществлялось то, что повелѣніемъ Его вызывалось изъ небытія въ бытіе. И о всемъ они разсуждаютъ такимъ же образомъ, человѣкообразно, подъ вліяніемъ плотскаго воззрѣнія, отъ котораго трудно имъ освободиться. Въ этихъ то простыхъ душахъ, этихъ немощныхъ младенцахъ Твоихъ, доколѣ они не отступаютъ отъ свойственнаго имъ образа слова и мышленія, не покидаютъ своей дѣтской колыбели, но остаются въ ней какъ бы въ матернихъ объятіяхъ, доколѣ спасительная вѣра насаждается и укрѣпляется въ нихъ благотворно, такъ-что они остаются въ полномъ убѣжденіи, что Богъ сотворилъ всѣ вещи въ природѣ, которая столь дивнымъ разнообразіемъ своимъ плѣняетъ и восхищаетъ ихъ. Но, горе тому изъ нихъ, кто, какъ бы презирая простоту словъ Твоихъ, не будучи еще подготовленъ къ высшимъ воззрѣніямъ, вздумалъ бы прежде времени, при горделивомъ безсиліи своемъ, оставить эту колыбель, въ которой Ты хранишь и воспитываешь его дѣтство. Несчастный! Онъ падетъ неизбежно. О, сжапись надъ нимъ, Господи Боже мой, спаси его отъ бѣды, чтобы этого не оперившагося еще птенца не раздавили мимоходящіе ногами своими; пошли ангела своего, который бы отнесъ его назадъ въ гнѣздо, чтобы онъ оставался тамъ доколѣ, пока не оперится и не опутитъ въ себѣ достаточныхъ силъ къ полету.

ГЛАВА 28.

А другіе, для которыхъ слова эти не составляютъ уже какъ бы гнѣзда или колыбели, выше коихъ они не могли бы подняться, а служатъ какъ бы обширнымъ садомъ съ плодоносными деревьями, въ которомъ они свободно и съ удовольствіемъ расхаживаютъ, — тѣ напротивъ видятъ тутъ подъ покровомъ этихъ словъ, какъ подъ покровомъ листьевъ дре-

весныхъ, плоды, и снимаютъ и собираютъ ихъ. Одни внимаютъ, когда читаютъ или слушаютъ эти слова, и видятъ въ нихъ, Боже мой, что Твоя неизмѣнная вѣчность и присущность превыше всѣхъ временъ и прошедшихъ и будущихъ, и что притомъ въ этихъ временныхъ твореніяхъ нѣтъ ничего, что не отъ Тебя получило бы бытіе; видятъ, что воля Твоя также совѣчна въ Тебѣ, какъ Ты Самъ вѣченъ, и не подлежитъ никакимъ перемѣнамъ, что въ ней ничего не начиналось, чего не было бы въ ней прежде, и что Ты сотворилъ этотъ міръ и все въ немъ не вслѣдствіе вдругъ возродившагося или вновь проявившагося хотѣнія, котораго въ Тебѣ прежде не было; видятъ, что Ты даровалъ всему сотворенному Тобою видъ и образъ, по подобію своему, не изъ своей сущности, но изъ матеріи, которая предварительно создана Тобою изъ ничего, не имѣла ни вида ни образа, а только способна была къ воспринятію ихъ, по подобію твоему, такъ-что всѣ твари, смотря по тому, сколько каждой изъ нихъ даровано совершенствъ, въ большей или меньшей мѣрѣ свидѣтельствуютъ о Тебѣ, какъ Творцѣ и Первообразѣ своемъ; видятъ наконецъ, что *вся, елика сотворилъ Ты, добра злы* (Быт. 1, 31),—всѣ созданія Твои добры, какъ тѣ, которыя пребываютъ уже съ Тобою въ общеніи, достигнувъ вѣчнаго блаженства, такъ и тѣ, которыя въ стремленіи еще къ этому блаженству, на различномъ отдаленіи временъ и мѣсть, представляютъ собою дивную гармонию домостроительства твоего. Видятъ они это и радуются о семъ во свѣтѣ истины Твоей, сколько это для нихъ доступно здѣсь.

Изъ этихъ послѣднихъ людей одни, углубляясь въ смыслъ словъ: *въ началъ сотвори Богъ небо и землю*, усматриваютъ въ этомъ началѣ Премудрость Твою, *Начало* (Principium) всего, *яко и глагола намъ* (Іоан. VIII, 25); другіе же разумѣютъ здѣсь подъ началомъ (principium) са-

мое начинаніе (exordium) творенія, и такъ понимаютъ это выраженіе: *въ началъ сотвори Богъ*, какъ если бы сказано было: *сперва или прежде всего* сотворилъ Онъ (primo fecit). И изъ тѣхъ, которые въ этомъ *началъ* усматриваютъ Высочайшую Премудрость, чрезъ Которую Ты сотворилъ *небо и землю* подь небомъ и землею одни разумѣютъ только первоначальную матерію, которая долженствовала служить какъ бы матеріаломъ для образованія изъ него неба и земли; а другіе напротивъ видятъ въ томъ вполне уже образованныя и отдѣльныя творенія неба и земли: иные же понимаютъ такъ, что подь именемъ неба обозначаются существа міра духовнаго, получившія надлежащее образованіе, а подь именемъ земли—только матерія для образованія изъ нея существъ міра тѣлеснаго. Что касается до тѣхъ, которые подь небомъ и землею разумѣютъ только матерію, изъ которой должныствовали получить свое образованіе и небо и земля; то и они сами расходятся въ своихъ мнѣніяхъ: одни относятъ это къ твореніямъ и міра духовнаго и міра чувственнаго (тѣлеснаго, вещественнаго); а другіе—къ одному только послѣднему, разумѣя подь нимъ всю природу міра матеріальнаго, то есть, и землю и небо видимое, со всею ихъ содержимостію. Равнымъ образомъ не согласны между собою и тѣ, которые думаютъ, что небомъ и землею называются устроенныя уже и въ порядокъ приведенныя творенія ихъ; но одни разумѣютъ здѣсь всѣ творенія вообще, и видимыя и не видимыя, а другіе—одни только видимыя, то есть, и свѣтозарное небо, которое мы зримъ надъ собою, и эту темную землю, на которой мы живемъ, и все то, что въ нихъ содержится.

ГЛАВА 29.

Тѣ же, которые слово: *въ началъ сотвори Богъ*, понимаютъ такъ, какъ если бы сказано было: *сперва или прежде всего* сотворилъ Онъ, не могутъ конечно разумѣть здѣсь

подъ *небомъ и землею* ничего другаго, какъ первоначальную матерію для образованія ихъ, то есть всѣхъ твореній, какъ міра духовнаго (неба), такъ и міра чувственнаго (земли). Ибо если бы они захотѣли разумѣть здѣсь эти творенія уже устроенными и законченными образованіемъ; то всякій въ правѣ спросить ихъ; «если все это *сперва или прежде всего* (primo) сотворилъ Богъ, то что дѣлалъ Онъ *затѣмъ или послѣ того* (deinceps)? Конечно, они не найдутъ ничего, на что бы могли указать, если уже все сотворено; а потому самому будутъ поставлены въ необходимость встрѣтиться и съ другимъ вопросомъ: «какъ же это творить Богъ *сначала или сперва*, если Онъ *послѣ того или въ послѣдствіи* ничего не творилъ»? А если они утверждаютъ, что Богъ *первоначально* (primo v. imprimis) создалъ матерію, не имѣвшую еще ни вида ни образа, а *потомъ* уже (postea, deinde) творилъ изъ нея различныя творенія, облекая ихъ въ разнообразныя формы; то въ такомъ объясненіи ихъ не будетъ заключаться никакой недѣльности, ежели только они, при этомъ, въ состояніи различать разныя отношенія *первенства* (предваренія) къ своему предмету; именно: есть первенство *вѣчности и времени*, есть первенство *выбора и цѣли*, есть первенство *начала и происхожденія* (quid praecedat aeternitate, quid tempore, quid electione quid origine). Такъ Богъ предваряетъ все своею *вѣчностью*; цвѣтъ появляется прежде плода по *времени*; плодъ имѣетъ преимущество предъ цвѣтомъ по *цѣли и выбору*; голосъ предшествуетъ пѣнію по своему *началу*, а пѣніе слѣдуетъ за голосомъ по своему *происхожденію*. Изъ этихъ четырехъ подраздѣленій крайнія два—первое и послѣднее—самыя трудныя для нашего уразумѣнія; а среднія два—самыя удобныя. И въ самомъ дѣлѣ. Что можетъ быть для насъ труднѣе и возвышеннѣе, что можетъ быть необычайнѣе представленія и созерцанія вѣчности Твоей, Госпо-

ди,—вѣчности, которая, будучи сама неизмѣнна, творить все измѣняемое, и потому самому удерживаетъ за собою *первенство*, все предваряя собою? Или, кто безъ затрудненія можетъ уловить мыслію своею, какъ это голосъ предшествуетъ пѣнію по своему началу, а пѣніе слѣдуетъ за голосомъ по своему происхожденію, и по этому первое удерживаетъ за собою *первенство* предъ послѣднимъ? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что пѣніе зависитъ отъ образованія голоса, и конечно то, что еще не получило образованія, можетъ существовать до своего образованія, но чего нѣтъ, тому уже нельзя дать образованія¹⁾. Въ такомъ смыслѣ голосъ, какъ *матерія*, предваряетъ то, что изъ нея творится, и поэтому удерживаетъ за собою *первенство* предъ пѣніемъ, но отнюдь не какъ *творческая* сила, потому что онъ самъ находится въ положеніи страдательномъ. Нельзя усвоить ему (голосу) этого преимущества и *по времени*. Ибо звуки голоса не появляются у поющихъ прежде, отдѣльно отъ ихъ пѣнія, безъ примѣненія и принаровленія къ нему, такъ чтобы послѣ появленія ихъ составляли изъ нихъ правильное и гармоническое пѣніе, съ приспособленіемъ и пристроеніемъ одного звука къ другому, подобно тому, какъ поступаютъ съ строевымъ лѣсомъ или какимъ нибудь металломъ, когда хотятъ соорудить изъ него какую-нибудь мебель или какой-нибудь сосудъ. Такого рода матеріаль конечно предшествуетъ по времени образованію вещей, которыя изъ него производятся, но въ пѣніи бываетъ не такъ. И дѣйствительно: когда поютъ, то слышится голосъ пѣнія; но этотъ голосъ звучитъ не прежде пѣнія, въ видѣ еще какъ бы не устроенномъ; онъ

---

1) Ближе къ предмету: безъ голоса нѣтъ пѣнія, а безъ пѣнія можетъ быть голосъ.

не послѣ переходить въ гармоническое пѣніе, а совмѣстно съ мелодіею пѣнія. Ибо что прозвучить, какъ бы оно ни звучало, то тутъ же и улетаетъ; и изъ этого не остается ничего, что можно было-бы уловить и подвергнуть художественной обработкѣ. Ясно послѣ того, что пѣніе состоитъ въ современномъ ему гармоническомъ сочетаніи звуковъ явившагося уже голоса; голосъ составляетъ для пѣнія какъ бы матерію, которая должна явиться прежде, чтобы изъ голоса вышло пѣніе. Поэтому—то, какъ и сказалъ я выше, *матерія голоса* (голосъ какъ матерія) предваряетъ форму пѣнія (пѣніе какъ форму), и *голосъ* имѣетъ *первенство* предъ *пѣніемъ*, но не какъ *творческая* сила его, потому что голосъ самъ по себѣ не есть художественный творецъ пѣнія, а какъ страдательная *матерія*, которая подчиняется чрезъ посредство тѣла душѣ поющаго, такъ—что не онъ (голосъ) творитъ, а изъ него творится пѣніе. Такимъ образомъ голосъ не имѣетъ первенства предъ пѣніемъ и *по времени*, потому что пѣнію голосъ всегда соприсущъ; и *по выбору и цѣли* не имѣетъ онъ этого преимущества предъ нимъ, потому что одни голоса безъ мелодіи не лучше гармоническаго пѣнія, а пѣніе и состоитъ не столько въ звукахъ голоса, сколько въ гармоническомъ сочетаніи ихъ и мелодіи. Остается одно послѣднее: что голосъ предваряетъ пѣніе по своему *началу*, а пѣніе слѣдуетъ за нимъ по своему *происхожденію*, и потому голосъ удерживаетъ *первенство* надъ нимъ; ибо не пѣніе образуется для голоса, а голосъ образуется для пѣнія.

Эти примѣры пусть послужатъ намъ, по возможности, бѣ уразумѣнію того, какъ *первоначальная матерія* всѣхъ вещей предварительно (*primo s. impriis*) сотворена была; она и названа *небамъ и землею*, потому что небо и земля изъ этой матеріи образованы; и какъ она не по (*первенству*) времени предварительно сотворена, такъ-какъ времена появились съ образованіемъ самихъ вещей, выражающія со-

бою ихъ измѣняемость, а эта матерія чужда была всякаго вида и образа и сама является уже во времени, совмѣстно съ созданными изъ нея твореніями. Трудно впрочемъ объ этомъ предметѣ повѣдать (паггагі) ¹⁾ что-нибудь положительное, кромѣ того, что эта матерія какъ будто *по времени* имѣетъ первенство; хотя *по выбору* достоинства она ниже всего стоитъ и занимаетъ какъ бы самое послѣднее мѣсто, потому-что все, члѣо имѣетъ видъ и образъ, конечно, совершеннѣе того, что само въ себѣ безобразно; при томъ же, эта самая матерія предваряется *вѣчностію* Творца, такъ что она вызвана Имъ изъ ничтожества, съ тѣмъ чтобы изъ нея образовалъ столь прекрасный міръ и все содержащееся въ немъ.

ГЛАВА 30.

При такомъ разнообразіи мнѣній, не противорѣчащихъ

¹⁾ Въ текстѣ сказано такъ: nec tamen de illa (т. е. materia) паггагі aliquid potest, nisi velit tempore prior sit. Издатели твореній Августина, бенедиктинцы и Минье, дѣлаютъ въ этомъ мѣстѣ слѣдующую замѣтку: legendum videtur, вагіагі (вмѣсто паггагі); vult enim Augustinus, quod sicut sonus origine praecedit cantum, qui ex eo fermatur, ita materia velut tempore, id est origine praecedere debet, ut aliquid de illa вагіагі possit. Замѣтка весьма дѣльная и съ контекстомъ рѣчи по мысли Августина. Смыслъ этой замѣтки таковъ: кажется, что вмѣсто паггагі надобно читать вагіагі; ибо Августинъ имѣетъ здѣсь въ виду ту главную мысль, что какъ голосъ по началу (origine) предваряетъ пѣніе, которое изъ него образуется, такъ и матерія по тому же началу, *какъ бы по времени*, должна предшествовать, чтобы изъ нея что-нибудь могло *образнообразиться* (вагіагі) т. е. образоваться. При такомъ чтеніи и объясненіи самаго чтенія смыслъ текста получается такой: *да и трудно* представить себѣ, чтобы изъ этой матеріи можно было чему-нибудь образоваться (вагіагі *образнообразиться*), если недопустить за нею *первенства* (предваренія) *по началу*, какъ бы *по времени*; хотя *по выбору* и т. д.

истинѣ, да примирить ихъ и водворить взаимное согласіе сама Истина; и да будетъ милостивъ къ намъ Господь нашъ, чтобы намъ *законно пользоваться закономъ*, руководясь заповѣдью *взаимной любви*, которая есть *цѣль закона* (1 Тим. 1, 5. 8; Мат. XXII, 37—40). И потому, если бы кто спросилъ меня, какое изъ этихъ мнѣній имѣлъ въ виду Моисей, вѣрный слуга твой; то я отвѣтилъ бы ему, что подобныя рѣчи не относятся къ моей исповѣди: въ чемъ я не неповѣдуюсь предъ Тобою, того я не знаю; знаю только, что разность мнѣній не есть еще противорѣчіе истинѣ, и разныя мнѣнія могутъ быть истинны, за исключеніемъ нелѣпостей, о чемъ я высказался уже по крайнему разумѣнію своему. Въ этомъ разнообразіи, а не противорѣчіи, мнѣній я вижу только немощныхъ еще младенцевъ, которые подають добрыя надежды, потому-что при изысканіи истины не пугають ихъ слова писателей Твоихъ,—слова которыя по содержанію своему столь возвышенны, но вмѣстѣ и просты и при своей краткости столь многообъемлющи. Возлюбимъ же всѣхъ любящихъ истину, которые въ этихъ словахъ Твоихъ ничего не желаютъ видѣть и возвѣщать, кромѣ истины; возлюбимъ взаимно другъ друга; а болѣе всего возлюбимъ Тебя, Господа Бога нашего, какъ Источникъ истины, если мы дѣйствительно жаждемъ истины, а не увлекаемся какими-нибудь суетными побужденіями; возъимѣемъ достождное уваженіе къ этому служителю Твоему, оставшему намъ описаніе твоего міротворенія, по твоему вдохновенію, и будемъ вѣровать, что онъ писалъ это по Твоему откровенію, и притомъ имѣлъ въ виду преимущественно свѣтъ истины и спасительную пользу.

ГЛАВА 31.

Итакъ, если бы одинъ сказалъ: «Моисей думалъ объ этомъ такъ же, какъ и я думаю», а другой возразилъ бы

на это: «нѣтъ, онъ думалъ такъ, какъ я думаю»; то я полагаю, что вполне согласно съ священными правилами благочестія и весьма поучительно было бы сдѣлать такое замѣчаніе тому и другому: «почему же не то и другое вмѣстѣ, если ни то ни другое не противорѣчитъ истинѣ»? А если бы еще третій или четвертый и вообще кто-либо находилъ въ тѣхъ же самыхъ словахъ что-либо иное, не противорѣчащее истинѣ; то, и въ такомъ случаѣ, почему не допустить, что все это имѣлъ въ виду боговдохновенный писатель, чрезъ котораго Богъ примѣнялъ священныя писмена свои къ различнымъ степенямъ пониманія многихъ, которые должны уразумѣвать въ этихъ писменахъ одну и ту же истину въ различныхъ ея видахъ? По крайней мѣрѣ я безъ смущенія признаюсь отъ глубины души, что будь я на мѣстѣ Моисея, я лучше пожелалъ бы такъ писать, чтобы въ словахъ моихъ находили мѣсто всѣ воззрѣнія, которыя не противорѣчатъ истинѣ, нежели усвоить имъ или закрѣпить за ними положительно одну мысль вѣрную, отвергая всѣ прочія, хотя бы онѣ не заключали въ себѣ ничего ложнаго и не были оскорбительны для истины. Поэтому я и не хочу, Боже мой, допускать такое необдуманное предположеніе, чтобы этотъ великій мужъ не удостоился получить отъ Тебя такого дара. Да, я убѣжденъ, что Моисей все это имѣлъ въ виду, и когда писалъ, то съ словами своими соединялъ все, что мы могли доселѣ обрѣсти въ нихъ истиннаго и чего еще не могли или не можемъ пока, но что въ нихъ скрывается.

ГЛАВА 32.

Напоследокъ, Господи Боже нашъ, Ты, въ Комъ мы исповѣдуемъ Бога, а не плоть и кровь, если человекъ и не въ силахъ уразумѣть всего, что заключается подъ покровомъ этихъ словъ; то быть не можетъ, чтобы утаено было что

нибудь и отъ *Духа Твоего благого*, который *наставитъ мя* (deducet me изведеть, направитъ, выведеть меня) *на землю праву* (на путь правый) (Исаи. 142, 10); вѣдь Ты самъ имѣлъ въ виду посредствомъ этого писанія открыть роду человѣческому то, что въ немъ содержится, дабы мы вмѣстѣ съ этими словами уразумѣвали и смыслъ ихъ, хотя бы самъ писатель, оставившій намъ писаніе это, соединялъ съ словами своими, можетъ быть, и одну только положительную мысль изъ многихъ, какія могутъ содержаться въ нихъ. Если это такъ, то изъ всѣхъ возрѣній, какія могутъ имѣть здѣсь мѣсто, безъ сомнѣнія, должно имѣть преимущество то, какое имѣлъ самъ священный писатель. Даруй же намъ, Господи, разумѣть или то, что онъ разумѣлъ, или хотя и другое что, по Твоему усмотрѣнію, только согласное съ Твоею истинною, такъ-чтобы мы, во всякомъ случаѣ, сообщили ли Ты намъ мысль внушенную Тобою самому Моисею, или подъ его словами наведешь насъ на иную мысль,—чтобы мы во всякомъ случаѣ питались спасительною пищею отъ Тебя исходящею, а не служили игрушкою нагубныхъ заблужденій. Вотъ какъ много я о такъ не многихъ словахъ наговорилъ Тебѣ, Господи Боже мой, какъ много распространился предъ Тобою; прости меня, умоляю Тебя! Да и достало ли бы у насъ силъ, достало ли бы времени и самой жизни на всѣ книги Твои, если бы мы такимъ образомъ стали изъяснять ихъ? Пошли же мнѣ, Господи, даръ такого слова, которое было бы краткорѣчивѣе при исповѣданіи заключающихся въ нихъ истинъ Твоихъ, а для того удерживай меня болѣе всего на одной положительной истинѣ, Тобою внушаемой, сколько несомнѣнной, столько и благотворной, хотя бы возможны были многообразныя возрѣнія на предметъ. И притомъ дай мнѣ увѣриться и успокоиться окончательно истинны исповѣданія моего въ томъ, что если въ исповѣданіи будетъ заключаться то самое, что имѣлъ

въ виду и служитель Твой (Моисей), то исповѣданіе мое будетъ самое вѣрное и самое лучшее, потому что въ этомъ состоитъ и цѣль моя, къ достиженію которой должно быть употреблено со стороны моей все стараніе; а если что-либо и не будетъ соотвѣтствовать возрѣнію Твоего служителя, въ такомъ разѣ это же исповѣданіе мое будетъ содержать въ себѣ то, что благоугодно будетъ Твоей Истинѣ внушить мнѣ вмѣстѣ съ словами его, точно также, какъ и таже самая Истина внушила и ему то, что благоугодно ей было.

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ.

Въ сей послѣдней книгѣ блаж. Августинаъ раскрываетъ: что въ твореніи міра и его образованіи отражается безконечная благодѣтельность Бога-Творца; что въ первыхъ же словахъ бытописанія Моисеева высказывается о Богѣ-Творцѣ въ трехъ лицахъ (о божественной троичности), и въ особенности о личныхъ свойствахъ Духа Святаго; а за тѣмъ всему повѣствованію о міротвореніи придаетъ онъ (Августинъ) индказательный (аллегорическій и символическій) смыслъ, выраженный въ примѣненіи божественныхъ дѣлъ творенія къ божественнымъ дѣламъ попеченія о церкви Божіей, въ которой Богъ, какъ высочайшій Домостроитель ея, никогда не перестаетъ дѣйствовать, всѣми мѣрами домостроительства своего, для доставленія спасенія и блаженства роду человѣческому.

ГЛАВА 1.

Тебя призываю, Боже мой, милосердствующій о мнѣ, къ Тебѣ обращаюсь и взываю, къ Тебѣ, Кто сотворилъ меня и чья любовь не забыла меня, тогда-какъ я забылъ было Тебя, Творца своего. Тебя призываю я, Боже мой, *приди и вселися въ ны, вселись въ душѣ моей, кото-*

рую Ты уготовляешь къ воспринятію Тебя,—внушая ей неотразимое стремленіе познать своего Творца. Не отринь же меня, призывающаго Тебя, такъ-какъ Ты Самъ предварилъ мое призваніе многократно и многообразно возвышая голосъ свой, чтобы я могъ услышать Тебя, находясь вдали отъ Тебя, чтобы могъ возвратиться къ Тебѣ, удалившись на страну чуждую, и въ свою очередь призвать Тебя, не перестающаго и изывать меня самага. И въ самомъ дѣлѣ! Ты простилъ мнѣ, Господи, всѣ грѣхимои, *истребивъ рукописаніе, еже быъ сопротивно намъ* (Кол. II, 13, 14), чтобы не воздать мнѣ по дѣламъ моимъ, которыя удалили меня отъ Тебя, и предварилъ меня въ добрыхъ дѣлахъ моихъ, оправдавъ насъ отъ неправдъ нашихъ правдою своею во Христѣ, *да мы будемъ правда Божія о Немъ* (2 Кор. V, 21), чтобы воздать мнѣ по той же благодати своей, по которой и сотворилъ Ты меня: ибо Ты и до меня былъ, и ничего во мнѣ не имѣлъ, что могло бы содѣйствовать дарованію мнѣ бытія, а между тѣмъ я существую, и существую по благодати Твоей, предварившей и мое бытіе и самое сотвореніе меня. И Ты не нуждался во мнѣ; да и ничего во мнѣ нѣтъ такого, что могло бы служить побужденіемъ Тебѣ, Господи мой и Боже мой. Тебѣ благоугодно, конечно, служеніе мое; но это не для того, чтобы я могъ въ чемъ-либо помочь Тебѣ и какъ бы предохранять Тебя отъ утомленія и усталости, или -- чтобы не ослабѣли могущественныя силы Твои безъ моей помощи. И любви Твоей свойственно желать и требовать отъ меня, какъ отъ своей возлюбленной твари, чтобы я воздавалъ Тебѣ божеское почитаніе и поклоненіе и дорожилъ любовію Твоею; но это почтеніе для Тебя (*cultus Dei*) не тоже, что воздѣлываніе для земли (*cultus terrae*), которая тогда только и приноситъ плодъ земледѣльцу, когда онъ воздѣлываетъ ее, а безъ того она сама остается безплодною ¹⁾. Ты же если требуешь Себѣ отъ меня служенія

¹⁾ Здѣсь вся сила подлиннаго текста заключается въ значе-

и почтенія (*ut serviam tibi et colam te*), то требуешь этого не для Себя, а для моего же блага, отъ Тебя исходящаго, Боже мой,—отъ Тебя, Который и сотворилъ меня для счастья, для того чтобы мнѣ блаженствовать въ Тебѣ.

ГЛАВА 2.

И дѣйствительно! Всѣ творенія Твои произошли отъ полноты благодати Твоей, и Тебѣ благоугодно было вызвать ихъ изъ небытія въ бытіе для того, чтобы пронстекающее изъ міротворенія Твоего благо не оставалось безъ осуществленія, хотя Самъ Ты нисколько не нуждался въ немъ; оно зависѣло отъ одной Твоей всеблагой и всемогущей воли. Ибо чѣмъ заслужили у Тебя *небо и земля* такую милость, что *Ты сотворилъ ихъ въ началѣ* (Быт. 1, 1)? Пусть скажутъ существа духовныя и тѣлесныя, сотворенныя Твоею Премудростію, чѣмъ они заслужили у Тебя такое вниманіе, что при самомъ начинаніи творенія ихъ, когда они составляли собою одну только еще неустроенную матерію, Премудрость Твоя уже была соприсущна ей;—что по мановенію и влиянію той же Премудрости, при дальнѣйшемъ образованіи своемъ, они, каждое по своему состоянію, занимали безпредѣльно—различныя степени совершенства, стремясь къ своему Первообразу;—что все, затѣмъ, духовное, и помимо своего образованія, превосходитѣ всего тѣлеснаго, и съ образованіемъ, а тѣлесное и безъ образованія лучше ничтожества? А между тѣмъ все это могло бы остаться въ такомъ же состояніи первобытнаго хаоса, безъ вида и образа, въ

ни слова *colere*. Слово это имѣеть два разныя значенія: одно—пахать, воздѣлывать, обрабатывать, а другое—читать или почитать и даже любить; а потому въ подлинникѣ сравнительная мысль получаетъ особую силу отъ игры словъ: *colere Deum* и *colere terram*.

какомъ оно явилось въ твореніи сначала, если бы Словомъ Премудрости Твоей не получило образованія по роду и по подобію своему и не было призвано Тобою къ единству твоему, чтобы обо всемъ, какъ вышедшемъ отъ Тебя одного, высочайшаго и всеблагаго Творца, могъ Ты наконецъ сказать: *и се добра злы* (Быт. 1, 31). И чѣмъ они могли заслужить у Тебя и то даже, чтобы оставаться имъ хоть бы и въ состояніи первобытнаго хаоса, когда и это не отъ нихъ, а отъ Тебя могло зависѣть?

Какую заслугу имѣла предъ Тобою матерія тѣлеснаго міра, которую Ты сотворилъ на низшей ступени *невидимую и устроенною* (Быт. 1, 2)? Такъ-какъ она и того бытія не имѣла бы, если бы Ты его не даровалъ ей; то, по этому самому, не имѣя бытія, и не могла она приобрѣсть его у Тебя заслугой. Или, какую могли имѣть заслугу предъ Тобою самые начатки творенія міра духовнаго, которые выразились, на такой же ступени, во *тмѣ верху бездны* (тамже), то есть, какъ бы тьмою надъ бездною, не представляя собою ни вида ни образа Твоего? Но и эти начатки, какъ матерія существъ духовныхъ, могли остаться тѣми же начатками, если бы тоже Слово Премудрости Твоей не озарило ихъ и не обратило къ Тебѣ, какъ Творцу своему; а просвѣтившись свѣтомъ Его, они и сами стали свѣтомъ, хотя и не равночестнымъ образу Твоего свѣта, но тѣмъ не менѣе подобочестнымъ ему. Ибо какъ въ тѣлѣ между *бытіемъ* его вообще и *бытіемъ* его *красоты* есть различіе; иначе не было бы въ немъ безобразія: точно также и въ духѣ надобно различать *жизнь* его вообще отъ *жизни* его *разумной*; иначе въ немъ (духѣ сотворенномъ) была бы мудрость неизмѣняемая. Благо же ему (духу) *прильпятся* въ Тебѣ выну (Псал. LXXII, 28), чтобы чрезъ соvrащеніе не лишиться того свѣта, которымъ онъ озаренъ уже чрезъ обращеніе, и не погрузиться снова въ жизнь, объятую тьмою бездны. Ибо

и мы, будучи по душѣ созданіями духовными, *были нѣкогда* въ сей жизни *тма* (Ефе. V, 8), отпавъ отъ Тебя, нашего свѣта, и не перестанемъ трудиться надъ разсѣяніемъ остатковъ нашего помраченія до тѣхъ поръ, пока не содѣмся *правдою твоею, яко горы Божія*, заслугами Единроднаго Твоего, ставъ предметомъ *судебъ Твоихъ*, которыя—*бездна многа* (2 Кор. V, 21; Псал. XXXV, 7; Рим. XI, 33).

ГЛАВА 3.

Что же касается до словъ, сказанныхъ при самомъ началѣ творенія: *да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ* (Быт. 1, 3); то мнѣ кажется, и не безъ основанія, что это относится къ тварямъ духовнымъ, въ которыхъ выражалась уже, какая бы то ни была, жизнь, способная къ воспринятію этого свѣта для собственнаго озаренія. Но какъ и до сотворенія своего онѣ никакой не имѣли у Тебя заслуги на такую жизнь, способную къ озаренію Твоимъ свѣтомъ; такъ и по сотвореніи своемъ онѣ ничѣмъ со стороны своей не обязывали Тебя къ таковому ихъ просвѣщенію. Конечно, Тебѣ не угодно было, по Твоей благодати, оставить ихъ въ этомъ первобытномъ состояніи, какъ начинаніи только творенія, не выражавшемъ еще собою образа Твоего; и Ты, даровавъ имъ жизнь, даровалъ и свѣтъ свой; и онѣ содѣлались свѣтомъ Твоимъ, не по существу своему, а чрезъ созерцаніе освѣщающаго ихъ свѣта и чрезъ соединеніе съ нимъ. Такимъ образомъ онѣ обязаны одной благодати Твоей какъ жизнію своею, такъ и блаженствомъ ея, и, измѣнившись на лучшее, преобразились въ такое состояніе, которое не подлежитъ уже никакому измѣненію, ни на лучшее ни на худше, то есть, соединились съ Тобою, единымъ истиннымъ благомъ, у котораго нѣтъ различія между *жизнію* и *блаженствомъ*, но *жить* и *жить*

блаженно есть одно и то же, тагъ-кагъ Ты составляешь Самъ въ Себѣ блаженство.

ГЛАВА 4.

Итагъ чего Тебѣ могло недоставать для Твоего блаженства, которое Ты Самъ въ Себѣ составляешь, хотя бы этихъ, сотворенныхъ Тобою существъ и не существовало, или хотя бы они оставались и въ первоначальномъ несовершенствѣ своемъ? Ты ихъ сотворилъ не по нуждѣ, но отъ полноты благодати своей; равно какъ все усовершилъ, привелъ въ порядокъ и устройство, не для восполненія своего довольства. Конечно, полнота Твоихъ совершенствъ требовала совершенства и въ творимыхъ Тобою тваряхъ, и Ты усовершалъ и усовершаешь ихъ, насколько онѣ по состоянію своему способны вмѣстить Твоихъ даровъ; но это усовершеніе ихъ нисколько не служитъ къ усовершенію Тебя. Вотъ почему говорится, что *Духъ* Твой *благій ношашеся верху воды* (Быт. 1, 2), а не носимъ былъ водами, какъ бы покоясь на нихъ. Ибо когда говорится о комъ, что *Духъ Божій почиваетъ на немъ* (Ис. XI, 2, LXI); то это значить, что Духъ упокоиваетъ его въ себѣ. Воля Твоя, какъ непреложная и никогда неизмѣняющаяся, сама въ себѣ всегда достаточная, носилась и не перестаетъ носиться надъ жизнью, Тобою сотвореною, у которой *жить и жить блаженно*—пока не одно и то же, потому-что эта жизнь живетъ еще среди своего омраченія; а ея назначеніе—обратиться къ своему Творцу, и тамъ пить досыта *воду живу* у самаго *Источника жизни*, и *во свѣтъ* Его *зрѣть свѣтъ* (Иван. IV, 10, 14; Пал. XXXV, 10), и въ Немъ обрѣтать свое совершенство, свою славу и свое блаженство.

ГЛАВА 5.

И вотъ, такимъ образомъ, какъ бы въ гаданіи, открывается для меня, Боже мой, Твоя Божественная Троица; ибо

Ты, Отецъ, сотворилъ небо и землю на томъ *Началъ* мудрости нашей, которое есть *Премудрость* Твоя, отъ Тебя рожденная, Тебѣ равночестная и Тебѣ совѣчная ¹⁾, то есть, сотворилъ Ты ихъ чрезъ Сына Своего. Много мы говорили о *небѣ небесе*, о *землѣ невидимой и нестроенной* и о *тмѣ верху бездны*. Подъ послѣдними словами мы разумѣли начатки творенія существъ духовныхъ. Эти духовныя существа и остались бы такими же начатками несовершенными (какъ матерія міра духовнаго), если бы не получили соотвѣтствующаго имъ образованія, выразившагося въ неусленномъ стремленіи ихъ къ Творцу своему, Который даровалъ имъ и начало жизни,—если бы эта жизнь ихъ не озарилась свѣтомъ, никогда не померкающимъ, и если бы они (эти существа), при такомъ усовершеніи своемъ, не содѣлались небожителями не того неба, видимаго нами, которому въ ряду твореній дано мѣсто *посредь воды*, т. е. *между водою, яже бѣ подъ твердію, и между водою, яже бѣ надъ твердію*, которая (твердь) и названа *небомъ* (Быт. 1, 6—8), а—*неба небесе* (Псал. СХІІІ, 24; Втор. X, 14; 3 Цар. VІІІ, 27), неба невидимаго нами, которое служитъ *престоломъ* Господу (Исх. LХVІ, 1; Дѣян. VІІ, 49) ²⁾. И я постигалъ уже, съ первыхъ словъ бытописанія. *Отца*—подъ именемъ Бога, какъ Творца, все творившаго, и *Сына*—подъ именемъ Начала, какъ Премудрости и Предвѣчнаго Слова, чрезъ которое Отецъ все творилъ: а такъ-какъ вѣра внушала мнѣ, и я вѣровалъ, что Богъ мой въ трехъ лицахъ, то и доискивался въ Его божественномъ Писаніи Божественной *Троичности*, и вотъ

¹⁾ Слич. книг. XI глав. 9; книг. XII глав. 7; 15 трет. купл.; глав. 17 втор. купл. и книг. XIII глав. 2.

²⁾ Смот. книг. XII глав. 2. 7—9. 12. 13. 15 три сред. купл. и книг. XIII глав. 2.

Духъ Твой представляется мнѣ *носящимся верху воды*. И такъ достопоклоняемая *Троица* Твоя, Боже мой, *Отецъ* и *Сынъ* и *Духъ Святой*, выразилась въ самомъ твореніи Твоемъ.

ГЛАВА 6.

Но что за причина была,—гдѣ Тебѣ обрящаюсь, Источникъ свѣта и истины, разсѣй облегающую меня тьму, чтобы мнѣ не заблудиться, и скажи мнѣ, умоляю Тебя именемъ любви, этой общей матери нашей;—скажи мнѣ, что за причина тому, что въ Писаніи Твоемъ прежде упомянуто о небѣ и землѣ, о массѣ земной, невидимой и неустроенной, и о тьмѣ вверху бездны, а потомъ уже сказано о Духѣ Твоемъ? Видно, нужно было представить Его *носящимся* надъ чѣмъ-нибудь; но для этого надлежало, гдѣ уразумѣнію, упомянуть напередъ о томъ, надъ чѣмъ Онъ могъ носиться. Онъ не носился ни надъ Отцемъ, ни надъ Сыномъ; и нельзя было бы съ точностію сказать о Немъ, что носился надъ чѣмъ-нибудь, если бы не было предмета въ дѣйствительности, надъ коимъ Онъ носился. Поэтому прежде надлежало сказать о томъ, надъ чѣмъ Ему надлежало носиться, а потомъ уже о Немъ Самомъ, такъ какъ надлежало Его представить *носящимся*. Почему же надлежало выразиться о Духѣ не иначе, какъ представивъ Его въ образѣ *носящагося*.

ГЛАВА 7.

Тутъ пусть слѣдуетъ, кому по силамъ, мыслию своею за апостоломъ Теонимъ, который въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что *любы Божія изліяся въ сердца наша Духомъ Святымъ даннымъ намъ* (Рим. V, 5), а въ другомъ раскрываетъ таинственныя дѣйствія того же Духа, указывая намъ путь этой неизреченной любви и преклоняя колѣна свои

предъ Отцомъ Господа нашего Иисуса Христа, ради насъ, чтобы намъ, *утвердившись Духомъ Его, уразумѣть превосходящую разумнѣе любовь Христову*, и *върою вселиться Христу въ сердца наша*, дабы намъ исполниться всею полнотою Божіею (Ефс. глав. III, 14. 19). И потому-то Духъ Божій, чрезъ Котораго дары божественной благодати изливаются на насъ свыше, съ самаго начала творенія представляется *нослищимся* надъ водами. Кому же повѣдаю и какъ повѣдаю о тяжести страстей нашихъ, влекущихъ насъ долу въ бездонную пропасть, и о возносящей насъ горѣ божественной любви чрезъ дѣйствіе Духа Твоего, Который носился надъ водами? Кому повѣдаю и какъ повѣдаю о томъ, что мы «то опускаемся въ эту бездну, то поднимаемся надъ этою бездною»? Ибо на самомъ дѣлѣ нѣтъ у насъ такой бездны, въ которую бы мы опускались и надъ которою бы мы поднимались. Что тутъ болѣе соотвѣтственнаго и несоотвѣтственнаго? Это страсти наши, это наши нечистыя побужденія любви, это поврежденіе и порча нашего духа: вотъ что влечетъ насъ въ эту бездну чрезъ пристрастіе къ земнымъ попеченіямъ; а святость чистѣйшей любви Духа Твоего изводитъ насъ изъ этой преисподней и возводитъ насъ на высоту пренебесную, внушая намъ неотразимое стремленіе къ этому безмятежному пристанищу. Такимъ образомъ, освобождаясь отъ этихъ узъ, мы устремляемся къ Тебѣ, Господи, туда, гдѣ Духъ Твой носится надъ водами; и мы достигнемъ этого небеснаго жилища, когда душа наша пройдетъ тѣ воды, которыя *не имѣютъ бытія постоянного* (Псал. СХХIII, 5),

ГЛАВА 8.

Паль ангель, пала и душа человѣческая, и—разверзлась предъ нимъ бездна для всей духовной природы, покрытая глубокою тьмою. Тамъ эти существа и оставались бы,

еслибы Ты съ самаго начала творенія не изрекъ: *да будетъ свѣтъ*: въ вслѣдствіе чего *и бысть свѣтъ*, и если бы озаренные этимъ свѣтомъ духи небеснаго града Твоего, устоявъ въ повиновеніи Тебѣ, не соединились съ Тобою навсегда, почивая въ Духѣ Твоемъ также неизмѣнно, какъ Онъ неизмѣнно носится надъ всѣмъ измѣняющимся. Иначе и самое *небо небесе* было бы въ себѣ тьма: а теперь оно—*свѣтъ о Господь* (Ефс. V, 8). Да и самое томленіе духа, столь мучительное, когда онъ уклоняется отъ Тебя, и, лишаясь чрезъ это свѣта Твоего, тѣмъ самымъ омрачается, не свидѣтельствуетъ ли ясно предъ каждымъ изъ насъ о величій духовныхъ твореній Твоихъ, которыхъ ничто низшее Тебя не можетъ успокоить и доставить имъ истиннаго блаженства, и которыя потому и въ самихъ себѣ не могутъ найти довольства? Ибо Ты, Господи Боже нашъ, *просвѣщаешь тму нашу* (Псал. XVII, 29); Ты *облекаешь насъ свѣтомъ, яко ризою* (—СIII, 2), такъ-что и *нощь яко день просвѣтитъя и тма яко свѣтъ* (—СXXXVIII, 12). Я палъ, и самъ собою не въ силахъ возстать. Воздвигни меня Самъ Ты. Даруй мнѣ силы подняться и возвратиться къ Тебѣ, съ тѣмъ чтобы никогда уже не падать. Ибо я люблю Тебя: а если эта любовь моя слаба и недостаточна; то сотвори, да возлюблю Тебя крѣпче и крѣпче. У меня нѣтъ мѣрилы, чтобы могъ я видѣть, чего недостаетъ въ любви моей для той полноты, при которой жизнь моя могла бы стремиться въ объятія Твои, не уклонясь отъ Тебя ни на десную ни на лѣвую сторону, доколѣ не увроюсь навсегда подъ кровомъ лица Твоего (Псал. XXX, 21). Одно только вѣдаю я, что безъ Тебя горе мнѣ, не только внѣ меня, но и во мнѣ самомъ, — что всякое обиліе и довольство, которое не отъ Бога и не въ Богѣ, есть для меня нищета и крушеніе духа.

ГЛАВА 9

Но ужели Отець и Сынъ не носились надъ водами также, какъ говорится о Духѣ Святомъ? Если представлять себѣ это какъ тѣло въ пространствѣ, то и о Духѣ нельзя того сказать; а если разумѣть здѣсь неизмѣняемое превосходство Божества надъ всѣмъ измѣняющимся, то и Отець и Сынъ и Духъ Святой—вся Троица одинаково носилась надъ водами. Отъ чего же это сказано только о Духѣ Твоемъ? Отъ чего это Ему только усвоено? Какъ будто занималъ тамъ мѣстность Тотъ, Который не ограничивается никакимъ пространствомъ, но о Которомъ одномъ сказано, что Онъ есть *даръ Твой* (Іоан. XIV, 16. 26. XV, 26, XVI, 13; Дѣян. II, 4; 1 Кор. II, 12. XII, 3—11). Этоть-то даръ Твой есть мѣсто нашего успокоенія; въ немъ только обрѣтаемъ мы полное довольство и наслажденіе Тобою; тамъ нашъ покой, тамъ наше пристанище. Туда любовь возноситъ насъ, а Духъ Твой благій изводитъ уничиженность нашу *отъ вратъ смерти* (Псал. 9, 14) и возводитъ туда. Такимъ образомъ *миръ* дарованъ намъ *благоволеніемъ* Твоимъ (Лук. II, 14). Всякое тѣло по своей тяжести стремится къ своему центру, и эта тяжесть влечетъ его не то чтобы внизъ только, а къ мѣсту своему. Такъ, огонь поднимается къ верху, а камень падаетъ внизъ. Повинуясь силѣ тяготѣнія своего, они стремятся занять свои мѣста въ средоточіяхъ своихъ. Или, когда на масло вливаютъ воду, то эти жидкости сперва приходятъ въ броженіе; но потомъ, приходя въ спокойное состояніе, отдѣляются: масло поднимается и занимаетъ верхній слой, а вода опускается и занимаетъ нижній слой. И эти тѣла, повинуясь той же силѣ тяготѣнія, тоже стремятся занять свои мѣста по своимъ средоточіямъ. Такъ и все, будучи выведено изъ своего нормальнаго положенія, приходитъ въ безпокойное состояніе, и до тѣхъ поръ не можетъ успокоиться, пока не войдетъ въ нормальное же положеніе свое. Что ка-

сается до меня, то сила моего тяготѣнія заключается въ любви моей; силою этой любви стремлюсь я туда, куда она влечетъ меня. Такъ, это Твой даръ, который влечетъ насъ не внизъ, а вверхъ: мы горимъ любовію Твоею и возносимся къ Тебѣ, восходимъ *восхожденіями въ сердца наши* (Псал. LXXXIII, 6), воспѣваемъ *пѣсни степеней* (Псал. СХІХ—СХХХІІІ). Огонь божественной любви Твоей, по-паляющій въ насъ все недостойное Тебя, воспламеняетъ насъ, и мы *не даемъ сна очамъ нашимъ и въждаемъ нашимъ дреманія*, пока не достигнемъ горняго Іерусалима, этого *мѣста вѣчнаго покоя* (Псал. СХХХІ, 4 5. 14). О какъ я возрадовался, когда сказали мнѣ: *въ домъ Господень пойдемъ* (—СХХІ, 1)! Таково *благволеніе* Твое, Господи, чтобы тамъ утвердить насъ навсегда, сосредоточивъ всѣ желанія наши на томъ, чтобы тамъ пребывать намъ вѣчно.

ГЛАВА 10.

Блаженны тѣ духи створенные, которые не испытали паденія! А и они могли подвергнуться этому состоянію, если бы, по непреложному *дару* Духа Твоего (Рим. XI, 20), носящагося надъ всѣмъ подверженнымъ измѣненію, они, тотчасъ послѣ ихъ сотворенія, не были призваны и вознесены на эту высокую степень блаженства, когда Ты, по своему *благволенію*, изрекъ: *да будетъ свѣтъ*, и они сами содѣлались свѣтомъ. Въ отношеніи къ намъ—человѣкамъ различаются времена, когда мы были и *тма* и когда мы содѣлались *свѣтомъ* (Ефес. V, 8): но объ этихъ духахъ сказано только, что они были бы, еслибы свѣтъ Твой тотчасъ не озарилъ ихъ; и сказано такъ, какъ будто и они предъ тѣмъ подлежали измѣняемости и были внѣ свѣта, съ тѣмъ чтобы показать начало и уяснить причину, какъ это произошло, что они не пали, но, обратившись къ неизсякаемому и присносущному Свѣту, сами содѣлались свѣтомъ. Да постигается

и уразумѣвветъ это, кто можетъ; а кто не въ состояніи высигиться до этого пониманія, тотъ пусть просить разума у Тебя. А меня зачѣмъ бы затруднять и утруждать столь трудными предметами, какъ будто я могу быть *свѣтомъ, просвѣщающимъ всякаго человѣка входящаго въ міръ* (Іоан. I, 9)?

ГЛАВА 11.

Кто можетъ постигнуть троичность высочайшей и всемогущей божественной Троицы? А между тѣмъ кто не говоритъ объ ней, если только о Ней говорить? Рѣдная душа понимаетъ, что говорить, когда говорить о Ней. Вступаютъ въ споры и пренія, между тѣмъ какъ эту тайну можно прѣзрѣвать только въ мирѣ и спокойствіи. Я желалъ бы, чтобы состязующіеся между собою, вмѣсто бесполезныхъ словопреній, углубились лучше въ самихъ себя и обратили вниманіе вотъ на что—на тройственность въ самихъ себѣ, именно: на свое *бытіе*, свой *умъ* и свою *волю* (*vellem, ut cogitarent in seipsis haec tria: esse, nosse, velle*). Конечно, эта тройственность наша далеко не то, что троица божественная, и не раскроетъ намъ тайны ея; но я предлагаю это для того, чтобы они чрезъ собственное размышленіе познали и ощутили ближе, какъ мы далеки отъ своего Первообраза,—что наша тройственность только подобіе или образъ троичности божественной, и что тайна божественной Троицы можетъ быть постигаема не столько разумомъ, сколько вѣрою. Такъ, я существую, познаю и свободное имѣю произволеніе: я существую, я, тотъ самый, который познаю и который имѣю свободную волю; и я же познаю, что существую и волю имѣю; и я, тотъ же самый, желаю и существовать и познавать. Изъ этихъ трехъ актовъ, отдѣляющихся и различающихся между собою, слагается у насъ совмѣстно одна и также жизнь, въ которой дѣйствія

эти выражаются сколько, съ одной стороны, не слитно, столько, съ другой, и нераздѣльно. Для того доступно это, пусть уразумѣваетъ; по крайней мѣрѣ, дѣло предлагается каждому: пусть вникнетъ въ себя, пусть размыслить внимательно объ этомъ, и, если приподнимется для него завѣса этой тайны, пусть уяснить ее и мнѣ. Но если онъ будетъ находить въ своей тройственности нѣкоторое уясненіе для себя и троичности божественной и захочетъ этимъ уяснить ее и другимъ; то пусть не думаетъ, что онъ постигъ уже то Существо, которое превыше всего пзмѣняемаго, котораго и *бытіе* непреложно, и *умъ* непреложенъ, и *воля* непреложна. И кто дерзнетъ утверждать, что ради этой тройственности нашей—и троичность божественная? или, что въ каждой ѳпостаси Трїедиаго Бога заключается эта тройственность, такъ-что каждая ѳпостась божественная троична? или—какъ это высочайшее Существо будучи непостижимо для насъ совмѣщеніемъ въ Себѣ и единичности и множества, по безпредѣльности и своего *бытія* и своего *ума* и своей *воли*, составляетъ Само въ Себѣ довольство и пребываетъ неизмѣнно, однимъ и тѣмъ же, при такомъ величїи единства (*copiosa unitatis magnitudine* ¹⁾)? Кто въ состоянїи постигнуть это? чей языкъ можетъ выразить это? у кого достанетъ на то дерзновенїя, чтобы рѣшиться какимъ ни есть образомъ снять покрывало съ этой тайны?..

¹⁾ Эти три вопроса выражены такъ неопредѣленно, такъ темно и неудобопонятно, притомъ съ недомолвками (особенно въ послѣднемъ пунктѣ), что для уясненїя мысли необходимы здѣсь соотвѣтственные контексту пополненїя. Поэтому считаемъ нужнымъ выставить здѣсь подлинный текстъ этого мѣста: *et utrum propter tria haec et ibi Trinitas; an in singulis haec tria, ut terna cingulorum sint; an utrumque miris modis simpliciter et multipliciter infinito in se sibi fine quō est, et sibi notum est, et sibi sufficit incommutabiliter id ipsum copiosa unitatis magnitudine;... quis quolibet modo temere pronunciaverit?*

ГЛАВА 12.

Впередъ, впередъ, душе моя; довершай исповѣдь свою съ вѣрою и упованіемъ! Воскликни къ Господу Богу Твоему: Святъ, Святъ, Святъ, Ты, Господи Боже мой! Во имя Твое крестились мы,—во имя Отца и Сына и Святаго Духа; во имя Твое—Отца и Сына и Святаго Духа и крещаемъ. Ибо у насъ и въ насъ самихъ *сътворилъ Богъ* во Христѣ, Сынѣ своемъ, *небо и землю*, разумѣю, духовныхъ и плотскихъ чадъ церкви своей. И эта персть наша, изъ которой мы созданы, прежде нежели получила тотъ *образъ ученія*, которому мы *предались* (Рим. VI, 17), эта земля наша была до того времени *невидима и неустроена*, и мы погружены были во тьму невѣдѣнія; Ты вразумлялъ челоуѣка въ его *беззаконіяхъ* (Псал. XXXVIII, 12), и *судьбы твои—бездна многа* (—XXXV, 7)! Но такъ-какъ Духъ Твой носился надъ водами (Быт. 1, 2); то милосердіе Твое не оставило насъ въ этомъ бѣдственномъ состояніи, и Ты изрекъ: *да будетъ свѣтъ* (—1, 3). *Покайтесь, приблизится царствіе небесное* (Мат. III, 2). *Покайтесь; да будетъ свѣтъ*. И когда смутилась въ насъ душа наша; тогда мы вспомнили о Тебѣ, Господи, въ землѣ *іорданской* на *Ермонь*, *горь* Твоей высокой (великой), но для насъ *малой* (Псал. XLI, 7); и тьма наша стала для насъ невыносимою, и мы обратились къ Тебѣ, *и бысть свѣтъ* (Быт. 1, 3). И вотъ, мы были нѣкогда *тма*; а теперь *свѣтъ о Господь* (Ефес. V, 8).

ГЛАВА 13.

Но пока остаемся мы въ сей жизни, до тѣхъ поръ во *свѣтъ* этомъ мы *ходимъ вѣрою*, а не *видѣніемъ* (2 Кор. V, 7), *видимъ* какъ бы свозъ тусклое слезло, *въ гаданіи*, а не *лицемъ къ лицу* (1 Кор. XIII, 12). *Упованіемъ бо спасаемся*. *Упованіе же видимое нѣсть упованіе: еже бо видитъ кто, что и уповаетъ* (Рим. VIII, 24)? Еще

бездна бездну призываетъ, но во гласъ хлябій (cataractarum, водопадовъ) твоихъ (Псал. XLI, 8). И самъ апостоль, который замѣчаетъ братіи своей; «не могъ я говорить съ вами, братія, какъ съ духовными, но какъ съ плотскими, какъ съ младенцами во Христѣ», (1 Кор. III, 1), и самъ онъ о себѣ говоритъ, что и онъ не достигъ еще этой высоты, а только, *задняя забывая, въ предняя же простираяся*, стремится къ цѣли—къ почести *вышняго званія Божія о Христѣ Иисусѣ* (Филип. III, 12—14). Воздыхая подъ бременемъ тяжести, душа его томится жаждою къ Богу, Богу живому, какъ лань на источникахъ водные, не переставая звать съ пророкомъ: *когда прииду и явлюся лицу Божію* (Псал. XLI, 2, 3)? Онъ стараетъ желаніемъ облечься въ небесное жилище свое (2 Кор. V, 2), и, обращаясь къ низшимъ слоямъ бездны, призываетъ и къ нимъ: *не сообразуйтесь въку сему, но преобразуйтесь обновленіемъ ума вашего, во еже искушати вамъ* (чтобы вамъ познавать), *что есть воля Божія благая и угодная и совершенная* (Рим. XII, 2); и въ другомъ мѣстѣ: *не дѣти бывайте умы, не злобою младенствуйте, умы же совершенни бывайте* (1 Кор. XIV, 20); и еще: *о несмысленніи галате, кто васъ прельстилъ есть не покоритися истинѣ* (Гал. III, 1)? Но это голосъ не его уже; это голосъ Твой, голосъ Духа Твоего, Котораго Ты послалъ съ высоты небесъ (Дѣян. II, 2—4), чрезъ Того, Кто *возшелъ на высоту* и открылъ неизсяхаемый источникъ (cataractas donorum) даровъ для человѣковъ (Псал. LXXII, 19. Ефес. IV, 7—10), чтобы пролить *потоки веселія на святыи градъ Твой* (Псал. XLV, 5). О семь-то градѣ, небесномъ жилищѣ своемъ, воздыхаетъ этотъ вѣрный другъ Жениха, который (другъ) хотя и принялъ уже отъ Него (Жениха) *начатки Твоего Духа*, но не перестаетъ *воздыхать въ самомъ себѣ, всыновленія чающе, избавленія тѣлу своему* (Рим. VIII, 23; 2 Кор. V, 4).

Онъ въздыхаетъ по немъ, какъ по отчизнѣ своей. Будучи членомъ церкви—какъ *невѣсты* Христовой и *другомъ* ея *Жениха*, онъ снѣдается ревностію не о себѣ, а по нимъ, и объ этомъ *градъ Божіемъ* (Іоан. II, 17. III, 29; Псал. XV, 5. LXVIII, 10), и не своимъ голосомъ, а *возласть хлябій* (cataractarum) *своихъ* призываетъ и другія бездны, въ заботливости своей объ нихъ, опасаясь, *да не како, якоже змій Еву прельсти лукавствомъ своимъ, тако истляють* (совратятся) *и разумы ихъ, уклонясь отъ простоты, яже о Христь, Единородномъ Твоемъ, Которому мы обручены* какъ Жениху (2 Кор. XI 62, 2, 3; Иса. 5; Осіи II 19. 20). Когда же узримъ мы этотъ *свѣтъ* лица Его? Тогда, когда узримъ *Его* *якоже есть и подобни ему судемъ* (1 Іоан. III, 2), тамъ, гдѣ не будетъ уже мѣста этимъ *слезамъ*, которыя содѣлались для меня здѣсь *жѣлбомъ день и ночь* и гдѣ перестануть говорить мнѣ: *гдѣ есть Богъ твой* (Псал. XLI, 4)?

ГЛАВА 14.

И я зываю: гдѣ Ты, Боже мой? ахъ! гдѣ Ты? Я успокоиваюсь нѣсколько въ Тебѣ тогда только, когда *изливаю* предъ Тобою *душу мою со гласъ радованія и исповѣданія* среди славословія торжественныхъ *празднествъ* (Псал. XLI, 1). Но она снова впадаетъ въ уныніе, потому-что вскорѣ опять низпадаетъ въ бездну, или, лучше сказать, ощущаетъ и сознаетъ, что не выходитъ изъ нея. А вѣра моя, которую Ты возжегъ во мнѣ, какъ свѣточъ среди ночи предъ стопами моими, эта вѣра моя не перестанетъ твердить ей: *вскую прискорбна еси, душе моя; и вскую смущаеша мя? Уповай на Бога* (Псал. 41, 6. XLII, 5), Коего *законъ* (Verbum, Слово) *есть свѣтильникъ ногамъ твоимъ и свѣтъ стезямъ твоимъ* (Псал. CVIII, 105). Уповай и на дѣйся съ непоколебимою твердостію, доколѣ *ночь*, эта мать

нечестія и беззаконія (1 Сол. V, 5), не пройдетъ, доколѣ не миимодетъ гнѣвъ Господа. Мы хотя и стали *сынами. Божиими и чадами свѣта*, бывъ нѣкогда *тма* (Іоан. 1, 12; 1 Іоан. III, 2; Рим. VIII, 14—17; Ефес. V, 9), но остатки этой тьмы не перестаютъ гнѣздиться въ *мертвенной плоти* нашей *грѣхи ради* (Рим. VIII, 10), *дондеже джнетъ день, и подвижутся сныи* (donec aspiret dies, et removeantur umbrae Пѣсн. Пѣсн. II, 17. IV, 6), такъ что свѣтъ этого дня разсѣетъ тьму этой ночи навсегда. О, душе моя! Уповай на Бога и ожидай этого великаго дня, ибо онъ не далекъ. *Завтра предстану Ему, и узритъ мя, и буду славословить Его вѣчно* (Псал. V, 34). *Да, завтра предстану и узрю спасеніе лица моего* (Псал. XLI, 12), узрю Бога моего, Который *оживотворитъ и мертвенныя тѣлеса наши живущимъ Духомъ Его въ насъ* (Рим. VIII, 11), который съ такою благодію и съ такимъ милосердіемъ *носился* надъ волнами мрачной бездны нашей, такъ бѣдственно обуревающими насъ. Этотъ-то *Духъ Утѣшитель и данъ* намъ, какъ странникамъ сей жизни, въ *залогъ* того (2 Кор. 1, 22), что мы уже *свѣтъ о Господѣ* (Ефес. V, 8), будучи *спасены* пока въ *надеждѣ* (Рим. VIII, 24), и *сынове свѣта и сынове дне*, а не *нощи ниже тмы* (1 Сол. V, 5), чѣмъ мы однакожъ были нѣкогда (Ефес. V, 8). И Ты одинъ только, въ этой неизвѣстности человѣческаго знанія, различаешь насъ и отдѣляешь однихъ отъ другихъ, Ты, Который одинъ испытуешь сердца наши, и называешь *свѣтъ днемъ*, а *тму нощію* (Быт. 1, 5). Да и кто можетъ дѣлать различіе и раздѣленіе между нами, кромѣ Тебя? И *что имьемъ мы, чего бы не пріяли* отъ Тебя (1 Кор. IV, 7); и не изъ одной ли и той же *персти земной* всѣ мы *созданы*, и Ты—Творецъ нашъ не властенъ ли надъ своимъ *бреніемъ, отъ тогожде смѣ-*

шенія сотворити овъ убо сосудъ въ честь, овъ же не въ честь (Быт. II, 7; Рим. IX, 21)?

ГЛАВА 15

Ты изрекъ: *да будетъ твердь (небо) посредь воды... различающии... между водою, яже подъ твердію, и между водою, яже надъ твердію: и бысть тако, и проч.* Быт. I, 6—8.

Но кто же, если не Ты, утвердилъ и ту *твердь*, которая имѣеть силу и авторитетъ надъ нами въ божественномъ Писаніи Твоемъ? Ибо *твердь небесная*, которую мы видимъ теперь распростертою надъ собою на подобіе *кожи* (pellis) или шатра (Псал. 103, 2), *свѣтятся* нѣкогда *аки свитокъ* (Ис. 34, 4; Апок. 6, 14); а *твердь* силы Твоего божественнаго Писанія тѣмъ болѣе и болѣе утверждается и возвышается, когда смертные, подобные намъ *человѣки* (Іак. V, 17), которыхъ Ты избираешь органами своими для сообщенія намъ словесъ своихъ, открывая намъ волю Твою, отходятъ отъ насъ и прилагаются къ отцамъ своимъ. И Ты вѣдаешь, Господи, Ты вѣдаешь, какъ Ты одѣлъ въ *ризы кожаны* (pellibus) первыхъ *человѣковъ* (Быт. III, 21), чтобы прикрыть, когда они чрезъ грѣхопаденіе содѣлались смертными, тѣлесную ихъ наготу: Вотъ почему Ты, чтобы покрыть и нравственную наготу нашу, распростеръ надъ нами, какъ *кожу* (sicut pellem), *твердь* письменныхъ словесъ Твоихъ (firmamentum Libri tui, sermones tuos), которыя Ты расточалъ для насъ, врачуя насъ, чрезъ служителей своихъ, подобныхъ намъ смертныхъ. Да, самую смертію этихъ служителей Твоихъ глубоко утверждался и широко распространялся авторитетъ могущественнаго Слова Твоего, которое они проповѣдывали, такъ-что сила его уподобляется *мечу духовному, обоюду острому*; такъ оно живо и дѣйствительно, что проникаетъ до *раздѣленія души же и духа,*

членовъ же и мозговъ, и судить чувствованія и помышленія сердечныя (Ефес. VI, 17; Евр. IV, 12): но до такой высоты убѣдительности своей не достигало бы оно, если бы эти дѣятели Твои оставались здѣсь среди насъ. И все еще слава о побѣдоносной смерти ихъ не пронеслась повсюду, и небесная твердь божественнаго слова Твоего не осѣнила еще всего, до послѣднихъ предѣловъ земли.

Даруй же намъ, Господи, *узрѣть небеса, дѣла перствъ Твоихъ* (Псал. VIII, 4), этотъ свѣтъ божественныхъ Писаній Твоихъ; разгони облака, которыя закрываютъ его отъ умственного взора нашего. Тамъ—въ этомъ свѣтѣ *свидѣтельство Твое, умудряющее младенцы* (—XVIII, 8). *Соверши же, Боже мой, Себѣ хвалу изъ устъ младенцевъ и сосущихъ* (грудныхъ дѣтей), вопреки враждующимъ противъ Тебя, дабы сдѣлать безмолвнымъ *врага и мятежника* (—VIII, 3). И мы не знаемъ другихъ книгъ, которыя бы такъ уничижали и смиряли гордость, противящуюся Твоему примиренію и отстаивающую свою грѣховность. Не знаю, Господи, не знаю иныхъ *словесъ, столь чистыхъ* (—XI, 7), которыя давали бы мнѣ такъ сознавать и чувствовать необходимость въ исповѣданіи предъ Тобою немощей своихъ, преклоняли бы выю мою подъ Твое иго благое, и плѣняли бы всего меня чистѣйшею любовію къ Тебѣ. Даруй же мнѣ, Отче мой Благій, уразумѣть Твое божественное слово; даруй мнѣ это смиренному рабу Твоему: ибо Ты *гордымъ противишься, смиреннымъ же даешь благодать* (Притч. III, 34; Іак. IV, 6; 1 Пет V, 5), за чтò и Единородный Сынъ Твой славилъ Тебя предъ учениками своими съ радостію: *исповѣдаются Отче, Господи небесе и земли, яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ* (Лук. X, 21).

Есть и другія *воды надъ твердію* небесною. Чтò же это за воды? Думаю, что это духи безсмертные, которые не

испытали паденія и земнаго поврежденія, но устояли въ томъ состояніи, въ какое Ты поставилъ ихъ. Да восхвалять же они имя Твое, пусть славословятъ Тебя эти пренебесныя янтели—ангелы Твои, которые не имѣютъ нужды низводить взоры свои долу на эту *твердь* Писаній Твоихъ, чтобы, читая ихъ, познать Слово Твое. Ибо они *выгну видятъ лице* Твое (Мат. XVIII, 10), и читаютъ тамъ безъ посредства слоговъ, требующихъ времени, вѣчныя опредѣленія высочайшей воли Твоей. Они читаютъ, воспринимаютъ и плѣняются всею любовію; они всегда читаютъ, и то, что читаютъ, никогда не проходитъ (не забывается) у нихъ. Ибо то, что они воспринимаютъ всею любовію своею, составляетъ самую неизмѣнимость судебъ Твоихъ. Этотъ кодексъ никогда не закрывается для нихъ и страницы его не свертываются въ свитокъ; потому-что Ты Самъ составляешь для нихъ эту книгу и пребываешь съ ними во вѣки, поставивъ ихъ превыше этой тверди (Писаній своихъ) и утвердивъ ее между ними и немощными жителями поднебесной земли, съ тѣмъ-чтобы и эти земнородные, возводя очи свои горѣ—къ тверди словесъ Твоихъ, познавали милосердіе Твое, во времени возвѣщающее имя Тебя, Который сотворилъ и времена. Такъ, *Господи, милость Твоя до небесъ и истина Твоя до облаковъ* (Псал. XXXV, 6). Облака проходятъ, а небо пребываетъ. И проповѣдники слова Твоего переходятъ изъ сей жизни въ другую жизнь; Писаніе же Твое расширяется и распространяется по всюду надъ народами до скончанія вѣковъ. Но и это *небо* и эта *земля мимодутъ, словеса же Твоя не мимодутъ* (Мат. XXIV, 35): и этотъ сводъ небесный *свѣтятся какъ свитокъ* (Иса. XXXIV, 4), и эта *травя* полевая, надъ которою онъ распростирается, со всею красотою своею *исчезнетъ, глаголю же Твой пребываетъ во вѣки* (Иса. XL, 6—8; 1 Пет. 1, 24. 25). Только мы видимъ это пока гадательно, какъ бы подѣ по-

провомъ облаковъ или сквозъ зеркало неба, а не какъ есть на самомъ дѣлѣ (1 Кор. XIII, 12). Ибо хотя мы и стали теперь возлюбленными чадами Твоими чрезъ Единороднаго Сына Твоего, но еще не открылось, что будемъ тогда (Іоан. 1, 12; 1 Іоан. III, 2; Рим. VIII, 14—17; Гал. III, 26). Свѣтъ Твой проникнетъ къ намъ, какъ заря, сквозъ покрывало плоти нашей; Ты привлекаешь къ Себѣ насъ милостію, воспламеняя въ насъ любовь своею любовію, и мы *въ сладкѣ Тебе въ волю мѣра Твоего течемъ* (Пѣсн. Пѣсн. 1, 3). Знаемъ только, что когда откроется это, будемъ *подобни Ему, ибо узримъ Его, якоже есть* (1 Іоан. III, 2). Даруй же намъ, Господи, узрѣть Тебя и зрѣть лице Твое вѣчно тамъ, если здѣсь исполнѣ это для насъ невозможно.

ГЛАВА 16.

Но Ты одинъ, Боже мой, знаешь исполнѣ Себя, что Ты и каковъ Ты въ Себѣ; ибо Ты одинъ неизмѣняемъ и въ своемъ бытіи, неизмѣняемъ и въ своемъ вѣдѣніи, неизмѣняемъ и въ своей волѣ. И бытіе Твое неизмѣняемо и въ вѣдѣніи и въ волѣ, и вѣдѣніе Твое неизмѣняемо и въ бытіи и въ волѣ, и воля Твоя неизмѣняема и въ бытіи и въ вѣдѣніи. И справедливо ли, законно ли было бы предъ Тобою, чтобы существо измѣняемое, имѣющее нужду въ освѣщеніи, настолько же познавало то существо неизмѣняемое, которое его освѣщаетъ, насколько оно знаетъ само себя? И потому-то *душа моя яко земля безводная* (какъ суша или жаждущая земля) является предъ Тобою (Псал. CXLII, 6); потому-что она какъ не можетъ сама собою освѣтить себя, такъ не можетъ сама собою и насытить себя. *Яко у Тебе источникъ живота и во свѣтъ Твоемъ узримъ свѣтъ* (—XXXV, 1).

ГЛАВА 17.

Ты изрекъ: *да соберется вода, яже подъ небесемъ,*

въ собраніе едино, и да явится суша .. и собрася вода, яже подъ небесемъ, въ собранія своя (моря), и явися суша (земля)... и да произраститъ земля быліе травное и древо плодовитое творящее плодъ: и бысть тако, и проч. Быт. 1, 9—13.

Кто же собралъ эти горькія воды во едино,—этихъ сыновъ вѣка сего, которые преслѣдуютъ одну и ту же цѣль—земное и временное счастье, ради котораго они готовы на всѣ пожертвованія, хотя бы то съ опасностію подвергнуться всякимъ опасностямъ и крушеніямъ? Кто, если не Ты, Господи, Который повелѣлъ водамъ, чтобы онѣ собрались въ особое мѣсто, а сушѣ, чтобы она явилась превыше водъ, возносясь жаждою любви къ Тебѣ? *Яко Твое есть море, и Ты сотворилъ е, и сушу руцъ Твои создасть* (Псал. XLIV, 5); и не горечь водъ (сыновъ вѣка), а собраніе ихъ названо моремъ. И не Ты ли обуздываешь беспорядочныя движенія ихъ и *полагаешь предѣлы* этому морю: *до сего дойдеши и не преjdeши, но въ тебѣ сокрушатся волны твоя* (Іов. XXXVIII, 10. 11), подчиняя его законамъ господства Твоего надъ всѣмъ?

Но есть и такія души, томимыя жаждою любви къ Тебѣ и всегда готовые на служеніе Тебѣ, съ особенною цѣлію разобщенныя Тобою отъ этого бурнаго моря сыновъ вѣка сего,—есть души, которыя Ты сокровенно орошаешь сладостными и спасительными водами, чтобы эта *земля* благословенія Твоего сугубо приносила *плодъ* свой; и она приноситъ его. Повинуясь гласу Господа Бога своего, душа наша творить, *по роду своему*, дѣла милосердія; она любить своихъ ближнихъ и помогаетъ имъ въ нуждахъ жизни, нося въ себѣ *сѣмя по подобію своему*. Сознавая собственную немощь и недостатки, мы сострадаемъ къ немощамъ и недостаткамъ другихъ, подобныхъ намъ, и стараемся по возможности пособлять имъ, чтобы облегчить участь своихъ

ближнихъ, точно также какъ и сами желали бы, чтобы и намъ сочувствовали такимъ же образомъ въ подобныхъ обстоятельствахъ. И это не только въ маловажныхъ вещахъ, подобныхъ *былію травному*, которое само отъ себя изъ земли произрастаетъ, но и въ болѣе важныхъ предметахъ, подобныхъ *древу плодовитому*, требующему особенныхъ заботъ и попеченій, какъ-то, въ дѣлахъ благотворительности, когда напримѣръ спасаемъ невинность отъ обиды, изъ рукъ насилія, и подъ защитою закона и праваго суда ограждаемъ безопасность ея своимъ заступничествомъ, что для ходатая требуетъ, конечно, не малыхъ усилій и самопожертвованій, и въ другихъ подобныхъ тому дѣлахъ¹⁾.

ГЛАВА 18.

Ты изрекъ: *да будутъ свѣтила на тверди небеснѣй, освѣщати землю, и разлучати между днемъ и между ночью: и да будутъ въ знаменія, и во времена, и во дни, и въ льша...* И ты сотворилъ *два свѣтила великая: свѣтило великое (большее) въ началѣ дне, и свѣтило (великое) меньшее въ начала ночи, и звѣзды...* И утвердилъ ихъ *на тверди небеснѣй... владѣти днемъ и ночью, и разлучати между свѣтомъ и между тмою, и проч.* (Быт, 1, 14—19).

Итакъ умоляю Тебя, Господи, Который проливаешь въ души наши бодрость и силу, *да возсіяетъ истина отъ земли и правда проникнетъ къ намъ съ небесе* (Псал. LXXXIV, 12), и да свѣдятся *свѣтила* между нами *на тверди* нашей. Пусть у насъ *раздробляется хлѣбъ алчущимъ, и нищія безкровныя вводятся въ домъ, пусть нагіе одѣваются, и отъ свойственныхъ племени на-*

¹⁾ Слич. глав. 25.

шего не презираются; пусть у насъ разрѣшается всякъ союзъ неправды, разрушаются обдолженія насильныхъ писаній; пусть отпускаются сокрушенныя въ свободу, и всякое писаніе несправедливое раздирается (Ис. LVIII, 6. 7). И когда земля сердець нашихъ произраститъ столь драгоцѣнные плоды, тогда призири съ высоты своея и на нашу землю, яко и на ней добро; и разверзется и нашъ свѣтъ, возсіяетъ во тьмѣ, яко полудне (тамже 8. 10), и отъ этихъ земныхъ плодовъ добрыхъ дѣлъ нашихъ возвысимся къ утѣшительному созерцанію Твоего Слова о жизни пренебесной. Тогда мы явимся якоже свѣтила въ міръ (Матѹ. V, 14—16; Филип. II, 15; Притч. IV, 18), утвержденные на тверди Писанія Твоего. Ибо здѣсь-то, въ этомъ Писаніи, Ты бесѣдуешь съ нами и учишь насъ, что бы мы различали духовное отъ чувственнаго, какъ день отъ ночи, и не смѣшивали душъ, водящихся духомъ, съ душами, поработившимися чувственности. Такъ, Господи, Ты не одинъ уже, въ тайнѣ судебъ твоихъ, отдѣляешь свѣтъ отъ тьмы, какъ это было до сотворенія Тобою тверди небесной. Теперь и тѣ, которыхъ Ты содѣлалъ причастниками Духа Твоего, по открытіи міру Твоей благодати, на основаніи тверди Писаній Твоихъ, освѣщаютъ землю, и различаютъ между днемъ и между ночью, и служатъ въ знаменія временъ; потому что древняя мимондоша, п—се быша вся нова (2 Кор. V, 17) и что нынѣ ближе къ намъ спасеніе, нежели егда въровахомъ, такъ какъ ночь преиде, а день приближися (Рим. XIII, 11. 12), и злата невѣднїя презирая Богъ, нынѣ повелѣваетъ челоуѣкомъ всѣмъ всюду покаяться (Дѣян. XVII, 30) и Ты благословиши вънецъ злата благости твоея (Псал. LXIV, 12), изводя однихъ дѣлателей на жатву свою (Матѹ. IX, 38), надъ осѣмененіемъ которой чини трудишася, а другихъ на повые посьвы (Іоан. IV, 35—38),

конхъ *жатва есть кончина вѣка* (Матѣ. XIII, 39). Такимъ образомъ Ты исполняешь желанія наши, *благословляешь лѣта праведника*, Господи, и какъ щитомъ ограждаешь насъ *благоволеніемъ* своимъ (Псал. V, 13); Самъ же Ты неизмѣнно пребываешь *тойжеде, и лѣта Твоя*, которыя *не оскудываютъ* (—СІ, 28), составляютъ какъ бы житницу, въ которую Ты наши проходящія лѣта слагаешь. Ибо Ты, по предвѣчному совѣту своему, къ нашимъ благамъ земнымъ-временнымъ прилагаешь свои дары небесные—вѣчные.

Дары же различны, но Духъ одинъ и тотъ же; и служенія различны, а Господь одинъ и тотъ же; и дѣйствія различны, а Богъ одинъ и тотже производящій все во всѣхъ. *Комуждо же дается явленіе Духа на пользу. Овому бо Духомъ дается слово премудрости*, какъ *большее свѣтило*, ради тѣхъ, которые находятъ наслажденіе въ созерцаніи лучезарнаго свѣта истины, какъ утренней зари прекраснаго дня. *Иному же слово разума, о томъ же Дусь*, какъ *свѣтило меньшее*. *Другому же въра, тьмъ же Духомъ; иному же дарованія исцѣленій, о томъ же Дусь; другому же дѣйствія силъ* (даръ чудотворенія), *иному же пророчество, другому же разсужденія духовомъ* (различеніе духовъ), *иному же роди языковъ* (разные языки), *другому же сказанія языковъ* (истолкованіе языковъ), и все это подобно *звѣздамъ* на тверди. *Вся же сія дѣйствуетъ одинъ и тойжедъ Духъ, раздѣляя властію коемуждо якоже хочетъ* и все это направляетъ Онъ ко благу нашему (1 Кор. XII, 4—11). Но это *слово разума*—какъ *свѣтило меньшее*, сплящсея вѣдѣніемъ своимъ обнять всѣ тайны Твои, которыя видоизмѣняются для него съ измѣненіемъ временъ, подобно *фазамъ луны*—этого ночнаго свѣтла, равно и всѣ прочіе дары, о которыхъ мы упомянули вѣдѣ затѣмъ, сравнивъ ихъ съ

звѣздами, что такое въ сравненіи съ величіемъ Того Слова премудрости—*свѣтила величайшаго*, того солнца, которымъ обладаетъ обѣтованный намъ и нами чаемый день,— что такое, говорю, все это, какъ не свѣтила только среди сумрачной ночи предъ разсвѣтомъ этого великаго дня? Однакожь это необходимо для такихъ, какъ тѣ, съ которыми и мудрѣйшій служитель Твой не могъ говорить какъ съ *духовными*, а говорилъ съ ними какъ съ *плотскими*, тотъ самый, который *въ совершенныхъ* (между совершенными) *премудрость глаголазъ* (1 Кор. II, 6. Ш, 1). Ибо плотской или душевный человекъ, *яко младенецъ о Христь, млекою* питаемый, *а не брашною* (тамже Ш, 2), доболѣ не укрѣпится къ принятію твердой пищи и не изощритъ зрѣнія своего для созерцанія *солнечнаго свѣта*, чтобы не оставаться ему въ совершенномъ мракѣ невѣдѣнія, долженъ довольствоваться пока свѣтомъ *луны и звѣздъ*. Вотъ о чемъ Ты бесѣдуешь съ нами и чему учишь насъ, Боже нашъ, Высочайшая Премудрость, въ этой *книжѣ тверди Твоей* (in Libro tuo, firmamento tuo), чтобы чрезъ разсматриваніе дивныхъ твореній Твоихъ могли мы все различать и распознавать, хотя пока еще только *въ знаменіяхъ, и во временахъ, и во дняхъ, и въ льтахъ*.

ГЛАВА 19.

Но прежде сего *измойтеся, (и) чисти будите, отъимете лукавства отъ дуиъ вашихъ предъ очима моима, престаните отъ лукавствъ вашихъ* (Иса. 1, 16), *да явится суша*, чтобы и вамъ вознестись подобно землѣ превыше водъ. *Научитеся добро творити... судите сиру и оправдайте вдовицу* (тамже 17), *да произраститъ земля сердцаъ вашихъ и быліе травное и древо плодовитое. И приидите, и истяжимся, глаголетъ Господь* (тамже 18), да явитесь и вы тогда, какъ *свѣтила*

на тверди небесный, освещающія землю. Нѣкій евангельскій богачъ вопрошалъ Учителя благаго: *что сотворю, да животъ вѣчный наследствую?* Учитель благій [Котораго богачъ считалъ за обыкновеннаго человѣка и ничего болѣе не видѣлъ въ Немъ; благъ же Онъ именно потому, что вмѣстѣ и Богъ], Учитель этотъ сказалъ ему въ отвѣтъ: *аще хоцеши внити въ животъ, соблюди заповѣди, чтобы избѣжать горькихъ плодовъ злобы и неправды, не убѣиши, не прелюбы сотвориши, не украдеши, не лжесвидѣтельствуеши, да явится суша и да произраститъ земля Твоя плодъ почитанія и уваженія къ отцу и матери и любовь къ ближнему. Вся сія сохранихъ отъ юности моя, былъ отвѣтъ на то богача, и—что есмь еще не dokonчалъ?* Но если нива сердца твоего такъ хороша и доброкачественна; то откуда же на ней столько теренія и волчцевъ? *Аще хоцети совершенъ быти,* сказалъ ему наконецъ Господь, *иди, искорени въ себѣ это злокачественное терніе волчцовъ, которые породило въ тебѣ корыстолюбіе, иди, продаждь имѣніе твое и раздай нищимъ,* и душа твоя обогатится плодами нетлѣнными, *и ты имѣти имаша сокровище на небеси:* и тогда *гряди въ слѣдъ мене;* присоединись къ тѣмъ избраннымъ, которые внимаютъ словесамъ премудрости, исходящимъ изъ устъ Того, Который знаетъ различіе между днемъ и ночью, если хочешь и ты уразумѣть это, если хочешь уподобиться *свѣтиламъ* на тверди небесной. Притомъ знай, что это возможно тогда только, когда сердце твое будетъ *тамъ;* а сердце твое можетъ быть *тамъ* только тогда, когда *сокровище* твое будетъ *тамъ,* (Матѳ. VI, 21), какъ это сказалъ тотъ же самый Учитель благій. *Слышавъ же слово сіе, отиде богачъ скорбля; печаль* (забота) *въка сего и леть* (обольщеніе) *богатства—это терніе* бесплодной земли заглушили и подавили въ немъ *сѣмя слова; бѣ бо имѣя стяжанія многа* (Матѳ. XIX, 16—22. VI, 21. XIII, 22).

Вы же родъ избранъ (1 Пет. II, 9), немощная міра (1 Кор. I, 27), идите по слѣдамъ Его неуклонно, да по-срамите критика; да будутъ стопы ваши подобны краснымъ ногамъ благовѣствующихъ миръ, благовѣствующихъ благая (Иса. LI, 7; Рим. X, 15), и вы сами—подобны свѣтиламъ на тверди небесной, различая и раздѣляя, подобно небесамъ повѣдающимъ славу Божию (Псал. XVIII, 2), между свѣтомъ достигшихъ уже совершенства, но не ангеловъ, и между тмою младенчествующихъ еще, но не отверженныхъ: да свѣтитъ свѣтъ вашъ надъ всею землею; и день вашъ, освѣщаемый солнцемъ, да отпрыгаетъ дни глаголъ премудрости, и ночь ваша озаряемая луною да возвышаетъ ночи слово разума (тамже 3). Луна и звѣзды свѣтятъ ночью; но ночь не помрачаетъ ихъ, потому-что онѣ освѣщаютъ ее самую, насколько она того требуетъ. И вотъ, когда Богъ устроилъ повозвѣтную церковь свою, тогда [подобно тому какъ иѣкогда изрекъ: да будутъ свѣтила на тверди небесный] бысть внезапно съ небесе шумъ, яко носиму дыханію бурну, и исполни весь домъ, польже бяху съдѣюще и явишася имъ раздѣлени языцы, яко огненни, съде же на единомъ коемждо ихъ (и почли по одному на каждомъ изъ нихъ); и исполнишася вси Духа Свята, и начаша глаголати иными языки, якоже Духъ даше имъ провъщавати (Дѣян. 2, 2—4). И вотъ явились они въ миръ, якоже свѣтила на тверди небесной, содержа слово жизни (Филип. II, 15. 16). О благодѣтельные свѣтильнички, о дивные пламеннички, разносите же по всей землѣ, по всему міру, разливайте повсюду это свѣтозарное слово жизни. Ибо вы есте свѣтъ міру, свѣтъ, который не долженъ оставаться подъ спудомъ (Матѣ V, 14—16). Тотъ Учитель небесный, Которому вы послѣдовали, уже вознесся отъ земли на небо: Онъ вознесетъ туда же

къ Себѣ и васъ; и если *велиій* наречется въ царствіи *небеснѣмъ* тотъ, кто научитъ и сотворитъ (тамже 19); то и тѣ, которые послушаютъ его, получаютъ тамъ же свое значеніе. *Тѣмже* убо тецете на *предлежащій* вамъ *подвигъ*, да изыдетъ во всю землю *вѣщаніе* ваше, и въ *концы вселенныя* глаголы ваши (Евр. 12, 1. Рим. X, 18. Псал. XVIII, 5.)

ГЛАВА 20.

Ты изрекъ: да изведутъ воды *гады души живыхъ*, и *птицы летающія по землѣ* (надъ землею) *по тверди небеснѣй* (подъ твердію небесною)... И Ты сотворилъ *киты великія*, и *всяку душу животныхъ гадовъ*... И *всяку птицу пернатую*... И *благослови я Богъ, глаголя: раститесь и множитесь*, и проч. (Быт. 1, 20—25).

Итакъ, и морямъ повелѣлъ Ты, чтобы *воды ихъ произвели гады души живыхъ* (reptilia ¹⁾ animalium vivarum, ползающихъ или пресмыкающихся животныхъ), надъ чѣмъ бы вамъ было трудиться, *благовѣстники Божіи*. Ибо вы, *изводя* (различая и отдѣляя) *честное отъ недостойнаго* и драгоценное отъ маловажнаго, содѣлались какъ бы *устами Божіими* (Іер. XV, 19), чрезъ которыя снова *возвѣщается: да изведутъ воды* не душу живую, какую земля производитъ, а *гады души живыхъ, и птицы летающія надъ землею подъ твердію небесною*. Сокровенныя тайны Твои, Боже, апостольскимъ служеніемъ святыхъ Твоихъ проникли (perseperunt, проползли, пробрались) въ среду соблазновъ *мірскихъ*, чтобы просвѣтить о имени Твоемъ народы (gentes, язычниковъ) невѣдающіе Тебя, возродивъ ихъ святымъ кре-

---

¹⁾ Здѣсь и ниже сего словами reptilia и perseperunt выдерживается параллель между пресмыкающимися животными и язычниками, которую толковникъ старается проводить между ними.

щеніемъ Твоимъ. И на этомъ поприщѣ совершились великія и чудныя дѣла Твои, подобно тому какъ нѣкогда въ безднахъ морскихъ явился *киты великія и всяка душа гадовъ животныхъ*; возгремѣли голоса благовѣстниковъ Твоихъ, обтекающихъ вселенную; слова ихъ летали надъ землею подъ твердію слова Твоего (*et voces nuntiorum tuorum volitantes*¹⁾ *super terram juxta firmamentum Libri tui*), которое повсюду служило имъ основаніемъ проповѣди. И нѣтъ языка, нѣтъ нарѣчія, на которыхъ не былъ бы слышанъ голосъ ихъ, *тъмже убо во всю землю изыде вѣщаніе ихъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ* (Псал. XVIII, 4, 5; Рим. X, 18): ибо благословеніе Твое, Господи, *растнется и множится*, почило на нихъ.

Но правду ли я говорю? Не обманываюсь ли я? Говоря такимъ образомъ, не смѣшиваю ли я предметовъ этихъ, не различая и не раздѣляя ясныхъ и вѣрныхъ о нихъ понятій *на тверди небесной* отъ дѣлъ плотскихъ *подъ твердію небесною*, въ волнахъ *морскихъ*, гдѣ все подвержено постояннымъ приливамъ и отливамъ? Конечно, нѣтъ. Эти понятія или познанія о предметахъ въ мірѣ духовномъ суть познанія совершенныя и полныя; къ нимъ ничего не прибавляется, когда они переходятъ отъ поговѣнія къ поболѣнію, точно также, какъ свѣтъ *премудрости и вѣдѣнія*. Но самыя проявленія ихъ въ мірѣ вещественномъ обнаруживаются въ многоразличныхъ образахъ, постоянно *произрастаютъ* одно изъ другаго, и такимъ образомъ постоянно *множатся* подъ Твоимъ благословеніемъ, Боже нашъ. Этимъ самымъ Ты даровалъ намъ утѣшеніе въ скорбныхъ чувствахъ нашихъ при видѣ смерти: Ты даровалъ духу нашему, который не въ состояніи здѣсь постигнуть вполнѣ вещей,

---

¹⁾ И здѣсь слово *volitantes* употреблено, очевидно, въ соотвѣтствіе птицамъ летающимъ, *volatilibus, volantibus*.

такое свойство, по которому вещи въ познаніи его открывались и высказывались бы въ разныхъ видоизмѣненіяхъ и направленіяхъ. Вотъ что произвели воды, но произвели при содѣйствіи слова Твоего. Вотъ что произвели отчужденные отъ вѣчной истины Твоей народы въ бѣдственномъ состояніи своемъ, но произвели при содѣйствіи евангелія Твоего. И сами воды производили то; только безжизненная горечь ихъ была причиною того, что происходило то при содѣйствіи слова Твоего.

И все то, что Ты сотворилъ, прекрасно, по тому самому, что Ты сотворилъ; Самъ же Ты, какъ сотворившій все это, несказанно прекраснѣе сотвореннаго Тобою. И если бы Адамъ печальнымъ паденіемъ своимъ не удалился-было отъ Тебя; то не произошелъ бы отъ утробы его съ такими поврежденіями родъ человѣческій, который можно уподобить *горькимъ и соленымъ водамъ морскимъ*, и по безднѣ его суетумдрія, и по бурливой надменности его, и по непостоямству стремленій его: тогда не было бы нужды среди этихъ неизмѣримыхъ водъ—разныхъ народностей и племенъ расточать въ домостроительствѣ Твоемъ столько видимыхъ и невидимыхъ средствъ чрезъ вѣрныхъ служителей Твоихъ, какъ органовъ воли Твоей, и прибѣгать къ таинственности и въ словахъ и въ дѣлахъ. Въ такомъ символическомъ смыслѣ представляются мнѣ эти *гады души живыхъ* (reptilia) и *птицы летящія* (volatilia) по воздуху. Это люди плоти и крови, люди, погруженные въ чувственность и не способные къ возрѣніямъ сверхъчувственнымъ (gentes, язычники), на которыхъ можно воздѣйствовать сперва только чувственнымъ образомъ, чтобы оживотворить ихъ, а затѣмъ уже пробудить въ нихъ жизнь духовную, способную послѣ таковыхъ начатковъ и къ высшему усовершенствованію.

ГЛАВА 21.

Ты изрекъ: *да изведетъ земля душу живу...* И Ты сотворилъ *звѣри земли, и скоты по роду ихъ, и вся гады земли* и проч. (Быт. 1, 24 и 25).

За тѣмъ уже, по слову Твоему, производить не бездна водъ морскихъ, а отдѣленная отъ горечи этихъ водъ *земля*, и не гады душъ живыхъ и птицы летающія по воздуху, а *душу живу*. Ибо эта земля не нуждается болѣе въ крещеніи, въ которомъ имѣютъ нужду язычники, какъ нуждалась она въ немъ прежде, когда покрывалась водами, не имѣя инаго пути, кромѣ указаннаго намъ, для того, чтобы войти въ царствіе небесное. Она не требуетъ уже тѣхъ необыкновенныхъ и чрезвычайныхъ дѣлъ, чтобы произвести въ ней вѣру, о коихъ сказано Спасителемъ капернаумскому царедворцу: *еще знаменій и чудесъ не видите, не имате вѣровати* (Іоан. IV, 48); такъ-какъ эта земля, по своей вѣрѣ, отдѣлена отъ этихъ *водъ морскихъ, горькихъ* по своему невѣрію, и даръ *языковъ* служить *знаменіемъ* не для *вѣрующихъ*, а для *невѣрующихъ* (1 Кор. XIV, 22). И въ этомъ родѣ пернатыхъ, которыхъ по слову Твоему произвели воды, не нуждается земля *основанная* Тобою *на водахъ* (Псал. CXXXV, 6). Пошли на нее слово Твое чрезъ *благовѣстниковъ* Твоихъ. Мы прославляемъ дѣла ихъ, но Ты Самъ дѣйствуешь въ нихъ, чтобы они могли произвести *душу живу*. Земля сама производитъ эту *душу живу*; ибо земля причиною тому, что на ней дѣйствуютъ души живыя, точно такъ же, какъ и море было причиною тому, что стали жить въ немъ *гады душъ живыхъ и птицы летающія подъ твердію небесною*. Въ этихъ произведеніяхъ водъ земля не нуждается уже, хотя и питается добываемою изъ глубины водъ *рыбою* на той *тра-*

незль ¹⁾, которую Ты уготовалъ предъ лицомъ вѣрующихъ: ибо рыба эта добыта изъ глубины *водъ*, потому что вода питаетъ сушу. И птицы, не смотря на то, что онѣ по происхожденію своему принадлежать къ водянымъ животнымъ, плодятся на землѣ и летаютъ по воздуху между землею и твердію небесною. Это значитъ, что хотя на проповѣди евангельской болѣе всего занимаетъ благовѣстниковъ Твоихъ невѣріе людей, чтобы просвѣтить и обратить ихъ къ вѣрѣ, однакоже и увѣровавшіе не оставляются ими и послѣ того безъ попеченія: объ ихъ благосостояніи, какъ вѣрныхъ чадъ Твоихъ, коихъ они пріобрѣтаютъ благовѣствованіемъ своимъ, они тѣмъ не менѣе заботятся ежедневно и ежечасно, напутствуя ихъ всякими и совѣтами и благожеланіями и благословеніями. А душа живая, воспріявшая начало отъ земли столь же животворной, споспѣшествуетъ имъ (вѣрнымъ) воздерживаться отъ пристрастія къ міру сему, обуздывая въ нихъ плотскія вожделнія, такъ — чтобы и душа ихъ, которая *заживо умерла* было, когда *питалась пространно* пагубными удовольствіями мірскими (1 Тим. V, 6), могла наконецъ обрѣсти жизнь въ Тебѣ, Господи, въ Тебѣ, который составляешь и жизнь и наслажденіе для *чистыхъ сердцемъ* (Мат. V, 8).

Итакъ пусть же воздѣлываютъ служители Твои эту землю благодатную, пусть удобряютъ ее, но не такъ, какъ среди *водъ* невѣрія, когда они возвѣщаютъ волю Твою при пособіи чудесъ, таинственныхъ знаменій и словъ прикровенныхъ, тамъ, гдѣ невѣжество —этотъ источникъ всякаго удивленія —изумляется и ужасается предъ непонятными и непостижимыми для него явленіями. Ибо такой доступъ къ вѣрѣ болѣе пригоденъ для сыновъ Адамовыхъ, забывшихъ Тебя,

---

¹⁾ Снеси это мѣсто съ подобнымъ ему въ XXIII главѣ во 2-мъ куплетѣ и съ относящимся къ нему примѣчаніемъ.

когда они *скрываются отъ лица Твоего* (Быт. III, 8) и погружаются въ бездну, покрытую тьмою. Пусть лучше служители Твои воздѣлываютъ эту землю, какъ *сушу*, отдѣленную отъ этихъ водъ морскихъ; пусть назидаютъ они вѣрныхъ Твоихъ, какъ ниву добрую и словомъ и дѣломъ, такъ чтобы въ образѣ жизни своей служили имъ примѣромъ и возбуждали ихъ къ подражанію. Тогда, внимая словамъ служителей Твоихъ, слушатели ихъ не только будутъ слушать, но и слушаться, переводя слова на дѣло: *взыщите Господа, и жива будетъ душа ваша* (Псал. LXVIII, 33); да *изведетъ земля душу живу*. *Не сообразуйтесь въку сему* (Рим. XII. 2), но бѣгайте отъ него. Убѣгая его, душа обрѣтаетъ жизнь; а ища его она обрѣтаетъ смерть. Воздерживайтесь отъ надменной гордости, отъ изнѣженныхъ удовольствій роскоши, отъ живой мудрости; пусть страсти ваши уподобляются усмирненнымъ *звѣрямъ* дикимъ, ручнымъ животнымъ домашнимъ (ручному *скоту* домашнему) и змѣямъ безвреднымъ (*гадамъ* безъ яда). Эти животныя суть эмблемы душъ нашихъ и въ алгегорическомъ смыслѣ представляютъ различныя движенія страстей нашихъ: они выражаютъ то надменность гордости нашей, то вождельнія похоти плотской, то ядъ пытливаго суетумдрія, словомъ, всё безпорядочныя движенія души, но души уже мертвой, которая настолько умираетъ духовно, насколько выражается въ ней жизнь душевная; ибо насколько она удаляется отъ приснотекущаго источника жизни и слѣд. умираетъ, настолько воспринимаетъ ее мѣръ преходящій, сообщая ей свою плачевную жизнь, съ которою она сообразуется, а въ этомъ-то и заключается ея смерть.

Источникъ же жизни вѣчной есть слово Твое, Боже; а слово Твое непреложно; поэтому-то въ немъ запрещается и обуздывается оное уклоненіе, когда заповѣдуются намъ: *не сообразуйтесь въку сему*, да *изведетъ* въ насъ *земля*

сердечъ нашихъ, орошаемая водою этого источника жизни, *душу живу*, душу пребывающую въ словѣ Твоемъ, возвѣщенномъ намъ благовѣстниками Твоими, и преукрашенную доброю нравственностію, чрезъ подражаніе послѣдователямъ Христа Твоего. Вотъ что означаютъ слова: все *по роду ихъ*; ибо каждый изъ насъ естественно подражаетъ тому, что сходно и подобно ему. *Будите якоже азъ*, говоритъ намъ апостолъ, *зане и азъ якоже вы* (Гал. IV, 12). Такимъ образомъ пребудутъ въ душѣ живой и дигіе *звѣри* наши добры при кротости дѣйствій своихъ, какъ заповѣдано намъ: *въ кротости дѣла твоя препровождай*, и всеми возлюбленъ будеши (Сир. III, 17); и ручныя животныя (*скоты*) будутъ добры, не увлекаясь избыткомъ, и не стѣняясь недостаткомъ; *ниже бо аще ядятъ, избыточествуютъ, ниже аще не ядятъ, лишаются* (1 Кор. VIII, 8); *гады* наши пребудутъ въ насъ добры, оставаясь безъ яда вредоноснаго, но съ *мудростію* предосторожности (Мат. X, 16),—словомъ, всѣ страсти наши, обуздываемыя подъ благимъ и спасительнымъ игомъ Твоимъ, послужатъ намъ въ борьбѣ съ ними къ раскрытію временной природы настолько, насколько это нужно и достаточно для того, чтобы чрезъ познаніе этой природы можно было намъ возвыситься къ познанію природы вѣчной (Рим. I, 20). И въ самомъ дѣлѣ, страсти наши, подобно всемъ этимъ животнымъ, сами въ себѣ добры и полезны для насъ, когда онѣ подчиняются у насъ разуму и когда мы не позволяемъ имъ отчуждать себя отъ Бога и ставить на пути пагубныя, которые приводятъ къ смерти.

ГЛАВА 22

Ты изрекъ: *сотворимъ челоуѣка по образу нашему и по подобію...* И Ты сотворилъ челоуѣка, по образу Божію сотворилъ его: мужа и жену сотворилъ ихъ (Быт. 1, 26 27).

Итакъ вотъ когда, Господи Боже нашъ, Создателю нашъ, мы обуздаемъ себя и воздержимся отъ пристрастiя къ миру сему, который причиняетъ намъ смерть, поработая насъ въ жизнь чувственную, и вотъ когда душа наша оживотворится въ насъ жизнiю духовною, такъ что исполнено будетъ нами слово Твое, сказанное апостоломъ Твоимъ: *не сообразуйтесь вѣку сему*; при этомъ исполнится надъ нами и то, что въ слѣдъ за симъ сказано: *но преобразуйтесь обновленiемъ ума вашего* (Рим. XII, 2). А это преобразование совершается уже не *по своему роду*, не черезъ подражанiе своимъ собратамъ, которые стоятъ по своему усовершенiю выше насъ. Ибо Ты не сказалъ: «да будетъ человѣкъ по роду своему», но—*сотворимъ челоуька по образу и по подобiю нашему*, чтобы онъ могъ познать, что есть воля Твоя. Посему-то апостоль Твой, этотъ сѣятель и благовѣстникъ слова Твоего, чтобы чада его, которыхъ онъ о Христѣ Иисусѣ *благовѣствованiемъ родилъ* (1 Кор. IV, 14, 15; Гал. IV, 19), не оставались навсегда *младенцами*, коихъ нужно *питать молокомъ* (1 Кор. 3, 1. 2) и какъ *доилницъ* согрѣвать ихъ (1 Сол. II, 7) или ходить за ними какъ нянькѣ, говорить имъ: *преобразуйтесь обновленiемъ ума вашего, во еже искушати вамъ* (чтобы вамъ чрезъ испытанiе по-познавать), *что есть воля Божiя, благая и угодная и совершенная* (Рим. XII, 2). Да и Самъ Ты не говоришь: «да будетъ человѣкъ», но—*сотворимъ челоуька*; и не говоришь также: «по роду его», но—*по образу и по подобiю нашему*. [Такимъ образомъ *первый челоуькъ бысть въ душу живу* (Быт. II, 7), а *последнiй въ духъ животворящъ* (Рим. V, 18). Но не прежде духовное, а душевное, потомъ же духовное. *Первый челоуькъ отъ земли перстень*: *второй челоуькъ Господь съ небесе* (1 Кор. XV, 45—47)]. Это значить то, что, обновившись духомъ и разумѣвая истину Твою, онъ не нуждается болѣе

въ томъ, чтобы училъ его подобный ему человѣкъ, которому бы онъ подражалъ какъ роду своему; но Ты Самъ открываешь ему волю свою, и онъ самъ непосредственно отъ Тебя познаетъ, что есть воля Божія, благая и угодная и совершенная. [*Излю отъ духа моего на всяку плоть* (Юил. II, 28; Дѣян. II, 17); *и не имать научити кійждо искренняго своего, и кійждо брата своего, глаголя: познай Господа, яко вси увѣдятъ (познаютъ) мя отъ мала до велика* (Іер. XXXI, 34; Евр. VIII, 11), *и будутъ вси научени Богомъ* (Іоан. VI, 45; Иса. LII, 13), говорить Самъ Богъ у пророковъ]. Ты наконецъ даруешь способность прозрѣвать въ величайшую тайну троичности Твоей въ единствѣ и единства Твоего въ троичности. Потому-то слова Твои, сказаныя въ множественномъ числѣ: *сотворимъ чловѣка*, тутъ же повторены и въ единственномъ числѣ: *и сотвори Богъ чловѣка*; и также слова: *по образу нашему*, повторяются въ словахъ: *по образу Божію*. Итакъ человѣкъ обновляется и преобразуется въ познаніе Бога, *по образу Создавшаго его* (Быт. 1, 26, 27; Кол. III, 10), и содѣлавшись *духовнымъ востязуетъ вся* (судить обо всемъ), что только можетъ подлежать его сужденію, *а самъ ни единого востязуется* (а о немъ судить никто не можетъ) (1 Кор. II, 15).

ГЛАВА 23.

И да обладаетъ рыбами морскими, и птицами небесными (и звѣрми), и скотами, и всею землею, и всѣми гады пресмыкающимися по земли. Быт., 26-28.

А что человѣкъ *духовный востязуетъ вся*, это значить, что онъ имѣетъ власть надъ рыбами морскими, и птицами небесными, и надъ всѣми животными и ручными и дикими, и надъ всею землею, и надъ всѣми ползающими

и пресмыгающимися по земли. Это производить въ немъ познаніе *живущаго въ немъ духа*, который *открываетъ* ему, *яже суть отъ Духа Божія* (1 Кор. 2, 10—16). Иначе *человкъ въ чести сый*, пребылъ бы не *разуменъ*; онъ *приложился бы скотомъ не смысленнымъ и уподобился имъ* (Псал. XLVIII, 13). Тагъ и въ церкви Твоей, Боже нашъ, по дарованной Тобою ей благодати, и потому что мы *Твое есмь твореніе, создани во Христъ Иисусъ на дѣла благая* (Еф. II, 10), есть и начальствующіе по Твоему духу, управляющіе подчиненными, и подчиненные по Твоему же духу, повинующіеся начальствующимъ. [Ибо тотъ же порядокъ чиноначалія и чиноподчиненія, который установленъ Тобою при сотвореніи *человѣка—мужескаго и женскаго пола* (Быт. 1, 27; III, 16; Мат. XIX, 4), Ты перенесъ и въ благодатное домостроительство духовное, хотя въ нѣдрахъ церкви Твоей нѣтъ различія между поломъ, какъ сказано: *нѣсть мужескій полъ, ни женскій; нѣсть Иудей, ни Еллинъ; нѣсть рабъ, ни свободъ* (Гал. III, 28)]. И потому всѣ возрожденные духомъ, какъ начальствующіе тагъ и подчиненные, судятъ обо всемъ *духоу* (1 Кор. II, 12—15). Но власть ихъ сужденія о познаніяхъ духовныхъ не простирается за предѣлы *тверди слова* (Писанія) *Твоего*; предметы этой области сіяютъ тамъ подобно звѣздамъ, превышая ихъ умъ по своей недоступности для нихъ (да и нѣтъ имъ надобности вдаваться въ расужденія о такихъ предметахъ, которые не подлежатъ ихъ вѣдѣнію); равнымъ образомъ не простираютъ они пытливости своей и въ самыхъ книгахъ писанія Твоего, если встрѣчаютъ въ нихъ для себя какія-либо неясности и недоумѣнія; при этомъ они *плъняютъ разумъ свой въ послушаніе вѣры* (Рим: 1, 5; 2 Кор. X, 5) тому, что сказано тамъ, будучи вполнѣ увѣренны, что все сказанное въ нихъ, хотя бы и неудопонятно было для насъ, истинно и непре-

ложно. Таковъ долженъ быть человѣкъ духовный и возрожденный въ познаніи Бога, *по образу Создавшаго его* (Кол. III, 10); онъ долженъ быть *творцемъ слова и закона*, а не *слышателемъ* только и *судіею* (Іак. 1, 22; 4, 11). Онъ не вдается въ разсужденія и о томъ, чтобы дѣлать различіе между собратами, и говорить объ однихъ, что они духовны, а о другихъ, что они плотскіе, если они не заявили себя никакими дѣлами, по коимъ можно было бы узнать ихъ, какъ *всякое древо*, доброе и худое, *отъ плода своего познается* (Лук. VI, 44): ибо Тебѣ одному только извѣстно это, Боже нашъ, и Ты одинъ только знаешь напередъ тѣхъ и другихъ и еще до творенія міра въ сокровенномъ совѣтѣ своемъ распредѣлилъ ихъ ¹⁾. Не судить онъ, не смотря на свою духовность, и о мятущихся (*turbidis*) народахъ міра сего: ибо *что ему судить о вѣншихъ* (1 Кор. V, 12),—о тѣхъ, которые внѣ церкви, когда онъ не знаетъ, кто изъ нихъ войдетъ въ ограду ея, содѣлавшись причастникомъ сладостной благодати Твоей, и кто останется за оградою, утопая въ горечи безбожнаго нечестія и отвергая дары Твоей благодати?

Вотъ почему человѣкъ, сотворенный Тобою по образу Твоему, не получилъ власти ни надъ *свѣтлыми небесными*, ни надъ *самимъ небомъ небесе*, сокрытымъ Тобою отъ насъ, ни надъ *днемъ и ночью*, нареченными Тобою еще до устроенія неба, ни надъ *собраніемъ водъ, или морями*; а дана ему власть надъ *рыбами морскими и птицами небесными и всѣми животными, и всею землею, и всѣми пресмыкающимися (завды) на земли*. Это значить, что онъ разсуждаетъ, и что находитъ правымъ, то отобрать,

¹⁾ Въ послѣдней мысли высказывается вѣра Блаж. Августина въ безусловное предопредѣленіе Божіе въ дѣлахъ спасенія людей. Это одно изъ убѣжденій Августина, неодобримыхъ церковію. Примѣч. Перевод.

а что неправымъ, не одобряеть,—касается ли дѣло тѣхъ торжественныхъ таинствъ, чрезъ которыя приобщаются (къ церкви) тѣ, коихъ милосердіе Твое взыскуеть среди водъ многихъ, или того торжественнаго событія, при необычайной ловитвѣ рыбъ (Іоан. XXI, 1—13. Лук. V, 1—11.), въ которомъ предлагается таинственная *трапеза* ¹⁾, служащая пищею вѣрующей

¹⁾. По мнѣнію Отцевъ церкви первыхъ шести вѣковъ Христіанскихъ: Тертуліана, св. Кипріана, св. Кирилла Іерусалимскаго, св. Златоустаго, Климента Аликсандрійскаго, св. Амвросія, а въ числѣ ихъ и Блаж. Августина, св. Григорія Великаго (Двоеслова), св. Григорія Назіанзена и друг., изъ всѣхъ религіозныхъ символическихъ образовъ въ первенствующей церкви Христовой ни одинъ не былъ въ такомъ общенародномъ и повсемѣстномъ употребленіи, какъ изображеніе *Рыбара и рыбы*. *Рыбарь*—какъ символъ *Исуса Христа* и *Апостоловъ*, а *рыбы* символъ *Христіанъ*. Если Исусъ Христосъ и Его Апостолы были означаемы подъ именемъ рыбарей, и подъ ихъ образомъ изображались; то естественно было изображать и называть рыбами и людей, уловляемыхъ ими для церкви Христовой силою божественнаго слова. Замѣчательно, что греческое слово ΙΧΘΥΣ (рыба) представляетъ собою соединеніе начальныхъ буквъ слѣдующихъ пяти греческихъ словъ: ιησους, Христосъ, Θεου υιος, сωτηρ—Исусъ Христосъ, Сынъ Божій, Спаситель. Такое объясненіе этому акростику ΙΧΘΥΣ дано Блаж. Августиномъ. Столь тѣсное соединеніе этихъ названій рыбара и рыбъ внушено было первымъ христіанамъ тѣми исторіями рыбной ловли, о которыхъ такъ часто разсказывается въ свангеліи и въ особенности тою чудесною ловлею, при озерѣ Геннисаретскомъ, въ которой Спасителю угодно было *дѣйствительность* и символъ сопоставить рядомъ одну подлѣ другаго. Дѣло было такъ: вошедши въ лодку апостола Петра Господь начинаетъ уловлять души, обратившись съ проповѣдью къ слѣдовавшему за Нимъ множеству народа, и тотчасъ послѣ проповѣди заставляеть своихъ учениковъ *вернуть мрежи въ ловитву*,—и *яиа множество рыбъ*, послужившее символомъ того множества народа, какое они должны были обратить ко Христу; но чтобы ученики не могли

землѣ, или если касается дѣло словъ и выраженій соотвѣтствующихъ высотѣ содержанія Твоего писанія и какъ бы носящихся надъ землею подъ *твердію небесною*, когда священнослужители Твои, при изложеніи и изъясненіи божественныхъ истинъ Твоихъ, изустно, посредствомъ живаго слова, передаютъ ихъ народу,—когда они какъ бы облачаютъ современную и неуловимую мысль въ наглядныя и осязательныя формы словорыраженій, и за тѣмъ, благословляя и призывая имя Твое, призывають народъ отвѣчать имъ: аминь! Виною же того, что мы не иначе можемъ прозрѣвать въ область предметовъ міра духовнаго, какъ подъ покровомъ чувственныхъ формъ, такъ-что намъ нужны при этомъ и слово и голосъ и много подобныхъ тому наружныхъ знаковъ, для облеченія не-

---

ошибиться насчетъ значенія этого чуда, Отъ тутъже объявляетъ имъ, непосредственно, что *отсель они будутъ ловцами человековъ* (Луки. V, 1—11). Исторія этой чудесной ловитвы описана Евангелистомъ Лукою при самомъ началѣ вступленія Спасителя въ дѣло служенія роду человѣческому, между тѣмъ другой евангелистъ Іоаннъ Богословъ описываетъ другою стольже чудесную ловлю, на морѣ Тиверіадскомъ, уже по воскресеніи Господа незадолго до вознесенія Его на небо (Іоан. XXI. 1—13.), гдѣ говоритъ въ особенности о той *трапезѣ*, приготовленной самимъ Господомъ для учениковъ своихъ, которая долженствовала послужить *символомъ* высочайшаго таинства *Святѣйшей Евхаристіи тѣла и крови* Спасителя нашего (Мат. XXIV, 26—28. 1 Кор. XI, 24. 25). Не могу не замѣтить при этомъ, что у блаж. Августина, какъ въ этой главѣ XXIII, такъ и въ предъидущей XXI главѣ, по изданію Бенедиктинскому, отмѣчено *in margine* на полѣ противъ текста этихъ мѣстъ—слово: *Eucharistia*. Самимъ ли Августиномъ сдѣлана эта замѣтка, или издателями его Бенедиктинцами,—неизвѣстно. Вѣроятно же, что она сдѣлана послѣдними, потому—что въ другихъ изданіяхъ, какъ наприм. Минье, не имѣется ее, иначе она была бы и у нихъ. *Примѣч. переводчика, и всѣ вообще примѣчанія въ этой книгѣ его-же.*

видимаго въ видимое,—виною тому *тьма бездны*, въ которую міръ сей погруженъ, и покрывало *плоти* нашей, въ которую духъ нашъ заключенъ. Такъ и о *птицахъ* небесныхъ, летающихъ по воздуху (надъ землею подъ твердію небесною), хотя сказано: *да множа ся на земли*; однако же происхождение ихъ приписывается *водамъ*. Наконецъ человекъ духовный судить и о томъ, что находить правымъ или неправымъ и что за тѣмъ одобряетъ или не одобряетъ въ дѣлахъ и поведеніи вѣрныхъ, въ щедротахъ милосердія и подаваніи мыслыни, какъ отъ *земли творящей плодъ*, и о *животворной силѣ души*, способной умирять и укрощать въ себѣ страсти цѣломудріемъ, воздержаніемъ, благочестивыми размысленіями,—словомъ, обо всемъ томъ, что выражается во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, такъ какъ онъ и судить о томъ, что подлежитъ исправленію, и о чемъ онъ имѣетъ возможность судить.

ГЛАВА 24.

И благослови ихъ Богъ глаголя: раститесь и множитесь и наполните землю, и господствуйте ей, и проч. Быт. 1, 28 (22).

Но что значить это, что за тайна, что Ты благословилъ только человека, рыбу и птицъ, а не благословилъ прочихъ твореній? Вотъ Ты *благословишь* людей, Господи, чтобы они *росли, и множились и наполняли землю*. Не дашь ли Ты этимъ намъ разумѣть здѣсь чего-нибудь особеннаго? И въ самомъ дѣлѣ! Почему Ты не благословилъ также свѣта, который назвалъ днемъ, ни тверди небесной, ни свѣтилъ великихъ, которыя утвердилъ на тверди освѣщати землю и разлучати между свѣтомъ и тьмою и между днемъ и ночью, ни звѣздъ, ни земли, ни моря? Я сказалъ бы, Господи Боже нашъ, что Ты, сотвориши насъ по образу своему, я сказалъ бы, что Ты по этому самому благоволилъ

преподать таковой даръ благословенія исключительно *человѣку*, еслибы Ты не благословилъ также *китовъ* и вообще *рыбъ (всяку душу гадовъ животныхъ)*, обитающихъ *въ водахъ*, чтобы и они *расли и множились и наполняли моря, и птицъ*, да *умножатся на земли*. Равнымъ образомъ сказалъ бы я, что это благословеніе простирается на всѣ роды существъ, которые сами изъ себя преемственнымъ рожденіемъ размножаются, если бы я видѣлъ, что оно даровано и растеніямъ и деревьямъ и животнымъ земнымъ. Между тѣмъ этого не сказано ни о растеніяхъ, ни о деревьяхъ, ни о скотахъ и звѣряхъ и гадахъ земли, *раститесь и множитесь*; хотя и эти всѣ творенія, точно также какъ и рыбы и птицы и люди, размножаются чрезъ преемственное порожденіе и сохраняютъ свои роды.

Что же мнѣ сказать, Боже мой, свѣте мой, истина моя? Неужели эти слова не заключаютъ въ себѣ никакого смысла? Неужели они сказаны безъ цѣли? О, конечно нѣтъ, Отче всякія любви! Сохрани же служителя слова Твоего отъ подобныхъ рѣчей. Если я и не постигаю, что этими словами благоугодно было Тебѣ выразить; то да уразумѣютъ ихъ лучшіе меня, то есть искуснѣйшіе и разумнѣйшіе меня, коимъ даровалъ Ты больше свѣта; пусть каждый уразумѣваетъ по мѣрѣ полученной отъ щедротъ Твоихъ мудрости. А между тѣмъ да будетъ Тебѣ пріятно и благоугодно по крайней мѣрѣ смиренное признаніе мое предъ очами Твоими, съ какимъ я исповѣдаю предъ Тобою, Боже мой, свою увѣренность и свое убѣжденіе, что все то, что сказано Тобою, не безъ основанія сказано такъ, а не иначе, и не хочу при этомъ умолчать предъ Тобою и о томъ, на какія мысли навело меня чтеніе этихъ словъ Твоихъ. Слова Твои истинны сами въ себѣ; при всемъ томъ я не вижу ни какаго препятствія понимать ихъ и въ смыслѣ иносказательномъ. Я знаю, что есть предметы, которые понимаются мыслію про-

сто и опредѣленно, а выражаются словомъ въ многоразличныхъ образахъ чувственныхъ; и наоборотъ, есть предметы, которые выражаются словомъ просто и опредѣленно, а понимаются мыслию въ многоразличныхъ смыслахъ переносныхъ. Такъ на примѣръ: что можетъ быть проще заповѣди въ писаніи о любви къ Богу и ближнему (Мат. XXII, 37—40. Втор. VI, 5; Лев. XIX, 18)? А какъ мысль этой заповѣди выражается и раскрывается въ немъ подъ многоразличными образами, сколько прикровенными столько и наглядными, на различныхъ языкахъ, и въ каждомъ языкѣ чрезъ различные обороты слововыраженій и знаковыраженій, въ какихъ живописныхъ иносказательныхъ притчахъ и аллегоріяхъ и знаменательныхъ символахъ! Такъ растутъ и множатся плодотворенія водъ. Или, что можетъ быть проще этихъ самыхъ первыхъ словъ писанія о твореніи: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю* (Быт. 1, 1)? А какъ многоразличенъ смыслъ этихъ словъ! И не смотря на относительное различіе этихъ смысловъ, каждый изъ нихъ не состоитъ въ непримиримомъ противорѣчій съ другими, а можетъ представляться и быть истиною при возможности различныхъ взглядовъ. Такъ растутъ и множатся произведенія рода человѣческаго на землѣ.

Итакъ, если разсуждать о природѣ вещей въ собственномъ только смыслѣ, устраняя всякій смыслъ иносказательный (переносный); то слова: *раститесь и множитесь* будутъ относиться ко всему, что воспроизводится изъ сѣмени. А если мы допускаемъ смыслъ иносказательный (что конечно имѣло въ виду писаніе, не безъ причины усвоивъ это благословеніе однимъ водянымъ животнымъ и только человѣку на землѣ); то вмѣстѣ съ нимъ мы находимъ умноженія (*multitudines*) и въ твореніяхъ духовныхъ и въ твореніяхъ вещественныхъ; такъ какъ *на небо* и *на землю*; находимъ и въ душахъ праведныхъ и въ душахъ

нечестивыхъ, такъ какъ въ *свѣтъ* и въ *тьмъ*; находимъ и въ священныхъ писателяхъ, чрезъ которыхъ данъ законъ, такъ какъ на *тверди* небесной, утвержденной *посредь воды и воды*; находимъ и въ обществѣ огорчающихъ (*amaricantium*) Тебя народовъ, такъ какъ въ *морь*; находимъ и въ ревности душъ благочестивыхъ, такъ какъ на *сушь*; находимъ въ дѣлахъ милосердія въ настоящей жизни, такъ какъ въ *былги травномъ, стьющемъ сѣмя* и въ *древь плодovitомъ творящемъ плодъ, емуже сѣмя его въ немъ*; находимъ и въ дарахъ духовныхъ, служащихъ для общей пользы, такъ какъ въ *свѣтилахъ небесныхъ*; находимъ и въ сильныхъ возбужденіяхъ духа, направленныхъ къ ограниченію страстей, какъ въ *душъ живой*. Во всемъ этомъ мы находимъ *умноженія, плодородіе и приращеніе*. Но такъ *растится и множится*, чтобы одна и таже вещь могла быть выражаема многообразно и одно и то же выраженіе могло быть понимаемо многообразно, — этого мы нигдѣ не находимъ, какъ только въ знакахъ чувственно выражаемыхъ и въ предметахъ умственно понимаемыхъ. Подъ чувственными знаками мы подразумѣваемъ произведенія водъ, потому что эти знаки служатъ необходимымъ условіемъ; отчего чувствамъ подлежащіе предметы не исчерпаемо глубоки для выраженія; а подъ претемами умственной дѣятельности мы разумѣемъ произведенія человѣческія, такъ какъ они суть произведеніе плодотворности нашего ума. Вотъ, почему, по нашему разумѣнію, сказано Тобою, Господи, этимъ только двумъ родамъ твореній: *раститесь и множитесь*. На это благословеніе я смотрю, какъ на дарованную Тобою намъ способность и возможность и выражать въ многообразныхъ образахъ одно наше понятіе, и находить многообразные смыслы въ томъ, что прикровенно выражено для насъ подъ однимъ только смысломъ. Такъ *наполняются воды въ морь* (мыслей нашихъ), которыя приходятъ въ дви-

женіе не иначе, какъ отъ различныхъ значеній, приписываемыхъ словамъ; такъ *наполняется* плодотвореніями чело-вѣческими и *земля, которой суша является* въ стремленіяхъ любви, а *господствуетъ* надъ нею разумъ.

ГЛАВА 25.

И рече Богъ: се дахъ вамъ всякую траву... и всякое древо, еже иматъ въ себѣ плодъ... въ снѣдь; и всѣмъ звѣремъ... и всѣмъ птицамъ... и всякому гаду... (Быт. 1, 29. 30).

Хочу высказать мысли свои, Господи Боже мой, и о томъ, на что наводятъ меня и остающіяся за симъ слова писанія Твоего о міротвореніи; и я буду говорить, ничего не опасаясь: ибо буду говорить не отъ себя, а по Твоему вдохновенію, исповѣдуя заключающуюся въ этихъ словахъ истину по Твоему соизволенію. Я вѣрю, что только отъ Тебя могу говорить истину, когда Ты мнѣ внушишь ее; такъ-какъ Ты Самъ истина, *всякъ же человекъ ложь* (Іоан. XIV, 6; Псал. СХV; Рим. III, 4), и потому *егда кто глаголетъ лжу, отъ своихъ глаголетъ* (Іоан. VIII, 44). И такъ, чтобы мнѣ говорить истину, буду говорить отъ Тебя. И вотъ, Ты далъ намъ *въ снѣдь всякую траву сѣменную сѣющую сѣмя* (возрождающуюся отъ семени своего), *еже есть верху земли вся* (покрывающую всю землю), *и всякое древо еже иматъ въ себѣ плодъ сѣмене семеннаго* (всякіе плоды дронесные отъ дровъ своего сѣмени); и эту пищу не однимъ намъ далъ Ты, но и *всѣмъ звѣремъ земнымъ, и всѣмъ птицамъ небеснымъ, и всякому гаду пресмыкающемуся по земли; рыбамъ же и вѣтамъ великимъ* (вообще водянымъ животнымъ) не предоставилъ Ты этого. Мы говорили уже выше¹⁾, что

¹⁾ Смот. глав. 15, кнл. 2.

подъ плодами земли въ иносказательномъ смыслѣ разумѣются дѣла милосердія, которыя въ нуждахъ настоящей жизни, чрезъ подаваніе помощи отъ щедротъ плодотворенія ея, служатъ къ облегченію участи и утѣшенію ближняго. Таковую плодотворною почвою земли былъ благочестивый Онисифоръ, коего дому внушилъ Ты такую любовь и состраданіе къ ближнему, что онъ многократно покоилъ апостола Твоего Павла, и не стыдился и не страшился узъ его, но, пришедши въ Римъ, съ великимъ тщаніемъ искалъ его, и нашелъ, такъ-что апостоль молить Бога, да дастъ ему обрѣсти милость у Господа въ день онъ; а сколько послужилъ онъ ему въ Ефесѣ (2 Тим. 1, 16—18)!... Такъ поступали и такіе же приносили плоды въ дѣлахъ милосердія и тѣ братія, которые приходили изъ Македоніи, чтобы помочь скудости и недостаткамъ тогоже апостола (2 Кор. XI, 9). А какъ этотъ апостоль скорбитъ и соболѣзнуеть о тѣхъ безплодныхъ *деревьяхъ*, которыя не приносили ему должныхъ плодовъ, когда говорить объ нихъ: *при первомъ моемъ отвѣтѣ (оправданіи) никого не было со мною, но всю меня оставили; да не вмѣнитса имъ* (2 Тим. IV, 16)! И таковая помощь кому наиболѣе должна быть оказываема, какъ не тѣмъ, которые трудятся надъ духовнымъ образованіемъ человѣчества, раскрывая предъ нимъ спасительныя истины божественныхъ таинъ? Да, имъ принадлежитъ она, прежде всего какъ *человѣкамъ* вообще; за тѣмъ—какъ *душамъ живымъ* ¹⁾, представляющимъ собою примѣры для подражанія во всякомъ родѣ воздержанія; наконецъ—какъ *птицамъ небеснымъ* ²⁾, потому-что подобно голосу птицъ, раздающемуся повсюду на землѣ, и *ихъ вѣщанія и глаголы исходятъ во всю землю и въ концы*

¹⁾ Слич. глав. 21.

²⁾ Слич. глав. 20.

вселенныя (Псал XVIII, 5; Рим X, 18), низводя повсюду благословенія небесныя.

ГЛАВА 26.

Но этою пищею (плодами милосердія) питаются тѣ только, которые съ радостію принимаютъ ее; тѣже не находятъ въ ней удовольствія, *имже богъ чрево* (Филип. III, 19). Такъ и у тѣхъ, которые творятъ дѣла милосердія, не то составляетъ *плодъ*, что они подаютъ (самая милостыня), а то расположеніе, съ какимъ они творятъ это. Изъ этого я вижу ясно, чему апостоль Твой, служившій Тебѣ, а не чреву своему, радуется,—вижу это и сорадуюсь ему всею душою. Апостоль Павелъ принималъ то, что прислано было ему филиппійцами чрезъ Епафродита на его нужды (Филип. IV, 18), и принималъ это съ радостію; и я вижу, что его радовало. А что радовало его, то и питало его; потому и говоритъ онъ во свидѣтельство истины: *возрадовахся о Господь вельми, яко воспомянусте пеущия о мнѣ* (что вы снова стали заботиться о мнѣ); »вы и прежде заботились, но вамъ не благопріятствовали обстоятельства» (Филип. IV, 10). Значить, продолжительная печаль филиппійцевъ отъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ какъ бы изсушала ихъ, такъ-какъ они не могли, подобно засохшимъ отъ бездождія вѣтвямъ плодovitаго дерева, приносить ему плодовъ этого добраго дѣла принятіемъ участія въ его нуждахъ. И вотъ чему радуется апостоль: онъ радуется не тому, что они оказали ему помощь въ его трудныхъ обстоятельствахъ, а тому радуется, что они снова могутъ творить дѣла любви и милосердія. А что это такъ, то слѣдующія за тѣмъ слова его служатъ подтвержденіемъ тому: «говорю это не потому—продолжаетъ онъ—что нуждаюсь; ибо я научился быть довольнымъ тѣмъ, что у меня есть. Умѣю жить и въ скудости, и въ изобиліи; научился всему и во

всемъ,—быть въ сытости и терпѣть голодъ, быть и въ обиліи и въ недостаткѣ». *Вся могу о укрѣпляющемъ мя Иисусъ Христъ* (Филип. IV, 11—13).

Откуда же истекаетъ радость твоя, о великій Павелъ? Что радуешь тебя, что питаетъ тебя, человѣче, обновившійся въ познаніи Бога *по образу Создавшаго* тебя (Кол. III, 10), *душе живая*, преукрашенная добродѣтелию столь высокаго воздержанія, языкъ велерѣчивый, коего слово быстрѣ полета *крылатыхъ птицъ* повсюду возвѣщаетъ тайны спасенія нашего?! Да, таковымъ душамъ подобаешь эта пища. Чтоже тебя питаетъ? Радость. Но послушаемъ, что онъ говоритъ далѣе. «Впрочемъ вы поступили хорошо—говорить онъ—принявъ участіе въ моей скорби» (Филип. IV, 14). Вотъ откуда истекаетъ его радость, вотъ что его питаетъ; это то, что они доброе дѣло сдѣлали, а не то, что его скорбь облегчилась при ихъ участіи,—скорбь того, который съ пророкомъ взываетъ къ Тебѣ: *въ скорби распространилъ* (утѣшилъ) *меня еси* (Псал. IV, 2), потому что онъ научился и въ счастіи не превосноситься и въ несчастьи не увывать, съ Тобою, такъ какъ Ты укрѣпляешь его. «Вы знаете, филиппійцы, что въ началѣ благовѣствованія, когда я вышелъ изъ Македоніи, ни одна церковь не сказала мнѣ участія подаваніемъ и принятіемъ, кромѣ васъ однихъ; вы и въ Фессалонику и разъ и два присылали мнѣ на нужды мои» (Филип. IV, 15, 16). И онъ радуется теперь, видя ихъ снова возвращающихся къ добрымъ дѣламъ благотворительности, утѣшается ими, какъ земледѣлецъ доброю землею, которая послѣ неблагопріятной для ней поры вновь покрывается плодотворною зеленью.

Но не вытекала ли эта радость изъ корыстолюбивыхъ видовъ апостола, такъ-какъ онъ, выставляя щедрость филиппійцевъ, говоритъ объ нихъ, что они часто посылали

даянія на удовлетвореніе нуждъ его—въ *требованіе мое пошлаете ми* (стих. 16)? Не этимъ ли, можетъ быть, утѣшается онъ? Конечно, нѣтъ! Откуда же мы знаемъ это? Онъ самъ даетъ намъ не такъ разумѣть и не такъ понимать свои слова, когда въ слѣдъ за тѣмъ, какъ бы въ отклоненіе отъ себя такого подозрѣнія, прибавляетъ къ нимъ и слѣдующія слова: говорю же это, *не яко ишу даянія, но ишу плода*, умножающагося въ пользу вашу (тамже—17). Ты внушаешь намъ, Боже нашъ, полагать различіе между *даромъ и плодомъ*. *Даръ* есть самая вещь, подаемая ближнему, какъ милостыня, въ которой онъ нуждается; таковы деньги, пища, питіе, одежда, подкровный пріютъ и всякое вспомошествованіе. А *плодъ* есть добрая и чистосердечная воля дателя. Такъ благій Учитель нашъ къ словамъ своимъ: *пріемлай пророка*, не напрасно же прибавляетъ; *во имя пророче*, и къ словамъ: *пріемлай праведника*, присовокупляетъ: *во имя праведниче*; и тутъ же общаетъ, что тотъ *мзду пророку приметъ*, а тотъ *мзду праведнику приметъ*. Равнымъ образомъ, сказавъ: *и иже аще напоитъ единаю отъ малыхъ сихъ чашею студены воды токмо*, не ограничился этимъ, но добавилъ *во имя ученика*; и тутъ же завѣряетъ: *аминь глаголю вамъ, не погубитъ мзды своея* (Матѳ. X, 41. 42). Во всѣхъ сихъ добрыхъ дѣлахъ благотворительности *даръ* состоитъ въ принятіи пророка, въ принятіи праведника, въ поданіи стакана воды студеной ученику; а *плодъ*—въ томъ, что эти принятія и это подаваніе сотворены во имя пророка, во имя праведника, во имя ученика. Такимъ *плодомъ* благотворенія питала пророка Ілію вдова сарептская, которая признавала его за *человѣка Божія*, и по тому самому съ такимъ расположеніемъ души принимала и питала его; а то, чѣмъ питали его враны въ пустынѣ, было не болѣе, какъ *даръ* благотворенія (3 Цар. XVII, 6. 15).

23; Лук. IV, 26. XXI, 2—4). И въ Иліѣ питался пищею не внутренній (духовный) человѣкъ его, а внѣшній (плотской); такъ-какъ этотъ только человѣкъ могъ бы въ немъ прійти въ изнеможеніе отъ недостатка пищи.

ГЛАВА 27.

Поэтому я хочу коснуться еще одного предмета, не чуждаго истины, и высказаться о немъ предъ Тобою, Господи! Когда люди лишены ума (*idiotae*) и при томъ невѣрующіе [а для того, чтобы обратить ихъ и содѣлать полезными людьми, необходимо сообщить имъ начатки тайнъ вѣры и о величій чудесъ ея, образы кѣихъ представляемъ себѣ въ *рыбахъ* и *китахъ*],—когда эти люди дѣлаютъ пожертвованія рабамъ Твоимъ (*peces tuos*) въ ихъ нуждахъ вещественными подаваніями и вообще помогаютъ имъ въ житейскихъ потребностяхъ, не сознавая, почему они должны это дѣлать и для какой цѣли; то ни они не питаютъ тѣхъ, ни тѣ не питаются отъ нихъ, потому-что ни они не творятъ своихъ дѣлъ благотворительности съ святою и чисто-сердечною волею, ни тѣ не могутъ ощущать радости отъ ихъ даровъ, не видя въ нихъ никакого *плода*. Ибо душу питаетъ то, что радуется ея. И потому-то *рыбы* и *киты* не питаются пищею изъ тѣхъ произрастеній, которыя производитъ *земля* отдѣленная и разобщенная отъ горечи *морскихъ* водъ.

ГЛАВА 28.

И видѣ Богъ вся, елика сотвори: и се добра зъло, п проч. (Быт. 1, 31).

И видѣ Богъ вся, елика сотвори, и се добра зъло. И мы видимъ это, *и се вся добра зъло*. При всѣхъ родахъ твореній Твоихъ, вызываемыхъ порознь изъ небытія въ бытіе, Ты каждое отдѣльно обзрѣвалъ и про-

износилъ надъ нимъ свой судъ одобрительный: *и видю Бога, яко добро*. Семь таковыхъ приговоровъ насчиталъ я въ писаніи Твоемъ о твореніяхъ Твоихъ; а это осьмой при общемъ обзорѣніи Твоемъ всѣхъ твореній въ ихъ совокупности, которымъ не только подтверждаются всѣ предыдущіе, но и возвышаются въ цѣломъ совершенствѣ: *и се вся, елика сотвори, добра*. Въ отдѣльности разсматриваемыя, порознь, онѣ оказались *добрыми*; а въ совокупности, въ одномъ цѣломъ *зло добрыми*. Тоже самое можно сказать и о всякой вещи прекрасной. И въ самомъ дѣлѣ, всякая вещь, изъ какихъ бы прекрасныхъ частей составлена ни была, всегда прекраснѣе и совершеннѣе является въ своемъ цѣломъ, нежели самыя части ея, въ отдѣльности взятыя, изъ коихъ въ самомъ стройномъ сочетаніи составляется цѣлое, хотя и эти части сами по себѣ также прекрасны.

ГЛАВА 29.

И я повѣрялъ слова Твои, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли семь или восемь разъ останавливался Ты надъ твореніями своими, какъ бы обзорѣвая ихъ и произносилъ судъ свой надъ ними одобрительный, находя ихъ удовлетворяющими Тебя.—и я видѣлъ, что это такъ, но не находилъ въ Твоемъ образѣ воззрѣнія (*in tua visione*) тѣхъ временныхъ актовъ мышленія, изъ коихъ могъ бы заключить, что Ты столько разъ разсматривалъ и подвергалъ обсужденію свои творенія, и, не видя въ томъ ничего подобнаго, воскликнулъ: „о Господи Боже мой! Не ужъ-то писаніе Твое подлежитъ сомнѣнію въ истинности, между тѣмъ какъ оно истекло отъ Тебя же истиннаго и самой Истины? Зачѣмъ же Ты даешь мнѣ разумѣть, что въ твоемъ воззрѣніи или видѣніи ничего нѣтъ свойственнаго времени, тогда какъ Писаніе Твое говоритъ мнѣ, что Ты осматривалъ свои

творенія и давалъ имъ оцѣнку по истеченіи каждаго дня, и, какъ оказывается при повѣркѣ, это повторялось нѣсколько разъ“? На это Ты мнѣ отвѣтствуешь, и какъ Богъ, могущественнымъ гласомъ своимъ потрясая внутренній слухъ раба Твоего и разрѣшая глухоту мою, взываешь: «о человекъ! не сомнѣвайся, что слова Писанія моего суть слова мои, не смотря на то, что писаніе дѣйствительно говоритъ тебѣ во времени, а я говорю тебѣ внѣ времени, такъ-какъ въ Словѣ моемъ нѣтъ его, потому-что Оно совѣчно Мнѣ. Такимъ образомъ, какъ то, что вы видите Духомъ моимъ, я вижу Самъ, такъ и то, что вы говорите тѣмъ же Духомъ моимъ, я говорю Самъ и потому, что вы видите во времени, то я вижу независимо отъ времени; равнымъ же образомъ, о чемъ вы говорите во времени, о томъ я говорю независимо отъ времени».

ГЛАВА 30.

И я внялъ гласу Твоему, Господи Боже мой, и слово истины Твоей, какъ роса благодатная, запало въ душу мою. Я уразумѣлъ и то, какъ безразсудны тѣ, которые не только не удовлетворяются Твоимъ міротвореніемъ, но и порицаютъ его, когда твердятъ, что будто многое творилъ Ты не самостоятельно, а по необходимости, напримѣръ устройство неба и расположеніе на немъ свѣтилъ небесныхъ, будто Ты произвелъ ихъ не Самъ собою изъ созданной Тобою же матеріи, а изъ матеріи существовавшей уже отъ другаго начала,—матеріи, которую Ты только собралъ, привелъ въ порядокъ и устроилъ изъ нея всемірное зданіе, воздвигнувъ эту твердыню послѣ побѣды надъ врагами, съ тѣмъ чтобы этимъ поставить ихъ на будущее время въ невозможность возставать противъ Тебя; будто многого Ты не только не творилъ, но и не устраивалъ даже, каковы всѣ плотяныя существа, и всѣ мельчайшія животныя, и всѣ растенія. вор-

нями своими утверждающіяся на землѣ и все это происходитъ будто отъ иного начала, Тебѣ враждебнаго и сопротивнаго, котораго Ты не творилъ, заражаясь и образуясь въ низшихъ слояхъ міра. Такъ сумазбродствуютъ тѣ, у коихъ взглядъ на творенія Твои не по Духу Твоему, и потому они не познаютъ Тебя въ нихъ ¹⁾).

ГЛАВА 31.

Что же касается тѣхъ, которые смотрятъ на творенія Твои по внушенію Духа Твоего; то они видятъ ихъ такъ, какъ ты видишь ихъ, потому что они чрезъ Тебя видятъ ихъ. Итакъ, когда они видятъ, что творенія Твоя добры, то это потому, что Ты видишь ихъ таковыми; и если что любятъ потому, что Ты любишь это, то въ этомъ самомъ они любятъ Тебя; и все то, что мы любимъ подъ внушеніемъ Духа Твоего, все это и Ты любишь въ насъ, какъ и насъ самихъ. *Кто бо вѣсть отъ человѣкъ, говоритъ апостолъ, яже въ человѣцѣ, точію духъ чловѣка живущій въ немъ? Такожде и Божія никтоже вѣсть, точію Духъ Божій. Мы же не духа міра сего прияхомъ, продолжаетъ онъ, но Духа иже отъ Бога, да вѣмы яже отъ Бога дарованная намъ* (1 Кор. II, 11. 12) Эти слова апостола Павла положительно убѣждаютъ меня въ томъ, что дѣйствительно никто не знаетъ Божіяго кромѣ Духа Божія. «Но какимъ же образомъ»—скажу отъ себя—«какимъ образомъ можемъ мы знать и быть увѣрены, что это даруется намъ отъ Бога»? На это внутренній голосъ отвѣчаетъ мнѣ: «какъ вѣрно то, что никто не знаетъ Божіяго, кромѣ Духа Божія; такъ вѣрно и то, что мы прием-

---

¹⁾ Здѣсь Августинъ имѣетъ въ виду манихеевъ своего времени.

лемъ этотъ даръ отъ Бога по внушенію Духа Божія». И въ самомъ дѣлѣ. Если тѣмъ, которые Духомъ Божиимъ говорили, вѣрно сказано было напередъ: *не вы бо будете глаголющии, но Духъ Святой; глаголай въ васъ* (Матѳ. X, 20; Мар. XIII, 11; Лук. XII, 12); то съ такою же вѣрностію можно заключать и о тѣхъ, которые вѣдаютъ (познаютъ) Духомъ Божиимъ, примѣняя къ нимъ слова: «не вы бо будете вѣдающе, но Духъ Божій, живущій въ васъ». Равнымъ образомъ съ такою же вѣрностію можно сказать и о тѣхъ, которые видятъ Духомъ Божиимъ, примѣняя и къ нимъ слова: «не вы бо будете видяще, но Духъ Божій, живущій въ въ васъ». Такимъ образомъ все, что они видятъ Духомъ Божиимъ и находятъ добрымъ, все это видятъ они не сами собою, а видитъ въ нихъ Богъ и признаетъ добрымъ. Итакъ, иное дѣло, когда кто-либо принимаетъ за зло то, что само въ себѣ добро, каковы тѣ безумцы, о которыхъ мы только что говорили ¹⁾; а иное, когда добро принимаетъ человѣкъ за добро, какъ это большею частію людямъ нравятся Твои творенія по своей красотѣ и добротѣ, но для которыхъ не Ты составляешь въ нихъ предметъ ихъ любви, а самыя творенія Твои служатъ для нихъ предметомъ любви, такъ-что они болѣе находятъ наслажденія въ твореніяхъ Твоихъ, нежели въ Тебѣ самомъ; и совсѣмъ иное, когда человѣкъ, смотря на Твои творенія и видя ихъ прекрасными, сознаетъ въ тоже время, что онъ видитъ ихъ такъ, какъ Ты видишь ихъ, потому что чрезъ Тебя видитъ ихъ, или, лучше, Ты самъ въ немъ видишь ихъ, такъ-что самъ Ты, какъ Творецъ, становишься для таковыхъ въ твореніяхъ своихъ предметомъ ихъ любви, и таковая любовь къ Тебѣ, Боже, можетъ вселиться въ сердца наши толь-

---

¹⁾ Въ предыдущей 30 главѣ.

го Духомъ Святымъ, даннымъ намъ, какъ и сказано въ Писаніи Твоемъ: *яко любви Божія излияся въ сердца наша Духомъ Святымъ даннымъ намъ* (Рим. 7, 5). И этимъ-то Духомъ Твоимъ мы видимъ, что все добро, что ни существуетъ и какъ бы ни существовало, потому-что оно отъ Того, Кто не какъ-нибудь существуетъ, а существуетъ независимо и самобытно (*qui non aliquo modo est, sed quod est, est*).

ГЛАВА 32.

Благодаримъ же Тебя, Господи! Мы видимъ *небо и землю*, то есть, міръ горній и міръ дольний, иначе, міръ существъ духовныхъ и существа міра вещественнаго; и притомъ, видимъ свѣтъ сотворенный и отдѣленный отъ тьмы, какъ украшеніе всѣхъ частей, изъ которыхъ слагается весь составъ міросозданія или куда входятъ всѣ вообще творенія Твои. Видимъ *твердь небесную*, занимающую мѣсто въ мірозданіи между водами надъ нею, верхними, которыя духовны, и водами подъ нею, нижними, которыя вещественны¹⁾, или то воздушное пространство, называемое также небомъ, гдѣ летаютъ птицы небесныя между водами, которыя образуются отъ испареній земли, и, поднимаясь вверху въ видѣ облаковъ, носящихся надъ нами, снова падаютъ на землю, орошая ее или въ видѣ дождей, при большомъ сгущеніи и на-

---

¹⁾ Въ критическомъ обзорѣннн сочиненій своихъ (*Retractationes lib. II. cap. 6. n. 2*) блаж. Августинъ, пересматривая свою „*Исповѣдь*“, дѣлаетъ на это мѣсто такое замѣчаніе: „Въ тринадцатой книгѣ „*Исповѣди*“ своей, говоря въ сокращенномъ обзорѣ о міротвореніи, я сказалъ между прочимъ: *firmamentum factum inter spirituales aquas superiores et corporales inferiores* (глав. 32)“. „Это—продолжаетъ онъ—сказано не совсѣмъ обдуманно“, и къ тому прибавляетъ: да и самое дѣло это непостижимо для насъ».

копленіи облачной влаги, или въ видѣ легкой росы, ночью, даже въ безоблачное время, и между водами, которыя по своему тяготѣнію совершаютъ теченіе на землѣ. Видимъ величественное зрѣлище въ *собраніи водъ* на безпредѣльныхъ пространствахъ *морей*, и *землю—сушу*, сперва невидимую и неустроенную (безъобразную), а потомъ получившую видъ и устройство (образъ или форму и какъ бы нарядъ), чтобы сдѣлаться видимою и стройною, и затѣмъ являющуюся способною производить разнородныя *травы и деревья*. Видимъ надъ собою на тверди небесной *свѣтила*, освѣщающія землю—*большее свѣтило (солнце)*, во область дне, которое удовлетворяетъ дню, а *меньшее свѣтило (луну)* и *звѣзды*, во область ночи, которыя умѣряютъ темноту ночи (Псал. СXXXV, 7—9), и все дни служатъ для обозначенія и выраженія *временъ*. Видимъ повсюду стихію влажную, производящую съ одной стороны всякаго рода *рыбъ*, плавающихъ въ ней, а съ другой всякаго рода *птицъ пернатыхъ* (крылатыхъ), летающихъ по ней, такъ-какъ отъ испаренія водъ плотность воздуха, въ которомъ онѣ летаютъ, до того сгущается, что даетъ ему возможность поддерживать ихъ въ полетѣ. Видимъ наконецъ, какимъ безчисленнымъ множествомъ существъ земнородныхъ, имѣющихъ *душу живу*, украшено лице земли, и насколько выше всѣхъ ихъ поставляется *человѣкъ*, созданный *по образу и по подобію* Твоему, именно этимъ образомъ и подобіемъ Твоимъ, то есть, насколько разумностію духовной природы своей превосходитъ онъ прочія твари, не обладающія этимъ божественнымъ даромъ, и господствуетъ надъ ними. И какъ въ духовной природѣ его есть сторона, которая силою разумности, господствуетъ и управляетъ, и есть сторона, которая по своей зависимости должна подчиняться, такъ и въ тѣлесной его природѣ мы видимъ, что не мужъ созданъ для жены, но жена для мужа (1 Кор. XI,

9; Быт. II, 18. 21—23. III, 16), которая, хотя такую же имѣетъ душу разумную, но какъ жена, по своему полу тѣлесному, предназначена повиноваться мужескому полу, подобно тому, какъ всякое душевное побужденіе къ дѣятельности подвергается предварительному обсужденію здраваго разсудка, чтобы предпринимаемое дѣло могло быть поведено хорошо и съ умѣньемъ. Мы видимъ все это, Господи, видимъ и познаемъ, что каждое изъ твореній Твоихъ порознь—*добро*, и что *вся, елика сотворилъ Ты, въ цѣломъ своемъ—добра злыо*.

ГЛАВА 33.

Да восхвалять же Тебя, Господи, дѣла Твоя, чтобы намъ возлюбить Тебя; и да возлюбимъ Тебя, чтобы дѣла Твои прославили Тебя,—всѣ творенія Твои, которыя во времени имѣютъ свое начало и свой конецъ, свое восхожденіе и свое захожденіе, свой ростъ и свое умаленіе, свое относительное превосходство и свои относительные недостатки. Всякая такимъ образомъ преемственность во времени имѣетъ свое утро и свой вечеръ, хотя эта измѣняемость твореній Твоихъ въ однихъ изъ нихъ выражается нагляднѣе, а въ другихъ сокровеннѣе. Ибо Ты все произвелъ не изъ самой субстанции своей, а изъ ничего, по своему творчеству, и не изъ какой-либо матеріи, независимой отъ Тебя или существовавшей до Тебя, а изъ матеріи, совмѣстно, т. е. тогда же, сотворенной Тобою, сперва невидимой и неустроенной (безъобразной), но вслѣдъ затѣмъ, безъ всякаго промежутка времени, принявшей видъ и образъ и явившейся во времени уже, по устройствѣ самыхъ твореній. И конечно, такъ-какъ иное дѣло матерія неба и земли, которая для образованія ихъ требовала формы, а иное дѣло форма неба и земли, которая для образованія ихъ предполагала матерію; то Ты первоначальную для того матерію сотворилъ изъ ничего, а

изъ этой уже матеріи образовалъ міръ (небо и землю) со всѣми его твореніями, впрочемъ и то и другое совмѣстно, такъ-что за твореніемъ матеріи непосредственно слѣдовало и твореніе *формы*, безъ всякаго промежутка времени (*nulla morae interscapedine*).

ГЛАВА 34.

Вникали мы и въ смыслъ иносказательный мірозданія Твоего, и видѣли, что какъ въ самомъ созиданіи, такъ и въ описаніи онаго, каждое твореніе Твое само по себѣ *хорошо* и всѣ вмѣстѣ *весьма хороши*; что чрезъ Твое Слово, чрезъ *Единороднаго* Твоего, сотворилъ Ты *небо и землю*, и что онѣ сотворены прежде всѣхъ временъ, прежде нежели день и ночь стали чередоваться между собою, потому-что онѣ существовали въ предвѣчномъ предопредѣленіи Твоемъ, небо—какъ глава, а земля—какъ тѣло Церкви Твоей. Но Ты сталъ проявлять во времени то, что у Тебя существовало отъ вѣчности; тогда, съ одной стороны для раскрытія и уясненія сокровенныхъ судебъ Твоихъ, а съ другой для возстановленія падшей природы нашей, которая чрезъ грѣхопаденіе отпала отъ Тебя въ бездну помраченія,—тогда *Духъ Твой благій* сталъ *носиться* надъ нами, подавая намъ помощь *во время благопотребно*; тогда Ты, возстановляя падшую природу нашу, оправдалъ неправды наши своею праведностію въ Единородномъ Сынѣ Твоемъ, *невѣдывшаго грѣха по насъ грѣхъ сотворивъ*, въ удовлетвореніе правосудію своему, *да мы будемъ правда Божія о Немъ* (2 Кор. 5, 21); тогда Ты отдѣлилъ вѣрующихъ, обратившихся къ Тебѣ съ покаяніемъ, отъ невѣрныхъ, пребывшихъ въ нераскаяніи, утвердивъ авторитетъ божественныхъ писаній Твоихъ между старшими (начальствующими), которые, внимая внушеніямъ Твоимъ, способны къ наставленію другихъ, и младшими (подчиненными),

которые, требуя наставленія отъ другихъ, должны слушаться ихъ; и какъ соединилъ Ты вѣрныхъ въ одно тѣло, связанныхъ между собою одною душою, такъ собралъ Ты во едино и невѣрныхъ, чтобы тѣмъ болѣе проявилась къ этимъ несчастнымъ святая ревность у вѣрныхъ и открылись предъ Тобою дѣла ихъ милосердія и любви къ нимъ, когда они дѣлятся съ нуждающеюся и не имущою братією и земными благами, чтобы стяжать блага небесныя. И тогда-то возжегъ Ты *свѣтильники на тверди небесной*, этихъ свѣтоносныхъ мужей Твоихъ, которые, держа въ себѣ слово жизни, могли бы проливать свѣтъ богопознанія своего и на другихъ, силою тѣхъ высокихъ даровъ духовныхъ, которыми Ты почтилъ ихъ предъ другими; тогда явилъ Ты и тѣ таинственныя дѣйствія и поразительныя чудеса, которыя употребляютъ Тобою для вразумленія и обращенія къ Себѣ народовъ невѣрныхъ, и тѣ могущественныя глаголы благовѣстниковъ Твоихъ, на основаніи *тверди Писаній Твоихъ*, чрезъ посредство коихъ изливаются благословенія Твои и на вѣрныхъ. И все это предъизобразилъ Ты въ міротвореніи. Наконецъ Ты даровалъ вѣрующимъ средства образовать въ себѣ *душу живу* чрезъ обузданіе страстей силою воздержанія, и затѣмъ возобновилъ (возстановилъ) въ духѣ ея свой *образъ и подобіе* свое, такъ-что она, имѣя въ Тебѣ истый образецъ для своего подражанія и оставаясь одному Тебѣ во всемъ послушною, не нуждается болѣе ни въ авторитетѣ человѣческомъ, ни въ примѣрахъ другихъ людей, подобныхъ себѣ, и такимъ образомъ подчинилъ разумныя дѣйствія ея разуму, озаренному свѣтомъ ума божественнаго, подобно тому, какъ подчинилъ Ты жену мужу; но не смотря на то, для таковаго усовершенія вѣрныхъ, Ты нашелъ необходимымъ здѣсь на землѣ установить въ церкви своей служителей слова Твоего, которые служили бы въ томъ живыми органами между ними и

Тобою; и выразилъ въ томъ же словѣ своемъ, чтобы этимъ служителямъ Твоимъ тѣже вѣрные члены цѣркви помогали за то въ ихъ временныхъ нуждахъ дѣлами милосердія своего, которыя и имъ самимъ принесутъ плодъ въ вѣчности. Все это мы видимъ, Господи, и *вся дѣла Твоя добра злы*; потому-что Ты Самъ видишь ихъ въ насъ, Ты, Который даровалъ намъ Духа, чтобы чрезъ Него могли мы видѣть ихъ и въ нихъ любить Тебя.

ГЛАВА 35.

Даруй же намъ, Господи Боже нашъ, миръ (такъ-какъ Ты все уже *въ шесть дней* (Быт. II, 2; Исх. XX, 11. Евр. IV, 4). совершилъ для насъ); даруй намъ миръ покая, миръ субботы, субботы вѣчной, у которой нѣтъ уже вечера. Ибо весь этотъ прекраснѣйшій порядокъ столь прекрасныхъ твореній, по совершеніи ихъ, долженъ имѣть конецъ. Всѣ онѣ какъ имѣли во времени свое *утро*, такъ должны имѣть во времени и свой *вечеръ*.

ГЛАВА 36.

Но *день седьмой* не имѣетъ уже вечера, онъ безконеченъ; потому-что Ты *освятилъ* его и *благословилъ* на вѣчное *субботство* (Быт. II, 3; Евр. IV, 1—10). И слово Твое возвѣщаетъ намъ, что какъ Ты *почилъ въ день седьмой отъ всѣхъ дѣлъ своихъ*, такъ прекрасно и такъ дивно сотворенныхъ Тобою, хотя Ты творилъ ихъ безъ всякаго нарушенія покоя своего; такъ и мы, по совершеніи дѣлъ нашихъ, которыя потому и хороши у насъ, что они *суть даръ Твоей благодати, внидемъ въ покой Твой* и успокоимся въ Тебѣ *субботствованіемъ* вѣчной жизни (тамже-же).

ГЛАВА 37.

Тогда и Ты почиешь въ насъ такъ, какъ теперь дѣйствуешь въ насъ; и этотъ покой Твой въ насъ, которымъ

мы будемъ наслаждаться *тамъ*, будетъ подобенъ дѣламъ Твоимъ, которыя Ты совершаешь въ насъ *здѣсь*. И Ты, Господи, какъ всегда дѣйствуешь, такъ всегда и покоишься; и какъ всегда покоишься, такъ всегда и дѣйствуешь. Самъ Ты не подчиняешься въ дѣйствіяхъ своихъ законамъ времени: Ты и созерцаешь внѣ времени, и дѣйствуешь внѣ времени, и покоишься внѣ времени, и однако творишь и явленія временныя и самое время и покой во времени.

ГЛАВА 38.

Итакъ мы *видимъ* творенія Твоя, Господи, потому что они *существуютъ*; но они *существуютъ* потому, что Ты *видишь* ихъ: иначе они и мы сами не существовали бы. И мы, поколику они существуютъ, видимъ внѣшнюю ихъ сторону; а поколику они добры, видимъ внутреннюю ихъ сторону: Ты же видѣлъ ихъ таковыми и тогда, когда они не были еще сотворены, прежде всякаго времени, такъ какъ мы видимъ ихъ теперь, когда они получили уже бытіе, во времени. И теперь, когда Ты даровалъ намъ *Духа Святаго*, и *Духъ твой благій* наставилъ насъ на путь *правый*, мы содѣлались способными творить дѣла добрыя; а было время, когда мы, удалившись отъ Тебя *на сторону далече*, не могли творить ничего добраго: Ты же, *единный всеблагій Боже*, никогда не перестаешь творить добро. И хотя мы, при содѣйствіи Твоей благодати, и можемъ творить и творимъ добрыя дѣла, но и эти дѣла наши не вѣчны; только они, по непреложному слову Твоему, подаютъ намъ дерзновеніе вѣрить и уповать, что и мы нѣкогда войдемъ во святилище Твоего вѣчнаго покоя: Ты же, будучи высочайшее Благо и самая Благодать, не нуждаясь ни въ какомъ благѣ, наслаждаешься безначальнымъ и безконечнымъ покоемъ, ибо покой Твой—въ Тебѣ самомъ. Но кто изъ человѣковъ уяснитъ человѣку эту неизъяснимую для

насъ тайну? Кагой ангель раскроетъ ее предъ ангелами, или кто изъ нихъ дастъ уразумѣть ее намъ-человѣкамъ? Тебя должны мы *просить*, у Тебя надлежитъ намъ *искать*, къ Тебѣ должно обратиться и *стучать*, Владыко и Господи! Только такимъ образомъ будетъ намъ *дано*, такимъ только образомъ *отверзется* намъ (Матѳ. 7—11). Аминь.

ОГЛАВЛЕНІЕ

I-й части

Твореній блаженнаго Августина.

Жизнь и творенія бл. Августина стр. 1—46

Исповѣдь (Confessiones) блж. Августина.

Книга первая	1	стр.	28
— — вторая	29	—	44
— — третья	44	—	66
— — четвертая	66	—	96
— — пятая	96	—	123
— — шестая	124	—	157
— — седьмая	158	—	196
— — осьмая	197	—	233
— — девятая	233	—	268
— — десятая	269	—	321
— — одиннадцатая	321	—	369
— — двѣнадцатая	369	—	418
— — тринадцатая	418	—	473